СБОРНИКЪ

ПРАВОВѢДѢНІЯ

И

ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

ТРУДЫ

ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, СОСТОЯЩАГО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, И ЕГО СТАТИСТИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1898.

2178
АКАДЕ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Московское Юридическое Общество, озабочиваясь печатаніемъ своихъ протоколовъ и другихъ работъ Общества, его Статистическаго Отдѣленія и Коммиссій, и признавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что Общество призвано, въ предѣлахъ доступныхъ ему средствъ, содѣйствовать печатанію работъ своихъ членовъ, въ годовомъ засѣданіи своемъ 18 февраля 1893 г. постановило издавать, начиная съ 1893 года, Сборникъ, подъ заглавіемъ. „Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Сборникъ этотъ имѣетъ выходить въ свѣтъ отдѣльными томами по мѣрѣ накопленія матеріала, одинъ или два раза въ годъ. Въ Сборникѣ будутъ помѣщаться какъ работы членовъ Московскаго Юридическаго Общества по предметамъ, входящимъ въ кругъ преподаванія на юридическихъ факультетахъ, такъ и труды самого общества, выражающіеся въ протоколахъ засѣданій Общества, его Отдѣленія и Коммиссій, въ составляемыхъ имъ по разнымъ предметамъ проэктамъ и заключеніямъ и т. п.

Въ настоящее время во исполненіе изложеннаго постановленія выпускается въ свѣтъ второй томъ Сборника.

ОГЛАВЛЕНІЕ II ТОМА.

		Стран.
I.	Право и справедливость. С. А. Муромцева	1
II.	Первая постановка вопроса о всеобщемъ голосованіи. М. М. Ковалевскаго	13
III.	Преподаваніе психіатріи для юристовъ В. П. Сербскаго .	44
IV.	Федеративныя формы современнаго государства. Гр. Л. А. Камаровскаго	58
V.	Процессъ исполненія рѣшеній по новому закону. Г. Л. Вербловскаго	70
VI.	Неурожай 1891 года и вызванный имъ продовольственный кризисъ. Л. Н. Маресса	86
VII.	Московское управленіе въ Вильнѣ XVII вѣка. В. Н. Сторожева	111
VIII.	Новое изслѣдованіе о бытѣ рабочихъ во Франціи. С. М. Блеклова.	126
IX.	Формы общиннаго владѣнія на Алтаѣ. С. П. Швецова .	145
X.	Движеніе дѣлопроизводства въ общихъ судебныхъ установленіяхъ. Е. Н. Тарновскаго	192
XI.	Хроника:	
	Съѣздъ Международнаго права въ Женевѣ въ 1892 году. Гр. Л. А. Камаровскаго.	1 — 31
	Русское законодательство въ первой половинѣ 1893 года. А. Уголовное законодательство. С. И. Викторскаго.	32 — 43
	Б. Экономическое и финансовое законодательство. М. Н. Соболева.	43 — 51
	Литературное обозрѣніе:	
	А. Русская литература по гражданскому праву. И. А. Базанова.	51— 87
	Б. Русская экономическая литература. М. Н. Соболева.	88—121
	Статистическое Отдѣленіе Московскаго Юридическаго Общества въ 1892—93 году	122—156
	Юридическіе диспуты	157—168
	Разныя извѣстія и замѣтки	169—184

ПРАВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ.

(Отрывокъ изъ публичной лекціи) [1]).

...Развитіе общества не всегда представляетъ прогрессивное движеніе. Встрѣчается такая совокупность условій, при которой всѣ тѣ свойства, которыя создаютъ общественность, не ростутъ, но, наоборотъ, постепенно умаляются; заботы личнаго существованія все болѣе и болѣе охватываютъ отдѣльныхъ личностей и общественная связь между ними ослабѣваетъ и распадается; дикость, узкій эгоизмъ, чувственность проникаютъ въ нравы и мысль утрачиваетъ свое тяготѣніе къ идеальному. Такое состояніе представляетъ собою постепенное разложеніе общественности. Было бы поучительно остановиться на немъ, чтобы выяснить его наиболѣе частыя причины, его обыкновенныя стадіи и возможные исходы; но въ настоящую минуту насъ интересуетъ болѣе тотъ типъ развитія общества, при которомъ совершается его поступательное или прогрессивное движеніе. Въ этомъ состояніи общественность ростетъ; отдѣльныя лица все болѣе и болѣе втягиваются въ круговоротъ общественной жизни, общественная связь все болѣе и болѣе оплетаетъ ихъ своею сложною паутиною, и нити этой паутины развѣтляются и утончаются; въ кругъ личной жизни проникаетъ свѣтъ общественныхъ идеаловъ; самыя личныя стремленія становятся чище и облагораживаются. Но и это поступательное движеніе общественности не имѣетъ характера равномѣрнаго; напротивъ, оно знаетъ эпохи переворотовъ и рѣзкихъ измѣненій, періоды

[1]) Эта работа въ первоначальномъ своемъ видѣ была напечатана въ „*Сѣверномъ Вѣстникѣ*“, 1892 г., № 2; въ настоящее время она предлагается вниманію читателя въ видѣ исправленномъ и дополненномъ.

болѣе или менѣе продолжительной борьбы, смѣняющіеся состояніями относительнаго покоя или равновѣсія отдѣльныхъ общественныхъ элементовъ. За тревожными, полными возбужденія и лихорадочной дѣятельности временами слѣдуютъ состоянія, когда въ общественныхъ отношеніяхъ укрѣпляется тотъ или иной относительно прочный, порядокъ, и въ людяхъ возникаетъ увѣренность въ его нормальности и неприкосновенности. Категоріи лицъ и общественные классы, достигшіе путемъ предшествующей борьбы господствующаго, преобладающаго надъ другими, положенія, пользуются всѣми его преимуществами, получая львиную долю при распредѣленіи матеріальныхъ и идеальныхъ благъ, доступныхъ обществу даннаго времени. Классы, побѣжденные или вообще устраненные отъ общаго раздѣла, покоряются выпавшему на ихъ долю жребію. Существующее положеніе признается неизбѣжнымъ, терпѣливое подчиненіе року—разумнѣйшимъ отношеніемъ къ окружающей дѣйствительности.

Въ такомъ состояніи общества нѣтъ благопріятныхъ условій для образованія взаимной противоположности права и справедливости. Господствующій правовой порядокъ въ сознаніи громаднаго большинства имѣетъ почти безусловный авторитетъ. Мыслящіе представители общества выводятъ дѣйствующее право изъ божественныхъ началъ или изъ отвлеченнѣйшихъ принциповъ, которые представляются имъ независимыми отъ человѣческихъ стремленій и воззрѣній. Болѣе, чѣмъ когда-либо, правовое міросозерцаніе общества проникнуто въ такія эпохи объективизмомъ.

Важно отдать себѣ отчетъ въ этомъ послѣднемъ явленіи, ибо оно касается не одной области права: всюду, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ человѣческою мыслью, всюду, гдѣ человѣкъ пытается стать въ сознательное отношеніе къ окружающему міру, тамъ наблюдается объективизмъ.

Постоянно замѣчается у людей наклонность приписывать идеямъ нѣкоторое самобытное существованіе,—мыслить ихъ какъ нѣкоторый самостоятельный, самобытный объектъ,—однимъ словомъ объективировать ихъ. Эта наклонность выражается въ разнообразныхъ формахъ. Чѣмъ менѣе развито въ человѣкѣ самосознаніе, чѣмъ непосредственнѣе относится онъ къ окружающему и къ результатамъ своей собственной дѣятельности, тѣмъ болѣе существуетъ задатковъ для развитія объективизма. Потому мы встрѣчаемъ его во всей силѣ въ обыденныхъ воззрѣніяхъ людей. Каждый данный порядокъ отношеній, существующій въ какомъ-либо обществѣ или общественномъ кругу,

покоится на соотвѣтствующемъ порядкѣ идей, которыя образуютъ собою продуктъ долгой, исторической работы человѣчества. Но въ обыденномъ міровоззрѣніи быстро забываются трудъ и борьба, потраченные на ихъ пріобрѣтеніе. Этотъ трудъ и эту борьбу помнятъ переживавшія ихъ поколѣнія, о нихъ вспоминаетъ, руководствуясь разсказами своихъ отцовъ и дѣдовъ, ихъ ближайшее потомство. Но чѣмъ болѣе времени проходитъ отъ момента окончанія сказанной работы, тѣмъ болѣе переступаетъ она изъ области дѣйствительности въ область преданія. Будучи воспитаны въ извѣстномъ порядкѣ отношеній, привыкнувъ съ самаго дѣтства видѣть въ немъ нѣчто необходимое, неизбѣжное, существующее уже раньше нихъ, люди не спрашиваютъ, почему онъ существуетъ. Онъ нуженъ, потому что существуетъ и существуетъ, потому что нуженъ,—эта petitio principii замѣняетъ объясненіе. Для простого ума весь окружающій общественный строй обладаетъ абсолютною необходимостью, потому что такой умъ не въ состояніи представить себѣ иного положенія вещей. Онъ самъ не испыталъ и обыкновенно не видалъ ничего другого. И, такъ какъ онъ не работалъ надъ этимъ строемъ, но, напротивъ, этотъ послѣдній какъ-бы самъ пришелъ къ нему,—такъ какъ идеи, на которыхъ покоится этотъ строй, не были для ума продуктомъ его творчества, но предстали передъ нимъ какъ что-то вполнѣ готовое, то онъ не можетъ отказать имъ въ полной самобытности. При такомъ настроеніи ума необразованнаго человѣка самое преданіе о происхожденіи существующаго порядка не можетъ сохраниться въ своей первобытной свѣжести. Не испытавъ творческой роли и судя по себѣ о своихъ предшественникахъ, люди признаютъ въ созданіи руководящихъ идей особенный, необыкновенный актъ. Потому виновники его сами признаются необыкновенными, исключительными личностями, а ихъ трудъ пріобрѣтаетъ, въ глазахъ потомковъ, характеръ откровенія. По воззрѣнію послѣдующихъ поколѣній, эти люди не столько выработали долгими усиліями данный кругъ идей, сколько открыли ихъ, или, вѣрнѣе, сами идеи открылись имъ, какъ лицамъ, которыя обладали особыми, геніальными, божественными качествами. Конечно, многія причины рождаютъ миѳическій колоритъ, покрывающій древнихъ дѣятелей, возводимыхъ то въ бо̀говъ, то въ полубоговъ, то въ героевъ и геніевъ человѣческаго міра,—многія причины создаютъ идею откровенія; но среди означенныхъ причинъ находится, несомнѣнно, и вышеозначенное вліяніе объективизма. Когда новый порядокъ вещей уже основанъ путемъ борьбы—

продолжительной или короткой, болѣе или менѣе настойчивой и бурной, энергія общества обращается на усвоеніе и развитіе вновь выставленныхъ началъ. Въ такіе періоды вырабатываются новыя чувства и наклонности, соотвѣтствующія новому порядку; и когда извѣстная часть этого пути окажется пройденною, міровоззрѣніе общества приспособляется къ новому порядку въ такой степени, что не только забывается вся трудность достиженія его, но изъ памяти общества исчезаетъ всякое ясное представленіе о томъ, что этотъ порядокъ былъ когда-то, можетъ быть еще въ недавнемъ прошломъ, выработанъ людьми. Онъ становится необходимымъ самъ по себѣ до тѣхъ поръ, пока новый слой потребностей не наростетъ съ такою силою, что придется, наконецъ, подвергнуть существующее критикѣ, низвести его на степень обыкновеннаго человѣческаго учрежденія, которое обладаетъ не абсолютною, но лишь условною годностью.

Изъ области обыденнаго міровоззрѣнія объективизмъ передается въ область теоретическаго размышленія. Этотъ переходъ естественъ уже потому, что первоначально не существуетъ рѣзкой грани между обыденнымъ и теоретическимъ размышленіемъ. Первоначальная теорія есть не болѣе, какъ обыденное воззрѣніе, выраженное съ нѣкоторою отчетливостью и приведенное въ нѣкоторый порядокъ. Благодаря такому родству теоріи съ практикой въ теоріи образуется *конкретный объективизмъ*. Онъ состоитъ въ томъ, что отдѣльные принципы, которые руководятъ дѣятельностью людей, и отдѣльныя формы, въ которыя сложились общественныя отношенія, признаются самобытными, вѣчными и неизмѣнными. Не дѣятельность человѣка создала ихъ; ихъ источникъ выше человѣческаго міра. На такой точкѣ зрѣнія стоитъ религіозная мораль; на той же точкѣ зрѣнія стоитъ философская мораль въ періодъ отдѣленія философіи отъ теологіи. Теологія выводитъ помянутые принципы и институты изъ предвѣчной воли божества и приписываетъ имъ тѣ же качества—вѣчность и неизмѣняемость, которыя свойственны самой божественной волѣ. Философія выводитъ эти принципы и формы изъ разума природы или естественнаго разума и, считая его вѣчнымъ и неизмѣняемымъ, характеризуетъ ихъ одинаково съ теологіей. Теоретическій объективизмъ въ только что описанной его формѣ не отличается, такимъ образомъ, отъ объективизма обыденнаго.

Чьи дѣтство и юность прошли въ тихой семейной обстановкѣ, среди однообразно повторявшихся условій мирной жизни, тотъ, можетъ быть, легче всего пойметъ настроеніе ума и чув-

ства, характеризующее собою присутствіе объективизма въ нравственномъ міровоззрѣніи личности. Съ понятіемъ патріархальнаго строя жизни, о которомъ такъ много дѣйствительнаго или вымышленнаго разсказываетъ историческое преданіе, неразрывно связано представленіе о томъ внутреннемъ спокойствіи личности, которое покоится на вѣрованіи въ неприкосновенную прочность окружающаго порядка вещей, не людьми установленнаго и не отъ людей зависящаго. Сфера домашнихъ отношеній остается всегда лучшею школою для развитія объективизма; но не менѣе чуждъ бываетъ онъ также области отношеній общественныхъ и политическихъ. Здѣсь именно зарождается самая теорія его, здѣсь перерабатываются въ болѣе или менѣе ясно сознанные принципы жизни тѣ формы его, которые въ данное время всесильно господствуютъ надъ личностью. Самыя формы домашней жизни получаютъ соотвѣтствующую оцѣнку съ точки зрѣнія политическихъ началъ, управляющихъ обществомъ, и пользуются признаніемъ въ качествѣ священныхъ основъ даннаго политическаго строя. Объективизмъ въ обоихъ своихъ видахъ—обыденнаго и теоретическаго мышленія—свойственъ обѣимъ областямъ жизни: и сферѣ домашнихъ, и сферѣ политическихъ отношеній; но если первая изъ этихъ сферъ есть источникъ обыденнаго объективизма, откуда онъ захватываетъ собою и сферу политическихъ отношеній, то въ области этихъ послѣднихъ надо искать начало того теоретическаго возведенія въ принципъ существующаго строя, которое, будучи предпринимаемо обыкновенно въ интересахъ политическихъ, охватываетъ собою постепенно всю жизнь даннаго общества, во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Какъ бы однако прочно и неподвижно данное состояніе общества ни казалось ему самому, въ немъ происходитъ жизнь, которая подготовляетъ новыя перемѣны. За временемъ спокойнаго, для иныхъ безмятежнаго, для другихъ хотя тяжелаго, но представляющагося неизбѣжнымъ существованія, наступаютъ иныя времена. Зло, угнетеніе слабыхъ, лежащія неизбѣжно въ основѣ каждаго общественнаго порядка, постепенно растутъ и становятся все осязательнѣе; число жертвъ ихъ увеличивается и то, что прежде казалось, можетъ быть, даже случайнымъ, во всякомъ случаѣ необходимымъ и неизбѣжнымъ зломъ, вызываетъ сомнѣніе въ правахъ на свое существованіе. Съ другой стороны привилегіи господствующаго класса, когда-то оправданныя условіями времени, теряютъ постепенно свой первоначальный смыслъ, извращаются путемъ злоупотребленій и легко пріобрѣтаютъ, въ глазахъ большинства, одіозный характеръ; новыя потребности

дают себя знать, и старый порядокъ вещей оказывается неспособнымъ удовлетворить ихъ. Отрицательное отношеніе къ старому порядку становится распространеннымъ явленіемъ, а вслѣдъ затѣмъ намѣчаются и обрисовываются полнѣе и полнѣе новые идеалы...

Интересна метаморфоза, которая въ такомъ переходномъ состояніи общества происходитъ съ объективизмомъ. Возможность этой метаморфозы кроется уже неизбѣжно въ томъ обстоятельствѣ, что объективизмъ принялъ теоретическую форму. Какъ скоро изъ обыденнаго міровоззрѣнія объективизмъ перешелъ въ теорію, его дальнѣйшая судьба опредѣляется такою переработкой. Теоретическое размышленіе вообще шире и глубже размышленія обыденно-практическаго. Оно шире, потому что обнимаетъ большую массу фактовъ въ пространствѣ и времени; оно глубже, потому что такое расширеніе матеріала наталкиваетъ умъ неизбѣжно на сравненія и сопоставленія, которыя чужды мысли при обыденномъ кругозорѣ ея. Эти два преимущества отражаются на объективизмѣ. Наблюдая окружающую жизнь на болѣе широкомъ пространствѣ и въ болѣе продолжительномъ времени, нежели практикъ, теоретикъ открываетъ, что не все, существующее въ его время и въ его обществѣ, находитъ себѣ подобіе въ другія времена и въ другихъ обществахъ. Въ общихъ, наиболѣе существенныхъ чертахъ общественная и человѣческая жизнь на всемъ, извѣстномъ ему пространствѣ, представляетъ несомнѣнное сходство. Но въ другихъ чертахъ присутствуетъ несомнѣнное различіе. Для объясненія этого различія, смотря по обстоятельствамъ, открываются два пути. Если оно не сильно, то происхожденіе явленій, уклоняющихся отъ общаго типа, объясняется какъ фактъ случайный, иногда даже преступный. Не подрывая еще вѣры въ абсолютную необходимость данной формы жизни, это объясненіе возвышаетъ однако значеніе человѣческой дѣятельности, которая, какъ оказывается теперь, можетъ вносить измѣненія въ „вѣчный“ и „неизмѣнный“ естественный порядокъ отношеній. Но во всякомъ случаѣ такое объясненіе не годится, когда различія, открытыя въ формѣ отношеній, черезъ-чуръ велики и распространены. Тогда необходимо иное объясненіе. Приходится отказаться отъ той мысли, что эти отношенія естественны такъ же, какъ и остальныя. Тогда начинаютъ думать, что „естественность“ не распространяется на весь міръ человѣческихъ отношеній. Одна часть этого міра правится естественнымъ разумомъ или закономъ природы; устроеніе же другой части его предоставлено усмотрѣнію человѣка. Такимъ обра-

зомъ расширеніе круга наблюденій ведетъ къ образованію дуализма въ нравственномъ міровоззрѣніи: отсюда не далеко до новаго шага, который углубляетъ зародившееся изслѣдованіе природы человѣческихъ отношеній. Какъ скоро констатированъ фактъ дуализма, открывается вопросъ о причинѣ его. Спрашивается, почему одни принципы и формы естественны предпочтительно передъ другими? Отвѣтъ отыскивается на основаніи связи естественныхъ принциповъ и формъ съ какими либо наиболѣе постоянными свойствами человѣческой или внѣшней природы. При этомъ не замѣчается, конечно, что данныя свойства человѣка или природы не ведутъ еще сами собою къ образованію соотвѣтствующихъ институтовъ. До такого вывода еще далеко все еще неразвитой мысли и она удовлетворяется открытіями, сдѣланными ею.

Описанная метаморфоза объективизма происходитъ обыкновенно въ одинъ изъ тѣхъ періодовъ его развитія, когда въ силу требованій прогресса измѣняется предметъ объективированія. Она вызывается оживленіемъ умственной и нравственной жизни, которое всегда сопровождаетъ эпохи переходовъ общества изъ одного строя и порядка жизни къ другому строю и порядку, болѣе совершенному. Какѣ скоро въ застывшемъ на видъ обществѣ пробуждается новое движеніе, въ области мысли выступаетъ на первый планъ критика существующихъ учрежденій съ точки зрѣнія потребностей новаго времени. Критика подрываетъ и разрушаетъ „естественность“ былого порядка общественныхъ отношеній. Жертвуя имъ, стремятся къ порядку новому, согласному съ новыми условіями жизни. Качество „естественности“ переносится на этотъ послѣдній—изъ прошедшаго и настоящаго оно переходитъ въ будущее, которое постепенно должно опять перейти въ настоящее. Прошедшее опредѣляется, какъ уклоненіе отъ настоящаго, естественнаго пути; естественное совпадаетъ съ идеальнымъ. Въ сущности здѣсь нѣтъ какого-либо коренного измѣненія въ понятіи естественности. „Естественнымъ“, по прежнему, продолжаетъ быть необходимое; но прежде считали необходимымъ существующее, теперь-же, не довольствуясь имъ, считаютъ необходимымъ нѣкоторый будущій, совсѣмъ еще не осуществленный или не вполнѣ осуществленный порядокъ. Тѣмъ не менѣе уже одно это измѣненіе обладаетъ громаднымъ историческимъ значеніемъ, ибо обращаетъ объективизмъ въ факторъ прогресса—до тѣхъ поръ, конечно, пока желаемый порядокъ отношеній не осуществится въ своихъ основныхъ чертахъ. Тогда объективизмъ возвращается вновь къ своему первоначальному

назначенію и освящаетъ осуществившееся противъ дерзновенныхъ посягательствъ на его неприкосновенность.

Но вникнемъ въ это преобразованіе идей въ періодъ переходный,—періодъ, когда борьба, происходящая по преимуществу въ области мысли, подготовляетъ тѣ рѣшительные удары, которые чрезъ долгій или короткій промежутокъ времени должествуютъ поколебать основы существующаго порядка. Объективизмъ, какъ мы показали, перемѣнилъ уже свой объектъ; разорвавъ съ прошлымъ, онъ все-же наклоненъ къ объектированію своихъ идеаловъ. Міръ отношеній и принциповъ раздѣляется на міръ „естественный“ абсолютно-необходимый и „внѣестественный“, условно-необходимый. Съ одной стороны человѣка и гражданина связываютъ историческія формы жизни, сила которыхъ лежитъ въ существующей общественной и государственной организаціи; съ другой — его манятъ къ себѣ новыя, идеальныя формы, улыбающіяся его воображенію и упованіямъ. Трудно исчерпать немногими словами все содержаніе нравственнаго перерожденія общества, которое происходитъ при этомъ. Для ума, который уже убѣдился въ обветшалости существующаго, мало привлекательна практическая работа, связанная условіями историческихъ общественныхъ формъ; лучшіе элементы общества отстраняются отъ такой работы, томимыя жаждою работы преобразовательной, и практическая работа сосредоточивается въ рукахъ людей, среди которыхъ политическій и нравственный индиферентизмъ является господствующею чертою. Въ эпоху, наиболѣе близкую къ моменту окончательнаго разрушенія стараго порядка, его охранители и блюстители рѣдко отличаются доблестями, которыя нормальный порядокъ вещей предполагаетъ въ служителяхъ государственнаго и общественнаго дѣла.

Вотъ въ такое-то время вопросъ о правѣ и справедливости играетъ въ общественномъ сознаніи первенствующую роль; въ противоположности двухъ этихъ понятій — справедливости и права, общественное сознаніе воплощаетъ то двойственное состояніе, которое оно переживаетъ, насколько такой дуализмъ касается области правовыхъ отношеній. Справедливость и право въ этой послѣдней области выражаютъ собою ту борьбу, которая никогда не ограничивается какою-либо одною областью, а идетъ широкимъ потокомъ, захватывая собою всю совокупность общественныхъ отношеній.

Въ самомъ дѣлѣ, въ своемъ наиболѣе рѣзкомъ очертаніи право и справедливость представляются нашему сознанію именно

какъ два понятія, противоположныя одно другому. Право—является-ли оно въ формѣ законодательнаго предписанія, или судебнаго рѣшенія—въ противоположность справедливости мыслится какъ нѣчто непреклонно-строгое; напротивъ справедливость—даетъ намъ правило снисходительное, тягучее; право рѣшаетъ по формѣ, справедливость вникаетъ въ дѣло по его существу; право довольствуется логичностью своихъ разсужденій, справедливость стремится удовлетворить требованіямъ нравственнаго чувства, хотя и не всегда способна вылиться въ опредѣленныя словесныя формулы; право остается въ согласіи съ основными требованіями даннаго государственнаго и общественнаго строя, справедливость внимаетъ человѣческимъ слабостямъ и судитъ по-человѣчески; право есть выраженіе стремленій и требованій государства, власти, закона, справедливость—выраженіе чувствъ всего народа; право подчасъ охраняетъ требованія эгоистичныя, справедливость проникнута тенденціей альтруизма; право, въ концѣ концовъ,—творчество человѣческаго разума, справедливость—голосъ разума природы, откровеніе разума божественнаго. Такъ расчленяетъ право и справедливость общественное сознаніе, прокладывая такимъ путемъ въ область законодательства и правосудія путь тѣмъ новымъ началамъ жизни, которыя намѣчаются имъ какъ основы будущаго, въ данный моментъ идеальнаго склада отношеній. Въ этомъ расчлененіи справедливость рисуется какъ нѣчто, совершенно противоположное праву; обѣ области кажутся разнородными, даже несовмѣстимыми одна съ другою. Право есть порядокъ дѣйствительный, справедливость—порядокъ желательный; право всѣ знаютъ и его дѣйствіе испытываютъ на себѣ какъ реальный фактъ, къ справедливости стремятся какъ къ идеалу.

Но вотъ стремленія увѣнчиваются успѣхомъ и идеальное становится реальнымъ. Люди начинаютъ поступать справедливо; судья произноситъ справедливыя рѣшенія, законодатель издаетъ справедливые законы, отмѣняя ими дѣйствіе старыхъ. Справедливость становится правомъ, нравственное чувство удовлетворяется, но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь не наступаетъ конецъ справедливости, какъ идеи. Противоположеніе справедливости и права теряетъ свое значеніе; борьба замѣняется миромъ, и вмѣсто двухъ борющихся противоположностей получается одно право, гармонирующее съ требованіями вчерашней справедливости. Вмѣсто критики наступаетъ работа, направленная къ примѣненію новаго порядка; борьба за справедливость уходитъ въ другія области, гдѣ успѣхъ еще не достигнутъ, и возвращается въ

прежнюю область, когда новое право, возникшее тамъ подъ вліяніемъ законченной борьбы, успѣетъ состариться, когда народятся по отношенію къ тому-же предмету новыя идеи справедливости, съ точки зрѣнія которыхъ право, когда-то „справедливое", окажется вновь несправедливымъ.

Достаточно ясно, что противоположеніе справедливости и права есть *форма*, въ которую выливается борьба юридическихъ идей. Государство располагаетъ двумя могучими органами, чтобы обращать ее въ право. Эти органы—законъ и судъ. Когда дѣло идетъ объ устраненіи такихъ правовыхъ формъ, въ которыхъ выражаются привиллегіи обширныхъ категорій людей, когда справедливостью ведется борьба не противъ злоупотребленій отдѣльныхъ лицъ, хотя бы и многочисленныхъ, но противъ злоупотребленій цѣлыхъ классовъ, когда несправедливый образъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ обусловленъ не столько направленіемъ ихъ личной воли, сколько условіями, общими для цѣлаго класса людей, тогда законодательная реформа — единственное вѣрное средство для осуществленія справедливости. Но ожидать законодательной реформы, полагаясь во всемъ на нее одну, означаетъ тоже допускать на долгое время накопленія слишкомъ большого числа отдѣльныхъ несправедливостей. Рѣзкіе перевороты и крупныя преобразованія оживляютъ, но также и потрясаютъ общественный организмъ. Отъ государственной власти зависитъ довѣрить суду постоянное и постепенное проведеніе въ жизнь справедливости,—шагъ за шагомъ, по мѣрѣ возникновенія отдѣльныхъ случаевъ, обнаруживающихъ столкновеніе жизни съ дѣйствующимъ закономъ. Въ былое время общество, неувѣренное въ нелицепріятіи судей, требовало отъ нихъ безпристрастія, одинаковаго по отношенію какъ къ богатымъ, такъ и бѣднымъ, какъ къ знатнымъ, такъ и незнатнымъ. Но теперь такое равенство предъ судомъ, будучи достаточно обезпечено и закономъ, и личными качествами судьи, является нерѣдко даже недостаткомъ, и наше время, взамѣнъ формальнаго безпристрастія, требуетъ часто отъ судьи великодушія, извѣстнаго снисхожденія къ человѣческимъ слабостямъ и недостаткамъ, а также заботливаго вниманія къ соціальному неравенству отдѣльныхъ личностей. Существенная задача судьи состоитъ въ индивидуализированіи права. Если законъ выражается общими правилами, то дѣло судьи въ каждомъ случаѣ придать такому общему правилу свой особый смыслъ, сообразный съ условіями случая. Судъ по совѣсти есть идеалъ какъ уголовнаго, такъ и гражданскаго правосудія; вотъ гдѣ источникъ великаго значенія суда присяжныхъ при

всѣхъ его кажущихся недостаткахъ, вотъ гдѣ основанія для мысли ввести въ юрисдикцію присяжнаго суда даже разрѣшеніе имущественныхъ и семейственныхъ споровъ. Формальная теорія проводитъ рѣзкую границу между закономъ и судомъ: законъ творитъ, судъ осуществляетъ волю законодателя. Но въ здоровой государственной жизни судъ творитъ такъ же, какъ и законодатель, только при помощи иныхъ пріемовъ; судъ озабоченъ примѣненіемъ закона, который сохраняетъ свои корни въ юридической совѣсти общества, но онъ столько же озабоченъ видоизмѣненіемъ закона, когда этотъ послѣдній пересталъ уже казаться справедливымъ. Судья—законодатель, тѣмъ болѣе дѣятельный, тѣмъ менѣе дѣятельнымъ оказывается самъ законодатель, судья—проводникъ въ жизнь тѣхъ началъ, которыя сознаніе общества въ противоположность дѣйствующему закону объявляетъ справедливыми и естественными.

Нѣтъ, пожалуй, слова, которое въ нашихъ сужденіяхъ о должномъ употреблялось бы такъ часто и въ такихъ разнообразныхъ значеніяхъ, какъ слово „естественное“. Одинаково охотно придаемъ мы этотъ аттрибутъ и тому, что̀ кажется намъ хорошимъ и идеальнымъ, и тому, что̀ поражаетъ своею грубостью, какъ порожденіе низшихъ, чувственныхъ и потому „естественныхъ“ влеченій человѣка. Въ одно и то же время провозглашалось когда-то, что „отъ природы всѣ люди свободны“ и „что рабство учреждено самимъ естественнымъ правомъ“; въ то время какъ однимъ казалось что „всѣ человѣческіе законы произошли отъ одного закона божественнаго“, другіе утверждали, что „справедливое и порочное опредѣляется не природою, а человѣческимъ закономъ“. Наше время располагаетъ достаточнымъ запасомъ знаній, чтобы разобраться въ такой двойственности. Всѣ человѣческіе законы естественны въ томъ смыслѣ, что дѣйствіями людей, творившихъ ихъ, руководилъ законъ причинности, — что все существующее существуетъ почему-либо въ силу какихъ-либо историческихъ причинъ. Но нѣтъ ничего естественнаго въ томъ смыслѣ, чтобы оно удовлетворяло нравственнымъ и правовымъ требованіямъ всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ, и пригодность чего когда-либо не могла бы быть заподозрѣна. Тѣмъ не менѣе общественное сознаніе упорно ищетъ въ „естественности“ исповѣдуемыхъ имъ идеаловъ опору для настойчиваго проведенія ихъ въ жизнь и не зачѣмъ до времени разочаровывать съ этой стороны простодушное вѣрованіе большинства. Строгонаучная теорія знаетъ, что почитаемое, въ противоположность дѣйствительному праву, за

справедливость вовсе не отдѣляется отъ этого права какою-либо непереходимою стѣною — по сю сторону которой работаетъ и созидаетъ человѣкъ, а по ту сторону открывается дѣло природы, по мнѣнію однихъ, или Божества, по предположенію другихъ. Все, что̀ тамъ за стѣною, о чемъ мы нерѣдко позволяемъ себѣ не болѣе какъ только *мечтать*, есть созданіе той же человѣческой мысли, которая создала и дѣйствующее право, и наши мечты ждутъ своей очереди, чтобы изъ области мысли перейти въ область дѣла. Сегодняшняя справедливость завтра станетъ правомъ, сегодняшнее право отойдетъ въ область прошлаго. Философское препятствіе, которое могло встрѣтиться на пути къ усвоенію справедливости, падаетъ; справедливость требуетъ не одного платоническаго отношенія къ себѣ, но отношенія болѣе горячаго, болѣе сочувственнаго; справедливость безпрепятственно становится не только душою нашей мысли, но нашихъ дѣлъ. Въ практическомъ отношеніи нѣтъ однако никакой бѣды въ томъ обстоятельствѣ, что люди считаютъ особо естественнымъ то, что̀ имъ представляется идеальнымъ. Препятствіе съ точки зрѣнія философа не есть препятствіе въ глазахъ обыкновеннаго смертнаго. Увѣренность въ особомъ *естественномъ* или божественномъ происхожденіи справедливости лишь воодушевляетъ простого человѣка на борьбу въ пользу ея осуществленія: онъ не знаетъ и не хочетъ знать какихъ-либо теоретическихъ преградъ своимъ задушевнымъ стремленіямъ и вѣритъ, что рано или поздно осуществится на землѣ царство мира и правды. Пока дѣйствуетъ одно отрицательное отношеніе къ тѣмъ или другимъ началамъ дѣйствующаго права, до тѣхъ поръ они стоятъ крѣпко, хотя и могутъ пострадать въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи. Но если люди успѣли уже составить положительные идеалы, справедливости, если они уже воодушевлены тою мыслью что въ идеалахъ ихъ кроются задатки развитія наиболѣе естественнаго, наиболѣе близкаго къ здравымъ требованіямъ природы, то осуществленіе такихъ идеаловъ на дѣлѣ ближе, чѣмъ то можетъ казаться съ перваго взгляда.

Сергѣй Муромцевъ,
почетный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

ПЕРВАЯ ПОСТАНОВКА ВОПРОСА О ВСЕОБЩЕМЪ ГОЛОСОВАНІИ.

I.

Ни въ одномъ вопросѣ Французское Національное Собраніе 1789 г. не проявило такого внутренняго противорѣчія, не обнаружило такъ наглядно своей готовности отказаться отъ принциповъ,—разъ эти принципы задѣваютъ интересы представляемой имъ буржуазіи,—какъ въ законодательствѣ о выборахъ. Ни разу также не подчинилось оно въ бо́льшей степени вліянію англійскихъ политическихъ идей и не доказа̀ло нагляднѣе своей неспособности помириться съ требованіями народнаго правленія, теоретическія основы котораго формулированы были имъ самимъ въ декларацiи правъ. Кто говоритъ о демократіи,—все равно прямой или представительной,—необходимо разумѣетъ подъ нею такой порядокъ вещей, при которомъ народъ прямо или черезъ посредниковъ является источникомъ законодательной власти. Всеобщее голосованіе и система прямыхъ выборовъ—необходимыя ея основы, но ни съ тѣмъ, ни съ другимъ никогда не могла помириться буржуазія. Въ эпоху свободныхъ коммунъ, въ то время, когда избранные и эшевены, и городскіе совѣты сосредоточивали въ своихъ рукахъ всѣ атрибуты самодержавія, постояннымъ и вполнѣ сознательнымъ стремленіемъ патриціанскихъ родовъ было сокращеніе правъ народнаго собранія, той аринги или parlamentum, того общаго совѣта или malum, который въ городахъ западной Европы, одинаково въ Англіи и во Франціи, въ Италіи и Германіи, игралъ роль, нѣкогда принадлежавшую вѣчу Новгорода и Пскова. Флайдрскій епископъ, уподоблявшій народъ „стаду хрюкающихъ свиней“, являлся выразителемъ того ходячаго представленія о неспособности простонародья къ самоуправленію, послѣднимъ проявленіемъ кото-

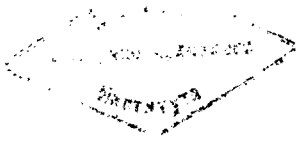
раго можно считать заботу Національнаго Собранія обезопасить народъ отъ тѣхъ бѣдствій, которыми грозитъ ему его невѣжество и продажность. Въ презрительно-покровительственномъ отношеніи, какое буржуазія 89 года обнаружила къ массѣ рабочаго люда, можно найти отголосокъ того недовѣрія и нерасположенія къ народовластію, отъ котораго не были свободны даже англійскіе республиканцы XVII вѣка, Мильтонъ и Сидней. Оно воспиталось въ значительной степени подъ прямымъ впечатлѣніемъ, какое оставили въ умахъ частью случаи взаимной поддержки и дружнаго единенія народной толпы съ абсолютизмомъ нетолько въ Италіи, гдѣ тиранія упрочилась при содѣйствіи городского демоса, но и во Франціи, Англіи и Испаніи, въ которыхъ народныя возстанія сопровождались одновременно пораженіемъ аристократіи и усиленіемъ королевской власти. Подъ вліяніемъ этихъ примѣровъ сложился въ литературѣ образъ невѣжественнаго народнаго трибуна, готоваго нивелировать сословія и состоянія и предпочесть равенство въ ничтожествѣ естественному преобладанію ума и таланта. Художественный типъ его созданъ былъ Шекспиромъ въ болѣе вымышленномъ нежели историческомъ лицѣ крестьянскаго вождя Кода. „Республика святыхъ“, установленная въ Мюнстерѣ выходцемъ изъ народа Іоанномъ Лейденскимъ, на ряду съ преувеличеннымъ представленіемъ о жестокостяхъ, какими сопровождалось временное торжество крестьянскаго возстанія въ Англіи подъ предводительствомъ Тейлора, создали, говоря языкомъ англійскихъ юристовъ, прецеденты, крайне неблагопріятные для народовластія. Непрочность демократическаго строя,—съ его основой всеобщаго голосованія и часто повторяющихся выборовъ,—подобнаго тому, какимъ въ концѣ XIII-го и началѣ XIV вѣка было временное господство „populo minuto“ во Флоренціи и городахъ Гвельфской Лиги, способна была только укоренить представленіе о несовершенствѣ порядковъ, при которыхъ, по выраженію Данте, „сегодня расплетается то, что соткано было вчера“. Установленіе единовластія на почвѣ городскихъ демократій на всемъ протяженіи средней и сѣверной Италіи и легкая побѣда, одержанная Карломъ V надъ городскими ополченіями демократическихъ коммунъ Валенціи, въ связи съ вѣковымъ существованіемъ олигархическихъ республикъ, подобныхъ Генуѣ, Венеціи, Фландрскимъ коммунамъ и городамъ Ганзейскаго союза—не могли не создать въ Европѣ предубѣжденія въ пользу тѣснаго союза между политической властью и имущественной обезпеченностью; а примѣръ англійской аристократіи, свободно по-

купающей голоса на выборахъ, только укоренилъ убѣжденіе въ продажности народной толпы и невозможности въ интересахъ самой свободы допустить ее къ участію въ политической власти. Вышеуказанными причинами объясняется, почему избирательное право Европы съ XV вѣка не только не приблизилось къ началу народнаго голосованія, но, напротивъ того, замѣтно уклонилось отъ него. Чтобы установить этотъ фактъ, намъ достаточно напомнить, что не только въ Англіи, но и во Франціи въ такъ называемыхъ villes prevotales, городахъ, расположенныхъ въ предѣлахъ королевскихъ доменовъ, право выбора на первыхъ порахъ не было ограничено цензомъ, и что требованіе сорока шиллинговъ дохода съ фригольда или свободной собственности, впервые установлено было въ Англіи въ XV столѣтіи. Образованіе богатой городской буржуазіи, вызванное въ теченіе всего XV и XVI столѣтія быстрымъ расширеніемъ торговыхъ оборотовъ съ вновь открытыми странами Америки и Азіи, отразилось въ сферѣ политическихъ отношеній въ постепенномъ сосредоточеніи всей власти надъ городомъ въ рукахъ тѣсныхъ совѣтовъ, пополняемыхъ путемъ кооптаціи изъ среды небольшого числа зажиточнѣйшихъ фамилій. Грамоты, которыми англійскіе монархи изъ династіи Тюдоровъ и Стюартовъ возводили въ корпораціи отдѣльныя муниципіи королевства, только узаконили собою это торжество олигархіи, ограничивъ право выбора немногими семьями, члены которыхъ, какъ общее правило, призываемы были дотолѣ въ городской совѣтъ. Менѣе откровенно тотъ же процессъ политическаго обездоленія городскаго демоса въ интересахъ зажиточной буржуазіи, „молодшихъ людей“ въ пользу „житьихъ людей“ совершился и на всемъ континентѣ Европы, начиная отъ Фландрскихъ и Нидерландскихъ коммунъ и оканчивая имперскими городами Германіи и „коммунидадесъ“ Кастиліи и Арагона. Но наибольшее вліяніе на ходъ развитія политической мысли оказалъ фактъ установленія, благодаря только что приведеннымъ причинамъ, высокаго избирательнаго ценза въ англійскихъ городахъ и мѣстечкахъ, такъ какъ въ Англіи, сдѣлавшейся съ конца XVII вѣка образцомъ политическаго устройства для остальной Европы, ограниченное право голосованія нимало не препятствовало, повидимому, торжеству политической свободы. Неудивительно, потому, если при регулированіи избирательныхъ правъ французскаго гражданства, глаза сторонниковъ либеральной монархіи устремлены были исключительно на Англію. Но въ этой странѣ съ Кромвелемъ пала попытка расширить основы избирательнаго

права и отнять голосъ у такъ называемыхъ гнилыхъ мѣстечекъ своего рода захудалыхъ городовъ, невольныхъ жертвъ перемѣщенія торговли и мануфактуръ съ побережья Нѣмецкаго моря на берега Атлантики, вслѣдъ за сокращеніемъ Ганзейской торговли и расширеніемъ торговли колоніальной. Нигдѣ положеніе, утверждающее, что депутаты — голосъ если не всей націи, то во всякомъ случаѣ ея большинства, не отвѣчало въ меньшей мѣрѣ дѣйствительности, какъ въ Англіи послѣднихъ двухъ столѣтій, гдѣ отъ депутатовъ въ городахъ требовался годовой доходъ въ триста фунтовъ стерлинговъ, а въ графствахъ въ шестьсотъ фунтовъ, гдѣ такіе населенные центры какъ Манчестеръ и Ливерпуль, Бирмингамъ и Лидсъ не принимали участія въ выборѣ представителей, тогда какъ рядъ мѣстечекъ, въ родѣ Ольд-сарума съ его избирателями, не превышавшими числа десяти человѣкъ, посылали каждое по депутату въ парламентъ. Если мы примемъ во вниманіе, что многія изъ этихъ мѣстечекъ входили въ составъ феодальныхъ помѣстій, что землями ихъ владѣли крупные аристократическіе роды, требовавшіе отъ городского гражданства такой-же преданности ихъ интересамъ и политикѣ, какой ландлорды ожидали отъ своихъ фермеровъ и оброчныхъ владѣльцевъ, то не мудрено будетъ прійти къ заключенію, что народное представительство въ Англіи на самомъ дѣлѣ было не болѣе, какъ представительствомъ земельной аристократіи и идущихъ заодно съ нею высшихъ слоевъ городской буржуазіи. Эти владѣтельные классы распадались, правда, на два враждебные лагеря, на виговъ и торіевъ, но въ интересы какъ той, такъ и другой политической партіи нимало не входило расширеніе избирательнаго права, а только пріобрѣтеніе значительными денежными пожертвованіями возможно большаго числа голосовъ въ средѣ признанныхъ закономъ избирателей. Соперничая между собою въ проведеніи популярныхъ реформъ, парламентскіе вожаки обѣихъ партій въ то же время не рѣшались поднять вопроса о реформѣ народнаго представительства: такъ слаба была ихъ увѣренность создать себѣ новыхъ союзниковъ въ лицѣ вновь допущенныхъ къ представительству общественныхъ слоевъ и такъ сильно было ихъ опасеніе возстановить противъ себя наличное число избирателей всякой попыткой упразднить или ослабить ихъ весьма доходную монополію. Несовершенства системы, при которой меньшинство признавалось законнымъ выразителемъ требованій большинства, были слишкомъ очевидны, чтобы не обратить на себя вниманія всѣхъ патріотовъ. Никто иной, какъ Питтъ младшій, открыто высказы-

вался въ пользу реформы, и одно лишь торжество революціи во Франціи воспрепятствовало ему осуществить свое намѣреніе на дѣлѣ. Тѣ два политическіе клуба, въ которыхъ дѣло Учредительнаго Собранія впервые нашло дружескій откликъ и нравственную поддержку, также открыто провозглашали необходимость расширенія избирательнаго права. Такимъ образомъ, Англія одинаково служила примѣромъ и для защитниковъ, и для противниковъ ограниченнаго голосованія; для первыхъ—существующей системой своего представительства, для вторыхъ—той критикой, какую эта система вызвала въ печати и дебатирующихъ собраніяхъ. Мы не удивимся поэтому, нашедши въ аргументаціи членовъ Учредительнаго Собранія, при обсужденіи вопроса объ избирательномъ правѣ, постоянныя ссылки на Англію, съ цѣлью доказать то пользу, то, наоборотъ, вредъ сочетанія избирательнаго права съ имущественной обезпеченностью. Вопросъ объ устройствѣ народнаго представительства впервые сдѣлался предметомъ обсужденія Національнаго Собранія въ засѣданіи 29 сентября 89 года. Въ письмѣ графа Верьё къ Мунье отъ 1 ноября того же года мы не безъ удивленія читаемъ слѣдующія слова: „упрямство одно даетъ побѣду въ сраженіяхъ; принципъ, что собственность—необходимое условіе для пользованія избирательнымъ правомъ, навсегда былъ-бы потерянъ, если-бы мнѣ не удалось провести его; даже тѣ, кто придерживался такого мнѣнія, не рѣшались высказать его открыто. Смѣлость, съ какою я отстоялъ его въ этотъ день, спасла націю отъ послѣдняго посягательства противъ ея благополучія и свободы [1]). Приведенное мѣсто даетъ поводъ думать, что большинство Національнаго Собранія противилось установленію всякаго избирательнаго ценза, что члены его были сторонниками всеобщаго голосованія и поэтому могутъ вполнѣ заслужить передъ потомствомъ репутацію горячихъ приверженцевъ народовластія. Но, обращаясь къ тексту парламентскихъ дебатовъ, мы выносимъ какъ разъ обратное заключеніе. Сочетаніе представительства и собственности выставляется въ нихъ всего чаще, какъ не допускающій разнорѣчія труизмъ, и возраженія слышатся со стороны только немногихъ якобинцевъ въ родѣ Робеспьера. Проектъ конституціоннаго комитета касательно устройства выборовъ въ Національное Собраніе отправлялся отъ признанія, что далеко не всѣ граждане должны быть допущены къ осуществленію этого верховнаго права націи. Впадая въ явное проти-

[1]) Autour d'une revolution (1788—1799) par le comte d'Herisson. (стр. 20 Paris. 1888).

ворѣчіе съ провозглашеннымъ декларацією началомъ народнаго суверенитета, комитетъ дѣлилъ всѣхъ французовъ на двѣ категоріи: гражданъ активныхъ и пассивныхъ. Первые одни были допущены къ пользованію избирательнымъ правомъ. Чтобы сдѣлаться ими, требовался платежъ прямого налога, размѣръ котораго равнялся-бы трехдневному заработку. Несоотвѣтствіе этого требованія съ принципомъ принадлежности суверенитета всей совокупности французскихъ гражданъ указано было Робеспьеромъ 22 октября 89 года. „Конституція,—сказалъ онъ, объявляетъ, что суверенитетъ принадлежитъ народу или, что то же, всѣмъ и каждому, а отсюда слѣдуетъ, что всѣ имѣютъ равное право участвовать въ составленіи законовъ и въ публичной администраціи. Если не признать этого, не будетъ существовать ни равенства въ правахъ, ни принадлежности ихъ всѣмъ подданнымъ государства безразлично. Если плательщикъ налога въ размѣрѣ не выше дневного заработка не будетъ имѣть тѣхъ правъ, какія признаны за плательщикомъ тройного и десятернаго заработка, то почему не продолжить той же прогрессіи, объявивши, что доходъ въ сто тысячъ ливровъ даетъ въ сто разъ больше правъ, чѣмъ доходъ въ одну тысячу". Это мнѣніе Робеспьера не нашло поддержки въ стѣнахъ Собранія. Извѣстный физіократъ Дюпонъ-де-Немуръ слѣдующимъ образомъ изложилъ ученіе тѣхъ, которые считаютъ собственность необходимымъ условіемъ для пользованія избирательнымъ правомъ: „Чтобы быть избирателемъ,—сказалъ онъ, нужно имѣть помѣстье (manoir). Вопросы управленія непосредственно затрогиваютъ собственность; помощь, которую собственники призваны оказывать неимущему и тому подобное. Никто не заинтересованъ въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ, кромѣ собственниковъ; изъ чего и слѣдуетъ, что они одни должны быть избирателями. Не имѣющій собственности не составляетъ еще части государственнаго сообщества". Напрасно Дефермонъ старался доказать, что „подчиненіе общества классу собственниковъ сдѣлается источникомъ упроченія аристократіи богатства". Деменье отъ имени комитета продолжалъ настаивать на необходимости исключенія всѣхъ тѣхъ, „кто, не имѣя имущества, тѣмъ самымъ поставленъ въ ежечасную возможность быть подкупленнымъ". Выставленное комитетомъ требованіе, по его мнѣнію, можетъ только породить между рабочими благородное соревнованіе, побуждая ихъ къ большей энергіи въ трудѣ [2]). И аббатъ Грегуаръ, и депутатъ Дюпоръ одинаково возстаютъ противъ подчиненія избиратель-

[2]) Arch. Parl. premiére serie. Томъ IX, стр. 479. (засѣд).

наго права извѣстному минимуму налоговыхъ платежей, доказывая, что „собственность не играетъ никакой роли въ естественномъ порядкѣ, что отсутствіе имущества не мѣшаетъ быть добрымъ гражданиномъ, имѣть здравое разумѣнье и сердце патріота". Включеніе въ число активныхъ гражданъ однихъ плательщиковъ тройного заработка, утверждаетъ Грегуаръ, дастъ перевѣсъ богатымъ надъ бѣдными, упрочитъ господство капитала. „И безъ этого, прибавляетъ Дюпоръ, народъ, слишкомъ занятый добываніемъ себѣ средствъ къ жизни, вручаетъ зажиточнымъ классамъ завѣдыванье государственными дѣлами. Къ чему еще искусственно поддерживать эту тенденцію? Не значитъ-ли это сознательно стремиться къ замѣнѣ одной аристократіи другою?" [3]) Предложеніе комитета принято тѣмъ не менѣе громаднымъ большинствомъ. На практикѣ скоро сказались всѣ неудобства порядка, при которомъ муниципальнымъ собраніямъ давался просторъ въ рѣшеніи вопроса, что надо считать нормальнымъ заработкомъ рабочаго. 15 января 90 года въ числѣ адресовъ, поступившихъ на имя Собранія, мы находимъ петицію отъ города Труа, которой народное представительство приглашается разрѣшить споры, возникшіе въ толкованіи его избирательнаго декрета и опредѣлить болѣе точно размѣръ средней дневной платы рабочаго. Поддерживая это предложеніе, Барнавъ заявилъ, что въ нѣкоторыхъ городахъ желаніе ограничить число избирателей заставило муниципалитетъ признать нормальнымъ заработкомъ пятьдесятъ су въ день, тогда какъ такое вознагражденіе получаютъ лишь ремесленники-спеціалисты. Колебаніе цѣнъ на трудъ, усиленное увеличивающейся дороговизной золота и серебра, являлось серьезнымъ препятствіемъ къ рѣшенію вопроса въ законодательномъ порядкѣ. Могло возникнуть также опасеніе, что числовое опредѣленіе заработковъ можетъ быть истолковано въ смыслѣ легальнаго максимума. Не удивительно поэтому, если одни предлагали выразить данную плату за трудъ не въ деньгахъ, а въ количествѣ хлѣба, а другіе совѣтовали воздержаться отъ всякаго опредѣленія, довольствуясь заявленіемъ, что въ основаніе расчета долженъ быть положенъ средній размѣръ заработка въ данной мѣстности. Въ концѣ концовъ Собраніе рѣшилось высказаться въ пользу принятія двадцати су за средній размѣръ дневной платы. Само оно объясняетъ это рѣшеніе тѣмъ соображеніемъ, что, говоря о поденномъ заработкѣ, его декретъ имѣлъ въ виду не опытныхъ мастеровъ, а обыкновенныхъ ра-

[3]) Ibid. стр. 481.

бочихъ. Оно дѣлаетъ одновременно оговорку, что принятое имъ постановленіе должно считаться временнымъ и отнюдь не имѣетъ въ виду регулировать размѣръ заработной платы, предоставляя въ этомъ отношеніи полный просторъ частнымъ соглашеніямъ между предпринимателями и рабочими [4]). Собраніе завершило свою задачу сосредоточенія политической власти въ рукахъ буржуазіи рѣшеніемъ, принятымъ имъ 29 октября 89 г. Конституціонный комитетъ предложилъ ему установить систему двойныхъ выборовъ и потребовать отъ кандидатовъ добавочнаго ценза въ одну марку серебромъ прямого обложенія. Противъ этого возстали даже многіе изъ защитниковъ избирательныхъ ограниченій и въ числѣ другихъ Дюпонъ-де-Немуръ, полагавшій, что довѣріе избирателей есть лучшій титулъ для должности депутата. Графъ Верьё съ другой стороны высказывалъ сожалѣніе, что къ требованію увеличеннаго размѣра налоговыхъ платежей не прибавлено еще одно условіе — владѣть недвижимой собственностью. Деменье возставалъ противъ этой добавки, сознаваясь въ то же время, что опытъ Англіи далъ ей необходимую санкцію. Депутатъ правой, Казалесъ, доказывая, что налоги въ конечномъ исходѣ падаютъ на землю, протестовалъ противъ мысли надѣлить правомъ установленія налога, а слѣдовательно правомъ народнаго представительства, кого-либо, помимо землевладѣльцевъ. „Купецъ,—говорилъ онъ, гражданинъ всего міра и можетъ перенести свою собственность всюду, гдѣ онъ находитъ спокойствіе и счастіе. Собственникъ же связанъ съ землею. Онъ не можетъ жить иначе какъ на ней. Необходимо поэтому надѣлить его всѣми средствами къ тому, чтобы сдѣлать его существованіе счастливымъ на этой землѣ". Казалесъ требуетъ соотвѣтственнаго годового дохода въ тысячу двѣсти ливровъ, какъ необходимаго условія для того, чтобы быть депутатомъ. Бареръ предупреждаетъ Собраніе, что принятіе такого предложенія только подкрѣпитъ справедливость народной молвы, приписывающей депутатамъ желаніе установить новую аристократію на развалинахъ прежней. Требованіе высокаго налоговаго платежа устраняетъ отъ избранія двѣ трети населенія. Какъ могутъ расчитывать при немъ на званіе депутата артисты, писатели, педагоги и „тотъ необходимѣйшій классъ земледѣльцевъ, который никогда не слѣдуетъ терять изъ виду въ конституціи земледѣльческаго народа, каковы французы". Можно было-бы ожидать, судя по этому вступленію, что Бареръ выскажется въ пользу устраненія всякаго ценза для кандидатовъ. Ничуть не бы-

[4]) Томъ XI, стр. 187.

вало. Признавая, что отсутствіе ценза должно имѣть послѣдствіемъ „передачу государства въ руки людей, слабо привязанныхъ къ родинѣ“, Бареръ протестуетъ только противъ той формы ценза, какая избрана комитетомъ. Онъ желаетъ ограничить права выборщиковъ требованіемъ отъ кандидатовъ налоговаго платежа размѣромъ въ десять дневныхъ заработковъ. Тарже также протестуетъ противъ условія собственности. „Девятнадцать двадцатыхъ всей націи, говоритъ онъ, не имѣетъ ея. Такимъ образомъ, требуя собственности отъ депутатовъ, вы исключаете большинство націи. Другое дѣло въ Англіи, гдѣ большинство—собственники“. Откуда почерпнулъ Тарже такое странное представленіе объ англійскихъ земельныхъ порядкахъ, мы рѣшить не беремся. Несомнѣнно только то, что дѣйствительность представляла какъ разъ обратное и что въ XVIII вѣкѣ земля во Франціи была несравненно болѣе раздроблена, чѣмъ въ Англіи. На это, впрочемъ, давно уже указано Токвилемъ и всѣми историками англійскихъ экономическихъ и общественныхъ порядковъ.—Пизонъ-дю-Галанъ, въ надеждѣ примирить всѣ требованія, предлагаетъ къ тексту комитета слѣдующую прибавку: „желательно, чтобы депутатъ владѣлъ какой-либо собственностью“. Мнѣніе противниковъ всякаго ограничительнаго ценза представляетъ депутатъ Пріёръ. „Замѣните вашу марку требованіемъ общественнаго довѣрія“, говоритъ онъ, и Мирабо спѣшитъ присоединиться къ его мнѣнію, заявляя, что оно одно отвѣчаетъ принципамъ. Но Собраніе забаллотировываетъ предложеніе Пріёра и большинствомъ голосовъ высказывается въ пользу подчиненія депутатовъ требованію не только налоговаго платежа размѣромъ въ марку серебра, но и „владѣнія какой-либо недвижимой собственностью“. Это рѣшеніе вызываетъ цѣлую бурю. Петіонъ, Гара, Мирабо, Грегуаръ смѣняютъ другъ друга на трибунѣ, протестуя противъ порядка баллотировки и оставленія президентомъ безъ вниманія другихъ поправокъ къ проекту комитета. Но Собраніе большинствомъ голосовъ объявляетъ пренія законченными и требуетъ перехода къ обсужденію дальнѣйшихъ статей конституціи. Оставшіеся въ меньшинствѣ депутаты не хотятъ однако признать себя побитыми и возбуждаютъ снова вопросъ о цензѣ подъ предлогомъ составленія добавочной статьи въ пользу сыновей собственниковъ, которые въ провинціяхъ, подчиненныхъ дѣйствію римскаго права, считаются по закону не имѣющими отдѣльнаго отъ отца недвижимаго имущества. Бареръ ставитъ на видъ Собранію, что въ этомъ положеніи находится цѣлая половина королевства.—

„Римское право, говоритъ онъ, мудро рѣшило, что по отношенію къ общественнымъ должностямъ сынъ, находящійся во власти родительской, признается за отца [5]). Французскій законодатель долженъ сдѣлать нѣчто подобное, иначе, въ названныхъ провинціяхъ большинство будетъ лишено права быть представителями. Робеспьеръ протестуетъ противъ „новой привиллегіи, создаваемой въ пользу неотдѣленныхъ сыновей". Де-Буффлерсъ ставитъ на видъ, что если отецъ семейства платитъ налогъ въ нѣсколько разъ большій противъ требуемаго отъ депутата, излишекъ можетъ сдѣлаться основаніемъ для сообщенія избирательнаго права не отдѣленнымъ сыновьямъ. Но шумъ въ залѣ засѣданія препятствуетъ дальнѣйшему обсужденію вопроса и пренія прекращаются вслѣдъ за заявленіями Шарля Ламета и Гара старшаго, смыслъ которыхъ тотъ, что Собраніе отступило отъ своихъ принциповъ и создало аристократію богатства. Пренія, правда, были только отложены, но на дѣлѣ они не возобновились больше, по крайней мѣрѣ ранѣе 25 января 90 года, когда Робеспьеръ внесъ новое предложеніе касательно пользованія правомъ активнаго гражданства. Поводъ къ нему дало слѣдующее обстоятельство. Декреты собранія связали подачу голоса на выборахъ съ платежемъ прямого налога; но въ нѣкоторыхъ сѣверо-восточныхъ провинціяхъ, какъ, напримѣръ, въ Артуа, размѣръ прямого обложенія былъ весьма ничтоженъ и мѣсто его занимали косвенные налоги; благодаря этому, а равно и обилію монастырскихъ земель, число активныхъ гражданъ, какъ доказывалъ Робеспьеръ, въ этихъ, граничащихъ съ Бельгіей областяхъ, было ничтожно. Пользуясь тѣмъ предлогомъ, какой давала ему эта невыполнимость избирательнаго декрета въ данныхъ провинціяхъ, Робеспьеръ счелъ возможнымъ произнести цѣлую филиппику противъ всей выборной системы, принятой Національнымъ Собраніемъ. „Политическое равенство разрушено ею",—сказалъ онъ. Какъ не упрекнуть насъ въ умаленіи правъ ввѣренныхъ нашему попеченію?" „Вы говорите о свободѣ, скажутъ намъ, но ее нѣтъ больше между вами; сами вы опредѣлили свободу, какъ выраженіе общей воли и несмотря на это, вы не хотите принять во вниманіе нашего голоса; благодаря вамъ, онъ не войдетъ въ составъ общей воли. Робеспьеръ требовалъ постановки слѣдующаго рѣшенія: въ виду отсутствія единства въ налоговомъ обложеніи провинцій, Собраніе откладываетъ примѣненіе своего избирательнаго декрета до момента податной реформы, предоставляя временно право участія въ выборахъ всѣмъ безъ различія фран-

[5]) Ibid., стр. 598.

цузамъ, природнымъ или натурализованнымъ [6]). Депутатъ Дюкенца съ своей стороны старался убѣдить Собраніе въ непримѣнимости его избирательнаго закона къ нѣкоторымъ большимъ городамъ, въ которыхъ при незначительности земельной собственности, имѣется не мало фабрикъ и заводовъ, не обложенныхъ доселѣ прямымъ налогомъ, такъ какъ налоговые списки еще не изготовлены. Собраніе рѣшаетъ отослать оба предложенія въ комитетъ [7]). Продолжая агитацію въ пользу пересмотра избирательнаго декрета, клубъ „Кордельеровъ“ издаетъ въ апрѣлѣ 90 года полный текстъ рѣчи, произнесенной Робеспьеромъ въ засѣданіи 25 января. „Монитеромъ“ приведено было изъ нея одно лишь короткое извлеченіе. Эта рѣчь заключаетъ въ себѣ первую по времени защиту всеобщаго голосованія и заслуживаетъ поэтому вниманія. Конституція 93 года и избирательный законъ 48 явились не болѣе какъ удовлетвореніемъ тѣхъ требованій, какія впервые заявлены въ этомъ интересномъ документѣ. „Какая цѣль нашего Собранія?“ - спрашиваетъ себя Робеспьеръ. „Несомнѣнно та, чтобы вернуть французской націи неотъемлемыя права всѣхъ людей. Эти права торжественно были заявлены самимъ Собраніемъ. Люди рождаются и живутъ свободными и равными въ правахъ, постановило оно; суверенитетъ по существу своему принадлежитъ націи; законъ есть выраженіе общей воли или лично, или черезъ посредство свободно избранныхъ представителей. Всѣ граждане имѣютъ одинаковый доступъ къ публичнымъ должностямъ и между ними въ этомъ отношеніи не существуетъ другихъ различій кромѣ тѣхъ, какія создаютъ добродѣтель и способности. Таковы принципы, вами же освященные. Сопоставимъ съ ними теперь постановленія избирательнаго декрета. Спрашивается, можно ли считать законъ выраженіемъ общей воли, когда большинство не участвуетъ въ его образованіи? Очевидно—нѣтъ. Но запрещеніе голосованія лицамъ, не платящимъ трехъ-дневной заработной платы, не ведетъ ли оно прямо къ устраненію отъ законодательства большинства французовъ? Далѣе, можно ли считать равными въ правахъ всѣхъ гражданъ, когда одни изъ нихъ допускаются къ званію депутататовъ, другіе имѣютъ только право выбора, третьи же лишены и этого права? Опять-таки, нѣтъ. А отсюда то необходимое послѣдствіе, что предлагаемый декретъ не только противенъ конституціи, но и можетъ быть названъ противообщественнымъ. Спросимъ себя также, не противорѣчитъ ли онъ

[6]) Ibid., томъ XI, стр. 319.

[7]) Засѣданіе 25 янв. 90 г. стр. 318 и 319.

принципу допущенія всѣхъ гражданъ къ должностямъ и самому началу суверенитета націи? Что остается при немъ отъ декларацiи правъ и отъ самой свободы, первое требованіе которой—повиновеніе законамъ, изданнымъ съ согласія и при участіи того, кто призванъ подчиняться имъ? Защитники избирательнаго декрета сами сознаютъ противорѣчіе его съ идеею равенства и въ надеждѣ обмануть насъ словами, придумали различіе активныхъ и пассивныхъ гражданъ. Но неужели мы будемъ настолько безмозглы (stupides), чтобы не понять, что ихъ пассивные граждане—просто не граждане, такъ какъ не имѣютъ политическихъ правъ, принадлежащихъ гражданству. И какими основаніями защищается это обездоливаніе массы народа? Необходимостью оградить себя отъ черни, отъ людей, ничего не имѣющихъ; страхомъ, который внушаетъ ея подкупность, примѣромъ Англіи и другихъ яко-бы свободныхъ народовъ. Вотъ какими аргументами стараются воспротивиться требованіямъ справедливости и разума. Но я возражу на нихъ слѣдующее: народъ, эта масса, интересы которой я защищаю, возводитъ свои права къ тому же источнику, что и вы. Кто надѣлилъ васъ полномочіемъ отрицать эти права? Англія?! Но какое значеніе имѣетъ она для насъ съ ея негодной конституціей,—конституціей, которая могла показаться вамъ гарантирующей свободу тогда, когда вы стояли на послѣднихъ ступеняхъ рабства, но которую въ настоящее время вы можете превозносить только изъ невѣжества или по привычкѣ. Но что же?—спросите вы, значитъ люди, которымъ нечего терять, могутъ подобно намъ, пользоваться всѣми правами гражданъ. Люди, которымъ нечего терять? О, какъ несправедливо и ложно это прозвище, порожденное безумной гордостью! Эти люди, о которыхъ вы говорите такъ пренебрежительно, очевидно люди, живущіе какъ и вы, въ обществѣ, люди, поддерживающіе свою жизнь и жизнь своихъ семей, имѣющіе, слѣдовательно, что терять, что для нихъ также дорого, какъ ваша собственность. Жизнь, свобода, безопасность, возможность отразить насиліе, свободно располагать всѣми способностями ума и сердца; все это блага—столь же драгоцѣнныя для нихъ, какъ и для васъ. Ихъ охраненіе ввѣрено попеченію законовъ. Какъ же вы можете утверждать, что простонародье не заинтересовано въ этихъ законахъ? Какъ можете вы отнять у меня мое право участія въ общественныхъ дѣлахъ на томъ только основаніи, что вы богаче меня? Ужъ если равновѣсіе должно быть нарушено, то скорѣе въ интересахъ наименѣе состоятельныхъ. Законы, общественная власть, не имѣютъ ли они своей задачей

защитить слабаго противъ несправедливости и угнетенія?.. Но народъ подкупенъ! — Перестаньте, перестаньте профанировать священное имя народа, связывая его съ идеей о подкупѣ. Кто изъ людей равноправныхъ смѣетъ объявлять своихъ ближнихъ недостойными владѣть принадлежащими имъ правами для того, чтобы ограбить ихъ въ свою пользу. Смѣю увѣрить васъ, что вы найдете столько же продажности въ средѣ зажиточныхъ, какъ и у неимущихъ. Или вы воображаете, что жизнь суровая и трудовая порождаетъ больше пороковъ, чѣмъ изнѣженность, роскошь и честолюбіе? Наши ремесленники и земледѣльцы, которые, согласно вашему тарифу, не попадутъ въ число активныхъ гражданъ, внушаютъ вамъ, повидимому, меньше довѣрія, чѣмъ откупщики, придворные и всѣ тѣ, которыхъ вы еще недавно называли вельможами (grands seigneurs), но призваны ли вы имѣть вѣрное сужденіе о людяхъ,—вы, привыкшіе смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія деспотизма и феодальной гордости; вы, не отказавшіеся доселѣ отъ страннаго жаргона, по которому простой народъ слыветъ чернью (populace), подлымъ людомъ (la canaille); вы, которые открыли міру, что есть на свѣтѣ люди безродные, „люди, ничего не стоющіе“ (gens de rien) и рядомъ съ ними люди порядочные „люди какъ слѣдуетъ“ (gens honnêtes, gens comme il faut)... И какъ отнять права у народа въ тотъ самый моментъ, когда революція торжествуетъ благодаря ему. Ужъ не богатымъ ли и знатнымъ обязаны вы тѣмъ славнымъ возстаніемъ, которое спасло Францію? И не для того ли ниспровергнута была аристократія феодаловъ, чтобы на ея мѣсто поставить аристократію богатства. Цѣлыхъ девять десятыхъ населенія устраняется вами отъ пользованія избирательными правами, и въ числѣ ихъ встрѣчаются люди, которыхъ сами предразсудки и гордость не мѣшали доселѣ признавать и отличать въ виду ихъ знаній, предпріимчивости и самой даже зажиточности. Вы связали голосованіе съ платежемъ прямыхъ налоговъ; но вѣдь плательщикъ косвенныхъ налоговъ можетъ располагать большимъ имуществомъ, чѣмъ плательщикъ небольшого прямого сбора? И какъ связать неотъемлемыя права гражданства съ такими подвижными и измѣнчивыми порядками, какъ тѣ, какіе представляетъ всякая податная система, что сказать также о порядкахъ, при которыхъ человѣкъ, призванный быть гражданиномъ въ одной провинціи, теряетъ это право съ переходомъ въ другую; при которыхъ сыновья въ значительной части страны не могутъ пріобрѣсть избирательнаго права ранѣе кон-

чины ихъ родителя. Какъ! Стоитъ только чиновнику, посланному для составленія описи моего имущества, обложить меня налогомъ на одинъ су меньше противъ положеннаго и я тѣмъ самымъ лишенъ буду моихъ политическихъ правъ? Какой просторъ для интриги и подкупа; для козней деспотизма и аристократіи! И какъ произвольна сама эта мѣра дневнаго заработка! Вы сами признали, что норма его при расчетѣ не должна быть выше двадцати су. Что сказали бы о васъ великіе люди, нѣкогда управлявшіе судьбами Греціи,—люди, похороны которыхъ производились на счетъ казны, такъ какъ сами они не оставляли средствъ на погребеніе? Аристидъ, ты, котораго Греція называла справедливымъ, обновленная Франція признала бы въ тебѣ „ничего не стоющаго“ человѣка,—человѣка не платящаго марки серебромъ! Какой нравственный урокъ преподаете вы бѣдному, устраняя его отъ правъ гражданства! Будь богатъ во чтобы-то ни стало! — говорите вы ему. Иначе ты будешь „ничѣмъ“. Льстите себя послѣ этого надеждой, что вы произвели подъемъ общественнаго духа, вы, которые сосредоточили помыслы и привязанности большинства народа на преслѣдованіи однихъ личныхъ интересовъ, искусственно удаливши ихъ отъ занятія дѣлами государства. Прочная конституція немыслима тамъ, гдѣ интересы общественные составляютъ привиллегію одного только класса гражданъ, гдѣ большинство поставлено въ необходимость относиться къ нимъ равнодушно, съ завистью и уничиженіемъ. Самъ деспотизмъ не смѣлъ сдѣлать того, что вы дѣлаете, не смѣлъ ставить избирателямъ тѣхъ условій, какія вы имъ ставите (намекъ на широкое участіе гражданъ въ выборахъ въ генеральные штаты 89 года). Декреты, подобные изданному вами, не нуждаются даже въ отмѣнѣ. Они ничтожны по существу, такъ какъ нѣтъ человѣческой власти, которая была-бы вправѣ издать ихъ. Права народныхъ представителей зависятъ отъ природы ихъ полномочій. А въ чемъ состояли ваши полномочія, какъ не въ томъ, чтобы возстановить права вашихъ избирателей. Вы не въ силахъ поэтому ограбить ихъ, отнявъ у нихъ эти права“. Робеспьеръ въ заключеніе своей рѣчи предлагаетъ Національному Собранію слѣдующій проектъ декрета. „Проникнутые религіознымъ уваженіемъ къ правамъ человѣка, сохраненіе которыхъ составляетъ задачу политическихъ учрежденій.... мы объявляемъ, что всѣ французы должны пользоваться полнотою и равенствомъ гражданскихъ правъ, а потому и допускаются безразлично къ занятію публичныхъ должностей, на-

сколько это согласно съ ихъ достоинствомъ и нравственными качествами [8]).

Горячая защита Робеспьеромъ права всеобщаго голосованія нашла дружный откликъ въ рядахъ передовой прессы. Нападая на избирательный декретъ Собранія, Камиллъ-де-Муленъ въ своихъ „Революціяхъ Франціи и Брабанта" возлагалъ отвѣтственность за принятыя мѣры къ ограниченію народнаго голосованія на депутатовъ отъ духовенства, присоединившихся въ громадномъ большинствѣ къ предложенію раздѣлить французовъ на активныхъ и пассивныхъ гражданъ. „О, нелѣпые попы! восклицалъ онъ, попы-плутяги, неужели вы не видите, что по вашему закону самъ Христосъ не подлежалъ-бы избранію, такъ какъ и онъ очутился-бы среди „презрѣнной черни" (la canaille). „Новый порядокъ вещей", утверждалъ въ свою очередь Маратъ, всецѣло служитъ интересамъ богатыхъ. Patres conscripti! вы постоянно дѣлали видъ, что озабочены равнымъ участіемъ всѣхъ гражданъ въ выгодахъ, доставляемыхъ общежитіемъ; вы говорили о томъ, что должности открыты безразлично для всѣхъ талантовъ и добродѣтелей. Это было поистинѣ восхитительно; но вы поспѣшили разрушить собственное дѣло; подобно фокусникамъ, вы сдѣлали передержки и отъ вашихъ благихъ обѣщаній не осталось ничего. Едва вы успѣли заявить, что люди, какъ равные по природѣ, имѣютъ равное право на должности, какъ тотчасъ-же послѣдовала прибавка: „но безъ платежа одной марки они не могутъ исполнять должность представителя точно такъ же, какъ безъ платежа десяти ливровъ они не могутъ быть выборщиками, а трехъ ливровъ— избирателями или активными гражданами. Такимъ образомъ съ помощью этихъ маленькихъ параграфиковъ вамъ удалось закрыть намъ доступъ въ составъ народнаго совѣта, судовъ, департаментскихъ директорій и муниципальныхъ собраній. Именемъ закона вы объявляете насъ неспособными къ занятію тѣхъ должностей, которыя по вашему-же утвержденію признаются за нами естественнымъ правомъ. Къ довершенію несправедливости вы объявляете насъ неспособными участвовать даже въ выборѣ лицъ, надѣляемыхъ этими полномочіями. Вы отымаете у насъ наши права гражданъ; и такъ, ваша пресловутая декларація правъ оказывается не болѣе, какъ обманомъ; вы думаете забавлять ею купцовъ, надѣясь тѣмъ самымъ избѣжать ихъ гнѣва. Что дастъ намъ она въ результатѣ, какъ не надѣленіе богатыхъ всякими преимуществами и почестями въ придуманномъ

[8]) См. Т. XI стр. 320—325.

вами новомъ порядкѣ. Ужъ не для выгоды-ли этихъ счастливцевъ и предпринята была великая революція"[9]). Не безъинтересно отмѣтить тотъ фактъ, что эти нападки главы демагоговъ находятъ полную поддержку со стороны даже тѣхъ ихъ современныхъ историковъ, которые, подобно Стефену, выросли въ условіяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ якобинствомъ. Указывая на тѣ послѣдствія, къ какимъ неминуемо должно было привести установленіе только что приведенныхъ ограниченій избирательнаго права, англійскій историкъ говоритъ: „они отнимали право голоса у всякаго даже зажиточнаго рабочаго и искусственно сосредоточивали всѣ должности въ рукахъ буржуазіи. Нечего удивляться поэтому, если подобныя мѣропріятія произвели взрывъ негодованія въ рядахъ журналистовъ, и если столичная печать увидѣла въ нихъ доказательство тому, что Національное Собраніе озабочено исключительно интересами буржуазіи, къ которой и принадлежало большинство его членовъ [10]).

Но если избирательные законы Собранія не удовлетворили требованій демократовъ, то не большій успѣхъ имѣли они и у сторонниковъ англійской конституціи. Уступки, сдѣланныя собраніемъ въ пользу охраненія интересовъ собственниковъ, показались имъ недостаточными и, въ лицѣ Неккера, Мале-Дюпана, Малуэ, открыто высказано было ученіе о томъ, что представительство есть неотъемлемая принадлежность собственности. „Человѣкъ, не владѣющій собственностію, пишетъ Неккеръ въ своемъ сочиненіи объ исполнительной власти (1792 г.) неполный гражданинъ, такъ какъ онъ равнодушенъ къ большинству дѣлъ страны". „Я не постигаю, прибавляетъ онъ, какъ можно предоставить рѣшеніе сложнѣйшихъ вопросовъ государственной жизни людямъ, которые, подобно членамъ Національнаго Собранія, богаты только словоизобиліемъ, лично не заинтересованы въ исходѣ и не имѣютъ къ обсуждаемымъ вопросамъ другого касательства, кромѣ чисто философскаго пристрастія къ тѣмъ или другимъ отвлеченнымъ рѣшеніямъ... Наоборотъ, люди, связанные съ государствомъ узами собственности, люди, которымъ зажиточность позволила пріобрѣсть преимущества, которыя даетъ хорошее образованіе, призваны дать созидаемымъ ими законамъ характеръ чего то величаваго и вынуждающаго повиновеніе. Не слѣдуетъ терять изъ виду, что подчиненіе боль-

[9]) Lettre de l'ami du peuple (Marat) á l'auteur des Revolutions de France et de Brabant Ce 24 juin 1789.

[10]) History of the french revolution by H. Morse. Stephens (1886 года Томъ I стр. 283).

шинства велѣніямъ, исходящимъ отъ всегда численно-ограниченнаго представительства, имѣетъ нравственное основаніе (сознаніе необходимости такого подчиненія). Опасно, поэтому, пренебрегать тѣми средствами, которыя способствуютъ укорененію такого сознанія", и въ числѣ этихъ средствъ Неккеръ ставитъ увѣренность, что законы, изданные собственниками, являются результатомъ зрѣлаго размышленія, такъ какъ затрогиваютъ непосредственно интересы ихъ издавшихъ. „На первый взглядъ, говоритъ онъ, можетъ показаться, что всего естественнѣе не связывать воли избирателей никакими ограниченіями, но если мы примемъ во вниманіе, что свободы выборовъ, въ смыслѣ отсутствія всякаго посторонняго воздѣйствія, на самомъ дѣлѣ не существуетъ и рѣшающую роль въ нихъ всегда имѣетъ руководящее меньшинство, то можно усумниться въ томъ, чтобы ограниченіе права голосованія было бы направлено противъ интересовъ того, кого касается это ограниченіе. Его интересы болѣе соблюдены въ томъ случаѣ, когда истолковываются законодателями, на мудрость которыхъ онъ вполнѣ можетъ положиться. Поэтому если-бы Національное Собраніе, подобно англичанамъ и американцамъ, подобно всѣмъ прочимъ націямъ, признало-бы истиной, что собственность, и притомъ собственность значительная по своимъ размѣрамъ, одна служитъ гарантіей привязанности гражданъ къ общественому порядку и интересамъ государства, оно-бы поистинѣ заслужило благодарность націи, подчинивъ выборъ въ депутаты требованію значительнаго имущественнаго ценза [11]). Защищая программу сторонниковъ англійской конституціи, Мале-Дюпанъ въ своемъ „Французскомъ Меркуріи" старается провести тотъ взглядъ, что во Франціи, странѣ по преимуществу земледѣльческой, одни землевладѣльцы заинтересованы въ сохраненіи законовъ и порядка. На нихъ падаетъ, главнымъ образомъ, бремя налоговъ; они одни представляютъ гарантію той независимости, какая необходима для народныхъ делегатовъ. Поэтому Мунье, Лали, Толандаль, Малуэ и считали нужнымъ ввѣрить исключительно имъ право избранія и представительство націи въ палатѣ общинъ [12]). „Изъ всѣхъ народовъ древнихъ и новыхъ, пишетъ въ свою очередь Малуэ въ своемъ извѣстномъ посланіи къ избирателямъ отъ 13 мая 90 г., мы представляемъ собою единственный примѣръ надѣленія соб-

[11]) Du pouvoir exécutif dans les grands états (Томъ I, годъ изд. 1792, стр. 73, 74, 75) par M. Necker.

[12]) Mercure Octobre 1791 № 40. Memoires et correspondance de Mallet du Pan (Paris 1881, стр. 188).

ственниковъ меньшимъ сравнительно вліяніемъ на законодательство и администрацію. Трудно повѣрить, чтобы въ столѣтіе, справедливо гордящееся своими знаніями и просвѣщеніемъ, законодатели совершенно упустили изъ виду великую мудрость, какую Римляне проявили въ созданіи ценза. Общество обязано несомнѣнно призрѣвать неимущихъ, но справедливо ли предоставить имъ возможность располагать общественной собственностію (fortune publique). Я спрашиваю васъ, не ведетъ ли принципъ абсолютнаго равенства, къ ниспроверженію всѣхъ прочихъ основъ и не заинтересованы-ли всѣ одинаково, начиная съ честнаго земледѣльца, воздѣлывающаго собственное поле, и оканчивая богатѣйшимъ землевладѣльцемъ, въ томъ, чтобы сохранить свою независимость отъ знаній, талантовъ и личныхъ интригъ тѣхъ, которые ничего не имѣютъ. Собственникъ прежде всего заботится о сохраненіи своей собственности. Онъ имѣетъ поэтому естественное влеченіе уважать права другихъ; человѣкъ-же, лишенный собственности, направляетъ всѣ свои силы къ тому, чтобы пріобрѣсть ее. Одна добродѣтель въ состояніи удержать отъ тѣхъ сѣтей, какія ежечасно ставитъ ему личный интересъ. Такимъ образомъ первый, т.-е. собственникъ, имѣетъ естественное влеченіе къ общему благу (intêret general); для него важно, чтобы земли не были обложены чрезмѣрно, чтобы промышленность и трудъ встрѣчали поощреніе, чтобы бѣднымъ оказываема была помощь; въ то же время, заодно съ прочимъ гражданствомъ, онъ заинтересованъ въ прекращеніи вымогательства, хищничества и злоупотребленій властью. Человѣкъ, лишенный собственности, можетъ поддаться, конечно, такому-же влеченію къ общественному благу; но о немъ нельзя сказать, чтобы въ этомъ лежалъ его интересъ. Такъ какъ его главная цѣль не сохранять, а пріобрѣтать, то есть полное основаніе опасаться измѣнчивости его принциповъ. Можно ли, спрашиваю я, говорить, что права народа нарушены, разъ приняты будутъ мѣры къ тому, чтобы представительство не перешло въ руки лицъ, интересы которыхъ противны интересамъ этого-же народа. Лица, пострадавшія отъ декрета „о маркѣ серебромъ“, не тѣ, которые работаютъ въ мастерскихъ, и не поденщики-земледѣльцы, ихъ можно найти между тѣми искателями состояній, которые образуютъ изъ себя непроизводительный классъ общества, къ сожалѣнію слишкомъ многочисленный между нами. Эти люди, нетерпѣливо пробивающіе себѣ дорогу, негодуютъ на законъ, являющійся препятствіемъ къ ихъ честолюбію. Правда, знанія болѣе распространены въ ихъ средѣ, чѣмъ въ какой-

либо другой; но они пользуются ими для того, чтобы заставить всѣ прочіе классы общества служить имъ своимъ кошелькомъ. Не правы-ли поэтому тѣ, кто прежде чѣмъ дать имъ представительство старается, выяснить, насколько интересы этого класса отвѣчаютъ общимъ интересамъ. На возраженіе, что ограниченіе представительства классомъ собственниковъ—ведетъ къ созданію аристократіи богатства, Малуэ отвѣчаетъ: „развѣ богатые представляютъ изъ себя замкнутое и наслѣдственное сословіе? Подвижность состоянія, надежда достигнуть зажиточности разумомъ и трудомъ не открываютъ-ли для всѣхъ перспективу одинаковой политической карьеры. Одинъ достигаетъ раньше намѣченной цѣли, другой позднѣе,—вотъ и вся разница. Закрытіе сразу доступа къ должностямъ лицамъ, не располагающимъ необходимымъ цензомъ, предупредитъ возможность пользованія публичнымъ постомъ, какъ средствомъ къ наживѣ. Оно въ то же время направитъ энергію и предпріимчивость на промышленность и земледѣліе въ надеждѣ, что рано достигнутое благосостояніе откроетъ доступъ къ выборамъ и представительству. Изъ всѣхъ сторонниковъ англійской конституціи Малуэ одинъ готовъ сдѣлать отступленіе отъ строгости принциповъ въ интересахъ тѣхъ бѣдняковъ, которые съумѣли стяжать общее уваженіе своихъ согражданъ. Лица, въ пользу которыхъ на выборахъ будетъ подано четыре пятыхъ голосовъ, по его мнѣнію, должны бы быть освобождены отъ требованія ценза. Этимъ устранено было-бы то возраженіе, какое дѣлаютъ противники избирательныхъ ограниченій, говоря, что при нихъ самъ Руссо не могъ-бы сдѣлаться депутатомъ [13]).

II.

Въ избирательномъ правѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ рукъ дѣятелей Учредительнаго Собранія, всего болѣе поражаетъ несоотвѣтствіе его интересамъ той самой буржуазіи, торжество которой имѣло въ виду обезпечить это Собраніе. Движимая собственность, источникъ матеріальнаго могущества буржуазіи, промышленность и торговля, подлежащія исключительно косвенному обложенію, совершенно не приняты въ разсчетъ избирательными декретами, въ которыхъ единственнымъ цензовымъ ограниченіемъ является платежъ извѣстнаго минимума прямого налога. Какъ объяснить это противорѣчіе? Какъ понять, что

[13]) Memoire de Malouet, глава XIV тома II, стр. 85, 86, 87, 88.

Собраніе, заподозрѣнное въ стремленіи насадить во Франціи новую аристократію богатства, въ тоже время регулируетъ право избранія такимъ образомъ, какъ будто бы во Франціи не существовало другихъ доходныхъ статей и другого класса капиталистовъ, кромѣ недвижимыхъ собственниковъ? Я думаю, что единственнымъ объясненіемъ этого противорѣчія должно служить то обстоятельство, что дѣятели 89 года руководствовались не столько ясно сознаваемымъ желаніемъ обезпечить политическое преобладаніе владѣтельныхъ классовъ, сколько господствующей политической доктриной и примѣромъ Англіи и Америки. Вѣковая практика генеральныхъ штатовъ не могла дать имъ никакихъ положительныхъ указаній на счетъ устройства законодательнаго собранія. Сословная монархія не знаетъ личнаго представительства. Исторически сложившіяся наслѣдственныя группы призываются ею къ надѣленію депутатскими полномочіями лицъ, взятыхъ изъ ихъ среды, призванныхъ защищать ихъ интересы и связанныхъ въ своей дѣятельности даннымъ имъ наказомъ. Депутатъ въ собраніи Генеральныхъ Штатовъ не болѣе, какъ полномочный агентъ,—человѣкъ, дѣйствующій въ силу данной ему довѣренности, являющійся выразителемъ не столько собственныхъ мнѣній, сколько интересовъ своихъ довѣрителей. Все, что выходитъ за предѣлы его полномочій, не можетъ сдѣлаться предметомъ его обсужденія, и этимъ объясняется, почему сословныя представительныя палаты нерѣдко отказывались отъ подачи мнѣній по вновь возбужденнымъ правительствомъ вопросамъ безъ полученія дополнительныхъ полномочій отъ избирателей. Пока держится въ обществѣ система представительства исторически сложившихся сословныхъ группъ, не можетъ возникнуть вопроса о разнорѣчіи между голосомъ депутата и интересами его довѣрителей. Всякаго рода соображенія о томъ, что представитель можетъ руководствоваться интересами отличными отъ общаго блага, что его дѣятельность можетъ быть направлена къ личной выгодѣ, а не къ благу уполномочившаго его сословія, необходимо отсутствуютъ тамъ, гдѣ депутатъ не имѣетъ другой задачи, какъ быть истолкователемъ данныхъ ему наказовъ. Только съ замѣною сословнаго представительства классовымъ выступаетъ впервые на очередь вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ интересы того или другого депутата отвѣчаютъ задачамъ общаго блага или выгодамъ экономически отличной отъ другихъ общественной группы. Но классоваго представительства во Франціи до революціи не существовало; оно извѣстно было только въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ въ Англіи, феодальныя сословія

постепенно преобразовались въ классовыя группы, или, какъ въ Америкѣ, не нашли благопріятныхъ условій къ развитію благодаря нивелирующей политикѣ общества. То обстоятельство, что въ Англіи младшіе члены аристократическихъ родовъ сливаются съ среднимъ сословіемъ, повело къ образованію изъ обѣихъ далеко не замкнутой, подвижной и измѣнчивой въ своемъ составѣ экономической группы земельныхъ собственниковъ, которая рано получила здѣсь не переводимое на другіе языки названіе „джентри“. Передать этотъ терминъ словомъ низшее дворянство, какъ это сплошь и рядомъ дѣлаютъ нѣмецкіе публицисты, значитъ самовольно приписать этой группѣ ту сословную организацію, которой она не имѣла. Джентри не болѣе, какъ классъ землевладѣльцевъ, образовавшійся одинаково, какъ сверху, такъ и снизу, присоединеніемъ къ нему вторыхъ сыновей лордовъ и переходомъ въ ряды собственниковъ разбогатѣвшихъ горожанъ,— этихъ нѣкогда зависимыхъ владѣльцевъ городскихъ участковъ (burgage-tenures), нынѣ выкупленныхъ ими у собственника. Въ высшихъ рядахъ своихъ „джентри“ сливается съ личными представителями англійской пэріи, въ низшихъ съ наслѣдственными арендаторами помѣщичьей земли или такъ-называемыми Йоменами. За предѣлами джентри, зерно которой образовали такъ-называемые „рыцари графствъ“, стоитъ англійское крестьянство съ его многочисленными развѣтвленіями мелкихъ и краткосрочныхъ фермеровъ, перешедшихъ въ оброчную зависимость крѣпостныхъ и потерявшихъ всякую связь съ землею лично свободныхъ хлѣбопашцевъ (Labourers).

Съ паденіемъ средневѣковой сословной организаціи, съ исчезновеніемъ тѣхъ промежуточныхъ стадій между обезземеленнымъ крестьяниномъ и собственникомъ, съ замѣной наслѣдственной крестьянской аренды краткосрочными фермами, все болѣе и болѣе сталъ обрисовываться въ Англіи новый типъ общественной іерархіи, основу котораго составляетъ не наслѣдственная привилегія, а существованіе или отсутствіе постоянной связи съ землею. На смѣну „рыцарства“, „городского гражданства“ и наслѣдственнаго оброчнаго крестьянства явились два экономическихъ класса: собственниковъ и несобственниковъ. Въ составъ второго вошло въ громадномъ большинствѣ, какъ крестьянство, такъ и городской рабочій людъ, тогда какъ первое включило въ свои ряды не только прежнее рыцарство графствъ, но и всѣхъ вообще „фригольдеровъ“ или, что тоже, свободныхъ владѣльцевъ, какъ сельскихъ, такъ и городскихъ. Эта классовая организація сложилась постепенно, во второй половинѣ XV и въ началѣ

XVI вѣка, когда Англія оставалась еще страною почти исключительно земледѣльческою, когда сельское хозяйство и овцеводство составляли еще главное занятіе ея жителей и обрабатывающая промышленность едва зачиналась въ формѣ выдѣлки суконъ, далеко уступавшихъ сукнамъ Италіи и Испаніи, — а иностранная торговля производилась по преимуществу на Ганзейскихъ и Голландскихъ судахъ; другими словами, — въ эпоху только-что зарождающагося капитализма. Неудивительно, поэтому, если легальное признаніе той естественной эволюціи, какую представляетъ собою переходъ сословной организаціи въ классовую, выразилось въ Англіи въ установленіи избирательнаго ценза, основу котораго составлялъ исключительно доходъ отъ собственности. Въ правленіе Генриха VI классъ земельныхъ владѣльцевъ былъ выдѣленъ изъ среды прочаго населенія требованіемъ, чтобы къ выборамъ допускаемы были впредь одни только свободные собственники „фригольдеры“ съ годовымъ доходомъ не менѣе сорока шиллинговъ. Законодательство Генриха VIII и Елизаветы, проведши впервые въ жизнь принципъ содержанія на счетъ общественной благотворительности всѣхъ лицъ, не имѣющихъ постояннаго дохода и достаточнаго заработка, явилось новымъ основаніемъ къ упроченію системы, искусственно соединявшей пользованіе политическими правами съ земельною рентой. Несобственники признаны были въ ихъ цѣломъ неспособными къ участію въ государственныхъ дѣлахъ, какъ лица экономически несамостоятельныя; и все англійское общество по отношенію къ участію въ народномъ представительствѣ распалось на двѣ группы: земельныхъ собственниковъ и пролетаріевъ. Эту исторически сложившуюся систему, несоотвѣтствіе которой измѣнившимся условіямъ народнаго хозяйства, быстрому росту обрабатывающей промышленности и торговлѣ вполнѣ сознавали не только англійскіе демагоги въ родѣ Вильгса или секретаря „Клуба друзей революціи“ Прайса, но и государственные дѣятели съ Питтомъ во главѣ, французскіе доктринеры вслѣдъ за Монтескьё и Делольмомъ признали за выраженіе незыблемыхъ основъ всякаго свободнаго политическаго устройства. Поставленный въ необходимость объяснить причины своей приверженности къ англійскимъ порядкамъ, Мале-Дюпанъ наивно сознается, что онъ считаетъ ихъ единственно возможными въ государствѣ съ обширной территоріей и монархическимъ строемъ, единственными, способными примирить свободу и авторитетъ, народное участіе въ дѣлахъ и подчиненіе закону [14]). Мунье до-

[14]) Mercure de France 12 янв. 1791 г. № 1.

водитъ еще далѣе свое преклоненіе передъ англійской избирательной системой: все въ ней вызываетъ его сочувствіе и одобреніе, не исключая и системы подкупа депутатовъ. По его мнѣнію, этотъ подкупъ необходимъ для установленія правильнаго равновѣсія между властями, только благодаря ему палата общинъ не въ состояніи осуществить на дѣлѣ того рѣшительнаго преобладанія надъ королемъ и лордами, какое обезпечено ей конституціей. Покупая голоса и непосредственно вліяя на исходъ выборовъ, король и лорды создаютъ себѣ союзниковъ въ рядахъ нижней палаты и тѣмъ вліяютъ непосредственно на ея рѣшенія. Такимъ образомъ возстановляется равновѣсіе между властями, которому грозило бы сосредоточеніе въ рукахъ общинъ, въ виду принадлежащаго имъ однимъ права налоговаго обложенія. Избирательная реформа, о которой мечтаютъ англичане и которая, повидимому, отвѣчаетъ логикѣ, имѣла бы поэтому въ конечномъ исходѣ упадокъ королевской власти [15]). Всего изумительнѣе то, что на разстояніи многихъ лѣтъ со времени окончанія революціи, въ то самое время, когда въ Англіи все сильнѣй и сильнѣй стали слышаться голоса въ пользу необходимости положить конецъ подкупу и измѣнить основы представительства, г-жа Сталь, проникаясь взглядами Мунье, продолжаетъ отстаивать англійскіе порядки, говоря, что въ составъ королевской прерогативы въ Англіи входитъ право короны располагать милостями и мѣстами, какъ средствомъ проведенія своего вліянія. Это косвенное вліяніе короля служитъ однимъ изъ устоевъ того равновѣсія, которымъ держится англійская свобода [16]).

Не мало содѣйствовало упроченію въ умахъ дѣятелей 89 года англійской теоріи сочетанія представительства съ землевладѣніемъ то обстоятельство, что на материкѣ новаго міра, въ тѣхъ демократическихъ республикахъ, основа которымъ положена была англійскими религіозными и политическими радикалами, пользованіе политическими правами также связано было съ землевладѣніемъ. Поклонники американскихъ порядковъ, такимъ образомъ, сходились съ сторонниками англійской конституціи въ убѣжденіи, что завѣдываніе государственными дѣлами можетъ быть ввѣрено исключительно классу лицъ, живущихъ земельной рентой. Они не считали нужнымъ входить въ разсужденія насчетъ тѣхъ необходимыхъ различій, какія должна представлять собою представительная система въ двухъ странахъ, столь мало

[15]) Recherches sur les causes, qui ont empêché les Français de devenir libres (Томъ II, стр. 272).

[16]) Considération sur la révolution française (книга VI, глава IV).

похожихъ другъ на друга, какъ Франція и Соединенные Штаты. Они не обращали вниманія на тотъ фактъ, что въ Америкѣ, при обширности свободныхъ земель, легкости пріобрѣтать собственность, отсутствіи сословныхъ различій и едва зарождающейся промышленности, владѣніе землею на правахъ собственности было не только общимъ явленіемъ но и единственной формой имущественной обезпеченности, что Франція, съ ея вѣковой монополіей дворянства и духовенства въ обладаніи недвижимостью, съ ея искусственнымъ сосредоточеніемъ экономической дѣятельности средняго сословія на городскихъ промыслахъ и обмѣнѣ, представляла мало общаго хотя бы съ тою же Пенсильваніей, учрежденія которой, по словамъ Морриса, постоянно были передъ глазами французскихъ демагоговъ. Такимъ образомъ, обращая въ принципъ, въ общеобязательную доктрину то, что на самомъ дѣлѣ было продуктомъ исключительныхъ историческихъ и экономическихъ условій, члены Національнаго Собранія признали себя связанными какими-то незыблемыми законами не существующей политической науки. При установленіи избирательнаго права они отправлялись поэтому не отъ изученія той классовой организаціи, какая постепенно подъ прикрытіемъ сословій, помимо всякаго правительственнаго признанія, создана была во Франціи ея экономической эволюціей, историческимъ ходомъ развитія ея земледѣлія, промышленности и торговли, а отъ признанія какихъ-то политическихъ максимъ, имѣвшихъ обязательную силу лишь подъ условіемъ совершеннаго игнорированія тѣхъ общественныхъ основъ, на которыхъ они возникли и развились. Несоотвѣтствіе ихъ дѣла съ поставленными ими же самими задачами тѣмъ не менѣе настолько бросалось въ глаза дѣятелямъ 89 года, противорѣчіе имущественнаго ценза гражданскому равноправію и народному суверенитету было столь очевидно, что даже сторонники англійской конституціи, въ родѣ Малуэ, считали нужнымъ, какъ мы видѣли, сдѣлать отступленіе отъ строгости принциповъ и допустить обходъ закона въ пользу популярнѣйшихъ представителей пролетаріата. Однохарактерныя соображенія вызвали неумѣлую попытку Тарже и прочихъ членовъ конституціоннаго комитета освободить отъ условій ценза всякаго гражданина, обнаружившаго свою привязанность къ общему благу добровольнымъ приношеніемъ въ пользу государства ежегодно, въ теченіе двухъ лѣтъ, суммы, равной размѣру требуемой отъ него прямой подати. Депутатъ Муженъ изъ Рокфора поспѣшилъ указать на несоотвѣтствіе этого предложенія со всѣмъ предшествующимъ

законодательствомъ Собранія. „Вашимъ намѣреніемъ,—сказалъ онъ,—было призвать въ ряды народнаго представительства земельныхъ собственниковъ; всѣ ваши декреты доказываютъ эту тенденцію, но то, что предлагаютъ вамъ нынѣ, идетъ въ разрѣзъ съ нею". Герцогъ Мортемаръ справедливо замѣтилъ, что богатые не преминутъ воспользоваться возможностію уплатить за другихъ требуемую контрибуцію и тѣмъ самымъ пріобрѣтутъ голоса въ Собраніи. Камюсъ поддерживалъ предложеніе, находя, что оно соотвѣтствуетъ общему духу законодательства. „Установляя цензъ въ марку серебромъ прямого обложенія, вы имѣли въ виду устранить отъ представительства людей, доступныхъ подкупу; но тотъ, кто не будучи собственникомъ, дѣлаетъ въ пользу государства равное имъ пожертвованіе, уже однимъ этимъ свидѣтельствуетъ о своемъ патріотизмѣ и неподкупности". Гораздо вѣрнѣе было замѣчаніе Ракье, что предлагаемая статья даетъ полный просторъ интриганамъ, удалить же ихъ отъ представительства было ближайшей задачей Собранія при установленіи ценза. Большинство спѣшитъ заявить о своемъ несочувствіи проекту, прерывая ораторовъ и заставляя ихъ покинуть трибуну. Напрасно Шапелье и Періонъ доказываютъ обязанность Собранія спокойно обсудить вопросъ такой важности, вопросъ, утвердительное рѣшеніе котораго можетъ послужить къ исправленію сдѣланныхъ ошибокъ. Гара младшій весьма правильно указываетъ на его значеніе, говоря, что активнымъ гражданиномъ слѣдуетъ считать всякаго, кто участвуетъ въ издержкахъ государства, дѣлясь съ нимъ своимъ доходомъ, все равно, будетъ ли этотъ доходъ полученъ съ земли или промышленности. Но прямой налогъ, о которомъ исключительно говорится въ декретахъ, падаетъ по преимуществу на землю. Цѣлый классъ людей не принятъ такимъ образомъ во вниманіе законодателемъ. Если не исправить этого упущенія, три четверти французовъ, утверждаетъ Гара, останутся безъ представительства. Мирабо также подаетъ голосъ въ защиту новаго проекта, доказывая, что онъ не имѣетъ въ виду поощрить подкупъ, а только усилить патріотизмъ, и открыть доступъ къ депутатскому званію лицамъ, обойденнымъ закономъ, какъ-то: сыновьямъ, пребывающимъ въ нераздѣльности съ отцомъ, и священникамъ, не владѣющимъ собственностію. Но члены правой и во главѣ ихъ Казалесъ, продолжаютъ настаивать на томъ, что принятіе закона равнозначительно отказу отъ принципа собственности, а маркизъ Біанкуръ ставитъ на видъ Собранію, что оно даетъ иностранцамъ возможность косвеннаго воздѣйствія и предсказываетъ по-

вторженіе во Франціи тѣхъ же порядковъ, какіе недавно еще господствовали въ Швеціи, гдѣ народные представители распадались на двѣ враждебныя партіи „шляпъ“ и „колпаковъ“, изъ которыхъ одна поддерживалась французскимъ, а другая русскимъ золотомъ. Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ слышались голоса „за“ и „противъ“ проекта, заодно доказывавшіе, что Собраніе сознаетъ несовершенство созданной имъ избирательной системы и не знаетъ, какъ исправить свою ошибку. Лучшій и простѣйшій исходъ представляло предложеніе Мильсанъ (Milscent) отмѣнить всѣ ограниченія, стѣснявшія свободу выборщиковъ, но собраніе не дало оратору возможности развить свою мысль. Вставаніемъ и сидѣніемъ оно отвергло предложеніе Тарже; большинство было однако такъ сомнительно, что Ламетъ, настаивая на важности вопроса, на его существенномъ значеніи для судебъ конституціи, потребовалъ поголовнаго счета голосовъ. Многіе депутаты успѣли между тѣмъ оставить залъ засѣданія; почти четверть наличнаго состава отсутствовала въ моментъ голосованія. Мнѣнія раздѣлились почти поровну, 439—противъ проекта, 428—за. Большинствомъ одиннадцати голосовъ было рѣшено такимъ образомъ, что единственнымъ основаніемъ для представительства должна быть недвижимая собственность и платимый ею налогъ [17]).

III.

Пріуроченіе представительства къ землевладѣнію далеко не является единственной ошибкой, допущенной Національнымъ Собраніемъ въ законодательствѣ о выборахъ. Границы такъ-называемаго pays legal,—терминъ, подъ которымъ французы разумѣютъ ту часть націи, которая призвана къ дѣятельному участію въ правахъ суверенитета, подверглись дальнѣйшему сокращенію, благодаря требованію отъ избирателей и кандидатовъ достиженія 25-ти-лѣтняго возраста. Самое устройство выборовъ, какъ и распредѣленіе голосовъ между департаментами, и численность состава народнаго представительства рѣшены были Національнымъ Собраніемъ далеко не удачно и нерѣдко въ полномъ противорѣчіи съ приводимой имъ же самимъ доктриной. Отмѣтимъ вскользь нѣкоторыя изъ этихъ ошибокъ и противорѣчій. Это дастъ намъ возможность сознательно отнестись къ мнѣнію тѣхъ, кто подобно Моррису, съ самаго начала призна-

[17]) Arch. Parl. Томъ X, засѣд. 3 дек. 89 г. стр. 359—361.

валъ конституцію нежизненной и осужденной на скорую погибель. Конституціонный комитетъ предложилъ сосредоточить въ кантонахъ производство первоначальныхъ выборовъ. Эти кантоны предстояло установить искусственно, положивъ въ основаніе не существующую систему селъ и деревень, а числовую единицу четырехъ квадратныхъ лье съ минимумомъ населенія въ 500 человѣкъ. Сознавая неудобство исторически возникшихъ избирательныхъ монополій, подобныхъ тѣмъ, какія представляла англійская система „парламентскихъ бурговъ", дѣятели 89 года вдались въ другую крайность: ихъ нивелирующая политика сочла возможнымъ отрѣшиться отъ дѣйствительности и пренебречь тѣми административными узами, какія представляла исторически сложившаяся система селъ, деревень и приходовъ. Ошибочно полагая, что община подобна округу или департаменту, что она не болѣе, какъ единица управленія; теряя изъ виду ея естественное образованіе подъ вліяніемъ общности нуждъ и до нѣкоторой степени общности владѣнія; не желая видѣть въ ней ни юридическаго лица, ни центра торговой дѣятельности; забывая, что объединяющимъ началомъ въ ней является и общность лѣса и выгона, и единство рынка и погоста,—члены Національнаго Собранія не нашли нужнымъ пріурочить къ общинѣ систему первоначальныхъ выборовъ. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться существующими, самопроизвольно возникающими, они предпочли вызвать къ жизни новыя числовыя единицы. Единственнымъ назначеніемъ выдуманнаго ими кантональнаго дѣленія было служить очагомъ для выборовъ. Чѣмъ мельче были эти единицы, тѣмъ легче было, думали члены Собранія достигнуть фактическаго участія народа. Отсюда предложеніе Ланжюинэ и Пижонъ-дю-Галана понизить максимумъ кантональнаго населенія съ 500 до ста активныхъ гражданъ, дабы избѣжать необходимости перемѣщенія для избирателей, хотя бы на короткое даже разстояніе. Но опасеніе, что малочисленныя собранія легче могутъ подчиниться незаконнымъ вліяніямъ со стороны сосѣдняго дворянина и приходскаго священники, заставило Собраніе пренебречь въ концѣ-концовъ этимъ соображеніемъ и постановить, что въ каждомъ кантонѣ, въ которомъ число активныхъ гражданъ менѣе девятисотъ, будетъ не болѣе одного избирательнаго собранія. При увеличеніи же этого числа до 900, избиратели раздѣлены будутъ поровну между двумя собраніями. На двѣсти избирателей полагается по одному выборщику и выборщики будутъ призваны непосредственно къ назначенію депу-

татовъ, другими словами, Собраніе останавливается на системѣ двойныхъ, отнюдь не тройныхъ или четверныхъ выборовъ[18]).

Въ засѣданіи ближайшаго дня, 17 ноября 89 года поставленъ вопросъ о числѣ депутатовъ и распредѣленіи его между отдѣльными департаментами. Конституціонный комитетъ предлагаетъ положить при этомъ въ основу три различныхъ начала: 1) численность населенія; 2) обширность территоріи и 3) сумму платимыхъ департаментомъ прямыхъ налоговъ. Петіонъ первый считаетъ нужнымъ высказаться противъ проекта. На его взглядъ представительство есть индивидуальное право, а отсюда дѣлается тотъ выводъ, что ни обширность территоріи, ни величина обложенія не должны имѣть никакого вліянія при опредѣленіи числа депутатовъ по департаментамъ. Въ свою очередь Монлозье доказываетъ примѣромъ Оверни, что обширность территоріи не должна быть принимаема въ расчетъ: „шестая часть этой провинціи ничего не производитъ. Неужели вы надѣлите ее такимъ же правомъ по отношенію къ выбору депутатовъ, какъ и любую изъ остальныхъ частей“. Онъ критикуетъ также и другую сторону проекта, клонящуюся къ тому, чтобы евязать число представителей съ числомъ платимыхъ департаментомъ податей. Налоговая реформа имѣется только въ виду. Какъ положить въ основу избирательнаго права несозданное или, вѣрнѣе, полуразрушенное зданіе!“ Еще обстоятельнѣе развиваетъ эту мысль Бениси Дюпюи Вале. Формы обложенія разнятся по провинціямъ: въ однѣхъ преобладаютъ прямые, въ другихъ косвенные сборы; въ третьихъ тѣ и другіе уравновѣшиваютъ другъ друга. Въ Провансѣ каждая муниципія въ правѣ избрать ту форму обложенія, которая ей всего болѣе нравится. Въ Оверни всѣ налоги прямые и падаютъ на продукты урожаевъ. Въ Берри ими обложены одинаково и земля и продукты потребленія. Какъ примирить съ такимъ разнообразіемъ проектъ коммиссіи? Какъ положить въ основу численнаго распредѣленія депутатовъ систему податей, лишенную общности и единства? Но мало этого; значительность налоговыхъ платежей, какъ показываетъ примѣръ города Парижа, происходитъ не отъ зажиточности его гражданства, а отъ затратъ, производимыхъ его временными посѣтителями, отъ тѣхъ провинціаловъ, которыхъ привлекаютъ въ столицу дѣла и удовольствія. Какое же основаніе награждать Парижъ въ ущербъ провинціи за этотъ случайный избытокъ пла-

[18]) Arch. Parl. Томъ X, стр. 67 и слѣдующія.

тежей? Несмотря на эти возраженія проектъ комитета принятъ безъ малѣйшаго измѣненія.

Гдѣ будутъ производиться выборыдепутатовъ, въ главномъ ли городѣ департамента, или въ другомъ пунктѣ? Если первое рѣшеніе грозитъ подчинить избирателей тѣмъ косвеннымъ вліяніямъ, въ частности подкупу, какими располагаютъ жители зажиточнаго города—департаментскаго центра, то производство выборовъ отдѣльно въ каждомъ окружномъ центрѣ можетъ имѣть то невыгодное послѣдствіе, что поставитъ избирателей въ прямую зависимость отъ наиболѣе вліятельнаго человѣка въ округѣ. Большое число, замѣчалъ Тестю-де-Траси, коментаторъ духа законовъ, надежное средство противъ интригъ. Постороннія вліянія менѣе чувствительны въ департаментскомъ, нежели въ окружномъ центрѣ, такъ какъ въ немъ каждый избиратель въ отдѣльности стоитъ дальше отъ мѣстной администраціи, оказывающей ежечасное воздѣйствіе. Въ департаментѣ меньше простора также для незаконнаго вліянія двухъ, трехъ зажиточныхъ собственниковъ, замѣчаетъ Шапелье, называя послѣднихъ недавно отмѣненнымъ терминомъ „сеньоровъ“! Собраніе рѣшаетъ тѣмъ не менѣе, что выборы отъ всего департамента будутъ производиться поперемѣнно въ центрахъ отдѣльныхъ округовъ [19]).

Вопросъ о томъ, будутъ ли выборщики связаны обязательствомъ назначать депутатовъ исключительно изъ жителей департамента или нѣтъ, вызвалъ собою довольно горячій обмѣнъ мыслей между тѣми, кто старался обезопасить выборы отъ вліянія большихъ городовъ, и тѣми, кто видѣлъ во всякомъ покровительствѣ мѣстнымъ интересамъ стремленіе вызвать снова къ жизни провинціальную автономію. Одинъ изъ депутатовъ, Малесъ (Malès), считалъ возможнымъ рисовать въ слѣдующихъ краскахъ картину ближайшихъ выборовъ при свободѣ назначать депутатовъ безразлично изъ всѣхъ департаментовъ Франціи. „Едва послѣдуетъ приказъ о созывѣ избирательныхъ собраній, по всѣмъ провинціямъ разсѣется рой прелатовъ и придворныхъ, подобный тому, какой мы видѣли недавно при выборѣ въ генеральные штаты. Не расчитывайте,—говорилъ онъ, что короли Франціи всегда будутъ добрыми гражданами, а министры—честными людьми. Когда правительство захочетъ снова сосредоточить въ своихъ рукахъ власть, оно по-

[19]) Ibid., стр. 87.

ступитъ такъ, какъ дѣлается это у нашихъ сосѣдей англичанъ оно устроитъ заговоры, пустится въ интриги, прибѣгнетъ къ подкупу избирателей и Національное Собраніе наполнится депутатами, готовыми разрушить конституцію, чтобы снискать королевскую милость и замѣстить обѣщанныя имъ должности. Въ отвѣтъ на это заявленіе герцогъ ла-Рошфуко замѣтилъ, что примѣръ Англіи приведенъ неудачно, такъ какъ дѣйствительный источникъ несовершенства ея избирательной системы лежитъ не въ выборѣ депутатовъ безразлично отъ всѣхъ графствъ, а въ томъ, что на восемь милліоновъ жителей едва 500 тысячъ участвуетъ въ выборахъ. Въ отдѣльныхъ городахъ,—замѣтилъ онъ,—выборы производятся нерѣдко пятнадцатью, двадцатью лицами, преданными правительству. „Къ чему ссылаться на примѣръ Англіи въ вопросѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ ея порядками“,—сказалъ въ свою очередь Мирабо. Къ чему взывать къ той сторонѣ ея политическихъ порядковъ, которую всѣ мы признали негодной. Не проходитъ сессіи, въ которой правительство или оппозиція не толковали бы о необходимости избирательной реформы, и все же не дѣлается ничего къ ея осуществленію. Не есть ли это лучшее доказательство недобросовѣстности обѣихъ партій? Но чѣмъ объяснить ее, спросятъ насъ. Очевидно тѣмъ, что каждая орудуетъ подкупомъ въ свою пользу“. Предложеніе депутата д'Амбли ограничить выборъ жителями департамента тѣмъ не менѣе принято, и на обсужденіе, поступаетъ новый вопросъ о числѣ выборщиковъ и депутатовъ. Робеспьеръ стоитъ за возможное увеличеніе этого числа, думая, что численность лучшее орудіе противъ интриги. Собраніе въ концѣ-концовъ останавливается на мысли, что число депутатовъ впредь будетъ наполовину меньше противъ наличнаго, то-есть будетъ равняться числу департаментовъ, помноженному на девять. Безъ обсужденія принята статья, объявляющая, что депутаты являются представителями всей націи, что они не могутъ быть отставлены или отозваны раньше срока и что отставка ихъ можетъ послѣдовать лишь въ силу судебнаго приговора за преступленіе [20]). Такъ же легко устанавливается соглашеніе по вопросу о свободѣ депутатовъ отъ всякихъ повелительныхъ мандатовъ, или, что тоже,—обязательныхъ для нихъ наказовъ избирателей. Вся предшествовавшая дѣятельность Собранія служила подтвержденіемъ этого положенія и неудивительно поэтому, что большинство стало на его сторону [21]).

[20]) Ibid., стр. 88—90.

[21]) Ibid., засѣд. 3 декр. 1789 года, стр. 258.

Почти безъ споровъ проходитъ также предложеніе назначить одновременно съ депутатами и ихъ замѣстителей, числомъ равнымъ трети всѣхъ представителей [22]).

Максимъ Ковалевскій,
почетный членъ Московскаго Юридическаго Общества.

[22]) Ibid., стр 359.

ПРЕПОДАВАНІЕ ПСИХІАТРІИ ДЛЯ ЮРИСТОВЪ.

(Вступительная лекція къ курсу судебной психопатологіи, читанная въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 6 Ноября 1892 года).

Въ исторіи развитія медицины надо искать объясненіе того факта, что почти каждый изъ насъ считаетъ себя болѣе или менѣе опытнымъ въ области медицинскихъ вопросовъ. „Не подлежитъ сомнѣнію, что признающихъ себя врачами несравненно больше, чѣмъ дипломовъ на это званіе“. Въ области же душевныхъ болѣзней не считается нужнымъ даже и опытность: каждый увѣренъ, что, пользуясь здравымъ смысломъ, онъ всегда будетъ въ состояніи отличить сумасшедшаго отъ здравомыслящаго. „И въ самомъ дѣлѣ, говоритъ Касперъ, вѣдь сумасшедшій—съ обыденной точки зрѣнія въ сущности не боленъ,—у него только душа не нормальна; а такъ какъ послѣдняя составляетъ нѣчто неуловимое, недоступное, невѣсомое, нематеріальное, то, собственно говоря, врачъ въ дѣлѣ сумасшествія понимаетъ столько же, сколько каждый другой человѣкъ; для этого нужны только здравый смыслъ, логическій умъ“ [1]). И на этомъ основаніи почти каждый считаетъ себя достаточно опытнымъ по крайней мѣрѣ для того, чтобы опредѣлить, имѣетъ ли онъ дѣло съ помѣшаннымъ или нѣтъ. Этого взгляда придерживаются и многіе юристы; съ особенною же рѣшимостью онъ высказывался неоднократно англійскими и американскими судьями, по мнѣнію которыхъ опредѣленіе существованія помѣшательства не должно составлять исключительной принадлежности врачей. „Въ этомъ отношеніи, говорятъ они, мнѣніе опытнаго судьи или свидѣтельство, напр., проницательнаго лица, могущаго сравнить

[1]) Касперъ. Душевныя болѣзни и способность ко вмѣненію, въ обработкѣ д-ра Штейнберга, стр. 306.

настоящее умственное состояніе подсудимаго съ его прежнимъ состояніемъ, дѣйствіемъ и характеромъ, достовѣрнѣе свидѣтельства врача, который видитъ больного въ первый разъ“ [2]). По словамъ сэра Вельямина Броди, большая ошибка предполагать, что вопросъ о душевной болѣзни можетъ быть рѣшенъ единственно врачами. Всякій, говоритъ онъ, пользующійся здравымъ смысломъ и знающій поэтому хорошо человѣческую природу, разсматривающій этотъ предметъ съ надлежащимъ вниманіемъ, имѣетъ право составить себѣ мнѣніе о немъ; и это, прибавляетъ онъ, болѣе дѣло тѣхъ, назначеніе которыхъ примѣнять законъ, чѣмъ врачей.

Нельзя сказать, чтобы приведенное мнѣніе было исключительною принадлежностью только англійскихъ и американскихъ юристовъ. Обращаясь къ нашей судебной практикѣ, мы легко убѣдимся, что наше высшее судебное учрежденіе—сенатъ—въ сущности придерживается тѣхъ же самыхъ воззрѣній. Въ цѣломъ рядѣ рѣшеній Уголовный Департаментъ предписываетъ судьямъ руководиться въ вопросѣ о состояніи умственныхъ способностей обвиняемаго своимъ *внутреннимъ убѣжденіемъ* и на основаніи этого послѣдняго „оцѣнивать“ и „провѣрять заключенія экспертовъ“ [3]). Мало того, въ одномъ изъ своихъ рѣшеній Сенатъ предписалъ, что въ производимомъ въ окружныхъ судахъ освидѣтельствованіи обвиняемыхъ, страдающихъ умственнымъ разстройствомъ, должны принимать *прямое* участіе не одни только врачи, но также и судьи, въ томъ числѣ и назначенные отъ военнаго и морского вѣдомства офицеры [4]).

Развѣ за этими сенатскими предписаніями не скрывается убѣжденіе, какъ и у сэра Вельямина Броди, что для опредѣленія душевной болѣзни достаточно здраваго смысла и что всякій, пользующійся таковымъ, знаетъ поэтому хорошо человѣческую природу, и, благодаря одному этому, обладаетъ уже всѣми необходимыми для правильнаго сужденія о болѣзни и даже для прямого участія въ томъ чисто медицинскомъ изслѣдованіи, которое называется освидѣтельствованіемъ.

Не останавливаясь на причинахъ этого ошибочнаго воззрѣнія—такъ какъ причина его всюду одна—незнакомство съ ученіемъ о душевныхъ болѣзняхъ,—отмѣтимъ его результаты.

---

[2]) Висноцкій. О достоинствѣ суд. мед. экспертизы въ угол. судопр. Цит. по Фрезе—очеркъ суд. психологіи. Казань 1874, стр. 171.

[3]) Рѣш. Угол. Кас. Д-та 1867 № 571 и 453; 1868—№ 86; 1869 № 727 и 821 1871 № 671 и др.

[4]) Рѣш. по дѣлу Матвѣева 1874 г.

Каждому, конечно, извѣстны тѣ въ изобиліи имѣющіе факты, тѣ многочисленныя, т. н. судебныя ошибки, гдѣ суды основываясь на своемъ внутреннемъ убѣжденіи, приговаривали к различнаго рода наказаніямъ и даже къ смертной казни завѣдом душевно-больныхъ. Было бы заблужденіемъ думать, что эти ошибк очень частыя въ прошломъ, представляютъ рѣдкое, исключи тельное явленіе въ настоящемъ. Нѣтъ, очень часты и тепер гораздо чаще чѣмъ это можно было бы предполагать. Paul Gar nier въ своемъ докладѣ на послѣднемъ конгрессѣ криминаль ной антропологіи въ Брюсселѣ (1892 г.) сообщаетъ, что въ Па рижѣ въ теченіи пятилѣтняго періода съ 1886 по 1890 год были осуждены 255 больныхъ, которыхъ непосредственно почт послѣ произнесенія приговора оказалось необходимымъ пере вести въ спеціальныя больницы для душевно-больныхъ. Стал быть, въ одномъ только Парижѣ ежегодно совершается болѣ 50 судебныхъ ошибокъ. Заслуживаетъ вниманія, что почти по ловина (40%) этихъ больныхъ страдало прогрессивнымъ пара личемъ—формою болѣзни, вполнѣ опредѣленною, не допускаю щею никакихъ сомнѣній и очень легко доступною для распо знаванія: опытный врачъ очень часто въ состояніи опредѣлит ее съ перваго взгляда, по двумъ-тремъ словамъ, сказанным больнымъ. Во всѣхъ 255 случаяхъ душевное разстройство ока залось уже рѣзко выраженнымъ, такъ какъ состояніе больных требовало немедленнаго перевода ихъ въ спеціальныя заведенія

А сколько же случаевъ остается совсѣмъ неузнанныхъ тѣхъ случаевъ, гдѣ больные, не проявляя своего разстройств рѣзкими внѣшними признаками, не привлекаютъ на себя вни манія тюремной администраціи, не попадаютъ поэтому въ боль ницы, а заканчиваютъ свой вѣкъ въ тюрьмахъ и на каторгѣ.

Но оставляя даже въ сторонѣ эти остающіеся неузнанным случаи, такъ какъ мы можемъ только предполагать, что ихъ н мало, и принимая въ разсчетъ лишь случаи, точно зарегистри рованные, нельзя не смутиться отъ приведенныхъ цифръ и то правильности, съ которою они повторяются изъ года въ годъ Было бы странно предполагать, что эти ошибки представляют нѣчто роковое и непредотвратимое, особенно въ тѣхъ крупных размѣрахъ, въ которыхъ онѣ совершаются теперь. Несомнѣнно большинство ихъ обусловливается недостатками предварительнаг слѣдствія, при производствѣ котораго просматривается душевно разстройство подсудимаго. Во избѣжаніе этого P. Garnier пре лагаетъ сдѣлать обязательнымъ посѣщеніе мѣстъ предварител наго заключенія врачами спеціалистами, которые и давали б

слѣдователю необходимыя указанія, на что имъ должно быть обращено вниманіе. Мысль P. Garnier совершенно совпадаетъ съ тѣмъ положеніемъ, которое обсуждалось въ 1891 году въ одномъ изъ засѣданій Московскаго Юридическаго Общества: „въ виду того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ душевное разстройство можетъ быть неусмотрѣно при производствѣ предварительнаго слѣдствія, желательны посѣщенія тюремъ предварительнаго заключенія врачами психіатрами". Ярославскій врачебный инспекторъ д-ръ Смирновъ [5]) идетъ въ этомъ отношеніи еще далѣе: касаясь болѣе широкаго вопроса о недостаткахъ судебно-медицинской экспертизы вообще, онъ приходитъ къ заключенію, что слѣдственная часть по судебно-медицинскимъ вопросамъ должна принадлежать лицамъ, спеціально къ тому подготовленнымъ, т.-е. судебнымъ врачамъ, которые должны пользоваться всѣми правами слѣдователей и подчиняться съ другой стороны контролю прокурорскаго надзора.

Не думаю, чтобы мысль д-ра Смирнова могла найти себѣ практическое примѣненіе и особенно, чтобы она встрѣтила сочувствіе среди юристовъ. Вѣроятно, не малое время придется ждать, пока осуществится и болѣе скромное пожеланіе Московскаго Юридическаго Общества о посѣщеніи тюремъ врачами и психіатрами. Но если даже эта мѣра очень легко исполнится и привьется на практикѣ, все же вопросъ объ участи душевнобольныхъ останется во власти слѣдователей, прокуроровъ и судей; спѣшу при этомъ прибавить, что, конечно, такъ и слѣдуетъ. Необходимымъ, однако, условіемъ должно быть при этомъ поставлено пріобрѣтеніе представителями правосудія хотя бы самыхъ элементарныхъ свѣдѣній въ ученіи о душевныхъ болѣзняхъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ возникаетъ вопросъ о душевномъ разстройствѣ подсудимаго, самая главная, выдающаяся роль должна принадлежать заключенію врачей спеціалистовъ. При этомъ критика, провѣрка или оцѣнка этого заключенія по существу недоступна судьямъ, потому что она предполагаетъ такія спеціальныя свѣдѣнія и такую опытность въ рѣшеніи научныхъ медицинскихъ вопросовъ, которыми судьи не обладаютъ и не будутъ обладать, если только не ознакомятся съ полнымъ курсомъ медицинскаго факультета. Тѣмъ не менѣе знакомство юристовъ съ психіатріею должно быть признано обязательнымъ, и вотъ на какомъ основаніи. Мнѣніе врача эксперта тогда лишь можетъ быть научнымъ и точно

[5]) А. И. Смирновъ. О недост. суд. мед. эксперт. Вѣстн. Общ. Гиг. Сент. 1892 г. стр. 60—61.

обоснованнымъ, когда въ его распоряженіи будетъ находиться по возможности полный матеріалъ, когда ему будутъ предоставлены всѣ данныя, необходимыя для правильнаго вывода. Призывая врача для рѣшенія того или другого медицинскаго вопроса, судьи, конечно, должны представить въ его распоряженіе и все для этого необходимое. Но собрать эти данныя, не имѣя никакого знакомства съ душевными болѣзнями,—вещь совершенно невыполнимая; и чрезвычайно часто въ дѣлахъ, гдѣ возникаетъ вопросъ о душевномъ разстройствѣ, поражаетъ неполнота и недостаточность свѣдѣній, собранныхъ на предварительномъ слѣдствіи. Прежде всего, чтобы возникло хотя бы сомнѣніе въ ненормальномъ душевномъ состояніи подсудимаго, надо уже обладать нѣкоторыми спеціальными свѣдѣніями; если же такое сомнѣніе возникло, надо умѣть надлежащимъ образомъ направить судебное слѣдствіе, надо знать, на что обратить вниманіе, какъ и о чемъ разспросить родныхъ и свидѣтелей. Но помимо этой, такъ-сказать, подготовительной работы, крайне важной для правильнаго заключенія врачей, знаніе психіатріи необходимо для судей не для того, чтобы провѣрять эти заключенія—для этого нужны очень большія знанія, но для того, чтобы дать себѣ ясный отчетъ, какіе вопросы требуютъ разрѣшенія со стороны врачей — а судомъ предлагаются нерѣдко самые удивительные вопросы, и для того, чтобы правильно понимать даваемые отвѣты, что также не всегда случается. Пріобрѣтеніе же такихъ свѣдѣній, которыхъ будетъ достаточно для того, чтобы собрать при слѣдствіи весь необходимый матеріалъ, чтобы быть въ состояніи правильно относиться къ заключенію врачей, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно и для устраненія того глубокаго заблужденія, что для разрѣшенія научныхъ вопросовъ можно довольствоваться однимъ внутреннимъ убѣжденіемъ безъ спеціальныхъ знаній.

Когда заходитъ рѣчь о значеніи психическаго разстройства въ юридическомъ отношеніи, то при этомъ обыкновенно на первый планъ выдвигается вопросъ о неспособности ко вмѣненію душевно-больныхъ,—вопросъ о связи психіатріи съ уголовнымъ правомъ. Гораздо меньше значенія придается психіатріи по отношенію къ другой отрасли правовѣдѣнія—гражданскому праву. Между тѣмъ, въ дѣйствительности существуетъ совершенно обратное отношеніе: душевное разстройство въ гражданскомъ правѣ представляетъ еще бо̀льшее значеніе, чѣмъ въ уголовномъ. Далеко не каждый душевно-больной совершаетъ преступленіе, и поэтому вопросъ о способности ко вмѣненію воз-

никаетъ лишь относительно ничтожной доли всѣхъ душевнобольныхъ; но зато каждый имѣетъ какое-либо имущество, каждый, являясь гражданиномъ, несетъ общія всѣмъ гражданскія права и обязанности: поэтому вопросъ о правоспособности психически-больного неизбѣжно возникаетъ по отношенію къ каждому больному и въ каждомъ случаѣ ведетъ за собою то или иное практическое разрѣшеніе. Правда, у насъ этотъ вопросъ улаживается въ громадномъ большинствѣ случаевъ домашнимъ способомъ, безъ посредства судебной власти, и это, безъ сомнѣнія, представляетъ самую крупную аномалію, которая до сихъ поръ не обращаетъ на себя должнаго вниманія со стороны законодателя.

Ученые юристы, признавая несомнѣнную пользу и даже необходимость врачебнаго вмѣшательства въ уголовное право при обсужденіи вопроса объ отвѣтственности и вмѣняемости душевнобольныхъ, тщательно однако оберегаютъ отъ такого вмѣшательства сферу „настоящей“ юриспруденціи — гражданское право, ссылаясь при этомъ уже не на свое внутреннее убѣжденіе, а на непоколебимый авторитетъ римскаго права. „Въ сферѣ настоящей юриспруденціи,—говоритъ Л. З. Слонимскій—должны преобладать совсѣмъ другія начала, чѣмъ въ правѣ уголовномъ. Способность къ совершенію обыкновенныхъ юридическихъ сдѣлокъ имѣетъ мало общаго съ возможностью отвѣчать передъ судомъ за преступное дѣяніе“.

Человѣкъ можетъ покупать, продавать или торговать „съ полною цѣлесообразностью, и никто не станетъ оспаривать юридическую силу подобныхъ сдѣлокъ на томъ только основаніи, что въ сущности человѣкъ былъ душевно-больнымъ“. Это мотивируется тѣмъ, что „въ области юридическихъ отношеній, личныхъ и имущественныхъ, играетъ роль только внѣшняя, ясно выраженная воля лица; внутренніе мотивы дѣйствій, весь этотъ темный психологическій міръ, который выступаетъ на первый планъ въ судѣ уголовномъ и даетъ такую благодарную почву криминалистамъ, адвокатамъ и психіатрамъ,—остается большею частію совершенно въ сторонѣ въ вопросахъ гражданскаго права. Въ этомъ и заключается особенность юридической точки зрѣнія въ отличіе отъ уголовной и психіатрической“ [6]). Отсюда дѣлается вполнѣ естественнымъ выводъ, что „медицинская точка зрѣнія не имѣетъ и не должна имѣть обязательной силы для судей и юристовъ при рѣшеніи вопроса о дѣеспо-

[6]) Л. З. Слонимскій. Законодательство о душ. больныхъ. Вѣстн. Клин. и Суд. психіатріи подъ ред. Мержеевскаго. Годъ I, в. 1. стр. 152, 156.

собности лица въ отдѣльныхъ случаяхъ. Судебная практика сама вырабатываетъ и должна вырабатывать правила, которыхъ слѣдуетъ придерживаться въ чисто фактическомъ вопросѣ о вліяніи душевно-болѣзней на дѣеспособность“ [7]). Было бы, однако, слишкомъ долго перечислять, къ какимъ противорѣчивымъ выводамъ приходитъ судебная практика, откинувшая медицинскую точку зрѣнія. Юристъ, мнѣніе котораго только что приведено, самъ указываетъ на тѣ разногласія и недоразумѣнія, которыя созданы въ этомъ отношеніи практикою сената. Несомнѣнно болѣе знакомый, чѣмъ какой либо врачъ, съ этою практикою, авторъ утверждаетъ, что „подъ покровомъ извѣстныхъ всѣмъ недостатковъ нашихъ законовъ находятъ нерѣдко пріютъ самыя вопіющія нарушенія не только общихъ юридическихъ началъ, одинаково обязательныхъ при всякомъ законодательствѣ, но и тѣхъ именно законовъ, на несостоятельность которыхъ ссылаются“. Въ пониманіи нашихъ законовъ объ опекѣ, продолжаетъ тотъ же авторъ, судьи выражали часто взгляды, совершенно противоположные, и вообще обнаруживали въ этомъ отношеніи замѣчательную шаткость и неопредѣленность понятій. Рѣзкія колебанія и противорѣчія, замѣтныя въ практикѣ нашихъ старыхъ и новыхъ судовъ, показываютъ, какъ нельзя яснѣе, какъ непроченъ и шатокъ тотъ фундаментъ, на которомъ строятъ свои заключенія наши практическіе юристы. „Оказывается, что та самая судебная практика, которая, изгнавъ медицинскую точку зрѣнія“, сама должна вырабатывать правила въ вопросѣ о вліяніи душевныхъ болѣзней на дѣеспособность, создаетъ стѣснительныя формальности и правила, которыхъ законъ совсѣмъ не знаетъ, что она подчасъ бываетъ очень смѣла и изобрѣтательна и что она „придумываетъ обходы для своихъ же собственныхъ ошибокъ и недоразумѣній“ [8]).

Если въ этомъ заключается особенность юридической точки зрѣнія, то нельзя не согласиться съ авторомъ, что она дѣйствительно рѣзко отличается отъ уголовной и психіатрической. Но это лишь одинъ изъ многихъ доводовъ, что юридическая точка зрѣнія, покоясь на шаткомъ фундаментѣ, совершенно несостоятельна, и что въ вопросѣ о право и дѣеспособности душевно-больныхъ медицинская точка зрѣнія также необходима и также обязательна, какъ и въ вопросѣ о способности ко вмѣненію. Юридическая точка зрѣнія устанавливаетъ крупное раз-

[7]) Л. З. Слонимскій. Умственное разстройство, его значеніе въ правѣ гражданскомъ и уголовномъ, стр. 61.

[8]) Ibid. стр. 62—63, 79, 93.

личіе между правоспособностью и способностью ко вмѣненію и допускается даже, что „душевно-больные совершаютъ обычныя гражданскія сдѣлки здоровою своею стороною и впадаютъ въ преступленія стороною болѣзненною (?)“ [9]).

Такое странное положеніе объясняется какъ полнымъ незнакомствомъ съ душевно-больными, такъ и тѣмъ ошибочнымъ взглядомъ, который видитъ въ правоспособности какую-то отвлеченную функцію помимо „темнаго психическаго міра“. Въ дѣйствительности же какъ правоспособность, такъ и способность ко вмѣненію имѣютъ между собою чрезвычайно много общаго, и что общее заключается въ томъ, что объ эти способности неразрывно и самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ „темнымъ психологическимъ міромъ“. И правоспособность, и способность ко вмѣненію суть лишь юридическія формулы для опредѣленія извѣстнаго душевнаго состоянія и не могутъ разсматриваться отдѣльно отъ послѣдняго, не превращаясь тѣмъ самымъ въ ничего не выражающія фикціи. Анализъ этого психическаго состоянія представляетъ первое условіе для сужденія о дѣеспособности или способности ко вмѣненію, и этотъ анализъ требуетъ не изученія римскаго права, а спеціальныхъ свѣдѣній по психіатріи.

Только знакомство съ нею можетъ убѣдить, что душевно-больные не обладаютъ магическимъ секретомъ изображать изъ себя двуликаго Януса, смотря по тому, попадутъ ли они въ уголовное или гражданское отдѣленіе суда, при чемъ въ первомъ они покажутъ больную сторону мозга, а во второмъ—здоровую; только знакомство съ психіатріею можетъ убѣдить, что душевно-больные всѣ свои поступки совершаютъ черезъ посредство одного и того же больнаго мозга.

Вопросами о способности ко вмѣненію и гражданской правоспособности душевно-больныхъ далеко не исчерпывается та связь, которая силою вещей соединяетъ юристовъ и психіатровъ. Эти вопросы представляютъ лишь очень малую и, можетъ быть, наименѣе важную сторону законодательства о душевно-больныхъ по сравненію съ тою обширною и наиболѣе существенною областью, которая касается попеченія о всѣхъ душевно-больныхъ. Психически больные не могутъ сами заботиться о себѣ, они нуждаются въ защитѣ своей личности, въ правильномъ уходѣ и попеченіи и наконецъ въ огражденіи своихъ имущественныхъ и другихъ интересовъ. Заботы объ этомъ составляетъ самую важ-

[9]) Ibid. стр. 119.

ную обязанность государства по отношенію къ душевно-больнымъ.

Если въ дѣлахъ уголовныхъ и гражданскихъ юристы обращаются за помощью къ врачамъ, то послѣдніе, въ свою очередь, въ вопросѣ объ организаціи дѣла призрѣнія душевно-больныхъ должны прибѣгнуть къ помощи юристовъ, при томъ не только какъ представителямъ правосудія, но еще въ большей мѣрѣ какъ общественнымъ дѣятелямъ и участникамъ въ законодательныхъ работахъ. Врачи тутъ безсильны; правда они лучше знакомы съ положеніемъ дѣла, могутъ указать на вопіющія нужды и неотложныя потребности, но измѣнить что-либо не въ состояніи.

Каждый больной долженъ находиться подъ охраною закона—все равно будетъ ли онъ богатый или бѣдный, будетъ ли онъ содержаться дома или въ больницѣ, будетъ ли онъ тихимъ или опаснымъ для другихъ. Это—основное требованіе правильной организаціи дѣла призрѣнія, а для его исполненія прежде всего необходимо, чтобы всякій душевно-больной былъ извѣстенъ государству, необходима правильная регистрація. По нашимъ законамъ „каждому семейству, въ коемъ находится безумный или сумасшедшій *предоставляется* предъявить о томъ мѣстному начальству [10]). Этого, конечно, недостаточно; необходимо, чтобы такое „предъявленіе" было обязательно, иначе государство будетъ поставлено внѣ возможности оказывать свое покровительство тѣмъ обездоленнымъ, защищать которыхъ составляетъ его обязанность. Наиболѣе существенное значеніе при этомъ долженъ имѣть контроль со стороны государства надъ способомъ содержанія больныхъ, какъ въ больницахъ, такъ и въ ихъ семьяхъ—особенно въ ихъ семьяхъ. Тѣ разслѣдованія, которыя производились въ западно-европейскихъ государствахъ, обнаруживали, что именно въ семьяхъ больные подвергаются самому возмутительному обращенію и самой невѣроятной эксплуатаціи. У насъ нѣтъ надобности въ парламентскихъ слѣдствіяхъ для обнаруженія такого рода фактовъ. Кому неизвѣстно, что даже въ Московской губерніи больные годами содержатся въ хлѣвахъ на цѣпи. Во время моего завѣдыванія Тамбовскою лѣчебницею рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы раздающійся по двору лязгъ цѣпей не возвѣщалъ о прибытіи новаго больнаго съ оффиціальнымъ удостовѣреніемъ полицейской власти, что больной „опасенъ и содержится на цѣпи". Нельзя не сопоставить съ этимъ поучительнаго факта, что еще въ 30-мъ году Вологодское губернское

[10]) Ст. 367, т. X, ч. 1.

правленіе предало суду волостного голову и выборнаго и наложило штрафъ на членовъ земскаго суда за содержаніе въ теченіе трехъ сутокъ на цѣпи крестьянина Иванова во время припадковъ помѣшательства. Правительствующій сенатъ, въ виду того, что это было сдѣлано не по какой-либо жестокости, освободилъ означенныхъ лицъ отъ суда и штрафа „съ подтвержденіемъ имъ впредь поступать съ большею осторожностью и человѣколюбіемъ"—и вмѣстѣ съ тѣмъ ўказомъ (отъ 12 іюля 1830 г.) предписалъ начальникамъ губерній, дабы они преподали мѣстнымъ начальствамъ „способы къ обращенію съ подвергающимися лишенію ума безъ употребленія мѣръ жестокихъ и насильственныхъ". Контроль надъ содержаніемъ больного въ семьѣ представляетъ, однако, вмѣшательство государства въ частную жизнь, что едва ли можетъ быть признано желательнымъ. Изъ многихъ трудно примиримыхъ требованій задачи организаціи призрѣнія душевно-больныхъ это едва ли не самое крупное. Тѣмъ не менѣе законодательство Шотландіи, Бельгіи, Италіи, также новый французскій законопроектъ требуютъ государственнаго контроля надъ способомъ содержанія каждаго больного, даже призрѣваемаго въ собственномъ домѣ, между тѣмъ неприкосновенность частной жизни въ этихъ государствахъ несомнѣнно оберегается болѣе тщательно, чѣмъ у насъ.

Въ своей семьѣ больной можетъ оставаться только при условіи, если онъ содержится хорошо и если приняты всѣ необходимыя мѣры для предотвращенія той опасности, которую онъ можетъ представлять для себя или для другихъ. Если же это не исполняется, или же родные не имѣютъ возможности или даже только не желаютъ оставлять больного дома, онъ долженъ быть помѣщенъ въ общественную или частную лѣчебницу—конечно, при условіи, если его состояніе требуетъ такого помѣщенія. А для этого государство должно располагать необходимымъ количествомъ мѣстъ для душевно-больныхъ. Иначе, какое значеніе могъ бы имѣть контроль со стороны государства, если-бы оно, при обнаруженіи какихъ-либо злоупотребленій, не располагало въ то же время необходимыми средствами для ихъ устраненія. Каждый больной, нуждающійся въ больничномъ помѣщеніи, не могущій по тѣмъ или другимъ основаніямъ оставаться дома, долженъ безъ малѣйшаго замедленія быть устроенъ соотвѣтствующимъ образомъ; *всякій больной имѣетъ право на общественное призрѣніе.* Это требованіе представляетъ центръ тяжести всей системы организаціи государственнаго попеченія о душевно-больныхъ: гдѣ больнымъ отказываютъ въ пріемѣ,

тамъ не существуетъ не только правильной, но и никакой организаціи этого дѣла, какъ ея не существуетъ, напр., въ Москвѣ и вообще въ Россіи.

Помимо контроля надъ способомъ содержанія больныхъ, какъ въ семьяхъ, такъ и въ больницахъ (здѣсь контроль долженъ установить минимумъ тѣхъ требованій, которыя могутъ быть предъявлены по отношенію къ устройству помѣщенія, пищѣ, одеждѣ, способа обращенія), помимо предоставленія больничнаго помѣщенія для каждаго нуждающагося въ таковомъ, государство обязано охранять и имущественные интересы каждаго больнаго. Если говорятъ, что эта сторона законодательства имѣетъ сравнительно мало значенія „уже потому, что бѣдныхъ гораздо больше богатыхъ“ [11]), то это очень крупная ошибка. Наоборотъ, эта сторона имѣетъ крайне важное значеніе, такъ какъ почти каждый имѣетъ какое-либо имущество и сохранить гроши для бѣдняка важнѣе, чѣмъ тысячи для богатаго „уже потому, что бѣдныхъ гораздо больше богатыхъ“. „Когда одинокій рабочій, читаемъ мы въ отчетѣ французскихъ генеральныхъ инспекторовъ за 1878 годъ [12]), поступаетъ въ лѣчебницу, онъ всегда оставляетъ дома какую-либо движимость, по меньшей мѣрѣ инструменты, необходимые для его работы, бѣлье и одежду, отъ продажи которыхъ нельзя почти ничего выручить и о которыхъ поэтому обыкновенно нисколько и не заботятся. Но если черезъ нѣсколько мѣсяцевъ этотъ рабочій выйдетъ совершенно выздоровѣвшимъ, то онъ уже не найдетъ ни инструментовъ, ни одежды—все исчезло; ничего болѣе не нужно, чтобы болѣзнь его повторилась снова.

То же самое наблюдается по отношенію къ земледѣльцамъ, будутъ ли они собственниками или арендаторами ничтожнаго клочка земли. Одно изъ существенныхъ достоинствъ новаго французскаго законопроекта составляетъ поэтому его требованіе объ обязательномъ назначеніи администратора для охраненія имущественныхъ интересовъ каждаго больного, помѣщеннаго въ общественное или частное заведеніе, причемъ къ такому заведенію приравнивается всякое жилище, гдѣ призрѣвается хотя бы только одинъ душевно-больной въ качествѣ пансіонера. На ряду съ охраною имущественныхъ интересовъ необходимо и установленіе различныхъ, часто сложныхъ, правовыхъ отношеній, которыя могутъ быть очень разнообразны. Если, напр., коммерсантъ, ве-

[11]) Вл. Чижъ. Лекціи по судебной психопатологіи. С.-Петерб. 1890, стр. 283.

[12]) Th. Roussel. Rapport fait au nom de la Commission chargée d'examiner le Projet de loi sur les aliénés.

дущій дѣятельныя торговыя сношенія, вслѣдствіе болѣзни помѣщается въ спеціальное заведеніе, то это можетъ создать иногда крайне затруднительное положеніе. Онъ не можетъ выдать довѣренности на веденіе дѣлъ, такъ какъ она можетъ быть признана судомъ недѣйствительною, между тѣмъ, какъ прекращеніе дѣла можетъ привести его къ полному разоренію. Въ настоящее время выходъ изъ этого положенія одинъ,—учрежденіе опеки, но эта процедура требуетъ продолжительнаго времени, нѣсколько мѣсяцевъ, иногда даже лѣтъ. Возьмемъ другой примѣръ. Студентъ, оставшійся на второй годъ, заболѣваетъ психическимъ разстройствомъ: если ему не будетъ сдѣлано зачета, его исключатъ изъ университета, такъ что его прямая выгода требуетъ подать прошеніе объ увольненіи. Положимъ, что по своему состоянію онъ можетъ написать такое прошеніе, но съ юридической стороны этотъ актъ не можетъ имѣть силы, недѣйствителенъ, и онъ самъ по выздоровленіи могъ бы его оспаривать. Можетъ ли больной выдать довѣренность на полученіе жалованья, пенсіи, денежнаго письма и т. п.? Однимъ словомъ, помимо имущественныхъ интересовъ у больного могутъ быть и другіе интересы, крайне для него важные, которые точно также требуютъ охраны и покровительства. Поэтому на ряду съ администраторомъ по имуществу долженъ быть и уполномоченный закономъ представитель другихъ самыхъ разнообразныхъ правовыхъ отношеній больного: конечно, соединеніе этихъ функцій вполнѣ возможно и даже желательно въ одномъ лицѣ.

Почти во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ выработаны точныя правила относительно пріема и выхода больныхъ изъ лѣчебницъ. При этомъ во многихъ изъ нихъ больные принимаются, не иначе, какъ по постановленію суда; въ нѣкоторыхъ штатахъ сѣверной Америки этотъ вопросъ передается даже на разсмотрѣніе суда присяжныхъ. Конечно, такой порядокъ нельзя считать заслуживающимъ подражанія. Вопросъ о томъ, можетъ ли больной находиться въ больницѣ или нѣтъ—вопросъ чисто медицинскій, и, какъ таковой, требуетъ, прежде всего, спеціальныхъ свѣдѣній. Увѣренность, что его разрѣшеніе доступно суду, развѣ не сводится къ той же коренной ошибкѣ, что всякое проницательное лицо не только можетъ опредѣлить болѣзнь, но и указать наиболѣе подходящій способъ лѣченія, такъ какъ помѣщеніе въ больницу очень часто прежде всего необходимо именно какъ способъ лѣченія. Двери нашихъ заведеній должны быть широко раскрыты для контроля со стороны представителей правосудія; во многихъ отношеніяхъ мы просимъ ихъ вмѣ-

шательства и ждемъ ихъ помощи, но этов мѣшательство должно касаться только той области, которая для нихъ доступна и гдѣ они, дѣйствительно, могутъ быть полезны. При несоблюденіи этого условія пришлось бы согласиться съ недавно высказаннымъ замѣчаніемъ одного изъ выдающихся французскихъ врачей, что законодатели—самые худшіе врачи для душевно-больныхъ [13]).

Въ заключеніе я долженъ указать еще на связь, соединяющую юристовъ съ психіатрами, благодаря ученію новой школы криминальной антропологіи. Правда, многіе выводы представителя этой школы—Lombroso—оказались болѣе, чѣмъ сомнительными. Существованіе особаго анатомически опредѣлимаго преступнаго типа не только остается недоказаннымъ, но заявлены и основательныя сомнѣнія самой возможности когда либо доказать его. Вмѣстѣ съ тѣмъ рушились и составленныя лишь на основаніи аналогій теоріи, что преступникъ представляетъ не что иное, какъ явленіе атавизма, что онъ дикарь въ современномъ обществѣ, что онъ не что иное, какъ ребенокъ, остановившійся на извѣстной фазѣ развитія, и что въ то же самое время онъ душевно-больной и эпилептикъ. Несмотря на свои крупныя увлеченія, новая антропологическая школа несомнѣнно оказала существенное вліяніе, поколебавъ чисто отвлеченныя понятія о природѣ преступленія, проявленіяхъ злой воли и заслуженныхъ ею наказаніяхъ. Хотя крайніе выводы итальянской школы, подвергнутые строгому разбору, и оказались преувеличенными и невѣрными, тѣмъ не менѣе ея основное положеніе не только осталось незыблемымъ, но еще болѣе укрѣпилось. Оно можетъ быть выражено такъ: вмѣсто кабинетнаго изученія отвлеченныхъ понятій о преступленіи и наказаніи необходимо обратиться къ изученію дѣйствительной жизни. Юристъ въ настоящее время не ограничивается изученіемъ преступнаго дѣянія, какъ совершенно абстрактнаго понятія, но долженъ обратиться къ изученію самаго преступника, какъ личности, лишь проявившей себя въ томъ или иномъ дѣяніи; а для этого онъ долженъ быть и соціологомъ, и антропологомъ, и психіатромъ, и можетъ быть даже больше всего психіатромъ.

Таковы тѣ основанія, которыя дѣлаютъ необходимымъ знакомство юристовъ съ психіатріею. Но это знакомство, хотя бы и самое элементарное, не можетъ ограничиваться только теоретическими свѣдѣніями; преподаваніе психіатріи можетъ быть

[13]) Arch. de Neurol. 1892 № 70, стр. 94.

успѣшнымъ только въ томъ случаѣ, если оно сопровождается демонстраціями и разборомъ больныхъ. Помимо, однако, клинической психіатріи юристы должны быть знакомы также съ законодательствомъ о душевно-больныхъ, касающемся, какъ способности ко вмѣненію, гражданской правоспособности, такъ и общей организаціи попеченія о душевно-больныхъ; имъ должны быть извѣстны не только дѣйствующія законоположенія, но также и ихъ болѣе крупные недостатки, многіе изъ которыхъ выступаютъ особенно рѣзко при сравненіи съ иностранными законодательствами.

Вл. Сербскій,
дѣйствительный членъ Московскаго Юридическаго Общества.

ФЕДЕРАТИВНЫЯ ФОРМЫ СОВРЕМЕННАГО ГОСУДАРСТВА.

Читано въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества
15 марта 1893 г.

Возникновеніе Германской Имперіи вызвало цѣлую литературу о сложныхъ государствахъ. Явились труды Іеллинека, Бра. Прейса и др., но вопросы, въ нихъ затрогиваемые, въ наукѣ далеко еще не рѣшены окончательно, а жизнь новѣйшихъ европейскихъ государствъ выдвигаетъ все новыя стороны этого ученія о федераціяхъ, принадлежащаго, безспорно, къ наиболѣе интереснымъ, но и труднымъ отдѣламъ политической науки вообще.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ полнаго вниманія недавно вышедшая книга проф. въ Марбургѣ, Вестеркампа: *Westerkamp*. Staatenbund und Bundesstaat; 1892. Написанная весьма живо и ясно, она даетъ читателю богатый матеріалъ о современныхъ союзныхъ формахъ, который авторъ имѣлъ возможность собрать изъ первыхъ рукъ своего пребыванія въ Голландіи, Швейцаріи и Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ онъ на мѣстахъ изучалъ не только теорію, но и практику интересовавшихъ его формъ и учрежденій. Какъ ни обширна, говоритъ онъ, литература ихъ изучающая, но она погрѣшаетъ доселѣ въ двоякомъ направленіи: съ одной стороны, она не располагаетъ достаточнымъ положительнымъ матеріаломъ, съ другой, она увлекается любовью къ отвлеченностямъ теоріи, лишающею ея способности понимать, какъ слѣдуетъ, явленія жизни. Правительственныя формы, читаемъ мы у автора, служатъ потребностямъ людей; понять ихъ можно лишь изъ отношеній, вызвавшихъ ихъ къ жизни, а чтобы судить объ ихъ достоинствѣ, нужно всегда имѣть въ виду оказываемое ими вліяніе на безопасность, дѣльность и благосостояніе народа, живущаго подъ ихъ сѣнію. Юри-

дическая логика и діалектика—не болѣе, какъ средства, существующія для разъясненія конституцій и законовъ; онѣ не должны извращаться въ безполезную или вредную схоластику, способную работать только надъ пустыми и невѣрными понятіями; ими не слѣдуетъ злоупотреблять для того, чтобы превращать ясный смыслъ законовъ въ противоположную сторону. Такъ напр. къ конституціи Соединенныхъ Штатовъ—которая есть продуктъ взаимной уступчивости и расположенія между ихъ согражданами,—нельзя прилагать мѣрку узко-юридической логики, которая не считается съ потребностями государственной жизни и не признаетъ въ ней необходимости безчисленныхъ компромисовъ.

Исправить, по возможности, указанные недостатки литературы,—такова цѣль занимающаго насъ сочиненія; но оно ставитъ себѣ и другую—болѣе широкую и живую. Существуетъ мнѣніе, высказанное и *Ривье* въ его учебникѣ Международнаго Права, будто союзъ государствъ постепенно сосредоточивается въ союзное государство, а послѣднее, съ усиленіемъ централизаціи, переходитъ въ свою очередь въ государство простое, (унитарное).

Можно, замѣчаетъ Вестеркампъ, согласиться развѣ съ первою половиною этого положенія, но не съ послѣднею. Республика Генеральныхъ Штатовъ Нидерландъ—единственный союзъ, обратившійся въ простое государство, за то не существуетъ никакихъ признаковъ къ тому, чтобы къ этой формѣ перешли: Соединенные Штаты Америки: Мексика, Аргентина, Канадскій Союзъ, Бразилія и австралійскія колоніи, тоже стремящіяся превратиться въ федерацію подъ верховенствомъ Англіи. Система федеративнаго управленія нынѣ простирается уже на территорію, которая, по величинѣ своей, превосходитъ приблизительно въ три раза всю Европу и, по всѣмъ вѣроятіямъ, скоро будетъ введена еще въ новой части свѣта (Австраліи). Великое преимущество союзной формы государствъ лежитъ въ томъ, что она дѣлаетъ возможнымъ соединеніе ихъ національнаго единства съ разнообразіемъ въ ихъ частныхъ и мѣстныхъ дѣлахъ. Вытекающія отсюда выгоды для свободы и развитія народовъ таковы, что онѣ, вѣроятно, поведутъ въ будущемъ къ все бо̀льшему распространенію этой формы въ цивилизованномъ мірѣ! По крайней мѣрѣ мы видимъ, за послѣднее время, какъ многія простыя государства, обширныя и полныя будущности, перешли къ этой союзной формѣ.

Изъ этихъ словъ видно, что авторъ смотритъ широко на поставленную имъ себѣ задачу. И надо сознаться, онъ выпол-

няетъ ее съ умѣньемъ и талантомъ. Книга его полна самаг живого поученія и интереса, какъ съ точки зрѣнія государ ственной, такъ не менѣе и съ международной. Кромѣ искусств изложенія, она этимъ обязана и самому методу, которому слѣ дуетъ авторъ: „какъ естественныя науки достигли своего вели чія путемъ тщательнаго собиранія фактовъ, ихъ сравненія наблюденія надъ ними, такъ и государственныя знанія, чтоб развиваться въ будущемъ плодотворно, должны обращать болѣ вниманія на явленія политической жизни и практики. Въ воз душной области теоріи идеи легко между собою уживаются сочетаются, но не то въ суровой дѣйствительности, гдѣ им подчасъ приходится рѣзко между собою сталкиваться и бороться за свое существованіе".

Античные союзы авторъ оставляетъ въ сторонѣ, ибо они не оказали вліянія на современныя формы этого построенія. Центральное мѣсто въ его изысканіяхъ занимаютъ, какъ и слѣдовало ожидать, Соединенные Штаты Америки, громадное вліяніе которыхъ въ политическомъ, экономическомъ и соціальномъ отношеніи легко можетъ быть наблюдаемо каждымъ уже теперь, но воздѣйствіе которыхъ на идеи и учрежденія стараго свѣта въ будущемъ и предусмотрѣть невозможно.

Наконецъ авторъ всюду указываетъ на первоисточники и на главнѣйшія литературныя пособія.

Книга его распадается на три части: въ первой — „*Практика* современныхъ союзовъ",—онъ даетъ намъ краткій историческій очеркъ ихъ послѣдовательныхъ измѣненій; во второй,— посвященной *дѣйствующему* въ нихъ *праву*,—онъ разсматриваетъ главнѣйшіе изъ этихъ союзовъ (Соединенные Штаты, Швейцарію, Мексику, Аргентину, Канаду и Германскую имперію) съ слѣдующихъ четырехъ сторонъ: матеріальныхъ правомочій союзной власти, ея организаціи, функцій; наконецъ, по отношенію измѣненій и гарантіи союзныхъ конституцій.

Въ послѣдней, третьей, части мы находимъ *выводы*, къ которымъ авторъ приходитъ въ своемъ изслѣдованіи.

Чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе объ этомъ сочиненіи, мы остановимся немного на первой и послѣдней его части.

Всѣ новѣйшіе союзы Вестеркампъ сводитъ къ тремъ большимъ группамъ: союзы германскіе, англо-саксонскіе и романскіе. Германцамъ, говоритъ онъ, принадлежитъ слава перваго созданія этой политической формы сожитія людей, но англосаксонцы дали ей наиболѣе широкую и совершенную организацію. Ими созданные союзы, поэтому, самые важные и инте

ресные. Романцы пытались въ этомъ дѣлѣ имъ подражать, но имъ значительно доселѣ мѣшали присущія имъ политическія традиціи и воззрѣнія. Тоже самое можно было бы сказать и про славянъ, которыхъ авторъ, впрочемъ, совсѣмъ не касается.

Въ отдѣлѣ о *германскихъ союзахъ* онъ говоритъ кратко, но въ ясныхъ словахъ о главныхъ измѣненіяхъ, пережитыхъ въ ихъ политическихъ судьбахъ, Германіею, Швейцаріею и Нидерландами съ Вестфальскаго мира, и даже ранѣе, вплоть до нашихъ дней. Къ *союзамъ англо-саксонскимъ* онъ относитъ Сѣверные Штаты, Канаду (по закону 1867 г.) и Австралію (по закону 1885 г.). *Романскіе*, наконецъ, *союзы* возникли между республиками средней и южной Америки, но въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ останавливается только на двухъ изъ нихъ: на Мексикѣ и Аргентинѣ.

Собственно федераціи обнимаютъ двѣ главныя формы: союзъ государствъ и союзное государство. Первая нынѣ болѣе не встрѣчается, перейдя постепенно, въ Европѣ, во вторую, — со времени и по образцу американской конституціи 1787 г. Всѣ эти подражанія послѣдней относятся, какъ извѣстно, исключительно къ нашему столѣтію.

Изъ множества интересныхъ данныхъ, разсѣянныхъ въ этой части книги Вестеркампа, отмѣтимъ нѣкоторыя частности: нѣмецкая наука заимствовала понятіе и ученіе о правовомъ государствѣ (Rechtsstaat) изъ представленія англійскихъ мыслителей о такомъ нормальномъ государствѣ, въ которомъ *управляютъ законы, а не люди* (government of laws and not of men). Это великое начало, высказанное Локкомъ, Юмомъ и др., позднѣе встрѣчается и въ законахъ. Впервые оно было провозглашено въ конституціи штата Массачузетса (1780 г.). Авторъ предостерегаетъ Швейцарію отъ превращенія въ унитарную, централизованную республику. Это было бы тяжкимъ нарушеніемъ ея вѣковыхъ традицій и, стоя въ противорѣчіи съ разнообразіемъ ея частей по національности, вѣроисповѣданію, правамъ и языку, въ корнѣ подорвало бы ея дальнѣйшее преуспѣяніе, которое донынѣ было всегда столь плодотворно для ея свободы и мира.

Съ видимою любовію авторъ останавливается на Генеральныхъ Штатахъ Голландіи. Искавъ въ началѣ своей независимости покровительства у Германіи и Франціи, но безъ особаго успѣха, они выработали у себя конституцію, въ которой Вестеркампъ видитъ лучшій изъ существовавшихъ типовъ союза государствъ. Но болѣе всего онъ прославляетъ ихъ за то, что

они, предупреждая въ этомъ отношеніи Англію, были страной перваго возникновенія религіозной и политической свободы въ современномъ обществѣ.

Сѣверные Штаты Америки, по прочности своего политическаго строя, занимаютъ первое мѣсто въ средѣ цивилизованныхъ народовъ. Съ этимъ нельзя не согласиться, особенно если ихъ сравнить съ Франціею за послѣднее столѣтіе. Авторъ въ яркихъ чертахъ изображаетъ намъ обстоятельства, которыя чрезвычайно благопріятствовали установленію въ нихъ, къ концу прошлаго вѣка, федеративныхъ формъ: колонисты, ихъ заселявшіе были большею частію англійскаго происхожденія и протестанты; связанные общностію языка, прошлыхъ судебъ и стремленій, они перенесли съ собою въ новое отечество главныя начала англійскаго права: равенство всѣхъ передъ закономъ, гражданскую и религіозную свободу, самоуправленіе, но не въ административномъ только, а и въ политическомъ смыслѣ, понимаемое какъ право народа участвовать въ законодательствѣ и въ управленіи, наконецъ, судебный контроль надъ администраціею. Штаты не знали различныхъ препятствій, которыя воздвигаются въ Старомъ Свѣтѣ на пути осуществленія союзныхъ формъ: раздѣленій населенія на сословія; на вѣчно между собою враждующія религіозныя партіи и воздѣйствія тѣхъ причинъ, о которыхъ такъ поэтично говоритъ Гёте въ своемъ къ нимъ обращеніи: „разрушенныхъ замковъ, тщетныхъ воспоминаній и безцѣльныхъ споровъ“ [1]). Но имъ сильно угрожали экономическія и соціальныя противоположности, которыя, какъ извѣстно, едва и не раскололи ихъ въ эпоху междоусобной войны.

Останавливаясь на отношеніяхъ англійскихъ колоній къ ихъ метрополіи, Вестеркампъ указываетъ на постепенный переходъ ихъ къ федерализму. Въ силу акта 1867 г. (British North America Act) возникъ Канадскій Союзъ; актъ 1885 г. (Federal Council of Australasia Act) положилъ начало таковому же среди австралійскихъ колоній. Бывшія тамъ позднѣе въ Мельбурнѣ и въ Сиднеѣ конференціи (1890 и 91 г.) выработали настоящій проектъ Австралійской федераціи, сходственной съ канадской

[1]) Amerika, du hast es besser
Als unser Continent, der alte,
Hast keine verfallene Schlösser
Und keine Basalte.
Dich stört nicht im Innern
Zu lebendiger Zeit
Unnützes Erinnern
Und vergeblicher Streit. (Göthe).

и сѣверо американской. Особенно любопытны постановленія послѣдней [2]).

Стремленія эти преслѣдуютъ двоякую цѣль: установить между Англіею и ея колоніями, призванными ею къ болѣе или менѣе самостоятельной и широкой политической жизни, союзы: таможенный и военный. На практикѣ, конечно, осуществленію этого плана воздвигаются большія затрудненія и лордъ Салюсбюри, принимая его сторонниковъ въ 1891 г., нашелъ его еще весьма преждевременнымъ. Это, между прочимъ, потребовало бы допущеніе депутатовъ отъ колоній въ имперскій парламентъ, которые, посылаемые туда пропорціонально населенію своихъ странъ, столь быстро растущему, могли бы легко составить большинство своими голосами сравнительно съ числомъ собственно англійскихъ депутатовъ, что превратило бы самую политику метрополіи изъ европейской въ американскую, австралійскую и т. д. Боязливые умы могутъ видѣть во всемъ этомъ начало распаденія Британской имперіи. Но можно разсуждать и совсѣмъ иначе; федерализмъ, какъ дальнѣйшій продуктъ національнаго генія англосаксонской расы, столь всегда привычной къ самодѣятельности и самоуправленію, лишь скрѣпитъ внутренно и духовно отдѣльные ея члены, предоставивъ имъ возможность болѣе широкаго и мирнаго собственнаго развитія, но безъ порванія связей съ великимъ цѣлымъ, въ составъ котораго они входятъ. Въ какомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ этимъ геніемъ стоитъ духъ романскихъ народовъ, и наиболѣе яркими представителями которыхъ являются Французы! Они создали, говоритъ Вестеркампъ, современную теорію объ абсолютности верховной власти (объ ея неограниченности, недѣлимости и неотчуждаемости). Высказанная еще Боденомъ, она достигла наибольшей выразительности у Руссо (въ его Contrat Social). Присвоенная въ свое время французскими монархами, она перешла цѣликомъ и на поздѣйшую демократію. „Деспотическій владыко по Contrat Social, говоритъ Менъ, всемогущее общество, есть тотъ же полновластный монархъ Франціи, но въ обратномъ къ нему положеніи, т. е. головою внизъ. Всесильная демократія, подобно прежнему королю-вотчиннику, распоряжается лицами и ихъ имуществами на правахъ полнаго хозяина". Послѣдствія этой доктрины и не преминули сказаться въ кровавыхъ дѣяніяхъ первой французской революціи. Затѣмъ она была усвоена публицистами другихъ странъ, не исключая даже Англіи. Вестеркампъ приводитъ интересныя выдержки изъ ихъ мнѣній. Справедливость, впрочемъ,

[2]) См. ихъ въ соч. *Dreyfus*. L'Arbitrage international; 1892, p. 305—306.

требуетъ, замѣчаетъ онъ, оговорки, среди романцевъ, въ пользу Монтескье: „ему принадлежитъ слава первой научной формулировки противоположнаго принципа государственной жизни и практики Англіи, и едвали какой иной писатель оказалъ столь благотворное вліяніе, какъ онъ, на улучшеніе строя европейскихъ государствъ.

Вестеркампъ возстаетъ рѣшительно противъ этого, все еще столь распространеннаго ученія о самоопредѣляющемся и безграничномъ суверенитетѣ. Сторонники его какъ будто и знать не хотятъ того, что оно равносильно порабощенію верховной власти всѣхъ подвластныхъ ей людей, что оно не совмѣстимо съ правами другихъ государствъ, даже съ природою самого государства и наконецъ, съ безчисленными явленіями, дѣйствительной жизни. Неопровержимое доказательство въ пользу ограничиваемости, дѣлимости и отчуждаемости верховной власти лежитъ въ широкомъ распространеніи федеративныхъ формъ (союза государствъ и союзнаго государства) [3]) противоположная этому теорія рѣшительно несовмѣстима съ существованіемъ конкуррирующихъ властей, которыя, на одной и той же территоріи, надъ тѣми же лицами, облечены по собственному праву и въ независимости другъ отъ друга законодательными, исполнительными и судебными функціями. Государства не суть только отвлеченныя логическія категоріи; дѣйствительная жизнь производитъ политическія тѣла и несовершенныя, находящіяся въ различныхъ стадіяхъ своего развитія, и неужели наукѣ нѣтъ дѣла до нихъ? Понятіе о государствахъ зависимыхъ (полу-независимыхъ, напр.), должно быть признано и цѣлесообразнымъ и разумнымъ. Значеніе развитыхъ союзовъ въ томъ и состоитъ, что они ведутъ къ широкой децентрализаціи государственной власти и къ ограниченію ея дѣятельности опредѣленными, закономъ установленными, функціями. Часть ея поэтому покоится въ рукахъ союза, другая пребываетъ у его членовъ, которые, въ свою очередь, предоставляютъ доли ея общинамъ и публично-правовымъ корпораціямъ. И такъ, заключаетъ авторъ, государственная власть не всемогуща, она не безусловно распоряжается подчиненными ей лицами и вещами, но ея полномочія очерчиваются конституціею и законами.

Это ученіе, весьма послѣдовательно проведенное, составляетъ центральный пунктъ въ разсматриваемомъ нами сочиненіи. Оно

[3]) Такъ смотритъ на дѣло и Гарейсъ: «фактъ, что части государства, въ свою очередь, являются государствами, вытекаетъ изъ исторически-доказанной ограничиваемости суверенитета. (Institutionen des Völkerr. S. 48).

тѣмъ болѣе примѣчательно, что рѣзко расходится съ догмою большинства современныхъ государственниковъ, но не смотря на это существуютъ серьезныя основанія предположить, что ему принадлежитъ будущее.

Неустойчивость политическихъ формъ, вѣчные перевороты совершающіеся въ прежнихъ американскихъ колоніяхъ испанцевъ и португальцевъ, авторъ, совершенно вѣрно, объясняетъ печальными обстоятельствами ихъ перваго развитія, а равно пестрою смѣсью ихъ населенія и его неразвитостію. Впродолженіе вѣковъ эти колоніи страдали отъ язвъ, подточившихъ благосостояніе ихъ метрополій, и оставались чуждыми великимъ идеямъ новаго времени, носителями которыхъ выступили болѣе всего англо-саксонцы. Съ самаго начала ихъ историческаго бытія имъ были привиты абсолютистически-клерикальныя понятія, царившія въ ихъ метрополіи: торговлю и ремесла связывали запретительныя мѣры; населеніе ихъ было лишено свободы переселенія и вѣроисповѣданія; оно и понятія не имѣло о самоуправленіи въ англійскомъ смыслѣ, находясь въ подчиненіи у правительства, которое держало его подъ опекою и надзоромъ, но само отличалось высокомѣріемъ, жадностію и незнаніемъ лицъ и вещей, ему подвластныхъ. Заправляя всѣмъ сверху, это правительство, въ политикѣ своей, держалось лишь принципа divide et impera: внутри самихъ колоній оно эксплуатировало антагонизмъ между отдѣльными классами ихъ населеній, а съ другой стороны, оно видѣло въ нихъ простые объекты, годные лишь для обогащенія метрополіи и ея чиновниковъ. О нуждахъ и благосостояніи самихъ колоній и рѣчи быть не могло. Вотъ почва и условіе, среди которыхъ протекло, такъ сказать, дѣтство этихъ по природѣ благословенныхъ странъ центральной и южной Америки. Это нужно постоянно имѣть въ виду, когда обсуждаешь ихъ дѣла и порядки. Авторъ, не смотря на все это, вѣритъ въ ожидающую ихъ блестящую будущность: можно надѣяться, замѣчаетъ онъ, что эти республики, одолѣвъ политическіе и экономическіе недуги своей молодости, современемъ приспособятся къ формамъ существующихъ у нихъ конституцій, понынѣ, очевидно, далеко опередившихъ уровень ихъ духовнаго развитія; онѣ пріобрѣтутъ требуемыя послѣдними качества и тогда, вѣроятно, ихъ политическая жизнь потечетъ по образцу сѣверо-американскаго строя.

Въ послѣднемъ, третьемъ, отдѣлѣ авторъ обстоятельно разбираетъ пункты различія между союзнымъ государствомъ и союзомъ государствъ: ихъ нельзя видѣть въ объемѣ внѣшняго суве-

ренитета, принадлежащаго ихъ членамъ въ томъ или другомъ соединеніи; ни въ степени власти союзнаго правительства надъ самимъ населеніемъ, ни въ равенствѣ или неравенствѣ членовъ федераціи, а наиболѣе рѣшающимъ признакомъ различія является самостоятельность и самобытность (Selbstgenugsamkeit) центральнаго правительства по отношенію къ членамъ федераціи, такъ что, гдѣ этотъ признакъ на лицо мы имѣемъ дѣло съ союзными государствами, гдѣ же онъ отсутствуетъ, тамъ будутъ передъ нами союзы государствъ. Поэтому обѣ эти формы отличаются между собою не по *существу*, а лишь по опредѣленнымъ *качествамъ*.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Вестеркампъ подвергаетъ разбору мнѣніе главнѣйшихъ писателей по изучаемому имъ вопросу и приходитъ къ выводу, что мысли объ этомъ Вайтца [4]) должны быть признаны наиболѣе вѣрными. Теорію же Лабанда онъ называетъ продуктомъ юридической схоластики.

Послѣдняя глава въ книгѣ Вестеркампа посвящена сравненію сѣверо-американской конституціи [5]) съ Канадской.

Уже изъ нашей бѣглой замѣтки можно видѣть, какимъ богатымъ и интереснымъ содержаніемъ отличается это сочиненіе. Но его надо прочесть и изучить, чтобы, какъ должно, оцѣнить важное его значеніе для нашего времени. Съ одной стороны, какъ мы видѣли, федеративныя формы распространяются на нашихъ глазахъ, все на новыя страны: быть можетъ, Ирландія скоро получитъ свой парламентъ; Австро-Венгрія, если не распадется, должна будетъ, вѣроятно, перейти отъ дуализма къ гораздо болѣе справедливому для нея федерализму. Германія не станетъ окончательно жертвою прусскаго деспотизма и милитаризма лишь подъ условіемъ болѣе рѣшительнаго присвоенія себѣ принциповъ и формъ союзнаго государства. Многіе не безъ основанія видятъ лучшій способъ для прочнаго и мирнаго преуспѣянія балканскихъ племенъ въ будущемъ—соединеніе ихъ въ федерацію. Къ таковой же, вѣроятно, обратятся народы Скандинавіи, Бельгія и Голландія и тѣ или иные еще народы Европы.

Съ другой стороны, федеративныя формы сами по себѣ, независимо отъ этого распространенія, представляютъ величайшій интересъ: продуктъ высоко развитой и свободной государственной жизни, онѣ являются какъ бы связующимъ звеномъ между государственнымъ строемъ и международною организаціею, за-

[4]) Waitz. Grundzüge der Politik. 1862.

[5]) Она помѣщена цѣликомъ какъ и первая конституція Штатовъ 1778 г. въ приложеніи у Вестеркампа.

родыши которой выступаютъ съ каждымъ днемъ все яснѣе. Въ этомъ отношеніи, хотя на другой почвѣ—политической, онѣ имѣютъ значеніе аналогичное съ международными уніями [6]).

Сущность сложныхъ государствъ выражается въ слѣдующихъ чертахъ: части ихъ, входя въ составъ высшаго политическаго цѣлаго, не перестаютъ быть все-таки государствами (поэтому нѣмцы называютъ ихъ Gliedstaaten); они не лишены суверенитета и, въ извѣстныхъ границахъ, по собственному праву, а не въ силу делегаціи (какъ думаетъ Іеллинекъ относительно членовъ союзнаго государства) располагаютъ законодательною, правительственною и судебною властью. Значитъ они совсѣмъ не то, что самоуправляющіяся административныя единицы (провинціи, округи). Но и соединеніе ихъ представляетъ изъ себя государство. Кругъ полномочій и дѣятельности центральныхъ и мѣстныхъ властей взаимно разграничиваются договоромъ (въ союзѣ государствъ) или закономъ (въ союзномъ государствѣ). Но даже первая изъ этихъ формъ соединенія не есть только, какъ думаютъ нѣкоторые, юридическое отношеніе, а настоящая юридическая личность, т.-е. организованный союзъ, съ опредѣленными политическими цѣлями, обладающій самостоятельнымъ правомъ международнаго представительства, войны и т. д. [7]).

Самостоятельные органы цѣлаго особенно выработаны въ союзномъ государствѣ (федераціи). Законодательная власть тутъ ввѣряется двумъ верховнымъ собраніямъ: одно является носителемъ федеративнаго принципа, покоится на идеѣ равенства всѣхъ членовъ союза (сенатъ въ Соед. Штатахъ, въ которомъ засѣдаютъ по два сенатора отъ каждаго штата; совѣтъ Кантоновъ въ Швейцаріи, составленный по тому же принципу); другое собраніе воплощаетъ собою идею государственнаго единства союза, идею народнаго единства (палата представителей въ Штатахъ, члены которой избираются населеніемъ, пропорціонально его величинѣ въ каждомъ штатѣ; національный совѣтъ Швейцаріи, избираемый по тому же началу).

Исполнительная власть принадлежитъ либо одному лицу (президенту въ Штатахъ), либо даже особому собранію (союзному совѣту, въ Швейцаріи, избираемому изъ всѣхъ швейцарскихъ гражданъ, на извѣстный срокъ обѣими палатами. Онѣ же избираютъ, изъ состава его, президента и вице-президента на годъ).

[6]) О нихъ см. статью нашу въ Русской Мысли 1892. Дек.

[7]) *Даневскій.* Пособіе къ изуч. ист. и сист. межд. пр. 1892. Вып. I; стр. 148 и слѣд.

Но наиболѣе для насъ интересно устройство судебной власти. Въ то время, какъ въ союзѣ государствъ допускались развѣ третейскіе суды, въ федераціяхъ мы встрѣчаемъ постоянные и правильно-организованные суды. Они стоятъ не только на стражѣ цѣльности союза и его конституціи, рѣшаютъ, въ извѣстныхъ границахъ, споры между его членами, но и имѣютъ нѣкоторую, такъ сказать, международную юрисдикцію. Ими фактически опровергается мнѣніе тѣхъ, которые все еще a priori продолжаютъ утверждать, что между государствами никакой судъ немыслимъ. Это положеніе принципіально невѣрно, разъ установлено ученіе объ ограниченности суверенитета и этому, въ дѣйствительной жизни, противорѣчатъ международные третейскіе суды и суды постоянные въ федераціяхъ.

Верховный судъ въ Штатахъ замѣнилъ суды случайные въ 1789 г. Онъ пребываетъ въ Вашингтонѣ и состоитъ изъ предсѣдателя и восьми членовъ (ассесоровъ), назначаемыхъ президентомъ съ одобренія сената. Онъ является апелляціонною инстанціею, а разбираетъ дѣла въ первой инстанціи, лишь когда рѣчь идетъ о какомъ-либо государствѣ, или посланникѣ. Ему между прочимъ подсудны дѣла: о толкованіи трактатовъ, о дипломатическихъ агентахъ, о морской юрисдикціи; споры между отдѣльными штатами, между штатомъ и гражданами другого, между гражданами различныхъ штатовъ; наконецъ споры штатовъ съ иностранными государствами или съ ихъ гражданами.

Споръ между швейцарскими кантонами рѣшался еще съ XIV в. третейскими судьями. Законъ 1874 г. создалъ и для Швейцаріи высшій судъ. Онъ находится въ Лозаннѣ и состоитъ изъ девяти членовъ (троихъ на каждую ея національность) и изъ такого же числа ихъ замѣстителей, назначаемыхъ національнымъ собраніемъ. Юрисдикція его обширна, въ области гражданскаго, уголовнаго и публичнаго права. Между прочимъ вѣдомству его подлежатъ: преступленія и проступки политическіе; нарушенія международнаго права; споры о выдачѣ преступниковъ.

Въ проектѣ австралійской федераціи, выработанной упомянутой уже сиднейской конференціею (1891 г.), также предусматривается введеніе одного верховнаго суда для всей Австраліи [8]).

Современная Германская Имперія такого высшаго суда съ политическою юрисдикціею не имѣетъ. Учрежденный въ ней въ 1876 г. Reichsgericht, находясь въ Лейпцигѣ, вѣдаетъ только гражданскія и уголовныя дѣла. Споры же между ея членами

[8]) *Dreyfus* ib. p. 303.

разбираетъ союзный совѣтъ, т.-е. не судъ, а собраніе политическое.

Въ этомъ отношеніи, какъ и по другимъ важнѣйшимъ вопросамъ публичнаго права, Германія представляетъ странную смѣсь формъ и порядковъ союза государствъ и союзнаго государства. Большинство современныхъ публицистовъ, однако, относятъ ее къ послѣднему. Вѣрнѣе было бы ее называть союзною имперіею (Bundesreich) и считать разновидностью федераціи, вызванною, съ одной стороны, господствомъ въ ней монархическаго начала, съ другой, преобладаніемъ надъ всѣми ея членами Пруссіи. Но соединеніе федеративныхъ ея органовъ съ властями послѣдней не можетъ быть названо счастливымъ и заставляетъ сомнѣваться въ прочности ея единства. Во всякомъ случаѣ, федеративные образцы доставляютъ обильный матеріалъ для политической мысли и отъ нихъ должно отправляться каждому, кто задумывается надъ проблеммою еще болѣе важною и трудною, надъ международною организаціею.

Гр. Л. Камаровскій,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

ПРОЦЕССЪ ИСПОЛНЕНІЯ РѢШЕНІЙ ПО НОВОМУ ЗАКОНУ [1]).

Законъ 8 іюня 1893 года объ измѣненіи законоположеній, касающихся исполненія окончательныхъ судебныхъ рѣшеній).

Законъ 8-го іюня 1893 года вноситъ весьма существенныя измѣненія въ процессъ исполненія судебныхъ рѣшеній. Законъ этотъ стремится, повидимому, согласовать и примирить принципъ кассаціи съ законною силою окончательныхъ рѣшеній, съ такъ-называемою auctoritas rei judicatae, и имѣетъ цѣлью предотвратить тѣ непоправимыя нерѣдко потери, которыя происходятъ для обвиненной по дѣлу стороны отъ немедленнаго и ничѣмъ неограниченнаго исполненія судебнаго рѣшенія. Въ нашемъ юридическомъ быту нерѣдко выдвигаются явленія, указывающія на внутреннее противорѣчіе, существующее между формулою res judicata pro veritate habetur и принципомъ кассаціи. Съ одной стороны, рѣшеніе вступаетъ въ законную силу, когда оно постановлено апелляціонною инстанціею, и такое рѣшеніе подлежитъ реальному исполненію (ст. 184, п. 3 ст. 892 и 924 уст. гр. суд.); процессуальное отношеніе, слѣдовательно, прекратилось, спорное право превратилось въ безспорное, бывшее въ спорѣ имущество передается тому, кому оно присуждено, денежныя взысканія удовлетворяются изъ имущества должника, на его счетъ производятся тѣ дѣйствія или работы, которыя не совершены имъ въ назначенный срокъ (ст. 933 и 934). Съ другой стороны, это же рѣшеніе, уже реализованное, нерѣдко отмѣняется кассаціонною инстанціею, какъ будто его и не было, и тѣмъ самымъ спорное отношеніе возстановляется; предположенная истина,—реальность, превращается въ призракъ, въ ничто. Но въ силу означеннаго рѣшенія уже совершились извѣстные факты, прои-

[1]) Читано въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества 11 октября 1893 г.

зошли объективныя измѣненія въ матеріально-правовыхъ отношеніяхъ сторонъ; съ отмѣною рѣшенія уничтожается только юридическій титулъ, правовой элементъ этихъ отношеній, но факты не разрушаются, а продолжаютъ существовать. Правда, исполненіе кассированнаго рѣшенія *останавливается* (ст. 814), но все то, что уже исполнено, очевидно, не можетъ быть пріостановлено. Такое положеніе вещей порождаетъ на практикѣ нежелательныя для правовой и экономической жизни послѣдствія: имущественная сфера лица теряетъ свою устойчивость и легальность, юридическое отношеніе не совпадаетъ съ фактическимъ, а главное то, что лицо, получившее въ силу отмѣненнаго рѣшенія имущество или удовлетвореніе, въ промежуткѣ времени между отмѣною прежняго и постановленіемъ новаго рѣшенія можетъ отчудить, трансформировать и даже уничтожить все имъ полученное, такъ что другая сторона, если новое рѣшеніе постановлено будетъ въ ея пользу, лишится возможности возстановить прежнее свое отношеніе къ имуществу. Во многихъ случаяхъ, новое рѣшеніе, какъ бы оно ни было благопріятно для отвѣтчика, не въ состояніи реституировать то, что уже совершилось по первому, отмѣненному рѣшенію, напр., снесены строенія, уничтожены сооруженія, продано съ публичнаго торга имущество, которое затѣмъ отъ покупщика перешло къ другому, отъ него къ третьему и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, лицу, оправданному новымъ рѣшеніемъ, остается единственный способъ удовлетворенія: получить вознагражденіе за понесенные убытки или, вѣрнѣе, взыскивать стоимость не найденнаго, отчужденнаго или растраченнаго имущества (ст. 1213), но, во-первыхъ, для этого нужно будетъ начать новое дѣло и подвергаться всѣмъ трудностямъ и случайностямъ процесса объ убыткахъ, во-вторыхъ, у отвѣтчика можетъ не оказаться никакого имущества для покрытія взысканія, и, наконецъ, не всегда денежное вознагражденіе можетъ служить эквивалентомъ ненайденнаго, истребленнаго или растраченнаго предмета, который по индивидуальнымъ своимъ качествамъ „художественному, фамильному или иному внутреннему значенію“ представляетъ особую цѣнность для даннаго лица. Чтобы предупредить эти не желательныя явленія дѣйствительности, новый законъ поступается отвлеченнымъ принципомъ исполнительной санкціи окончательнаго рѣшенія и преподаетъ для этой цѣли рядъ новыхъ правилъ. Они связываютъ процессъ исполненія съ кассаціоннымъ процессомъ въ томъ отношеніи, что послѣдній оказываетъ воздѣйствіе на начало, продолженіе и окончаніе перваго. Правила эти могутъ

быть сведены къ двумъ категоріямъ. *Первая* относится къ случаямъ, въ которыхъ процессъ исполненія вовсе не *начинается* до истеченія срока на подачу кассаціонной жалобы, а если она подана, то до разрѣшенія оной; *вторая*—касается мѣръ, отчасти останавливающихъ окончательную реализацію рѣшенія, отчасти обезпечивающихъ права и интересы отвѣтчика на случай отмѣны рѣшенія и перевершенія дѣла въ его пользу. А) Исполненіе рѣшеній до истеченія срока на подачу кассаціонной жалобы, а если она подана, то до разрѣшенія оной, *не допускается*: 1) по дѣламъ о законности рожденія, 2) по дѣламъ о расторженіи или признаніи недѣйствительными браковъ между раскольниками, 3) по дѣламъ, подлежащимъ судебно-межевому разбирательству и 4) по искамъ, предъявленнымъ противъ казенныхъ управленій (ст. 814^{1}— и 1291^{1}— уст. гр. суд.). По терминологіи нашего устава подъ дѣлами о законности рожденія слѣдуетъ разумѣть иски, коими доказывается законность или незаконность рожденія. Лицо, записанное въ метрическихъ книгахъ незаконнорожденнымъ, можетъ само или въ лицѣ своихъ родителей и опекуновъ путемъ иска домогаться признанія его законнорожденнымъ (ст. 1347, 1354 — 1356 уст. гр. суд.); и, наоборотъ, можетъ быть предъявленъ споръ противъ законности рожденія съ просьбою о признаніи лица незаконнорожденнымъ (ст. 1348—1353). Исполненіе рѣшеній по дѣламъ этого рода (въ случаѣ удовлетворенія иска) заключается въ записки въ метрическихъ книгахъ законности или незаконности рожденія лица, и такъ какъ съ этою записью установляется право состоянія (status) сего послѣдняго, то съ точки зрѣнія закона исполненіе рѣшенія по означеннымъ дѣламъ представляется настолько важнымъ, что оно должно быть прочно и безповоротно. Это обстоятельство, вѣроятно, и послужило основаніемъ къ отсрочкѣ исполненія впредь до истеченія кассаціоннаго срока или до разрѣшенія кассаціонной жалобы. Но такое же основаніе вполнѣ приложимо и къ дѣламъ объ узаконеніи и усыновленіи. Исполненіе опредѣленій суда по этимъ дѣламъ сопряжено съ пріобрѣтеніемъ узаконеннымъ правъ состоянія родителей, а усыновленнымъ правъ личнаго почетнаго гражданства (ст. 144^{1} п. 3, 153 X т. 1 ч., 1460^{7} уст. гр. суд. по прод. 1891 г.). Эти опредѣленія могутъ быть обжалованы участвующими въ дѣлѣ лицами и прокуроромъ въ кассаціонномъ порядкѣ, и въ случаѣ ихъ отмѣны можетъ быть постановлено новое опредѣленіе объ отказѣ въ узаконеніи или усыновленіи (ст. 1460^{6}, 1460^{11} уст. гр. суд. по прод. 1891 г.). Новый законъ, однако, неизвѣстно почему, объ означенныхъ дѣлахъ

не упоминаетъ. *Вторая* группа дѣлъ, на которыя распространяется дѣйствіе новаго закона—это дѣла о расторженіи или признаніи недѣйствительными браковъ, заключенныхъ между раскольниками. Рѣшеніемъ о расторженіи этихъ браковъ и о признаніи ихъ недѣйствительными, съ одной стороны, разрушаются пріобрѣтенныя женами и дѣтьми раскольниковъ права состоянія, а съ другой, создается право бывшихъ супруговъ или по крайней мѣрѣ одного изъ нихъ вступить въ новый бракъ. Въ виду столь важныхъ послѣдствій, подобное рѣшеніе не должно подвергаться колебаніямъ и измѣненіямъ, а это возможно лишь тогда, когда рѣшеніе не было обжаловано въ кассаціонномъ порядкѣ, или же когда жалоба оставлена безъ послѣдствій. Къ *третьей* группѣ отнесены дѣла, подлежащія судебно-межевому разбирательству. Судебно-межевой процессъ, какъ извѣстно, состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ производствъ: по первому постановляется рѣшеніе о количествѣ слѣдующей каждому владѣльцу земли, по второму—о распредѣленіи земель по участкамъ и о назначеніи границъ владѣнія каждаго владѣльца (ст. 6 и 7 прил. IV къ ст. 1400 уст. гр. суд.; касс. $\frac{192}{75}$, $\frac{240}{78}$). Новый законъ имѣетъ въ виду исполненіе рѣшеній по второму производству, т.-е. утвержденіе межъ въ натурѣ, совершеніе межевыхъ актовъ, выдачу владѣльцамъ плановъ и межевыхъ книгъ, каковое исполненіе производится межевыми установленіями на основаніи межевыхъ законовъ (тамъ же ст. 8). Рѣшеніе же первой стадіи судебно-межеваго процесса не можетъ быть реализовано въ порядкѣ понудительнаго исполненія, такъ какъ оно устанавливаетъ права владѣльцевъ лишь идеально, безъ опредѣленія матеріальныхъ границъ этихъ правъ. Отмѣна уже исполненныхъ рѣшеній по судебно-межевымъ дѣламъ имѣла бы, очевидно, своимъ послѣдствіемъ измѣненіе границъ владѣній, уничтоженіе или измѣненіе межевыхъ книгъ и плановъ, т.-е. такихъ актовъ, непоколебимость которыхъ составляетъ основное условіе правильнаго аграрнаго строя. *Четвертая* группа дѣлъ, по которымъ рѣшенія не приводятся въ исполненіе впредь до наступленія извѣстныхъ событій, это дѣла по искамъ, предъявленнымъ противъ казенныхъ управленій (ст. 1291[1]). Почему казенное управленіе поставлено въ такое привиллегированное положеніе, трудно пріискать достаточно раціональныхъ основаній. Къ изъятію первыхъ трехъ группъ дѣлъ изъ дѣйствія общаго правила объ исполнительной силѣ окончательныхъ судебныхъ рѣшеній имѣлись, какъ мы видѣли, *объективныя* основанія, т.-е. свойство и предметъ дѣлъ; въ настоящемъ же случаѣ законъ на-

шелъ возможнымъ допустить такое изъятіе относительно всѣ дѣлъ по одному *субъективному* основанію, т.-е. единственно п тому, что отвѣтчикомъ является казенное управленіе. Этимъ, моему мнѣнію, нарушается общепризнанный, санкціонированны и нашимъ уставомъ, принципъ процессуальной равноправнос сторонъ. Казалось бы, что можно было и относительно рѣшен по искамъ противъ казеннаго управленія ограничиться, в огражденіе интересовъ послѣдняго, тѣми мѣрами, которыя ук заны въ ст. 814 уст. гр. суд. (въ новой редакціи), и которы притомъ не принимаются ex officio, а лишь по требованію от вѣтчика (см. ниже). А между тѣмъ только по искамъ о денеж ныхъ претензіяхъ къ казнѣ новый законъ допускаетъ испол неніе рѣшеній подъ условіемъ представленія истцомъ надлежа щаго обезпеченія на случай отмѣны рѣшенія въ кассаціонном порядкѣ (прим. къ ст. 1295[1]). По всѣмъ же остальнымъ искам къ казнѣ рѣшеніе не приводится въ исполненіе до истеченія срока на принесеніе кассаціонной жалобы, а если она подана то до разрѣшенія ея.

Б) Вторая категорія правилъ, содержащихся въ новелл 8 іюня 1893 года, постановляетъ о мѣрахъ, предпринимаемых съ цѣлью сохраненія въ цѣлости отсужденныхъ имуществъ ил денежныхъ суммъ на случай отмѣны рѣшенія въ кассаціонном порядкѣ. Мѣры эти предпринимаются не иначе, какъ по *ини ціативѣ отвѣтчика*, и въ этомъ заключается коренное раз личіе между правилами обѣихъ категорій (рѣшенія по дѣлам первой категоріи не приводятся въ исполненіе ex officio, не зависимо отъ просьбы отвѣтчика). Отвѣтчикъ, противъ кото раго рѣшеніе постановлено, можетъ подать просьбу о принятіи перечисленныхъ въ законѣ мѣръ въ апелляціонную инстанцію (мировой съѣздъ или судебную палату), постановившую рѣ шеніе, или въ тотъ судъ, въ округѣ котораго оно исполняется или же предсѣдателю сего суда, а въ двухъ случаяхъ непре мѣнному члену мироваго съѣзда и исполняющему рѣшеніе су дебному приставу; это зависитъ отъ усмотрѣнія отвѣтчика (ст. 814 и 814[4] уст. гр. суд.). Просьба эта можетъ быть по дана и до принесенія кассаціонной жалобы, но, понятно, д истеченія кассаціоннаго срока (ст. 814). Предлагаемыя закономъ мѣры различны, смотря потому, постановлено ли рѣшеніе по ис камъ *вещнымъ* или *личнымъ* (*денежнымъ*). Къ этимъ мѣрамъ ил распоряженіямъ суда примѣняются вообще правила объ обезпе ченіи исковъ. Они заключаются въ слѣдующемъ: а) если рѣше ніемъ отсуждено спорное недвижимое имущество, то на по

слѣднее налагается запрещеніе „съ воспрещеніемъ вообще отчуждать или разрушать такіе предметы, которые считаются по закону принадлежностью имѣнія, и съ дозволеніемъ истцу заключать по имѣнію договоры не иначе, какъ предваряя вступающаго въ договоръ, что сей послѣдній въ случаѣ постановленія рѣшенія о возвращеніи имѣнія отвѣтчику теряетъ силу“ (ст. 814, а). Съ наложеніемъ запрещенія истецъ, въ пользу котораго рѣшеніе постановлено и которому имѣніе передано, лишается возможности продать или заложить его, т.-е. совершать такія дѣйствія, для коихъ необходима санкція судебной власти (ст. 66 пол. о нот. части). Но какъ препятствовать истцу, напр., рубить лѣсъ въ имѣніи, продать его на срубъ, отчуждать находящіяся въ имѣніи строенія и проч., какъ движимое имущество (на сносъ и сломъ)? По этому вопросу имѣется только отчасти указаніе въ уставѣ гр. суд. Въ случаѣ наложенія запрещенія на спорное имѣніе, владѣльцу воспрещается рубка находящагося въ немъ лѣса . . . . въ этомъ случаѣ судъ можетъ, по просьбѣ истца, предоставить обѣимъ сторонамъ право учредить надъ лѣсомъ надзоръ (ст. 610 и 611 уст. гр. суд). Такимъ образомъ, само по себѣ воспрещеніе истцу отчуждать или разрушать принадлежности имѣнія не имѣетъ никакой юридической санкціи и можетъ оказать свое воздѣйствіе лишь путемъ учрежденія надзора, нерѣдко весьма затруднительнаго и недостигающаго ожидаемыхъ результатовъ; но для этого опять нужна просьба заинтересованной стороны. Далѣе, третье лицо, заключая договоръ, напр., аренды съ лицомъ, коему имѣніе присуждено и передано, можетъ, по смыслу новаго закона, лишиться впослѣдствіи своихъ арендаторскихъ правъ, хотя оно дѣйствовало bona fide и не было предупреждено контрагентомъ о томъ, что въ случаѣ постановленія рѣшенія о возвращеніи имѣнія отвѣтчику договоръ теряетъ силу. По началамъ нашего права перемѣна въ лицѣ собственника имѣнія не можетъ уничтожить отдѣльныхъ правъ третьяго лица, установленныхъ на имѣніи до перехода его къ другому лицу (ст. 514 и 521 X т. 1 ч.). Третье лицо вовсе не вступало бы въ договоръ, еслибы знало, что онъ можетъ потерять впослѣдствіи всякую силу и значеніе. На этомъ основаніи слѣдовало бы въ случаѣ постановленія рѣшенія о возвращеніи имѣнія отвѣтчику предоставить ему отыскивать отъ истца убытки, происшедшіе отъ заключенія договора, но сей послѣдній долженъ бы сохранить свою силу, если, разумѣется, третье лицо не было предупреждено о будущей возможности уничтоженія договора; б) если рѣшеніемъ отсуждено

спорное движимое имущество, которое представляетъ особ
цѣнность по своему художественному, фамильному или ино
внутреннему значенію, то на него налагается арестъ и оно о
дается на храненіе. Такая же мѣра принимается относитель
всякаго другого движимаго имущества, но въ томъ лишь сл
чаѣ, когда истецъ не представитъ обезпеченія въ размѣрѣ сто
мости имущества (ст. 814, б.). Такимъ образомъ, на одно им
щество арестъ налагается *безусловно*, на другое *условно*. Опр
дѣленіе свойства отсужденнаго имущества и разрѣшеніе вопро
о томъ, можетъ ли быть допущено обезпеченіе, въ какомъ ви
и размѣрѣ, будетъ представлять нерѣдко затрудненія для суда
потребуетъ участіе экспертовъ, въ особенности при спорѣ сто
ронъ по этому предмету, что, разумѣется, замедлитъ разрѣшен
просьбы отвѣтчика; было бы поэтому цѣлесообразнѣе, если
постановлено было, въ видѣ общаго правила, что просьба от
вѣтчика о принятіи той или другой изъ перечисленныхъ въ ст
814 мѣръ подается въ апеляціонную инстанцію до постановл
нія рѣшенія. Тогда одновременно съ разрѣшеніемъ дѣла по с
ществу было бы сдѣлано распоряженіе относительно исполнен
его. Отъ этого значительно упростилось бы дѣлопроизводство.
исполнительный листъ выдавался бы одновременно съ приня
тіемъ той или другой изъ указанныхъ въ ст. 814 мѣръ; в) есл
рѣшеніе постановлено по искамъ *денежнымъ* (а не вещнымъ
то присужденная и взысканная сумма отсылается въ казначей
ство, или же, по просьбѣ которой-либо стороны, въ государ
ственное кредитное установленіе для покупки процентныхъ бу
магъ; но это дѣлается въ томъ лишь случаѣ, когда истецъ не
представитъ обезпеченія упомянутой суммы (ст. 814 в.). Въ
связи съ этимъ находится установленный новымъ закономъ прин
ципъ старшинства претензій. Лицо, въ пользу котораго денеж
ная сумма взыскана и отослана въ казначейство или кредитно
установленіе, имѣетъ право на преимущественное удовлетворен
изъ этой суммы предъ всѣми другими кредиторами отвѣтчика
Старшинство считается не съ момента представленія судебном
приставу исполнительнаго листа или полученія отвѣтчикомъ по
вѣстки объ исполненіи, а со времени представленія судебном
приставу взысканной суммы (ст. 814[5]). Нашъ уставъ и судеб
ная практика не дѣлаютъ различія между первымъ и послѣ
дующими, присоединившимися къ нему, взыскателями: если взы
сканная сумма недостаточна для полнаго удовлетворенія всѣх
предъявленныхъ ко взысканію претензій, она распредѣляетс
между всѣми кредиторами по соразмѣрности, и только ипотеч

ные долги признаются привиллегированными (ст. 956, 1214 и 1215 уст. гр. суд.). Положеніе это примѣняется и въ тѣхъ случаяхъ, когда на недвижимое имущество наложено запрещеніе и на движимое арестъ по иниціативѣ *перваго* взыскателя, обратившаго на это имущество взысканіе. На практикѣ нерѣдко бываетъ, что весь процессъ исполненія происходитъ по иниціативѣ и при участіи *одного* только взыскателя и уже въ самомъ концѣ этого процесса являются новые взыскатели и обращаютъ взысканіе на то же самое имущество или даже на деньги, вырученныя изъ продажи его. Мало того, если взыскатель почему-либо не успѣлъ еще получить отъ судебнаго пристава уже взысканной суммы, она можетъ быть подвергнута распредѣленію, коль скоро явятся другіе кредиторы съ исполнительными листами. Едва ли такая система справедлива по отношенію къ первому взыскателю, и вотъ новый законъ стремится улучшить его положеніе. Но для достиженія намѣченной цѣли слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, остановиться на другомъ моментѣ процесса исполненія для установленія старшинства претензій. Моментъ представленія денегъ судебному приставу — не совсѣмъ опредѣленный, а главное, слишкомъ поздній. Деньги могутъ поступать къ судебному приставу частями, періодически (напр. доходы, повременные платежи и выдачи, вычеты изъ жалованья и т. под.). Онѣ могутъ быть выручены изъ продажи недвижимаго или движимаго имущества отвѣтчика; такимъ образомъ, до поступленія всѣхъ суммъ къ судебному приставу въ процессъ исполненія могутъ вступать и другіе взыскатели и, слѣдовательно, первый взыскатель не будетъ пользоваться никакимъ преимуществомъ. Было бы по этому справедливѣе связать старшинство съ болѣе раннею стадіею процесса, а именно, съ временемъ заявленія, сдѣланнаго взыскателемъ судебному приставу о приведеніи рѣшенія въ исполненіе или, по крайней мѣрѣ, съ временемъ полученія отвѣтчикомъ повѣстки объ исполненіи (ст. 939 и 942).

По той же 814^5 ст. уст. гр. суд. и отвѣтчику, въ пользу котораго постановлено новое рѣшеніе (въ случаѣ отмѣны въ кассаціонномъ порядкѣ перваго рѣшенія), предоставлено право преимущественнаго удовлетворенія предъ всѣми другими кредиторами истца изъ суммы обезпеченія, представленной симъ послѣднимъ на основаніи п. б. и в. ст. 814. Такое право вытекаетъ изъ самаго понятія обезпеченія, гарантирующаго поворотъ исполненія.

Просьба объ отсылкѣ взысканной суммы въ казначейство

или въ кредитное установленіе можетъ быть обращена къ судебному приставу, который, пріостанавливая выдачу денегъ истцу, представляетъ о семъ на разрѣшеніе предсѣдателя окружнаго суда (ст. 814[4]). Четвертая и пятая мѣры заключаются въ томъ, что апелляціонный судъ постановляетъ, по просьбѣ отвѣтчика, объ отсрочкѣ торга на недвижимое или движимое имущество, на которое обращено взысканіе; относительно движимаго имущества отсрочка допускается въ тому лишь случаѣ, когда оно представляетъ особую цѣнность по художественному, фамильному или иному внутреннему его значенію (ст. 814 п. г. и д.). Публичная продажа имущества должника составляетъ самую реальную часть процесса исполненія; въ интересахъ истца получить удовлетвореніе возможно скорѣе вырученною изъ продажи суммою или самимъ имуществомъ. Публичной продажѣ недвижимаго имущества предшествуетъ цѣлый рядъ исполнительныхъ дѣйствій, изъ коихъ каждое совершается въ предѣлахъ довольно продолжительныхъ сроковъ и сопряжено съ значительными издержками, которыя ложатся на продаваемомъ имуществѣ. Отсрочка торга на недвижимое имущество весьма невыгодна и даже убыточна для истца, такъ какъ оно остается во владѣніи отвѣтчика (ст. 1128), который можетъ нерасчетливо эксплоатировать имѣніе, заключать по немъ договоры, принимать на себя разнаго рода обязательства и дѣлать долги, на удовлетвореніе которыхъ обращено будетъ впослѣдствіи взысканіе на то же имущество, такъ, что сумма, вырученная изъ продажи его, будетъ распредѣляться между кредиторами, и первоначальный взыскатель получитъ лишь незначительную часть своего взысканія. Кромѣ того, издержки по назначенію имѣнія въ продажу во второй или третій разъ, нерѣдко весьма значительныя, и накопившіяся на имѣніи недоимки будутъ покрываться изъ покупной суммы. Въ виду этого, было бы, мнѣ кажется, цѣлесообразнѣе ограничиться истребованіемъ отъ истца обезпеченія въ размѣрѣ стоимости или оцѣнки имѣнія и допустить отсрочку торга лишь въ случаѣ непредставленія такого обезпеченія (ср. п. б. ст. 814).

Редакція ст. 814 имѣетъ императивный характеръ и потому указанныя въ ней мѣры *должны быть* приняты, коль скоро этого требуетъ отвѣтчикъ. Только въ двухъ случаяхъ мѣры эти *вовсе не могутъ* быть приняты, а именно: 1) когда рѣшеніемъ судебной палаты оставлено въ силѣ рѣшеніе окружнаго суда, обращенное къ предварительному исполненію безъ истребованія обезпеченія отъ истца, и 2) когда рѣшеніями обѣихъ инстанцій удовлетворены, вполнѣ или частью, исковыя требованія, присуж-

денныя истцу при производствѣ дѣла въ упрощенномъ порядкѣ (ст. 814^3). Законъ, очевидно, предполагаетъ, что рѣшеніе, обращенное къ предварительному исполненію и утвержденное апелляціонною инстанціею, представляется настолько безспорнымъ и основаннымъ на законѣ, что оно не будетъ отмѣнено въ кассаціонномъ порядкѣ и потому нѣтъ основанія ожидать поворота исполненія. Да и самые иски, по которымъ допускается предварительное исполненіе рѣшенія безъ истребованія отъ истца обезпеченія, по свойству своему, весьма несложны, встрѣчаются въ судебной практикѣ чаще всякихъ другихъ исковъ, вызываются неотложными потребностями гражданскаго оборота, и всякое замедленіе въ исполненіи рѣшенія нанесло бы истцамъ невознаградимый ущербъ и отразилось бы неблагопріятно на частномъ и общественномъ кредитѣ (ср. ст. 737 уст. гр. суд.). Замѣчу, что хотя въ текстѣ статьи 814^3 упоминается только о судебной палатѣ и окружномъ судѣ, тѣмъ не менѣе выраженное въ ней правило (п. 1) дожно имѣть примѣненіе и къ мировымъ судебнымъ установленіямъ, такъ какъ по новому закону правила, изложенныя въ ст. 814—814^6, соблюдаются и при исполненіи рѣшеній мировыхъ съѣздовъ (ст. 184). Дѣла, по которымъ допускается упрощенный порядокъ производства, также по свойству своему несложны и безспорны (ст. 365^1 уст. гр. суд. по прод. 1891 г.). Поэтому постановленныя въ этомъ порядкѣ рѣшенія объ удовлетвореніи искового требованія или объ отказѣ въ искѣ не подлежатъ обжалованію и приводятся немедленно въ исполненіе (ст. 365^8 и 365^{20}); но, какъ истецъ, такъ и отвѣтчикъ имѣютъ право, въ теченіе одного мѣсяца со дня объявленія рѣшенія, просить объ обращеніи дѣла къ производству въ общемъ порядкѣ; кромѣ того, отвѣтчикъ, противъ котораго рѣшеніе состоялось, вправѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, предъявить по общимъ правиламъ искъ объ освобожденіи его отъ отвѣтственности по присужденному требованію или объ обратномъ взысканіи уплаченной суммы (ст. 365^{20} и 365^{22}; см. нашу статью „объ упрощенномъ порядкѣ судопр.“. въ журн. гр. и угол. пр. за 1891 г. кн. X). И здѣсь утвержденіе въ общемъ порядкѣ обѣими инстанціями, вполнѣ или частью, рѣшенія, постановленнаго въ упрощенномъ порядкѣ, служитъ достаточною гарантіею правомѣрности рѣшенія и отсутствія поводовъ къ отмѣнѣ его въ кассаціонномъ порядкѣ и къ повороту исполненія. Нѣтъ по этому надобности въ принятіи мѣръ, перечисленныхъ въ ст. 814, тѣмъ болѣе, что отвѣтчикъ, противъ котораго постановлено рѣшеніе въ упрощенномъ порядкѣ,

можетъ при самомъ принесеніи просьбы объ обращеніи дѣла къ производству въ общемъ порядкѣ или при предъявленіи иска на основаніи ст. 365[22] уст. гр. суд. просить о пріостановленіи исполненія того рѣшенія (ст. 365[23]). Новый законъ предусматриваетъ также случай, когда *пріостановленіе* исполненія рѣшенія зависитъ отъ *усмотрѣнія* постановившаго его апеляціоннаго суда, такъ что удовлетвореніе требованія отвѣтчика по сему предмету для суда необязательно. Исполненіе *можетъ* быть пріостановлено по просьбѣ отвѣтчика, если оно можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ такія измѣненія въ имуществѣ, послѣ которыхъ приведеніе послѣдняго въ прежнее состояніе становится невозможнымъ или крайне затруднительнымъ (ст. 814[2]). Такія измѣненія могутъ имѣть мѣсто, если рѣшеніемъ постановлено, напр., о сносѣ или ломкѣ строеній, объ уничтоженіи дорогъ, мостовъ, плотинъ, мельницъ и другихъ сооруженій. Разрѣшеніе вопроса о томъ, возможно ли будетъ, въ случаѣ отмѣны рѣшенія, привести имущество въ прежнее состояніе, или въ какой степени такая реституція будетъ затруднительна, предоставляется только суду, постановившему рѣшеніе, такъ какъ это относится къ существу дѣла. Только мѣры, указанныя въ ст. 814 и нами разсмотрѣнныя, могутъ быть приняты и тѣмъ судомъ, въ округѣ коего рѣшеніе исполняется, а также предсѣдателемъ этого суда (814 [4]). Какъ эти мѣры, такъ и пріостановленіе исполненія рѣшенія, предусмотрѣнное въ ст. 814[2], могутъ имѣть мѣсто не иначе, какъ по просьбѣ заинтересованнаго лица, т.-е. отвѣтчика.

Изложенныя нами правила объ обезпеченіи поворота исполненія и о пріостановленіи процесса исполненія, какъ мы уже замѣтили, не касаются дѣлъ, въ коихъ участвуетъ казенное управленіе: оно поставлено новымъ закономъ въ особое привиллегированное положеніе. Рѣшеніе, постановленное противъ отвѣтчика—казеннаго управленія, по общему правилу, не имѣетъ исполнительной силы до истеченія срока на подачу кассаціонной жалобы, а если она подана, то до разрѣшенія ея (ст. 1295[1]); только по денежнымъ искамъ допускается исполненіе, если истецъ о томъ проситъ съ представленіемъ надлежащаго обезпеченія (прим. къ ст. 1295[1]).

Привиллегированное положеніе казеннаго управленія проявляется еще въ томъ, что по тѣмъ дѣламъ, въ которыхъ оно является истцомъ, изъ всѣхъ мѣръ, перечисленныхъ въ ст. 814 (по новой редакціи), примѣняется лишь одна, а именно: отсрочка торга на недвижимое имѣніе, на которое обращено взысканіе (ст. 1295[2]). Однако, изъ этого общаго правила сдѣлано тутъ же

исключеніе: относительно присужденнаго спорнаго недвижимаго имѣнія можетъ быть сдѣлано распоряженіе о воспрещеніи отчуждать его съ соблюденіемъ правилъ ст. 610 и 611 уст. гр. суд. и съ дозволеніемъ казенному управленію заключать по имѣнію договоры не иначе, какъ предваряя вступившаго въ договоръ, что сей послѣдній въ случаѣ постановленія рѣшенія о возвращеніи имѣнія отвѣтчику теряетъ силу (тамъ же; дефекты этого постановленія относительно частныхъ лицъ уже отмѣчены нами выше). Прерогативы, предоставляемые новымъ закономъ казенному управленію, участвующему въ дѣлѣ въ качествѣ истца или отвѣтчика, не могутъ быть оправдываемы съ точки зрѣнія процессуальной равноправности сторонъ. Рѣшеніе, постановленное *противъ* казеннаго управленія, вовсе не приводится въ исполненіе впредь до осуществленія извѣстныхъ условій; рѣшеніе же, постановленное въ *пользу* казны, исполняется, по общему правилу, безъ всякихъ ограниченій, несмотря на то, что отъ такого исполненія можетъ послѣдовать для отвѣтчика невознаградимый ущербъ, напр., въ случаѣ передачи истцу спорнаго движимаго имущества, представляющаго особую цѣнность по своему художественному, фамильному или иному внутреннему значенію или въ случаѣ продажи такого имущества съ публичнаго торга, или если отъ исполненія могутъ произойти такія измѣненія въ имуществѣ, послѣ которыхъ реституированіе его окажется невозможнымъ или крайне затруднительнымъ. Если новый законъ нашелъ возможнымъ допустить отсрочку торга на недвижимое имѣніе, на которое обращено взысканіе казны, или установить ограниченіе относительно спорнаго недвижимаго имѣнія, присужденнаго казнѣ, то трудно себѣ объяснить, почему отвергнуты другіе не менѣе важные случаи исполненія рѣшенія.

Вводимыя новеллою 8 іюня правила, какъ первой, такъ и второй категоріи, имѣютъ примѣненіе только къ просьбамъ *о кассаціи* рѣшенія; просьбы же о пересмотрѣ рѣшенія, а также просьбы неучаствовавшихъ въ дѣлѣ лицъ объ отмѣнѣ рѣшенія не останавливаютъ исполненія его; только по просьбамъ о пересмотрѣ рѣшенія судебной палаты, постановленнаго противъ не явившагося къ слушанію дѣла отвѣтчика, мѣстожительства котораго не было указано, отъ судебной палаты зависитъ пріостановить исполненіе рѣшенія, если о томъ проситъ отвѣтчикъ (ст. 814[6]). Исключеніе двухъ видовъ просьбъ объ отмѣнѣ рѣшенія изъ дѣйствія новаго закона представляется весьма раціональнымъ въ виду того, что пріостановленіе процесса исполненія, какъ мѣра чрезвычайная, вызываемая крайнею необходимостью, должно быть по возмож-

ности стѣснено и ограничено. Для просьбъ о кассаціи рѣшеній, какъ извѣстно, установленъ положительный срокъ, который исчисляется со дня объявленія рѣшенія; для просьбъ же о пересмотрѣ и просьбъ неучаствовавшихъ въ дѣлѣ лицъ срокъ этотъ исчисляется съ того дня, когда просителю сдѣлалось извѣстно новое обстоятельство, или когда вступилъ въ законную силу приговоръ уголовнаго суда о признаніи акта подложнымъ, или же когда рѣшеніе сдѣлалось просителю извѣстно (ст. 797 уст. гр. суд.). Такимъ образомъ промежутокъ времени отъ объявленія рѣшенія до принесенія просьбы о пересмотрѣ или просьбъ неучаствовавшихъ въ дѣлѣ лицъ можетъ быть весьма продолжительный, даже до 10 лѣтъ (ст. 806), и пріостанавливать на все это время исполненіе рѣшенія, очевидно, невозможно: это было бы равносильно уничтоженію силы самого рѣшенія. Въ иномъ видѣ представляется просьба о пересмотрѣ, указанная въ п. 2 ст. 794: здѣсь 4-хъ-мѣсячный срокъ исчисляется со времени дѣйствительнаго полученія отвѣтчикомъ выписки изъ заочнаго рѣшенія или предъявленія повѣстки объ исполненіи (2 п. ст. 797) такъ, что срокъ почти тотъ же, какъ и для просьбъ о кассаціи рѣшенія, и поэтому отъ судебной палаты зависитъ, по просьбѣ отвѣтчика, пріостановить исполненіе рѣшенія. Такое правило существовало и прежде въ нынѣ измѣненной ст. 814 уст. гр. суд. Необходимо при этомъ замѣтить, что относительно просьбъ о пересмотрѣ рѣшеній и просьбъ неучаствовавшихъ въ дѣлѣ лицъ не могутъ быть приняты и мѣры, перечисленныя въ ст. 814, по тѣмъ же соображеніямъ, по которымъ не пріостанавливается исполненіе рѣшенія. Это подтверждается текстомъ ст. 814, въ которой прямо говорится о *кассаціонныхъ* жалобахъ или о просьбахъ о *кассаціи* рѣшенія. Точно также по просьбамъ о пересмотрѣ, указаннымъ въ п. 2 ст. 794, апелляціонная инстанція можетъ только *остановить* исполненіе рѣшенія, но не можетъ принимать мѣръ, перечисленныхъ въ ст. 814.

Всѣ разсмотрѣнныя нами правила, кромѣ тѣхъ, которыя касаются дѣлъ казеннаго управленія, примѣняются и къ рѣшеніямъ мировыхъ съѣздовъ, но не имѣютъ примѣненія къ окончательнымъ рѣшеніямъ мировыхъ судей вслѣдствіе малоцѣнности исковъ, по которымъ эти послѣднія рѣшенія постановляются (ст. 184 и прим. къ ст. 159 по новому закону).

Вдумываясь въ новеллу 8 іюня 1893 г., нельзя не замѣтить что преслѣдуемая ею цѣль—а именно, предотвращеніе того ущерба который грозитъ отвѣтчику отъ исполненія рѣшенія, въ случаѣ от мѣны сего послѣдняго, можетъ быть достигнута безъ особенно чув

ствительныхъ потерь для истца и безъ нарушенія его матеріальныхъ гражданскихъ правъ въ томъ лишь случаѣ, когда будетъ сокращенъ по крайней мѣрѣ на половину срокъ на принесеніе кассаціонныхъ жалобъ и когда разрѣшеніе этихъ жалобъ сенатомъ будетъ происходить вскорѣ послѣ ихъ поступленія. Только при этихъ двухъ условіяхъ возможенъ, по нашему мнѣнію, компромиссъ между принципомъ res judicata и послѣдствіями кассаціи. Всякому судебному дѣятелю извѣстно, что апелляціонныя и кассаціонныя жалобы, нерѣдко самыя несложныя, подаются, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, въ послѣдній день срока; это происходитъ отъ того, что къ составленію жалобъ приступаютъ уже тогда, когда приближается окончаніе срока. За подачею кассаціонной жалобы происходитъ еще подготовительное производство въ апелляціонной инстанціи (сообщеніе копій, сношеніе съ судомъ 1-й степени о присылкѣ подлиннаго производства, извѣщеніе кассатора о днѣ врученія копіи и проч.), на что расходуется не мало времени. Наконецъ отъ поступленія дѣла въ сенатъ до разрѣшенія жалобы и до возвращенія производства въ судебное мѣсто, постановившее рѣшеніе, проходитъ нерѣдко годъ и болѣе. При такомъ движеніи кассаціоннаго процесса примѣненіе новаго закона отниметъ у окончательнаго судебнаго рѣшенія исполнительную санкцію на весьма долгое время и отразится вредно на экономическомъ оборотѣ. Съ сокращеніемъ кассаціоннаго срока (относительно рѣшеній мировыхъ съѣздовъ новымъ закономъ—ст. 191 уст. гр. суд.—кассаціонный срокъ сокращенъ до двухъ мѣсяцевъ) и съ ускореніемъ кассаціоннаго производства сократится время неизвѣстности окончательнаго исхода процесса и установляемыхъ имъ отношеній сторонъ. Ускореніе же кассаціоннаго производства обусловливается увеличеніемъ личнаго состава сената; конечно, для этого потребуется увеличеніе отпускаемыхъ на это учрежденіе изъ государственной казны средствъ, но въ дѣлѣ такой первостепенной важности, какъ правильное и своевременное возстановленіе и охраненіе гражданскихъ правъ, политика сбереженій не должна имѣть мѣста. Для цѣлесообразнаго примѣненія новеллы 8 іюня 1893 года настоятельно также необходимо, чтобы производство дѣла во второй инстанціи получило болѣе скорое направленіе и чтобы очередь доклада апелляціонныхъ дѣлъ наступала по возможности скоро послѣ ихъ поступленія. Для этого, разумѣется, должны быть значительно усилены личные составы судебныхъ палатъ, такъ какъ медленность въ производствѣ и разрѣшеніи ими дѣлъ происходитъ исключительно отъ крайняго несоотвѣтствія труда съ наличными рабочими си-

лами палаты. Въ настоящее время очередь доклада дѣлъ въ палатѣ наступаетъ обыкновенно чрезъ годъ, а иногда и болѣе послѣ полученія дѣла отъ окружнаго суда. Если принять во вниманіе, что по многимъ дѣламъ предварительно разрѣшенія ихъ по существу постановляются частныя опредѣленія (напр. о допросѣ свидѣтелей, объ осмотрѣ и экспертизѣ и т. п.), что для исполненія этихъ опредѣленій дѣла направляются въ окружные суды по принадлежности, что отъ объявленія рѣшенія палаты до поступленія дѣла въ сенатъ, вслѣдствіе подачи кассаціонной жалобы, проходитъ по-крайней мѣрѣ полгода, что въ сенатѣ дѣло находится въ производствѣ годъ и болѣе, что въ случаѣ отмѣны рѣшенія дѣло поступаетъ въ другую палату или въ другой департаментъ палаты для постановленія новаго рѣшенія, что этому послѣднему нерѣдко предшествуютъ *частныя* опредѣленія по частнымъ вопросамъ, изъ дѣла возникающимъ, принимая все это во вниманіе, станетъ до очевидности ясно, что самую насущную и живую потребность нашего общежитія далеко нельзя считать удовлетворенною и что судебная помощь нерѣдко является слишкомъ поздно и уже не въ состояніи устранить водворившейся въ юридическихъ отношеніяхъ неправды. При такомъ положеніи вещей новый законъ, съ точки зрѣнія утилитарной, можетъ оказаться благопріятнымъ для одного только отвѣтчика, такъ какъ реализація постановленнаго противъ него рѣшенія въ однихъ случаяхъ отдаляется, въ другихъ ограничивается на неопредѣленное время. Такіе односторонніе результаты едвали желательны и, конечно, не имѣлись въ виду составителями новеллы 8 іюня 1893 г. При этомъ необходимо еще замѣтить, что и второе, новое рѣшеніе апелляціоннаго суда можетъ быть обжаловано въ кассаціонномъ порядкѣ (этимъ рѣшеніемъ можетъ быть постановлено, хотя и по другимъ соображеніямъ, или вслѣдствіе вновь представленныхъ доказательствъ тоже самое, что и первымъ рѣшеніемъ, или же оно можетъ быть постановлено въ пользу отвѣтчика и притомъ съ поворотомъ исполненія); оно можетъ быть опять отмѣнено съ обращеніемъ дѣла для постановленія новаго рѣшенія и т. д. Возможно ли допустить, чтобы исполненіе рѣшенія останавливалось или ограничивалось выше-указанными способами на цѣлые годы, словомъ, до тѣхъ поръ, пока кассаціонная жалоба не будетъ оставлена безъ послѣдствій. Въ новеллѣ нѣтъ прямаго указанія по этому вопросу. По моему мнѣнію, въ огражденіе правъ истца и интересовъ общественнаго кредита и въ виду того общаго положенія, что ограничительные законы истолковываются и при-

мѣняются рестриктивно, слѣдуетъ подчинить дѣйствію новаго закона лишь *первыя* рѣшенія апелляціонной инстанціи; вторыя же и послѣдующія, въ случаѣ отмѣны, рѣшенія должны приводиться въ исполненіе, не подвергаясь никакимъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ. Для избѣжанія недоразумѣній по этому предмету было бы полезно затронутый нами вопросъ разрѣшить путемъ внесенія въ текстъ закона надлежащей поправки.

Вотъ все, что представлялось необходимымъ отмѣтить по поводу новеллы 8 іюня 1893 года. Жизнь и судебная практика, разумѣется, выдвинутъ новыя стороны закона, укажутъ на возбуждаемыя имъ сомнѣнія или на его недостатки, и путемъ интерпретаціи будутъ восполнять его пробѣлы и недомолвки.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ указать, что новымъ закономъ оставлены въ сторонѣ окончательныя рѣшенія уѣздныхъ съѣздовъ и окружныхъ судовъ, дѣйствующихъ въ качествѣ апелляціонныхъ инстанцій: первые для волостныхъ судовъ, земскихъ начальниковъ и городскихъ судей; вторые для уѣздныхъ членовъ окружныхъ судовъ. Такимъ образомъ одни судебныя рѣшенія сохраняютъ, какъ и прежде, неограниченную исполнительную силу; другія нѣтъ. А между тѣмъ, въ обоихъ случаяхъ основанія, вызвавшія изданіе новаго закона, одни и тѣ же: рѣшенія съѣздовъ могутъ быть отмѣнены губернскими присутствіями, рѣшенія окружныхъ судовъ сенатомъ. Если законодательство наше въ видахъ утилитарныхъ признало необходимымъ внести поправки въ процессъ исполненія рѣшенія мировыхъ съѣздовъ и судебныхъ палатъ, то почему же не распространены эти поправки и на рѣшенія другихъ вновь созданныхъ апелляціонныхъ судовъ? Эти послѣдніе не меньше первыхъ призваны охранять ближайшіе интересы и гражданскія права населенія и заслуживаютъ не меньшаго вниманія законодателя. Немедленная и ничѣмъ неограниченная реализація рѣшеній уѣздныхъ съѣздовъ и окружныхъ судовъ можетъ привести къ тѣмъ же нежелательнымъ результатамъ, въ предотвращеніе которыхъ собственно и изданъ новый законъ, въ особенности въ виду невысокаго уровня юридическаго развитія судебно-административныхъ учрежденій. Вотъ почему необходимо подчинить дѣйствію новаго закона и рѣшенія указанныхъ мѣстъ, чѣмъ, между прочимъ, уменьшится пестрота и многообразіе нашего современнаго гражданскаго процесса.

Г. Вербловскій,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

НЕУРОЖАЙ 1891 ГОДА И ВЫЗВАННЫЙ ИМЪ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИСЪ.

По оффиціальнымъ статистическимъ даннымъ.

Читано въ засѣданіи Статистическаго Отдѣленія Московскаго Юридическаго Общества 29-го апрѣля 1892 года.

Тяжкое бѣдствіе 1891 года ждетъ своей оцѣнки. Если не въ деталяхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ оно можетъ быть изучаемо уже и теперь. Нужный для этого матеріалъ мы имѣемъ: 1) въ изданной Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ работѣ „Урожай 1891 г. года въ 60 губ. Европейской Россіи“ [1]): заключающей подробныя свѣдѣнія объ истинныхъ размѣрахъ нужды, открывшейся въ предыдущемъ году въ различныхъ мѣстностяхъ нашей страны, и 2) въ оффиціальныхъ сообщеніяхъ о ходѣ продовольственной операціи [2]), представляющихъ дополнительныя данныя объ усиліяхъ по организаціи помощи пострадавшему населенію.

Само собой разумѣется, что, пользуясь такими, сравнительно очень общими данными, мы не могли дать тщательнаго стати-

---

[1]) Въ этой работѣ Центр. Статист. Комит. выводитъ, на основаніи 150000 отдѣльныхъ показаній (по 12 на волость), среднія цифры посѣва и урожая хлѣбовъ на десятину по уѣздамъ и по разрядамъ хозяйствъ (крестьянскія надѣльныя и частно-владѣльческія земли), и затѣмъ вычисляетъ, пользуясь имѣющимися въ его распоряженіи данными о распредѣленіи земель по угодьямъ и пахотныхъ земель по посѣвамъ (въ изданіяхъ 1890 и 1891 года Комитетъ пользовался данными обслѣдованія 1883 года, въ предыдущихъ-же изданіяхъ распредѣленіе земель принималось по даннымъ 1881 года), валовыя количества собраннаго и посѣяннаго хлѣба.

[2]) Послѣднее изъ этихъ сообщеній, опубликованное въ іюнѣ, заключало сводныя данныя о положеніи дѣла народнаго продовольствія въ пострадавшихъ губерніяхъ за періодъ съ 1 декабря 1891 года по 25 мая 1892 года.

стическаго анализа и въ большинствѣ случаевъ ограничились средними величинами по цѣлымъ губерніямъ. Но нужно замѣтить, что средняя величина имѣетъ то большое значеніе, что даетъ общій выводъ,—еслибы въ дѣйствительности одна часть составныхъ элементовъ оказалась выше, тогда другая неизбѣжно была бы ниже. Въ данномъ случаѣ, обобщая факты, средняя величина доставляетъ все нужное для правильной оцѣнки того потрясенія, которое испытало крестьянское хозяйство.

Намъ, вѣроятно, будетъ указано, что статистическіе матеріалы, которыми мы пользовались, не достовѣрны. Но во-первыхъ само правительство принимаетъ ихъ для своихъ работъ, во-вторыхъ въ 1883-мъ году, какъ извѣстно, въ нашей статистикѣ урожайности была произведена крупная реформа: число отдѣльныхъ показаній, при равномѣрномъ распредѣленіи ихъ по странѣ, было доведено до 150,000, а участіе администраціи въ собираніи свѣдѣній было ограничено одною только раздачей черезъ волостныя управленія вопросныхъ листковъ; это обстоятельство обезпечило показаніямъ Центральнаго Статистическаго Комитета очень большую степень точности, что не разъ уже подтверждалось раньше [3]). Во всякомъ случаѣ массовое статистическое наблюденіе, если даже оно было не совсѣмъ точно, все-таки бываетъ болѣе убѣдительно, чѣмъ личныя впечатлѣнія отдѣльныхъ наблюдателей—въ такихъ не статистическихъ данныхъ вовсе уже нѣтъ и не можетъ быть достаточной силы доказательства.

Прошлогодняя жатва отличалась давно небывалою скудостью. За вычетомъ сѣмянъ, въ 6-ти губ. Европейской Россіи она дала для удовлетворенія потребностей внутренняго потребленія, вывоза и винокуренія:

	всего	на душу [4]).
продовольственныхъ хлѣбовъ . .	1058,5 милл. пуд.	10,54 пуд.
картофеля	476,9 „ „	4,75 „
овса	276,8 „ „	2,76 „

[3]) При провѣркѣ ихъ данными о хлѣбной производительности мѣстныхъ, главнымъ образомъ, земскихъ статистическихъ учрежденій оказывалось, что они очень близки къ этимъ послѣднимъ. См. объ этомъ у Грасса—„Страхованіе посѣвовъ“. Точность показаній за прошлый годъ должна быть сравнительно еще большей въ виду того, что волостныя правленія не могли не имѣть самыхъ обстоятельныхъ свѣдѣній о состояніи урожая въ этомъ году, и при нѣкоторой добросовѣстности могли безъ труда выбрать наиболѣе типичныя среди крестьянскихъ хозяйствъ.

[4]) По даннымъ Центр. Стат. Комит., населеніе 60-ти губерній Европейской Россіи въ 1886 году достигало 93,7 милл. душъ обоего пола; за пять лѣтъ оно возросло на 6,7 милл. душъ, и, слѣдовательно, для 1891 года населеніе Россіи

Запасы эти распредѣлились по странѣ крайне неравномѣрно—на душу наличнаго населенія, безъ различія пола и возраста, пришлось продовольственныхъ хлѣбовъ (ржи, пшеницы, ячменя, гречи, проса, гороха, кукурузы и полбы) [5]):

въ Новороссіи	26,5 пуд.	въ Московс.-Промышл. обл..	9,0 пуд.
„ Юго-Запад. краѣ . .	15,5 „	„ Пріуральск. губ. . . .	8,1 „
„ Прибалт. губ. . . .	14,0 „	„ Губ. Крайн. Сѣвера . .	8,0 „
„ Малороссіи	13,2 „	„ Приозерной облас. . .	7,6 „
„ Литовск. област. . .	10,9 „	„ Центр.-Землед. об. . .	6,2 „
„ Царств. Полск. . . .	9,2 „	„ Сред.-Волжск. губ. . .	5,7 „
„ Бѣлоруссіи	9,2 „	„ Нижн.-Волж. губ. . .	3,6 „

Особенно сильно пострадали отъ неурожая хлѣбородныя Центрально-Земледѣльческія, Поволжскія и отчасти Пріуральскія губерніи. По сравненію со средней за предшествовавшія 8 лѣтъ (1883—1890 гг.) жатвой, въ прошломъ году было собрано:

	%		%
въ Воронежской губ. . . .	24,4	въ Пензенской губ.	53,6
„ Оренбургской „	32,2	„ Курской „	66,8
„ Казанской „	40,7	„ Тульской „	68,1
„ Самарской „	41,0	„ Уфимской „	69,8
„ Симбирской „	45,7	„ Вятской „	70,5
„ Тамбовской „	47,5	„ Пермской „	75,4
„ Саратовской „	48,9	„ Орловской „	76,6
„ Рязанской „	49,9	„ Нижегородск. „	79,9

Такъ какъ эти губерніи издавна занимали видное мѣсто и въ экспортѣ хлѣба за-границу, и въ снабженіи имъ остальныхъ мѣстностей Россіи [6]), то плохіе результаты жатвы въ этой полосѣ создали серьезныя продовольственныя затрудненія даже и тамъ, гдѣ урожай былъ близокъ къ среднему, но гдѣ собственнаго хлѣба обычно не хватаетъ на покрытіе потребностей населенія.

Въ жизни нашей страны, въ населеніи которой крестьяне составляютъ подавляющее большинство, наибольшее значеніе имѣетъ вопросъ о степени обезпеченности продовольственными

нужно считать въ 100,4 м. душъ. Въ это число не вошли родившіеся въ 1891 году, т.-е. дѣти моложе одного года.

[5]) Центр. Стат. Комит. даетъ иныя цифры, такъ какъ разверстываетъ чистый остатокъ каждаго хлѣба не на все населеніе, а на одно только сельское населеніе, при чемъ для этого ему служатъ устарѣлыя данныя 1885 года.

[6]) По даннымъ Минист. Пут. Сообщ., въ 1884 году вывозъ хлѣбовъ превышалъ ввозъ для этихъ губерній на 186780000 пудовъ.

средствами самихъ производителей зерна. Въ 60-ти губ. Европейской Россіи крестьяне (бывшіе государственные, помѣщичьи и удѣльные) собрали на своихъ надѣльныхъ земляхъ, за вычетомъ сѣмянъ:

	всего	% всей жатвы
продовольствен. хлѣбовъ . . .	617,7 милл. пуд.	58
картофеля	318,6 „ „	67
овса	161,4 „ „	58

Надѣльныя земли не дали имъ въ прошломъ году даже такого количества хлѣба, какое требовалось для одного ихъ продовольствія: на одну крестьянскую душу [7]), въ среднемъ, пришлось въ 49-ти губ. Европейской Россіи (безъ Области Войска Донскаго) 8,8 пуд. продовольственнаго хлѣба, 3,7 пуд. картофеля и 2,4 пуд. овса. Нужда, созданная неурожаемъ, усилилась еще благодаря тому, что всякіе заработки повсемѣстно значительно сократились.

Въ особенно тяжелое положеніе было поставлено земледѣльческое населеніе 16 пострадавшихъ отъ неурожая губерній (въ этихъ губерніяхъ для 1891-го года считалось 27805 тысячъ душъ крестьянскаго населенія, что составляло 74,1% всего населенія [8]). Главные результаты жатвы въ этихъ губерніяхъ на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ выразились въ слѣдующемъ видѣ:—было собрано, за вычетомъ сѣмянъ, продовольственныхъ хлѣбовъ:

	всего	на душу крест. насел.
въ Пермской губ. . . .	23594,4 тыс. пуд.	9,94 пуд.
„ Вятской „ . . .	22808,2 „	8,79 „
„ Уфимской „ . . .	12280,8 „	8,59 „
„ Нижегород. „ . . .	8533,3 „	6,86 „
„ Орловской „ . . .	10535,8 „	6,45 „
„ Курской „ . . .	12036,0 „	6,07 „
„ Тамбовской „ . . .	13040,1 „	5,94 „
„ Саратовской „ . . .	8711,4 „	4,54 „
„ Тульской „ . . .	5237,8 „	4,49 „
„ Рязанской „ . . .	6428,6 „	4,04 „
„ Пензенской „ . . .	4979,1 „	3,91 „

[7]) Населеніе вычислено по даннымъ „Статистики поземельной собственности". См. „Статистическій Временникъ", вып. 10, сер. III.

[8]) По губерніямъ наличнаго крестьянскаго населенія было: въ Воронежской—2353,9 т. д., въ Вятской—2593,6 т. д., въ Казанской—1696,5 т. д., въ Курской—1984,6 т. д., въ Нижегородской—1244,1 т. д., въ Оренбургской—1050,3 т. д., въ Орловской—1632,8 т. д., въ Пензенской—1273,8 т. д., въ Пермской—2373,0 т. д., въ Рязанской—1592,9 т. д., въ Самарской—1998,9 т. д., въ Саратовской—1919,7 т. д., въ Симбирской—1301,0 т. д., въ Тамбовской—2194,2 т. д., въ Тульской—1165,5 т. д., въ Уфимской—1430,5 т. д.

	всего	на душу крест. насел.
въ Симбирской губ. . . .	3812,4 тыс. пуд.	2,93 пуд.
„ Самарской „ . . .	4656,3 „	2,33 „
„ Казанской „ . . .	3166,1 „	1,87 „
„ Воронежской „ . . .	1287,6 „	0,55 „
„ Оренбургск. „ . . .	991,8 „	0,10 „

Въ картофелѣ имѣли нѣкоторое подспорье лишь Тульскіе (на душу, за вычетомъ сѣмянъ, приходилось 5,68 пуд.), Орловскіе (5,37 пуд.), Нижегородскіе (4,83 пуд.) и Рязанскіе (4,01 пуд.) крестьяне. Въ Саратовской губ. собрали на душу меньше одного фунта картофеля, въ Воронежской и Самарской—меньше 3 ф., въ Пермской—около 9 ф., въ Казанской—около 13 ф., въ Уфимской—18 ф., въ Курской—29 ф., въ Симбирской—33 ф., въ Вятской и Тамбовской—около $1^1/_2$ пуд., въ Пензенской—2 пуд., въ Оренбургской—съ небольшимъ $2^1/_2$ пуда.

Сборъ овса далъ слѣдующіе запасы: въ Тульской губ.—4,94 п. на душу крестьянскаго населенія, въ Вятской—4,02 п., въ Пермской—3,73 п., въ Орловской—3,63 п., въ Нижегородской—3,08 п., въ Курской и Пензенской—2,17 п., въ Тамбовской—1,73 п., въ Рязанской—1,38 п., въ Симбирской—0,99 п., въ Казанской — 24 ф., въ Оренбургской — 21 ф., въ Саратовской—9 ф., въ Уфимской—7 ф., въ Воронежской—около 3 ф., наконецъ, въ Самарской губ. населеніе вовсе не собрало овса.

Въ лучшемъ случаѣ крестьяне могли употребить на потребности собственнаго продовольствія только то, что они получили съ своей надѣльной пашни; доходы же отъ посторонннихъ заработковъ и съ аренды были сравнительно очень не велики, и ихъ едва могло хватить на покрытіе всякой другой, необходимой въ крестьянскомъ хозяйствѣ, нужды [9]).

Но надѣльныя земли дали крестьянамъ ничтожныя количества зерна; по сравненіи съ тѣмъ, что населенію имѣло на годъ, въ среднемъ, за послѣдніе три года, они составляли:

	%		%
въ Оренбургской губ. . . .	0,5	въ Тульской губ.	34,7
„ Воронежской „ . . .	2,8	„ Тамбовской „	36,1
„ Казанской „ . . .	12,9	„ Курской „	48,4

[9]) По бюджетнымъ изслѣдованіямъ, производившимся по Воронежской губерніи, оказалось, что въ 67 крестьянскихъ семьяхъ расходы на всѣ нужды въ годъ составляли около 29 тыс. руб.; изъ нихъ на пищу падало только 11 тыс. р., т.-е. 40%.

		%			%
въ Самарской	губ. . . .	20,5	въ Уфимской	губ.	56,7
„ Симбирской	„ . . .	22,8	„ Орловской	„	59,0
„ Пензенской	„ . . .	28,1	„ Нижегород.	„	62,0
„ Рязанской	„ . . .	31,4	„ Вятской	„	64,6
„ Саратовской	„ . . .	34,7	„ Пермской	„	90,4

Между тѣмъ, послѣдніе годы были сами неудовлетворительные въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, и сельское населеніе не только не имѣло за это время избытковъ зерна, а скорѣе нуждалось въ немъ. Если мы примемъ средній за пятилѣтіе 1883—1887 гг. чистый сборъ ржи на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ за 100, и выразимъ въ % къ нему сборъ этого хлѣба за 1888-й, 1889-й и 1890-й годы, то окажется, что 1888-й годъ былъ неблагопріятенъ для Самарской губ. (55%), Оренбургской (59%), Симбирской (70%), Саратовской (83%), Вятской (87%), Казанской (88%) Нижегородской (89%) и Пермской (90%); 1889-й—для Курской (35%), Воронежской 60%, Самарской (60%), Тамбовской (57%), Пермской (57%), Нижегородской (61%), Симбирской (68%), Вятской (68%), Казанской (70%), Орловской (72%), Саратовской (75%), Пензенской (86%) и наконецъ 1890-й годъ—для Оренбургской губ. (26%), Самарской (36%), Уфимской (48%), Нижегородской (54%, Симбирской (61%), Казанской (65%), Пензенской (68%), Вятской (69%), Пермской (80%) и Саратовской (83%). Такимъ образомъ, только Рязанская и Тульская губерніи не имѣли въ недалекомъ прошломъ неурожаевъ; въ семи-же изъ пострадавшихъ губ. прошлогоднему неурожаю предшествовало по три, слѣдовавшихъ другъ за другомъ, неурожайныхъ года. Благодаря этому обстоятельству экономическое благосостояніе сельскаго населенія давно уже пошатнулось и во многихъ мѣстахъ за послѣдніе годы окончательно пришло въ упадокъ. Происходившее въ народной жизни разстройство рѣзко обнаружилось въ истощеніи платежныхъ силъ населенія; въ „Исполненіи росписи государственныхъ доходовъ за 1890-й годъ“ указывается, что недоимки въ окладныхъ сборахъ въ 10 изъ наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая губерніяхъ за два года (1889 и 1890) возрасли на 48% и къ 1 янв. 1891 года достигли суммы въ 36,8 милл. руб.: въ Самарской губ. 11375 т. р., въ Казанской—7901 т. р., въ Тамбовской—3194 т. р., въ Уфимской—2514 т. р., въ Нижегородской—2,504 т. р., въ Саратовской—2,292 т. р., въ Оренбургской—2,243 т. р., въ Пензенской—1674 т. р., въ Пермской—1606 т. р. и въ Симбирской—1448 т. р.

Само собой разумѣется, что населеніе, жившее послѣдніе годы подъ давленіемъ постоянной, тяжелой нужды, оказалось совершенно неспособнымъ дать отпоръ тому жестокому удару, который оно получило въ прошломъ году. Поэтому, бѣдствіе приняло громадные размѣры и оставило глубокіе слѣды на многіе годы.

Для погубернской характеристики нужды, открывшейся среди земледѣльческаго населенія неурожайной полосы, мы исчерпали весь матеріалъ, имѣющійся въ оффиціальномъ изданіи. Но среднія погубернскія цифры все же не дали намъ точной картины нужды, такъ какъ и внутри каждой губерніи продовольственныя средства распредѣлились среди населенія очень неравномѣрно, и наряду съ очень пострадавшими уѣздами были и такія, гдѣ жатва обезпечила населенію удовлетвореніе его насущныхъ потребностей. Чтобы раскрыть подробности интересующаго насъ явленія, нужно выдѣлить въ особую группу эти благополучные уѣзды; только въ этомъ случаѣ можно будетъ точно опредѣлить, какъ велики были размѣры нужды, и какъ много было бѣдствовавшаго населенія. Но для этого нужны поуѣздныя данныя о количествахъ собраннаго и посѣяннаго на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ хлѣба, а такими данными въ готовомъ видѣ мы не располагаемъ, такъ какъ Центральный Статистическій Комитетъ не показываетъ, сколько изъ общесложной цифры сбора каждаго хлѣба по каждому уѣзду нужно отчислить на долю крестьянскихъ земель. Къ счастью, этотъ пробѣлъ можно легко восполнить съ помощью простого вычисленія; для этой цѣли намъ будутъ служить 1) поуѣздныя цифры сбора и посѣва хлѣбовъ на десятину крестьянской пашни, 2) данныя о площадяхъ культуры каждаго хлѣба, по изслѣдованію, произведенному въ 1881-мъ году [10]).

[10]) Площади 1886 года, къ сожалѣнію, опубликованы не были. Но измѣненія, происшедшія за 5 лѣтъ, конечно, были не велики, такъ какъ крестьянская земля почти вездѣ давно уже распахана до своихъ крайнихъ предѣловъ. Сличая наши цифры, вычисленныя по площадямъ 1881 года, съ цифрами Центр. Стат. Комит., мы нашли, что разница въ нихъ, дѣйствительно, вездѣ очень мала—ржи на душу крестьянскаго населенія приходилось:

Губерніи:	По площ. 81 г. пуд.	По площ. 86 г. пуд.	Губерніи:	По площ. 81 г. пуд.	По площ. 86 г. пуд.
Нижегородск. .	4,09	4,61	Воронежская .	0,25	0,26
Оренбургская .	0,96	1,47	Симбирская. .	1,93	1,89
Саратовская .	3,43	3,60	Курская. . .	4,79	4,73
Орловская . .	5,22	5,33	Тульская. . .	4,03	3,94
Пензенская. .	2,11	2,20	Самарская . .	2,13	2,05
Казанская . .	1,17	1,25	Рязанская . .	2,74	2,63
Тамбовская . .	3,38	3,42	Пермская . .	7,83	7,67
Вятская. . .	7,23	7,26	Уфимская . .	7,33	6,17

Согласно нашему вычисленію, результаты сбора главнаго продовольственнаго хлѣба—ржи поуѣздно представлялись въ слѣдующемъ видѣ:

Воронежской губ.—въ 7 уѣздахъ крестьяне не добрали 665,000 пуд. сѣмянъ: въ Острогожскомъ уѣздѣ на душу пришлось 0,12 п., въ Бобровскомъ—0,58 п., въ Землянскомъ—0,59 п., въ Задонскомъ—1,75 п., въ Новохоперскомъ—4,69 п.

Вятской губ.—уѣзды Котельничскій, Орловскій, Вятскій и Елабужскій собрали больше 9 пуд. ржи на душу; Слободскій—7,97 пуд., Малмыжскій—7,61 п.; Нолинскій—7,27 п., Сарапульскій—7,04 п.; наиболѣе пострадали уѣзды: Яранскій—3,23 п., Уржумскій—4,29 п., Глазовскій—5,62 п.

Казанской губ.—въ Цивильскомъ, Казанскомъ и Ядринскомъ уѣздахъ, крестьяне не собрали сѣмянъ въ количествѣ 303000 пуд.; въ Тетюшскомъ, Свіяжскомъ и Козьмодемьянскомъ уѣздахъ осталось на душу меньше 1 пуд. ржи; въ Мамадышскомъ, Чебоксарскомъ, Лаишевскомъ, Чистопольскомъ и Царевококшайскомъ—меньше 2 пуд.; наиболѣе благополучнымъ былъ Спасскій уѣздъ со сборомъ въ 5,4 пуд. на душу.

Курской губ.—уѣзды Суджанскій, Фатежскій, Дмитровскій, Рыльскій и Путивльскій получили $8^1/_2$—$11^1/_2$ пуд. на душу; въ прочихъ 10 уѣздахъ населеніе терпѣло нужду, причемъ въ худшихъ условіяхъ находились: Новооскольскій (0,23 п.), Старооскольскій (1,04 п.), Корочанскій (1,46 п.) и Грайворонскій (1,81 п.); въ лучшихъ—Курскій (4,84 п.) и Льговскій (7,45 п.).

Нижегородской губ.—изъ 11 уѣздовъ не пострадали отъ неурожая только два—Семеновскій (20,33 п.) и Балахнинскій (13,82 п.); особенно велика нужда была въ Лукояновскомъ уѣздѣ, гдѣ крестьяне не добрали 155800 пуд. сѣмянъ; въ Горбатовскомъ, Ардатовскомъ и Арзамасскомъ уѣзд. населеніе имѣло меньше 1 пуда.

Оренбургской губ.—наиболѣе пострадали Оренбургскій и Орскій уѣзды, въ которыхъ не было добрано 16200 пуд. сѣмянъ; затѣмъ идутъ Челябинскій уѣзд. (1,01 п.), Троицкій (2,17 п.) и Верхне-Уральскій (2,39 п.).

Орловской губ.—не испытывали острой нужды три уѣзда: Кромскій, Сѣвскій и Орловскій, со сборомъ въ 8,49—9,50 п. на душу; наиболѣе пострадали: Елецкій (1,67 п.), Ливенскій (2,29 п.), и Брянскій (2,63 п.); въ прочихъ уѣздахъ было собрано 4,60—7,10 пуд. на душу.

Пензенской губ.—въ лучшихъ условіяхъ былъ Пензенскій уѣздъ (6,45 п.), въ худшихъ—Керенскій (не собрали 29600

пуд. сѣмянъ), Саранскій (0,45 п.) и Наровчатскій (0,99 п.); въ прочихъ мѣстахъ сборъ ржи колебался въ предѣлахъ 1,30—3,33 пуд.

Пермской губ.—особенно сильно пострадали Шадринскій (0,45 п.), Екатеринбургскій (1,42 п.), Камышловскій (1,77 п.) и Верхотурскій (3,79 п.) уѣзды; въ Чердынскомъ уѣздѣ населеніе имѣло на душу 6,41 п.; въ 7 другихъ уѣздахъ со сборомъ 8,71—20,96 пуд. на душу, населеніе въ бо̀льшей или меньшей степени было обезпечено.

Рязанской губ.—наиболѣе пострадали: Данковскій (не добрали 31600 пуд. сѣмянъ), Ряжскій (0,61 п.), Скопинскій (0,79 п.), Сапожковскій (0,93 п.), Раненбургскій (1,25 п.), Михайловскій (1,35 п.) и т. д.; лучшій сборъ былъ въ Егорьевскомъ уѣздѣ (5,80 п.).

Самарской губ.—въ Николаевскомъ и Новоузенскомъ уѣзд. не добрали 48000 пуд. сѣмянъ; относительно благополучнымъ можно признать только Ставропольскій уѣздъ (10,96 п.); въ другихъ уѣздахъ сборъ колебался между 0,89 п. и 3,29 п.

Саратовской губ.—въ лучшихъ условіяхъ были Петровскій (7,13 п.) и Сердобскій (6,11 п.) уѣзды; въ худшихъ—Камышинскій (0,51 п.) и Саратовскій (0,57 п.); въ прочихъ уѣздахъ населеніе имѣло отъ 1 пуда (Хвалынскій уѣздъ) до 5,78 п. (Балашовскій) на душу.

Симбирской губ.—въ Ардатовскомъ и Алатырскомъ уѣздахъ не собрали сѣмянъ въ количествѣ 181000 пуд.; въ Буинскомъ уѣздѣ на душу пришлось 0,04 п., въ Курмышскомъ—1,06 п., нигдѣ сборъ не превышалъ 5,14 пуд.

Тамбовской губ.—Борисоглѣбскій уѣздъ (9,72 п.) былъ относительно обезпеченъ; въ худшемъ положеніи были: Спасскій (0,07 п.), Шацкій (0,35 п.), Темниковскій (0,90 п.) и Моршанскій (0,94 п.) уѣзды; въ прочихъ мѣстахъ сборъ колебался въ предѣлахъ 1,84 п. и 5,09 п.

Тульской губ.—мало пострадали два уѣзда: Бѣлевскій (8,03 п.) и Одоевскій (8,87 п.); тяжело пострадали Ефремовскій (0,31 п.) и Епифановскій (1,91 п.) уѣзды; въ прочихъ уѣздахъ собрали 2,23—6,24 пуд. на душу.

Уфимской губ.—были достаточно обезпечены своимъ сборомъ ржи Уфимскій (8,95 п.), Бирскій (9,53 п.) и Златоустовскій (13,08 п.) уѣзды; въ трехъ остальныхъ уѣздахъ сборъ былъ 4,00—5,63 п. на душу.

Изъ предыдущей работы оказалось, что

не собравшихъ сѣмянъ	было	3643500	душъ,	или	13,1%
собравшихъ меньше 1 пуд.	„	4556900	„	„	16,4%
„ 1—2 „	„	3849800	„	„	13,8%
„ 2—3 „	„	2774200	„	„	10,0%
„ 3—5 „	„	3843100	„	„	13,8%
„ 5—7,5 „	„	4225100	„	„	15,2%
„ 7,5—9 „	„	1720200	„	„	6,2%
„ 9—12 „	„	2223400	„	„	8,0%
„ 12 п. и больше	„	970800	„	„	3,5%

Гдѣ населеніе имѣло отъ жатвы меньше $7^1/_2$ пуд. ржи на душу, тамъ оно на свои средства просуществовать въ теченіе года не могло, и нуждалось въ государственной помощи. Населеніе же, собравшее больше $7^1/_2$ пуд. ржи на душу, вмѣстѣ съ яровыми хлѣбами имѣло тотъ minimum продовольственныхъ запасовъ, при наличности котораго оно не могло разсчитывать на помощь со стороны государства. Выходя изъ этого дѣленія населенія на двѣ группы, результаты нашей работы можно выразить въ слѣдующей таблицѣ:

Губерніи:	Нуждавш. насел. (со сбор. меньше $7^1/_2$ п.).	Проц. отношен. нуждавш. ко всѣму насел.	У него средн. остатокъ ржи на душу въ пуд.
Вятская	1380900	53,2	5,41
Уфимская . . .	726100	50,8	4,81
Орловская . . .	1270800	77,8	4,14
Саратовская . .	1919700	100,0	3,43
Тульская. . . .	1022200	87,7	3,40
Рязанская . . .	1592900	100,0	2,74
Курская	1383700	69,7	2,69
Тамбовская. . .	1932300	88,1	2,54
Пензенская. . .	1273800	100,0	2,11
Пермская . . .	1116200	47,0	2,03
Нижегородская. .	1069600	86,0	2,00
Симбирская. . .	1301000	100,0	1,93
Казанская . . .	1696500	100,0	1,17
Самарская . . .	1791000	90,0	1,11
Оренбургская . .	1050300	100,0	0,96
Воронежская . .	2353900	100,0	0,25

Такимъ образомъ, во всей пострадавшей мѣстности испытывавшихъ тяжелую нужду было 22880900 душъ (82,3% всего крестьянскаго населенія).

Какъ распредѣлились по отдѣльнымъ уѣздамъ запасы яровыхъ хлѣбовъ, мы вычислять не будемъ. Съ одной стороны, эта работа очень сложна, съ другой—она не можетъ имѣть большого значенія, потому что яровые посѣвы, за исключе-

ніемъ одной только Оренбургской губерніи, вездѣ сравнительно съ посѣвами ржи очень не велики [11]). Въ среднемъ, по цѣлой губерніи крестьяне собрали въ прошломъ году, за вычетомъ сѣмянъ, слѣдующія количества ярового продовольственнаго хлѣба на душу:

Въ губерніи:	пуд.	Въ губерніи:	пуд.
Тамбовской	2,52	Орловской.	1,12
Уфимской.	2,42	Симбирской	1,04
Пермской.	2,27	Казанской.	0,62
Нижегородской . . .	2,25	Саратовской	0,94
Пензенской	1,71	Тульской	0,55
Вятской	1,53	Воронежской. . . .	0,29
Рязанской.	1,41	Самарской.	0,28
Курской	1,34	Оренбургской. . . .	0,00

Такимъ образомъ сборъ этихъ хлѣбовъ былъ вездѣ настолько незначителенъ, что тамъ, гдѣ не оказалось достаточно ржи для продовольствія населенія, яровые хлѣба не могли поправить положеніе.

Если мы допустимъ, что яровые хлѣба въ каждой губерніи распредѣлились равномѣрно (что и было бы въ лучшемъ для нуждавшейся части населенія случаѣ), то окажется, что всѣ продовольственныя средства населенія (за выключеніемъ сравнительно обезпеченной части его), добытыя имъ отъ прошлогодней жатвы, составляли на душу:

Въ губерніи:	пуд.	Въ губерніи:	пуд.
Уфимской.	7,23	Курской	4,05
Вятской	6,94	Тульской	3,95
Орловской.	5,26	Пензенской	3,82
Тамбовской	5,06	Симбирской	2,97
Саратовской	4,37	Казанской.	1,79
Пермской	4,30	Самарской	1,39
Нижегородской . . .	4,25	Оренбургской. . . .	0,96
Рязанской	4,15	Воронежской. . . .	0,54

Согласно съ цифрами оффиціальнаго изданія, нужно думать, что передъ населеніемъ въ большинствѣ случаевъ была пер-

[11]) Въ Оренбургской губерніи главный производимый хлѣбъ—не рожь, а яровая пшеница. Уѣзды: Орскій, Верхне-Уральскій и Челябинскій сильно пострадали—въ большинствѣ случаевъ не были собраны даже сѣмена пшеницы: но въ Оренбургскомъ уѣздѣ крестьянское населеніе имѣло отъ жатвы 3,4 пуд. пшеницы на душу, а въ Троицкомъ уѣздѣ—даже 6,7 пуд. Мы въ текстъ не вводили этой поправки, чтобы выдержать принятую нами систему, но выпускать изъ виду этого обстоятельства, конечно, нельзя.

спектива настоящаго голода, и въ той отчаянной борьбѣ за жизнь, которую ему пришлось выдержать, погибло, конечно, много народныхъ силъ.

Несомнѣнно, что даже въ предѣлахъ каждаго уѣзда земледѣльческое населеніе далеко неодинаково было обезпечено продовольственными средствами. Нужда представляла извѣстныя градаціи, что̀ зависѣло 1) отъ полосности прошлогодняго неурожая, 2) отъ прежней имущественной состоятельности отдѣльныхъ семей, 3) отъ различія въ величинѣ надѣла. Но значеніе этихъ факторовъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ, за принятыми мѣрами, было устранено, и, за немногими исключеніями, въ средѣ пострадавшаго населенія тяжесть бѣдствія чувствовалась одинаково.

Для борьбы съ постигшимъ Россію бѣдствіемъ отъ государства потребовались громадныя ассигнованія. На всѣ 16 пострадавшихъ губ. было отпущено 120.664,000 руб. [12]).

На губерніи:	тыс. р.	На губерніи:	тыс. р.
Саратовскую . . .	13500	Нижегородскую . . .	6750
Казанскую	13100	Вятскую	6164
Самарскую	12050	Воронежскую. . . .	6100
Тамбовскую	10200	Пермскую	6100
Оренбургскую . . .	10000	Тульскую	4080
Симбирскую. . . .	10000	Курскую	2860
Пензенскую	8100	Уфимскую.	2500
Рязанскую	6800	Орловскую	2360

На душу нуждавшагося крестьянскаго населенія изъ этихъ ассигнованій пришлось:

Въ губерніяхъ:	руб.	Въ губерніяхъ:	руб.
Оренбургской	9,52	Тамбовской	5,28
Казанской	7,72	Вятской	4,46
Симбирской	7,69	Рязанской	4,27
Саратовской	7,03	Тульской	3,99
Самарской	6,73	Уфимской	3,44
Пензенской	6,36	Воронежской	2,59
Нижегородской . . .	6,31	Курской	2,07
Пермской	5,47	Орловской	1,86

Сравнительно съ размѣрами нужды относительно наибольшія ссуды получили губерніи; Саратовская (занимаетъ 12-е мѣсто по величинѣ нужды и 4-е—по величинѣ ссуды), Вят-

[12]) Мы не считаемъ еще мѣстныхъ земскихъ средствъ и средствъ благотворительности; послѣднія пошли, главнымъ образомъ, на вспомоществованіе другимъ группамъ нуждавшагося населенія.

ская (15-е и 10-е), Тамбовская, Нижегородская, Пермска Уфимская, Симбирская, Казанская и Оренбургская; наимен шія—Воронежская (занимаетъ 1-е мѣсто по величинѣ нуж и 14-е—по величинѣ ссуды), Курская (8-е и 15-е), Тульск (7-е и 12-е), Самарская (3-е и 5-е), Рязанская, Орловская Пензенская. На различія въ представленныхъ смѣтахъ и въ с слѣдовавшихъ ассигнованіяхъ рѣзко повліяла разница въ госпо ствовавшихъ взглядахъ на нужду и на цѣли продовольствен помощи.

Изрѣдка продовольственная помощь стремилась поддерж крестьянское хозяйство на томъ положеніи, въ какомъ оно бы раньше; чаще она старалась сохранить крестьянину скотъ инвентарь въ предѣлахъ лишь самаго необходимаго, а ино даже ограничивалась однимъ только спасеніемъ людей отъ лодной смерти.

На отпущенныя средства мѣстнымъ учрежденіямъ предсто выполнить четыре задачи. Первая состояла въ обсѣмененіи которой части озимаго крестьянскаго поля. На это дѣло бы выданы приблизительно слѣдующія количества зерна [13]).

Въ губерніяхъ:	т. пуд.	Въ губерніяхъ:	т. пуд.
Казанской	1400	Тульской	400
Саратовской	1300	Курской.	300
Нижегородской . . .	1200	Оренбургской	300
Пензенской	1200	Орловской	300
Самарской.	1100	Пермской	300
Симбирской	1100	Воронежской	—
Тамбовской	1000	Рязанской	—
Вятской	500	Уфимской	—

Съ помощью этой ссуды крестьяне засѣяли по всѣмъ 16 г (мы ввели въ разсчетъ только сильно пострадавшіе уѣзды) об 16% своего озимаго поля: въ Самарской губ.—32,0%, въ Ни городской—31,1%, въ Пензенской—30,2%, въ Пермской 29,1%, въ Симбирской—28,6%, въ Саратовской—28,1%, Оренбургской—23,5%, въ Казанской—19,9%, въ Тамбовской 17,1%, въ Тульской—12,3%, въ Орловской—9,1%, въ К ской—7,9% и въ Вятской—7,0%. Насколько удачно б выполненъ осенній посѣвъ, въ настоящее время рѣшить тр

[13]) Какое количество ржи было выдано по каждой губерніи на обсѣ ніе озимыхъ полей, намъ неизвѣстно. Оффиціально были сообщены лиш мѣры денежной ссуды, выданной на этотъ предметъ. Основываясь на ствовавшихъ во время сѣва цѣнахъ, мы приняли стоимость пуда ржи р 1 р. 20 к.

въ правительственномъ сообщеніи мы находимъ указаніе только на то, что значительнаго сокращенія площади озимыхъ полей не послѣдовало.

Вторая задача заключалась въ доставленіи населенію продовольственныхъ средствъ. Въ первые мѣсяцы голодовки (іюль—ноябрь) ссуды выдавались въ немногихъ губерніяхъ, притомъ въ исключительныхъ случаяхъ и сравнительно въ очень ничтожныхъ размѣрахъ. Правильная раздача пособій началась лишь съ декабря. По разсчетамъ мѣстныхъ учрежденій, на періодъ по 1-е іюля (декабрь—іюнь) для продовольствія населенія требовалось:

Въ губерніяхъ:	т. пуд.	Въ губерніяхъ:	т. пуд.
Тамбовской	7000	Рязанской.	4200
Воронежской. . . .	6300	Оренбургской. . . .	3584
Саратовской	6230	Тульской	3318
Пензенской	5894	Нижегородской . . .	3080
Казанской.	5159	Курской	3010
Самарской	4900	Пермской	2751
Вятской	4550	Орловской.	1778
Симбирской	4200	Уфимской	1155

Однако пріобрѣтено было, вмѣсто раньше исчисленныхъ 67109 т. пуд., только 55600 т. пуд. [14]).

Для губерній:	т. пуд.	Для губерній:	т. пуд.
Тамбовской	5797	Тульской	2988
Воронежской. . . .	5379	Нижегородской . . .	2866
Самарской	5324	Вятской	2485
Казанской.	4820	Оренбургской. . . .	2255
Саратовской	4802	Курской	1944
Пензенской	4120	Пермской	1934
Симбирской	4106	Орловской.	1725
Рязанской.	3532	Уфимской	1523

[14]) Оффиціальная вѣдомость показываетъ еще продовольственное зерно, находившееся къ 1 декабря въ общественныхъ запасныхъ магазинахъ; его было: въ Воронежской губ.—2370 т. пуд., въ Вятской—1300 т. п., въ Саратовской—1019 т. п., въ Курской—697 т. п., въ Симбирской—450 т. п., въ Самарской—184 т. п., въ Тамбовской—143 т. п., въ Уфимской—124 т. п., въ Пензенской—99 т. п., въ Орловской—83 т. п., въ Нижегородской—48 т. п., въ Казанской—32 т. п. и въ Пермской—18 т. п. Это зерно либо принадлежало сельскимъ обществамъ наименѣе пострадавшихъ уѣздовъ, и въ такомъ случаѣ, составляя ихъ собственность, не могло служить обезпеченіемъ нуждавшейся части населенія, либо дѣйствительно принадлежало послѣдней, но тогда оно поступило изъ сбора послѣдней жатвы, такъ какъ хлѣбъ, остававшійся отъ прежнихъ лѣтъ, былъ израсходованъ еще весной и осенью прошлаго года, и, слѣдовательно, въ наши разсчеты разъ уже было введено. Въ виду этихъ соображеній, мы при послѣдующихъ разсчетахъ уже не принимали во вниманіе этихъ запасовъ.

Такимъ образомъ, операція по закупкѣ и доставкѣ продовольственнаго хлѣба не вездѣ была благополучно доведена до конца. Только въ двухъ губерніяхъ заготовка хлѣба превысила раньше предположенную смѣту: въ Уфимской—на 32% и въ Самарской—на 9%; въ остальныхъ губерніяхъ было пріобрѣтено меньше сравнительно съ тѣмъ, что́ требовалось: въ Симбирской губ. на 2%, въ Орловской—на 3%, въ Казанской и Нижегородской на 7%, въ Тульской—на 10%, въ Воронежской—на 15%, въ Рязанской—на 16%, въ Тамбовской—на 17%, въ Саратовской—на 23%, въ Пензенской и Пермской—на 30%, въ Курской—на 36%, въ Оренбургской—на 37%, въ Вятской—на 45%.

За шесть мѣсяцевъ (декабрь—май) учрежденія, вѣдавшія дѣло народнаго продовольствія, отпустили слѣдующія количества продовольственнаго зерна:

Въ губерніяхъ:	всего	на 1 д. нужд. н. пуд.	Въ губерніяхъ:	всего	на 1 д. нужд. н. пуд.
Симбирской . . .	3751	2,88	Нижегородской . .	2083	1,95
Самарской	4681	2,61	Рязанской	2551	1,60
Пензенской . . .	3243	2,55	Оренбургской . . .	1444	1,38
Тамбовской . . .	4768	2,47	Уфимской	940	1,30
Саратовской . . .	4367	2,27	Пермской	1434	1,28
Казанской	3834	2,26	Курской	1634	1,18
Воронежской . . .	4947	2,10	Вятской	1615	1,17
Тульской	2014	1,97	Орловской	1422	1,12

Отпущенной въ такомъ ограниченномъ размѣрѣ продовольственной ссуды, конечно, было далеко недостаточно, и, такъ какъ отъ собственныхъ скудныхъ запасовъ у населенія въ это время года ничего уже не оставалось (небольшіе остатки могли быть только въ Уфимской, Вятской и, пожалуй, въ Орловской губ.), то нужда съ каждымъ днемъ становилась все сильнѣе, и по всему пострадавшему отъ неурожая району распространились тифъ, цынга и другія болѣзни.

Къ 25-му мая оставались неизрасходованными слѣдующія количества зерна:

Въ губерніяхъ:	тыс. пуд.	Въ губерніяхъ:	тыс. пуд.
Тамбовской.	1029	Уфимской	583
Рязанской	981	Пермской	567
Тульской	974	Симбирской, ...	502
Пензенской.	877	Самарской	499
Вятской.	870	Саратовской	435
Казанской	828	Воронежской	405
Оренбургской	811	Орловской	319
Нижегородской. . . .	761	Курской.	204

Такъ какъ данныя о ходѣ продовольственной операціи за мѣсяцъ іюнь, къ сожалѣнію, опубликованы не были, то и неизвѣстно, сколько изъ этихъ запасовъ было употреблено на ближайшія нужды населенія. Нужно, впрочемъ, думать, что, за исключеніемъ Воронежской, Курской, Самарской, Саратовской и Симбирской, въ прочихъ губ. получились довольно значительные остатки зерна. По всей вѣроятности, расходъ зерна за послѣдній мѣсяцъ въ этихъ губерніяхъ былъ приблизительно тотъ же, что и, въ среднемъ, за предыдущіе мѣсяцы, и, слѣдовательно, остатки должны были достигнуть: въ Тульской губ. 638 т. пуд., въ Вятской—601 т. п., въ Оренбургской—570 т. п., въ Рязанской—556 т. п.,—въ Уфимской—426 т. п., въ Нижегородской—414 т. п., въ Пензенской — 336 т. п., въ Пермской—328 т. п., въ Тамбовской — 234 т. п., въ Казанской—189 т. п. и въ Орловской—82 т. п.

Въ конечномъ результатѣ всей продовольственной операціи оказалось то, что средній мѣсячный расходъ зерна почти вездѣ былъ много ниже установленной, во время декабрьской сессіи очередныхъ губернскихъ земскихъ собраній, средней мѣсячной потребности продовольствія:

Въ губерніяхъ:	Расходъ. потребн. тыс. пуд.	Расходъ. дѣйств. тыс. пуд.	Въ губерніяхъ:	Расходъ. потребн. тыс. пуд.	Расходъ. дѣйств. тыс. пуд.
Тамбовской. . .	1000	795	Рязанской . . .	600	425
Воронежской . .	900	765	Оренбургской . .	512	241
Саратовской . .	890	686	Тульской . . .	474	336
Пензенской. . .	842	541	Нижегородской. .	440	347
Казанской . . .	737	639	Курской. . . .	430	263
Самарской . . .	700	740	Пермской . . .	393	239
Вятской. . . .	650	269	Орловской . . .	254	237
Симбирской, . .	600	608	Уфимской . . .	165	157

Только въ двухъ губерніяхъ выдачи были больше сдѣланной раньше смѣты—въСамарской на 6% и въ Симбирской—на 1%; въ остальныхъ же губерніяхъ зерно расходовалось въ меньшемъ, чѣмъ это раньше предполагалось, количествѣ: въ Уфимской — на 5%, въ Орловской—на 7%, въ Казанской—нъ 13%, въ Воронежской—на 15%, въ Нижегородской и Тамбовской—на 21%, въ Саратовской—на 23%, въ Рязанской и Тульской—на 29%, въ Пензенской—на 36%, въ Пермской—на 39%, въ Курской—на 39%, въ Оренбургской—на 53% и въ Вятской—на 59%.

Третья задача заключалась въ снабженіи крестьянъ сѣменами

для ярового посѣва. По предварительно сдѣланному разсчету, для этой цѣли требовалось пріобрѣсти:

Въ губерніяхъ:	тыс. пуд.	Въ губерніяхъ:	тыс. пуд.
Саратовской	5500	Рязанской	1690
Казанской	4489	Самарской	1580
Вятской	4000	Оренбургской	1398
Тамбовской	3000	Нижегородской	1350
Пермской	2826	Курской	1250
Тульской	2700	Уфимской	800
Воронежской	2000	Пензенской	764
Симбирской	1960	Орловской	294

Но заготовка сѣменного зерна въ большинствѣ случаевъ велась не совсѣмъ удачно, такъ какъ времени въ распоряженіи было немного, а между тѣмъ приходилось спѣшить съ доставкой продовольственнаго хлѣба. По 25-е мая были закуплены слѣдующія количества яровыхъ сѣмянъ (дальнѣйшая закупка къ этому времени вездѣ была прекращена) [15]).

Въ губерніяхъ:	тыс. пуд.	Въ губерніяхъ:	тыс. пуд.
Казанской	3955	Нижегородской	1369
Саратовской	3602	Тамбовской	1062
Вятской	2692	Рязанской	974
Симбирской	2400	Курской	898
Самарской	1943	Уфимской	736
Пермской	1924	Пензенской	526
Воронежской	1800	Орловской	256
Оренбургской	1604	Тульской	252

Слѣдовательно, въ 4-хъ губ. зерна было заготовлено больше, чѣмъ это предполагалось раньше: въ Самарской—на 23%, въ Симбирской—на 22%, въ Оренбургской—на 15%, и въ Нижегородской—на 1%; зато въ другихъ губерніяхъ смѣта не была выполнена: въ Уфимской—на 8%, въ Воронежской—на 10%, въ Казанской—на 12%, въ Орловской—на 13%, въ Курской—на 28%, въ Пензенской—на 31%, въ Пермской—на 32%, въ Вятской—на 33%, въ Саратовской—на 35%, въ Рязанской—на 42%, въ Тамбовской—на 65% и въ Тульской—на 91%.

[15]) По тѣмъ же соображеніямъ, что и раньше, мы исключили изъ разсчета сѣменное зерно, показанное состоявшимъ въ общественныхъ запасныхъ магазинахъ (къ 6 января); его было: въ Вятской губ.—1395 т. п., въ Нижегородской—1770 т. п., въ Воронежской—949 т. п., въ Тульской—690 т. п., въ Симбирской—546 т. п., въ Пензенской—450 т. п., въ Казанской—291 т. п., въ Орловской—278 т. п., въ Самарской—127 т. п., въ Курской—122 т. п., въ Тамбовской—68 т. п., въ Уфимской—39 т. п., и въ Пермской—14 т. п.

Впрочемъ, по ходу сѣменной операціи еще нельзя судить о томъ, въ какой мѣрѣ была удовлетворена по каждой губерніи потребность въ яровыхъ сѣменахъ, потому что первоначальный размѣръ сѣменной ссуды былъ установленъ не на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ, а совершенно произвольно: въ Саратовской губ. ссуда была разчислена на все крестьянское поле, въ Казанской — на $^3/_4$, въ Тамбовской и Тульской — на $^7/_{10}$, въ Вятской, Пермской и Симбирской—на $^1/_2$, въ Нижегородской—на $^2/_5$, въ Курской—на $^1/_3$, въ Воронежской, Пермской и Уфимской—на $^1/_4$, въ Самарской — на $^1/_5$, въ Орловской — на $^1/_{11}$ и въ Оренбургской — на $^1/_{12}$. Въ виду этого мы опредѣлили, какъ была велика въ 1890-мъ году потребность въ яровыхъ сѣменахъ среди крестьянскаго населенія наиболѣе пострадавшихъ уѣздовъ, и выразили въ % къ ней количества заготовленнаго для посѣвовъ зерна.

Въ губерніяхъ:	Засѣвалось. тыс. пуд.	Ссуда. %	въ губерніяхъ:	Засѣвалось. тыс. пуд.	Ссуда. %
Саратовской . . .	5291	68	Курской	3598	25
Симбирской. . . .	3632	66	Воронежской. . .	7559	24
Казанской	6077	65	Тамбовской . . .	4444	24
Нижегородской. . .	3210	43	Уфимской. . . .	3340	22
Пермской	5580	34	Пензенской . . .	3152	17
Вятской.	8286	32	Оренбургской . .	17752	9
Рязанской	3143	31	Орловской . . .	3178	8
Самарской	7343	26	Тульской. . . .	3927	6

Такимъ образомъ, въ лучшихъ условіяхъ обезпеченности сѣменами оказалось населеніе Саратовской, Симбирской и Казанской губ. (получило $^2/_3$ обычно высѣваемаго количества зерна); въ худшихъ—населеніе Оренбургской, Орловской и Тульской губ. (меньше $^1/_{10}$), Съ заготовкой сѣменного зерна чрезвычайно запоздали въ Тамбовской и Тульской губ.—для первой по смѣтѣ требовалось 68% и для второй—69% высѣваемаго количества зерна.

Мы уже указывали на то, что Саратовское земство, глубоко убѣжденное въ томъ, что населеніе, не получая достаточной продовольственной помощи и живя въ теченіе года впроголодь, не сохранитъ сѣмянъ ко времени сѣва, а употребитъ ихъ въ пищу, признало необходимымъ выдать ссуду на всѣ крестьянскія поля безъ исключенія. Если такое соображеніе было умѣстно для Саратовской губерніи, оно тѣмъ болѣе было необходимо для другихъ губерній, такъ какъ онѣ, сравнительно съ Саратовской, и сильнѣе пострадали отъ неурожая и слабѣе

были обезпечены продовольственной помощью. Между тѣмъ по всѣмъ наиболѣе пострадавшимъ уѣздамъ съ помощью ссуды была засѣяна лишь небольшая часть крестьянскаго поля — около 30%; поэтому слѣдуетъ признать, что благополучный исходъ весенняго сѣва находится подъ большимъ сомнѣніемъ,—по всей вѣроятности обнаружившійся недостатокъ въ яровыхъ сѣменахъ вездѣ былъ значительный, и часть своего поля крестьяне не могли сами засѣять.

Нужно еще замѣтить, что къ 25-му мая не все заготовленное сѣменное зерно было выдано крестьянамъ; къ этому времени оставалось:

Въ губерніяхъ:	т. пуд.	Въ губерніяхъ:	т. пуд.
Оренбургской	1391	Тульской	70
Нижегородской	382	Пензенской	70
Саратовской	378	Рязанской	60
Воронежской	238	Вятской	59
Пермской	112	Симбирской	37
Казанской	103	Самарской	36
Тамбовской	90	Орловской	35
Курской	83	Уфимской	17

Успѣло ли населеніе воспользоваться этими запасами, пока неизвѣстно.

Наконецъ, четвертая задача заключалась въ поддержаніи погибавшаго въ огромномъ количествѣ крестьянскаго рабочаго скота. Прошлогоднее бѣдствіе, какъ извѣстно, сопровождалось еще безкормицей. Въ пострадавшихъ губерніяхъ былъ огромный недостатокъ и въ кормовыхъ средствахъ. На зиму имѣлось 711,2 милл. пуд. соломы и 388,1 милл. пуд. сѣна. По отдѣльнымъ губ. эти запасы распредѣлились слѣдующимъ образомъ:

Губерніи:	милл. пуд. соломы.	сѣна.	Губерніи:	милл. пуд. соломы.	сѣна.
Воронежская	41,2	12,0	Пермская	55,8	98,2
Вятская	72,0	43,3	Рязанская	34,7	19,8
Казанская	25,2	13,2	Самарская	43,1	17,8
Курская	64,0	19,9	Саратовская	51,7	21,5
Нижегородская	35,2	12,6	Симбирская	26,7	8,5
Оренбургская	26,9	33,3	Тамбовская	60,2	15,3
Орловская	54,2	21,2	Тульская	42,5	12,9
Пензенская	41,1	1,8	Уфимская	36,8	36,7

Скота для 1888-го года (для удобства мы сдѣлали замѣну на крупный рогатый скотъ, полагая, какъ это принято, что $^2/_3$

лошади и 10 овецъ = одной штукѣ крупнаго рогатаго скота) считалось: [16])

Въ губерніяхъ:	т. шт.	Въ губерніяхъ:	т. шт.
Воронежской	1790	Пермской	1784
Вятской	2301	Рязанской	1045
Казанской	1340	Самарской	2874
Курской	1465	Саратовской	1590
Нижегородской . . .	768	Симбирской	887
Оренбургской	1366	Тамбовской	1788
Орловской	1165	Тульской	897
Пензенской	938	Уфимской	1625

Если мы для прокормленія скота примемъ минимальную норму въ 20 ф. соломы, или 15 ф. сѣна въ день на штуку крупнаго рогатаго скота, то, сопоставляя цифры этихъ таблицъ, найдемъ, что собственными запасами корма можно было продержать до весны (продолжительность зимы мы приняли въ 150 дней) только слѣдующія количества скота:

Въ губерніяхъ:		Въ губерніяхъ:	
Самарской	33%	Уфимской	71%
Воронежской	43%	Вятской	75%
Казанской	57%	Рязанской	78%
Симбирской	57%	Курской	82%
Тамбовской	60%	Тульской	89%
Пензенской	62%	Нижегородской . . .	90%
Саратовской	67%	Орловской	95%
Оренбургской	69%	Пермской	100%

Слѣдовательно, только въ одной Пермской губерніи кормовыхъ средствъ было достаточно на все наличное число головъ скота, особенно серьезно было положеніе въ Самарской губ. (убыль 67%), въ Воронежской (57%), въ Казанской и Симбирской (43%) и т. д. На пространствѣ всего неурожайнаго района къ веснѣ должно было погибнуть не меньше 30% всего скота.

Мы вывели эту цифру въ томъ предположеніи, что всѣ кормовые запасы въ каждой губерніи распредѣлены равномѣрно на все наличное количество скота. Но на самомъ дѣлѣ такъ не было: значительная часть корма должна быть отнесена на долю частно-владѣльческихъ хозяйствъ, такъ что на долю собственно крестьянскаго скота оставалось много меньше корма, а потому и количество скота, имѣвшаго шансы продержаться до

[16]) См. „Сборникъ свѣдѣній по Европейской Россіи 1890“.

весны, было, въ дѣйствительности, гораздо меньше. На поддержаніе крестьянскаго скота было ассигновано около 4½ милл. рублей. Съ этими небольшими средствами мѣстныя учрежденія могли достигнуть только того, что наличность скота въ общей сложности, согласно послѣднему правительственному сообщенію, была достаточной для выполненія работъ по засѣву яровыхъ полей.

Въ общемъ, 120-милліонной ссуды было далеко недостаточно. Повидимому, подъ давленіемъ громадности бѣдствія, правительство и не ставило себѣ иной задачи, какъ только предотвратить наступленіе ужасовъ голода; въ разосланномъ еще осенью циркулярѣ оно указывало, что земства, при опредѣленіи размѣра испрашиваемыхъ ссудъ, должны имѣть въ виду „лишь нѣкоторое облегченіе острой нужды населенія".

Намъ остается подвести итоги предыдущему изслѣдованію. Такъ какъ крестьяне безъ всякаго ущерба для своего хозяйства могли издержать изъ своихъ сѣменныхъ запасовъ на свои нужды такія количества зерна, которыя имъ впослѣдствіи были отпущены на сѣмена (не считая овса, который въ пищу не употребляется) [17]), то, слѣдовательно, продовольственные запасы крестьянскаго населенія пострадавшихъ уѣздовъ, въ результатѣ всей оказанной помощи, увеличились:

Въ губерніяхъ:	на душу пуд.	Въ губерніяхъ:	на душу пуд.
Симбирской	4,91	Воронежской	2,79
Саратовской	4,42	Тульской	2,72
Самарской.	4,33	Пермской	2,37
Казанской	4,33	Вятской	2,12
Пензенской	4,02	Уфимской	2,07
Нижегородской . . .	3,89	Рязанской	1,98
Тамбовской	3,51	Курской	1,77
Оренбургской	2,92	Орловской	1,58

Такимъ образомъ, не считая сѣмянъ, населеніе имѣло для собственнаго продовольствія на душу слѣдующія количества зерна.

[17]) Въ 1890 году количества засѣянныхъ на крестьянскихъ земляхъ продовольственныхъ яровыхъ хлѣбовъ составляли въ общей суммѣ яроваго посѣва: въ Воронежской губ.—68%, въ Вятской—20%, въ Казанской—37%, въ Курской—34%, въ Нижегородской—39%; въ Оренбургской—67%, въ Орловской—20%, въ Пензенской—26%, въ Пермской—35%, въ Рязанской—19%, въ Самарской—76%, въ Саратовской—66%, въ Симбирской—43%, въ Тамбовской—21%, въ Тульской—10% и въ Уфимской—55%. Этими соотношеніями мы и воспользовались въ томъ предположеніи, что земства, заготавливая сѣменное зерно, руководились обычными въ сѣвѣ хлѣбовъ соотношеніями.

Въ губерніяхъ:	на годъ. пуд.	на мѣсяцъ. пуд.
Уфимской	9,30	31
Вятской	9,06	30
Саратовской	8,79	29
Тамбовской	8,57	29
Нижегородской	8,14	27
Симбирской	7,88	26
Пензенской	7,84	26
Орловской	6,84	23
Тульской	6,67	22
Пермской	6,67	22
Рязанской	6,13	20
Казанской	6,12	20
Курской	5,82	19
Самарской	5,72	19
Оренбургской	3,88	13
Воронежской	3,33	11

Наибольшая, сравнительно съ размѣрами нужды, помощь была оказана населенію Уфимской, Вятской, Саратовской, Тамбовской и Нижегородской губ., наименьшая — населенію Воронежской, Оренбургской, Самарской, Курской, Казанской и Рязанской губ. Особенно неудовлетворительно было поставлено дѣло помощи въ Воронежской и Оренбургской губ.; населеніе первой раньше пользовалось относительно большимъ благосостояніемъ, и мѣстныя учрежденія, въ разсчетѣ на собственныя его силы, долго не испрашивали у правительства нужной ссуды; на Оренбургскую-же губ. изъ казны были отпущены громадныя средства (9 р. 52 к. на душу населенія), но она не умѣла, или не могла воспользоваться ими, какъ это было нужно. Если мы вспомнимъ теперь, что, за исключеніемъ Нижегородской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Рязанской и Тульской губ., въ которыхъ населеніе имѣло еще нѣкоторое подспорье въ картофелѣ (2—5,5 пуд. на душу), въ прочихъ губерніяхъ сборъ картофеля былъ вовсе ничтожный, то увидимъ, что продовольственныя средства пострадавшаго населенія въ прошломъ сельско-хозяйственномъ году были чрезвычайно малы. Какъ извѣстно, пища нашего крестьянина—по преимуществу растительная, и такъ какъ она бѣдна бѣлками и жирами, — наиболѣе важными въ экономіи организма питательными началами, то крестьяне должны потреблять сравнительно очень большія количества пищи. Бюджетныя изслѣдованія, произведенныя надъ типическими крестьянскими хозяйствами въ 67 селахъ Воронежской губ., показали, что населеніе въ 562 души (изъ нихъ—125 работни-

ковъ, 37 полуработниковъ, 127 работницъ, 27 полуработницъ и 14 наемныхъ работниковъ), въ среднемъ, на одного человѣка, безъ различія пола и возраста, расходовало въ годъ 18 мѣръ ржаной муки, около 3 мѣръ пшена и гречи, 18 фунтовъ муки пшеничной, яшной и пшенной, на 47 к. муки на квасъ и больше 7 мѣръ картофеля [18]). Въ условіяхъ жизни нашего земледѣльческаго населенія такое количество растительной пищи, вѣроятно, только-что достаточно. По крайней мѣрѣ, теоретически установленная норма какъ разъ указываетъ на такія-же количества пищи [19]).

Если даже, не обращая вниманія на эти показанія и науки и практической жизни, мы, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ прошлаго года, допустимъ, что сельское населеніе могло безъ особаго вреда для собственнаго здоровья ограничить потребленіе пищи 12 пуд. зерновыхъ продуктовъ на душу, все-таки, какъ ни мала эта цифра, потребность земледѣльческаго населенія пострадавшихъ отъ неурожая уѣздовъ, за всѣми принятыми правительствомъ мѣрами, далеко не была покрыта.

Въ губерніяхъ:	не доставало:	Въ губерніяхъ:	не доставало:
Воронежской. . . .	72%	Орловской	43%
Оренбургской . . .	68%	Пензенской	35%
Самарской	52%	Симбирской	34%
Курской	51%	Нижегородской . . .	32%
Казанской	49%	Тамбовской	29%
Рязанской	49%	Саратовской	27%
Тульской.	44%	Вятской	25%
Пермской.	44%	Уфимской.	23%

Продовольственный дефицитъ по Воронежской губ. достигалъ 20,409 т. пуд., по Оренбургской—8,526 т. п., по Са-

---

[18]) См. Сборникъ оцѣночныхъ свѣдѣній по крестьянскому землевладѣнію въ Землянскомъ, Задонскомъ, Коротоякскомъ и Нижнедѣвицкомъ уѣздахъ. Изданіе Воронежскаго губернскаго земства. 1889.

[19]) Dr. Karl Keleti, исходя изъ соображеній о томъ, какъ много нужно различной пищи для полученія необходимаго по разсчетамъ физіологовъ количества бѣлковъ, жировъ и углеводовъ, пришелъ къ тому выводу, что населеніе Венгріи, имѣя около 17% своей пищи въ видѣ продуктовъ животнаго происхожденія (русскій крестьянинъ потребляетъ еще меньше этихъ продуктовъ), должно расходовать въ годъ: на мужчину—44 п. 14 ф., на женщину—33 п. 16 ф., на ребенка до 12 лѣтъ—25 п. 38 ф.; въ среднемъ, на душу—35 п. 4 ф. различныхъ видовъ пищи, изъ которыхъ 28 п. 34 ф. могутъ падать на растительную пищу.

марской – 11,247 т. п., по Курской—8,553 т. п., по Казанской 9,972 т. п., по Рязанской—9,351 т. п., по Тульской—5,447 т. п., по Пермской—5,948 т. п., по Орловской—6,558 т. п., по Пензенской—5,300 т. п., по Симбирской—5,360 т. п., по Нижегородской—4,130 т. п., по Тамбовской—6,627 т. п., по Саратовской—6,163 т. п., по Вятской—4,060 т. п. и по Уфимской—1960 т. п.

Такимъ образомъ, во всѣхъ 16 губ. у крестьянскаго населенія не оказалось 119,611,000 пудовъ, безусловно нужныхъ для продовольствія. Если мы вспомнимъ, что въ пострадавшихъ губерніяхъ сборъ картофеля и другихъ овощей былъ ничтожный, что населеніе еще осенью было вынуждено распродавать свой скотъ и вмѣстѣ съ нимъ лишилась молочныхъ продуктовъ, и что у него почти вовсе не было средствъ на все покупное то увидимъ, какое громадное значеніе долженъ былъ имѣть этотъ продовольственный дефицитъ. Вездѣ, въ бо̀льшей или меньшей степени, наступило разореніе нашего земледѣльческаго населенія, для сохраненія своего существованія оно проѣдало сѣмена яровыхъ хлѣбовъ и картофеля [20]), отдавало за хлѣбъ все, что̀ только брали, заложило и продало свой скудный хозяйственный инвентарь, распродало скотъ, который къ тому-же нечѣмъ было кормить, сдавало свои надѣлы и запродавало озимые посѣвы. Такъ какъ цѣны были чрезвычайно низки, а хлѣбъ очень дорогъ, то всѣ эти потери достигли громадныхъ размѣровъ, и въ будущемъ для значительныхъ массъ населенія раскрылась перспектива жестокой нищеты на долгіе годы [21]).

Въ своей работѣ мы пользовались одними только оффиціальными источниками, которые ни въ какомъ случаѣ нельзя заподозрить въ желаніи представить положеніе въ болѣе серьезномъ видѣ, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ; въ ней не было ничего, кромѣ сухого фактическаго изложенія цифровыхъ данныхъ, а между тѣмъ въ этомъ изложеніи передъ нами постепенно раскрывалась картина мрачная, краснорѣчиво свидѣтельствующая объ ужасахъ пережитой народомъ бѣды. Одно уже это обстоятельство дѣлаетъ вполнѣ понятной тревогу за будущее. Накопившіяся за послѣдній годъ явленія массоваго разстройства

---

[20]) О сѣменахъ картофеля, потребность въ которыхъ у крестьянскаго населенія 16 пострадавшихъ губерній обычно достигаетъ 27,2 милл. пуд., нигдѣ не было и рѣчи.

[21]) Для иллюстраціи см. статью Краснoперова—„Послѣдствія неурожая 1891 года въ Самарской губерніи (Русскія Вѣдомости, № 94).

народной жизни подготовили почву для новаго, еще болѣе, быть можетъ, тяжелаго испытанія. Всякое другое утвержденіе, не основанное на достовѣрныхъ показаніяхъ, было бы въ данномъ случаѣ странной и опасной ошибкой.

Левъ Марессъ,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

МОСКОВСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ ВИЛЬНѢ XVII ВѢКА

Рефератъ, читанный въ первомъ общемъ собраніи Девятаго Археологическаго Съѣзда.

Ровно 238 лѣтъ тому назадъ, какъ разъ въ началѣ августа, царь московскій Алексѣй Михайловичъ вступилъ въ Вильну, уже занятую московскими и казацкими войсками: Вильна пострадала страшно, и, по словамъ Рудавскаго, посѣтившаго ее въ 1661 г., „не безъ труда можно было найти Вильну въ самой Вильнѣ". 8 августа 1655 г., въ пору московскихъ удачъ, Вильна была занята, а 22 ноября 1661 г. центръ великаго княжества литовскаго, благодаря крупнымъ затрудненіямъ въ московской Руси, уже очистился отъ нежеланныхъ для него гостей.

Явившись въ Вильнѣ, московскіе люди стали заводить въ ней, по исконному своему обычаю, и московскіе порядки; исполнителемъ предначертаній московскаго правительства въ Вильну назначенъ былъ князь Михаилъ Семеновичъ Шаховской въ званіи воеводы съ властью, предназначенной вмѣшиваться во всѣ дѣла безъ исключенія и сильно ограниченной докладомъ государю. Изученіе характера и направленія дѣятельности московскаго воеводы въ Вильнѣ можетъ представить большой интересъ и само по себѣ и въ связи съ дѣятельностью другихъ воеводъ въ новозавоеванныхъ мѣстностяхъ (напр., Аѳ. Лавр. Ордина-Нащокина въ Царевичевѣ-Дмитріевѣ городѣ): на что направлено было преимущественное вниманіе московскаго правительства, каковъ былъ общій тонъ его политики, какъ относилось оно къ вопросамъ, требовавшимъ по духу переживавшагося времени, особенной осторожности и предусмотрительности, насколько представители московскаго правительства на западной окраинѣ, въ

родѣ князя М. С. Шаховского, были способными выразителями его предначертаній, можетъ быть не всегда высказывавшихся съ достаточною рельефностью. Выясненіе всего этого и любопытно, и важно, а насколько мнѣ извѣстно, еще не сдѣлано слишкомъ точно и объективно.

Большой матеріалъ для исторіи польскихъ войнъ царей Михаила и Алексѣя, также дѣятельности московскихъ воеводъ въ Польшѣ и Литвѣ находится въ столбцахъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи подъ наименованіемъ разрядныхъ; часть этихъ столбцовъ разобрана для изданія Императорской Академіи Наукъ *Акты Московскаго Государства*, первый томъ котораго появился въ 1890 г., а второй долженъ выйти въ свѣтъ не позднѣе начала будущаго года.

И тотъ, и другой, за единичными исключеніями, составлены изъ документовъ, входящихъ въ такъ называемые столбцы *Московскаго стола Разряда*. О важности изученія названнаго матеріала говорить не приходится. Появившійся первый томъ *Актовъ Московскаго Государства* успѣлъ обратить на себя большое вниманіе изслѣдователей, не привыкшихъ писать свои работы по устарѣлымъ книжкамъ; легко прощались поэтому и значительныя недостатки перваго опыта подобнаго изданія: такъ было много въ немъ свѣжаго, такъ хотѣлось вѣрить, что и впереди будетъ чѣмъ поживиться изслѣдователю судебъ московскаго государства XVII в. Такъ это, конечно, и сбудется, но, къ сожалѣнію, при тяжеломъ условіи необходимости заглянуть въ архивные столбцы для разработки спеціальныхъ темъ, ибо отпечатанный (въ двухъ томахъ) по 1659-й годъ включительно матеріалъ допускаетъ и значительные неоговоренные пропуски, и существенныя неправильности въ самомъ планѣ выбора документовъ, частію произвольнаго, частію подчиненнаго архивной рутинѣ, допуская неловкости и въ техникѣ ихъ изданія. Дѣло въ томъ, что столбцы, слывущіе на архивномъ языкѣ разрядными, или, по крайней мѣрѣ, отдѣльные документы въ нихъ не всѣ принадлежатъ въ дѣйствительности Разрядному приказу, а также приказамъ Посольскому, Иноземскому, Тайныхъ Дѣлъ (тоже слѣдуетъ отчасти замѣтить и о книгахъ), дѣленіе ихъ на столы тоже не всегда точно: стало быть, нельзя было ограничиваться исключительно московскимъ столомъ, нельзя было подъ заголовкомъ—*Разрядный приказъ, Московскій столъ*—печатать донесенія, посылавшіяся не въ Разрядъ; пропускаемое необходимо было исчерпывать въ извлеченіяхъ, которыя бы вполнѣ замѣнили обращеніе къ подлинникамъ, или же прослѣживать опредѣленные вопросы,

чтобы придать изданію больше единства и цѣльности; наконецъ, слишкомъ формальное преслѣдованіе хронологическаго распорядка въ размѣщеніи документовъ повело къ существенному неудобству разрыва дѣлъ на части, а иногда къ печатанію одного и того же документа два раза (см. т. II, №№ 947 и 953. №№ 984 и 1001, также №№ 944, 948 и 949, №№ 934 и 938).

Въ столбцахъ Разряднаго приказа второй половины XVII в. можно набрать цѣлый рядъ документовъ, относящихся къ судьбѣ Вильны съ ея округомъ въ первую польскую войну царя Алексѣя Михайловича и дѣятельности въ ней князя М. С. Шаховского: это—рядъ донесеній виленскаго воеводы государю и государевыхъ грамотъ къ нему. Акты эти, пожалуй, односторонни, полной характеристики дѣятельности князя М. С. Шаховского не дадутъ и оставятъ въ тѣни многіе вопросы, на которые хотѣлось бы получить точный отвѣтъ. Однако и предлагаемый изслѣдователю запасъ ихъ, какъ сейчасъ будетъ возможно судить по бѣглому и недостаточно выпуклому ихъ перечню, заслуживаетъ вниманія; полученныя свѣдѣнія будутъ особенно интересными въ связи съ другими подобнаго рода.

Серія актовъ, относящихся до пребыванія московскихъ людей въ Вильнѣ и имѣющихъ появиться во II-мъ томѣ *Актовъ Московскаго Государства*, открывается цвѣтистою выдержкой изъ государевой грамоты боярину и воеводамъ князю Алексѣю Никитичу Трубецкому съ товарищами о томъ, какъ „великому государю... Богъ поручилъ столицу княжества литовского городъ Вильну“, какъ „гетмановъ Радивила и Гонсѣвского... побили и съ мѣста съ обозомъ ихъ сбили, и сѣкли до города... и въ городѣ стрѣльцовъ и солдатъ поставили, и которыхъ польскихъ и литовскихъ людей въ Вильнѣ застали, и которые за мостъ перебраться не успѣли, побили и поимали,... а гетманы Радивилъ и Гонсѣвской побѣжали скорымъ дѣломъ, а обозы и скарбъ весь напередъ себя отослали къ Гроднѣ“ (№ 699). 10 августа грамота эта была доставлена воеводамъ стольникомъ княземъ Андреемъ Михайловичемъ Мещерскимъ въ селѣ Дукора (Дюкари) въ 120 (старыхъ 60 в.) верстахъ отъ Слуцка, 12 августа стольникъ былъ отпущенъ, а 18-го отписка воеводъ о полученіи грамоты доставлена въ Разрядъ. Занятіе Вильны сопровождалось объявленіемъ 3 сентября 1655 г. прибавки къ титулу московскаго царя словъ „великій князь литовскій“ и указомъ воеводамъ, чтобъ въ день объявленія этой прибавки полону они не имали и не продавали, и не сѣкли, и селъ и

деревень не жгли" (№№ 707 и 708; въ грамотѣ изъ Смоленска отъ 2 апрѣля 1655 г. читаемъ приказъ боярину и воеводамъ Василію Борисовичу Шереметеву съ товарищами идти къ Вильнѣ съ 1 мая—№ 647).

Виленскому воеводѣ прежде всего пришлось приняться за приведеніе къ вѣрѣ на царское имя всякаго рода служилыхъ и жилецкихъ людей въ краѣ и усиленно призывать ихъ на старыя пепелища, покинутыя вслѣдствіе бурь военнаго времени. Грамота отъ 17 октября изъ царскаго стана въ Могилевѣ предписываетъ князю М. С. Шаховскому привести къ вѣрѣ на царское имя по возможности все населеніе Вильны и ея округа, всячески его привлекая и обнадеживая шляхту сохраненіемъ старыхъ маетностей и пожалованіемъ новыхъ, мѣщанъ—безпошлиннымъ торгомъ, крестьянъ—льготами. Обѣщая государевы милости тѣмъ, которые „безо всякого сумнѣнья" присягнутъ московскому царю, грамота грозитъ супротивникамъ тюрьмою: „а которые шляхта и мѣщане въ Вильну не пойдутъ, и уѣздные мужики изъ деревень на наше царское имя къ вѣрѣ не пойдутъ, и ты бъ (обращеніе къ виленскому воеводѣ) посылалъ на нихъ изъ Вильны служилыхъ людей, велѣлъ ихъ имать и приводить къ себѣ, и въ Вильнѣ велѣлъ ихъ сажать *въ тюрьму* до указу" (№ 729). Угроза тюрьмой оказалась мѣрой весьма неудачной, и правительство вскорѣ отъ нея отказалось; она поставила князя М. С. Шаховского въ очень неловкое положеніе: что онъ могъ сдѣлать съ массою лицъ, которыя присягать не станутъ и обѣщаніями не соблазнятся? „А которые Виленского и иныхъ уѣздовъ шляхта, и мѣщане, и повѣтные люди къ твоей государской милости не идутъ, *и тѣхъ много*, пишетъ виленскій воевода въ отпискѣ, полученной въ Разрядѣ 6 декабря 1655 г. и будетъ до твоего государева указу держать ихъ въ Вильнѣ въ тюрьмѣ, и тѣхъ людей держать негдѣ и кормить будетъ не чѣмъ (№ 751). Выставляя на видъ невозможность предписанной правительствомъ угрозы, воевода проситъ новаго указа. Рѣшили подтвердить виленскому воеводѣ, чтобы онъ обнаруживалъ къ населенію „ласку, и береженье, и привѣтъ" и обнадеживалъ государскою милостью; о тюрьмѣ, какъ мѣрѣ фактически не выполнимой и нецѣлесообразной, новый указъ не говоритъ ни слова. Московское правительство слишкомъ серьезно задумало пріобрѣтеніи областей, чтобы позволить себѣ репрессивныя мѣры оно отмѣнило даже острастку тюрьмою, на которую первоначально соблазнилось. Представитель московскаго правительства въ Вильнѣ твердо помнилъ его предписаніе о ласковомъ обра-

ленiи съ населенiемъ и, не разъ заявляя въ своихъ донесенiяхъ о стараніи своемъ привлекать на сторону московскаго царя симпатiи населенiя, спрашивалъ указа по разнымъ вопросамъ, рѣшенія которыхъ не бралъ на свою отвѣтственность, боясь нарушить это предписаніе: такъ отлично сознавалъ онъ его важность и вѣроятность немедленно потерпѣть за его нарушеніе. Привезли въ Вильну на продажу вино, воевода позволяетъ торговать и тотчасъ пишетъ къ государю объ указѣ: я де „вино имъ привозить и торговать заказать безъ твоего государева указу не смѣю, потому что велѣно ихъ призывать, и... обнадеживать, и къ нимъ ласку держать (№ 746); въ другомъ донесеніи воевода пишетъ, что въ дальніе повѣты служилыхъ людей для сбора государевыхъ хлѣбныхъ запасовъ онъ не посылаетъ: для того де „послать я не смѣю, чтобъ повѣтныхъ людей отъ твоей государской милости не отогнать, а мнѣ бъ въ томъ отъ тебя, государя, въ опалѣ не быть“ (№ 749).

Насколько московское правительство интересовалось пріобрѣтеніемъ симпатій населенія въ только-что завоеванномъ краѣ, видно какъ изъ частныхъ предписаній виленскому воеводѣ князю М. С. Шаховскому, такъ и изъ общихъ распоряженій объ охранѣ шляхты, польскихъ и литовскихъ начальныхъ людей, вернувшихся въ свои маетности и присягнувшихъ государю на вѣчную службу, а также людей ихъ и крестьянъ, отъ всякихъ обидъ; обидчиковъ велѣно разыскивать и чинить имъ „жестокое наказанье“, чтобъ „на то смотря инымъ не повадно было ихъ обидѣть“ (№ 748 отъ 3 декабря 1655 г.). Обѣщаніемъ всякихъ льготъ населенію, неприкосновенности вѣры, правъ и вольностей сопровождается и государева грамота виленскому воеводѣ о приведеніи къ вѣрѣ на царское имя жителей Жмуди (№ 826 отъ 10 іюня 1656 г. изъ Смоленска). Чрезъ виленскаго воеводу шли также приглашенія отдѣльныхъ лицъ въ русское подданство, какъ напр., Петра Казиміра Вяжевича въ іюлѣ 1656 г. (№ 886); виленскій воевода въ случаяхъ привлеченія интересныхъ личностей къ вѣрѣ немедленно доносилъ о томъ государю, какъ напр., о приведеніи къ вѣрѣ на царское имя князя Андрея Курбскаго, который пріѣзжалъ для этого въ Вильну съ зятемъ Адамомъ Соколовымъ и былъ скоро отпущенъ въ свою маетность (№ 838 отъ 21 мая 1656 г.). Не смотря на рѣзко выраженное желаніе московскаго правительства привлечь разошедшееся въ разныя стороны населеніе на прежнія мѣста жительства, князь М. С. Шаховской не рѣшился безъ государева указа поселить на старыхъ мѣстахъ въ Вильнѣ евреевъ: когда

къ нему явилось 28 декабря 1655 г. двое евреевъ съ просьбою „жить имъ въ старыхъ своихъ домѣхъ, а сказали, что будетъ ихъ къ государской милости много", то воевода велѣлъ имъ временно жить на посадѣ,ославъ къ государю за указомъ, евреевъ „принимать ли или нѣтъ, и въ прежнихъ ихъ домѣхъ жить велѣть ли" (№ 794; 17 іюля 1656 г. воевода допрашивалъ о военныхъ вѣстяхъ прибывшаго въ Вильну гродненскаго еврея Абрамку Яковлева—№ 859). Лицъ, присягавшихъ государю и бившихъ челомъ объ отпускѣ къ нему, виленскій воевода долженъ былъ пропускать безъ задержки и писать о томъ донесеніе; такъ отпущенъ былъ къ государю вновь приведенный къ вѣрѣ на царское имя князь Каролъ Самойловъ Огинскій (№ 753).

Поймавъ нѣсколькихъ повѣтовыхъ мужиковъ, уличенныхъ съ пытки въ вооруженномъ нападеніи въ лѣсу на дорогѣ на луцкихъ казаковъ, ѣхавшихъ къ государю съ отписками, князь М. С. Шаховской рѣшился собственною властью „для устрашенія" повѣсить только трехъ, а остальныхъ посадилъ въ тюрьму и просилъ указа о томъ, какъ ему поступать съ людьми, которые съ пытки станутъ виниться въ воровствахъ, грабежахъ и убійствахъ (№ 752); ему отвѣчено было: вѣшать. Однако это нападеніе на луцкихъ казаковъ близъ Ошмянъ, принудившее ихъ съ отписками вернуться обратно въ Вильну, причинило порядочную непріятность князю М. С. Шаховскому: онъ получилъ государеву грамоту съ опалою за то, что задержалъ въ Вильнѣ и не пропустилъ къ государю шляхтича Павла Роли, посланца Ошмянскаго старосты Адама Саковича, пожелавшаго быть подъ рукою великаго государя (срав. № 824). Воевода горячо оправдывался въ своей отпискѣ по этому случаю, говоря, что списки съ польскихъ листовъ, привезенныхъ Павломъ Роли, были посланы къ государю съ луцкими казаками, что луцкіе казаки вслѣдствіе нападенія на нихъ упомянутыхъ выше повѣтныхъ людей принуждены были вернуться обратно въ Вильну, а государю объ этомъ нападеніи писалъ и спрашивалъ указа (№ 755, изъ этой отписки видно, что князь М. С. Шаховской польскаго языка не зналъ; „а кому тѣ листы перевесть на русское письмо, и такого человѣка въ Вильнѣ не сыскали", нашли только переписчика; въ 1657 г. переводчикомъ у воеводы является виленскій мѣщанинъ Симонъ Алевицкій). Случай этотъ наглядно показываетъ, что московское правительство не даромъ разсылало указы о ласковомъ обращеніи съ мѣстнымъ населеніемъ и прислушивалось къ жалобамъ на воеводъ, идущимъ

отсюда, болѣе внимательно, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда жаловались на городового воеводу московской Руси. Нападеніе на луцкихъ казаковъ, повторявшееся въ другихъ случаяхъ, показываетъ тревожное состояніе края, еще лучше обрисовываемое отпискою князя М. С. Шаховского въ отвѣтъ на грамоту отъ 29 октября 1655 г. (№ 749); виленскій воевода пишетъ о ночныхъ схваткахъ въ Вильнѣ у амбаровъ съ солью: „многіе уѣздные люди, сообщаетъ князь М. С. Шаховской, въ Вильну на посадъ къ государевымъ амбарамъ къ соли воровски, ночнымъ обычаемъ, пріѣзжаютъ и соль крадутъ, и съ тѣми пріѣзжими людьми по ночамъ бои бываютъ почасту"; смута особенно широко царила въ повѣтахъ: „которые и учинились подъ государскою высокою рукой, и тѣхъ шатость и воровство, многіе промежъ себя свою братью разоряютъ и побиваютъ".

Важно отмѣтить еще два дѣла, для рѣшенія которыхъ князь М. С. Шаховской обращался съ докладомъ государю, не рискуя принять ихъ на свою отвѣтственность. Жена новогродскаго каштеляна Самойла Станкевича обратилась къ воеводѣ съ просьбой о справкѣ за мужемъ ея въ виленскомъ повѣтѣ купленной вотчины родного брата ея виленскаго бискупа Юрія Тишкевича, умершаго безъ ближайшихъ кромѣ нея родственниковъ; воевода отправилъ къ государю отписку по дѣлу о вотчинѣ умершаго виленскаго бискупа, испрашивая указа; вотчину было велѣно справить за мужемъ сестры бискупа на условіи „будетъ ближе ее въ родѣ нѣтъ" (№ 818). Очевидно, что воевода не счелъ возможнымъ руководиться въ такомъ случаѣ нормами мѣстнаго гражданскаго права, а московское правительство въ своемъ отвѣтѣ по такому частному случаю воспользовалось намекомъ челобитной жены Станкевича: „а роду, государь, нашего брата моего родного Юрья Тишкеевича никого нѣтъ ближе меня; а та, государь, вотчина мѣстечко Нѣменчины и сельцо Катовишки съ деревнями и со всѣми угодьями никому не отдана, а безъ твоего государева указу воевода князь М. С. Шаховской мужу моему и мнѣ въѣзжать въ ту вотчину не велитъ". Такою же ничтожною самостоятельностью отличалась власть виленскаго воеводы и въ дѣлахъ уголовныхъ. Имѣя указъ о повѣшеніи „за воровство" безъ доклада, князь М. С. Шаховской обращается къ правительству за указомъ по дѣлу объ убійствѣ виленскимъ мѣщаниномъ Ображейкой Солодовникомъ виленскаго же мѣщанина Микулайки Гинвилова: подсудимый съ пытки винился въ убійствѣ Гинвилова, что убилъ „умысля изъ животовъ", но въ другихъ никакихъ преступленіяхъ не винился; братъ убитаго и

всѣ виленскіе мѣщане били челомъ о помилованіи Солодовника, ибо „прежъ сего за нимъ никакого воровства не бывало". „И я, пишетъ въ своемъ донесеніи воевода (№ 902), того мѣщанина Ображейка за смертное убойство, противъ твоего государева указу, хотѣлъ вершить для того, что въ иныхъ такихъ смертныхъ убойствахъ, сыскавъ допряма, я въ Вильнѣ, для уему и для устрашенія отъ воровства, воровъ и разбойниковъ вершилъ". Боязнь быть обвиненнымъ въ неласковомъ обращеніи съ населеніемъ могла быть не послѣднимъ мотивомъ, заставившимъ виленскаго воеводу внять коллективному прошенію виленскихъ мѣщанъ, а для характеристики примирительной политики московскаго правительства важно поставить на видъ, что оно вняло просьбѣ виленскихъ мѣщанъ о помилованіи Солодовника, и въ этомъ смыслѣ былъ отправленъ князю М. С. Шаховскому указъ. Зато на отпискѣ того же виленскаго воеводы о томъ, что князь Станиславъ Мосальскій въ только-что справленной за нимъ по государеву указу вотчинѣ не далъ жать и молотить хлѣба панскаго на государя, государевыхъ служилыхъ людей выбилъ и вывезъ насильствомъ государевы всякіе хлѣбные запасы, читаемъ немногосложную помѣту; „чтена" (№ 910). Если только отписка вполнѣ правильно изображаетъ ходъ дѣла и совершенно дѣльно было распоряженіе воеводы „въ томъ селѣ Сереяхъ и въ деревняхъ (въ Троицкомъ повѣтѣ), которые отданы князь Станиславу Мосальскому, хлѣбъ, которой былъ панской, жать и молотить на государя, а князь Станиславу выдать сѣмянной хлѣбъ", то можно думать, что иные факты московское правительство въ виду труднаго времени умѣло только принимать къ свѣдѣнію и не ко времени не раздражаться, предписывая и своимъ представителямъ въ Литвѣ безъ указа никакого задора не чинить (№ 1015).

Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ эти заботы о приведеніи къ вѣрѣ на царское имя населенія Литвы и Жмуди и удержаніи въ подданствѣ московскаго царя ласкою и льготами могли имѣть только временный успѣхъ. Измѣнялось дуновеніе вѣтра, складывались обстоятельства иначе, и присяжная шляхта легко и скоро становилась на сторону польскаго короля, можетъ быть смутно чувствуя, что Москва умѣла заигрывать, когда ей было нужно, и умѣла нецеремонно смирять по миновании надобности, или когда чувствовала себя въ полной силѣ. Въ сентябрѣ 1658 г. подъ Вильной собрались войска гетмановъ Павла Сапѣги и Гонсѣвскаго, позволяя себѣ военныя дѣйствія до прекращенія посольскихъ совѣщаній. Московскіе воеводы бояринъ князь Юрій

Алексѣевичъ Долгоруковъ съ товарищами „поиску чинить надъ гетманомъ, и отъ ихъ тѣсноты обороняться не смѣли“, сообщая въ своемъ донесеніи, что поиску не чинили согласно грамотѣ изъ Посольскаго приказа „на польскихъ людей до указу не ходить и ратныхъ людей не посылать“; московскому войску „стало утѣсненье большое“ отъ многолюдства враговъ — „а многолюдно учало быть, съ грустью прибавляетъ донесеніе воеводъ (№ 1035), у гетмановъ у Павла Сапѣги и у Гонсѣвского потому, что вся присяжная шляхта всѣхъ повѣтовъ измѣнили и къ нимъ гетманомъ пристали, и твоихъ ратныхъ людей вездѣ побивали, и въ полонъ имали, и конскія стада отгоняли“. 9 октября великіе и полномочные послы бояре князь Никита Ивановичъ Одоевскій съ товарищами и королевскіе коммиссары съ съѣзжаго мѣста разъѣхались, 11 октября подъ Вильной „былъ бой большой“, въ которомъ гетмана Гонсѣвскаго московскіе воеводы взяли въ плѣнъ вмѣстѣ съ обозомъ, а 19 числа того же мѣсяца русское войско пошло отъ Вильны прочь, по объясненію воеводъ, для того „что ратные люди нашихъ полковъ хлѣбными запасы оголодали и конскихъ кормовъ нѣтъ“. Другая причина спѣшнаго отступленія отъ Вильны московскихъ воеводъ заключалась въ томъ, что „многіе ратные люди изъ нашихъ полковъ, розныхъ городовъ дѣти боярскіе, и казаки, и новокрещены, и темниковскіе мурзы, и татаровя, и рейтары, и драгуны, и солдаты съ службы сбѣжали, и у насъ въ полкахъ стало малолюдно“. Должно быть, бѣгство было слишкомъ внушительныхъ размѣровъ, если воеводы писали далѣе въ такихъвы раженіяхъ: „а впредь только бъ твои ратные люди отъ насъ изъ полковъ побѣжали, и намъ бы съ достальными твоими ратными людьми отъ Вильны отойти было не съ кѣмъ“. Въ огромномъ количествѣ бѣжали ратные люди съ бѣдности, бѣглецовъ по дорогамъ приколачивала шляхта, которая еще недавно приведена была къ вѣрѣ на царское имя. Любопытно, что съ бѣдности служилые люди бѣжали въ первую польскую войну царя Алексѣя не изъ полковъ только, но и съ посольскихъ съѣздовъ: отписка полномочныхъ пословъ боярина князя Н. Ив. Одоевскаго говоритъ о побѣгѣ 47 человѣкъ дѣтей боярскихъ, а также о поголовномъ бѣгствѣ драгунъ изъ Вильны (№ 933; срв. №№ 854 и 913 о бѣдности служилыхъ людей, выбранныхъ изъ городовъ для сопровожденія пословъ). Такъ параллельно развитію многолюдства въ польскомъ войскѣ теряли ратныхъ людей московскіе воеводы: немудрено, что при такомъ положеніи русскаго войска, которое временами таяло отъ побѣговъ, Карлъ X шведскій перебилъ дорогу у царя Алексѣя. Князь

М. С. Шаховской, писавшій про неудачный сборъ денежныхъ доходовъ и хлѣбныхъ въ 1657 и 1658 гг., сообщалъ, что въ присяжныхъ повѣтахъ присяжная шляхта грабила и била сборщиковъ, а иныхъ разспрашивала о количествѣ московскихъ ратныхъ людей въ Вильнѣ; въ помощь шляхтѣ явились жолнеры гетманскихъ полковъ. Сборщики-солдаты, говоритъ виленскій воевода князь М. С. Шаховской, изъ повѣтовъ приходятъ въ Вильну „перерублены и ограблены, и сказываютъ въ роспросѣхъ, что королевскіе желнеры около Вильны стоятъ въ повѣтѣхъ кругомъ, и ихъ де солдатъ рубятъ и въ полонъ емлютъ, всѣхъ хлѣбныхъ запасовъ и доходовъ выбирать не дали“ (№ 1036). Князь М. С. Шаховской боится уже за самую Вильну, изъ которой бѣжали всѣ драгуны, кромѣ 6 человѣкъ, и въ которой позднѣе князь Юр. Ал. Долгоруковъ оставилъ полковника Якова Урвина съ 1500 солдатъ съ знаменами, барабанами и мушкетами (№ 1035); онъ пишетъ: „и будетъ, государь, учинится къ городу какой приходъ и мнѣ въ городѣ осаду укрѣпить не съ кѣмъ, городъ большой... а въ городѣ твоя денежная казна не малая“. Упомянутые 1500 солдатъ должны были нѣсколько успокоить страхи князя М. С. Шаховского за денежную казну. Таково было положеніе Вильны среди присяжныхъ повѣтовъ и присяжной шляхты въ 1658 г. Только-что приведенныя подробности представляютъ большой интересъ для исторіи польскихъ войнъ царя Алексѣя и временнаго пребыванія Вильны подъ властью московскаго царя.

Но не одни польскіе жолнеры безпокоили виленскаго воеводу: приходилось вести энергическую борьбу съ врагомъ, угрожавшимъ всѣмъ безъ исключенія, съ моровою язвой. Помимо обычныхъ въ такомъ случаѣ сложныхъ распоряженій князь М. С. Шаховской (№ 976 и срв. № 977) долженъ былъ найтись, какъ поступить въ виду наклонности населенія бѣжать изъ Вильны отъ заразы, отъ которой умирали въ большомъ городѣ, на посадѣ и за рѣкой Виліей въ слободахъ. „И многіе мѣщане, сообщаетъ виленскій воевода, видячи гнѣвъ Божій, почали розъѣзжаться и розъѣхались многіе“. Воевода велѣлъ тогда „въ большомъ городѣ запереть ворота всѣ“, оставивъ только однѣ ворота, и „изъ города мѣщанъ пропущать не велѣлъ“. Тогда виленскій войтъ, бурмистры, райцы, писари, лавники, сотники, пятидесятники и десятники и всѣ рядовые мѣщане били челомъ, чтобы изъ города ихъ выпустить въ Лукишки на рѣку Вилію и позволить жить по полямъ, лѣсамъ, деревнямъ и мѣстечкамъ по сю сторону виленскихъ заставъ. Воевода при-

звалъ на совѣтъ полковниковъ и съ ихъ совѣта „поволилъ“ мѣщанамъ изъ Вильны выѣхать, но взялъ съ нихъ особую запись въ томъ, что они останутся вѣрными державѣ московскаго царя среди трудныхъ обстоятельствъ.

Мы видѣли виленскаго воеводу среди заботъ приведенія къ вѣрѣ на царское имя населенія Литвы и Жмуди или отдѣльныхъ лицъ, представлявшихъ интересъ для московскаго правительства, среди неурядицъ тревожнаго времени, грозившаго грабежами или приступомъ къ Вильнѣ, видѣли среди рѣшенія вопросовъ гражданскаго и уголовнаго порядковъ, наконецъ въ борьбѣ съ моровою язвой: личной иниціативы воеводы замѣтно очень мало, онъ сильно ограниченъ докладомъ государю, направляющая рука московскаго правительства замѣтна сильно!

Едва ли можно сказать, что виленское воеводство носило на себѣ обычный характеръ покоя и прокормленія, хотя къ послѣднему виленскій воевода, кажется, не былъ вполнѣ равнодушнымъ, какъ это можно видѣть по дѣлу его съ полоцкимъ шляхтичемъ Брониславомъ Юрьевымъ Присецкимъ, которое должны были разбирать великіе послы бояринъ князь Н. И. Одоевскій съ товарищами (№ 923, срв. также № 780). Помимо сравнительно немногихъ, судя по документамъ, внѣшнихъ сношеній съ представителями польской стороны (№№ 947, 953, 952), виленскій воевода долженъ былъ постоянно доносить правительству о польскихъ, литовскихъ, жмудскихъ и шведскихъ вѣстяхъ, касающихся общаго положенія края, текущихъ военныхъ дѣйствій, королей польскаго и шведскаго, гетмановъ и т. д. Эти свѣдѣнія воевода получалъ или отъ прибывавшихъ въ Вильну разнаго рода лицъ, или же организовывалъ спеціальные отряды для развѣдокъ; во всякомъ случаѣ собираніе этихъ свѣдѣній доставляло много хлопотъ (см. №№ 750, 790, 793, 820, 837, 859, 944, 948, 949, 956, 963, 1015) воеводѣ, представлявшему въ Вильнѣ важный наблюдательный постъ. Московское правительство нуждалось въ частыхъ сообщеніяхъ: 7 октября 1657 г. на имя боярина и воеводъ Василія Борисовича Шереметева съ товарищами, который первоначально былъ посланъ къ Вильнѣ въ апрѣлѣ 1657 г. (№ 965), но былъ остановленъ въ Борисовѣ (№ 969), а вмѣсто него туда отправился упомянутый выше князь Юр. Ал. Долгоруковъ (№ 1024), была адресована грамота, чтобъ „безъ мотчанья“ отписать государю, что дѣлается въ Борисовѣ, въ Вильнѣ, въ Виленскомъ и другихъ городовъ повѣтахъ, и во всемъ княжествѣ литовскомъ. „А по сѣхъ мѣстъ (т. е. по 7 сентября), продолжаетъ съ упрекомъ

грамота (№ 1000), много время ни о какихъ дѣлѣхъ къ намъ великому государю, вы не писывали, и что у васъ въ Вильнѣ, и въ иныхъ городѣхъ, и въ уѣздѣхъ, и во всемъ княжествѣ Литовскомъ дѣлается, про то ни про что намъ, великому государю, вѣдать не по чему". Послѣдняя предъ этою грамотою отписка виленскаго воеводы князя М. С. Шаховского о вѣстяхъ была получена въ Разрядѣ 11 апрѣля 1657 г. (№ 963): перерывъ — въ пять мѣсяцевъ, если только намъ извѣстны всѣ отписки виленскаго воеводы.

Не останавливаясь на актахъ, касающихся организаціи Виленскаго посольскаго съѣзда (№№ 839, 847, 848, 854, 868, 883, 887, 913, 933, 934, 936, 938) и ничуть не затрогивающихъ веденія самыхъ переговоровъ, отмѣтимъ только для характеристики власти виленскаго воеводы, что послѣдній, согласно государеву указу отъ 14 іюля 1656 г., во все время съѣзда во всякихъ дѣлахъ долженъ былъ слушать великихъ и полномочныхъ пословъ боярина и намѣстника астраханскаго князя Н. Ив. Одоевскаго съ товарищами (№ 847 [1]).

Административно-хозяйственная дѣятельность виленскаго воеводы также затронута нашими актами и, хотя въ настоящую минуту у насъ нѣтъ подъ руками самаго дѣлопроизводства виленскаго воеводскаго управленія, за исключеніемъ единственнаго случая, о которомъ скажу особо, однако немногіе акты указаннаго характера заслуживаютъ быть упомянутыми.

И въ этихъ актахъ мы встрѣчаемся съ знакомою намъ боязнью воеводы чѣмъ нибудь раздражить населеніе, съ просьбами объ указахъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, съ данными о разореніи окрестностей Вильны. Продажа соли на государево имя (2 рубля за бочку въ 6 пудовъ №№ 742 и 749), дозволеніе мѣстному населенію по прежнему торговать виномъ (№ 746), сборъ хлѣбныхъ запасовъ и денежныхъ доходовъ—все это составляетъ предметъ занятій виленскаго воеводы, который отписываетъ къ государю даже о двухъ пушкахъ новаго литья ядромъ по 12 гривенокъ, откопанныхъ въ землѣ близъ Радивилова двора въ Вильнѣ и перевезенныхъ по его распоряженію въ большой городъ (№ 836). Сборъ хлѣбныхъ запасовъ доставлялъ, кажется, особенную тревогу виленскому воеводѣ, который долженъ былъ заботиться не только о томъ, чтобъ въ Вильнѣ „всякимъ государевымъ людямъ всякихъ хлѣбныхъ запасовъ было не скудно

[1]) Въ концѣ 1656 г. къ посламъ, а не къ воеводѣ, была отправлена грамота о присылкѣ изъ Вильны въ Ковну священника, ибо въ послѣдней „людей приводить къ крестному цѣлованью некому, и затѣмъ дѣло стало" (№ 935

но и по указу доставлять иногда хлѣбъ другимъ воеводамъ: такъ въ концѣ 1655 г. онъ выражаетъ сомнѣніе въ возможности доставить по первому требованію въ Ковно къ боярину и воеводамъ князю Семену Андреевичу Урусову съ товарищами 500 четвертей ржи и муки, какъ предписывалъ государевъ указъ отъ 29 октября 1655 г. Въ это время населеніе возило въ Вильну „на торгъ одинъ овесъ, и то немного“ (№ 749), а „отъ Вильны верстахъ въ 20-ти, и 30-ти, и больше запасовъ взять въ государеву казну не съ кого: села и деревни розорены и выжжены“, многіе повѣтные люди бьютъ челомъ, „что они скудны, запасовъ де имъ про государевъ обиходъ взять негдѣ, и самимъ де имъ будетъ помереть съ голоду“; въ виду безкормицы била челомъ и присяжная шляхта роты Николая Сухтицкаго, посланнаго воеводою изъ Вильны къ Святой рѣкѣ съ литовскими служилыми и подъѣздными людьми: шляхта заявляла, что „на одномъ де мѣстѣ стоять имъ безкормно, потому что мѣсто розореное, кормиться негдѣ“ (№ 859). „Въ Вильнѣ, пишетъ воевода въ своемъ донесеніи отъ ноября 1655 г. (№ 749), запасовъ государевымъ ратнымъ людямъ на годъ (т. е. до слѣдующаго урожая) не будетъ... а будетъ по рожь и по муку князь С. А. Урусовъ пришлетъ, и въ Вильнѣ государевымъ ратнымъ людемъ запасовъ не станетъ и на зиму“. Хлѣбныхъ запасовъ достать негдѣ, соль растаскиваютъ ратные люди и мѣняютъ мѣстнымъ жителямъ на товары: капитанъ Данило Ботвиньевъ, назначенный воеводою къ продажѣ соли, которая за городомъ, являлся къ воеводѣ въ Съѣзжую избу съ заявленіемъ, что служилые люди „чинятъ сильны“, берутъ соль даромъ сверхъ указной соли: велѣно было по государеву указу соль съ посаду перевезти въ большой городъ, въ расходъ никому не давать, держать „съ береженьемъ“; а продавать только ту соль, которую въ городъ везти нельзя, такъ какъ бочки развалились. Къ виленскому съѣзду пословъ воевода долженъ былъ также озаботиться заготовкою припасовъ и конскаго корма (овса и сѣна). Согласно грамотѣ 3 іюля 1656 г., воевода для цесарскихъ и московскихъ пословъ, которыхъ сопровождала „для посольского дѣла“ большая и частью голодная толпа стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, жильцовъ и пр., и пр., припасалъ (№ 839) ржаную и пшеничную муку, крупу, солодъ, масло, сметану, яйца, куръ, утокъ, гусей, яловицъ, быковъ (ср. № 1062). Къ числу неблагопріятныхъ условій для правильнаго разрѣшенія продовольственнаго дѣла, помимо разоренія страны, надо отнести еще столкновенія съ отдѣльными лицами, въ родѣ вышеупомянутаго

спора съ княземъ Ст. Мосальскимъ (№ 910), или съ неприсяжною шляхтой въ присяжныхъ повѣтахъ, которая въ виду Виленскаго посольскаго съѣзда отказывалась давать хлѣбные запасы и денежные доходы (№ 926): „какъ-де вершится посольское дѣло, и кому-де тѣ земли достанутся... они-де тому хлѣбные запасы и денежные кормы давать станутъ".

Иниціативѣ виленскаго воеводы, какъ видно изъ его отписокъ, принадлежитъ возстановленіе мельничнаго бумажнаго дѣла и заведеніе пороховой мельницы въ Вильнѣ: и то, и другое было весьма кстати для нуждъ московскаго правительства; военное время требовало большихъ запасовъ пороха, воеводы нѣкоторыхъ городовъ жаловались на недостатокъ бумаги. Такъ воевода новаго города Борисоглѣбска писалъ, что у него бумаги нѣтъ, а въ Полоцкѣ и на Курляндской сторонѣ бумага безмѣрно дорога: 30 апрѣля 1657 г. велѣно было борисоглѣбскому воеводѣ „послать стопу бумаги и отписать къ нему: велѣть ту бумагу держать на государево дѣло съ береженьемъ (№ 966). „Сыскалъ я, доносилъ виленскій воевода въ 1656 г. (№ 815). мельничнаго бумажнаго дѣла мастера Матвѣя Теплицкого, и велѣлъ ему на рѣкѣ Вильнѣ на старой бумажной мельницѣ сдѣлать мельничные всякіе заводы, и дѣлать бумагу... и тотъ мастеръ бумагу толстую и писчую дѣлаетъ „съ 20 марта. Треть сработанной бумаги отбиралась на государя; на отпискѣ воеводы о заведеніи въ Вильнѣ бумажной мельницы помѣчено: „государь указалъ отписать, что объявится бумаги". Въ томъ же 1656 г. князь М. С. Шаховской завелъ при помощи двухъ виленскихъ мѣщанъ, дѣлавшихъ селитряное дѣло, пороховую мельницу: мѣщане въ разспросѣ показали, что въ Вильнѣ селитрянной земли много и, послѣ предварительнаго опыта, представленнаго на разсмотрѣніе князя М. С. Шаховского, работа закипѣла. Отписывая объ этомъ государю, воевода послалъ опытъ селитры и пороха; дѣлать и то, и другое, конечно, былъ разрѣшено, хотѣли только узнать „почему пудъ станетъ".

Таково содержаніе актовъ, болѣе или менѣе случайно выдернутыхъ изъ разрядныхъ столбцевъ московскаго архива министерства юстиціи для *Актовъ Московскаго Государства* [2]), издаваемыхъ

[2]) Въ томъ же второмъ томѣ для ученой публики представитъ интересъ серія актовъ, касающихся дѣятельности столь извѣстнаго въ московской исторіи XVII в. Аѳанасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина. Къ сожалѣнію они остались не сличенными съ подобными же актами, имѣющимися въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и извѣстными еще по цитатамъ С. М. Соловьева.

Академіей Наукъ и въ скоромъ времени имѣющихъ выйти въ свѣтъ. Мы эксплуатировали здѣсь все относящееся къ исторіи пребыванія московскихъ людей въ Вильнѣ и приходимъ къ заключенію, что, представляя мѣстный интересъ, они становятся еще болѣе цѣнными въ общей суммѣ документовъ, охватывающихъ первую польскую войну царя Алексѣя Михайловича. Жаль, что среди нихъ нѣтъ 1) воеводскаго наказа князю М. С. Шаховскому, 2) росписи, что въ Вильнѣ наряду, и зелья, и свинцу, и всякихъ пушечныхъ и хлѣбныхъ запасовъ порознь и соли, составленной въ отвѣтъ на государеву грамоту отъ 20 февраля 1657 г. и 3) такой же росписи 1658 г. (см. №№ 952 и 1035) [3]).

В. Сторожевъ,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

[3]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о пребываніи русскихъ въ XVII в. въ Вильнѣ находимъ въ только-что вышедшемъ XX-мъ томѣ *Актовъ, издаваемыхъ виленскою коммиссіею для разбора древнихъ актовъ* (см. особенно №№ 280, 282, 288). Что касается упомянутаго выше (на стр. 122) извѣстнаго мнѣ документа, имѣющаго отношеніе къ дѣлопроизводству виленскаго воеводскаго управленія, то онъ будетъ опубликованъ особо: документъ этотъ — *виленскія каменныя книги* изъ такъ-называемыхъ *разрядныхъ вязокъ* московскаго архива министерства юстиціи; во второй томъ *Актовъ Московскаго Государства* онъ не вошелъ.

НОВОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ О БЫТѢ РАБОЧИХЪ ВО ФРАНЦІИ

(Le placement des employés, ouvriers et domestiques en France. Son histoire—son état actuel. Paris, 1893).

Закономъ 21 іюля 1891 г. при французскомъ министерствѣ торговли, промышленности и колоній было учреждено особое отдѣленіе подъ названіемъ *Office du travail*; завѣдуетъ имъ г. Лаксъ (Lax), главный инспекторъ путей сообщенія. Законъ обязываетъ министра торговли ежегодно дѣлать докладъ президенту республики о работахъ Office du travail. Программа занятій отдѣленія весьма обширна; въ нее входитъ собираніе и разработка свѣдѣній о положеніи и движеніи труда во Франціи и заграницею; свѣдѣнія о распредѣленіи по профессіямъ въ большой, мелкой и средней промышленности; условія труда въ сельскомъ хозяйствѣ; свѣдѣнія о числѣ рабочихъ обоего пола и дѣтей, объ ихъ заработной платѣ, о величинѣ рабочаго дня во всѣхъ видахъ занятій; свѣдѣнія о разныхъ видахъ работъ—поденной, поштучной, поурочной; о пріостановкахъ работы, ихъ причинахъ и продолжительности; изученіе положенія синдикатовъ, отношеній между патронами и рабочими, столкновеній между ними, стачекъ; свѣдѣнія объ условіяхъ обученія въ разныхъ видахъ промышленности, статистика несчастій, болѣзней и отставокъ; изученіе гигіеническихъ условій въ разныхъ видахъ занятій, свѣдѣнія о продолжительности дѣятельности рабочаго въ различныхъ профессіяхъ, о смертности; статистика работъ въ тюрьмахъ; свѣдѣнія и доклады консульствъ и посольствъ; изученіе иностраннаго законодательства относительно труда. многіе другіе вопросы. Отдѣленіе предполагаетъ войти въ дѣловыя сношенія съ подобными же учрежденіями заграницею

издаетъ свой органъ *Bulletin de l'office du travail* [1]). Отдѣленіе это является, такимъ образомъ, настоящимъ статистическимъ бюро по рабочему вопросу во Франціи. Одну изъ первыхъ работъ его представляетъ книга, названіе которой выписано выше. Раньше изученія другихъ сторонъ рабочаго вопроса отдѣленіемъ предпринято было изслѣдованіе способовъ добыванія себѣ работы служащими, рабочими и прислугою. Этотъ вопросъ, какъ извѣстно, являлся много разъ въ послѣднее время однимъ изъ наиболѣе волнующихъ рабочій классъ во Франціи. Помимо глубокаго интереса самаго затронутаго предмета, изслѣдованіе и поэтому заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Объемистая книга въ 46 листовъ, выпущенная Office du travail, раздѣляется на нѣсколько частей. Въ первыхъ двухъ дается весьма подробный очеркъ способовъ найма рабочихъ, начиная съ XIII вѣка и до нашихъ дней. Этотъ историческій очеркъ послѣдовательно перечисляетъ рядъ правительственныхъ мѣръ относительно способовъ найма, изслѣдуетъ роль учрежденій для доставленія мѣстъ, занятій и работы въ различныя времена промышленной исторіи Франціи, знакомитъ съ попытками взаимопомощи среди рабочихъ группъ, напр., съ ремесленными братствами при старомъ промышленномъ режимѣ, выясняетъ характеръ и значеніе профессіональныхъ синдикатовъ и биржъ труда. Одною изъ выгодныхъ сторонъ разсматриваемой книги является то, что, заключая, по замыслу редакціи, лишь матеріалы для рѣшенія избраннаго вопроса, она представляетъ сборникъ всѣхъ вообще документовъ и свѣдѣній относительно предмета изслѣдованія. Въ своемъ изложеніи авторы книги предоставляютъ въ распоряженіе читателя какъ весьма полныя цитаты изъ сочиненій по данному вопросу, иногда весьма рѣдкихъ, такъ и рядъ перепечатанныхъ цѣликомъ правительственныхъ декретовъ, постановленій и циркуляровъ; цѣликомъ приведены также многія петиціи, мнѣнія и заявленія различныхъ общественныхъ группъ и учрежденій. Книга является, такимъ образомъ, драгоцѣннымъ сборникомъ источниковъ, доступъ ко многимъ изъ которыхъ весьма труденъ.

Третья часть содержитъ въ себѣ очеркъ современнаго положенія найма во Франціи. Чтобы изучить способы найма во всѣхъ видахъ и формахъ, Office du travail разослалъ вопросные листы всѣмъ префектамъ, 3253 профессіональнымъ синдикатамъ, существовавшимъ въ 1891, и всѣмъ содержателямъ раз-

[1]) V. Turquan, Manuel de statistique pratique, 63.

рѣшенныхъ рекомендательныхъ конторъ. Кромѣ того просьба о доставленіи свѣдѣній была адресована еще синдикальной камерѣ рекомендательныхъ конторъ и муниципальнымъ безплатнымъ бюро при парижскихъ мэріяхъ. Наконецъ, было командировано особое лицо, которое посѣтило съ цѣлью опроса парижскія рекомендательныя конторы 16 различныхъ профессій; параллельно этому въ устномъ же опросѣ были собраны мнѣнія синдикатовъ относительно каждой изъ изучаемыхъ профессій. Благодаря всему этому, матеріалъ былъ собранъ обильный. Описаніе различныхъ видовъ добыванія работы служащими и рабочими раздѣляется на семь отдѣловъ, соотвѣтственно понижающейся важности каждаго вида.

Наиболѣе распространеннымъ способомъ добыванія работы является и при современномъ широкомъ развитіи промышленности во Франціи личное добываніе, личная поставка на мѣсто (placement personnel); всѣ рекомендательныя учрежденія даютъ второстепенные результаты сравнительно съ этимъ наиболѣе простымъ и наиболѣе употребительнымъ способомъ. Статистическаго учета случаевъ личнаго найма произвести, конечно, было невозможно, но изслѣдованіе знакомитъ съ бытовою стороною его и подраздѣляетъ личный наемъ на нѣсколько видовъ. Самый примитивный способъ найма рабочаго состоитъ въ томъ, что патронъ лично ищетъ рабочаго и для этой цѣли идетъ въ опредѣленный часъ на извѣстное мѣсто, куда рабочіе выходятъ наниматься. Такихъ стоянокъ (grèves) въ Парижѣ въ 1892 г. было болѣе 20 въ различныхъ концахъ города. Землекопы и рабочіе на постройкѣ зданій особенно часто нанимаются такимъ образомъ; въ приморскихъ же городахъ такимъ путемъ нанимаютъ портовыхъ рабочихъ. Съ цѣлью защитить ищущихъ работы отъ непогоды парижскій муниципалитетъ построилъ нѣсколько крытыхъ помѣщеній на улицахъ. Это содѣйствіе пріостановлено однако въ той надеждѣ, что биржи труда замѣнятъ стоянки и сдѣлаютъ ихъ безполезными. Затѣмъ въ земледѣльческихъ департаментахъ въ ярмарочные и базарные дни и въ дни нѣкоторыхъ праздниковъ (день Всѣхъ Святыхъ и Ивановъ день) сельскіе рабочіе обоего пола приходятъ въ города, на мѣста стоянки наниматься на фермы на годъ или на лѣто; договоръ при этомъ бываетъ словесный и скрѣпляется задаткомъ со стороны нанимателя. Работающіе въ большой индустріи, рудокопы, ткачи ходятъ по минамъ и фабрикамъ предлагать свои услуги. Также по фигуральному выраженію рабочихъ, „бьютъ мостовую предъ принимателя“ каменьщики, маляры, слесаря, обжигатели гипса

столяры, кровельщики, паркетчики, плотники и др. То же дѣлаютъ въ небольшихъ городахъ служащіе во всѣхъ профессіяхъ, касающихся питанія, одѣванія и меблировки, и поденьщицы въ сезонъ поспѣванія фруктовъ и овощей.

Противъ стоянокъ высказываются рабочіе синдикаты, находя, что они задерживаютъ синдикальное движеніе и являются вредными для здоровья и нравственности рабочихъ и работницъ.

Способъ личнаго нахожденія работы, вообще отнимающій у рабочихъ много времени на поиски, часто весьма неудобенъ для нихъ и вызываетъ необходимость посредничества. Посредниками прежде всего являются различныя лица, прикосновенныя къ предпріятію. Весьма распространеннымъ и любопытнымъ въ бытовомъ отношеніи является посредничество старшихъ довѣренныхъ рабочихъ—контрметровъ (contremaîtres). Патронъ возлагаетъ на такого контрметра заботу о наймѣ рабочихъ, контроль и надзоръ за исполненіемъ работы, разсчетъ съ рабочими. Такія довѣренныя лица являются уже своего рода предпринимателями, и весьма многія изъ нихъ спекулируютъ на пониженіи платы рабочимъ, чтобы выгадать себѣ барышъ. Отсюда понятны многочисленныя жалобы на это посредничество, столь убыточное часто для простыхъ рабочихъ. Иногда посредничество контрметра значительно отдаляетъ хозяина отъ рабочаго, и послѣдній все дѣло имѣетъ только съ контрметромъ. Такъ, ткачи въ районѣ Камбрэ, работающіе у себя на дому, получаютъ матеріалъ для работы и заработную плату изъ рукъ контрметровъ, дѣйствующихъ по порученію крупныхъ фабрикантовъ въ большихъ промышленныхъ городахъ. Ткачи находятся въ полной зависимости отъ контрметровъ, которые не только спекулируютъ на пониженіи рабочей платы, но эксплуатируютъ ткачей и другими способами. Почти всѣ ткачи, благодаря системѣ авансовъ, состоятъ неоплатными должниками этимъ контрметрамъ, удерживающимъ въ видѣ залога рабочія книжки, принятыя въ этой мѣстности; ткачъ обыкновенно не можетъ выбиться изъ лапъ контрметра, не можетъ найти себѣ работы въ другомъ мѣстѣ на болѣе выгодныхъ условіяхъ; ни одинъ контрмеръ, ни одинъ фабрикантъ не приметъ ткача безъ этой рабочей книжки. Затѣмъ, по большей части контрметры занимаются тайной продажей различныхъ предметовъ потребленія; ткачи волею-неволею, боясь потерять работу, должны покупать у нихъ по возвышеннымъ цѣнамъ. Вообще, какъ только на сцену выступаетъ посредничество, такъ немедленно раздаются жалобы на злоупотребленія и эксплуатацію; далѣе мы ихъ встрѣтимъ еще болѣе.

Въ ту же категорію личнаго добыванія занятій отнесены всѣ случаи полученія мѣстъ при помощи знакомствъ, связей и рекомендацій; таковы мѣста служащихъ въ городскомъ управленіи, въ государственныхъ мануфактурахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, въ компаніяхъ омнибусовъ, трамваевъ, пароходовъ, въ крупныхъ финансовыхъ предпріятіяхъ, въ большихъ торговыхъ домахъ.— словомъ, всюду, гдѣ персоналъ служащихъ почти постояненъ и измѣняется только вслѣдствіе индивидуальныхъ причинъ.

Не малую роль въ помѣщеніи рабочихъ къ патронамъ играютъ различные поставщики и торговцы; такъ, наприм., парижскіе торговцы сѣменами доставляютъ рабочихъ садоводамъ, торговцы парфюмерными товарами—парикмахерамъ. Это посредничество обыкновенно безплатно. Мы подходимъ такимъ путемъ къ тому виду рекомендаціи рабочихъ, когда посредникъ является уже болѣе или менѣе спеціалистомъ своего дѣла. Такими агентами являются виноторговцы и трактирщики: дѣятельность ихъ часто столь энергична, что можно смѣло разсматривать ихъ какъ содержателей неоффиціальныхъ рекомендательныхъ конторъ. Хозяева кабачковъ и трактировъ, посѣщаемыхъ рабочими, чтобы привлечь кліентовъ, собираютъ свѣдѣнія о мѣстахъ и, напр., въ Безансонѣ наиболѣе успѣшно оперирующимъ рекомендательнымъ учрежденіемъ является одинъ трактиръ, доставляющій работу булочникамъ. Посредничество этихъ „торговцевъ людьми“ (marchands d'hommes), какъ ихъ зовутъ въ Марсели и Бордо, вызываетъ массу жалобъ со стороны рабочихъ и представляетъ предметъ жестокой критики со стороны синдикатовъ. Посредники обыкновенно страшно эксплуатируютъ рабочихъ; хотя они и не взимаютъ съ нихъ платы за рекомендацію, но вынуждаютъ рабочихъ, ищущихъ занятій, столоваться и квартировать у нихъ по возвышеннымъ цѣнамъ. Эти „лже-поставщики, — говоритъ синдикатъ булочниковъ въ Бордо, — мѣшаютъ функціонировать оффиціально разрѣшеннымъ конторамъ; они замедляютъ синдикальное движеніе, предлагаютъ своихъ кліентовъ по болѣе низкимъ цѣнамъ патронамъ, которые въ такихъ случаяхъ разсчитываютъ ранѣе работавшихъ у нихъ; они ставятъ только тѣхъ рабочихъ, которые столуются у нихъ и платятъ дороже, чѣмъ въ другихъ вольныхъ ресторанахъ“.

Упомянувши еще о полученіи работы при помощи различныхъ платныхъ и безплатныхъ публикацій, авторы изслѣдованія переходятъ далѣе къ изложенію данныхъ о дѣятельности оффиціально-разрѣшенныхъ учрежденій для доставленія мѣстъ, занятій и работы служащимъ, рабочимъ и прислугѣ. Office du tr

vail получилъ свѣдѣнія о дѣятельности 1954 такихъ учрежденій. Изъ нихъ на первый планъ, и по своему числу и по величинѣ своихъ операцій, выдвигаются рекомендательныя конторы (bureaux de placement), содержимыя частными предпринимателями. Начало первыхъ рекомендательныхъ учрежденій религіознаго и свѣтскаго характера восходитъ еще къ среднимъ вѣкамъ, но первое спеціальное рекомендательное бюро (bureau d'adresses et de rencontre), соотвѣтствующее теперешнимъ bureaux de placement, было учреждено въ 1643 г. извѣстнымъ Теофрастомъ Ренодо. За свою довольно уже длинную исторію рекомендательныя конторы не разъ подвергались различнымъ видоизмѣненіямъ, на долго уничтожались и снова возстановлялись и наконецъ ихъ дѣятельность была регулирована закономъ 25 марта 1852 г. По этому закону рекомендательныя конторы были подчинены вѣдѣнію муниципальныхъ властей, имѣющихъ право разрѣшать и закрывать конторы, слѣдить за ихъ дѣятельностью, регулировать тарифъ взиманій. Согласно съ этимъ закономъ, префектомъ полиціи былъ выработанъ рядъ мѣръ для регламентаціи ихъ дѣятельности, установлены образцы однообразной регистраціи клієнтовъ; содержателямъ вмѣнено въ обязанность выдавать безплатно, въ моментъ записи, каждому записавшемуся бюллетень, содержащій номеръ его записи, условія тарифа, утвержденнаго для конторы, и квитанцію суммы, полученной или въ видѣ платы за запись, или въ видѣ аванса платы за доставленіе мѣста.

Изъ 1374 существовавшихъ въ 1891 г. рекомендательныхъ конторъ на присланный запросъ отвѣтили 994 (72,3%). Вѣрные своей задачѣ—собрать и сгруппировать результаты изслѣдованія, предоставляя ихъ свободному изученію каждаго желающаго—авторы располагаютъ собранный матеріалъ по всѣмъ департаментамъ въ алфавитномъ порядкѣ ихъ, послѣдовательно приводя по каждому табличку числа конторъ и количества ихъ операцій и присоединяя къ цифровому матеріалу характеристику ихъ дѣятельности по отзывамъ префектуръ, синдикатовъ и пр. Въ распоряженіе читателя такимъ образомъ дѣйствительно поступаетъ весь матеріалъ, собранный изслѣдованіемъ. Сводныя таблицы, помѣщенныя въ концѣ главы о рекомендательныхъ конторахъ, позволяютъ, сверхъ того, видѣть ихъ дѣятельность en masse. Также распредѣленъ матеріалъ о дѣятельности и другихъ учрежденій; въ началѣ же каждой главы коротенькая общая характеристика положенія дѣла въ данной отрасли учрежденій для доставленія мѣстъ и занятій.

Болѣе всего рекомендательныхъ конторъ находится, какъ и

слѣдовало ожидать, въ Парижѣ съ его предмѣстьями—320 или 23,3% всего числа ихъ; затѣмъ ихъ много въ департаментѣ Нижней Сены—78, въ Сѣверномъ департаментѣ — 57, въ департаментѣ Сены и Оазы—55, въ департаментѣ Эны (Aisne)—39, Устьевъ Роны—39, Жиронды—38, Роны—34; въ остальныхъ департаментахъ число конторъ значительно меньше; въ нѣкоторыхъ же немногихъ ихъ совсѣмъ нѣтъ. О самихъ содержателяхъ конторъ свѣдѣній вообще не имѣется; только о 320 содержателяхъ бюро въ департаментѣ Сены извѣстно, что изъ нихъ 179 женщинъ и 131 мужчина.

Чтобы видѣть развитіе рекомендательнаго дѣла, обратимся къ цифровымъ даннымъ. Въ 1891 г. всѣми учрежденіями, занимающимися доставленіемъ мѣстъ и работы служащимъ, рабочимъ и прислугѣ и приславшими свѣдѣнія о своей дѣятельности, было получено 2,841,067 просьбъ отъ ищущихъ мѣста и работы и 1,111,059 предложеній мѣста и работы со стороны патроновъ. Изъ этого числа было удовлетворено 1,122,726 просьбъ, причемъ въ 626,940 случаяхъ было доставлена постоянная работа или мѣсто, въ 49,5786—временная. Громадный процентъ въ этихъ операціяхъ падаетъ на долю рекомендательныхъ конторъ, а именно ими было зарегистровано 2,495,079 просьбъ (87,8% всего числа) и 938,237 предложеній (84,4%). Замѣтимъ при этомъ, что рѣчь идетъ только о 994 отвѣтившихъ конторахъ; остальныя 380, не доставившія свѣдѣній, вѣроятно, тоже оперировали не безъ успѣха. Въ среднемъ на рекомендательную контору приходится 2,510 просьбъ и 944 предложенія. Таковъ запросъ, обращенный къ нимъ. Обращаясь къ цифрамъ, выражающимъ степень удовлетворенія этого запроса, мы видимъ, что за годъ рекомендательными конторами было удовлетворено всего 821,450 просьбъ; такимъ образомъ число случаевъ доставленія занятій къ числу просьбъ о нихъ представляетъ только 33,3%; $^2/_3$ записей остаются для ищущихъ работы безрезультатными. При этомъ въ 361,991 случаѣ (14,9% ко всему числу просьбъ) рекомендательными конторами были доставлены временныя занятія и въ 459459 (18,4%)—постоянныя; такимъ образомъ лишь довольно скромный процентъ кліентовъ конторъ могъ при помощи ихъ устроиться прочно.

Изъ 1374 конторъ болѣе всего рекомендующихъ, главнымъ образомъ, прислугу—1036 (75,4%); затѣмъ довольно много рекомендующихъ преимущественно рабочихъ въ булочныхъ—9[illegible] и гарсоновъ въ кафе—74; строгаго раздѣленія конторъ по профессіямъ ихъ кліентовъ, конечно, нельзя провести, ибо многіе

конторы далеко не придерживаются правила рекомендовать кліентовъ лишь одной извѣстной спеціальности. Прислугѣ и принадлежитъ болѣе половины просьбъ о мѣстахъ—1,378,124 (55,2%); изъ этого числа въ 307,156 случаяхъ (22,3%) мѣста были доставлены: 254,716 постоянныхъ и 52,440 временныхъ. Въ нѣкоторыхъ профессіяхъ временная работа достигаетъ весьма крупной величины и превосходитъ постоянную. Такъ, напримѣръ, случаевъ доставленія постоянной работы булочникамъ 25,971, случаевъ доставленія имъ временной работы 40,114; парикмахерамъ—15,006 случаевъ постоянной работы и 42,047—временной; пирожникамъ и поварамъ—4938 и 29,400; гарсонамъ въ кафе—88,952 и 193,380.

Кромѣ этихъ цифръ есть и другія данныя, характеризующія дѣятельность рекомендательныхъ конторъ. Одна изъ графъ таблицы, содержащей данныя о каждой конторѣ, даетъ свѣдѣнія о платѣ за запись (droit d'inscription). Въ Парижѣ въ 1857 г. постановленіемъ префекта это право было отнято у конторъ, въ другихъ же мѣстностяхъ оно сохранилось. Обычный размѣръ этой платы 50 сантимовъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ она выше; наприм., мясники Сенъ-Кентена платятъ за запись 1 франкъ, въ Рассѣ же (департаментъ Приморскихъ Альпъ) прислуга уплачиваетъ $1^1/_2$ франка. Далѣе имѣются свѣдѣнія о платѣ за доставленіе занятій, за поставку на мѣсто (droit de placement). Здѣсь условія крайне разнообразны, смотря по мѣстностямъ, профессіямъ и заработной платѣ. Такъ, наприм., въ департаментѣ Эна (Aisne) гарсоны въ отеляхъ и ресторанахъ платятъ за поставку на мѣсто 3 франка при жалованьѣ ниже 200 франковъ и 4 при болѣе высокомъ окладѣ; 5 франковъ взимается со служащихъ. Весьма часто записывающійся вноситъ авансъ еще до полученія мѣста; уплата же всего droit de placement должна по правиламъ производиться не ранѣе 8—15 дней по полученіи мѣста. Просматривая таблицу операцій рекомендательныхъ конторъ, мы встрѣчаемся чаще всего со скромными цифрами отъ $1^1/_2$ до 5 франковъ. Но даже эта таблица со свѣдѣніями, доставленными самими конторами, позволяетъ видѣть, что во многихъ случаяхъ конторы оцѣниваютъ свои услуги дороже. Такъ, наприм., марсельскіе парикмахеры платятъ конторамъ 10% своей заработной платы въ первый мѣсяцъ, а эта плата равна въ среднемъ 100 фр.; 10—20% платитъ и прислуга въ По (Нижніе Пиренеи) при заработной платѣ 20—100 фр. въ мѣсяцъ; служащіе въ торговыхъ заведеніяхъ Бордо уплачиваютъ $^1/_4$ своего жалованья за первый мѣсяцъ, получая 30—150 фр.;

прислуга въ Ниццѣ платитъ $^1/_3$ при жалованьѣ въ 15—100 фр.; съ парижскихъ мясниковъ, зарабатывающихъ 50 фр. въ недѣлю, конторы берутъ $^1/_2$ этого заработка за первую недѣлю; съ гарсоновъ же въ кафе, получающихъ 200 фр. въ мѣсяцъ, 15% заработной платы перваго мѣсяца.

Настоящее понятіе о томъ, сколько приходится кліентамъ уплачивать рекомедательнымъ конторамъ, можно получить, однако, не изъ этихъ данныхъ. Вопросъ о стоимости услугъ рекомендательныхъ конторъ принадлежитъ къ числу наиболѣе больныхъ сторонъ въ ихъ дѣятельности. Многочисленныя свидѣтельства различныхъ профессіональныхъ синдикатовъ и префекторальныхъ администрацій указываютъ на то, что эти услуги черезуръ дороги, что необходимость уплачивать за постановку на мѣсто часто ложится тяжелымъ бременемъ на рабочій людъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ невысокій, повидимому, тарифъ является на самомъ дѣлѣ весьма крупнымъ; наприм., въ Виши прислуга домашняя и ресторанная платитъ 5% годоваго заработка; но въ этомъ городѣ большая часть лицъ въ услуженіи можетъ получить занятія лишь во время купальнаго сезона, а онъ длится всего три мѣсяца. Затѣмъ, часто рабочій за короткое время перемѣнитъ нѣсколько мѣстъ и, обращаясь, каждый разъ къ услугамъ конторы, онъ переплатитъ ей порядочную сумму; такъ, напр., булочники Седана, благодаря этому, при 5-франковомъ тарифѣ обыкновенно уплачиваютъ въ годъ 12—30 фр. Ниже мы увидимъ, что перемѣны мѣстъ далеко не всегда зависятъ отъ безпокойнаго нрава рабочаго. Далѣе, конторы часто совсѣмъ не руководятся утвержденнымъ для нихъ тарифомъ; „номинально постановка на мѣсто стоитъ 5 фр.,—говоритъ синдикатъ булочниковъ въ Бовэ,—но рабочій часто платитъ 20—25 фр.; контора и стоитъ рабочему въ годъ обыкновенно 50 фр. въ среднемъ“. Синдикатъ булочниковъ въ Марсели показываетъ, что мѣста даются наиболѣе платящимъ; нѣкоторые даютъ до 50 фр.; бюро стоитъ въ среднемъ 150 фр. въ годъ рабочему-булочнику (2160 фр. годовой заработной платы). Синдикатъ служащихъ въ отеляхъ въ томъ же Марсели также жалуется, что контора обходится каждому изъ нихъ въ 50—100 фр. въ годъ. Такой же синдикатъ въ Сентъ-Этьенѣ тоже заявляетъ, что конторы не руководятся тарифомъ и взимаютъ отъ 5 до 20 фр. сообразно выгодности получаемаго мѣста. Синдикальная камера гарсоновъ въ кафе въ Клермонъ-Ферранѣ высчитываетъ, что нѣкоторымъ изъ нихъ приходится уплачивать въ годъ 150—240 фр., благодаря частой смѣнѣ мѣстъ и произвольнымъ взиманіямъ со стороны

конторъ. Можно было бы привести еще нѣсколько десятковъ такихъ заявленій. Большинство синдикальныхъ камеръ даютъ отзывы, аналогичные приведеннымъ. Допуская извѣстную долю преувеличенія со стороны синдикатовъ, какъ заинтересованной стороны, все-таки нельзя не признать, что указываемый ими характеръ дѣятельности рекомендательныхъ конторъ дѣйствительно весьма убыточенъ для рабочаго люда. Нѣкоторыя префекторальныя администраціи даютъ хотя и болѣе мягкіе, но не менѣе неблагопріятные отзывы о томъ же; такъ, напр., префектура въ Виши указываетъ, что конторы берутъ слишкомъ дорого (5—15 фр.) съ поваровъ, кухарокъ и горничныхъ; на взиманіе черезчуръ высокой платы подъ разными предлогами указываетъ и парижская префектура. Указанія на доровизну рекомендацій сопровождаются очень часто сообщеніями о различныхъ злоупотребленіяхъ, вызванныхъ стремленіемъ заполучить возможно больше съ кліентовъ. По словамъ префектуры департамента Эны (Aisne) содержатель конторы нерѣдко практикуетъ слѣдующую уловку: кліентъ не подходитъ къ условіямъ, требуемымъ для занятія мѣста; несмотря на это содержатель рекомендуетъ его; побывши нѣсколько дней на мѣстѣ, кліентъ, конечно, получаетъ разсчетъ, снова идетъ въ бюро для записи и снова платитъ. Въ департаментѣ Пюи де Домъ содержатели съ особеннымъ успѣхомъ продѣлываютъ это съ неопытными молодыми людьми изъ деревень, получающими мѣста въ совершенно незнакомыхъ имъ профессіяхъ. Еще большее зло представляютъ стачки содержателей конторъ съ контрметрами, которые, принимая рабочихъ, вскорѣ разсчитываютъ ихъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ; содержатель конторы при этомъ получаетъ плату отъ другаго рабочаго, рекомендуемаго имъ на освободившееся мѣсто, контрметръ же выгадываетъ на томъ, что беретъ взятку съ новичка.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ содержатели конторъ заинтересовываютъ и патроновъ въ перемѣнѣ состава рабочихъ; помѣстивши рабочаго въ какое-нибудь заведеніе, содержатель чрезъ нѣсколько времени начинаетъ прельщать патрона тѣмъ, что у него есть новый рабочій, гораздо болѣе смышленый и дѣятельный; это иногда дѣйствуетъ и само по себѣ; иногда же патронъ имѣетъ какіе-нибудь счеты съ содержателемъ конторы и, съ цѣлью угодить ему, соглашается перемѣнить рабочаго. Той же цѣли содержатели достигаютъ, сманивая и рабочихъ на новыя мѣста, выдаваемыя за болѣе выгодныя. Очень убыточнымъ для кліентовъ является также то обстоятельство, что многіе содержатели

конторъ въ то же время трактирщики и квартирохозяева. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ синдикатъ булочниковъ департамента Объ: „содержатель конторы держитъ рабочаго на пансіонѣ какъ только можно дольше, пока всѣ сбереженія его не будутъ истрачены; потомъ, если рабочій имѣетъ вещи, онъ ему открываетъ небольшой кредитъ; наконецъ, даетъ ему мѣсто на условіи, что вещи останутся какъ залогъ; когда же рабочій, заработавши, хочетъ ихъ выкупить, то вмѣсто 10 франковъ, которые онъ считаетъ своимъ долгомъ содержателю, этотъ послѣдній требуетъ съ него 15 или 20". О вынужденномъ потребленіи напитковъ изъ ресторана содержателя конторы разсказываетъ синдикатъ ліонскихъ кондитеровъ и нѣкоторые другіе. Здѣсь тотъ же способъ эксплуатаціи, который употребляется и вольными посредниками, не держащими оффиціально-разрѣшенныхъ конторъ. Наконецъ, на рекомендательныхъ конторахъ тяготѣетъ еще одинъ грѣхъ: биржа труда въ Нимѣ обвиняетъ ихъ въ томъ, что они совращаютъ дѣвушекъ въ проституцію. Префектура департамента Восточныхъ Пиринеевъ тоже упоминаетъ о жалобахъ деревенскихъ дѣвушекъ на то, что конторы помѣщаютъ ихъ въ качествѣ нянекъ и служанокъ въ сомнительные дома, и о томъ, что хозяева, съ своей стороны, тоже нерѣдко находятъ въ рекомендуемой прислугѣ субъектовъ весьма легкой нравственности. О помѣщеніи несовершеннолѣтнихъ въ дурные дома говоритъ и парижская префектура, прибавляя, однако, что это бываетъ очень рѣдко. Что эти обвиненія не безосновательны, видно изъ того, что изъ 5 конторъ, закрытыхъ въ 1884 г. по распоряженію префектуры, одна была закрыта именно за доказанную тайную проституцію.

Благодаря описаннымъ злоупотребленіямъ, неудовольствіе на рекомендательныя конторы очень сильно въ рабочемъ населеніи, и репутація многихъ изъ нихъ весьма незавидна.

Синдикатъ ліонскихъ парикмахеровъ приводитъ еще одну любопытную бытовую черту, сообщая, что ежегодно 1-го января содержатель мѣстной конторы для рекомендаціи служащихъ въ парикмахерскихъ обходитъ всѣхъ своихъ кліентовъ (патроновъ и служащихъ) подъ предлогомъ поздравленія съ новымъ годомъ, при чемъ съ каждаго получаетъ въ среднемъ 6 франковъ; синдикатъ вычисляетъ, что эта любезность содержателя доставляетъ ему, при большомъ числѣ кліентовъ, весьма кругленькую сумму.

Мы видѣли выше, что обязательныя постановленія для рекомендательныхъ конторъ требуютъ отъ нихъ соблюденія нѣкоторыхъ формальностей при внесеніи имени кліента въ реестръ

между прочимъ, выдачи росписки въ полученіи платы за запись и бюллетеня съ условіями, утвержденными для конторы мѣстною властью. Изъ имѣющагося матеріала видно, что едва ли не большинство конторъ не исполняютъ этихъ требованій. Нѣкоторыя совсѣмъ не выдаютъ росписокъ и бюллетеней; другія же и дѣлаютъ это, но выданныя ими квитанціи не содержатъ перечня обязательныхъ правилъ, остающихся такимъ образомъ неизвѣстными кліентамъ конторъ.

Мѣстныя власти въ нѣкоторыхъ случаяхъ не оставались безучастными къ такому положенію дѣлъ и принимали мѣры къ огражденію рабочаго люда отъ эксплуатаціи рекомендательныхъ конторъ. Съ этою цѣлью обязательныя правила не разъ подтверждались новыми циркулярами мэровъ и префектовъ; такъ мэръ Нанта издалъ въ 1889 году дополнительныя обязательныя правила для конторъ. Ліонскій муниципалитетъ требовалъ при разрѣшеніи содержать контору, чтобы содержатель вносилъ залогъ въ 2000 фр.; позднѣе ліонскій префектъ тоже издалъ правила, опредѣляющія величину платы за запись и постановку на мѣсто. Парижская администрація вообще относится весьма строго къ существующимъ конторамъ; переходъ ихъ къ новымъ владѣльцамъ обставленъ весьма стѣснительными условіями; новыя бюро администрація воздерживается разрѣшать, ожидая новаго парламентскаго узаконенія относительно рекомендательныхъ учрежденій; плату за доставленіе работы содержатели имѣютъ право получать не ранѣе 8 дней по полученіи рабочимъ мѣста; если же получатъ ранѣе и рабочій пробудетъ на мѣстѣ менѣе 8 дней, то обязаны возвратить деньги. Мэръ Ангулема тоже обязываетъ конторы возвращать рабочему половину полученной платы за доставленіе мѣста, если онъ потерялъ это мѣсто ранѣе истеченія двухъ недѣль, не вслѣдствіе своей небрежности или дурнаго поведенія.

Однако, содержатели конторъ въ Нантѣ, Ліонѣ и Парижѣ ухитряются обходить и эти постановленія, какъ они обходятъ законъ 1852 г., и изъ этихъ городовъ на нихъ раздается тоже не мало жалобъ.

О закрытіи конторъ за нарушеніе правилъ свѣдѣній вообще мало; въ Парижѣ за 8 лѣтъ (1884 — 1891) было закрыто 26 конторъ,—большинство изъ нихъ за незаконное взиманіе высокой платы и за отказъ въ выдачѣ аванса. Кромѣ того, за 2 года (1891—92), было привлечено къ суду 11 содержателей конторъ. Парижская префектура вообще невысокаго мнѣнія о конторахъ департамента Сены, но она признаетъ за ними и извѣстныя

достоинства, между которыми главнымъ является профессіональная ловкость въ отыскиваніи мѣстъ и занятій, въ чемъ ни синдикаты, ни даже вольные поставщики не могутъ сравняться съ рекомендательными конторами.

Долго накоплявшееся недовольство на рекомендательныя конторы разразилось, наконецъ, въ 1886 г. оживленною агитаціею противъ нихъ. Прежде всего она сказалась среди гарсоновъ парижскихъ кафе; къ нимъ затѣмъ присоединились служащіе въ винныхъ магазинахъ, въ парикмахерскихъ, и, наконецъ, въ результатѣ явились уличные безпорядки, во время которыхъ нѣсколько рекомендательныхъ конторъ были разрушены толпою. Безпорядки были также въ 1888 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ и сторонники легальной агитаціи противъ рекомендательныхъ конторъ не бездѣйствовали и организовали лигу для уничтоженія ихъ (Ligue pour la suppression des bureaux de placement), состоящую изъ представителей синдикатовъ, обществъ взаимной помощи и т. п. Лигою была адресована муниципальному совѣту Парижа петиція съ ходатайствомъ о закрытіи конторъ. Муниципалитетъ не могъ однако удовлетворить этому прошенію въ виду того, что существованіе конторъ признано закономъ 1852 г. Тогда члены лиги обратились въ палату депутатовъ съ тою же цѣлью. Въ 1891 г. рабочіе въ булочныхъ, недовольные безуспѣшностью ходатайствъ о закрытіи конторъ, устроили общую стачку. Это явилось новою поддержкою для лиги, и она устроила, съ цѣлью ускоренія разрѣшенія вопроса, конгрессъ подъ названіемъ Congrés de la Fédération française des syndicats de l'alimentation pour la suppression des bureaux de placement, засѣдавшій въ октябрѣ 1891 г.; членами его было 55 делегатовъ, представлявшихъ 150 синдикальныхъ камеръ. Конгрессъ постановилъ ходатайствовать о запрещеніи, подъ страхомъ штрафа и тюремнаго заключенія, частнымъ лицамъ и ассоціаціямъ заниматься платнымъ или безплатнымъ доставленіемъ занятій; лишь одни синдикаты, биржи труда и муниципалитеты могутъ имѣть на это право, и муниципалитеты должны организовать это дѣло во всѣхъ коммунахъ. Далѣе конгрессъ выработалъ проектъ федераціи всѣхъ рабочихъ синдикатовъ, заинтересованныхъ въ уничтоженіи рекомендательныхъ конторъ. Центральный комитетъ этой федеративной лиги и ведетъ теперь все дѣло агитаціи противъ рекомендательныхъ конторъ, „этихъ послѣднихъ остатковъ древней торговли рабами“.

Эта упорная агитація противъ конторъ не разъ заставляла и муниципальный совѣтъ Парижа высказываться относитель-

конторъ, не разъ и въ палатѣ депутатовъ являлись предложенія и проекты, касающіеся больного вопроса дня. Муниципальный совѣтъ вообще стоитъ за отмѣну закона, за уничтоженіе частныхъ конторъ и сосредоточеніе дѣла доставленія работы въ рукахъ синдикальныхъ камеръ и муниципалитетовъ. Какъ попытка замѣнить частныя конторы и является учрежденіе биржъ труда, а также денежная помощь безплатнымъ бюро при мэріяхъ. Въ палату депутатовъ тоже вносились нѣкоторыми депутатами предложенія объ уничтоженіи конторъ и организаціи безплатныхъ муниципальныхъ и синдикальныхъ бюро. Данный вопросъ, несмотря на всю его настоятельность, едва ли однако близокъ къ своему рѣшенію законодательнымъ путемъ при теперешнемъ характерѣ французской палаты депутатовъ и ея отношеніи къ синдикальному движенію.

Содержатели конторъ съ своей стороны принимали мѣры для отстаиванія существованія своей индустріи. Съ этою цѣлью синдикальная камера рекомендательныхъ конторъ Парижа и департаментовъ адресовала муниципальному совѣту и палатѣ депутатовъ въ 1887 и 1890 гг. петиціи, въ которыхъ просила безпристрастно обсудить вопросъ о существованіи рекомендательныхъ конторъ, принимая во вниманіе не только обвиненія, но и доводы защиты. Синдикатъ содержателей конторъ въ этихъ петиціяхъ доказываетъ необходимость существованія конторъ, упоминаетъ о всѣхъ тѣхъ ограниченіяхъ дѣятельности конторъ, которыя, по его мнѣнію, и безъ того служатъ вполнѣ достаточной гарантіей. Далѣе синдикатъ отрицаетъ приписываемыя рекомендательнымъ конторамъ злоупотребленія, протестуетъ противъ смѣшенія ихъ съ „безчестными свободными поставщиками“, проситъ не создавать монополіи биржъ труда и синдикатовъ, доказывая, что пользованіе услугами этихъ учрежденій совсѣмъ невыгодно въ дѣйствительности для рабочихъ, ибо обязываетъ рабочаго быть членомъ синдиката и вносить minimum 1 фр. въ мѣсяцъ. Исчисляя своихъ противниковъ, петиція содержателей конторъ насчитываетъ ихъ всего 12,000, между тѣмъ какъ число рабочихъ, которыхъ петиція считаетъ довольными существующими конторами, она весьма смѣло опредѣляетъ въ 800,000. Руководители движенія противъ конторъ, по словамъ авторовъ петиціи, люди безпокойные и жаждущіе ловить рыбу въ мутной водѣ; ихъ цѣль заключается въ лишеніи рабочихъ и патроновъ свободы, въ рабскомъ подчиненіи ихъ синдикатамъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, на основаніи изложеннаго, какой глубокій антагонизмъ, какое непримиримое соперниче-

ство существуетъ между многими рабочими синдикатами и рекомендательными конторами. Это и понятно, — объединяющая, сплачивающая рабочій классъ дѣятельность синдикатовъ встрѣчаетъ дѣйствительно серьезное препятствіе въ дѣятельности рекомендательныхъ конторъ. Это два врага, интересы которыхъ діаметрально противоположны. Дѣятельность профессіональныхъ синдикатовъ опредѣлена, какъ извѣстно, закономъ 21 марта 1884 года; § 5 статьи 6 этого закона гласитъ, что синдикаты патроновъ и рабочихъ могутъ учреждать справочныя отдѣленія для предложеній работы и просьбъ о ней. Въ началѣ 1887 г. въ Парижѣ была открыта первая биржа труда, а затѣмъ и въ другихъ городахъ появились такія же биржи, имѣющія цѣлью объединить дѣятельность синдикатовъ. Какъ мы уже упоминали, биржи труда казались удобнымъ средствомъ заставить рекомендательныя конторы исчезнуть. Конторы оказались однако живучѣе, чѣмъ о нихъ полагали. По даннымъ Office du travail всѣхъ профессіональныхъ синдикатовъ въ 1891 г. было 3253; изъ нихъ, къ сожалѣнію, на запросъ отвѣтило только 1212 (37,3%). Главные промышленные центры—Парижъ, Ліонъ, Марсель, Бордо—имѣютъ около $^1/_3$ всего числа синдикатовъ (1021); много ихъ также въ Сѣверномъ департаментѣ и въ департаментѣ Луары. Свѣдѣнія имѣются о 390 справочныхъ отдѣленіяхъ или бюро, открытыхъ синдикатами: изъ нихъ 54 бюро открыты синдикатами патроновъ, 323—синдикатами рабочихъ и 13—смѣшанными синдикатами. Годовое числа операцій, произведенныхъ этими синдикальными бюро въ 1891 г., слѣдующее: получено 147,818 просьбъ о работѣ (379 на одно бюро въ среднемъ), 94,372 предложенія (242 на бюро), доставлена постоянная работа въ 106,306 случаяхъ и временная въ 10,364—всего 116,670 случаевъ (299 на бюро). Отношеніе степени удовлетворенія клієнтовъ къ ихъ запросу гораздо благопріятнѣе въ дѣятельности синдикальныхъ бюро: число случаевъ доставленія работы къ числу просьбъ о ней представляетъ 78,9%; затѣмъ и работа доставляется главнымъ образомъ постоянная (93,0%). Однако, результаты, достигнутые профессіональными синдикатами, не могутъ быть названы значительными. Въ изслѣдованіи указаны нѣкоторыя слабыя стороны ихъ дѣятельности. Рабочіе обращаются неохотно въ бюро, открытыя синдикатами патроновъ, находя, что эти бюро рекомендуютъ только фаворитовъ и ставятъ рабочаго въ слишкомъ тѣсную зависимость отъ патрона, не оставляя ему достаточной свободы для защиты своихъ интересовъ. Съ своей стороны па-

троны упрекаютъ бюро рабочихъ синдикатовъ въ томъ, что они не позволяютъ имъ выбирать наиболѣе подходящихъ рабочихъ, рекомендуя своихъ членовъ, по возможности, въ очередь, въ томъ, что они навязываютъ имъ абсолютную заработную плату и наконецъ въ томъ, что имѣютъ плохія помѣщенія, въ которыхъ патронамъ приходится предлагать свои условія публично, иногда лицомъ къ лицу съ рабочими, только что получившими отказъ. Въ матеріалѣ изслѣдованія есть поэтому отзывы, рекомендующіе смѣшанные синдикаты. „Биржа труда въ рукахъ одного рабочаго элемента,—говоритъ синдикатъ торговцевъ и служащихъ по ткацкому дѣлу въ Марсели,—есть неполная, недостаточная рекомендательная контора, которая удаляетъ патрона, вмѣсто того, чтобы его привлекать. Истинное рѣшеніе вопроса въ смѣшанномъ синдикатѣ, въ которомъ патроны и рабочіе находили бы другъ друга внѣ мастерской, фабрики и магазина. Отъ знакомства до взаимной любви—только одинъ шагъ“,—сантиментально заканчиваетъ синдикатъ свое мнѣніе. Жалобы на то, что рабочіе синдикаты помѣщаютъ только своихъ членовъ, слышатся иногда и отъ рабочихъ, по словамъ авторовъ изслѣдованія. Наиболѣе горячіе пропагандисты синдикальнаго движенія признаютъ недостатки существующихъ синдикальныхъ бюро и приписываютъ это недостатку денежныхъ средствъ, невозможности, вслѣдствіе этого, выбрать особыхъ должностныхъ лицъ, которыя исключительно завѣдывали бы дѣломъ доставленія мѣстъ и работы. Предсѣдатель исполнительной коммиссіи парижской биржи труда высказался по этому поводу на освященіи центральной биржи 22 мая 1892 г. „Недостаточно учредить ее (биржу труда), нужно также дать ей средства жить и смотря по тѣмъ средствамъ, которыя вы (муниципальный совѣтъ) намъ предоставите, она сдѣлается полезнымъ или же недостигающимъ цѣли учрежденіемъ, и этотъ результатъ будетъ только тогда достигнутъ, когда будетъ открытъ спеціальный кредитъ должностнымъ лицамъ синдикатовъ, занимающимся доставленіемъ занятій“. Нѣкоторыя синдикальныя бюро дѣйствуютъ однако успѣшно въ своей борьбѣ съ рекомендательными конторами; такъ синдикатъ метрдотелей въ Монпелье замѣчаетъ, что дѣятельность мѣстной рекомендательной конторы значительно съузилась со времени учрежденія бюро при синдикатѣ и бюро общества взаимной помощи.

Отмѣтимъ въ заключеніе интересную бытовую черту взаимопомощи изъ жизни синдикатовъ: синдикатъ булочниковъ въ Сеттѣ единогласно рѣшилъ, чтобы каждый изъ имѣющихъ ра-

боту членовъ позволялъ замѣнять себя въ своемъ занятіи раз въ мѣсяцъ одному изъ членовъ синдиката, ненашедшихъ работы. Это рѣшеніе доставляетъ отъ 10 до 12 дней труда въ мѣсяцъ каждому рабочему безъ работы.

Работа доставляется также монастырями, благотворительными и филантропическими обществами. Монастыри практиковали это еще въ XII вѣкѣ. Въ изслѣдованіи имѣются данныя о дѣятельности 76 монастырей и обществъ. Ими было получено въ 1891 г. 132,036 просьбъ о работѣ, 25,911 предложеній; работа доставлена была 133,658 разъ; изъ нихъ 26,227 разъ постоянная и 107,431 разъ временная. Общества этого характера обыкновенно преслѣдуютъ нравственно-филантропическія цѣли, и доставленіе работы является средствомъ достиженія этихъ цѣлей. Такъ Société d'assistance par le travail въ Марсели даетъ лишь временную работу, оплачиваемую по цѣнѣ, которая „позволяетъ получающему заработать лишь необходимое для жизни, не вызывая въ немъ соблазна находитъ удовольствіе въ этомъ родѣ существованія". Часъ оплачивается поэтому всего 25 сантимами.

Въ главѣ о доставленіи занятій обществами взаимной помощи (sociétés de secours mutuels) помѣщены результаты дѣятельности только тѣхъ обществъ, которыя занимаются этимъ не случайно, имѣютъ записи предложеній и просьба и являются настоящими рекомендательными учрежденіями. Въ 1891 г. 59-ю такими обществами было получено 35,041 просьбъ о занятіяхъ, 33,059 предложеній; случаевъ доставленія работы — 33,794 (постоянной—17,794 и временной—16,000).

Временное правительство 1848 г. учредило при каждой мэріи Парижа безплатное справочное бюро; дѣло, однако, не пошло и неуспѣхъ этой попытки надолго скомпрометировалъ идею безплатныхъ муниципальныхъ бюро. Въ позднѣйшее время нѣкоторые муниципалитеты, въ виду агитаціи противъ рекомендательныхъ конторъ, попытались оживить эту идею; примѣръ былъ поданъ Парижемъ въ 1886 г., а за нимъ послѣдовали и нѣкоторые другіе города. Дѣятельность 24-хъ безплатныхъ бюро въ 1891 г. представляется въ слѣдующемъ видѣ: получено 24,805 просьбъ, 13,292 предложенія; доставлена постоянная работа въ 10,856 случаяхъ. Нѣкоторыя бюро учреждены такъ недавно, что судить объ ихъ дѣятельности еще нельзя.

Послѣдній видъ рекомендательныхъ учрежденій представляютъ ремесленныя братства (sociétés de compagnons). Эти братства, столь важныя въ свое время—при старомъ промышленномъ режимѣ—теперь уже отжили свой вѣкъ; ихъ вытѣсняютъ профес-

сіональные синдикаты и общества взаимной помощи; остаются немногія отживающія учрежденія. Въ 1891 г. 32 такихъ братства получили 6,288 просьбъ и 6,188 предложеній; доставили постоянную работу въ 6,188 случаяхъ.

Программа изслѣдованія, разосланная префектамъ, синдикатамъ и пр., оканчивалась справкою о мнѣніи корреспондента, стоитъ ли онъ за сохраненіе рекомендательныхъ конторъ, за измѣненіе дѣйствующаго законодательства о нихъ или же за уничтоженіе ихъ. Собранные отзывы сгруппированы въ заключительной главѣ. Приведены только отзывы префектовъ, синдикатовъ, встрѣчающихъ конкурренцію въ рекомендательныхъ конторахъ, и нѣкоторыхъ другихъ лицъ и учрежденій, мнѣнія которыхъ заслуживаютъ упоминанія. Остальные отзывы откинуты, какъ не дающіе ничего новаго. Всѣхъ отзывовъ приведено 238. За сохраненіе дѣйствующаго законодательства о рекомендательныхъ конторахъ высказалось 97 корреспондентовъ, главнымъ образомъ должностныя лица администраціи, и 24 синдиката (8 рабочихъ въ томъ числѣ). За измѣненіе закона 48; изъ нихъ 15 синдикатовъ (1 рабочій и 2 смѣшанныхъ изъ нихъ); за уничтоженіе конторъ 93, изъ этого числа 91 синдикатъ и только 2 префекта. Изъ синдикатовъ, высказавшихся за конторы, одни находятъ, что онѣ все-таки лучше, чѣмъ вольные поставщики; другіе находятъ неудобною, признавая всецѣло принципъ свободы профессій, правительственную регламентацію рекомендательнаго дѣла, и надѣются, что конторы постепенно сами исчезнутъ съ развитіемъ синдикатовъ и обществъ взаимной помощи; третьи признаютъ за ними извѣстныя заслуги и стоятъ за ихъ сохраненіе по мѣстнымъ условіямъ.

Кромѣ того, изложена суть мнѣній синдикатовъ, не имѣющихъ справочныхъ отдѣленій и не заинтересованныхъ прямо въ судьбѣ рекомендательныхъ конторъ; изъ нихъ многіе высказываются противъ конторъ и за ихъ уничтоженіе съ общей точки зрѣнія, находя въ нихъ препятствіе синдикальному движенію.

Въ приложеніи помѣщенъ еще очеркъ положенія рекомендательнаго дѣла заграницею; для полученія свѣдѣній объ этомъ французскимъ посольствамъ были разосланы вопросные листы. Наиболѣе полныя свѣдѣнія получены изъ Швейцаріи и Бельгіи; о Россіи свѣдѣнія скудны.

Въ нашей краткой передачѣ мы извлекли изъ *Le placement* лишь самое существенное и главное. Помимо этого, данная книга представляетъ чрезвычайно богатый матеріалъ для изученія положенія рабочаго класса во Франціи; объ исторической части

книги мы уже говорили; весьма много интересныхъ данныхъ есть и въ отдѣлахъ, трактующихъ о современномъ положеніи труда во Франціи; такъ, напр., приведены данныя о числѣ рабочихъ въ разныхъ профессіяхъ; хотя они и не представляютъ абсолютной точности, но все-таки даютъ возможность судить о развитіи той или другой отрасли промышленности; есть много свѣдѣній о заработной платѣ въ разныхъ профессіяхъ, обрисованы условія работы въ нѣкоторыхъ занятіяхъ; такъ, напр. слѣдуетъ отмѣтить весьма полную и содержательную характеристику быта парижскихъ мясниковъ.

Вообще по богатству данныхъ разсмотрѣнная нами книга представляетъ выдающееся явленіе во французской статистической литературѣ за послѣднее время.

С. Блекловъ,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества

ФОРМЫ ОБЩИННАГО ВЛАДѢНІЯ НА АЛТАѢ [1]).

Доложено въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества 29 ноября 1893 г.

I.

Алтайскій горный округъ, составляющій въ настоящее время центръ переселенческаго движенія въ Сибирь, долженъ быть отнесенъ къ числу наиболѣе многоземельныхъ районовъ нашего отечества, въ чемъ легко убѣдиться изъ слѣдующихъ немногихъ цифръ.

Общее количество земель, находящихся въ пользованіи крестьянскихъ и горнозаводскихъ селеній, опредѣляется приблизительно въ 13.015.850 десятинъ, изъ которыхъ до 7.489.690 дес. относятся къ разряду удобныхъ. Говоримъ „приблизительно", потому что, во-первыхъ, въ округѣ есть селенія, еще не имѣющія земельнаго отвода, хотя и пользующіяся землей, а во-вторыхъ, потому что съ начала 80-хъ годовъ, къ которымъ относятся приведенныя цифры, образовалось нѣсколько новыхъ заселковъ, получившихъ землю изъ такъ называемыхъ „пустолежащихъ" пространствъ. Весьма вѣроятно поэтому, что количество удобныхъ земель, фактически находящихся въ распоряженіи мѣстныхъ

[1]) Помимо различныхъ оффиціальныхъ и частныхъ изданій, посвященныхъ Алтаю, при настоящей работѣ мы пользовались слѣдующими источниками, доставившими намъ главнѣйшій матеріалъ: рѣшеніями третейскихъ и волостныхъ судовъ, охватывающими 34 волости за періодъ времени отъ 40-го до 85-го г., т.-е. свыше сорока-пяти лѣтъ; значительнымъ количествомъ мірскихъ приговоровъ, составлявшихся по разнообразнымъ поводамъ, преимущественно во второй половинѣ 40-хъ и въ 50-хъ годахъ нашего столѣтія; рѣшеніями различныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ—мировыхъ посредниковъ, чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ и т. д.—за 60-е и 70-е годы. Провѣркой и дополненіемъ этихъ матеріаловъ намъ служили личныя наблюденія, а также подробное мѣстное изслѣдованіе общинныхъ формъ въ пяти южныхъ волостяхъ Алтайскаго округа.

крестьянъ и крестьянъ-переселенцевъ, а также горнозаводскаго населенія, нужно считать за 8 милліоновъ десятинъ. Но возьмемъ для разсчетовъ первую цифру. Число „годныхъ работниковъ", т.-е. лицъ мужского пола, въ возрастѣ отъ 18 до 57 лѣтъ, въ тотъ періодъ времени считалось около 119.628 чел.; слѣдовательно, среднее земельное довольствіе на работника выразится въ 62,5 десятинахъ. Для отдѣльныхъ уѣздовъ, входящихъ въ составъ округа, эта цифра измѣняется въ такой послѣдовательности: для Бійскаго—44,1 дес., Барнаульскаго—65,4, Кузнецкаго—71,5 и, наконецъ, для пяти волостей Томскаго—106,1.

Какъ ни краснорѣчивы эти цифры сами по себѣ, но въ сущности и онѣ еще не вполнѣ точно обрисовываютъ истинное положеніе дѣла, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ количество удобныхъ земель, находящихся въ крестьянскихъ дачахъ, значительно выше тѣхъ цифръ, которыя выводятся на основаніи межевыхъ работъ начала текущаго столѣтія. Нѣкоторые факты, обнаружившіеся въ послѣднія 15—20 лѣтъ, неопровержимо показали это. Не будемъ подробно останавливаться на этой сторонѣ дѣла и ограничимся двумя-тремя наиболѣе крупными фактами.

Имѣя основаніе сомнѣваться въ точности оффиціальныхъ данныхъ о размѣрахъ земельнаго довольствія казачьихъ поселковъ на Алтаѣ, генералъ-губернаторъ Казнаковъ распорядился о производствѣ повѣрочныхъ работъ, которыя дали бы точныя цифры количества земельныхъ угодій, находящихся въ пользованіи у казаковъ такъ-называемой Бійской линіи. Казачья межевая партія произвела измѣреніе въ 1876 г., причемъ оказалось большое несходство данныхъ межеванія 1816—30 гг. съ тѣмъ, что было въ натурѣ. Такъ, напримѣръ, въ заселкѣ Антоньевскомъ, вмѣсто 12.429 десятинъ, оказалось 21.829, въ Тигрицкомъ—17.538 десят., вмѣсто 9.600 и т. д. Подобные же результаты дала и болѣе поздняя провѣрка собственно вычисленій количества удобныхъ земель въ крестьянскихъ селеніяхъ округа, значащихся въ разрядѣ малоземельныхъ, т.-е. имѣющихъ менѣе 15 дес. на душу. Изъ 75 селеній этого рода только въ 14 удобной земли на душу приходилось, дѣйствительно, менѣе нормы, во всѣхъ же остальныхъ значительно болѣе, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ обнаруженная разница достигаетъ внушительныхъ размѣровъ: напримѣръ, въ д. Трусовой на душу приходилось 216 дес., въ Осколковой—256, въ Нижне-Кучукской—1.251 дес. и т. д. Получаемая разница объясняется, какъ несовершенствомъ работъ начала текущаго столѣтія, такъ, можетъ

быть, еще болѣе и тѣмъ, что самое опредѣленіе земель, раздѣленіе ихъ на „удобныя“ и „неудобныя“ въ то время и теперь довольно разнится между собой. Въ 20—30-хъ годахъ нерѣдко заносились въ разрядъ неудобныхъ земли вполнѣ пригодныя для культуры, какъ, напримѣръ, такъ называемыя „кипцеватыя степи“, дающія въ настоящее время лучшіе урожаи пшеницы на Алтаѣ [2]).

Какъ бы тамъ ни было, для насъ важно отмѣтить здѣсь одно, именно, что въ крестьянскихъ дачахъ удобныхъ земель нерѣдко оказывается болѣе, нежели въ нихъ числится согласно межевымъ даннымъ 20—30 гг. (обратнаго случая мы не знаемъ), и что часть удобныхъ земель была занесена въ разрядъ неудобныхъ, почему на всѣ цифры, относящіяся къ количеству земельныхъ угодій, которыми пользуется алтайское крестьянство, слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на приблизительныя, и притомъ минимальныя.

Мы уже видѣли, какъ сильны колебанія средняго размѣра землевладѣнія по отдѣльнымъ уѣздамъ округа. Колебанія эти еще сильнѣе, если для сравненія брать не такіе обширные районы, какъ сибирскіе уѣзды (округа), а болѣе мелкія единицы—волости, селенія. Для волостей колебанія выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ:

Уѣздъ (округъ):	Волость:	Maximum десятинъ на работн.:	Волость:	Minimum десятинъ на работн.:	Во сколько разъ maximum превышаетъ minimum для уѣзда:
1. Кузнецкій . . .	Верхотомская .	112,6	Кузнецкая . .	43,2	2,6
2. Томскій	Оятинская . .	138,5	Чаусская . . .	56,5	2,4
3. Барнаульскій. .	Лянинская . .	200	Малышевская .	35,5	5,7
4. Бійскій	Ново-Алейская.	243,6	Локтевская . .	8,4	30,3

Такимъ образомъ наибольшія колебанія имѣютъ мѣсто въ Бійскомъ округѣ, т.-е. въ томъ именно, гдѣ въ среднемъ на работника приходится minimum десятинъ земли; напротивъ, наименьшія колебанія—въ Томскомъ, занимающемъ первое мѣсто по среднему количеству земли на работника. Выражаясь иначе: высота колебаній въ округѣ обратно пропорціональна земельному довольствію на работника.

[2]) Въ упомянутой д. Трусовой болѣе 12.000 дес. удобной земли, между тѣмъ какъ по даннымъ межеванія всего 409 дес. Эта разница получилась именно вслѣдствіе отношенія „кипцеватыхъ степей“ въ разрядъ неудобныхъ.

Неменьшія колебанія наблюдаются и по отношенію отдѣльныхъ селеній. Не имѣя возможности перечислять здѣсь много деревень, ограничимся нѣсколькими примѣрами. Мы уже видѣли селеніе Нижне-Кучукское, имѣющее по 1.251 дес. на работника; въ той же Нижне-Кулундинской волости есть деревня Леньковская, въ которой земли на работника приходится всего лишь по 13,9 дес., и д. Гилевка съ надѣломъ въ 18,2 дес. на работника; въ Верхотомской вол. д. Черемшанская располагаетъ 134 дес., а Кауровка 24,1 дес. на работника. Въ с. Ново-Алейскомъ, волости того же имени, на работника приходится 1.100,6 дес., а въ дер. Оловянишниковой и Половинкиной (сложная община) по 81,4 д.; въ Ояшинской вол. деревни Елбанская, Верхъ-Елбанская и Карасева (сложная община) имѣютъ по 2.001,5 дес., а д. Каменская—26 на работника и т. д., и т. д. Но еще большая разница получается, если мы возьмемъ для сравненія общины различныхъ волостей, напримѣръ, хоть ту же Елбанско-Карасевскую сложную и д. Сибирячиху [3]) Ануйской вол., которая имѣетъ около 4,6 дес. на работника, или д. Поперечную Риддерской вол., располагающую 3 дес. удобной земли на работника.

Неравномѣрность въ распредѣленіи земли между селеніями—явленіе, свойственное далеко не одному Алтаю: то же самое наблюдается, хотя, быть можетъ, и въ нѣсколько менѣе рѣзкихъ чертахъ, и въ другихъ округахъ Сибири [4]), гдѣ земли много, гдѣ существуетъ или существовалъ недавно захватъ, какъ преобладающій способъ пользованія землею, гдѣ, выражаясь оффиціальнымъ языкомъ, крестьянское землевладѣніе еще „не устроено", а не устроено оно во всей Сибири. Кто приходилъ въ страну и селился въ ней ранѣе, когда свободныхъ, пустующихъ пространствъ было больше, и не встрѣчалось серьезныхъ препятствій къ занятію ихъ, тотъ захватывалъ земель больше, захватывалъ столько, сколько позволяли личныя силы, личная энергія. На долю позднѣйшихъ пришельцевъ доставалось уже менѣе свободныхъ пространствъ, а слѣдовательно, и размѣры ихъ землевладѣнія должны были имѣть, относительно говоря, болѣе тѣсныя границы. Я беру здѣсь, такъ сказать, естественный ходъ вещей, не осложненный внѣшнимъ вмѣшательствомъ въ отношенія населенія къ

[3]) Въ *послѣднее время* въ этомъ селеніи размѣръ землевладѣнія измѣнился, благодаря произведеннымъ прирѣзкамъ.

[4]) Ранѣе я уже имѣлъ случай отмѣтить подобное же явленіе въ Тюкалинскомъ округѣ Тобольской губ. („Очеркъ формъ пользованія землей у крестьянъ Тюкалинскаго округа", Вост. Обозр., 87 г., №№ 15, 18, 20, 21 и 26).

землѣ, каковымъ были — подчиненіе казаковъ и инородцевъ опредѣленному надѣлу, земельное устройство горнозаводскихъ крестьянъ послѣ 1861 года и проч. Всѣ эти и нѣкоторые другіе факты, представляемые прошлымъ Алтая, не имѣли вліянія на общую физіономію *крестьянскаго* землевладѣнія, которое одно только мы и имѣемъ въ виду въ данную минуту.

Алтайское крестьянство, за весьма немногими исключеніями, было прикрѣплено къ заводамъ и рудникамъ, отбывало обязательныя работы, о тяжести которыхъ современныя поколѣнія не имѣютъ и понятія; было подчинено во многихъ отношеніяхъ руднично-заводской администраціи и пр.—вообще, въ своихъ дѣйствіяхъ оно было стѣснено до чрезвычайности, и это не могло не отразиться на многихъ сторонахъ народной жизни. Но распоряжаясь трудомъ, самой личностью крестьянина, прежній порядокъ почти не касался его отношеній къ землѣ, оставляя ему почти полную свободу дѣйствій въ этой области. Говоримъ „почти", потому что вмѣшательство было и здѣсь, напримѣръ, въ случаяхъ несогласій и споровъ сосѣднихъ селеній изъ-за земли, при переселеніяхъ и т. п., но все это носило иной характеръ.

Предоставленное самому себѣ, имѣя вокругъ массы свободныхъ, никѣмъ не занятыхъ земель, фактическое распоряженіе которыми было почти неограничено, крестьянство самостоятельно вырабатывало и формы пользованія землей. Какъ увидимъ ниже, эти формы имѣютъ много общаго съ тѣми, которыя были выработаны нашимъ крестьянствомъ не только въ Сибири, но и во многихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи, именно тамъ, гдѣ была свобода въ распоряженіи землей, гдѣ были просторъ и приволье [5]). Упомянутая выше неравномѣрность въ распредѣленіи земель между отдѣльными общинами, а также сложная, волостная община на ряду съ захватнымъ способомъ землепользованія являются, какъ мы укажемъ въ другомъ мѣстѣ, характернѣйшими признаками самостоятельно слагающихся формъ народнаго землевладѣнія.

По формамъ землевладѣнія Алтайскій округъ представляетъ довольно значительное разнообразіе, что и понятно, если принять во вниманіе обширность района, съ одной стороны, а съ другой—составъ населенія, отдѣльныя группы котораго рѣзко различаются между собой и по общему складу жизни, и, еще

[5]) См. земскіе „Сборники статистическихъ свѣдѣній" по Таврической, Екатеринославской, Саратовской, Воронежской и др. губерніямъ, а также изслѣдованія, посвященныя сѣверу Россіи,—гг. Лагоша, Щербины, Соколовскаго—и посвященныя Сибири—гг. Щапова, Колмогорова и др.

болѣе, по своему историческому прошлому: осѣдлые инородцы, эти исконные обитатели страны, русскіе крестьяне, отставные мастеровые и „урочники", составляющіе горнозаводское населеніе, и, наконецъ, казаки—все это группы, имѣющія между собой мало общаго, живущія болѣе или менѣе обособленной жизнью. Понятно, что и юридическія права каждой изъ группъ на землю далеко неодинаковы, и формы землепользованія у нихъ въ извѣстной степени должны быть отличны другъ отъ друга, должны носить нѣкоторыя характерныя особенности, хотя бы уже въ силу своего первоначальнаго происхожденія.

Въ самомъ дѣлѣ, сравнивая земельные порядки, существующіе у алтайскихъ крестьянъ и, положимъ, у горнозаводскихъ обывателей, мы наблюдаемъ разницу во всемъ, начиная съ права на землю и кончая формами пользованія отдѣльными угодьями. Горнозаводское населеніе, по освобожденіи отъ обязательнаго труда на заводахъ и въ рудникахъ въ 1861 г., получило надѣлъ по уставнымъ грамотамъ, которыми и опредѣляются его права на землю: частью земель оно владѣетъ на правѣ полной собственности; часть ихъ была предоставлена въ пожизненное пользованіе отставнымъ мастеровымъ и урочникамъ; наконецъ, нѣкоторыя земли до сихъ поръ состоятъ въ совмѣстномъ, нераздѣльномъ пользованіи горнозаводскихъ селеній и заводовъ. Ничего подобнаго нѣтъ по отношенію къ крестьянскому населенію: это послѣднее, хотя со времени освобожденія минуло уже тридцать лѣтъ, до сихъ поръ еще „не устроено", и его право на землю опредѣляется исключительно давностью пользованія, закрѣпленною закономъ 8 марта 1861 г.

Излишне, разумѣется, говорить о вліяніи, какое размѣръ землепользованія оказываетъ на формы общины, разъ онъ переходитъ извѣстныя границы. Для разсматриваемыхъ же группъ алтайскаго населенія разница въ размѣрахъ землепользованія чрезвычайно велика: средній размѣръ крестьянскаго землепользованія, напримѣръ, въ Барнаульскомъ округѣ 67,8 десятинъ, а для горнозаводскихъ волостей онъ будетъ выражаться въ 1,5 десят. на работника. Уже это одно объясняетъ, почему въ общинахъ горнозаводскихъ не имѣетъ мѣста такъ называемый захватъ, являющійся преобладающей формой пользованія землей въ крестьянскихъ общинахъ. Это различіе можно бы провести и дальше на способы отбыванія денежныхъ повинностей, на право выхода членовъ изъ общины и пр.

Все только что сказанное, хотя, можетъ быть, и не въ такой степени, относится и къ другимъ общинамъ Алтая—

казачьей и осѣдло-инородческой—, такъ какъ каждая изъ нихъ имѣетъ свои болѣе или менѣе характерныя особенности, и это-то обстоятельство, т.-е. разнородность общинъ, обязываетъ изслѣдователя быть возможно осторожнѣе въ обобщеніяхъ, обязываетъ разсматривать каждую изъ указанныхъ общинъ отдѣльно, отнюдь не смѣшивая ихъ между собою.

Предлагаемая статья имѣетъ въ виду исключительно общину бывшихъ заводскихъ и государственныхъ крестьянъ, составляющихъ главную массу алтайскаго населенія, и приводимые въ ней факты не должны быть распространяемы на весь Алтай, а тѣмъ болѣе на всю Сибирь.

Прежде, чѣмъ перейти къ изученію алтайской крестьянской общины, необходимо сказать два слова по поводу терминовъ, которые намъ придется часто употреблять въ дальнѣйшемъ изложеніи, а именно, „землевладѣніе“ и „землепользованіе“. Оба эти термина, въ примѣненіи къ общинной жизни народа, въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ порождать извѣстное недоразумѣніе, ибо съ ними обыкновенно связывается вполнѣ опредѣленное представленіе, къ сожалѣнію, не всегда отвѣчающее фактическимъ отношеніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли говорить о крестьянскомъ *землевладѣніи* на Алтаѣ, придавая этому выраженію общеупотребительный смыслъ, когда здѣсь не найдется ни одной десятины, которая дѣйствительно принадлежала бы крестьянскимъ обществамъ [6]), а не находилась лишь въ ихъ пользованіи.—Владѣльцемъ всѣхъ тѣхъ семи съ половиной милліоновъ десятинъ, которыми пользуются крестьяне, является одинъ лишь Кабинетъ Его Величества [7]).

Отбросивши въ данномъ случаѣ терминъ „землевладѣніе“, какъ не отвѣчающій дѣйствительности, пришлось бы волей-неволей расширить значеніе другого термина—„землепользованіе“: употреблять его то въ смыслѣ опредѣленія права общины на землю, которой она распоряжается, то въ смыслѣ внутреннихъ распорядковъ общины, какъ, напримѣръ, пользованіе землей на началахъ захвата, пользованіе съ уравнительными раздѣлами и т. д. Такая растяжимость и неопредѣленность термина крайне неудобна, такъ какъ требуетъ въ каждомъ данномъ случаѣ точнаго опредѣленія того смысла, въ какомъ это выраженіе употребляется. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы употребляемъ оба

[6]) Я не имѣю здѣсь въ виду немногихъ отдѣльныхъ крестьянъ, частныхъ собственниковъ небольшихъ участковъ усадебной земли въ горнозаводскихъ селеніяхъ, доставшейся имъ путемъ купли-продажи.

[7]) См. Св. Зак., т. VII, Уст. Горн.

термина, но придаемъ имъ болѣе тѣсный, условный смыслъ, что, по нашему мнѣнію, устраняетъ могущія возникать недоразумѣнія. Подъ *землевладѣніемъ* мы будемъ понимать тѣ формы, въ которыя отливается право на землю всей общины, взятой въ цѣлости, независимо отъ вопроса, на какихъ условіяхъ земля находится въ распоряженіи общины, независимо отъ характера и происхожденія этого права; такъ, напримѣръ, волостную, деревенскую, раздѣльную общины мы относимъ къ формамъ землевладѣнія. Въ противоположность этому, подъ *землепользованіемъ* мы понимаемъ внутренніе распорядки землей въ общинѣ—систему захвата и заимки, передѣлы и т. п.

По находящимся въ нашемъ распоряженіи матеріаламъ, формы крестьянскаго землевладѣнія на Алтаѣ имѣютъ своими крайними выраженіями, съ одной стороны, сложную общину—общину-волость, а съ другой,—такъ называемую раздѣльную общину; среднее же мѣсто занимаетъ община—селеніе. Преобладающей формой является послѣдняя, т.-е. община деревенская, что видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ 1888 г. въ Алтайскомъ округѣ насчитывалось до 1.194 старыхъ крестьянскихъ общинъ [3]), изъ которыхъ однодеревенскихъ было 1.058 и сложныхъ—147. Такимъ образомъ для всего округа сложныя (составныя) общины составляютъ 11,4% всего числа крестьянскихъ общинъ. Распредѣленіе тѣхъ и другихъ по отдѣльнымъ районамъ Алтая, а также размѣры сложныхъ общинъ сгруппированы нами въ слѣдующую табличку:

Округа:	Число всѣхъ старыхъ кр. общинъ:	Число сложныхъ общинъ:	%-ное отношеніе сложныхъ общинъ ко всему количеству:	Среднее число селеній въ сложной общинѣ:	Maximum селеній въ сложной общинѣ:
1. Барнаульскій	498	60	12	2,6	22
2. Бійскій	332	13	3,6	2,3	5
3. Кузнецкій	207	49	23,6	2,7	8
4. Пять волостей Томскаго.	157	25	15,9	3	11
Всего по Алтаю . .	1194	147	11,4	2,7	22

Изъ этихъ цифръ мы видимъ, что сложныя общины встрѣчаются повсемѣстно на Алтаѣ, наибольшее же ихъ количество падаетъ, абсолютно, на Барнаульскій—самый обширный округъ, заключающій въ себѣ 42,9% общаго количества крестьянскихъ

[3]) Общины новыхъ заселковъ, образуемыхъ переселенцами, въ этотъ счетъ не входятъ.

земель—, относительно же,—на Кузнецкій, гдѣ сложныя общины составляютъ 23,6% всего числа крестьянскихъ общинъ; Бійскій округъ, какъ абсолютно, такъ и относительно, занимаетъ послѣднее мѣсто—въ немъ сложныхъ общинъ всего 12, и процентъ ихъ равенъ 3,6. Часть Томскаго округа, входящая въ составъ Алтайскаго горнаго округа, въ разсматриваемомъ отношеніи занимаетъ среднее мѣсто между Барнаульскимъ и Кузнецкимъ.

Громадное большинство современныхъ сложныхъ общинъ на Алтаѣ—а именно 99, что составитъ 73% всѣхъ сложныхъ общинъ—принадлежитъ къ числу мелкихъ, состоящихъ изъ двухъ селеній. Средній составъ для всего округа—2,7 селеній, самая же крупная община—Лянинская, слагающаяся изъ 22 селеній, находится въ Барнаульскомъ округѣ; въ Томскомъ наиболѣе крупная община состоитъ изъ 11 селеній, въ Кузнецкомъ—изъ 8 и, наконецъ, въ Бійскомъ изъ 5 селеній.

На ряду съ составной и однодеревенской общинами, какъ уже сказано, на Алтаѣ существуетъ и раздѣльная. По нашимъ матеріаламъ, такихъ общинъ нѣсколько, и всѣ онѣ образовались путемъ сліянія разнородныхъ элементовъ—поселеній крестьянъ и казаковъ, крестьянъ и горнозаводскихъ обывателей или инородцевъ и крестьянъ. Это, однако, не даетъ намъ права заключать, что на Алтаѣ нѣтъ раздѣльныхъ общинъ, части которыхъ составляли бы вполнѣ однородные элементы: Алтай слишкомъ обширенъ и разнохарактеренъ, слишкомъ еще мало изученъ для подобныхъ рѣшительныхъ выводовъ.

II.

Возникновеніе только что указанныхъ формъ землевладѣнія на Алтаѣ находитъ свое объясненіе въ историческомъ прошломъ края и въ общихъ физико-географическихъ особенностяхъ его.

Заселеніе Алтайскаго округа, въ своихъ главныхъ чертахъ, носитъ тотъ же характеръ, какъ и заселеніе другихъ мѣстностей Сибири. Прежде всего мы встрѣчаемся здѣсь съ сѣверянами, которые селятся въ мѣстностяхъ, лежащихъ въ теперешнемъ Кузнецкомъ и въ южныхъ волостяхъ Томскаго округа; затѣмъ идетъ правительственная колонизація, преслѣдующая отчасти военно-политическія, отчасти промышленныя цѣли; далѣе появляются, но уже много южнѣе (въ теперешнихъ Барнаульскомъ и Бійскомъ округахъ) вольные переселенцы—раскольники и помѣщичьи крестьяне, бѣжавшіе на окраины отъ преслѣдованій и общаго

гнета; продолжаютъ прибывать также и сѣверяне-промышленники. Въ половинѣ прошлаго столѣтія является на Алтай Демидовъ и переводитъ съ Урала своихъ крѣпостныхъ. Въ виду развитія руднично-заводскаго дѣла усилилась надобность въ принудительной правительственной колонизаціи, ибо разработка нѣдръ, выработка металла, а также содержаніе заводско-рудничнаго люда требовали такого количества рабочихъ силъ, какимъ въ то время Алтайскій округъ не могъ обладать; потребовались заботы о развитіи хлѣбопашества, объ улучшеніи путей сообщенія, о болѣе дѣйствительной охранѣ границы отъ набѣговъ манчжуръ и проч. Отсюда—усиленное переведеніе крестьянъ на Алтай и приписка ихъ къ заводамъ, ссылка раскольниковъ, проложеніе трактовъ и образованіе „ямовъ", проведеніе казачьей пограничной „линіи" и т. д., въ чемъ выразились заботы правительства о развитіи горной промышленности въ краѣ. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще постоянный притокъ такъ называемыхъ „самовольныхъ" переселенцевъ—выходцевъ, какъ изъ Европейской Россіи, такъ и изъ другихъ пунктовъ Сибири,—притокъ, особенно усилившійся въ первой половинѣ текущаго столѣтія, и съ этимъ притокомъ безплодной оказалась борьба мѣстныхъ правительственныхъ агентовъ.

Я не буду здѣсь подробно излагать исторію заселенія Алтая, такъ какъ для цѣлей настоящей статьи достаточно отмѣтить общій характеръ колонизаціи.

Итакъ одной изъ характерныхъ чертъ первоначальнаго заселенія края является разнородность переселявшихся элементовъ — крестьяне, казаки, рабочіе на заводахъ и рудникахъ. Каждая изъ этихъ группъ, будучи поставлена въ отличныя соціально-экономическія условія, впослѣдствіи выработала и отличныя формы землевладѣнія — общины крестьянскую, казачью, горнозаводскую.

Другой чертой, также имѣвшей извѣстное вліяніе на будущія формы землевладѣнія, являются медленность и недостаточная интенсивность колонизаціоннаго потока [9]). Незначительное на-

[9]) Вотъ нѣкоторыя цифры возрастанія населенія на Алтаѣ:

По 3-й	народной	переписи	въ	1763	г.	состояло	крестьянъ	28,747 душъ.
„ 4-й	„	„	„	1781	„	„	„	43,908 „
„ 5-й	„	„	„	1798	„	„	„	62,590 „
„ 6-й	„	„	„	1812	„	„	„	84,115 „
„ 7-й	„	„	„	1817	„	„	„	86,955 „
„ 8-й	„	„	„	1834	„	„	„	112,262 „
„ 9-й	„	„	„	1850	„	„	„	137,043 „
„ 10-й	„	„	„	1858	„	„	„	145,012 „

селеніе разсѣивалось группами на пространствѣ громаднѣйшей территоріи; при этомъ нужно еще имѣть въ виду, что часть его сосредоточивалась въ рудникахъ и заводахъ, слѣдовательно, на селенія округа приходилось еще меньше. Отсюда, обширность первоначальныхъ размѣровъ землевладѣнія, а также возможность не дорожить землей и, слѣдовательно, разбрасываться, т.-е. еще болѣе расширять границы землевладѣнія.

Происходило-ли заселеніе путемъ вольной или принудительной колонизаціи, по отношенію къ землѣ сохранялась во всякомъ случаѣ полнѣйшая свобода: каждому въ отдѣльности и всѣмъ вмѣстѣ предоставлялось пользоваться землей въ какихъ угодно размѣрахъ и формахъ. Мы говоримъ о времени, слѣдовавшемъ за открытіемъ заводско-рудничнаго производства въ краѣ. Въ глазахъ правящихъ элементовъ, все богатство края сосредоточивалось въ его нѣдрахъ, а потому вниманіе мѣстныхъ правительственныхъ агентовъ было обращено исключительно на этотъ пунктъ; всѣ усилія были направлены именно сюда,—на развитіе заводско-рудничнаго дѣла и золотопромышленности. Понятно, что, при господствѣ такого взгляда, земля, какъ предметъ культуры, утрачивала почти всякую цѣнность, и ею весьма мало дорожили. Если на что и обращалось нѣкоторое вниманіе, такъ это на лѣса, но и тутъ съ совершенно условной точки зрѣнія заводско-рудничнаго хозяйства. Такимъ образомъ, обширнѣйшія пространства превосходныхъ земель округа были открыты чуть не для каждаго желающаго и во всякомъ случаѣ для всѣхъ, такъ или иначе уже переселившихся на Алтай.

Вотъ при такихъ-то общихъ условіяхъ сложились первоначальныя формы крестьянскаго землевладѣнія на Алтаѣ. Всякій, селившійся здѣсь, находилъ массу свободныхъ, пустующихъ земель, во-первыхъ, и возможность завладѣвать и пользоваться ими, во-вторыхъ. Понятно, что, ничѣмъ не сдерживаемые, кромѣ чисто внѣшнихъ, стихійныхъ препятствій да обязанности выселиться на новое мѣсто, въ случаѣ открытія на занятомъ участкѣ рудныхъ мѣсторожденій, пришельцы обращались къ захвату окружающихъ земельныхъ богатствъ въ совершенно произвольныхъ размѣрахъ: каждый заселокъ, въ первыя же нѣсколько лѣтъ

Такимъ образомъ за 95 лѣтъ населеніе возросло въ пять разъ. Если принять во вниманіе обширность района (по Стрельбицкому и Мейсну 1-му, въ округѣ считается до 400 т. кв. в., въ заселенной же его части до 233 тыс. кв. в.), усиленную принудительную колонизацію, а также и то, что Алтай съ давнихъ поръ привлекаетъ ищущихъ „гдѣ лучше“, то нужно признаться, что результаты столѣтней колонизаціи не особенно внушительны.

своего существованія, успѣвалъ захватить такое количество земли, котораго съ избыткомъ хватило бы для населенія въ десять разъ бо̀льшаго. Предѣлы дальнѣйшимъ захватамъ клали или недостатокъ личныхъ силъ общины, или же развитіе и захваты сосѣднихъ общинъ. Отсюда та обширность крестьянскихъ дачъ, какую мы видимъ въ большинствѣ случаевъ на Алтаѣ.

До 1773 года право крестьянскихъ общинъ на занимаемую ими землю опредѣлялось единственно фактомъ перваго завладѣнія, захватомъ. Но 13 февраля этого года былъ изданъ указъ [10], на имя Иркутскаго и Колывано-воскресенскаго губернатора Якобія о снятіи окружной межою заселенныхъ пунктовъ Алтая, „чтобы видѣть, гдѣ есть еще удобныя мѣста къ поселенію". Въ томъ же году, но нѣсколько позже, были подчинены шестидесятинному на душу надѣлу казаки Бійской линіи [11]). Несмотря на эти указы, лишь немногія селенія были обмежеваны въ прошедшемъ и началѣ текущаго столѣтія; только къ началу 20-хъ годовъ Колывано-воскресенское горное начальство предприняло общее измѣреніе и описаніе земель округа, находящихся въ пользованіи крестьянскихъ общинъ, что и было исполнено къ 1837 году. Около этого же времени (1816—23 гг.) состоялся отводъ надѣла Бійскимъ казакамъ.

Несмотря на то, что конечной цѣлью предпринятыхъ межевыхъ работъ было ограниченіе крестьянскаго землевладѣнія и введеніе его въ рамки пятнадцатидесятиннаго надѣла на душу, въ дѣйствительности дѣло свелось лишь на опредѣленіе границъ существующаго землевладѣнія и на приведеніе его въ извѣстность. На планы наносились крестьянскія дачи въ томъ именно видѣ, въ какомъ заставало ихъ межеваніе; границы каждой общины опредѣлялись черезъ удостовѣреніе „лучшихъ людей", избиравшихся обществами сосѣднихъ селеній. Этими работами, носившими характеръ предварительныхъ изслѣдованій, въ глазахъ крестьянской массы ея право на занятыя земли получало утвержденіе, какъ бы санкціонировалось правительственною властью. Нечего и говорить, что въ юридическомъ отношеніи право крестьянскихъ общинъ на землю осталось столь же неопредѣленно и шатко послѣ „отводовъ" 20—30-хъ годовъ, какъ и до нихъ.

Впослѣдствіи во многихъ общинахъ подверглись измѣненію и тѣ границы владѣнія, какія были наносены на планы. Подъ вліяніемъ неравномѣрнаго движенія населенія въ различныхъ

[10]) Въ Полномъ Собраніи Законовъ намъ не удалось найти его.

[11]) 27 марта 1773 г. Полн. Собр. Зак., № 13967.

селеніяхъ, болѣе или менѣе замѣтно измѣнялось и среднее количество земли, приходящееся на душу въ этихъ общинахъ — въ однѣхъ оно увеличивалось, въ другихъ, напротивъ, уменьшалось. Для устраненія возникавшаго такимъ путемъ неравенства землевладѣнія производились „уравнительныя по числу душъ“ разверстки земли между общинами, чѣмъ старыя границы уничтожались, и устанавливались новыя. Иногда „равненіе“ происходило между двумя общинами, иногда же оно охватывало болѣе или менѣе значительное число селеній. Приведемъ для иллюстраціи нѣсколько фактовъ этого рода.

Общество селенія Сростокъ Алтайской волости постановило 12 іюня 1853 года приговоръ о производствѣ уравненія владѣнія между своимъ селеніемъ и селеніемъ Енисейскимъ Енисейской волости. Основаніе этого приговора слѣдующее: Сростинское селеніе имѣетъ отдѣльную дачу, въ которой, по плану 1824 г., сѣнокосовъ считается 600 десятинъ, что во время межеванія давало по 6 слишкомъ десятинъ на душу; къ 50-мъ годамъ населеніе возросло настолько, что размѣръ луговаго довольствія понизился до 2,9 десятинъ на душу; между тѣмъ въ с. Енисейскомъ при межеваніи приходилось на душу по 9,3 дес., а къ 50-мъ годамъ—по 8,9. Такимъ образомъ, разница получалась очень чувствительная. При осмотрѣ покосовъ въ натурѣ выборные отъ различныхъ окольныхъ деревень и земскій управитель нашли, что справедливѣе произвести отрѣзку не отъ с. Енисейскаго, а отъ станицы Бехтемірской, какъ болѣе многоземельной, что и было выполнено въ 1855 г. Въ томъ же году, по приговору выборныхъ отъ деревень Сосноваго Лога, Ново-Тарабинской, Погорѣльской, Ларіоновой, Дмитро-Титовой, Пѣтушихи, Ново-Оплеухиной, Оплеухиной и Зубоскаловой, произведена отрѣзка 48 десятинъ покоса отъ дачи д. Старо-Тарабинской къ с. Кытмановскому. Въ 1847 г. отъ д. Поросухи Нижне-Кулундинской вол. были отрѣзаны покосы въ пользу крестьянъ д. Платовской Кулундинской волости. Въ 1857 г. отъ д. Парфеновой отрѣзано 150 десятинъ сѣнокоса для д. Песчаной Касмалинской вол. Въ 1856 г. произведены отрѣзки покосовъ отъ д. Тутальской къ д. Моховой Тутальской вол., отъ Шёршнихи къ Гордѣевой Заимкѣ Бѣлоярской волости, и т. д., и т. д.

Нерѣдко — и это заслуживаетъ особеннаго вниманія — въ переверсткахъ принимали участіе и такія общины, которыя сами ни мало не были заинтересованы въ измѣненіи границъ. Такъ, напримѣръ, въ 1853 г. д. Морозова Бердской волости, въ виду

ощущаемаго въ ея дачѣ недостатка хлѣбопахотныхъ и сѣнокосныхъ земель, возбудила вопросъ о „равненіи“, который разрѣшился 16 мая 1854 г. приговоромъ „лучшихъ людей“ различныхъ селеній волости; содержаніе этого приговора таково: въ виду дѣйствительнаго недостатка угодій въ дачѣ д. Морозовой, произвести ей прирѣзку изъ дачи сосѣдняго селенія Тальменскаго, которому, въ свою очередь, въ томъ же количествѣ отрѣзать земель изъ дачи третьяго, смежнаго съ нимъ, селенія—Чернорѣченскаго, какъ самаго богатаго землей сравнительно съ другими окрестными селеніями. Здѣсь с. Тальменское, не обладая излишкомъ или недостаткомъ земли, играло лишь передаточную, такъ-сказать, роль. Благодаря его участію, въ переверсткѣ, устранялась черезполосица, которая возникла бы въ противномъ случаѣ, такъ какъ дачи дд. Морозовой и Чернорѣченской не соприкасаются — между ними лежитъ дача Тальменская. Такимъ путемъ въ очень многихъ общинахъ границы установились совершенно новыя [12]).

Рядомъ съ этимъ имѣло мѣсто и другого рода явленіе, приведшее къ тѣмъ же результатамъ, т.-е. къ измѣненію прежнихъ границъ. Межеваніе 20 — 30-хъ годовъ не могло, разумѣется, внести никакого новаго элемента въ отношенія крестьянства къ землѣ; естественно, что и послѣ „отводовъ“ процессъ развитія общинъ шелъ своимъ чередомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, гдѣ была необходимость и возможность, шло и расширеніе границъ земле-владѣнія нѣкоторыхъ общинъ — захватъ продолжалъ играть ту же роль, что и прежде. Расширеніе границъ производилось, какъ на счетъ пустолежащихъ, свободныхъ земель, находившихся въ междугранныхъ пространствахъ, такъ и на счетъ дачъ сосѣдей, гдѣ это было возможно. Такіе захваты производили какъ одно-деревенскія, такъ и составныя общины. Напримѣръ, одна община, состоящая изъ селеній Красноярскаго и Вавилонскаго Убинской волости, захватила междугранное пространство, пригодное для хлѣбопашества. Впослѣдствіи эта мѣстность была раздѣлена

[12]) Это стремленіе крестьянъ къ равненію и переверсткамъ находило поддержку въ дѣйствовавшемъ законоположеніи, а именно: въ ст. 1772 VII т. и составляющей ея дальнѣйшее развитіе 2025 ст. VII т.; объ эти статьи предписываютъ горнозаводской администраціи наблюдать, „чтобы земли между волостями приписныхъ крестьянъ и заводскими людьми раздѣлены были уравнительно“; другими статьями предписывается также уравнительное распредѣленіе обязательныхъ работъ и повинностей населенія. На практикѣ „наблюденіе“ за уравнительностью въ землепользованіи выражалось лишь въ томъ, что ходатайство крестьянъ переверсткахъ не встрѣчало противодѣйствія, и равненіе въ такихъ случаяхъ производилось при прямомъ или косвенномъ участіи земскаго управителя.

между названными деревнями при участіи третейскаго суда. Мы не можемъ съ точностью указать количества этого рода захватовъ, но оно во всякомъ случаѣ очень велико, на что указываетъ масса земельныхъ споровъ, возникающихъ до сихъ поръ изъ-за захватовъ—большинство споровъ обязано своимъ происхожденіемъ именно захватамъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что такимъ путемъ захватывались не только свободныя земли и земли другихъ крестьянскихъ же общинъ, но и инородческія, и надѣльныя казачьи.

Характернымъ примѣромъ того, какъ измѣнились размѣры и границы крестьянскаго землевладѣнія со времени общаго межеванія, можетъ служить Бійская волость, земли которой описаны и приведены въ извѣстность въ 1822 г. Изъ числа 21 селенія, обмежеваннаго въ этомъ году, въ настоящее время въ волости состоитъ 17 (четыре были причислены къ другимъ волостямъ). Со времени межеванія до 1856 г. въ предѣлахъ волости образовалось новое селеніе Терское, получившее отводъ изъ свободныхъ земель; послѣ ревизіи до 1874 г. образовалось еще три селенія, которымъ земля не была отведена,—деревни Большерѣченская, Усть-Гавриловка, Южакова; наконецъ, въ 1882 г. образовались еще три деревни — Ново-Еловская, Вершинская и Сошникова, частью на свободныхъ земляхъ, частью на отведенныхъ переселенцамъ. Такимъ образомъ, почти до настоящей минуты происходитъ постоянное измѣненіе границъ и распредѣленіе земель волости между старыми и новыми селеніями.

Итакъ во многихъ общинахъ, имѣющихъ планы прежняго межеванія, границы землевладѣнія измѣнялись, и въ нѣкоторыхъ, вѣроятно, не одинъ разъ, вслѣдствіе чего измѣнилось нѣсколько и юридическое положеніе этихъ общинъ, а слѣдовательно, и способъ защиты этого владѣнія: въ то время, какъ общины, сохранившія границы 20-хъ, 30-хъ годовъ, опираются на межевые документы—планы и полевые журналы, другія основываютъ свое право на полюбовныхъ разводахъ, давности владѣнія и т. п. Оба указанныя явленія въ связи съ самой неопредѣленностью юридическихъ правъ алтайскаго крестьянства на землю, послужили причиной возникновенія впослѣдствіи громаднаго количества земельныхъ споровъ, тяжбъ и вообще обостренія междуобщинныхъ отношеній, рискующаго, при извѣстныхъ условіяхъ, принять очень прискорбный характеръ и размѣры.

Когда въ 1855 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о

производствѣ топографической съемки Алтая, мѣстная горнозаводская администрація вновь подняла старый вопросъ о земельномъ устройствѣ крестьянъ черезъ отведеніе пятнадцати десятиннаго на душу надѣла; предполагалось, одновременно со съемкой, произвести и размежеваніе заводскихъ земель, занятыхъ крестьянами и инородцами, составить на всѣ селенія новые планы и проч. Съемочная работа оказалась, однако, слишкомъ сложной и обширной, чтобы соединять ее съ такимъ, въ свою очередь, громаднымъ дѣломъ, какъ поземельное устройство всего алтайскаго крестьянства, и дѣло опять было отложено на неопредѣленное время, какъ отложены и производившіяся уже нѣсколько лѣтъ топографическія работы.

Наступилъ, наконецъ, 1861 годъ и освобожденіе приписныхъ къ заводамъ крестьянъ отъ обязательнаго труда; вмѣстѣ съ тѣмъ, закономъ (8 марта) было признано право крестьянскихъ общинъ на всѣ занимаемыя ими земли, впредь до приведенія въ извѣстность и размежеванія земель Алтайскаго горнаго округа, иначе говоря—впредь до окончательнаго поземельнаго упроченія крестьянскаго населенія [13]). Этимъ закономъ и въ настоящій моментъ опредѣляются всѣ права старыхъ крестьянскихъ общинъ на состоящія въ ихъ распоряженіи земли.

III.

Подъ волостной, сложной общиной въ настоящее время принято понимать такую, въ составъ которой входитъ болѣе одного селенія, причемъ совпаденіе или несовпаденіе границъ такой общины съ границами волости, какъ единицы административной, не имѣетъ никакого значенія. Какъ извѣстно, такая община образуется чаще всего путемъ разростанія селенія и выдѣленія имъ хуторовъ, заимокъ, выселковъ, выставокъ и проч., въ свою очередь развивающихся въ болѣе крупные пункты, продолжающіе сохранять земельную связь съ выдѣлившимъ ихъ селеніемъ и между собой. Такой процессъ развитія формъ общины возможенъ лишь при условіи бо́льшаго или меньшаго земельнаго простора, съ одной стороны, и системы захвата,—съ другой.

[13]) Вотъ текстъ этого закона: „Впредь до приведенія въ извѣстность и разграниченія земель Алтайскаго горнаго округа, предоставить крестьянамъ въ оном поселенным, пользованіе всѣми усадебными, пашенными, сѣнокосными и другими угодьями въ тѣхъ размѣрахъ, въ конхъ нынѣ угодія сіи въ ихъ пользованіи состоятъ". (Высочайшій указъ 8 марта 1861 г.).

На Алтаѣ этого рода движеніе имѣло мѣсто не только до общаго межеванія, когда границы общинъ не были еще установлены, но и много времени спустя. Вотъ нѣсколько примѣровъ такого разселенія, относящихся къ срединѣ текущаго столѣтія. Нѣсколько семей крестьянъ д. Панюшевой выселились верстъ за шесть отъ своей деревни, гдѣ и образовали новое селеніе Мало-Панюшеву; д. Бобровка Чарышской вол. — выселокъ д. Нечунаевой; Ново-Колпакова—выселокъ д. Колпаковой Барнаульской вол.; Ново-Моношкина — выселокъ Моношкиной Чумышской волости; Боталова и Порожинская выселки д. Хлопуновой Чарышской вол.; Быструшинская и Зимовская—выселки Секисовой Владимірской вол. и т. д.. Однимъ изъ результатовъ всѣхъ этихъ выселеній было возникновеніе сложной (составной) общины.

На ряду съ фактомъ разселенія возможны случаи и нѣсколько иного характера, но имѣющіе, въ конечномъ результатѣ, то же возникновеніе болѣе крупной земельной единицы—составной общины. Примѣромъ этого рода отчасти можетъ служить только что упомянутая д. Нечунаева. 10 сентября 1865 г. состоялся приговоръ общества этой деревни, которымъ дозволялось нѣсколькимъ семьямъ однообщественниковъ выселиться на дальнія поля нечунаевской дачи, на рѣчку Крутишку и тамъ образовать д. Бобровку; разрѣшеніе это дано было съ тѣмъ условіемъ, чтобы оба селенія „землей пользовались обоюдно впредь до общаго межеванія“. Но новая деревня стала пользоваться землей „въ обоюдѣ“ не только съ нечунаевцами, а также и съ крестьянами двухъ другихъ деревень, составляющихъ одну общину—Шипуновой и Быковой. Такъ возникла земельная связь между общинами, до того пользовавшимися землей совершенно независимо другъ отъ друга, и продолжалась двадцать лѣтъ, пока не начались споры между старыми селеніями и новымъ выселкомъ,—споры, прекращенные въ концѣ 1884 года рѣшеніемъ чиновника по крестьянскимъ дѣламъ, которымъ утверждено пользованіе землей д. Бобровки въ дачѣ Шипуновой и Быковой, причемъ границы этого пользованія не опредѣлены, вслѣдствіе чего общее пользованіе четырехъ перечисленныхъ селеній какъ бы получило утвержденіе свыше; посредствующимъ, связующимъ звеномъ между этими селеніями является выселокъ, выдѣленный однимъ селеніемъ и допущенный на свои земли другими.

Есть, наконецъ, еще одинъ видъ образованія составной общины изъ двухъ или нѣсколькихъ однодеревенскихъ общинъ—именно, путемъ соглашенія, вызваннаго тѣми или другими соо-

браженіями. Намъ извѣстенъ, напримѣръ, слѣдующій случай подобнаго соглашенія на Алтаѣ. Въ 1841 г. Улыбинскую общину Легостаевской волости постигъ неурожай травъ, тяжело отозвавшійся на населеніи. Подъ вліяніемъ этого факта между обществомъ названной деревни и сосѣдней Мильтюшинской общиной состоялось соглашеніе, по которому часть мильтюшинскихъ покосовъ, расположенныхъ по рѣчкѣ Малой Чернодырихѣ, предоставлена въ пользованіе улыбинскому обществу. Такимъ образомъ, въ силу словеснаго соглашенія, нѣкоторые покосы перешли въ распоряженіе двухъ общинъ, дотолѣ совершенно независимыхъ. Въ 1860 г. это соединеніе распалось [14], и каждая изъ общинъ стала пользоваться землей только въ своей дачѣ. Съ подобнымъ фактомъ, но выраженнымъ въ еще болѣе рѣзкой формѣ, мы встрѣтимся ниже, когда будемъ говорить о возвращеніи общинъ къ старымъ формамъ.

Отмѣтимъ здѣсь еще одно явленіе въ мѣстной общинѣ—это сліяніе или, по крайней мѣрѣ, возможность сліянія двухъ одноденевенскихъ общинъ въ одну, но не составную, а однодеревенскую же. Въ Риддерской волости Бійскаго округа есть небольшая лѣсная деревня Пихтовка, образованная въ 60-хъ годахъ выходцами изъ с. Секисовскаго сосѣдней Владимірской волости. Въ началѣ урожаи у пихтовцевъ были превосходные, но лѣтъ 8—9 назадъ смѣнились все болѣе и болѣе увеличивающимся недородомъ хлѣбовъ, вслѣдствіе чего населеніе поставлено въ крайне тяжелое положеніе, выходъ изъ котораго пихтовцы видятъ въ одномъ лишь выселеніи. Часть деревни уже разбрелась; остальные, потерпѣвъ неудачу въ попыткѣ образовать новый заселокъ, ведутъ переговоры съ обществомъ сосѣдняго с. Тарханскаго Бобровской вол. о принятіи всѣхъ ихъ въ тарханское общество и слитіи дачъ обоихъ селеній въ одну общую. Тарханскіе крестьяне соглашаются на это съ тѣмъ условіемъ, чтобы хлопоты по перечисленію и пр. пихтовцы взяли на себя. Соображенія, которыми руководствуются обѣ стороны слѣдующія: въ пихтовской дачѣ громадное количество прекрасныхъ сѣнокосныхъ мѣстъ, почти полнымъ отсутствіемъ которыхъ страдаетъ тарханская дача; съ другой стороны, въ этой послѣдней если и не много хлѣбопахотной земли, зато она превос

[14]) Собственно говоря, распаденіе началось еще съ 1843 г., когда мильтюшинцы потребовали возвращенія покосовъ. Но тогда улыбинцы отказались исполнить ихъ требованіе, и дѣло тянулось до 1860 г., когда былъ оффиціально произведенъ „уравнительный по душамъ“ раздѣлъ покосовъ, о чемъ и составленъ приговоръ 8 сентября того же года.

ходнаго качества и даетъ высокіе урожаи. Такимъ образомъ, при переселеніи одна сторона выигрываетъ на покосахъ, другая на хлѣбопахотной землѣ.

Рядомъ съ переходомъ однодеревенскихъ общинъ въ сложныя, можетъ быть наблюдаемо и обратное явленіе—прекращеніе сложной общины въ однодеревенскую. Въ нашихъ матеріалахъ такихъ общинъ три: Моткова-Черепанова, Умревинское поселье—Умревинскій острогъ и Чугулинская-Кунгурова; послѣднія двѣ Бяшинской, а первая Кайлинской волости Томскаго округа. При межеваніи каждой изъ трехъ общинъ былъ произведенъ „отводъ“ дачъ, которыми деревни, ихъ составляющія, и пользовались совмѣстно. Впослѣдствіи во всѣхъ этихъ общинахъ повторилось одно и то же явленіе: одна изъ деревень (поставленная у насъ на второмъ мѣстѣ) всѣмъ своимъ составомъ переселилась въ другую той же общины и слилась съ нею совершенно. Такимъ образомъ, одна изъ деревень общины исчезала, и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожалась составная община, уступая мѣсто однодеревенской. Это не будетъ разрушеніе одной формы и возникновеніе другой въ томъ видѣ, какъ это бываетъ обыкновенно, а скорѣе постепенный переходъ одной въ другую; при разрушеніи общины неизбѣженъ раздѣлъ земель и вообще установленіе новыхъ земельныхъ порядковъ; въ данномъ же случаѣ, какъ граница землевладѣнія, такъ и внутренніе порядки остаются прежними. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, коренное различіе между двумя видами уничтоженія волостной общины.

IV.

Величина волостныхъ общинъ находится въ зависимости, какъ отъ количества свободныхъ, могущихъ быть запахиваемыми и обращаемыми подъ выселки, земель въ данномъ мѣстѣ, такъ и отъ продолжительности періода захватовъ, т.-е. періода свободнаго развитія такой общины, не встрѣчающаго внѣшнихъ препятствій со стороны сосѣднихъ общинъ, помѣщика, вмѣшательства агентовъ государственной власти во внутренніе земельные распорядки общины и т. п.

Въ нѣкоторыхъ, въ очень многихъ, впрочемъ, мѣстностяхъ Западной Сибири эта форма народнаго землевладѣнія является преобладающей [15]), въ другихъ лишь недавно уступила мѣсто

[15]) Въ Тарскомъ, Тюкалинскомъ, Ялуторовскомъ, частью въ Ишимскомъ и Курганскомъ округахъ Тобольской губ., въ Каинскомъ, Томскомъ и др. округахъ Томской губ.

инымъ формамъ [16]), наконецъ, есть мѣстности, гдѣ процессъ разложенія волостныхъ общинъ можетъ быть наблюдаемъ въ настоящій моментъ. Къ числу послѣднихъ относятся въ Тобольской губерніи Курганскій округъ, въ Томской—Алтай.

Выше мы привели цифры современныхъ сложныхъ общинъ на Алтаѣ, но въ нихъ не включены всѣ тѣ случаи, когда въ составъ общины на ряду съ русскими селеніями входятъ инородческіе улусы,—а такихъ общинъ въ Томскомъ и Кузнецкомъ округахъ не мало,—а также и тѣ случаи, когда волостное владѣніе имѣетъ мѣсто лишь по отношенію какого-нибудь одного угодья—лѣса, пашни и пр. Между тѣмъ, общины послѣдняго рода представляютъ особенный интересъ, какъ обломки болѣе древнихъ формъ мѣстнаго народнаго землевладѣнія, какъ показатели того пути, по которому шло развитіе современной преобладающей формы общины—однодеревенской. Къ разсмотрѣнію этого рода фактовъ прежде всего и обратимся.

Въ Карасукской волости Барнаульскаго округа, какъ обнаружено мѣстнымъ изслѣдованіемъ 1882 г. [17]), формы общиннаго владѣнія могутъ быть раздѣлены на слѣдующія группы: общины однодеревенскія (35), владѣющія всѣми угодьями, кромѣ лѣса, въ предѣлахъ своихъ селенныхъ граней; сложныя общины (3), состоящія изъ двухъ селеній каждая, владѣющія всѣми угодьями, опять-таки за исключеніемъ лѣса, „въ обоюдѣ“, употребляя мѣстное выраженіе, т.-е. всѣ селенія, входящія въ составъ каждой изъ трехъ сложныхъ общинъ, владѣютъ землей совмѣстно; наконецъ, всѣ 38 общинъ волости, и однодеревенскія, и сложныя, по отношенію къ лѣсу представляютъ одинъ союзъ: лѣсныя площади находятся въ безраздѣльномъ владѣніи [18]) всѣхъ жителей волости. Такимъ образомъ, три мелкихъ сложныхъ общины представляютъ собой какъ бы переходъ отъ болѣе крупной организаціи къ однодеревенской. Наличность этихъ трехъ формъ, по нашему мнѣнію, служитъ лучшимъ ручательствомъ въ истинности того положенія, что если не всѣ, то большинство совре-

[16]) Въ Тюменскомъ округѣ, какъ видно изъ „Матеріаловъ къ изученію экономическаго быта государ. крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири“, въ волостномъ владѣніи остались лишь лѣса, между тѣмъ какъ въ прошломъ столѣтіи община—волость въ этомъ округѣ была еще въ полномъ развитіи (см. В. И. Семевскаго: „Казенные крестьяне“).

[17]) „Хозяйственно-статистическое описаніе волостей Алтайскаго округа“ Н. Ваганова.

[18]) Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и возможныхъ двусмысленныхъ толкованій нашихъ словъ, мы еще разъ просимъ читателя припомнить тотъ условный смыслъ термина „владѣніе“, какой мы придали ему въ началѣ статьи.

менныхъ карасукскихъ общинъ произошли именно путемъ разложенія очень крупнаго земельнаго союза, отъ котораго сохранились только остатки въ видѣ формы владѣнія лѣсомъ.

Карасукская волость не единственная въ этомъ отношеніи на Алтаѣ. Въ Бурлинской волости того же Барнаульскаго округа 27 общинъ, изъ которыхъ одна сложная, состоящая изъ двухъ селеній—Кочковскаго и Жуланихи; каждая община имѣетъ свою дачу, отведенную при общемъ межеваніи, и въ предѣлахъ этой дачи пользуется всѣми угодьями, исключая лишь пашни, которыя состоятъ въ общемъ владѣніи всей волости: всякій общинникъ можетъ пахать, гдѣ угодно, на пространствѣ всей территоріи волости, причемъ селенныя границы, ревниво соблюдаемыя въ отношеніи покосовъ и пр., не имѣютъ здѣсь никакого значенія. До половины 70-хъ годовъ нашего столѣтія то-же самое практиковалось и въ Николаевской волости, т.-е. каждый имѣлъ право производить распашки въ предѣлахъ всей волости, но потомъ это право было сохранено лишь за участками, уже находящимися въ обработкѣ, поднимать же цѣлину допускается только въ предѣлахъ селенныхъ границъ. Мелкихъ сложныхъ общинъ въ этой волости 4, изъ нихъ одна—Суенгинская—охватываетъ шесть селеній. Въ Енисейской и Сростенской вол. Бійскаго округа въ волостномъ владѣніи находятся рыбныя ловли, за исключеніемъ 2—3 рыбалокъ по р. Катуни, которыя состоятъ въ наслѣдственномъ пользованіи нѣсколькихъ семей, потратившихъ свой трудъ на очистку русла. Въ Тутальской вол. Томскаго округа въ волостномъ владѣніи состоятъ кедровыя рощи, гдѣ общинники собираютъ орѣхъ. Въ каждой изъ этихъ волостей есть и однодеревенскія, и сложныя общины: въ Енисейской и Сростенской три, каждая изъ двухъ селеній, а въ Тутальской 11 или 37,9% числа всѣхъ общинъ волости; самыя крупныя двѣ: Сосноваго Острога и Тарабакина изъ 5 селеній [19]).

Есть основаніе предполагать, что еще въ концѣ 20-хъ гг. вся Уксунайская волость или значительная часть ея представляла одну общину. На это указываетъ одинъ общественный приговоръ лучшихъ людей этой волости, касающійся правъ д. Ерестной на земли Уксунайской вол. Д. Ерестная находилась въ центрѣ этихъ земель, но сама принадлежала къ волости Бѣлоярской, что не мѣшало ей пользоваться уксунайскими землями. Для устраненія этого лучшіе люди постановили просить, чтобы или приказали ерестнинскимъ крестьянамъ пользоваться

[19]) Мы именуемъ сложныя общины по одному изъ входящихъ въ составъ ихъ селеній, чтобы не перечислять каждый разъ всѣхъ селеній.

землей только въ предѣлахъ своей дачи, или же, чтобы д Ерестную *причислили* къ Уксунайской волости (приговоръ от 30 сентября 1829 г.). Очевидно, по воззрѣніямъ крестьянъ того времени, фактъ принадлежности, причисленія къ волости давал право на всѣ ея земли, помимо селенныхъ границъ.

Переходя къ общинамъ, всѣ угодья которыхъ находятся въ волостномъ владѣніи, прежде всего остановимся на Лянинской во-лости Барнаульскаго округа. Всѣ селенія этой волости, кромѣ при-соединенныхъ въ 70-хъ годахъ текущаго столѣтія отъ Карасукской волости и Каинскаго округа (8 деревень), составляютъ одну общину, владѣющую безраздѣльно всѣми угодьями, хотя 12 де-ревень изъ 22 имѣютъ свои отдѣльныя дачи, на которыя въ свое время были составлены планы, въ натурѣ проведены гра-ницы, поставлены „столбы", вырыты „ямы" и пр.[20]). Слѣдова-тельно, во владѣніи общины находится 12 дачъ, обмежеван-ныхъ по всѣмъ правиламъ. Ненормальность подобнаго факта очевидна, и объясненіе его лежитъ въ томъ отношеніи къ на-роду и формамъ его жизни, которымъ характеризуются доре-форменные порядки не только въ Алтаѣ, но и вообще въ Рос-сіи. Если у лучшихъ представителей русскаго общества въ то время мы не встрѣчаемъ ни малѣйшаго указанія на важность сохраненія формъ народнаго землевладѣнія, не встрѣчаемъ даже намека на знаніе о существованіи особенностей этихъ формъ, то вполнѣ естественно, что и межевые чины прошлаго и пер-вой половины текущаго столѣтія весьма мало способны были разобраться въ тѣхъ фактахъ, которые имъ представляла де-ревня. Понятно, что и на Алтаѣ межевые чины въ большин-ствѣ случаевъ ни мало не справлялись съ существующими фор-мами землевладѣнія въ каждомъ данномъ случаѣ, и отводили земли отдѣльнымъ селеніямъ, хотя бы это прямо противорѣчило же-ланіямъ населенія и вызывало, со стороны послѣдняго, протесты и сопротивленія. На Алтаѣ извѣстны факты, когда, вопреки настоятельнымъ заявленіямъ крестьянъ объ ихъ желаніи продол-жать владѣть землей на прежнихъ основаніяхъ, оставаться „въ обоюдѣ", межевые чины проводили границы между отдѣльными селеніями и такимъ образомъ ломали и уродовали сложившіяся

[20]) Свѣдѣнія объ этой волости и ея земельныхъ порядкахъ относятся главнымъ образомъ къ 1882 г. и взяты изъ цитированнаго уже труда Н. Ваганова. Прибавимъ здѣсь, что 22 деревни, составляющія волостную общину, были отдѣлены въ началѣ 70-хъ гг. для образованія Лянинской волости отъ Юдинской вол. Тюкалинскаго округа, гдѣ до сихъ поръ преобладаетъ волост-ная форма общины, и эта форма осталась неприкосновенною и при выдѣленіи части деревень для Лянинской волости.

формы владѣнія землей. Имено это незнакомство съ формами землевладѣнія, неумѣнье различать ихъ, съ одной стороны, и нежеланіе крестьянъ переходить отъ волостной общины къ односеленской, съ другой, и были главными причинами сопротивленій и безпорядковъ, которыми отмѣчены межевыя работы 20—30 годовъ.

Въ нашихъ матеріалахъ имѣется мірской приговоръ, относящійся къ 1832 г. и довольно подробно иллюстрирующій только что высказанное положеніе. „Прежде, до 1828 г., когда земли, какъ нашего (Яминскаго, Уксунайской вол.), такъ и окольныхъ селеній—Еландинскаго, Горновскаго, Шелайскаго, Верхъ-Яминскаго и Верхъ-Мурашинскаго не были еще описаны, тогда жители оныхъ сѣнокосныя и хлѣбопахотныя мѣста имѣли и занимали по общему между собою согласію уравнительно, а по учиненіи въ томъ 1828 г. ученикомъ Уткинымъ измѣренія, для владѣнія каждому селенію землями опредѣлены грани и поставлены столбы“. При этомъ любопытно, что Уткинъ замежевалъ часть покосовъ, лежащихъ ближе къ с. Яминскому въ дачи деревень Верхъ-Яминской и Верхъ-Мурашинской, а сѣнокосы, которыми удобнѣе было пользоваться крестьянамъ д. Еландинской и Горновой—въ дачу с. Яминскаго. Эти межевыя фантазіи послужили причиной возникновенія споровъ, не закончившихся еще и въ наши дни.

Кромѣ современныхъ остатковъ крупной земельной организаціи, имѣются указанія на былыя формы землевладѣнія и въ теперешнихъ порядкахъ нѣкоторыхъ общинъ, порядкахъ, могущихъ поставить въ тупикъ наблюдателя, незнакомаго съ прошлымъ мѣстной общины. Вотъ сложная община Ординской волости Барнаульскаго округа, состоящая изъ деревень Пушкаревой и Средне-Алеусской. Обѣ эти деревни имѣютъ одну дачу и пользуются совмѣстно и безраздѣльно всѣми угодьями. Но рядомъ съ этой общиной находятся двѣ деревни Спирина и Нижне-Алеусская, изъ которыхъ каждая имѣетъ отдѣльную дачу, отведенную при общемъ межеваніи; всѣми угодьями онѣ пользуются раздѣльно, за исключеніемъ покосовъ и хлѣбопахотныхъ земель; пашня находится въ совмѣстномъ владѣніи, какъ этихъ, такъ и предыдущей общины—Средне-Алеусской съ Пушкаревой. Что же касается покосовъ, то ими владѣютъ слѣдующія селенія, имѣющія отдѣльныя дачи: Спирина, Нижне-Алеусская, Верхъ-Алеусская и Антонова. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти запутанныя земельныя отношенія шести деревень, изъ которыхъ лишь двѣ имѣютъ общій отводъ земли, могли возникнуть только на

развалинахъ крупнаго земельнаго союза, въ составъ котораго входили всѣ эти селенія; современныя же отношенія между ними *являются остаткомъ* былыхъ земельныхъ формъ.

Въ Чумышской волости Барнаульскаго округа имѣется нѣсколько однопланныхъ, т.-е. сложныхъ общинъ, земля которыми отведена въ безраздѣльное пользованіе при общемъ межеваніи. Таковы, между прочимъ, Инюшева съ Мало-Повалихой, Филиппова съ Копыловой, Ново-Глушинской и Койновой и Журавлиха съ Колмаковой, изъ которыхъ каждая имѣетъ отдѣльную дачу съ межеванія двадцатыхъ годовъ. Между тѣмъ, изъ общественнаго приговора д. Калиновки, постановленнаго въ 1851 г. по поводу порчи луговъ вырубкой лѣса, видно, что перечисленныя деревни, вмѣстѣ съ селеніями Шипуновскимъ, Средне-Красиловскимъ и Калиновкой составляли одну общину въ отношеніи покосовъ, разрушившуюся лишь около 1831 г. черезъ разверстку.

Любопытный въ этомъ отношеніи примѣръ представляетъ одна община Чингинской волости. Деревни Маюрова, Татчихина и Мышлакова имѣютъ общую дачу, отведенную имъ въ 1830—31 г., но земля состоитъ „въ обоюдѣ“ не только у этихъ деревень, а также у деревни Ерестной той же волости, хотя она имѣетъ собственную дачу. Система пользованія землей въ общинѣ была захватная, почему къ 50-мъ годамъ обнаружилась неравномѣрность въ землепользованіи, и это обстоятельство вызвало выдѣленіе покосовъ д. Маюровой. При этомъ заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что даже при выдѣленіи сѣнокосовъ, т.-е. при началѣ распаденія общины, отношенія къ Ерестной остались прежними, какъ видно изъ приговора о раздѣлѣ покосовъ [21]). Слѣдовательно, связь Мышлаковой и Татчихиной съ однопланной Маюровой была менѣе прочна, нежели съ имѣющей отдѣльную дачу Ерестной.

Селенія Курочкино и Ново-Еловское Тальменской волости, составляя одну общину, получили покосы при межеваніи раздѣльно; а между тѣмъ, въ матеріалахъ, которыми мы пользуемся при настоящей работѣ, имѣется приговоръ „общаго собранія“ крестьянъ этихъ селеній [22]), изъ котораго видно, что еще въ 1861 г. обѣ деревни имѣли „владѣніе землями обоюдное, безъ раздѣленія межами“, причемъ „одни (общинники) другихъ не стѣсняя, не опахивали и *не окашивали*, и впредь такое владѣніе желаютъ безспорно соблюсти“. Очевидно, что покосы, раздѣлен-

[21]) Общественный приговоръ 1856 г. 27 іюня.

[22]) Отъ 4 августа 1861 г.

ные при межеваніи, de facto состояли въ безраздѣльномъ владѣніи обѣихъ деревень, еще десятки лѣтъ спустя.

Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести много, и всѣ они указываютъ на существованіе нѣкогда болѣе широкихъ границъ крестьянскаго землевладѣнія сравнительно съ тѣми тѣсными рамками, въ которыя его втискивало межеваніе 20—30-хъ годовъ.

Какъ ни силенъ былъ ударъ, нанесенный формамъ крестьянскаго землевладѣнія межевыми работами, тѣмъ не менѣе извѣстное количество сложныхъ общинъ было сохранено ими частью или полностью, т.-е. по отношенію владѣнія нѣкоторыми только угодьями или же всѣми; мало того, число такихъ общинъ, сохранившихся и получившихъ при этомъ отводъ земли, было довольно значительно, а именно—191, что для всего округа составитъ 19%. Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ различныхъ причинъ, многія изъ этихъ общинъ распались, образовавъ каждая нѣсколько однодеревенскихъ. Сопоставляя данныя о числѣ сложныхъ и однодеревенскихъ общинъ, о размѣрахъ ихъ землевладѣнія и пр., относящіяся ко времени окончанія межевыхъ работъ 20—30 годовъ и къ прошлому десятилѣтію, мы получаемъ слѣдующую, небезъинтересную табличку:

Округа:	Число крестьянскихъ общинъ на Алтаѣ:		Число сложныхъ общинъ:		% сложныхъ общинъ къ общему числу общинъ:		Среднее число селеній въ сложныхъ общинахъ:		Maximum деревень въ сложныхъ общинахъ:		Количество удобной земли на работника въ сложныхъ общинахъ:	
	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	a	b
Барнаульскій . .	445	498	78	60	17,5	12	2,8	2,6	22	22	67	65,8
Бійскій	205	332	24	13	11,7	3,8	2,1	2,3	5	5	67	80
Кузнецкій . . .	222	241	58	49	26,1	19,8	2,7	2,7	8	8	80,4	71,9
Пять вол. Томскаго.	133	157	31	25	23,3	15,9	3,2	3	11	11	123,7	219,1
Всего по Алтаю	1005	1228	191	147	19	11,9	2,9	2,7	22	22	76,8	114,5

[38]) Въ графахъ, обозначенныхъ I, помѣщены свѣдѣнія согласно планамъ общаго межеванія; въ графахъ же подъ цифрою II помѣщены свѣдѣнія, относящіяся къ 1882 г., притомъ въ счетъ всѣхъ крестьянскихъ общинъ для полноты сравненія вошли и новыя селенія, образованныя послѣ межеванія и не включенныя нами въ первую таблицу. Въ графѣ подъ литерою *a* помѣщены свѣдѣнія о количествѣ земли, приходившейся въ среднемъ на работника въ 1882 году во *всѣхъ* общинахъ, бывшихъ въ моментъ межеванія сложными; въ графѣ же подъ литерой *b* свѣдѣнія относятся къ общинамъ, сохранившимся сложными до 1882 г.

Разложеніе сложныхъ общинъ коснулось, слѣдовательно, всѣхъ округовъ Алтая, однихъ болѣе, другихъ менѣе. Если брать абсолютныя числа распаденія общинъ, то округа придется расположить именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ они помѣщены въ таблицѣ. Другое дѣло—числа относительныя: здѣсь первое мѣсто займетъ Бійскій округъ, въ которомъ число разрушившихся сложныхъ общинъ достигаетъ 45,8% изъ общаго количества; слѣдомъ за нимъ станетъ Барнаульскій, давшій 23,6%. Для остальныхъ округовъ это отношеніе будетъ: 19,4% для Томскаго и 15,5% для Кузнецкаго.

При сравненіи этихъ чиселъ съ данными о среднемъ размѣрѣ землевладѣнія въ сложныхъ общинахъ, бывшихъ и сохранившихся, обращаетъ на себя вниманіе слѣдующій фактъ: въ Бійскомъ и Томскомъ округахъ, взятыхъ вмѣстѣ, распалось 30% всѣхъ сложныхъ общинъ, причемъ распаденію подвергались общины, относительно малоземельныя, тогда какъ въ двухъ другихъ округахъ, гдѣ % разрушившихся сложныхъ общинъ равняется 19,8, распадались напротивъ многоземельныя. Въ нашихъ матеріалахъ нѣтъ достаточно данныхъ, могущихъ объяснить или хоть отчасти освѣтить этотъ фактъ, а потому мы вынуждены ограничиться лишь констатированьемъ его. Несомнѣнно только одно, что на разложеніе общинъ вліяли, на ряду съ размѣромъ землепользованія, и какія-то другія, скрытыя отъ насъ, причины. Только мѣстное, детальное изученіе формъ землевладѣнія и другихъ сторонъ народной жизни можетъ, по нашему мнѣнію, доставить необходимый матеріалъ для изученія даннаго явленія.

Не лишенъ также интереса и слѣдующій фактъ: ни въ одномъ изъ округовъ самыя крупныя общины не подвергались разложенію, и максимальныя количества деревень въ общинѣ остаются одни и тѣ же въ обѣихъ сосѣднихъ графахъ. Между тѣмъ, средній размѣръ сложныхъ общинъ въ трехъ округахъ измѣнился (исключеніе составляетъ Кузнецкій): въ Барнаульскомъ и Томскомъ онъ уменьшился, въ Бійскомъ же увеличился. Обращаясь къ даннымъ о разрушеніи общинъ, находимъ, что въ Барнаульскомъ и Томскомъ болѣе всего разрушилось мелкихъ общинъ: въ первомъ изъ 18 распавшихся было 15 двудеревенскихъ, а во второмъ изъ 6 распалось 4 двудеревенскихъ, въ Бійскомъ же распадались исключительно двудеревенскія общины. Уменьшеніе средняго размѣра сложной общины въ двухъ первыхъ округахъ объясняется тѣмъ, что на ряду съ двудеревенскими въ нихъ разрушались и очень крупныя. Кузнецкій округъ и въ этомъ отношеніи стоитъ особнякомъ: всего болѣе разрушилось

здѣсь крупныхъ общинъ—4, затѣмъ двудеревенскихъ 3 и трехдеревенскихъ 2; но въ этомъ округѣ разложеніе касалось относительно равномѣрно всѣхъ группъ сложныхъ общинъ. По недостатку данныхъ, намъ приходится и относительно этого факта воздержаться отъ попытки дать удовлетворительное объясненіе.

Приведенная табличка достаточно опредѣленно свидѣтельствуетъ, что мѣстная сложная община имѣетъ тенденцію разрушаться. Эта тенденція становится еще болѣе очевидной, если принимать во вниманіе не только вполнѣ уже разложившіяся общины, но также и тѣ, процессъ распаденія въ которыхъ еще не вполнѣ закончился: въ то время, какъ одни угодья еще состоятъ въ общемъ владѣніи, другія уже подверглись обособленію путемъ окончательнаго раздѣла между селеніями. Такихъ общинъ на Алтаѣ, по нашимъ матеріаламъ, четырнадцать: 10 въ Барнаульскомъ и по двѣ въ Бійскомъ и Томскомъ округахъ; въ ихъ составъ входитъ 47 селеній.

Если выдѣлить изъ числа 14 общинъ двѣ Бійскаго округа, о которыхъ будетъ сказано ниже, то окажется, что всѣ остальныя подвергли раздѣлу одинъ и тотъ же видъ земельныхъ угодій — поемные, луговые покосы. И это весьма характерно для Алтая: именно съ этого пункта, т.-е. съ луговыхъ покосовъ, начался переходъ отъ одной формы землепользованія — захвата къ другой — передѣламъ, какъ въ данномъ случаѣ переходъ отъ одной формы землевладѣнія къ другой — отъ сложной общины къ однодеревенской.

На особенное значеніе луговыхъ покосовъ въ общинной жизни алтайскаго крестьянства, между прочимъ, указываетъ и тотъ фактъ, что изъ 693 земельныхъ споровъ между общинами, о которыхъ у насъ имѣются свѣдѣнія, 184 касаются исключительно сѣнокосныхъ угодій, что составитъ 26,5% всѣхъ споровъ. Какъ ни великъ этотъ процентъ самъ по себѣ, въ дѣйствительности онъ еще значительнѣе, такъ какъ многіе споры о границахъ землепользованія имѣли въ своемъ основаніи недоразумѣніе изъ-за сѣнокосовъ; то же можно сказать и о другихъ спорныхъ дѣлахъ, напримѣръ, о спорахъ объ угодьяхъ вообще.

Исключительное значеніе луговыхъ покосовъ объясняется тѣмъ, что въ большинствѣ общинъ количество ихъ, относительно говоря, не велико, почему при ростѣ народонаселенія именно въ нихъ прежде всего и ощущается недостатокъ. Вотъ почему, какъ цѣлыя общины, такъ и отдѣльныя лица, ихъ составляющія, особенно ревниво охраняютъ свое право на каждый кусочекъ луговаго покоса; отсюда же и легкость возникновенія раз-

личныхъ столкновеній и споровъ, разрѣшить которые нерѣдко общины не могутъ собственными силами и переносятъ ихъ въ различныя канцеляріи, гдѣ и находятъ тотъ или иной исходъ. Такимъ исходомъ чаще всего является измѣненіе, съ одной стороны, формъ владѣнія, а съ другой—пользованія землей: разверстываются окончательно всѣ угодья между деревнями, входившими въ составъ сложной общины; новыя же общины пользуются покосами уже не „вольно", какъ было ранѣе, а съ періодическими передѣлами.

Луговые покосы, разумѣется, не единственный видъ угодій, стремленіе къ обладанію которымъ ведетъ къ спорамъ и ссорамъ и, наконецъ, къ распаденію земельной единицы—сложной общины. Такова, напримѣръ, исторія распаденія сложной общины изъ деревень Красноярской и Вавилонской Александровской вол. Помимо всѣхъ угодій, отведенныхъ этимъ селеніямъ при межеваніи, они захватили еще подъ хлѣбопашество мѣстность, лежащую въ междугранномъ пространствѣ. Это хлѣбопахотное мѣсто и послужило источникомъ раздоровъ между двумя группами общинниковъ — красноярцами и вавилонцами—на многіе годы: каждая сторона стремилась захватить въ свою пользу возможно большій кусокъ ея (не слѣдуетъ забывать, что захватъ первое завладѣніе—главнѣйшій источникъ права на землю для мѣстнаго крестьянства). Въ 1844 г. стороны кое-какъ пришли къ соглашенію и составили „миролюбивую подписку", которой опредѣлялись права каждой стороны на спорный кусокъ пашни. Однако столкновенія этимъ прекращены не были до 1882 г., когда „третейскій по совѣсти судъ", какъ выражаются крестьяне, окончательно раздѣлилъ землю; основаніемъ этого раздѣла послужила упомянутая выше подписка. Съ тѣхъ поръ до 1888 г. споровъ болѣе не возникало. Деревни Озерская и Слѣцовская Чарышской вол. давно уже раздѣлили между собой земли, но ельцовскіе крестьяне запахивали грани и рубили лѣсъ въ мѣстахъ, отведенныхъ по раздѣлу озерцовскимъ крестьянамъ. Въ 1887 г. „третейскій съѣздъ" изъ выборныхъ отъ деревень Трусовой и Ново-Фирсовой Алейской вол. и дер. Бестужевой, Качусовой, Карповой и Лысовской Чарышской волости произвелъ раздѣлъ всѣхъ земель общины, о чемъ и составилъ актъ. Въ 1854 г. распалось общее владѣніе покосами между дер. Верхне-Сузунской и Городищенской Малышевской волости вслѣдствіе спора изъ-за выгона, въ которомъ нуждались жители послѣдней изъ названныхъ деревень и т. д.

На ряду съ межевыми работами и земельными спорами, какъ

факторами разрушенія сложныхъ общинъ, мы рѣшаемся поставить весьма частое несовпаденіе границъ между общиной, какъ единицей земельной, и сельскимъ обществомъ, какъ единицей административной. Чтобы видно было, до какой степени можетъ доходить это несоотвѣтствіе, приводимъ данныя по пяти волостямъ округа, взятымъ нами совершенно безъ всякаго выбора и сгруппированнымъ въ табличку.

Округъ и волость:	Количество общинъ: Всѣхъ въ волости:	Однодеревенскихъ:	Сложныхъ:	% сложныхъ общинъ:	Количество сельскихъ обществъ: Всѣхъ въ волости:	Однодеревенскихъ:	Сложныхъ:	% сложныхъ обществъ:
1. *Барнаульскій округъ*:								
Малышевская вол. . .	12	11	1	8,3	12	7	5	41,6
Чингинская вол. . . .	25	19	6	24	18	9	9	50
2. *Бійскій округъ*:								
Смоленская вол. . . .	11	10	1	9	12	11	1	9
3. *Кузнецкій округъ*:								
Касьминская вол. . .	29	18	11	37,9	17	2	15	88,2
4. *Томскій округъ*:								
Чаусская вол.	13	6	7	53,8	13	6	7	53,8

Такимъ образомъ, въ трехъ волостяхъ между количествомъ общинъ и сельскихъ обществъ, простыхъ и сложныхъ, наблюдается полнѣйшее несоотвѣтствіе, притомъ настолько рѣзко выраженное, что не требуется никакихъ дальнѣйшихъ поясненій. Иное дѣло—двѣ остальныя волости, изъ которыхъ въ одной встрѣчаемъ полное совпаденіе между числами общинъ и обществъ, а въ другой эти числа очень близки другъ къ другу. Это совпаденіе и близость, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказываются вполнѣ случайными: сложное сельское общество въ Смоленской волости состоитъ изъ с. Калпунскаго и д. Иконниковой, т.-е. двухъ однодеревенскихъ общинъ, тогда какъ сложная община изъ с. Смоленскаго и д. Грязнухи входитъ въ составъ двухъ сельскихъ обществъ, совершенно независимыхъ другъ отъ друга. Въ Чаусской вол. изъ семи сложныхъ общинъ, только двѣ — Воробьева-Большечеремшанская и Грязнуха-Соколова— совпадаютъ съ сельскими обществами, во всѣхъ же другихъ пяти общинахъ или селенія, входящія въ составъ общины, являются самостоятельными обществами, или же образуютъ таковое вмѣстѣ съ селеніями другихъ общинъ. Такъ, община изъ с. Вьюновскаго и дер. Кандыковой и Малочеремшанской въ

административномъ отношеніи распадается на общество Вьюновское, состоящее изъ одного села того же имени, и Кандыковское, слагающееся изъ двухъ другихъ деревень общины и двухъ однодеревенскихъ общинъ—Тропиной Заимки и Бѣлоярской; община Тропина-Паутова составляетъ сельское общество съ общиной—деревней Южной и т. д.

Причины такого явленія лежатъ отчасти въ стремленіи крестьянъ сдѣлать расходъ по содержанію сельскаго управленія возможно менѣе чувствительными, что достигается соединеніемъ нѣсколькихъ селеній въ одно общество, причемъ земельныя, юридическія отношенія приносятся въ жертву интересамъ чисто экономическаго характера; отчасти же въ неудобствахъ, сопряженныхъ съ хожденіями изъ одного селенія въ другое на сходы, въ потерѣ времени и т. п. Результатомъ послѣдняго соображенія является стремленіе къ обособленію болѣе мелкихъ административныхъ единицъ. Такимъ образомъ, двѣ главныя причины занимающаго насъ явленія совершенно различны по своему характеру и влекутъ за собой противоположныя послѣдствія: соединеніе однодеревенскихъ общинъ въ составныя общества и распаденіе сложныхъ общинъ на болѣе мелкія административныя единицы.

Несовпаденіе границъ общины и общества, при извѣстныхъ условіяхъ, не можетъ не отражаться на формахъ землевладѣнія: въ одномъ случаѣ оно будетъ способствовать возникновенію новыхъ земельныхъ отношеній между общинами, дотолѣ совершенно отдѣльными и независимыми; въ другомъ—повлечетъ за собой распаденіе сложной организаціи на болѣе мелкія, часто однодеревенскія общины. Именно послѣдняго рода случаи и имѣютъ мѣсто на Алтаѣ. Примѣромъ этого можетъ служить одна изъ общинъ Бійскаго округа. Споры, повлекшіе за собой раздѣлъ земель между дер. Чистюнькой и Хабазиной Барнаульской вол., которыя составляли одну общину, на два общества, возникли вслѣдствіе того, что общество послѣдней деревни приняло значительное количество переселенцевъ въ свою среду, почему населеніе этой деревни въ 27 душъ, бывшихъ въ ней въ 1828 г., т.-е. въ моментъ отвода земель, возросло къ 1866 г.,—когда особенно обострились отношенія между двумя деревнями,—до 77 ревизскихъ душъ.

Распаденіе общины въ административномъ отношеніи ведетъ къ обособленію ея частей—деревень—не только въ чисто административномъ, но и въ податномъ отношеніи, въ отношеніи отбыванія натуральныхъ повинностей и пр. Обособляясь, при-

выкая смотрѣть на себя, какъ на нѣчто цѣлое и, до извѣстной степени самостоятельное, деревня должна, по нашему мнѣнію, постепенно обособляться и въ земельномъ отношеніи, противопоставлять интересы своей деревни всѣмъ другимъ и т. д.; все это поведетъ или, по крайней мѣрѣ, можетъ повести при извѣстныхъ условіяхъ къ возникновенію земельныхъ недоразумѣній и столкновеній между жителями отдѣльныхъ деревень общины, а затѣмъ и къ формальному распаденію ея: раздѣлъ земель будетъ послѣднимъ актомъ задолго до того начавшагося движенія. Было бы въ высшей степени любопытно прослѣдить за продолжительный періодъ времени распаденіе сложныхъ сельскихъ общинъ на отдѣльныя сельскія общества на ряду съ распаденіемъ тѣхъ же общинъ на общины однодеревенскія, но, къ сожалѣнію, въ настоящемъ распоряженіи для подобной работы нѣтъ достаточнаго количества данныхъ.

Есть, наконецъ, еще одна причина, вызывающая земельные споры, какъ между независимыми общинами, такъ и внутри сложныхъ общинъ между селеніями, ихъ составляющими. Мы говоримъ о земскомъ губернскомъ сборѣ, которымъ обложены земли алтайскихъ крестьянъ съ 1887 г., въ размѣрѣ 1,2 коп. на десятину. Основаніемъ раскладки казенная палата беретъ данныя о количествѣ удобныхъ земель, находящихся въ дачахъ общинъ, согласно планамъ прежняго межеванія. Но такъ какъ за полстолѣтіе, протекшее съ того времени, размѣры владѣнія многихъ общинъ претерпѣли большія измѣненія, то сумма сбора, опредѣляемая палатой, не всегда соотвѣтствуетъ дѣйствительности владѣнія, отчего происходятъ споры и недоразумѣнія между сосѣдними общинами; то же самое, но въ нѣсколько иныхъ проявленіяхъ, имѣетъ мѣсто и по отношенію къ общинамъ составнымъ. Пользуясь, какъ увидимъ ниже, землею на основаніяхъ никѣмъ и почти ничѣмъ не стѣсняемаго захвата, общины распредѣляютъ земли весьма неравномѣрно между отдѣльными селеніями, какъ и между отдѣльными членами общины. Равное обложеніе земель наталкиваетъ на мысль о необходимости уравненія въ пользованіи ими, и это служитъ предметомъ раздоровъ и ссоръ, возникающихъ между селеніями внутри составныхъ общинъ. Укажемъ на общину Чарышской волости, о которой уже приходилось упоминать ранѣе. Съ самаго начала введенія новаго поземельнаго сбора между селеніями Хлопуновскимъ, Боталовскимъ и Порожинскимъ, возникли несогласія по поводу внутренней разверстки земскаго оклада; эти несогласія

тянутся до сихъ поръ и грозятъ закончиться распаденіемъ общины.

Резюмируя все сказанное о причинахъ распаденія сложной общины на Алтаѣ, мы находимъ, что главныхъ общихъ причинъ четыре: характеръ межевыхъ работъ въ 20—30-хъ годахъ, наступленіе недостатка въ нѣкоторыхъ угодьяхъ, несоотвѣтствіе границъ общинъ и сельскихъ обществъ и, наконецъ, основанія, принимаемыя казенной палатой для раскладки суммы губернскаго земскаго сбора между общинами, а можетъ быть, и самое обложеніе земли, ранѣе неизвѣстное на Алтаѣ. Каждая изъ этихъ причинъ имѣетъ, разумѣется, свое объясненіе, но мы не будемъ вдаваться въ подробное разсмотрѣніе ихъ—для нашей цѣли достаточно было намѣтить общій характеръ ихъ.

Въ нашихъ матеріалахъ находятся указанія на тѣ условія, при которыхъ совершалось разложеніе нѣкоторыхъ общинъ, указанія, такъ сказать, на формы этого разложенія. Думается, что для уразумѣнія хода развитія формъ крестьянскаго землевладѣнія на Алтаѣ, эти указанія имѣютъ особенное значеніе, а потому мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на нихъ.

Выше говорилось уже о Маюровской сложной общинѣ и о выдѣленіи ею сѣнокоса для одной изъ составляющихъ ее деревень, тогда какъ остальныя угодья оставались въ общемъ владѣніи всѣхъ селеній общины. Этотъ фактъ важенъ въ томъ отношеніи, что онъ показываетъ извѣстную степень крѣпости общиннаго духа у алтайскихъ крестьянъ и силу его сопротивленія неблагопріятнымъ условіямъ: одна деревня находила для себя невыгодной наличную форму владѣнія даннымъ угодьемъ; за всѣми же остальными была сохранена прежняя форма владѣнія. Другой подобный примѣръ представляетъ одна община Чарышской волости, состоящая изъ пяти деревень [24]). Съ давнихъ поръ въ этой общинѣ установился обычай передѣлять время отъ времени землю между всѣми своими селеніями, сообразно возрастанію населенія въ каждомъ, причемъ въ натурѣ опредѣляются границы. Въ виду этого, при общемъ межеваніи, хотя земля всѣхъ деревень и была нанесена на общій планъ, но на немъ также были указаны и временныя границы владѣнія [25]). Съ того

[24]) Порозихи, Усть-Порозихи, Уржумскаго Поселья, Чупиной и Кособоковой.

[25]) Такихъ общинъ, имѣвшихъ внутреннія границы въ 20—30 гг., на Алтаѣ нѣсколько; мировыми посредниками и другими учрежденіями эти временныя границы были въ нѣкоторыхъ случаяхъ принимаемы за границы окончательнаго раздѣла, чѣмъ естественно разрушалась сложная организація общины, которая переходила въ однодеревенскую.

времени нѣсколько разъ измѣнялись границы по постановленію „выборныхъ третейскихъ судей съ участіемъ волостного начальства", нѣсколько разъ возникали споры и тяжбы. Наконецъ, въ 1881 г., по распоряженію горной администраціи, деревнѣ Нособоковой былъ выдѣленъ особый участокъ всѣхъ угодій изъ общей дачи; всѣ же остальныя селенія остались по-прежнему „въ обоюдѣ".

Изъ этихъ примѣровъ видно, что не всегда, слѣдовательно, на Алтаѣ распаденіе сложной общины происходитъ путемъ перехода *всѣхъ* селеній, составляющихъ общину, отъ одной формы владѣнія къ другой: иногда такой переходъ замѣняется простымъ выдѣленіемъ, полнымъ или частичнымъ, одной изъ составныхъ единицъ—деревень. Съ другой стороны, распавшаяся сложная община также не всегда сохраняетъ новыя формы, но иногда возвращается къ старымъ. Такъ, дер. Листьянка и Татарка лѣтъ 25 назадъ подѣлили земли между собой, теперь же вновь пользуются совмѣстно. На это же указываетъ и исторія д. Чесноковской и Новообинской Нижне-Чарышской вол. Обѣ эти деревни составляли нѣкогда одну общину и имѣли общую дачу, на которую и былъ составленъ въ свое время планъ. Но потомъ эта община, повидимому, распалась—земли были подѣлены между селеніями настолько давно, что у крестьянъ не сохранилось объ этомъ фактѣ никакихъ воспоминаній и никакихъ документовъ. Затѣмъ, вслѣдствіе недостатка у чесноковцевъ хлѣбопахотныхъ, а у новообинцевъ сѣнокосныхъ мѣстъ, между деревнями произошло соглашеніе, по которому новообинцы разрѣшили чесноковцамъ пользоваться пашней безъ всякихъ ограниченій, а чесноковцы отвели имъ опредѣленный участокъ сѣнокоса. Въ такомъ видѣ находится дѣло и въ настоящее время. Слѣдовательно, нужны были лишь подходящія условія, чтобы оставленныя формы владѣнія вновь возникли, хотя въ нѣсколько иной комбинаціи, болѣе отвѣтствующей измѣнившимся условіямъ.

Значеніе и смыслъ, какіе придаются, по крайней мѣрѣ, иногда алтайскими крестьянами раздѣлу земель между селеніями, составляющими одну общину, можно видѣть изъ отношеній, установившихся между дер. Крутишкой и Шайдуровой, ранѣе составлявшихъ одну общину, которая распалась въ концѣ 60-хъ годовъ, причемъ бо́льшая часть земель досталась по раздѣлу Шайдуровой, какъ болѣе многолюдной. Къ 80-мъ годамъ населеніе въ Крутишкѣ, вслѣдствіе наплыва переселенцевъ, возросло настолько, что въ земельныхъ угодьяхъ почувствовался недоста-

токъ, и крутишинцы потребовали новаго передѣла, въ чемъ шайдуровцы отказали, ссылаясь на предыдущій раздѣлъ, когда всѣ угодья „развытили“. Однако, судъ стариковъ и лучшихъ людей волости взглянулъ на дѣло иначе и снова передѣлилъ землю, увеличивъ размѣръ владѣнія д. Крутишки. „Грани“ новаго раздѣла обозначены условными межевыми знаками. Ясно, что крестьяне—алтайцы не всегда смотрятъ на раздѣлъ угодій, какъ на послѣдній актъ распаденія сложной организаціи, но иногда онъ носитъ временной характеръ пользованія (употребляю терминъ въ опредѣленномъ выше смыслѣ).

То же разнообразіе замѣчается и въ другомъ отношеніи: раздѣлъ угодій производится или самими общинниками, иногда при участіи обычнаго суда, съ формами котораго мы ознакомимся ниже, или же при помощи внѣшняго вмѣшательства распоряженія административной власти, вызваннаго жалобами общинниковъ, не могущихъ придти къ соглашенію. Изъ 34 случаевъ распаденія сложной общины, о которыхъ у насъ имѣются данныя, въ 18 раздѣлъ угодій былъ произведенъ самими крестьянами, въ 10 при участіи административной власти, и, наконецъ, въ 6 случаяхъ частичное разрушеніе совершилось при межевыхъ работахъ или, по крайней мѣрѣ, было закрѣплено ими. Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ раздѣлъ производился непосредственно самими крестьянами.

Но и въ послѣднемъ случаѣ, т.-е. когда общинники по собственному побужденію и собственными средствами переходятъ къ новой формѣ землевладѣнія, не наблюдается однородности въ общихъ условіяхъ, при которыхъ совершается этотъ переходъ. Въ однихъ случаяхъ онъ сопровождается составленіемъ общественныхъ приговоровъ и условій, на которыхъ состоялось распаденіе общины, въ другихъ не имѣютъ мѣста рѣшительно никакія формальности. Восемнадцать случаевъ такихъ распаденій о которыхъ говорилось выше, могутъ быть расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: раздѣлъ произведенъ сходомъ безъ соблюденія какихъ-либо формальностей въ 10 случаяхъ, что составитъ 55,5%; съ составленіемъ „миролюбивыхъ подписокъ“—въ 2 случаяхъ или 11,1%; въ 3 случаяхъ—при участіи третейскаго суда и въ 3-хъ же—при участіи волостного и сельскаго начальства, что, какъ увидимъ ниже, слѣдуетъ также отнести къ одному изъ видовъ обычнаго суда; такимъ образомъ можно считать, что обычнымъ судомъ произведено 33,3% разводовъ сложныхъ общинъ.

Разнообразіе формъ распаденія сложныхъ общинъ доказы

ваетъ, по нашему мнѣнію, разнородность причинъ, вызывающихъ движеніе въ пользу перехода къ однодеревенской общинѣ, а также указываетъ на незначительность или полное отсутствіе внѣшняго давленія, которое непремѣнно придало бы явленію болѣе или менѣе шаблонный, казенный характеръ. Личныя наши наблюденія въ этомъ отношеніи только подтверждаютъ сказанное: мы не можемъ указать ни одного случая вмѣшательства административной власти, когда оно не было бы вызвано просьбами и жалобами самихъ общинниковъ, хотя и не рѣшимся утверждать, чтобы такое вмѣшательство совсѣмъ не имѣло мѣста на Алтаѣ; но во всякомъ случаѣ это будутъ единичныя исключенія.

Этими немногими чертами мы и закончимъ рѣчь о разрушеніи сложной общины и перейдемъ къ разсмотрѣнію современныхъ внутреннихъ порядковъ общины.

Выше было уже говорено о существующихъ порядкахъ въ крупныхъ составныхъ общинахъ. Поэтому здѣсь повторять сказаннаго не будемъ и обратимся непосредственно къ мелкимъ составнымъ общинамъ. Матеріаломъ для ознакомленія съ этой стороной дѣла намъ послужатъ, главнымъ образомъ, отзывы самихъ крестьянъ, а также мірскіе приговоры, составлявшіеся по разнымъ поводамъ.

Община д. Чемской, Агафонихи и Дергоусовой Кайлинской волости составили подписку 29 февраля 1884 г. въ томъ, что они „землею пользуются и впредь желаютъ пользоваться по старому, безъ разграниченія". С. Кочковское и д. Муланская „пользуются всѣми землями сообща, за исключеніемъ сѣнокоснаго участка, около версты длиною, который раздѣленъ между ними волостными начальниками лѣтъ 17 назадъ". Всѣ пять сложныхъ общинъ Тальменской волости земли между деревнями не дѣлили никогда,—и прежде, и теперь каждый общинникъ въ предѣлахъ дачи своей общины захватываетъ земли, гдѣ и сколько хочетъ, почему въ землепользованіи внутри общины наблюдается чрезвычайная неравномѣрность. Сѣнокосы раздѣлены еще во время межеванія между отдѣльными деревнями. Д. Голубцова и Чеснокова пользуются землей „нераздѣльно, на мѣстахъ, указанныхъ предками"; изъ-за земли часто бываютъ ссоры и драки. Обѣ общины Чаусской вол. пользуются всѣми угодьями, кромѣ „сѣнокосныхъ поемныхъ луговъ", безраздѣльно. Въ общинѣ Зуевой-Елизаровой *всѣ* земли состоятъ въ нераздѣльномъ пользованіи; кромѣ того, большею частью дачи общины завладѣли крестьяне того же сельскаго общества, д. Черной, имѣющей и свою отдѣльную дачу. Въ общинѣ Николаевской вол. (с. Суен-

гинскаго и другихъ пяти деревень) землю никогда не дѣлили, но „въ прежнее время старики разъѣзжали и указывали каждой деревнѣ ея мѣсто; нынѣ это соблюдается только въ отношеніи покосовъ, а пашнями заходятъ другъ за друга“. Въ Ординской волости три общины—д. Яровой съ другими пятью селеніями, д. Вагайцевой съ с. Ординскимъ и д. Зыряновой съ другими—„всѣми угодьями пользуются сообща, безъ всякаго разграниченія“. Хлѣбопахотныя земли въ общинѣ с. Малышевскаго съ д. Поротниковой и Нижнегузунской состоятъ въ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ деревень, причемъ каждый общинникъ безъ соблюденія какихъ-либо правилъ можетъ захватить и запахать любое свободное мѣсто въ дачѣ; для д. Нижнегузунской прежде былъ выдѣленъ отдѣльный участокъ пашни, и проведена „грань“, но впослѣдствіи эта грань какъ-то сама собой уничтожилась; покосы въ каждой деревнѣ отдѣльные. Бѣлоглазова и Самсонова, составляющія общину Чарышской волости, пашнями пользуются совмѣстно, никогда ихъ не дѣлили, несмотря на то, что на планѣ указаны границы участка каждой изъ нихъ. Въ другой общинѣ той же волости изъ д. Шипуновой и Быковой крестьяне „дѣлятъ между собой земли полюбовно, смотря по надобности; окончательнаго раздѣла не было“. И т. д.

Этихъ примѣровъ вполнѣ достаточно для общей характеристики земельныхъ порядковъ современной сложной общины на Алтаѣ. Большинство общинъ владѣетъ угодьями совмѣстно (угодій, подвергшихся окончательному раздѣлу, въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ въ виду, ибо они должны быть разсматриваемы не иначе, какъ выпавшими изъ ихъ общихъ владѣній), безъ всякихъ ограниченій. Понятно, что большее количество земель, находящихся въ пользованіи жителей каждой деревни, такъ какъ качество земель въ большинствѣ случаевъ однородно въ дачѣ. Это, однако, не мѣшаетъ общинникамъ, имѣющимъ дальнія запашки, „заходить другъ за друга“, т.-е. не мѣшаетъ черезполосному пользованію. Характеръ такого распоряженія общинными землями станетъ вполнѣ яснымъ ниже, когда мы разсмотримъ формы землепользованія въ деревенскихъ общинахъ, такъ какъ именно этими формами онъ вполнѣ опредѣляется.

Есть другія общины, въ которыхъ землю, „смотря по надобности“, община распредѣляетъ между своими деревнями. Есть наконецъ, общины, гдѣ опредѣленнаго раздѣла не бываетъ, но „старики“ указываютъ каждой деревнѣ мѣсто, гдѣ она можетъ свободно распоряжаться землей.

Каждая изъ этихъ общинъ занимаетъ свою ступень въ раз

витіи мѣстныхъ формъ народнаго землевладѣнія: въ то время, какъ для общинъ перваго рода, благодаря многоземелью, еще не возникалъ вопросъ о необходимости такъ или иначе регулировать земельныя отношенія своихъ членовъ, а если гдѣ и возникъ, то эти общины рѣшили его уничтоженіемъ данной формы владѣнія (частичное разрушеніе общины), для двухъ послѣднихъ разрядовъ общинъ жизнь уже поставила этотъ вопросъ, и разрѣшеніе его онѣ нашли не въ уничтоженіи существующей формы, а въ дальнѣйшемъ развитіи ея, каковымъ и является періодическій передѣлъ, „смотря по надобности“, земель между деревнями общины и болѣе патріархальная форма— указаніе мѣстъ „стариками“. Этимъ общинамъ впослѣдствіи и перейти гораздо легче, чѣмъ первымъ, отъ одной системы землепользованія къ другой (отъ захвата къ передѣламъ), такъ какъ самый принципъ періодическихъ передѣловъ ими уже усвоенъ, между тѣмъ какъ для первыхъ онъ является дѣломъ новымъ, труднымъ, почему необходимость перейти къ новой системѣ землепользованія можетъ повлечь за собой переходъ и къ новой формѣ землевладѣнія, какъ это и было въ большинствѣ алтайскихъ крестьянскихъ общинъ по отношенію луговыхъ покосовъ: необходимость подвергать ихъ передѣламъ вызывала разрушеніе сложныхъ общинъ.

V.

Однодеревенская община, какъ уже сказано, является преобладающей формой крестьянскаго землевладѣнія на Алтаѣ. Возникши путемъ разложенія болѣе крупнаго земельнаго союза, современная однодеревенская община характеризуется неопредѣленностью и спорностью границъ своего землевладѣнія. Имѣющіяся у насъ данныя о земельныхъ спорахъ, разрѣшить которые собственными силами общины не могли, какъ нельзя лучше подтверждаетъ сказанное: за только что истекшее десятилѣтіе было возбуждено 258 спорныхъ дѣлъ, настолько крупныхъ, что общинники не могли разобраться въ нихъ сами и обращались за разрѣшеніемъ ихъ въ различныя инстанціи, требуя межевыхъ работъ, указанія границъ и формальныхъ разводовъ. Если мы примемъ, что каждый споръ касался только двухъ сосѣднихъ общинъ (въ дѣйствительности, въ спорахъ не рѣдко участвуетъ нѣсколько общинъ разомъ), то и тогда окажется, что тяжбами изъ-за земли въ десятилѣтній періодъ было затронуто болѣе

43% всѣхъ крестьянскихъ общинъ на Алтаѣ. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что до канцелярій доходятъ далеко и далеко не всѣ возникающія земельныя недоразумѣнія—очень многія изъ нихъ, можетъ быть, большинство, разрѣшаются на мѣстѣ самими общинами посредствомъ особаго обычнаго суда или путемъ миролюбивыхъ соглашеній.

Правда, земельные споры—не исключительная принадлежность нашего времени: возникали они и прежде, особенно богаты ими пятидесятые годы; но основаніе и еще болѣе—значеніе споровъ до 1861 года и послѣ рѣзко различаются между собой.

Хотя крестьянство и перешло, въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, къ раздѣлу земель и къ однодеревенскому владѣнію ими, тѣмъ не менѣе въ народѣ живо было сознаніе права на землю. Поэтому измѣненіе время отъ времени границъ землевладѣнія отдѣльныхъ общинъ, „уравнительные по числу душъ" раздѣлы земельныхъ угодій между сосѣдями были въ большомъ ходу: какъ только болѣе или менѣе рѣзко обозначалось неравенство въ распредѣленіи угодій между общинами, такъ тотчасъ же поднимался вопросъ о производствѣ „равненія", получавшій свое разрѣшеніе на мѣстѣ, черезъ выборныхъ отъ общинъ, или же переносившійся на разсмотрѣніе подлежащаго начальства—Горнаго Правленія, которое передавало его земскому управителю. Но и въ этомъ случаѣ дѣло кончалось не иначе, какъ при участіи выборныхъ „лучшихъ людей" отъ окольныхъ общинъ, и они-то опредѣляли, какъ слѣдуетъ поступать въ данномъ случаѣ—произвести прирѣзку или нѣтъ, отъ какихъ именно деревень и проч., такъ что роль земскаго управителя была скорѣе санкціонирующая, чѣмъ рѣшающая [26]). Приведемъ для характеристики, какъ самыхъ споровъ, такъ и способовъ ихъ разрѣшенія въ дореформенное время одинъ—два примѣра.

9 марта 1854 года общество д. Гришиной Чумышской волости постановило приговоръ о необходимости прирѣзать земли къ ихъ дачѣ отъ окольныхъ общинъ, болѣе многоземельныхъ. Мотивировка этого приговора была та, что еще въ 1832 г. „при раздѣлѣ земель" [27]) ихъ обществу „не хватило 54 десят." когда въ общинѣ было 7 дворовъ, имѣвшихъ 25 ревизскихъ душъ, между тѣмъ какъ въ моментъ составленія приговора въ

[26]) Я не имѣю здѣсь въ виду случаевъ пристрастнаго отношенія къ дѣлу земскаго управителя, личной заинтересованности, злоупотребленія властью и пр.

[27]) Намъ не удалось узнать, о какомъ „раздѣлѣ" здѣсь идетъ рѣчь. Гришина еще со времени общихъ межевыхъ работъ имѣетъ отдѣльную дачу.

общинѣ было уже пятьдесятъ четыре ревизскихъ души, распредѣлявшихся по 21 двору. Вопросъ о переверсткѣ перешелъ къ земскому управителю, которымъ въ 1855 г. и были собраны старшины и лучшіе люди окольныхъ деревень для осмотра въ натурѣ угодій, какъ Гришинской, такъ и сосѣднихъ Жилинской и Комаровской общинъ и для производства удостовѣренія въ необходимости сдѣлать переверстку. Собраніе состоялось 13 іюля; въ немъ участвовали общества деревень Гришиной, Жилиной и Комаровой, старшины и лучшіе люди отъ Чумышской вол. деревень Сорокиной—5 чел., Верхъ-Камышенки—7 чел., Омутной—15, и отъ Верхъ-Чумышской вол. деревень Стародрочиной — 12 челов. и Кокуйской — 4 человѣка. Послѣ осмотра, при участіи Бѣлоярскаго земскаго управителя, былъ постановленъ приговоръ слѣдующаго содержанія: въ виду того, что дер. Гришина, дѣйствительно, имѣетъ сѣнокосовъ недостаточно, а въ сосѣднихъ общинахъ Верхъ-Чумышской вол.—Жилиной и Комаровой—ихъ избытокъ, собраніе старшинъ и лучшихъ людей признаетъ необходимымъ произвести прирѣзку покосовъ отъ этихъ селеній въ пользу д. Гришиной. Прирѣзка произведена въ слѣдующемъ году.

Нѣсколько ранѣе, а именно въ 1852 г., возникло недоразумѣніе въ Боровлянской волости между деревнями Гжельниковой, Кинтерепской и Никоновой. Въ этомъ году между перечисленными селеніями было произведено уравненіе угодій самими общинниками, но общество д. Никоновой осталось недовольно и возбудило вопросъ о новомъ передѣлѣ. Для удостовѣренія въ дѣйствительной „уравнительности“ раздѣла 1852 г., Бѣлоярскій и Чаусскій земскіе управители собрали всѣ три общества, спорящія о покосахъ, а также лучшихъ людей окольныхъ селеній и старшинъ. При осмотрѣ оказалось, что раздѣлъ былъ произведенъ неуравнительно, и Никонова имѣетъ покосовъ относительно менѣе, чѣмъ двѣ другія общины. Въ виду этого собраніе постановило произвести прирѣзку отъ д. Гусельниковой и Кинтерепской къ Никоновой, хотя послѣдняя принадлежитъ къ другой волости—къ Легостаевской.

Основаніе обоихъ этихъ спорныхъ дѣлъ—стремленіе къ уравнительности, которая достигалась измѣненіемъ границъ общинныхъ владѣній, производствомъ „прирѣзокъ“ и „отрѣзокъ“. Главную роль тутъ играли выборные лучшіе люди заинтересованныхъ и окольныхъ общинъ, а также старшины тѣхъ же селеній. При этомъ заслуживаетъ вниманія, что въ вопросѣ объ уравнительномъ передѣлѣ границы волости, какъ единицы адми-

нистративной, не имѣютъ ровно никакого значенія, и отъ общинъ, принадлежащихъ къ одной волости, производится прирѣзка къ общинѣ сосѣдней волости.

Такіе передѣлы, производимые непосредственно самими общинами или при ихъ ближайшемъ участіи, не вносили ничего новаго въ междуобщинныя отношенія, во-первыхъ, а во-вторыхъ, отнюдь не могли поощрять своекорыстныя побужденія отдѣльныхъ общинъ и ихъ членовъ, стремленія захватить въ свою пользу возможно больше земли: въ случаѣ захвата и т. п. сходъ выборныхъ лучшихъ людей сосѣднихъ общинъ разсматривалъ дѣло и опредѣлялъ право каждой общины на занимаемыя ею земли. Вотъ этотъ-то сходъ „лучшихъ людей", избираемыхъ общинами и рѣшающихъ, при участіи волостныхъ или сельскихъ старшинъ, земельные споры и несогласія, мы и называемъ обычнымъ земельнымъ судомъ. Этотъ судъ является лучшей охраной наличныхъ земельныхъ отношеній. Впослѣдствіи, а именно послѣ 1861 г., значеніе этого суда было сильно поколеблено, такъ какъ явилась возможность при всякихъ земельныхъ столкновеніяхъ отрицать принципъ „поравненія", какъ противорѣчащій закону 8 марта, и выставлять другой, совершенно противоположный—принципъ давности владѣнія. Такимъ образомъ, перемѣстился самый центръ тяжести споровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилась фактическая возможность обходить обычай, невыгодный въ данномъ случаѣ для отдѣльной общины, и лишить сосѣда куска земли, которымъ онъ пользуется неправильно съ точки зрѣнія писаннаго закона,—точнѣе выражаясь, его истолкователей, но вполнѣ правильно съ точки зрѣнія мѣстнаго обычая. Эта печальная возможность и послужила причиной возникновенія массы споровъ, имѣющихъ въ большинствѣ случаевъ одно и то же основаніе—стремленіе присвоить себѣ то, что въ сущности принадлежитъ сосѣду.

Съ теченіемъ времени, подъ впечатлѣніемъ примѣровъ удачнаго возстановленія границъ 20-хъ годовъ, низменные инстинкты въ массѣ все болѣе разгорались и вызвали въ концѣ концовъ ту земельную неурядицу, которая существуетъ въ настоящее время на Алтаѣ, и прекратить которую врядъ ли удастся иначе, какъ черезъ новое общее межеваніе и подчиненіе населенія опредѣленному земельному надѣлу.

Обычный земельный судъ еще и теперь, правда въ нѣсколько иныхъ формахъ, занимаетъ видное мѣсто въ междуобщинныхъ отношеніяхъ на Алтаѣ и примѣняется почти во всѣхъ волостяхъ округа, хотя и уступаетъ все болѣе и болѣе мѣсто дру-

гимъ способамъ разрѣшенія земельныхъ вопросовъ — именно, разрѣшенію при участіи мѣстной администраціи. Формы обычнаго суда, а также условія, вызывающія его паденіе, заслуживаютъ болѣе близкаго разсмотрѣнія.

Въ Барнаульскомъ округѣ, въ Бердской волости обычный судъ состоитъ изъ стариковъ, избираемыхъ отъ окольныхъ съ тяжущимися общинъ, и волостного старшины. Прежде чѣмъ рѣшать дѣло, „старики“ выслушиваютъ показанія, какъ тяжущихся сторонъ, такъ и понятыхъ отъ сосѣднихъ селеній и производятъ осмотры земель въ натурѣ. При разрѣшеніи возникающихъ недоразумѣній судъ руководствуется еще и теперь [28]) принципомъ „поравненія“ и потому производитъ отрѣзки земли отъ общинъ, гдѣ населеніе убыло, къ тѣмъ, гдѣ оно возросло. Такое измѣненіе границъ на планахъ, разумѣется, не отмѣчается, хотя это не мѣшаетъ проведенію въ натурѣ своихъ частныхъ „граней“, обязательныхъ для сосѣднихъ общинъ. Въ своихъ рѣшеніяхъ судъ стариковъ пользуется правами третейскаго суда; подъ этимъ именемъ, а также подъ названіемъ „третейскаго съѣзда“ онъ и извѣстенъ у крестьянъ. Подобная же организація суда стариковъ существуетъ и въ другихъ волостяхъ того же округа; но въ Бѣлоярской, Карасукской, Ординской и нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ при рѣшеніи споровъ принимается во вниманіе не неравенство владѣнія, а давность, для опредѣленія которой судъ опрашиваетъ „сторонницу“ (сосѣдей) и пр. Что касается плановъ, то имъ чаще всего не придается никакого значенія. Такъ, напримѣръ, въ Ординской волости крестьяне признаютъ ихъ не отвѣчающими дѣйствительности и говорятъ, что если при спорахъ основываться на нихъ, то будетъ лишь „одно бунтовство“; въ Чумышской вол. — „что отъ этихъ плановъ, кромѣ смуты и убытковъ, міру ничего нѣтъ“ и т. д. Совсѣмъ иное наблюдается въ Чингинской волости. Здѣсь нѣкоторыя общины, узнавъ, что по планамъ въ ихъ дачахъ числятся земли, фактически находящіяся въ распоряженіи другихъ общинъ, не хотятъ подчиняться рѣшенію третейскаго суда и требуютъ признанія границъ, указанныхъ на планахъ; противная сторона отрицаетъ правильность подобной постановки вопроса; отсюда нескончаемыя пререканія между общинами.

Въ Кузнецкомъ округѣ, въ Бачатской, Ильинской и др. волостяхъ судъ составляется изъ особыхъ, выбранныхъ общинами пожилыхъ крестьянъ; рѣшенія его „по совѣсти“ и безапелляціонны. Нарушенное владѣніе возстановляется послѣ мѣстнаго

[28]) Наши свѣдѣнія относятся къ восьмидесятымъ годамъ.

осмотра и выслушанія показаній сосѣдей. Судомъ охраняются селенныя грани, въ натурѣ хорошо извѣстныя крестьянамъ и ревниво оберегаемыя ими. Въ Верхотомской и иныхъ волостяхъ, напротивъ, если обычный судъ еще и функціонируетъ, то далеко не въ такой степени; здѣсь населеніе все чаще и чаще ищетъ разрѣшенія своихъ земельныхъ недоразумѣній на сторонѣ, въ различныхъ канцеляріяхъ.

Въ Томскомъ округѣ мы находимъ ту же организацію третейскаго суда, что и въ двухъ предыдущихъ. Какъ на примѣръ извѣстнаго намъ отступленія, можно указать на Кайлинскую волость, гдѣ земельные споры рѣшаются волостнымъ старшиной послѣ опроса стариковъ и сосѣдей и указанія ими старинныхъ межъ.

Наибольшимъ измѣненіямъ обычный судъ подвергся въ Бійскомъ округѣ, что вполнѣ понятно, такъ какъ именно здѣсь прежде всего почувствовалась извѣстная степень „утѣсненія“, а слѣдовательно, и столкновенія изъ-за земли должны были возникать чаще и принимать болѣе острый характеръ. Такъ, напримѣръ, въ Алейской, Ануйской волостяхъ споры разрѣшаются не тѣмъ судомъ, который мы видѣли въ Кузнецкомъ и другихъ округахъ, а обыкновеннымъ волостнымъ, рѣшенія котораго на общемъ основаніи подлежатъ обжалованію въ крестьянскихъ учрежденіяхъ. Въ Алтайской волости, послѣ извѣстнаго распоряженія генералъ-губернатора Хрущева о томъ, чтобы при разбирательствахъ возникающихъ споровъ руководствоваться планами прежней съемки, возникли между общинами споры, разобраться въ которыхъ третейскій судъ уже не могъ, чѣмъ и было ослаблено его значеніе. Организація обычнаго суда въ Барнаульской волости нѣсколько отличается отъ той, что мы видѣли выше: мѣсто суда стариковъ занимаетъ обыкновенный третейскій судъ, составляющійся такъ: каждая изъ спорящихъ общинъ избираетъ трехъ пожилыхъ крестьянъ представителями своихъ интересовъ; кромѣ того, выбираются еще три „старика“ отъ окольныхъ, не заинтересованныхъ въ спорѣ общинъ, и непремѣннымъ участникомъ суда является волостной старшина или его кандидатъ. Въ другихъ волостяхъ паденіе обычнаго суда выражается еще рѣзче. Напримѣръ, въ Чарышской волости до недавняго времени всѣ пограничныя дѣла разрѣшались крестьянами полюбовно, безъ обращенія къ волостному суду или крестьянскому чиновнику, но потомъ, съ легкой руки Черновской общины, начали „судиться“, т.-е. не довольствуясь своими обычаями, искать возстановленія нарушеннаго права владѣнія въ учрежде-

ніяхъ по крестьянскимъ дѣламъ; то же нужно сказать и о Сростинской волости. Въ Бухтарминской волости существовалъ обычный судъ, но съ 1879 г., когда туда былъ командированъ межевщикъ для разрѣшенія спора между крестьянами и казаками Бухтарминской станицы, крестьяне перестали подчиняться суду стариковъ, требуя возстановленія границъ, и теперь даже общины, границы которыхъ еще недавно установлены путемъ „миролюбиваго соглашенія“ съ сосѣдями, начинаютъ тягаться изъ-за земли, требовать присылки межевщика и пр. Такова, напримѣръ, д. Мякотиха, границы которой съ сосѣдними общинами Кондратьевой и Тургусунской точно опредѣлены подписками, но которая тѣмъ не менѣе хлопочетъ о возстановленіи прежнихъ „граней“. То же самое и въ Чарышской вол., гдѣ обычный судъ существуетъ только по имени. Въ Риддерской волости этого суда нѣтъ, и дѣла о спорахъ разбираются учрежденіями по крестьянскимъ дѣламъ. И т. д., и т. д. [29]).

Измѣняясь по самому характеру своему, ставя на мѣсто принципа „поравненія“, образчикъ котораго можно видѣть еще и теперь въ Бердской волости, совершенно новый принципъ охраненія прежнихъ граней, обычный судъ все болѣе и болѣе теряетъ кредитъ въ глазахъ крестьянской массы, уступая мѣсто другимъ способамъ разрѣшенія земельныхъ вопросовъ. По мѣрѣ отреченія отъ началъ „поравненія“, по мѣрѣ паденія обычнаго суда, однодеревенская община болѣе и болѣе теряетъ связь съ прошлыми формами волостной организаціи, однимъ изъ живыхъ памятниковъ которой является этотъ „третейскій по совѣсти судъ“, какъ выражаются крестьяне, все болѣе и болѣе обособляется. Распоряженіе генералъ-губернатора Хрущова о томъ, чтобы мировые посредники, при возникающихъ между селеніями земельныхъ спорахъ, руководствовались не границами фактическаго владѣнія, а исключительно данными общаго межеванія,— распоряженіе это является лишь внѣшнимъ, хотя и очень чувствительнымъ толчкомъ, только ускоряющимъ задолго до него начавшееся движеніе, т.-е. разложеніе однѣхъ и образованіе другихъ формъ общины. Чѣмъ скорѣе закончится это движеніе, чѣмъ скорѣе общины придутъ къ соглашенію о границахъ владѣнія, тѣмъ лучше, такъ какъ тѣмъ скорѣе наступитъ дальнѣйшее спокойное развитіе формъ народной жизни.

---

[29]) Большинство свѣдѣній объ обычномъ судѣ взяты изъ цитированнаго выше труда Н. Ваганова и изъ отвѣтовъ сельскихъ старостъ на вопросы, разосланные въ 1887 г. главнымъ управленіемъ Алтайскаго округа.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о раздѣльныхъ общинахъ, о которыхъ упоминалось выше.

Деревня Новоалейская существовала задолго до открытія въ 1782 г. Локтевскаго серебро-плавильнаго завода. Заводъ былъ устроенъ почти въ самой деревнѣ, не имѣвшей отвода земли, которой крестьяне пользовались вольно, какъ и во всѣхъ другихъ общинахъ того времени. Около завода начали обстраиваться служащіе на немъ, мастеровые, рабочіе и прочій людъ. Такъ возникло горнозаводское населеніе рядомъ съ крестьянскимъ. Усадьбы ихъ сходились вмѣстѣ, такъ что оба селенія какъ бы сливались въ одно цѣлое. Въ 20-хъ гг. текущаго столѣтія, когда производились общія межевыя работы на Алтаѣ, всѣ земли, прилегающія къ заводу и д. Новоалейской и находившіяся въ безпрепятственномъ совмѣстномъ пользованіи крестьянъ и горнозаводскихъ рабочихъ, были замежеваны въ одну заводскую дачу, съ правомъ для новоалейскихъ крестьянъ общаго пользованія. Такимъ образомъ, и послѣ межеванія крестьяне и горнозаводскіе рабочіе продолжали пользоваться землей совмѣстно и нераздѣльно до 1861 г., когда горнозаводское населеніе было освобождено отъ обязательныхъ работъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлялось точно и его право на землю. Съ этого момента начинается обособленіе въ земельномъ отношеніи двухъ частей одного и того же селенія,—частей, носящихъ разныя названія—д. Новоалейской и селенія Локтевскаго, и образованіе двухъ общинъ—крестьянской и горнозаводской.

Согласно Положенію 8 марта 1861 г., горнозаводскимъ людямъ изъ заводской дачи выдѣлено и предоставлено по уставной грамотѣ, частью въ пользованіе, частью въ собственность 1651 десят. земли. Вся остальная земля до сихъ поръ остается въ нераздѣльномъ пользованіи заводоуправленія и новоалейскихъ крестьянъ, за исключеніемъ 624 дес. сѣнокоса, которыя въ 1863 г. были вырѣзаны изъ общей дачи новоалейскимъ крестьянамъ. Хлѣбопахотными землями крестьяне пользуются по всей заводской дачѣ, какъ прежде вмѣстѣ съ ними пользовались и горнозаводскіе рабочіе, причемъ опредѣлить точно количество земли, занимаемой новоалейской общиной, не представляется рѣшительно никакой возможности.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что, если когда-то и могла быть приблизительно опредѣлена линія, разграничивавшая два селенія, то потомъ эта возможность утратилась, ибо и въ томъ, и въ другомъ усадьбы захватывались вольно, какъ въ д. Новоалейской захватываются и теперь, вслѣдствіе чего получилась

черезполосность усадебныхъ мѣстъ. Послѣ земельнаго „устройства“ горнозаводскаго населенія и отведенія усадебъ въ собственность каждаго домохозяина, многія усадьбы путемъ купли-продажи перешли въ руки новоалейскихъ крестьянъ, чѣмъ еще болѣе увеличилась черезполосность. Вообще, д. Новоалейская и с. Локтевское составляютъ одно селеніе, нѣкогда бывшее и одной земельной общиной, но впослѣдствіи распавшееся на двѣ совершенно самостоятельныя въ земельномъ отношеніи единицы; такія же самостоятельныя единицы представляютъ они и въ административномъ отношеніи: каждое изъ нихъ составляетъ отдѣльное общество, и даже принадлежатъ они къ различнымъ волостямъ.

Совсѣмъ иное происхожденіе Калтайской раздѣльной общины Оятинской волости. Почти на самой границѣ (сѣверной) Алтайскаго округа, на земляхъ, принадлежащихъ инородцамъ Калтайскихъ юртъ, съ ихъ согласія, поселились русскіе крестьяне, образовавшіе селеніе Калтайское вблизи самыхъ юртъ. Какъ юрты, такъ и селеніе пользовались всѣми землями совмѣстно. Съ теченіемъ времени они слились въ одно поселеніе, благодаря постепенному расширенію границъ усадебъ, какъ деревни, такъ и юртъ, вслѣдствіе возростанія населенія; но часть населенія выселилась изъ деревни и образовала въ общей дачѣ еще двѣ русскихъ деревни: Кондинскую и Смокотину, которыя также пользовались землей „въ обоюдѣ“ съ инородцами и калтайскими крестьянами. Въ такомъ видѣ разсматриваемую общину застало межеваніе, и общая дача всѣхъ этихъ селеній была нанесена на одинъ планъ. Нѣсколько десятилѣтій эти три селенія пользовались совмѣстно, но потомъ между инородцами и крестьянами д. Калтайской пошли несогласія, закончившіяся выдѣломъ изъ общей дачи всѣхъ угодій инородцамъ; русскія же селенія остались по прежнему въ „обоюдѣ“. При этомъ раздѣлу подверглись не только пашни, сѣнокосы и выгонъ, но и усадебныя земли; границей принята улица, по одну сторону которой лежатъ инородческія усадебныя мѣста, по другую—крестьянскія. Въ такомъ видѣ земельныя отношенія сохранились и до сихъ поръ; одно селеніе Калтайское, образовавшееся черезъ естественное разростаніе и слитіе двухъ поселеній, которыя ранѣе пользовались землей совмѣстно, представляетъ изъ себя двѣ общины — однодеревенскую инородческую и часть сложной крестьянской.

Подобное же происхожденіе имѣетъ русско-инородческое селеніе Константиновское Тутальской волости Томскаго округа: инородцы и крестьяне этого селенія, образовавшагося черезъ

слитіе юртъ Константиновыхъ и деревни того же имени, всѣми землями въ настоящее время пользуются раздѣльно, за исключеніемъ усадебныхъ, которыя формально разграничены не были. Любопытно, что и здѣсь русская часть селенія входитъ въ составъ сложной общины изъ восьми деревень; къ этой же общинѣ принадлежали прежде и инородцы, на земляхъ которыхъ возникли эти русскія поселенія еще въ прошломъ столѣтіи.

Имѣя съ Локтевско-Новоалейской раздѣльной общиной сходство въ томъ отношеніи, что сліяніе происходило между разнородными элементами, двѣ послѣднія общины сохраняютъ и отличительныя черты: отсутствіе вмѣшательства внѣшней силы, приведшей къ слитію двухъ поселеній, и, такъ сказать, естественный ходъ развитія земельныхъ отношеній, дающій въ результатѣ форму, извѣстную подъ названіемъ раздѣльной общины.

Къ числу этого же рода раздѣльныхъ общинъ можно отнести крестьянско-казачьи общины по такъ называемой Бійской линіи, гдѣ крестьяне приселялись къ казачьимъ форпостамъ, съ которыми ихъ деревни постепенно сливались въ одно селеніе. Подчиненіе казаковъ шести-десятинному надѣлу, согласно закону 1773 г., обособило ихъ землевладѣніе и дало въ результатѣ раздѣльную общину. Таковы с. Верхъ-Убинское (Лосиха тожъ), Секисовка и пр. Тѣ же условія создали и еще одну изъ оригинальныхъ формъ общины, занимающей какъ бы среднее положеніе между составной и раздѣльной общиной; образцомъ этой формы можетъ служить с. Бобровское Бійской волости. Но на всѣхъ подобныхъ фактахъ мы не будемъ останавливаться подробно, потому что намъ придется еще къ нимъ возвратиться въ другомъ мѣстѣ, при разсмотрѣніи формъ казачьей общины на Алтаѣ.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ раздѣльными общинами, хотя и образовавшимися черезъ сліяніе двухъ селеній, но еще сохранившими слѣды своего происхожденія: составляя одно селеніе, части каждаго изъ нихъ еще сохранили свое прежнее названіе: д. Новоалейской, юртъ Калтайскихъ и пр. Въ Салтонской русско-инородческой раздѣльной общинѣ мы не видимъ уже и этихъ внѣшнихъ признаковъ происхожденія—все поселеніе носитъ одно и то же имя. Такимъ образомъ, здѣсь не остается ничего, за что могли бы ухватиться противники мнѣнія о существованіи на Алтаѣ раздѣльной общины, ибо уже и чисто внѣшніе признаки слитія двухъ селеній, если таковое когда-либо и имѣло мѣсто, стерты временемъ. Эта община, какъ и другія получили свою форму черезъ раздѣлъ угодій, бывшій въ

1856 г., когда инородцы и крестьяне селенія, „имѣя въ владѣніи своемъ общую дачу по отведеннымъ въ 1832 г. границамъ съ постановленіемъ межевыхъ знаковъ, съ ея пахотною землею, сѣнными покосами, лѣсными и прочими угодьями, поговоря между собой полюбовно, впредь къ спокойному и безспорному владѣнію... развелись полюбовно“ [30]). Основанія, на которыхъ установились послѣдующія земельныя отношенія, заключаются въ трехъ пунктахъ: а) водопой и селеніе остаются по прежнему въ совмѣстномъ владѣніи, но новыя усадьбы должны отводиться для крестьянъ и инородцевъ въ различныхъ мѣстахъ: для первыхъ по р. Салтону, для вторыхъ по р. Шиландайкѣ; б) выгонъ также оставленъ въ совмѣстномъ пользованіи, но опредѣлено точно, гдѣ и какую часть изгороди должны исправлять инородцы и русскіе крестьяне. „Буде же найдено впослѣдствіи необходимымъ, говорится въ „сказкѣ“, то разгородить оную (поскотину) на двѣ половины“; в) „пашныя земли, покосы, лѣсныя дачи и прочія угодья“ раздѣлены между обѣими группами населенія, причемъ границы владѣнія обозначены межами и другими условными знаками. Эти земельныя отношенія существуютъ и теперь. Въ административномъ отношеніи каждая изъ обособившихся группъ представляетъ отдѣльное общество, имѣетъ своихъ старостъ и причислена не только къ различнымъ волостямъ, но и округамъ: крестьянское сельское общество входитъ въ составъ Енисейской вол. Бійскаго округа, а инородческое — Уксунайской вол. Кузнецкаго округа. Р. Салтонъ, раздѣляющая эти округа, въ то же время служитъ границею между земельными угодьями крестьянъ и инородцевъ Салтонской общины. Ко всему сказанному надо еще прибавить, что „инородцы“ настолько утратили черты своего національнаго характера, что въ настоящее время уже ничѣмъ не отличаются отъ русскихъ крестьянъ; только сохранившееся названіе да связанныя съ нимъ особенности юридическаго положенія группы напоминаютъ о ея происхожденіи и отличіи отъ другой группы.

С. Швецовъ,

членъ-корреспондентъ Московскаго Юридическаго Общества.

[30]) „Полюбовная сказка“ 1856 г. 31 іюля.

ДВИЖЕНІЕ ДѢЛОПРОИЗВОДСТВА ВЪ ОБЩИХЪ СУДЕБНЫХЪ УСТАНОВЛЕНІЯХЪ.

Своды статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ по прежнему, какъ мы уже имѣли случай говорить о томъ ранѣе [1]), выходятъ въ свѣтъ и съ опозданіемъ (данныя за 1886 г. напечатаны въ 1890 г.), и безо всякой предварительной, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, обработки цифроваго матеріала. Это полное отсутствіе объяснительнаго введенія къ фоліантамъ, наполненнымъ одними цифрами, представляетъ совершенно нежелательную особенность нашей криминальной статистики: подобные же статистическіе сборники по Австріи, Германіи и Франціи каждый годъ снабжаются обстоятельнымъ (въ особенности въ нѣмецкихъ сводахъ) введеніемъ, въ которомъ изложены всѣ главнѣйшіе числовые выводы изъ представляемаго таблицами сырого матеріала, притомъ же и съ сопоставленіемъ данныхъ предшествующихъ лѣтъ. Нечего и говорить, насколько такая оффиціальная обработка облегчаетъ пользованіе статистическими отчетами для частнаго изслѣдователя или просто человѣка, интересующагося выводами уголовной статистики. И у насъ до 1880 года также прилагались къ каждому своду подробныя введенія, но затѣмъ они исчезли, и въ настоящее время статистическія изданія м—ва юстиціи представляютъ лишь груды цифроваго матеріала, въ которомъ, съ перваго разу, трудно разобраться даже человѣку, спеціально заинтересованному дѣломъ. Между тѣмъ, по полнотѣ и подробности собираемыхъ свѣдѣній, наша уголовная статистика стоитъ выше западно-европейской и, при громадности ея числовыхъ данныхъ, представляетъ особый интересъ, которымъ, однакоже, не проникнуты издатели

[1]) Въ Юридич. Вѣстникѣ за 1889 г.

нашихъ статистическихъ сводовъ. Нѣкоторыя же изъ помѣщаемыхъ въ этихъ сводахъ свѣдѣній, помимо теоретическаго, имѣютъ и практическій, дѣловой интересъ—именно „свѣдѣнія о состояніи дѣлопроизводства въ судебныхъ установленіяхъ". Изъ этихъ то свѣдѣній мы и представимъ выборку наиболѣе общихъ данныхъ для статистической характеристики нѣкоторыхъ сторонъ нашего судебнаго дѣлопроизводства.

Статистика дѣлопроизводства вообще имѣетъ главною цѣлью выяснить успѣшность его, т.-е. отношеніе числа разсмотрѣнныхъ или разрѣшенныхъ дѣлъ къ числу возникшихъ, а также скорость движенія дѣлъ, продолжительность ихъ производства. Вопросъ этотъ самъ по себѣ представляетъ немаловажное значеніе, въ особенности—въ области уголовнаго дѣлопроизводства. Настоящій судъ, въ противоположность прежней волокитѣ, долженъ быть судомъ скорымъ въ той же мѣрѣ, какъ и судомъ правымъ и милостивымъ. Это требованіе скорости производства дѣлъ предъявляется къ органамъ суда, какъ со стороны заинтересованнаго въ томъ общества, такъ и самимъ закономъ. Нашъ уставъ уголов. судопр. неоднократно поставляетъ это на видъ, установляя въ извѣстныхъ случаяхъ опредѣленные сроки для тѣхъ или другихъ дѣйствій или же прямо предписывая производить какое-либо дѣйствіе „немедленно". Въ этомъ отношеніи обращено особое вниманіе на производство предварительнаго слѣдствія (и дознанія). Такъ, полиція, согласно 250 ст. у. у. с., о всякомъ происшествіи, заключающемъ въ себѣ признаки преступленія, должна немедленно, и никакъ не позже сутокъ по полученіи о томъ свѣдѣнія, сообщать судебному слѣдователю и прокурору. Въ ст. 295 у. у. с. заключается общее правило относительно производства предварительныхъ слѣдствій: они должны быть производимы со всевозможною скоростью. Производство ихъ не останавливается и въ табельные или воскресные дни, если обстоятельства дѣла того потребуютъ. То же требованіе быстроты производства мы встрѣчаемъ по разнымъ частнымъ вопросамъ предварительнаго слѣдствія, какъ, напр., въ ст. 266, 267, 276, 290, 309, 307, 344, 398, 431, 441, 498 у. у. с. Для дѣйствій прокурорскаго надзора, по предмету преданія обвиняемаго суду, опредѣляющею мѣру безотлагательности является 517 ст. у. у. с.: прокуроръ обязанъ дать указанный въ законѣ ходъ всякому слѣдствію въ теченіе недѣли со дня времени его полученія.

Относительно производства дѣлъ въ окружныхъ судахъ мы уже не встрѣчаемъ столь ясно выраженныхъ требованій закона

вести дѣло какъ можно скорѣе; но понятно, что условія производства предварительнаго слѣдствія и преданія суду болѣе всего требуютъ особой безотлагательности и скорости дѣйствій со стороны органовъ судебной власти, какъ въ цѣляхъ раскрытія истины, такъ и въ интересахъ подсудимаго. При рѣшеніи же дѣла по существу, разсмотрѣніе и оцѣнка добытаго предварительнымъ слѣдствіемъ матеріала и не можетъ производиться съ обязательною поспѣшностью, требуетъ нѣсколько большаго времени.

При разсмотрѣніи, съ помощью статистическихъ данныхъ, вопроса объ успѣшности дѣлопроизводства представляется, однако, невозможнымъ или весьма труднымъ входить въ оцѣнку качественной стороны дѣла, достоинствъ или недостатковъ судопроизводства *по существу*, а не *со стороны только исправности и* исполнительности въ направленіи и своевременномъ окончаніи дѣлъ. Нѣкоторое косвенное указаніе на эту сторону дѣла даютъ свѣдѣнія о числѣ измѣненныхъ въ апелляціонномъ порядкѣ или кассированныхъ приговоровъ, но въ этихъ свѣдѣніяхъ ничего не упоминается о мотивахъ отмѣны или измѣненія приговора, такъ что сами по себѣ эти свѣдѣнія имѣютъ мало значенія. Въ виду этого мы и не будемъ касаться вопроса о правильности рѣшенія дѣлъ по существу, а сообщимъ лишь данныя по дѣлопроизводству. Для выясненія наиболѣе существеннаго въ этомъ отношеніи вопроса,—какъ измѣнилась вообще успѣшность дѣлопроизводства въ нашихъ судебныхъ установленіяхъ за періодъ времени, доступный статистическому наблюденію, — мы проведемъ сравненіе между трехлѣтіемъ 1874—76 гг. и отдѣленнымъ отъ него десятилѣтнимъ промежуткомъ трехлѣтіемъ 1884—86 гг. До 1873 г. у насъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ по настоящей программѣ ихъ не издавалось; во время же нашей работы сводъ за 1887 г. еще не былъ изданъ; во всякомъ случаѣ, изучаемый періодъ времени достаточенъ для выводовъ изъ числовыхъ данныхъ, благодаря ихъ значительной величинѣ.

При сравненіи разсматриваемыхъ нами трехлѣтій надо имѣть въ виду, что въ первомъ изъ нихъ (1874—76) статистическія свѣдѣнія имѣлись только по округамъ 6 судебныхъ палатъ — с.-петербургской, московской, харьковской, казанской, саратовской и одесской; въ 1884—86 гг. присоединились еще округа кіевской и виленской судебныхъ палатъ, но это обстоятельство не имѣетъ особаго значенія, такъ какъ характеръ дѣлопроизводства двухъ новыхъ палатъ въ общемъ мало отличается отъ 6 другихъ округовъ. Начнемъ наше изслѣдованіе съ успѣшности дѣлопроизводства въ собственномъ смыслѣ слова, т.-е. опредѣ-

лимъ общее отношеніе дѣлъ оконченныхъ къ производившимся, причемъ сопоставимъ рядомъ данныя за оба трехлѣтія. Абсолютныя числа приведены среднія за каждое трехлѣтіе.

		Производилось въ средній годъ дѣлъ.	Изъ нихъ окончено.	% оконченныхъ.
Во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ .	1874—76	164692	88606	53,8
	1884—86	201603	113690	56,4
У судебныхъ слѣдователей . . .	1874—76	108918	85208	78,5
	1884—86	138118	118909	86,2
Въ прокурорскомъ надзорѣ окружныхъ судовъ	1874—76	81333	75770	93,2
	1884—86	113932	101400	88,9
Въ прокурорскомъ надзорѣ судебныхъ палатъ	1874—76	36795	34834	94,7
	1884—86	25078	21942	95,5
Въ судебныхъ палатахъ въ качествѣ обвинительной камеры . . .	1874—76	36946	35869	97,1
	1884—86	25437	23449	92,2
Въ окружныхъ судахъ	1874—76	70569	53639	76,0
	1884—86	123609	88821	71,9
Въ судебныхъ палатахъ въ качествѣ апелляціонной инстанціи . . .	1874—76	697	472	67,8
	1884—86	1465	1054	71,8
Въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ прав. сената	1874—86	1567	1087	79.4
	1884—86	2200	1803	82,0

Какъ видно изъ этой таблицы, во всѣхъ судебныхъ установленіяхъ въ совокупности успѣшность дѣлопроизводства нѣсколько повысилась (на 2,6%) при увеличеніи общаго количества дѣлъ. Не во всѣхъ, однакоже, судебныхъ инстанціяхъ замѣтно это увеличеніе отношенія оконченныхъ дѣлъ. Наибольшая разница въ пользу послѣдняго трехлѣтія наблюдается у судебныхъ слѣдователей: ими окончено въ послѣдній періодъ изъ 100 дѣлъ на 7,7 болѣе, чѣмъ въ первый. Среднее количество оконченныхъ каждымъ судебнымъ слѣдователемъ дѣлъ за разсматриваемое время почти не измѣнилось: въ 1874—76 гг. каждымъ

судебнымъ слѣдователемъ въ теченіе года окончено въ среднем 104 дѣла, въ 1884—86 гг.—107 дѣлъ, всего на 3 дѣла болѣе Число дѣлъ „возникшихъ“ на судебнаго слѣдователя въ сред немъ было за соотвѣтственныя трехлѣтія—100 и 107. Отсюда слѣдуетъ, что вообще слѣдовательскій персоналъ успѣшно справ ляется съ возникающими дѣлами, и въ первое трехлѣтіе (1874—76 наши слѣдователи оканчивали даже болѣе дѣлъ, чѣмъ ихъ воз никало. Такая усиленная дѣятельность являлась и является, впро чемъ, необходимою при значительномъ числѣ затянувшихся дѣлъ продолжающихся производствомъ по цѣлымъ годамъ, что, как увидимъ ниже, составляетъ по настоящее время одинъ изъ не достатковъ нашего судопроизводства.

Обращаясь къ дѣлопроизводству высшихъ надъ судебными слѣдователями инстанцій, мы замѣчаемъ нѣкоторое пониженіе процента дѣлъ, оконченныхъ въ прокурорскомъ надзорѣ окруж ныхъ судовъ, что объясняется абсолютнымъ и относительным увеличеніемъ числа дѣлъ за 10 лѣтъ. Абсолютно число дѣл производившихся въ прокурорскомъ надзорѣ окружныхъ судов возросло на 32,599 болѣе средняго годичнаго за 1874—76, н одного товарища прокурора окружнаго суда приходилось в 1874—76 гг. разсмотрѣнныхъ дѣлъ — 215, а въ 1884—8 уже 245 дѣлъ. Въ прокурорскомъ надзорѣ судебныхъ палат наоборотъ, наблюдается сильное уменьшеніе дѣлъ (на 11,71 менѣе производившихся въ средній годъ 1874 — 76) при оди наковомъ приблизительно процентѣ оконченныхъ дѣлъ. Это является слѣдствіемъ измѣненія ст. 523 уст. уг. суд. (зак. 3 ма 1883), въ силу коего прокуроръ окружнаго суда заключеніе прекращеніи или пріостановленіи уголовнаго преслѣдованія пре лагаетъ окружному суду по всякому дѣлу, хотя и влекущему з собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, тогда какъ п первоначальной редакціи 523 ст. прокуроръ окружнаго су представлялъ прокурору судебной палаты наравнѣ съ обвини тельнымъ актомъ и заключеніе о прекращеніи дѣла, если пре метомъ его было преступленіе, подвергающее лишенію или огра ниченію правъ состоянія. Сообразно такому измѣненію въ н правленіи заключеній о прекращеніи дѣлъ, уменьшилось и чис дѣлъ, разсматриваемыхъ въ судебной палатѣ, въ качествѣ обви нительной камеры (ст. 529 уст. уг. суд.: судебная палата пр ступаетъ къ разсмотрѣнію обвинительныхъ актовъ или пре ставленій о прекращеніи уголовнаго преслѣдованія, не инач какъ по письменнымъ предложеніямъ состоящаго при ней пр курора). Въ каждой судебной палатѣ въ качествѣ обвинительн

камеры производилось въ среднемъ за годъ въ 1874 — 76 — 6.158 дѣлъ, а въ 1884—86 только 3,180 дѣлъ, почти вдвое менѣе, что однако не повело къ усиленному окончанію дѣлъ; наоборотъ процентъ оконченныхъ дѣлъ понизился довольно замѣтно. Но вообще въ судебныхъ палатахъ, какъ и въ прокурорскомъ надзорѣ судебныхъ палатъ, отношеніе разрѣшенныхъ дѣлъ наиболѣе благопріятно, превышая $^{9}/_{10}$ производившихся дѣлъ. Почти также успѣшно и дѣлопроизводство прокурорскаго надзора окружныхъ судовъ.

Въ окружныхъ судахъ количество разбираемыхъ дѣлъ значительно увеличилось, отчасти подъ вліяніемъ упомянутаго уже измѣненія 523 ст. у. у. с. Въ среднемъ на одинъ окружный судъ приходилось въ первое трехлѣтіе—1,371 дѣло, а во второе—2,026 дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію какъ въ судебныхъ, такъ и въ распорядительныхъ засѣданіяхъ. Въ тоже время понизился и процентъ разрѣшенныхъ дѣлъ, вообще невысокій въ окружныхъ судахъ. Невысокъ этотъ процентъ и въ судебныхъ палатахъ, функціонирующихъ въ качествѣ апелляціонной инстанціи, хотя количество дѣлъ, разбираемыхъ палатами въ апелляціонномъ порядкѣ, невелико: въ среднемъ на каждую палату приходилось апелляціонныхъ дѣлъ 126 въ первое и 183 въ послѣднее трехлѣтіе. Увеличеніе произошло вслѣдствіе возростанія числа дѣлъ, разрѣшенныхъ окружными судами безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Въ кассаціонномъ департаментѣ сената число дѣлъ также увеличилось, но тѣмъ не менѣе отношеніе оконченныхъ повысилось на $2{,}6^{0}/_{0}$. Въ заключеніе не лишнее упомянуть, что на первый взглядъ можетъ представиться страннымъ, какимъ образомъ во всѣхъ судебныхъ установленіяхъ число оконченныхъ дѣлъ составляетъ немного болѣе половины, а по отдаленнымъ инстанціямъ не опускается ниже $^{7}/_{10}$, поднимаясь и до $95^{0}/_{0}$. Но объясняется это, конечно, тѣмъ, что дѣла переходящія по всѣмъ инстанціямъ отъ низшей до высшей естественно затягиваются, продолжаются гораздо долѣе, чѣмъ дѣла, заканчивающіяся производствомъ въ первой инстанціи, въ виду чего гораздо меньшій процентъ дѣлъ, проходящихъ по всѣмъ судебнымъ установленіямъ, и можетъ быть разрѣшенъ въ теченіе одного года.

Обратимся теперь къ болѣе насъ интересующему вопросу о продолжительности производства уголовныхъ дѣлъ. Помѣщенная ниже таблица показываетъ, сколько времени продолжались производствомъ оконченныя дѣла во всѣхъ судебныхъ установленіяхъ, въ среднемъ за трехлѣтіе:

	Абсолютныя числа.		Проценты.	
	1874—76	1884—86	1874 - 76	1884—86
Менѣе 1 мѣсяца	8239	14887	9,3	13,1
Отъ 1 до 6 мѣсяцевъ	36627	56802	41,3	50,0
Отъ 6 мѣс. до 1 года	19106	23747	21,5	20,9
Отъ 1 года до 2 лѣтъ	12627	10831	14,2	9,5
Болѣе 2 лѣтъ	8701	5483	9,8	4,8
Дѣлъ присоединенныхъ	3306	1940	3,9	1,7
Итого	88606	113690	100,0	100,0

При первомъ взглядѣ на эту таблицу мы убѣждаемся въ несомнѣнномъ ускореніи дѣлопроизводства въ нашихъ судебныхъ установленіяхъ. Въ теченіе полгода въ первое трехлѣтіе оканчивалось только 50,1%, едва половина, а въ 1884—86 уже 63,1%, болѣе трехъ пятыхъ оконченныхъ дѣлъ. Тянулось болѣе одного года въ 1874—76 гг. почти четверть разсмотрѣнныхъ дѣлъ—24,0%, а въ 1884—86 только 15,3% или седьмая часть. Особенно уменьшилась крайняя, совершенно нежелательная группа дѣлъ, длящихся производствомъ болѣе 2 (и болѣе 3) лѣтъ: доля ихъ относительно сократилась вдвое; самое абсолютное число такихъ дѣлъ понизилось и стало почти втрое менѣе числа дѣлъ, оконченныхъ въ 1 мѣсяцъ, тогда какъ ранѣе группа затянувшихся дѣлъ превышала численностію группу дѣлъ, быстро приведенныхъ къ окончанію. Явленіе это, конечно, весьма отрадное и надо надѣяться, что ускореніе нашего уголовнаго дѣлопроизводства не остановится на этой ступени, а пойдетъ и дальше; это даже и необходимо, такъ какъ ниже мы увидимъ, что вообще скорость нашего судопроизводства значительно отстаетъ отъ западно-европейскаго. Слѣдуетъ отмѣтить также уменьшеніе неопредѣленной, хотя и незначительной, группы дѣлъ „присоединенныхъ“, продолжительность производства которыхъ не обозначается въ уголовныхъ сводахъ, но которыя однако относятся къ дѣламъ оконченнымъ.

Не безъинтересно сравнить скорость дѣлопроизводства судебныхъ установленій въ различныхъ судебныхъ округахъ. Вотъ

свѣдѣнія о продолжительности производства оконченныхъ дѣлъ во всѣхъ судебныхъ установленіяхъ въ округахъ 8 судебныхъ палатъ за 1884—86 гг.

Изъ оконченныхъ дѣлъ продолжались производствомъ:	Судебные округа.							
	Московскій.	С.-Петербургскій.	Харьковскій.	Кіевскій.	Казанскій.	Саратовскій.	Виленскій.	Одесскій.
Менѣе 1 мѣсяца . .	14,0	12,4	14,8	17,4	10,3	10,9	12,6	11,6
Отъ 1 до 6 мѣсяцевъ .	59,3	54,3	51,5	48,6	54,6	52,2	40,4	38,7
Болѣе 6 мѣсяцевъ . .	19,0	19,6	22,0	19,5	16,9	23,9	27,3	26,5
Болѣе 1 года . . .	6,1	9,0	8,5	9,0	11,5	9,1	13,7	13,1
Болѣе 2 лѣтъ . . .	1,6	4,7	3,2	5,5	6,7	3,9	6,0	10,1
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Мы размѣстили судебные округа въ порядкѣ убывающаго отношенія дѣлъ, оконченныхъ производствомъ въ теченіе перваго полугодія. Въ процентахъ это отношеніе выразится такъ: въ первые полгода изъ 100 оконченныхъ дѣлъ разрѣшено:

Въ судебныхъ округахъ	
Московскомъ	73,3
С.-Петербургскомъ	66,7
Харьковскомъ	66,2
Кіевскомъ	66,0
Казанскомъ	64,9
Саратовскомъ.	63,1
Виленскомъ	53,0
Одесскомъ	50,3

Такимъ образомъ наибольшее отношеніе скоро оконченныхъ дѣлъ приходится на Московскій судебный округъ, который въ этомъ отношеніи замѣтно выдѣляется передъ всѣми другими. Затѣмъ въ 5 судебныхъ округахъ процентъ оконченныхъ въ теченіе полгода дѣлъ почти одинаковъ, измѣняясь отъ 63,1 до 66,7, но въ Виленскомъ и Одесскомъ округахъ отношеніе это опускается до 50,3%. Если мы, кромѣ того, сравнимъ судеб-

ные округа по отношенію затянувшихся дѣлъ, продолжающихся производствомъ болѣе года, то порядокъ ихъ сравнительно мало измѣнится. Изъ 100 дѣлъ продолжались производствомъ болѣе 1 года:

Въ судебныхъ округахъ:

Московскомъ	7,7
Харьковскомъ	11,5
Саратовскомъ	13,0
С.-Петербургскомъ	13,7
Кіевскомъ	14,5
Казанскомъ	18,2
Виленскомъ	20,7
Одесскомъ	23,2

Наибольшая быстрота дѣлопроизводства, несомнѣнно, въ Московскомъ судебномъ округѣ: здѣсь наибольшее отношеніе скоро оконченныхъ и наименьшее—затянувшихся производствомъ дѣлъ. Значительно уступаютъ ему въ этомъ отношеніи петербургскій и харьковскій округа. Кіевскій, казанскій и саратовскій приблизительно одинаковы между собою и занимаютъ серединное положеніе между вышеназванными тремя округами и округами виленской и одесской суд. палатъ, гдѣ судопроизводство отличается наибольшею медленностью. Относительно округа виленской судебной палаты можно еще предположить, что нѣкоторое вліяніе на медленность производства могли оказать дѣла, переданныя въ этомъ округѣ изъ старыхъ, упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ, такъ какъ виленскій судебный округъ открылся лишь въ началѣ 80-хъ годовъ. Но относительно одесскаго округа это соображеніе не можетъ быть принято, такъ какъ новыя судебныя установленія были открыты въ этомъ округѣ еще въ началѣ 70-хъ годовъ. Впрочемъ необходимо имѣть въ виду, при суждении о скорости дѣлопроизводства, не только время теченія дѣлъ, но и обремененность ими лицъ судебнаго вѣдомства. По этому вопросу мы располагаемъ слѣдующими данными.

Въ среднемъ за трехлѣтіе 1874—76 гг. личный составъ всѣхъ судебныхъ установленій (судебныхъ слѣдователей, прокуроровъ и ихъ товарищей при окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ, уголовныхъ отдѣленій окружныхъ судовъ и уголовныхъ департаментовъ судебныхъ палатъ, а также уголовнаго кассаціоннаго департамента) состоялъ изъ 1577 лицъ; ими было окончено въ среднемъ 88,606 дѣлъ, или въ среднемъ на каждаго *58 дѣлъ*.—Въ 1884—86 судебный персоналъ состоялъ изъ 2,106 лицъ, коими окончено 113,690 дѣлъ, или на каждое лицо судебнаго вѣдомства приходилось—*54 дѣла* [1]), нѣсколько

менѣе, чѣмъ въ первое трехлѣтіе, что и не осталось, конечно, безъ вліянія на ускореніе дѣлопроизводства. Однако же по отдѣльнымъ судебнымъ округамъ не заключается особой связи между количествомъ дѣлъ на каждаго члена судебнаго установленія и движеніемъ дѣлопроизводства. Вотъ данныя по этому предмету:

Судебные округа:	Количество дѣлъ на 1 лицо суд. вѣдомства въ среднемъ 1884—1886 гг.	Изъ 100 дѣлъ оконченныхъ разрѣшено въ теченіе 6 мѣсяцевъ.	Изъ 100 дѣлъ производились болѣе года.
Харьковскій	53	66,2	11,5
Саратовскій	53	63,1	13,0
С.-Петербургскій . . .	54	66,7	13,7
Виленскій	54	53,0	20,7
Одесскій	57	50,0	23,2
Московскій	57	73,3	7,7
Казанскій	61	64,9	18,2
Кіевскій	63	66,0	14,5

Мы расположили судебные округа въ порядкѣ увеличивающейся обремененности судебнаго состава, причемъ ясно видно, что скорость дѣлопроизводства мало зависитъ отъ нѣсколько бо́льшаго или меньшаго количества дѣлъ на каждаго судебнаго дѣятеля. Распредѣленіе оконченныхъ дѣлъ вообще довольно равномѣрно по отдѣльнымъ судебнымъ округамъ; невольно однакоже бросается въ глаза, что округъ московской судебной палаты, движеніе дѣлопроизводства въ которомъ представляетъ наилучшіе результаты, вовсе не принадлежитъ къ округамъ мало обремененнымъ, и въ этомъ отношеніи стоитъ наравнѣ съ одесскимъ округомъ, дѣлопроизводство котораго наименѣе удовлетворительно, уступаетъ виленскому, петербургскому, саратовскому и харьковскому. Во всѣхъ этихъ округахъ движеніе дѣлъ медленнѣе (въ особенности въ виленскомъ), чѣмъ въ московскомъ, несмотря на относительно меньшее количество работы, такъ что дѣлопроизводство московскаго судебнаго округа слѣдуетъ признать выдающимся по быстротѣ и успѣшности. Нельзя упустить изъ виду и энергичную дѣятельность Кіевскаго судебнаго округа, который, будучи лишь недавно (въ 1880 г.) открытъ, наиболѣе обремененный дѣлами, тѣмъ не менѣе по быстротѣ дѣлопроизводства почти не уступаетъ петербургскому округу, превосходя виленскій, одесскій и казанскій.

[1]) Это величина, конечно, фиктивная, потому что не указываетъ дѣйствительной обремененности каждаго судебнаго дѣятеля въ отдѣльныхъ инстанціяхъ, но она служитъ показателемъ *общей* обремененности, независимо отъ отдѣльныхъ группъ.

Разсмотримъ теперь въ общихъ чертахъ движеніе дѣлопроизводства по отдѣльнымъ инстанціямъ. Изъ 100 оконченныхъ судебными слѣдователями слѣдствій продолжались производствомъ:

	1874—76	1884—86
Менѣе 1 мѣсяца.	46,5	49,7
Отъ 1 до 2 мѣс.	18,8	18,7
Отъ 2 до 6 мѣс.	19,3	21,0
Отъ 6 мѣс. до 1 года	7,5	6,6
Болѣе 1 года	7,9	4,0

Ускореніе дѣлопроизводства замѣтно преимущественно въ крайней группѣ дѣлъ, производящихся болѣе года: такихъ дѣлъ относительно стало вдвое меньше, чѣмъ въ семидесятыхъ годахъ. Но въ общемъ продолжительность дѣлопроизводства у судебныхъ слѣдователей сократилась значительно слабѣе, чѣмъ во всѣхъ судебныхъ установленіяхъ вообще, и объ этомъ слѣдуетъ пожалѣть, ибо, какъ увидимъ далѣе, предварительное слѣдствіе продолжается у насъ гораздо долѣе, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ, хотя конечно нельзя винить въ этомъ нашихъ слѣдователей, дѣйствующихъ при иныхъ условіяхъ и при другой обстановкѣ. Обращаясь къ продолжительности слѣдствій по отдѣльнымъ округамъ, мы сравнимъ только 2 крайнія группы оконченныхъ слѣдствій: продолжавшуюся болѣе полугода и получившую разрѣшеніе въ теченіе одного мѣсяца со времени начатія слѣдствія. Вотъ эта табличка:

Судебные округа:	Изъ 100 оконченныхъ суд. слѣдователями слѣдствій продолжались производствомъ:	
	Менѣе 1 мѣсяца.	Болѣе 6 мѣсяц.
Московскій	55,2	5,0
Харьковскій	55,1	6,9
Казанскій	53,4	11,9
Кіевскій.	49,1	10,6
Саратовскій	49,0	9,6
С.-Петербургскій	48,0	10,6
Виленскій	42,1	15,6
Одесскій.	41,4	14,4

Такимъ образомъ, и по скорости предварительныхъ слѣдствій московскій округъ стоитъ выше остальныхъ, немного уступаетъ ему Харьковскій; Казанскій, Кіевскій, Саратовскій и Петербургскій, отставая отъ двухъ первыхъ округовъ, почти равны между собою по успѣшности производства слѣдствій. Виленскій и одес-

скій судебные округа, также какъ и по общему движенію дѣлъ, оказываются на послѣднемъ мѣстѣ.

Но при этомъ надо замѣтить, что связь между обремененностью дѣлами и медленностію ихъ производства выражается замѣтнѣе у судебныхъ слѣдователей, чѣмъ во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ вообще. Слѣдующая табличка убѣждаетъ насъ въ этомъ:

Судебные округа:	На 1 слѣдователя приходится оконченныхъ слѣдствій.	% слѣдствій, оконченныхъ къ 1 мѣс.
Московскій	89	55,2
Харьковскій	101	55,1
Казанскій	110	53,4
Ковенскій	122	49,1
Саратовскій	94	49,0
С.-Петербургскій	114	48,0
Виленскій	118	42,1
Одесскій.	125	41,4

Если откинемъ Кіевскій и Саратовскій суд. округа, нарушающіе послѣдовательный порядокъ чиселъ, то окажется, что число оконченныхъ каждымъ слѣдователемъ слѣдствій находится въ обратномъ отношеніи къ количеству дѣлъ, приведенныхъ къ окончанію въ теченіе 1 мѣсяца, т.-е. обремененность дѣлами влечетъ за собою и бо̀льшую медленность производства слѣдствій. Судебные слѣдователи Московскаго округа отличаются наибольшей скоростью дѣлопроизводства, но зато они и менѣе всѣхъ другихъ округовъ обременены дѣлами; слѣдователи района одесской судебной палаты медленнѣе прочихъ ведутъ слѣдствіе, но они же и болѣе завалены работой. Блестящее исключеніе изъ этого порядка представляетъ слѣдственная часть округа кіевской суд. палаты: слѣдователи этого округа почти также обременены дѣлами, какъ и въ одесскомъ округѣ, однако скорость ихъ дѣлопроизводства превышаетъ не только скорость одесскаго, но также виленскаго и петербургскаго округовъ, равняясь успѣшности слѣдственной части въ Саратовскомъ округѣ, гдѣ судебные слѣдователи въ среднемъ процентовъ на 25—30 менѣе имѣютъ дѣлъ въ своемъ производствѣ.

Въ прокурорскомъ надзорѣ окружныхъ судовъ движеніе дѣлопроизводства замѣчательно ускорилось за 10-лѣтній періодъ. Оконченныя дѣла продолжались производствомъ:

	1874—76	1884—86
Менѣе 7 дней [1])	39,6	49,0
Отъ 7 дней до 1 мѣс. . .	35,5	42,4
Отъ 1 мѣс. до 2 мѣс. . .	12,3	6,1
Отъ 2 мѣс. до 6 мѣс. . .	9,4	2,2
Болѣе 6 мѣс.	3,2	0,3
	100,0	100,0

Несмотря на значительное увеличеніе числа дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію прокурорскаго надзора окр. судовъ, въ послѣднее трехлѣтіе въ теченіе перваго мѣсяца отъ начала дѣла приводилось къ окончанію уже болѣе девяти десятыхъ всѣхъ дѣлъ, тогда какъ въ 1864—76 только три четверти. Крайняя же группа дѣлъ, производящихся болѣе 6 мѣсяцевъ, сократилась относительно въ 10 разъ и почти исчезла, сведясь къ минимальной долѣ. Такимъ образомъ, улучшеніе дѣлопроизводства прокурорскаго надзора окружныхъ судовъ слѣдуетъ признать блистательнымъ, и съ нимъ можетъ сравниться только такое же ускореніе теченія дѣлъ въ прокурорскомъ надзорѣ судебныхъ палатъ, еще болѣе поразительное по своимъ числовымъ результатамъ, но нѣсколько ослабляемое тѣмъ, что и число дѣлъ въ этой инстанціи значительно уменьшилось. Изъ 100 дѣлъ, оконченныхъ въ прокурорскомъ надзорѣ судебныхъ палатъ, продолжались производствомъ:

	1874—76	1884—86
Менѣе 2 недѣль	66,4	97,0
Отъ 2 нед. до 1 мѣс. . .	26,8	2,9
Болѣе 1 мѣс.	6,8	0,1

Успѣшность и быстрота дѣлопроизводства, выражаемая приведенными цифрами, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Почти всѣ дѣла въ прокурорскомъ надзорѣ судебн. палатъ разрѣшаются теперь въ теченіе первыхъ двухъ недѣль со дня поступленія дѣла, тогда какъ въ 1874—76 только двѣ трети дѣлъ оканчивались къ этому сроку. Группа дѣлъ, находящихся въ производствѣ болѣе 1 мѣсяца, еще довольно замѣтная въ 1874—76 г. въ 1884—86 *сократилась до совершенно ничтожной доли*, уменьшившись относительно въ 68 разъ, абсолютно же (съ 7136 до 7 дѣлъ) въ 102 раза. Это достойное всякой похвалы усиленіе энергіи въ дѣлопроизводствѣ прокурорскаго надзора главнымъ образомъ и обусловило ускореніе движенія дѣлъ во всѣхъ судебныхъ установленіяхъ вообще, разсмотрѣнное нами выше, такъ какъ въ другихъ инстанціяхъ, какъ сейчасъ увидимъ, значительно меньше увеличилась скорость производства.

[1]) Ст. 517 у. у. с.

Въ судебныхъ палатахъ, въ качествѣ обвинительной камеры, движеніе дѣлопроизводства ускорилось, но не особенно выдающимся образомъ. Изъ 100 оконченныхъ дѣлъ продолжались производствомъ:

	1874—76	1884—86
Менѣе 1 мѣсяца	74,9	82,2
До 2 мѣсяцевъ.	14,8	8,2
Болѣе 2 мѣсяцевъ. . . .	10,3	9,6

Въ дѣлопроизводственной же части окружныхъ судовъ за 10 лѣтъ не заключается почти никакого измѣненія въ успѣшности. Изъ 100 оконченныхъ дѣлъ продолжались производствомъ (какъ въ распорядительныхъ, такъ и судебныхъ засѣданіяхъ).

	1874—76	1884—86
Менѣе 1 мѣсяца	41,0	21,1
До 3 мѣс.	25,6	40,9
До 6 мѣс.	19,6	24,3
До 1 года	10,2	11,0
Болѣе 1 года	3,6	2,7

Можно даже замѣтить нѣкоторое замедленіе въ производствѣ, такъ какъ процентъ дѣлъ, разрѣшенныхъ въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ, нѣсколько понизился (62,0% противъ 66,6% въ 1874—76). Это обстоятельство, вѣроятно, находится въ связи съ значительнымъ увеличеніемъ числа дѣлъ въ окружныхъ судахъ. На одного члена суда (считая и предсѣдателей съ ихъ товарищами) приходилось въ 1874—76 гг. 174 дѣла, а въ 1884—86 уже 220 дѣлъ, на 46 дѣлъ болѣе. При этомъ, конечно, дѣла въ распорядительныхъ засѣданіяхъ оканчиваются скорѣе, чѣмъ въ судебныхъ: въ 1884—86 гг. было окончено изъ 100 дѣлъ въ распорядительныхъ засѣданіяхъ въ первые 3 мѣсяца—85,5, въ судебныхъ—19,6, въ 6 мѣсяцевъ 11,6 и 47,8, наконецъ продолжались болѣе 6 мѣсяцевъ въ распорядительныхъ засѣданіяхъ только 2,9, въ судебныхъ—32,6.

Замедлилось, и притомъ весьма замѣтно, производство апелляціонныхъ дѣлъ въ судебныхъ палатахъ. Изъ 100 оконченныхъ по апелляціоннымъ жалобамъ дѣлъ продолжались производствомъ:

	1874—76	1884—86
Менѣе 1 мѣсяца	18,3	0,3
До 3 мѣс.	56,0	24,9
До 6 мѣс.	21,3	55,6
Болѣе 6 мѣс.	4,4	19,2

Такое сильное замедленіе въ разрѣшеніи апелляціонныхъ дѣлъ въ извѣстной мѣрѣ объясняется большей обремененностью

членовъ палатъ такого рода дѣлами: въ 1874—76 гг. на 1 члена палаты приходилось только 11 оконченныхъ въ апелляціонномъ порядкѣ дѣлъ, а въ 1884—86 такихъ дѣлъ уже было 20 на одного члена палаты, или почти вдвое болѣе. Такой сильный наплывъ апелляціонныхъ жалобъ на приговоры окружныхъ судовъ зависитъ отъ увеличенія числа дѣлъ, разрѣшаемыхъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Эти дѣла въ 1874—76 составили только 26% разрѣшенныхъ окружными судами дѣлъ, а въ 1884—86 уже 36 %. Въ настоящее время, послѣ закона 7 іюля 1889 года, дѣла, разрѣшенныя безъ присяжныхъ, еще болѣе, конечно, возросли въ числѣ, и судебныя палаты должны быть, сравнительно съ прежнимъ временемъ, завалены апелляціонными жалобами на приговоры окр. судовъ. Для апелляторовъ это обстоятельство можетъ, помимо замедленія въ производствѣ, имѣть и то значеніе, что ихъ жалобы чаще будутъ оставляться безъ послѣдствій. Въ 1874—76 изъ 100 разсмотрѣнныхъ судебными палатами, въ качествѣ апелляціонной инстанціи, приговоровъ окружныхъ судовъ было измѣнено 38,8 а въ 1884—86 измѣнено только 17. Конечно, въ этомъ случаѣ имѣетъ значеніе не одна обремененность апелляціонныхъ судей, а и другія обстоятельства, но врядъ ли одному улучшенію приговоровъ по существу можно приписать то, что апелляціонныя жалобы за 10 лѣтъ слишкомъ вдвое рѣже стали достигать своей цѣли. Правда, что и сенатомъ приговоры окружныхъ судовъ кассировались рѣже въ восьмидесятыхъ годахъ, чѣмъ въ семидесятыхъ, но далеко не въ такой степени, какъ можно ожидать по утвердительнымъ рѣшеніямъ палатъ: было кассировано сенатомъ 1874—76 гг. 12,6% разсмотрѣнныхъ приговоровъ окружныхъ судовъ, а въ 1884—86 гг. нѣсколько менѣе—9,5%. Въ то же время изъ приговоровъ судебныхъ палатъ, обжалованныхъ въ сенатъ, было кассировано въ оба трехлѣтія почти одно и то же отношеніе, около 24%, т.-е. гораздо болѣе, чѣмъ для окружныхъ судовъ.

Въ самомъ уголовномъ департаментѣ кассаціоннаго сената движеніе дѣлопроизводства, согласно общему характеру его измѣненія за 10 лѣтъ, ускорилось въ значительной мѣрѣ. Изъ 100 оконченныхъ дѣлъ было разрѣшено въ теченіе:

	1874—76	1884—86
Одного мѣсяца.	37,4	66,4
Отъ 1 до 6 мѣс.	54,0	31,7
Болѣе 6 мѣс.	8,6	1,9

Число оконченныхъ дѣлъ на каждаго сенатора въ оба трехлѣтіе было приблизительне одно и то же: около 78 дѣлъ въ годъ.

Такимъ образомъ, мы разсмотрѣли, въ самыхъ общихъ чертахъ, движеніе дѣлопроизводства во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ и въ общемъ должны придти къ благопріятному для нашихъ судебныхъ порядковъ выводу: скорость дѣлопроизводства за 13 лѣтъ съ 1874 по 1886 годъ несомнѣнно возрасла, если и не во всѣхъ, то въ большинствѣ общихъ судебныхъ установленій, и возрасла довольно значительно. Но при этомъ изслѣдованіе наше было бы весьма неполно, еслибы мы не привели для возможнаго сравненія нѣкоторыхъ данныхъ западно-европейской уголовной статистики. Конечно, такое сравненіе возможно лишь относительно нѣкоторыхъ сторонъ уголовнаго процесса и должно быть производимо со всевозможной осторожностью, въ виду различія уголовныхъ законовъ и формъ судопроизводства въ разныхъ европейскихъ странахъ. Однако для нѣкоторыхъ, наиболѣе общихъ стадій уголовнаго судопроизводства такое сравненіе допустимо съ необходимыми оговорками и разъясненіями. Такъ мы имѣемъ данныя о производствѣ предварительнаго слѣдствія въ Австріи (Цислейтаніи) и Франціи. Статистическіе результаты продолжительности слѣдствія въ обѣихъ этихъ странахъ очень близко подходятъ другъ къ другу и значительно отличаются отъ нашихъ, причемъ это различіе не можетъ быть отнесено всецѣло къ разницѣ нормъ закона, опредѣляющихъ производство слѣдствія. Сравнимъ сперва продолжительность нашего слѣдствія съ австрійскимъ (Vorverfahren bis zur Einbringung der Anklageschrift). При этомъ надо однако имѣть въ виду, что понятіе Vorverfahren не совсѣмъ соотвѣтствуетъ нашему предварительному слѣдствію; оно шире его, и означаетъ вообще предварительное производства до внесенія въ судъ обвинительнаго акта. Такимъ образомъ, Vorverfahren соотвѣтствуетъ нашему слѣдствію производство дѣла въ прокурорскомъ надзорѣ. Тѣмъ разительнѣе разница въ быстротѣ дѣлопроизводства австрійскихъ органовъ слѣдствія и прокурорскаго надзора сравнительно съ нашими, какъ видно изъ прилагаемой таблицы. Данныя по Россіи и Австріи относятся къ одному времени—трехлѣтію 1884 - 86 гг.

	Изъ 100 оконченныхъ слѣдствій продолжалось производствомъ въ Россіи.	Изъ 100 предварительныхъ (Vorverfahren) производствъ продолжалось въ Австріи.
До 1 мѣсяца	49,7	67,6
Отъ 1 мѣс. до 6 мѣс.	39,7	30,4
Отъ 6 мѣс. до 12 мѣс.	6,6	1,7
Болѣе 1 года	4,0	0,3

Различіе совершенно не въ нашу пользу въ особенности въ группахъ дѣлъ, продолжающихся производствомъ болѣе 6 мѣсяцевъ. Но при этомъ надо упомянуть, что въ Австріи, на основаніи измѣненій уголовнаго судопроизводства въ 1873 г., порядокъ предварительнаго слѣдствія весьма упрощенъ сравнительно съ нашимъ, и во многихъ случаяхъ обвинительный актъ предлагается суду (Gerichtshof) безъ предварительнаго слѣдствія (Voruntersuchung). Такое сокращеніе предварительнаго производства по закону допускается и у насъ (ст. 545 у. у. с.), но гораздо рѣже примѣняется. Въ болѣе ранній періодъ и въ Австріи слѣдствіе и преданіе суду продолжались долѣе, чѣмъ въ настоящее время: такъ въ 1875 году изъ 100 предварительныхъ производствъ было окончено въ теченіе 1 мѣсяца только 53,2, продолжалось болѣе 6 мѣсяцевъ—6,9.

Во Франціи въ 1884—86 слѣдственными судьями изъ 100 состоявшихся постановленій (ordonnances—въ смыслѣ окончанія дѣла) было постановлено въ первый мѣсяцъ производства—68,2 во второй—19,4, рѣшеніе состоялось позже 2 мѣсяцевъ отъ начатія дѣлъ въ 12,3%. Эти отношенія также не вполнѣ сравнимы съ нашими, такъ какъ число поставленныхъ рѣшеній по дѣламъ не совпадаетъ съ числомъ самихъ дѣлъ, но разница въ этомъ случаѣ не велика, и несомнѣнно, что дѣлопроизводство французскихъ слѣдственныхъ судей (juges d'instruction) успѣшнѣе, чѣмъ нашихъ судебныхъ слѣдователей. Министерскій отчетъ за 1880 г. (Compte général de l'administration de la justice criminelle) прямо заявляетъ: „французская магистратура проникнута тѣмъ принципомъ, что уголовное правосудіе, для того чтобы быть дѣйствительнымъ, должно быть скорымъ". Такимъ образомъ, и въ ассизныхъ судахъ во Франціи дѣла разсматриваются скорѣе, чѣмъ въ нашихъ окружныхъ судахъ. Изъ 100 дѣлъ въ ассизахъ за 1881—85 было разрѣшено въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 45%, у насъ въ окружныхъ судахъ судебныхъ дѣлъ за то же время только 20%, продолжалось производствомъ долѣе 6 мѣсяцевъ—во Франціи 14%, у насъ 32%. Правда, что ассизные суды не соотвѣтствуютъ нашимъ окружнымъ судамъ ни по компетенціи, ни по количеству производящихся дѣлъ, такъ что сравненіе въ данномъ случаѣ касается неоднородныхъ явленій, но общій выводъ изъ сравненія скорости нашего дѣлопроизводства съ французскимъ отъ этого не измѣняется: дѣла тамъ вообще, во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ, разрѣшаются съ быстротою, для насъ даже мало понятною. Такъ, въ исправительныхъ судахъ (отчасти соотвѣтствую-

щихъ нашимъ окружнымъ судамъ, съ прибавленіемъ многихъ дѣлъ изъ подвѣдомственности мировыхъ судей) было разрѣшено за 1884—86 гг. дѣлъ „немедленно“ (immediatement) вслѣдъ за совершеніемъ проступка—3,1%, на слѣдующій день по совершеніи проступка—5,9%, въ первую недѣлю—27,0%, въ теченіи 1 мѣсяца 44,5% и позже только 19,5%. Быстрота выдающаяся, если еще принять во вниманіе, что каждый годъ такимъ порядкомъ разбиралось въ среднемъ 187,134 дѣла.

Надо однако замѣтить, что и во Франціи въ болѣе ранній періодъ времени движеніе дѣлъ происходило значительно медленнѣе, чѣмъ въ настоящее время: въ 1831—35 слѣдственными судьями было разрѣшено дѣлъ въ теченіи 1 мѣсяца только 59%, въ 1881—85, какъ выше указано, 68%, ассизными судами разрѣшено въ теченіе 3 мѣсяцевъ въ 1831—35 только 19% (совершенно одинаковое отношеніе съ нашими окружными судами), въ 1881—85 уже 45%, вдвое болѣе. Эти свѣдѣнія, равно и то обстоятельство, что и у насъ замѣтно ускореніе дѣлопроизводства во времени, даютъ возможность придти къ тому заключенію, что и наше дѣлопроизводство въ будущемъ не пойдетъ назадъ, а будетъ стремиться по мѣрѣ возможности къ большей быстротѣ и успѣшности. Такому ускоренію судопроизводства должны содѣйствовать и законодательныя мѣры въ смыслѣ возможнаго сокращенія и упрощенія уголовнаго процесса, въ быстротѣ котораго заинтересованы какъ органы судебной власти, такъ и общество, и наконецъ и сами подсудимые, въ особенности въ случаяхъ оправдательныхъ приговоровъ суда.

Е. Тарновскій,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

СЪѢЗДЪ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА ВЪ ЖЕНЕВѢ ВЪ 1892 г. [1]).

I.

Осенью 1892 г. состоялся въ Женевѣ *четырнадцатый* съѣздъ Института Международнаго Права. Первоначально думали этотъ съѣздъ созвать въ Цюрихѣ, но тому помѣшали смерть Орелли и болѣзнь Мейли, которые хотѣли взять на себя хлопоты по его устройству. Тогда члены его, Муанье и Броше, пригласили Институтъ въ свой родной городъ, *Женеву*. Такимъ образомъ Институту приходилось въ *четвертый* разъ засѣдать на территоріи Швейцаріи (въ Женевѣ 1874 г., Цюрихѣ 1877 г., Лозаннѣ 1888 г.) и во второй разъ въ стѣнахъ города Руссо (въ 1874 году была первая, собственно научная сессія Института; съѣздъ 1873 г. въ Гентѣ былъ лишь учредительнымъ). Женевскій съѣздъ [2]) продолжался съ 5-го по 10 сентября (н. с.) включительно и происходилъ въ ратушѣ въ залѣ засѣданій Большаго Совѣта (Grand Conseil). На него прибыли 27 членовъ и сотрудниковъ, принадлежащихъ къ *девяти* различнымъ національностямъ: французовъ 6; нѣмцевъ 5; швейцарцевъ 5; итальянцевъ 4; англичанъ 3; бельгійцевъ 2 и по 1 изъ Испаніи, Швеціи и Японіи. Изъ Россіи никого не было.

---

[1]) Настоящая статья является продолженіемъ періодическихъ отчетовъ о съѣздахъ Института, которые мы доселѣ печатали въ *Юридическомъ Вѣстникѣ*.

[2]) *Ed. Rolin.* Compte rendu sommaire de la session de Genève en 1892 въ Revue de Dr. intern. 1892; № 5, 490—545; а обстоятельно и подробно въ XII томѣ Annuaire de l' Institut de Dr. intern. (1892). Здѣсь помѣщены извлеченія изъ протоколовъ засѣданій, работы докладчиковъ по отдѣльнымъ коммиссіямъ и некрологи умершихъ членовъ Института.

По обыкновенію, занятія открылись съ устройства бюро и съ выборовъ новыхъ членовъ. Избраны: въ президенты, на мѣсто Бара, Густавъ *Муанье*; въ вице-президенты: *Голландъ* и Альб. *Роленъ* (на мѣсто Бруза и Ліон-Канъ); въ главные секретари (на 6 лѣтъ) Эрнестъ *Леферъ*, на мѣсто Роленъ Жекменъ. Въ секретари назначены Эдуардъ *Роленъ* (сынъ послѣдняго; онъ же и казначей Института) и *Берней* (проф. въ Лозаннѣ).

Избраны: въ *почетные члены*, Sir Robert *Hart*, главный инспекторъ морской таможни въ Пекинѣ, и Baron *Lambermont*, главный секретарь въ мин. иностр. дѣлъ въ Брюсселѣ; въ *дѣйствительные члены* изъ сотрудниковъ избраны: *Aubert* (проф. въ Христіаніи), *Harburger* (прив.-доц. въ Мюнхенѣ) и *Reay* (членъ палаты лордовъ). Сотрудниками назначены вновь семь лицъ: *Banning*, директоръ архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Брюсселѣ; профессора: *Beauchet* (въ Нанси), *Descamps* (въ Лувенѣ), *Leech* (въ Дублинѣ), *Matzen* (въ Копенгагенѣ), *Sieveking* предсѣдатель ганзейскаго совѣта (въ Гамбургѣ) и *Vincent* (адвокатъ въ Парижѣ и главный редакторъ Revue pratique de Droit international privé).

Избраніемъ Ламбермона и Гарта Институтъ хотѣлъ воздать должное практическимъ ихъ заслугамъ на поприщѣ международнаго права. Оба они съ отличіемъ исполняли должность международныхъ третейскихъ судей; Гартъ можетъ считаться главнымъ представителемъ европейской цивилизаціи и, слѣдовательно, науки въ Китаѣ, а бар. Ламбермонъ былъ однимъ изъ авторовъ берлинскаго акта (1885 г.) и предсѣдателемъ Брюссельской конференціи (1889—90).

Но необычнымъ и новымъ было избраніе *Роленъ-Жекмена* въ *почетные президенты Института*. Главный создатель Института, такъ долго и неутомимо работавшій на него то въ качествѣ его главнаго секретаря (1873—78 и снова 1887—92), то въ должности его предсѣдателя (1885—87), Роленъ-Жекменъ не задолго до сессіи отправился въ Сіамъ, гдѣ онъ принялъ должность главнаго совѣтника при тамошнемъ королѣ (conseiller général de S. M. le roi de Siam). Поэтому съ половины 1892 г. онъ передалъ главное редакторство основанной имъ Revue de Dr. intern. сыну своему *Ед. Rolin*. Въ интересахъ науки международнаго права нельзя не пожалѣть объ этомъ удаленіи одного изъ первыхъ ея свѣтилъ, хотя, какъ можно надѣяться, удаленіе это будетъ лишь на время и Роленъ-Жекменъ какъ увидимъ далѣе, не отказывается отъ мысли заниматься дорогими для него научными вопросами и на далекомъ чуждомъ Востокѣ. Указанное его избраніе совершилось единогласно и вмѣстѣ съ тѣмъ Институтъ одобрилъ ему адресъ, составленный Лееромъ и Ривье.

II.

Особенною торжественностію отличалось *открытіе съѣзда.* Въ присутствіи властей города и кантона Женевы, профессоровъ тамошняго университета и многочисленной публики, Муанье занялъ президентское кресло. Въ блестящей вступительной рѣчи, онъ, съ обычною ему скромностью выразилъ свои опасенія на счетъ удачности избранія его на этотъ постъ, который дотолѣ занимали „юристы по профессіи": Манчини, Блюнчли, Бернардъ, Гольцендорфъ, Бульмерингъ. Благодаря представителей власти за радушный пріемъ, ораторъ продолжалъ: „если правительства встрѣчаютъ насъ хорошо, то, конечно, потому, что они признаютъ пользу нашего дѣла. Мы ставимъ его какъ извѣстно, на почву исключительно научную, стараемся придти къ нашимъ рѣшеніямъ при наилучшихъ условіяхъ безпристрастія и компетентности и вырабатываемъ такимъ образомъ предполагаемые договоры, соотвѣтствующіе тому, что, по нашему мнѣнію, наиболѣе отвѣчаетъ требованіямъ юридической совѣсти нашего времени. Затѣмъ, мы предоставляемъ государственнымъ людямъ заботу о превращеніи этихъ текстовъ въ положительныя нормы и можемъ разсчитывать на подобный результатъ нашей дѣятельности съ тѣмъ большею увѣренностію, что правительства поощряютъ насъ своимъ къ намъ благорасположеніемъ".

Упомянувъ о пройденномъ уже пути, Муанье хорошо выдвинулъ высшую задачу Института: Всѣ наши усилія въ послѣднемъ основаніи направляются къ *упроченію мира.* Между различными путями, къ нему ведущими, мы избрали тотъ, который, если и не кратчайшій, то за то наиболѣе вѣрный для каждаго серьезнаго ума. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ подлежитъ сомнѣнію, что до тѣхъ поръ, пока международныя отношенія не будутъ покоиться на договорахъ, согласныхъ съ *требованіями справедливости,*—самый миръ будетъ непроченъ? Цѣль наша въ томъ и состоитъ, чтобъ отыскать для него твердыя основы, выработавъ тѣ принципы права, примѣненіе которыхъ болѣе всего обезпечило бы гармонію во взаимныхъ сношеніяхъ народовъ. Высокая и заманчивая задача, но далеко не столь легкая, какою она можетъ показаться на первый поверхностный взглядъ! Не только понятія о правдѣ и справедливости не одинаковы у различныхъ народовъ (хотя большія сближенія между ними въ этомъ направленіи уже сдѣланы), но даже тамъ, гдѣ замѣчается согласіе относительно принциповъ, спорятъ еще много объ ихъ подробностяхъ и практическомъ примѣ-

неніи. Всѣ наши усилія къ тому именно и должны направляться, чтобы устранять эти разномыслія. Для этого мы стараемся прежде всего удалить ихъ въ нашей средѣ путемъ обсужденій, серьезныхъ и чуждыхъ фразеологіи, и когда это намъ удается, что бываетъ нерѣдко,—мы установляемъ формулы, которыя и рекомендуемъ вниманію дипломатовъ, искренно любящихъ человѣчество. Такъ подвигаемся мы къ *миру чрезъ справедливость*, сообразно съ нашимъ девизомъ: Justitia et pace.

Въ этомъ дѣлѣ, впрочемъ, мы повинуемся не только долгу совѣсти, но и нуждѣ нашего времени. Значительные успѣхи, достигнутые въ теченіе XIX вѣка въ области наукъ естественныхъ, должны, какъ бы въ противовѣсъ себѣ, вызвать еще иныя улучшенія высшаго порядка. Глубокія измѣненія въ матеріальныхъ условіяхъ человѣческаго существованія естественно требуютъ соотвѣтствующихъ имъ преобразованій и въ сферѣ наукъ нравственныхъ. Вслѣдствіе же неодинаковаго хода нашего развитія въ обѣихъ областяхъ и именно въ силу отсталости нравственнаго прогресса отъ матеріальнаго, тяготѣетъ такъ тяжело надъ современнымъ намъ міромъ угроза общественныхъ переворотовъ. Необходимо наверстать потерянное время и возстановить это нарушенное равновѣсіе. Нужно, въ частности, дать неизбѣжнымъ и все усиливающимся сношеніямъ народовъ *юридическую основу и организацію*, которыя, по многимъ пунктамъ, такъ еще имъ не достаютъ. Въ этомъ полагаетъ свою цѣль и Институтъ международнаго права. Онъ кладетъ камень, но камень краеугольный, къ зданію, воздвигаемому нашимъ столѣтіемъ и которое, при всемъ его современномъ хаотическомъ пораженіи, будетъ, можно надѣяться, достроено и увѣнчано другими, въ предѣлахъ, намѣченныхъ Провидѣніемъ.

Отъ имени Женевы и спеціально ея государственнаго совѣта, членовъ Института привѣтствовалъ Ришаръ: „прибывъ сюда, сказалъ онъ между прочимъ, вы возвратились къ себѣ. Да что я говорю! Развѣ вы не вездѣ у себя? Нѣтъ страны, нѣтъ правительства, которыя не пожелали бы оказать вамъ хорошаго пріема и не уважать всецѣло вашей умственной и нравственной независимости. Вы можете идти во всѣ мѣста, гдѣ царствуетъ свободная мысль, гдѣ наука призвана оплодотворять дѣятельность человѣка и открывать для нея все новыя и новыя владѣнія“. Вспомнивъ о работахъ Института, онъ съ удареніемъ остановился на изданныхъ имъ „Законахъ сухопутной войны“: „законы и война! два столь повидимому противоположныя понятія, которыя вамъ, однако, удалось сочетать. Изданное вами руководство помогаетъ укротить, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, этого звѣря

именуемаго войною и защитниками котораго скоро останутся лишь немногіе, мистическіе и кровожадные мыслители". — Какъ ни разнообразны занятія Института, но ихъ высшую объединяющую идею, Ришаръ видитъ въ его стремленіи „соединить народы въ одну юридическую семью, какъ лучшій залогъ укрѣпленія справедливости и мира на землѣ". Но, само собою разумѣется, это должно совершиться „безъ ущерба индивидуальнымъ особенностямъ каждаго изъ нихъ".

На эту рѣчь отвѣчалъ новый главный секретарь Лееръ. Онъ вспомнилъ о заслугахъ передъ международнымъ правомъ Женевы и въ особенности Густава Муанье, котораго онъ такъ справедливо назвалъ; „великимъ человѣкомъ добра". „Онъ не только одинъ изъ творцовъ Краснаго Креста, но и одинъ изъ трехъ главныхъ основателей нашего Института вмѣстѣ съ покойнымъ Блюнчли и Роленъ-Жекменомъ. Мысль объ его учрежденіи у него явилась весьма скоро послѣ франко-германской войны. Мы счастливы, что можемъ ему, столь уважаемому и любимому всѣми, публично заявить теперь, въ его родномъ городѣ, всѣ тѣ чувства благодарности и уваженія, которыя питаютъ къ нему всѣ члены Института международнаго права". Рѣчь эта имѣла тѣмъ большее значеніе, что принадлежала даже не швейцарцу, а французу. Извѣстно, что Lehr состоитъ совѣтникомъ французскаго посольства въ Швейцаріи и почетнымъ профессоромъ лозанскаго университета.

Отчетъ о *состояніи Института* за истекшій годъ прочелъ Эд. Роленъ. Онъ былъ еще составленъ его отцомъ Роленъ-Жекменомъ, но уже на кораблѣ, отвозившемъ его на крайній Востокъ. Это было поэтому какъ бы прощальное слово къ товарищамъ. Обозрѣвая работы отдѣльныхъ коммиссій, авторъ энергично возстаетъ противъ мнѣнія тѣхъ, которые еще на Гамбургской сессіи заявили, будто весь вопросъ о допущеніи и изгнаніи иностранцевъ относится не къ международному праву, а къ внутреннему публичному отдѣльныхъ государствъ. Такого, напр., воззрѣнія держится Голландъ, который, на этомъ основаніи не участвовалъ въ Женевѣ въ обсужденіи правилъ, принятыхъ объ этомъ Институтомъ. Если бы это было такъ, замѣчаетъ докладчикъ, каждое правительство могло бы, не нарушая международнаго права, либо вовсе не допускать на свою территорію иностранцевъ, либо, увлекаясь произволомъ или ненавистью, принимать противъ нихъ самыя суровыя мѣры.

Но подобная теорія не допустима даже съ точки зрѣнія суверенитета и независимости государствъ, понимаемыхъ хотя бы въ самыхъ широкихъ границахъ. Эти начала, и по сущности своей, и по способамъ ихъ примѣненія, ничего не имѣютъ общаго съ произво-

ломъ. Даже дѣйствія, совершенныя правительствами во время войны, не составляютъ исключенія изъ этого правила, но тѣмъ болѣе оно вѣрно, когда рѣчь идетъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, о мѣрахъ высшей полиціи. Институтъ, занимавшійся съ самаго своего начала законами войны, очевидно, не можетъ оставить въ сторонѣ изученіе правилъ, которыхъ должны держаться государства, когда они хотятъ не допускать къ себѣ иностранцевъ или изгонять ихъ. Чѣмъ болѣе это вопросъ новый, трудный и деликатный, тѣмъ желательнѣе, чтобы онъ былъ приведенъ къ должному рѣшенію при помощи всѣхъ научныхъ силъ Института.

Не менѣе достойны вниманія мысли автора, состоящаго главнымъ ея докладчикомъ со смерти Бульмеринга, о задачахъ двѣнадцатой коммиссіи, изучающей тѣ реформы, которыя желательны въ разбирательствѣ такъ наз. смѣшанныхъ процессовъ на Востокѣ (взамѣнъ существующей тамъ до-нынѣ консульской юрисдикціи): „недавнее пребываніе мое въ продолженіе шести мѣсяцевъ въ Египтѣ, говоритъ онъ, указало мнѣ на условія лучшаго рѣшенія предлежащей намъ тутъ проблеммы. Должность, которую я призванъ занять въ одной изъ любопытнѣйшихъ странъ Востока, поможетъ мнѣ, надѣюсь, еще глубже ее изучить. Но уже теперь я рѣшаюсь сказать, что нѣтъ вопроса, заслуживающаго болѣе вниманія Института. Если все, что мы знаемъ о человѣкѣ, вѣрно, не трудно придти къ выводу, что наиболѣе общее и врожденное людямъ всѣхъ расъ, это—чувство справедливости и сознаніе причиненной имъ несправедливости. Теперь, если мы хотимъ, какъ мы въ сущности къ тому обязаны, въ качествѣ людей и христіанъ постепенно возвысить народы Востока до пониманія той истины, что мы ихъ братья, какъ и они братья между собою и всѣ мы вмѣстѣ—члены одной великой семьи человѣчества, — мы должны для достиженія этой цѣли начать съ единственно-вѣрнаго способа: съ убѣжденія ихъ въ томъ, что *въ сношеніяхъ съ ними, мы ищемъ только для нихъ и для себя самихъ справедливости.* Мнѣ думается, что въ этомъ отношеніи преувеличиваютъ противоположности, которыя воздвигаютъ между Востокомъ и Западомъ *религіозныя вѣрованія.* Даже магометанство не такъ радикально противоположно, какъ думаютъ и какъ самъ я полагалъ доселѣ, нашимъ общимъ понятіямъ о справедливости. Относительно же буддизма вообще согласны съ тѣмъ, что онъ вполнѣ совмѣстимъ съ этими понятіями. И такъ, нельзя же считать задачею неразрѣшимою введеніе на Востокѣ, на мѣстѣ нынѣ дѣйствующей тамъ консульской юрисдикціи, болѣе совершеннаго правосудія по дѣламъ, затрогивающимъ европейцевъ. Въ Египтѣ вопросъ этотъ получилъ разрѣшеніе съ учрежденія смѣшанныхъ международныхъ судовъ. Ихъ часто критиковали, но по общему отзыву

они все-таки представляютъ значительный шагъ впередъ, сравнительно съ предшествующими порядками. Кромѣ того, не трудно доказать, что недостатки ихъ вытекаютъ изъ предразсудковъ и злоупотребленій самихъ европейцевъ, искажавшихъ, по многимъ пунктамъ ихъ духъ, какъ предполагалъ ихъ ввести основатель ихъ, Нубаръ-Паша".

Обозрѣвъ работы отдѣльныхъ коммиссій Роленъ-Жекменъ выступаетъ въ своемъ докладѣ съ новымъ предложеніемъ: обсудить вопросъ о дарованіи Институту постояннаго мѣстопребыванія въ Швейцаріи, а равно законно-признанной юридической личности. Соображеніе двоякаго рода навели его на эту мысль: во-первыхъ, желаніе если не устранить, то ограничить неудобства, сказавшіяся особенно за послѣдніе годы при ежегодныхъ перемѣнахъ мѣстъ для его съѣздовъ, во-вторыхъ, стремленіе поставить его въ болѣе благопріятныя матеріальныя условія существованія чрезъ предоставленіе ему, напр., возможности принимать дѣлаемыя въ его пользу даренія, легаты, обзавестись собственною библіотекою, архивомъ и т. д. Авторъ своимъ предложеніемъ не хотѣлъ бы лишить Институтъ права устраивать свои съѣзды въ любомъ городѣ, но, съ другой стороны, онъ полагаетъ, что ему нечего разъ на всегда и какъ бы по правилу обрекать себя на жизнь вѣчно-кочевую. Вслѣдствіе же этого смерть какого-либо члена, учредителя извѣстнаго съѣзда, можетъ сдѣлать и самый съѣздъ несостоявшимся. Такъ было послѣ смерти Лоримера и такъ едва не случилось вслѣдствіе кончины Орелли, если бы власти Женевы не поспѣшили своимъ любезнымъ приглашеніемъ. Надо, чтобъ Институтъ могъ по праву собираться въ извѣстный городъ, который и станетъ впредь считаться центромъ его дѣятельности (siège social).

Затѣмъ докладъ въ теплыхъ словахъ упоминаетъ о трехъ членахъ Института, почившихъ со времени послѣдней сессіи: о Лавѣле, Орелли и Кёнигѣ [3]). „Широкій и пытливый умъ Лавѣле дѣлалъ его болѣе склоннымъ къ художественному и идеальному, нежели къ юридическому мышленію, поэтому и международное право онъ изучалъ болѣе со стороны идеи, чѣмъ съ его практической стороны. Онъ воплощалъ собою направленіе, которому, быть можетъ, опасно слѣдовать слѣпо, но пренебрегать которымъ не менѣе вредно. Напротивъ, оба его швейцарскіе товарищи, Орелли и Кёнигъ, были весьма искусные юристы, но стоявшіе въ рѣзкомъ между собою контрастѣ, какъ по всему складу ихъ ума, такъ даже и по самой своей наружности, что указывало на ихъ вѣроятно различное національное происхожденіе, сказавшееся и въ ихъ фамильныхъ именахъ. Мы какъ теперь видимъ

[3]) Некрологи ихъ помѣстилъ *Ривье* въ Revue; 1892, p. 99 et 331.

передъ собою тонкую и нѣжную фигуру Орелли, когда онъ съ своимъ кроткимъ взглядомъ и пріятнымъ голосомъ дѣлалъ намъ какое-либо сообщеніе о движеніи литературы по международному праву въ Швейцаріи или объ охранѣ авторскаго права. Кёнигъ же представлялъ изъ себя человѣка мощнаго, вооруженнаго знаніемъ и житейскимъ опытомъ. Мы помнимъ, какъ онъ отстаивалъ свой взглядъ на столкновенія законовъ по брачному праву съ увлеченіемъ адвоката, горячо убѣжденнаго въ правотѣ своего дѣла. Именно потому, что Институтъ имѣетъ въ средѣ своихъ людей столь различно одаренныхъ, но одинаково почтенныхъ и полезныхъ, собранія его представляются мнѣ всегда столь интересными и важными".

Ему же, этому любимому своему дѣтищу, Роленъ посвящаетъ и заключительныя слова своего прекраснаго доклада: „въ заключеніе мнѣ хочется еще сказать вамъ о глубокой вѣрѣ, питаемой мной въ будущность Института, и о той радости, которою преисполняетъ меня эта мысль. Лучшее, что человѣкъ можетъ желать себѣ въ этомъ мірѣ, это—не жить долѣе другихъ, а видѣть, что его переживутъ тѣ добрыя дѣла, въ совершеніи которыхъ онъ съумѣлъ принять хотя самое скромное участіе. Не умретъ и нашъ Институтъ, я въ томъ убѣжденъ, потому, что въ эпоху, когда, повидимому, забываются иногда или отрицаются самыя элементарныя юридическія понятія, онъ твердо стоитъ за *право*. Въ такой вѣкъ, какъ нашъ, когда самыя противоположныя воззрѣнія раздѣляютъ умы, Институтъ стремится оставаться въ одинаковомъ разстояніи отъ утопіи и отъ пессимизма, помня, что истина, какъ и добродѣтель, находится въ серединѣ. Мы ограничиваемъ, правда, наши стремленія и работы областью международнаго права, но все въ этомъ мірѣ связано между собою и, работая надъ улучшеніемъ права, какъ средства укрѣпленія порядка во взаимныхъ сношеніяхъ народовъ, мы также, съ своей стороны, содѣйствуемъ установленію порядка и справедливости въ отношеніяхъ людей между собой вообще".

III.

Ко времени открытія Женевской сессіи при Институтѣ состояло не менѣе *шестнадцати* коммиссій (перечень ихъ см. Юрид. Вѣсти 1892 г., № 12); изъ нихъ, по мнѣнію докладчика, семь подвинули настолько свои работы, что Институтъ могъ бы о нихъ высказать свои заключенія, но въ Женевѣ онъ сдѣлалъ это только относительно работъ *трехъ* коммиссій, представляющихъ одинаково живой интересъ, какъ въ научномъ, такъ и практическомъ отношеніи. Это

были коммиссіи: 9, 8 и отчасти 5 (обнародованіе трактатовъ, допущеніе и изгнаніе иностранцевъ и выдача политическихъ преступниковъ).

1.

Обнародованіе трактатовъ.

Докладчикъ этой коммиссіи, проф. Мартенсъ, не присутствуя самъ на съѣздѣ, просилъ Ривье представить Институту выработанный имъ проектъ конвенціи между государствами съ распорядительнымъ къ ней регламентомъ объ учрежденіи ими, на подобіе уже существующихъ, *новой уніи въ видахъ планомѣрнаго, возможно-скораго и полнаго изданія ихъ трактатовъ*. Небольшая записка поясняла цѣль и направленіе этихъ документовъ. Институтъ, послѣ нѣсколькихъ замѣчаній, принялъ ихъ единогласно.

Проектъ конвенціи между государствами объ учрежденіи Международной Уніи для обнародованія трактатовъ.

Государства, одушевленныя желаніемъ облегчить, насколько возможно, скорое и точное ознакомленіе со всѣми договорами, конвенціями и соглашеніями, заключаемыми какъ между ними, такъ и ими съ остальными государствами (не участвующими въ настоящемъ договорѣ), рѣшили съ этою цѣлію заключить нижеслѣдующую конвенцію.

Ст. I. Въ силу общаго между собою согласія (а также тѣхъ, которые приступятъ къ нему впослѣдствіи) они установляютъ союзъ подъ именемъ: *Международной Уніи* [4]) *для обнародованія трактатовъ*.

Ст. II. Цѣль ея: на общія средства печатать и обнародовать точно и скоро всѣ заключаемыя ими международныя соглашенія, каковы бы ни были ихъ характеръ, форма и пространство дѣйствія.

Ст. III. Съ этою цѣлію учреждается въ Бернѣ *Международное Бюро*, имѣющее предавать гласности трактаты и конвенціи.

Спеціальный регламентъ, опредѣляющій дѣятельность этого Бюро, присоединяется къ настоящей конвенціи и имѣетъ одинаковую съ нею обязательную силу.

Ст. IV. Это Бюро издаетъ: *Международный Сборникъ трактатовъ*, который признается оффиціальнымъ органомъ настоящей Уніи и, въ этомъ смыслѣ, печатаемые въ немъ тексты пользуются доказательною силою [5]) предъ всѣми судами договаривающихся сторонъ.

[4]) Было бы вѣрнѣе эту Унію, на подобіе почтовой, назвать, какъ предлагалъ Пьянье, *универсальною*; но для начала это наименованіе нашли слишкомъ широкимъ.

[5]) У докладчика эта мысль была выражена въ болѣе императивной формѣ:

Ст. V. Государства обязываются безъ промедленія сообщать въ Международное Бюро для помѣщенія въ его Сборникѣ слѣдующіе документы:

1) всѣ *договоры*, конвенціи, декларації и другіе *международные акты*, обязательные для нихъ и ими у себя обнародованные; изъ этого числа не исключаются и акты ихъ съ государствами, не присоединившимися къ настоящей Уніи;

2) всѣ *законы*, распоряженія и приказы, изданные ими въ своихъ странахъ съ цѣлію примѣненія трактатовъ и конвенцій, ими заключенныхъ и утвержденныхъ;

3) *протоколы конгрессовъ и конференцій*, которые будутъ переданы въ Бюро державою, на чьей территоріи состоятся эти собранія;

4) *Циркуляры и инструкціи* правительствъ къ ихъ дипломатическимъ и консульскимъ агентамъ, имѣющіе въ виду обезпечить однообразное примѣненіе принятыхъ ими на себя международныхъ обязательствъ, причемъ однако отъ усмотрѣнія каждаго правительства будетъ зависѣть, какіе изъ этихъ документовъ оно сочтетъ удобными для сообщенія Бюро [6]).

Ст. VI. Всѣ исчисленные, въ предшествующей статьѣ, документы сообщаются Бюро въ ихъ оригинальномъ текстѣ, къ которому впрочемъ можетъ быть присоединенъ (eventuellement) и французскій его переводъ.

Ст. VII. Они печатаются Бюро въ его Сборникѣ по оригинальному тексту и на оригинальномъ языкѣ безъ какихъ бы то ни было измѣненій.

Международные акты, составленные не на французскомъ языкѣ, сопровождаются французскимъ переводомъ, оффиціально признаннымъ сторонами соотвѣтствующимъ своему оригиналу и для нихъ одинаково обязательнымъ [7]).

„тексты эти пользуются *по закону* доказательною силою предъ судами", но она смягчена въ указанномъ смыслѣ на основаніи замѣчаній Голланда и Бара. Судъ имѣютъ примѣнять это правило въ границахъ, указываемыхъ ихъ отечественнымъ закономъ.

[6]) Нельзя одобрить мысль докладчика, что хотя бы въ началѣ нечего требовать отъ Уніи обнародованія законовъ и распоряженій, относящихся къ внѣшнему праву отдѣльныхъ государствъ, какъ то законовъ: объ иностранцахъ, ихъ изгнаніи и натурализаціи, о выдачѣ преступниковъ и т. п. Эти вопросы имѣютъ очевидно громадный международный интересъ и они, входя прямо въ область и международнаго права составляютъ предметъ многочисленныхъ Конвенцій, особенно въ наши дни, а, какъ выяснилось спеціально изъ преній, слова ст. V объ обнародованіи *и другихъ международныхъ актовъ* обнимаютъ собою *всѣ виды соглашеній* между правительствами.

[7]) Вмѣсто этого многоязычія для Международнаго Сборника былъ бы гораздо предпочтительнѣе одинъ — французскій языкъ; переводы, кѣмъ бы они ни дѣлались

Всякое отступленіе отъ этого общаго правила должно быть формально упомянуто и удостовѣрено въ началѣ печатаемаго акта.

Ст. VIII. Всѣ международные акты публикуются Бюро [8]) безъ комментаріевъ.

Ст. IX. Договаривающіяся государства и приступающія къ нимъ позднѣе обязываются препровождать въ Бюро всѣ международные акты, упоминаемые въ ст. V, § 1, по истеченіи двухъ мѣсяцевъ съ момента ихъ утвержденія, а всѣ остальные, тамъ перечисляемые (§§ 2—4), мѣсяцъ спустя по ихъ обнародованіи или исполненіи.

Ст. X. Настоящая конвенція заключается на пять лѣтъ съ момента обмѣна ея ратификацій.

Ст. XI. По желанію одного изъ правительствъ, ее заключившихъ или къ ней приступившихъ, можетъ быть, по истеченіи пятилѣтняго срока, созвана новая конференція для принятія улучшеній и измѣненій въ настоящемъ договорѣ, которыя будутъ признаны полезными или необходимыми.

Ст. XII. Если за годъ до истеченія первыхъ пяти лѣтъ, ни съ чьей стороны не послѣдуетъ предусмотрѣнное въ предыдущей статьѣ заявленіе, настоящая конвенція останется въ силѣ на новое пятитѣтіе и такъ будетъ возобновляться и впредь на тѣ же сроки.

Регламентъ объ исполненіи этой конвенціи.

1. Устройство Международнаго Бюро.

Ст. I. Международное Бюро организуется правительствомъ Швейцаріи на нижеслѣдующихъ условіяхъ.

Ст. II. Личный его составъ назначается союзнымъ правительствомъ Швейцаріи, которое сообщаетъ другимъ государствамъ—участникамъ и приступившимъ—о мѣрахъ, принятыхъ имъ для правильнаго дѣйствія Бюро.

Ст. III. Правительство Швейцаріи надзираетъ за его правильнымъ ходомъ. Оно даетъ впередъ необходимыя средства для перваго устройства Международнаго Бюро, контролируетъ производимые послѣднимъ расходы и составляетъ ежегодный отчетъ.

Ст. IV. Отчеты о работахъ и финансовыхъ дѣлахъ Бюро Швей-

удостовѣрялись бы правительствами. Это сократило бы значительно и объемъ предполагаемаго Сборника.

[8]) У докладчика было прибавлено: „по алфавитному порядку договаривающихся государствъ“; Оливартъ предложилъ вмѣсто алфавитнаго—хронологическій порядокъ документовъ.

царія препровождаетъ ежегодно ко всѣмъ заинтересованнымъ правительствамъ.

Ст. V. Международное Бюро имѣетъ право сноситься непосредственно со всѣми заинтересованными правительствами и спрашивать у нихъ всѣ свѣдѣнія, необходимыя для скораго и точнаго изданія документовъ, сообщаемыхъ ему въ силу ст. V настоящей конвенціи.

На вопросы публики о свѣдѣніяхъ и разъясненіяхъ, Бюро отвѣчаетъ лишь въ предѣлахъ своей компетенціи и принадлежащихъ ему средствъ.

2. Международный Сборникъ Трактатовъ.

Ст. VI. Международный Сборникъ Трактатовъ выходитъ ежегодно по меньшей мѣрѣ въ одномъ томѣ.

Ст. VII. Каждый томъ содержитъ въ себѣ, кромѣ текста документовъ, сообщенныхъ правительствами, еще таблицы: хронологическія и предметныя.

Ст. VIII. Каждому правительству высылаютъ этотъ Сборникъ въ числѣ экземпляровъ, соотвѣтствующемъ числу долей, взятыхъ имъ на себя, по этой части, расходовъ.

3. Бюджетъ. Распредѣленіе расходовъ на содержаніе Международнаго Бюро.

Ст. IX. На содержаніе Международнаго Бюро опредѣляется въ годъ приблизительно сто тысячъ франковъ.

Ст. X. Эти издержки покрываются взносами правительствъ въ извѣстной пропорціи и прибылью съ продажи Международнаго Сборника.

Ст. XI. Въ видахъ равномѣрнаго распредѣленія величины этихъ взносовъ, послѣдніе дѣлятся на шесть классовъ, причемъ каждому изъ нихъ соотвѣтствуетъ извѣстное число единицъ:

1 классу—25 единицъ; 2 кл.—20 ед.; 3 кл.—15 ед.; 4 кл.—10 ед.; 5 кл.—5 ед.; 6 кл.—3 ед.

Ст. XII. Каждый изъ этихъ коефиціентовъ слѣдуетъ помножить на число государствъ соотвѣтствующаго класса и полученное произведеніе покажетъ число единицъ, на которое должно раздѣлить весь расходъ. Дѣлитель будетъ указывать на единицу расходовъ и чтобы получить сумму издержекъ, причитающихся на каждое государство по содержанію Бюро, слѣдуетъ помножить это число на коефиціентъ того класса, къ которому принадлежитъ данное государство.

Вслѣдъ за Женевскимъ съѣздомъ Бюро Института сообщило эти документы Швейцаріи, которая еще ранѣе выразила согласіе принять на себя починъ по устройству этой уніи. Швейцарское правительство отвѣчало, что оно, циркулярною нотою отъ 4 октября 1892 г. препроводило вышеназванные документы Института къ остальнымъ правительствамъ съ оффиціальнымъ приглашеніемъ ихъ приступить къ осуществленію предполагаемаго союза. Въ случаѣ благопріятныхъ отвѣтовъ Швейцарія выразила намѣреніе созвать для этой цѣли, на будущій годъ, дипломатическую конференцію.

2.

Допущеніе и изгнаніе иностранцевъ.

Этотъ вопросъ вызвалъ гораздо болѣе споровъ, нежели предъидущій, чему впрочемъ нельзя удивляться, если принятъ въ соображеніе его запутанность и важность, особенно въ практическомъ отношеніи. Онъ былъ поставленъ на очередь еще въ 1885 г. по предложенію Бруза, указавшаго на его связь съ другимъ вопросомъ о выдачѣ преступниковъ. Институтъ возвращался къ нему не разъ: къ Лозаннскому съѣзду (1888) ему были представлены докладъ Роленъ-Жекмена и нѣкоторыя къ нему замѣчанія Мартитца. Это вызвало принятіе Институтомъ *предварительной декларации* по вопросу, изъ шести статей, но съ оговоркою подвергнуть его еще дальнѣйшему и болѣе подробному изслѣдованію [9]). Между тѣмъ въ докладчики избранъ *Баръ*, проф. въ Геттингенѣ и извѣстный знатокъ частнаго международнаго права. Онъ выработалъ къ Гамбургскому съѣзду (1891) гораздо болѣе подробный проектъ *международнаго регламента* по этому вопросу, съ присоединеніемъ къ нему доклада, въ которомъ онъ пояснялъ и развивалъ свои мысли. При этой работѣ онъ имѣлъ случай воспользоваться замѣчаніями нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей по коммиссіи, въ числѣ которыхъ нельзя особенно не отмѣтить монографію *Феро-Жиро*. Она также оканчивалась проектомъ декларации (изъ 22 статей), хотя въ ней авторъ давалъ перевѣсъ сторонѣ *изгнанія* иностранцевъ (предъ ихъ *допущеніемъ*) и рѣшалъ отдѣльные пункты возможно больше съ точки зрѣнія *полновластія отдѣльнаго государства*. Въ Гамбургѣ Институтъ въ основаніе своихъ обсужденій положилъ вышеназванныя работы Бара, но на первыхъ же порахъ не пошелъ далѣе *принципіальнаго*, такъ сказать, ихъ *одобренія*. Тогда же весь этотъ

[9]) Annuaire de l'Institut. X, p. 227—246. Моя замѣтка о Лозаннскомъ съѣздѣ въ Юрид. Вѣст. 1889, февр.

вопросъ о допущеніи и изгнаніи иностранцевъ признанъ многими изъ его членовъ [10]) совершенно будто бы не относящимся къ международному праву, а слѣдовательно даже не принадлежащимъ къ компетенціи Института, поэтому они желали бы не обсуждать его. На это было справедливо отвѣчено, что изгнаніе иностранцевъ принадлежитъ безспорно и къ международному праву, ибо имъ въ значительной степени затрогиваются самыя сношенія между государствами и что Институтъ Лозаннскою декларацією какъ бы нравственно связалъ себя въ смыслѣ дальнѣйшей обработки этого вопроса [11]). Вслѣдствіе всего этого онъ былъ отложенъ до слѣдующей сессіи [12]).

Лишь въ Женевѣ Институту удалось довести до конца это многотрудное дѣло [13]). Принятый имъ регламентъ, конечно, можетъ казаться во многихъ отношеніяхъ неполнымъ и несовершеннымъ, но все-таки онъ знаменуетъ въ цѣломъ немаловажный шагъ впередъ сравнительно съ современнымъ положеніемъ этого вопроса въ практикѣ и даже наукѣ.

Международныя правила о допущеніи и изгнаніи иностранцевъ, принятыя Институтомъ въ Женевѣ 9 сентября 1892 г.

Принимая въ соображеніе, что право каждаго государства допускать иностранцевъ на свою территорію, не допускать ихъ или же допускать лишь условно, а равно изгонять ихъ, есть логическое и необходимое слѣдствіе его суверенитета и независимости;

Но съ другой стороны, въ виду того, что человѣколюбіе и справедливость обязываютъ государства примѣнять это право хотя въ границахъ, очерчиваемыхъ ихъ безопасностію, но подъ условіемъ уваженія къ правамъ и свободѣ иностранцевъ, желающихъ вступить на ихъ территорію или уже на ней находящихся;

Въ силу чего, съ этой международной точки зрѣнія, должно быть признано полезнымъ формулированіе вообще и на будущее время нѣкоторыхъ твердыхъ принциповъ, введеніе которыхъ не означило бы однако, оцѣнки дѣйствій, совершенныхъ въ прошломъ,

---

[10]) Кромѣ англійскихъ членовъ (Уестлека, Голланда), такъ часто выступающихъ по международнымъ вопросамъ въ роли диссентеровъ, сюда принадлежали: Пьерантони, Рено, Мартенсъ, Лееръ, Бейрао.

[11]) Въ этомъ смыслѣ говорили: Баръ, Бруза, Альберикъ Роленъ, Роленъ-Жекменъ и нѣк. др.

[12]) Annuaire, XI, p. 273—321. Тутъ напечатаны: вышеназванныя работы Бара, заключенія Феро-Жиро, замѣчанія Уестлека и извлеченія изъ протоколовъ Гамбургскаго съѣзда.

[13]) Annuaire; XII, p. 184—226.

Институтъ международнаго права предлагаетъ относительно допущенія и изгнанія иностранцевъ держаться, въ международной практикѣ, слѣдующихъ правилъ [14]):

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вступительныя опредѣленія.

Ст. 1. Иностранцами, по смыслу настоящаго регламента, признаются всѣ тѣ, которые не пріобрѣли подданства въ данномъ государствѣ, безъ различія того, находятся ли они въ немъ лишь проѣздомъ или поселились на болѣе или менѣе продолжительный срокъ [15]), искали ли на его территоріи убѣжища, или вступили на нее добровольно.

Ст. 2. Въ принципѣ ни одно государство не должно воспрещать доступа къ себѣ или пребыванія на его территоріи какъ собственнымъ гражданамъ, такъ и тѣмъ, которые, утративъ подданство ему, не пріобрѣли еще другого [16]).

Ст. 3 Желательно, чтобы допущеніе и изгнаніе иностранцевъ опредѣлялось законами [17]).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Объ условіяхъ допущенія иностранцевъ.

Ст. 4. Нижеслѣдующія правила не распространяются на случаи примѣнія роторсіи и репрессалій.

---

[14]) Заглавіе этого—акта: вмѣсто „Регламента“—„Международныя правила“—измѣнено по предложенію самого Бара.

Первымъ исходнымъ принципомъ признается *право государствъ* (вытекающее изъ ихъ *верховенства*) допускать и изгонять иностранцевъ. Сообразно съ этимъ оно называется въ первоначальномъ проектѣ Бара, „мѣрою высшей полиціи“, у Феро-Жиро—„актомъ публичной власти“, отъ которыхъ ни одно государство не можетъ отказаться. Но съ точки зрѣнія международнаго союза основнымъ началомъ тутъ долженъ быть признанъ принципъ *общенія* и *солидарности* народовъ, а весь этотъ вопросъ изъ мѣры *административной* долженъ превратиться въ мѣру *судебную*.

[15]) S'ils sont résidents ou domiciliés.

[16]) Нарушеніе этого правила, допускаемое еще нѣкоторыми уголовными кодексами, по вѣрному замѣчанію Феро-Жиро, рѣзко противорѣчитъ международному праву. Баръ не противъ изгнанія государствомъ собственныхъ подданныхъ „въ случаяхъ крайней политической необходимости и если оно убѣждено, что большинство остальныхъ цивилизованныхъ государствъ, куда изгоняемымъ не трудно пробраться и гдѣ они могутъ жить покойно, готово принять ихъ у себя“.

[17]) Тутъ напрасно опускается: *и трактатами*.

Впрочемъ въ силу и этихъ мотивовъ, не могутъ быть изгоняемы иностранцы, поселившіеся въ странѣ на основаніи формальнаго разрѣшенія ея правительства.

Ст. 5. Настоящія правила не дѣйствуютъ также въ колоніяхъ, въ которыхъ европейская цивилизація не успѣла еще утвердиться.

Ст. 6. Свободный доступъ иностранцамъ на территорію цивилизованнаго государства можетъ быть воспрещаемъ вообще и навсегда лишь въ силу какого либо общественнаго интереса и мотивовъ чрезвычайно важныхъ, какъ-то: ихъ коренныхъ особенностей по правамъ и цивилизаціи, или же ихъ опасной организаціи и массоваго переселенія [18]).

Ст. 7. Интересы охраны народнаго труда не составляютъ еще сами по себѣ достаточнаго основанія для недопущенія иностранцевъ.

Ст. 8. Государства сохраняютъ право ограничивать, или даже на время совершенно запрещать доступъ къ себѣ иностранцевъ при существованіи войны, междуусобныхъ смутъ или эпидемій.

Ст. 9. Каждое государство обязано, въ своихъ законахъ и распоряженіяхъ, обнародуемыхъ заблаговременно до ихъ примѣненія, опредѣлять правила о допущеніи и свободномъ движеніи на его территоріи иностранцевъ.

Ст. 10. Оно должно при этомъ избѣгать облагать ихъ пріѣздъ или пребываніе высокими пошлинами [19]).

Ст. 11. Всѣ существенныя измѣненія въ условіяхъ допущенія и пребыванія иностранцевъ, а также касательно ихъ обложенія, доводятся въ возможно краткій срокъ до свѣдѣнія государства, чьи подданные въ этомъ заинтересованы.

Ст. 12. Вступленіе на территорію можетъ быть воспрещено ино-

---

[18]) Въ первоначальномъ текстѣ Баръ указывалъ на то, что „допущеніе иностранцевъ мирныхъ и сообразующихся съ законами страны столько же стоитъ въ гармоніи съ принципами современнаго международнаго права сколько и съ общею пользою человѣчества“. Въ числѣ причинъ ихъ недопущенія упоминались еще ихъ особенности „по расѣ“, но, послѣ преній, пунктъ этотъ удаленъ. Дежарденъ замѣтилъ, что въ наши дни во многихъ странахъ существуютъ антисемитическія теченія, стоящія въ противорѣчіи со всѣми идеями нашего вѣка. Настоящая статья имѣетъ вообще въ виду не отдѣльныхъ иностранцевъ, а лишь ихъ массовое переселеніе. Бруза находилъ формулу: „общественный интересъ и мотивы чрезвычайно важные“ слишкомъ широкою и эластичною, дающею государствамъ слишкомъ большой произволъ. Недопущеніе иностранцевъ на территорію должно бы происходить на основаніи мотивовъ *спеціальныхъ*, опредѣляемыхъ въ ограничительномъ смыслѣ. Но предложеніе это отклонено.

[19]) „Или вообще принимать противъ нихъ какія либо стѣснительныя мѣры“,—добавленіе первоначальнаго проекта, напрасно опущенное по замѣчанію нѣкоторыхъ членовъ.

странцамъ слѣдующихъ категорій: бродягамъ и нищимъ [20]); страдающимъ болѣзнію, могущею оказаться опасною для общественнаго здравія; сильно заподозрѣннымъ въ преступленіяхъ, совершенныхъ ими за-границею противъ жизни или здоровья лицъ, или же противъ имуществъ и общественнаго довѣрія [21]); наконецъ, всѣмъ лицамъ, осужденнымъ уже за перечисленныя правонарушенія [22]).

Ст. 13. Государства могутъ, въ видѣ исключенія, допускать къ себѣ иностранцевъ лишь на время и запрещая имъ селиться на своей территоріи, но однако подъ условіемъ, чтобы подобныя запрещенія обращались, въ каждомъ случаѣ, къ извѣстному лицу и дѣлались, насколько возможно, письменно.

Кромѣ того это запрещеніе теряетъ свою силу, если оно не возобновляется періодически въ сроки, не превышающіе двухъ лѣтъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Объ условіяхъ изгнанія иностранцевъ.

I. Общія правила.

Ст. 14. Изгнаніе иностранцевъ никогда не должно быть мѣрою, предпринимаемою въ частныхъ интересахъ, ради устраненія, въ области народнаго труда, законнаго соперничества, или для прекращенія справедливыхъ жалобъ, исковъ, аппелляцій, законно предъявляемыхъ предъ судами, или иными компетентными властями.

Ст. 15. Вопросы объ изгнаніи и выдачѣ отличны другъ отъ друга; отказъ въ послѣдней не означаетъ еще отказа отъ права изгнанія.

Ст. 16. Изгнанный, вступившій на извѣстную территорію, чтобъ укрыться отъ уголовнаго преслѣдованія, не можетъ быть обходными путями выданъ преслѣдующему его государству безъ точнаго соблюденія условій, существующихъ относительно выдачи.

Ст. 17. Изгнаніе, не будучи наказаніемъ [23]), должно совершаться

---

[20]) Къ нимъ, само собою разумѣется, не относятся иностранные рабочіе, ищущіе себѣ заработка.

[21]) Политическія преступленія не подразумѣваются подъ этими словами.

[22]) Въ проектѣ Феро-Жиро говорится еще о правѣ государствъ не допускать къ себѣ массоваго переселенія иностранцевъ; о дарованіи имъ убѣжища въ случаѣ ихъ преслѣдованія за ихъ политическія или религіозныя убѣжденія, если это только совмѣстимо съ ихъ внутреннею и внѣшнею безопасностію и о правѣ ихъ, не прибѣгая къ изгнанію, селить иностранцевъ на опредѣленной лишь части своей территоріи.

[23]) Съ юридической стороны оно, однако, представляется таковымъ. Будучи ли-

въ возможно мягкой формѣ [24]), сообразно съ общественнымъ положеніемъ и личнымъ характеромъ изгоняемаго.

Ст. 18. Иногда можно предписывать иностранцамъ жить лишь въ извѣстномъ мѣстѣ, или не покидать его подъ страхомъ изгнанія не повинующихся этому приказу.

Ст. 19. Свѣдѣнія объ изгнаніяхъ, какъ личныхъ, такъ и чрезвычайныхъ, сообщаются, при первой же возможности, правительствамъ, подданные которыхъ подверглись этой мѣрѣ.

Ст. 20. Слѣдуетъ періодически доводить до общаго свѣдѣнія — путемъ ли сообщеній палатамъ, или оффиціальныхъ обнародованій — обо всѣхъ мѣрахъ изгнанія, даже о тѣхъ изъ нихъ, которыя потомъ были отмѣнены или взяты обратно.

Ст. 21. Всякій изгоняемый — объявляющій себя гражданиномъ страны или утверждающій, что его изгнаніемъ нарушаются какой либо законъ или международный договоръ, формально изъимающіе его отъ этой мѣры, — имѣетъ право обращаться съ жалобою на это въ подлежащее высшее судебное или административное мѣсто [25]), которое и разбираетъ дѣло это съ полною независимостію отъ своего правительства.

Впрочемъ, несмотря на эту жалобу, изгнаніе можетъ быть приведено въ дѣйствіе, какъ мѣра временная [26]).

Ст. 22. Государства могутъ обезпечить издаваемые ими приказы объ изгнаніи тѣмъ, что привлекутъ виновныхъ въ нарушеніи этихъ приказовъ къ суду и къ наказаніямъ, по отбытіи ими которыхъ, они принудительно выпроваживаютъ ихъ за-границу.

II. О разныхъ видахъ изгнанія.

Ст. 23. Изгнаніе *чрезвычайное* (или *массами*), и *окончательное* примѣняется къ цѣлымъ категоріямъ лицъ, которымъ не дозволяется уже позднѣе вернуться въ страну, по истеченіи извѣстнаго срока, напередъ опредѣленнаго.

Ст. 24. Изгнаніе *чрезвычайное* (тоже массами) *временное* прилагается тоже къ категоріямъ лицъ, но вслѣдствіе войны или серьез-

---

шеніемъ человѣка одного изъ его существенныхъ правъ: свободы *мирнаго* пребыванія въ странѣ, оно, *по правилу*, можетъ быть у него отнято только *судомъ*.

[24]) Avec tous les ménagements possibles.

[25]) Административныя власти при этихъ разбирательствахъ должны бы быть совершенно устранены, ибо какъ же онѣ могутъ дѣйствовать «съ полною независимостію отъ своего правительства (en pleine indépendance du gouvernement)»?

[26]) Послѣдняя часть этой статьи излишня.

ныхъ внутреннихъ безпорядковъ въ странѣ и дѣйствуетъ впродолженіе только этой войны или на опредѣленный срокъ.

Ст. 25. Изгнаніе *обыкновенное* примѣняется только къ *отдѣльнымъ лицамъ*.

Ст. 26. Изгнаніе чрезвычайное, окончательное, совершается лишь въ силу спеціальнаго закона, или по крайней мѣрѣ распоряженія верховной власти которые, до ихъ примѣненія, обнародываются заблаговременно.

Ст. 27. Изгнаніе чрезвычайное, временное, можетъ быть превращено, по окончаніи данной войны или опредѣленнаго срока, въ изгнаніе обыкновенное, или же чрезвычайное, окончательное.

Срокъ, первоначально назначенный, можетъ быть впослѣдствіи продолженъ еще на одинъ разъ [27]).

III. О лицахъ, могущихъ подлежать изгнанію.

Ст. 28. Изгоняемы могутъ быть:

1. Иностранцы, которые вступятъ на извѣстную территорію обманомъ, въ нарушеніе существующихъ правилъ о ихъ допущеніи, но если не будетъ налицо другихъ поводовъ къ ихъ изгнанію, они ему не подвергаются послѣ шестимѣсячнаго пребыванія своего въ странѣ.

2. Иностранцы, которые, вопреки формальному запрещенію, поселятся или пребываютъ въ странѣ.

3. Лица, страдавшія въ моментъ ихъ перехода чрезъ границу, болѣзнями, опасными для общественнаго здравія.

4. Бродяги, нищіе, нуждающіеся въ общественной благотворительности.

5. Осужденные мѣстными судами за преступныя дѣянія, болѣе или менѣе тяжкія.

6. Иностранцы, осужденные или еще находящіеся подъ судомъ за-границею за такія тяжкія преступленія, за которыя они по зако-

---

[27]) Съ точки зрѣнія современнаго межд. права должно быть отвергнуто всякое изгнаніе иностранцевъ *массою*, хотя бы дѣло шло о войнѣ, внутреннихъ переворотахъ или о присоединеніи областей. Это правило непримѣнимо развѣ только въ случаяхъ репрессалій и враждебныхъ дѣйствій со стороны самихъ иностранцевъ. Феро-Жиро, напротивъ, предоставляетъ государствамъ самую широкую свободу для изгнаній даже коллективныхъ. Рѣшающимъ для него критеріумомъ является сужденіе самого заинтересованнаго государства и всякая суровость допустима, разъ она полезна. (Ст. XVI и XII его проекта).

намъ или договорамъ даннаго государства [28]) могли бы подлежать выдачѣ.

7. Лица, виновныя въ подстрекательствѣ другихъ къ совершенію дѣйствій, серьезно угрожающихъ общественной безопасности, хотя бы эти подстрекательства не карались мѣстнымъ закономъ, а самыя дѣйствія должны были бы совершиться за-границею.

8. Иностранцы, провинившіеся или навлекшіе противъ себя сильное подозрѣніе въ нападкахъ, посредствомъ ли печати или иными способами, противъ чужаго государства или государя, или же противъ иностранныхъ политическихъ учрежденій, лишь бы только эти дѣйствія были наказуемы по законамъ государства изгоняющаго въ томъ случаѣ, еслибы они были направлены противъ него самого его гражданами за-границею.

9. Иностранцы, виновные во время своего пребыванія въ странѣ, въ публичныхъ нападкахъ или оскорбленіяхъ, явившихся въ иностранной печати противъ этой страны, ея народа или главы.

10. Иностранцы, нарушившіе во время войны, или въ виду ея неотложности, своимъ поведеніемъ безопасность страны.

Ст. 29. Непокорнымъ и бѣглымъ иностранцамъ (дезертирамъ) можно воспретить пребываніе или передвиженіе въ полосѣ пограничной со страною, откуда они пришли. Этимъ однако не подрываются предписанія болѣе строгія международныхъ договоровъ.

IV. О формѣ изгнанія.

Ст. 30. Актъ объ изгнаніи сообщается изгоняемому. Въ немъ должны быть изложены мотивы съ фактической и юридической стороны.

Ст. 31. Если данное лицо располагаетъ возможностію обратиться съ жалобою къ высшей судебной или административной инстанціи, актъ сообщаетъ ему объ этомъ съ указаніемъ законнаго срока для принесенія такой жалобы.

Ст. 32. Актъ опредѣляетъ также время, въ продолженіе котораго изгоняемый долженъ покинуть страну. Срокъ этотъ не можетъ быть менѣе полныхъ сутокъ. Если изгоняемый на свободѣ, противъ него, въ теченіе этого времени, недопустимо никакое принужденіе.

Ст. 33. Иностранецъ, получившій приказъ объ оставленіи территоріи, обязанъ указать границу, чрезъ которую онъ направится. Ему дается билетъ, опредѣляющій его путь и время остановокъ въ каж-

---

[28]) На территорію котораго они вступаютъ.

домъ изъ проѣзжаемыхъ имъ пунктовъ. Въ случаѣ неповиновенія онъ выпроваживается за-границу принудительно [29]).

V. Объ обжалованіяхъ.

Ст. 34. Желательно, чтобы при обыкновенномъ изгнаніи, даже помимо случаевъ, когда извѣстное лицо, въ силу закона не подлежитъ таковому, было допущено заинтересованному обращеніе съ жалобою къ высшему суду или административному учрежденію, независимому отъ правительства.

Ст. 35. Эти инстанціи обсуждаютъ только вопросъ о законности изгнанія, но онѣ не разсматриваютъ ни поведенія лица, навлекшаго на себя эту мѣру, ни обстоятельствъ, побудившихъ правительство ее принять.

Ст. 36. Въ случаяхъ, упоминаемыхъ въ § 10 ст. 28, обжалованіе недопустимо.

Ст. 37. Изгнаніе можетъ быть временно исполнено, несмотря на обжалованіе.

Ст. 38. Правительство, совершающее изгнаніе сообразно съ принципами международнаго права, изложенными въ настоящемъ регламентѣ, ограждено отъ всякихъ дипломатическихъ противъ него, по этому поводу, жалобъ.

Ст. 39. Правительства всегда имѣютъ возможность взять обратно изданный ими указъ объ изгнаніи, или же пріостановить на время его дѣйствія.

VI. Объ изгнаніи иностранцевъ поселившихся, въ особенности.

Ст. 40. Иностранцы, поселившіеся на территоріи, могутъ быть изгоняемы лишь въ силу пунктовъ 7—10 ст. 28 и пункта 6 той же статьи въ тѣхъ случаяхъ, когда наказанія, къ которымъ они были присуждены за-границею, не будутъ ими еще совершенно отбыты, или имъ прощены, или когда приговоръ иностраннаго суда противъ нихъ состоялся лишь послѣ дозволенія имъ поселиться въ странѣ.

---

[29]) У Феро-Жиро: иностранные бродяги, нищіе, преступники препровождаются либо къ ихъ отечественной границѣ, либо вообще къ ближайшей. Если національность изгоняемаго не можетъ быть удостовѣрена, его доставляютъ къ границѣ, чрезъ которую онъ проникъ въ страну. Изгоняемый за политическія дѣянія долженъ быть всегда свободенъ избрать какую-либо другую границу, а не своего отечества.

Ст. 41. Изгнаніе иностранцевъ, имѣющихъ въ странѣ прочную осѣдлость, пребываніе, или какое-либо торговое заведеніе, должно совершаться такъ, чтобы не подрывать довѣріе, которое они имѣли къ законамъ этого государства, и чтобы дать имъ возможность либо прямо, либо косвенно чрезъ третьи, избранныя ими лица — воспользоваться всѣми законными способами для ликвидаціи и огражденія всѣхъ принадлежащихъ имъ въ странѣ, дѣлъ, какъ личныхъ, такъ и имущественныхъ [30]).

Въ тѣсной связи съ разсмотрѣнною нами теперь восьмою коммиссіею стоитъ десятая: она изучаетъ способы устраненія столкновеній между законами различныхъ государствъ по вопросамъ о *пріобрѣтеніи* и *потерѣ гражданства* (натурализаціи и экспатріаціи). Къ Женевскому съѣзду она однако не представила еще никакой работы. Докладчиками ея назначены Кателлани и Вейссъ.

3.

Выдача политическихъ преступниковъ.

Институтъ, какъ извѣстно, неоднократно занимался на различныхъ сессіяхъ вопросомъ о выдачѣ преступниковъ. Въ Оксфордѣ (1880) онъ принялъ тщательно составленную декларацію объ этомъ изъ 26 статей [31]). Она скоро получила авторитетъ въ наукѣ, на нее стали ссылаться, но, съ другой стороны, многіе ея пункты подверглись болѣе или менѣе серьезной критикѣ. Органомъ этихъ критическихъ противъ нея замѣчаній, въ средѣ Института, выступилъ *Альберикъ Ролень*, проф. въ Гентѣ и хорошій знатокъ уголовнаго права. Онъ представилъ Институту на второмъ Брюссельскомъ съѣздѣ (1885) обзоръ научныхъ отзывовъ о названной декларации [32]). Въ Гейдельбергѣ (1887), по предложенію Ролена, вопросъ объ ея пересмотрѣ былъ переданъ въ особую коммиссію. Между тѣмъ, и другой знатокъ по уголовному праву *Ламмашъ*, проф. въ Вѣнѣ, также внесъ различныя поправки къ Оксфордскому тексту. Рѣчь шла на Лозаннскомъ съѣздѣ (1888) о переработкѣ не менѣе 11 статей. Даже самое опре-

---

[30]) Феро-Жиро добавляетъ, что государство, которому принадлежитъ изгоняемый имѣетъ право спросить о мотивахъ такой мѣры, и, смотря по обстоятельствамъ, потребовать взятія ея обратно съ предоставленіемъ потерпѣвшему возмѣщенія убытковъ. Съ другой стороны, если граждане извѣстнаго государства, пребывая за-границей, будутъ угрожать его безопасности, оно можетъ, въ приличныхъ формахъ, обратить на это вниманіе мѣстнаго правительства и потребовать ихъ удаленія.

[31]) Annuaire, t. V, 1881—82, p. 127—130.

[32]) Ib. t. VIII, 1885—86, p. 128—166.

дѣленіе понятія о выдачѣ предлагали измѣнить другимъ болѣе точнымъ и пространнымъ [33]). За отсутствіемъ Ролена докладчикомъ былъ Рено, главный авторъ Оксфордской декларації. Онъ энергично возсталъ противъ предлагавшейся столь радикальной ея перемѣны, и, послѣ оживленныхъ преній, было рѣшено: оставивъ ея текстъ въ цѣломъ безъ измѣненій, поручить спеціально Ролену заняться: изученіемъ новѣйшаго положенія, въ практикѣ государствъ и наукѣ, вопроса о выдачѣ за политическія дѣянія (или пересмотромъ ст. 13 и 14 Оксфордской декларації), а Ламмашу — о правахъ выдаваемаго въ странѣ, требовавшей его выдачи (что соотвѣтствуетъ ея статьямъ: 22 и 26). Оба докладчика отнеслись къ своему дѣлу вполнѣ серьезно: они составили подробныя программы поставленныхъ имъ вопросовъ, которыя и разослали своимъ товарищамъ по коммиссіи. На основаніи полученныхъ отвѣтовъ они уже къ Гамбургскому съѣзду (1891) представили свои доклады и проекты рекомендуемыхъ ими измѣненій [34]). Въ Женевѣ Ламмашъ не присутствовалъ и работа его остается доселѣ не разсмотрѣнною, но Роленъ сообщилъ интересное добавленіе къ своему первому докладу о послѣднихъ фактахъ по изучаемому имъ вопросу, а равно *мотивы* къ *четыремъ новымъ статьямъ*, которыми онъ предлагалъ замѣнить двѣ вышеназванныя статьи Оксфордскихъ резолюцій. Институтъ, разсмотрѣвъ ихъ въ двухъ засѣданіяхъ, принялъ, послѣ нѣкоторыхъ преній, значительнымъ большинствомъ голосовъ [35]).

Ознакомимся сперва съ исходною точкою и главными положеніями докладчика.

Въ Оксфордской декларації ст. 13 говоритъ, что выдача не можетъ совершаться за политическія дѣянія, а ст. 14—что государство, просимое о таковой, должно, при оцѣнкѣ политическаго характера дѣянія, руководиться двумя слѣдующими началами:

А. Дѣянія носящія на себѣ характеръ нарушенія общаго права (убійства, поджоги, кражи), не подлежатъ изъятію отъ выдачи въ силу только политическихъ намѣреній ихъ совершителей.

В. При оцѣнкѣ же дѣйствій, совершенныхъ въ продолженіе между-

---

[33]) Вмѣсто: „Выдача есть международный актъ, соотвѣтствующій справедливости и пользѣ государствъ, такъ какъ онъ имѣетъ въ виду предупредить и пресѣчь болѣе дѣйствительно нарушеніе уголовнаго закона", въ Лозаннѣ предлагали: „Выдача есть актъ международнаго судебнаго содѣйствія, въ силу котораго одно государство передаетъ другому лица, преслѣдуемыя или осужденныя за преступленія или проступки, нарушившіе общественный порядокъ въ странѣ требующей". Сводъ предложенныхъ измѣненій и вызванныя ими пренія, см. въ Annuaire, t. X, 1887—88, p. 157—173.

[34]) Annuaire, t. XI, 1889—92, p. 172—235.

[35]) Ib. t. XII, 1892—94, p. 155—183.

усобій, слѣдуетъ обращать вниманіе на то, были ли бы они оправданы (допустимы), или нѣтъ, обычаями войны.

Пунктъ А лишенъ точности. Дѣйствія получаютъ политическій характеръ не по одному только *намѣренію* (умыслу) ихъ совершителей, но и по своимъ *послѣдствіямъ*, дѣйствительнымъ результатамъ, или же, чаще всего, по ихъ *прямому предмету*, съ матеріальной стороны самаго преступленія (de la materialité du délit).

Рядомъ съ политическими преступленіями *чистыми* надо различать еще *относительныя* политическія преступленія, къ которымъ относятся преступленія *смѣшанныя* или прикосновенныя къ какимъ либо политическимъ преступленіямъ и проступкамъ [36]).

По отношенію ко всѣмъ дѣяніямъ этого рода въ новѣйшее время ясно обрисовываются два теченія: одно въ пользу невыдачи за относительныя политическія преступленія; другое, не менѣе сильное, враждебное этому началу всякій разъ, когда рѣчь идетъ о самыхъ тяжкихъ нарушеніяхъ нравственности или о наиболѣе грубыхъ посягательствахъ противъ лицъ или имуществъ, хотя бы совершенныхъ подъ давленіемъ политической страсти.

Великій народъ С. Штатовъ, столь ревниво оберегающій свою свободу и независимость, допустилъ недавно въ договорѣ о выдачѣ съ Бельгіею такъ называемую оговорку о покушеніи (clause d'attentat). То же повторилъ онъ и въ договорѣ съ Люксембургомъ. И въ другихъ странахъ, которыя не допускали до-нынѣ эту оговорку, проявляется очень замѣтное стремленіе не изъимать отъ выдачи виновныхъ въ преступленіяхъ особенно возмутительныхъ и противообщественныхъ. Въ Англіи съ 1868 года говорятъ объ исключеніи изъ общаго правила о невыдачѣ за политическія преступленія, по отношенію къ преступленіямъ наиболѣе тяжкимъ (foul crimes). Въ Италіи составленъ законопроектъ, высказывающій ту же мысль. Въ Швейцаріи проектъ закона о выдачѣ, выработанный Ривье, содержалъ постановленіе о невыдачѣ за преступленіе противъ общаго права, совер-

---

[36]) По мнѣнію Вейсса *относительныя* политическія преступленія (infractions politiques *relatives*) обнимаютъ двѣ категоріи дѣяній: 1) *сложныя* преступленія (délits *complexes*), которыя, составляя посягательства на политическій или общественный строй даннаго государства, нарушаютъ, однако, въ то же время чисто частные интересы и являются такимъ образомъ преступленіями и противъ общаго права и 2) *смѣшанныя* преступленія (délits connexes ou mixtes), которыя, не отождествляясь съ чисто политическими преступленіями, все-таки соприкасаются съ ними болѣе или менѣе тѣсною связью. Первая группа указываетъ на *идеальное* стеченіе нарушеній политическихъ и общихъ обязанностей; вторая—на такое же стеченіе, но *матеріальное*, выражающееся хотя въ дѣйствіяхъ различныхъ, но имѣющихъ между собою общую связь, отношеніе причинности. (Annuaire; XI, 180—181).

шенное съ политическою цѣлію или намѣреніемъ, но при томъ однако, условіи, чтобъ оно не было преступленіемъ изъ наиболѣе тяжкихъ, какъ-то: убійствомъ и поджогомъ, разрушеніемъ посредствомъ взрыва, кражей, подлогомъ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ и новѣйшаго движенія, какъ въ умахъ, такъ и въ законодательствахъ, представляется необходимымъ дополнить Оксфордскія резолюціи и привести ихъ въ большее соотвѣтствіе съ настоящимъ и справедливымъ пониманіемъ выдачи, въ силу котораго она не есть только актъ вѣжливости между державами, но выполненіе съ ихъ стороны международнаго долга, взаимное содѣйствіе, которое онѣ оказываютъ другъ другу въ видахъ лучшаго у себя упроченія порядка и справедливости. Пунктъ В. въ ст. 14 Оксфордской декларації также требуетъ исправленія: извѣстныя правила, установленныя для международной войны, какъ вѣрно указалъ на то Ламмашъ, непримѣнимы къ войнѣ междуусобной.

Приводимъ за симъ текстъ новыхъ [37]), принятыхъ Институтомъ статей:

1) Выдача не допускается по отношенію къ преступленіямъ и проступкамъ чисто политическимъ [38]).

2) Она также не должна примѣняться къ *дѣяніямъ смѣшаннымъ или соприкасающимся къ преступленіямъ и проступкамъ политическимъ*—называемымъ также *относительными* политическими правонарушеніями—за исключеніемъ, впрочемъ, преступленій наиболѣе тяжкихъ съ точки зрѣнія нравственности и общаго права, какъ-то: убійство [39]), отравленіе, предумышленное [40]) нанесеніе увѣчій и тяжкихъ ранъ, а равно покушеніе на эти преступленія и посягательства на имущества посредствомъ поджога, взрыва, наводненія или грабежа въ наиболѣе тяжкой его формѣ путемъ вооруженнаго нападенія и насилій [41]).

---

[37]) Ст. 1—3 замѣняютъ прежнюю ст. 13, а 4 ст. 14 Оксфордской декларації.

[38]) Это есть принципъ, всѣми нынѣ признаваемый; недавно его приняла и Японія. Отъ этихъ дѣйствій надо отличать политическія преступленія относительныя, о которыхъ говоритъ слѣдующая статья.

[39]) Assassinat, meurtre.

[40]) Volontaires et préméditées.

[41]) *Относительныя* политическія преступленія также не ведутъ къ выдачѣ, *но однако не тогда*, когда они соединяются съ другими, *самыми тяжкими* преступленіями противъ лица или собственности. „*Выше всякаго политическаго интереса, въ чемъ бы онъ ни состоялъ*, прекрасно говоритъ Роленъ, *стоитъ уваженіе къ человѣческой жизни. Никакая политическая страсть или цѣль не могутъ оправдать покушеній на нее. Эта идея проникаетъ собою все право*". Изъ упоминаемыхъ преступленій противъ имущества названы лишь тѣ, которыя свидѣтельствуютъ о глубокой безнравственности ихъ совершителей и болѣе всего по-

3) Что касается до поступковъ, совершенныхъ во время возстанія или междуусобной войны враждующими сторонами въ интересахъ отстаиваемаго ими дѣла, то за нихъ виновные подлежатъ выдачѣ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда эти дѣйствія носятъ характеръ позорнаго варварства и вандализма, преслѣдуемаго законами войны, — и лишь послѣ того, какъ междуусобная война окончится [42]).

трясаютъ общественное спокойствіе. Но предлагаемый текстъ все таки менѣе строгъ проекта новаго швейцарскаго закона о выдачѣ, въ которомъ, по мысли Ривье, къ убійству и взрыву присоединяются еще: кража и подлогъ. Но Роленъ исключилъ ихъ на томъ же основаніи, что кража вообще и сама по себѣ можетъ выразиться и въ легкомъ проступкѣ, а подлогъ, совершенный въ силу политическаго мотива (mobile), можетъ утратить свою внутреннюю преступность (?).

Весьма любопытно сравнить эти постановленія съ ст. 10 новаго швейцарскаго закона о выдачѣ, недавно, какъ извѣстно, утвержденнаго:

„Выдача не допускается за политическія правонарушенія.

Но она примѣняется въ тѣхъ случаяхъ, когда виновный, несмотря на приводимый имъ политическій мотивъ или цѣль своего поступка, совершитъ преступленіе главнымъ образомъ противъ общаго права. Верховный союзный судъ призванъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, оцѣнить, смотря по обстоятельствамъ дѣла, характеръ правонарушенія.

Въ случаѣ согласія на выдачу, онъ присоединяетъ къ тому условіе, чтобы выдаваемый не подвергся болѣе суровой участи въ силу политическаго мотива или цѣли его дѣйствій".

Въ принятіи этого закона Швейцаріею, продолжаетъ Роленъ, нельзя не видѣть знаменія времени. Движеніе идей все рѣшительнѣе толкаетъ человѣчество къ признанію наконецъ здраваго начала, что цѣль не оправдываетъ средствъ. И если вѣрно, что ни въ какой области не существуетъ столько расходящихся между собою мнѣній какъ на счетъ цѣлесообразности и справедливости извѣстныхъ политическихъ учрежденій, то, очевидно, нельзя, ради столь оспариваемой цѣли, допускать и узаконять грубыя уклоненія отъ всеобщей нравственности.

Оливи, въ письмѣ къ Ролену, не допускаетъ выдачу только за чисто политическіе преступленія и проступки и требуетъ ее рѣшительно во всѣхъ остальныхъ случаяхъ. Нечего, говоритъ онъ, дѣлать тутъ различія между преступленіемъ сложнымъ и смѣшаннымъ, между политическими мотивомъ и цѣлью совершителя. Онъ готовъ развѣ допустить нѣкоторое смягченіе мѣры наказанія въ послѣднихъ случаяхъ. Но Роленъ, а за нимъ и Институтъ, не пошелъ такъ далеко: выдача, какъ мы видимъ, допущена только за одни тяжкія преступленія (*gros crimes*, по выраженію Ривье), столь возмущающія совѣсть каждаго человѣка, что они не могутъ утратить свой гнусный характеръ вслѣдствіе политической цѣли ихъ авторовъ.

Бруза высказался противъ всякаго перечисленія смѣшанныхъ преступленій (дѣлаемаго въ ст. 2), желая оцѣнку ихъ предоставить исключительно усмотрѣнію судебной власти. Броше-де-ла-Флешеръ, хотя и подалъ голосъ за этотъ регламентъ, но съ оговоркою, что, по его мнѣнію, понятіе о политическомъ преступленіи должно быть устранено. Намъ слѣдуетъ обращать вниманіе не на намѣренія лица, а на средства имъ употребленныя, и на обстоятельства.

[42]) По Оксфордской декларація (ст. 14) предлагалось не выдавать лицъ, виновныхъ въ преступленіяхъ, совершенныхъ въ продолженіе междуусобій, но допускае-

4. Не считаются политическими преступленіями, съ точки зрѣнія примѣненія вышеизложенныхъ правилъ, дѣйствія, направляемыя противъ основъ всякаго общественнаго строя, а не только противъ извѣстнаго государства, или же противъ опредѣленной формы правленія [43]).

Таковы три главныя научныя работы Женевскаго съѣзда. Недостатокъ времени помѣшалъ ему главнымъ образомъ заняться обсужденіемъ тѣхъ вопросовъ, которые своими коммиссіями тоже были болѣе или менѣе подготовлены къ этому съѣзду.

Тутъ на первомъ планѣ стоитъ, въ связи съ принятымъ въ Гамбургѣ (1891) регламентомъ объ *опекѣ надъ несовершеннолѣтними иностранцами,* проектъ такого же устава, составленный Глассономъ и Лееромъ объ *опекѣ же надъ иностранцами, но совершеннолѣтними и неспособными располагать собою и вести свои дѣла.* Въ этой коммиссіи (по счету *первой*) обозначилось двоякое теченіе: по мнѣнію докладчиковъ и большинства ея членовъ, суды, призванные, въ указанныхъ случаяхъ, установлять интердикцію надъ иностранцами, должны примѣнять національный законъ послѣднихъ; меньшинство же высказалось въ пользу мѣстныхъ законовъ (страны пребыванія иностранца).

мыхъ *обычаями международной войны.* Этотъ критерій объявленъ теперь недостаточнымъ: многое изъ этихъ обычаевъ въ силу вещей неприменимо къ войнѣ междуусобной и кромѣ того, этимъ оправдывались бы еще и поступки возмутительнѣйшаго варварства. Поэтому ст. 3 отправляется отъ иного критерія: она, за масштабъ оцѣнки принимаетъ духъ истребительности и жестокости, проявляемый мятежниками. Кромѣ того, она допускаетъ выдачу лишь по окончаніи междуусобія, когда страсти улягутся и выдача не получитъ характера вступленія въ борьбу чужихъ политическихъ партій.

[43]) Ст. 4 установляетъ различіе между политическими и *соціальными* преступленіями (délits sociaux). Ни злоупотребленіе довѣріемъ, говоритъ Роленъ, ни мошенничество, ни грабежъ, ни кража, покоящіеся на отрицаніи права собственности и направляемыя къ уничтоженію послѣдней,—не суть преступленія политическія. Не относятся къ нимъ и дикія разрушенія, дѣлаемыя подъ давленіемъ указаннаго отрицанія. Подвиги, напр. Равашоля ничего не имѣютъ общаго съ политикою. Ихъ безнравственность не измѣняется отъ мѣста или времени и должна бы въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ встрѣчать одинаковое негодованіе, даже ужасъ. Нападаютъ ли поборники этихъ безумныхъ и мрачныхъ теорій, съ цѣлію ихъ осуществленія, на главы государствъ или на послѣднихъ изъ ихъ гражданъ,—преступленія ихъ отъ этого не становятся политическими. Мы не понимаемъ, почему благоустроенныя общества, покоящіяся на этихъ великихъ общихъ имъ основахъ: на уваженіи собственности, индивидуальной свободы, человѣческой жизни и т. д., не согласились бы выдавать другъ другу тѣхъ, которые своими преступленіями стремятся ихъ уничтожить. Въ самомъ дѣлѣ; это было бы непростительною уступкою злоумышленникамъ, которые захотѣли бы свои разрушительныя ученія перевести отъ слова къ дѣлу.

Послѣ довольно оживленныхъ преній Институтъ хотя принялъ съ небольшими измѣненіями проектъ докладчиковъ (представляющій 8 статей), но постановилъ отложить до слѣдующей сессіи окончательное рѣшеніе этого вопроса [44]).

Богатый матеріалъ представила *третья* коммиссія, изучающая вопросъ, который не мало вызываетъ споровъ въ наши дни и представляетъ живой интересъ и для нашего отечества: *опредѣленіе и режимъ территоріальнаго моря*. Кромѣ обстоятельнаго доклада Берклея (Barclay) поступили интересныя сообщенія отъ Обера, Клена и проектъ предварительныхъ даже заключеній (изъ 8 статей), составленный нѣкоторыми членами этой коммиссіи.

Но Институтъ въ цѣломъ нашелъ эту тему еще недостаточно обработанною для своихъ заключеній. Съ одной стороны, въ самой коммиссіи существовали довольно сильныя противорѣчія по многимъ основнымъ пунктамъ, съ другой—нашли необходимымъ собрать еще болѣе богатый *положительный* матеріалъ, изъ котораго удобнѣе можно было бы извлечь настоящую практику и воззрѣніе государствъ по этому вопросу. Пока же сказалась необходимость отличать собственно территоріальное море отъ нейтральной полосы при опредѣленіи верховныхъ правъ государства надъ этими водами [45]). Вполнѣ законченными могутъ считаться работы *тринадцатой* коммиссіи: *о правахъ и привилегіяхъ посланниковъ* (докладчикъ Лееръ) *и консуловъ* (докладчикъ Энгельгардтъ). Особенною обстоятельностію отличается проектъ Леера: это есть сжатая, но настоящая кодификація всего посольскаго права изъ 19 статей. Не менѣе интересны и подготовительныя работы названныхъ лицъ. Вѣроятно въ ближайшемъ будущемъ Институтъ безъ затрудненій приведетъ къ концу свои занятія и по этой части [46]).

Изъ стадіи предварительныхъ лишь работъ не вышла еще коммиссія *двѣнадцатая*, изучающая вопросъ: о смѣшанныхъ процессахъ на Востокѣ (о тяжбахъ между тамошними жителями и христіанами). Она, по главнымъ странамъ Востока, распалась на нѣсколько подкоммиссій. Въ Женевѣ докладчиками ея назначены: Геймбургеръ для странъ, находящихся подъ протекторатомъ Германіи, лордъ Рей—Англіи, Кателлани—Италіи. Изученіе судебныхъ учрежденій Японіи возложено на ея представителя Кентаро Канеко. Еще недостаетъ докладчика по Персіи. Главный докладчикъ всей коммиссіи Роленъ-Жекменъ не представилъ еще своей работы; пока же напечатали Феро-Жиро замѣтку о смѣшанныхъ судахъ въ Египтѣ, Фергуссонъ—

---

[44]) Annuaire; t. XII, p. 71—101.

[45]) Ib. p. 104—154. Ср. Annuaire; t. XI, p. 133—150.

[46]) Ib. p. 260—281.

проектъ введенія такихъ же судовъ въ Китаѣ и Сіамѣ и Патерностръ— о пересмотрѣ договоровъ, заключенныхъ съ Японіею [47]). Всѣ прочія засимъ коммиссіи не представляли еще доклада. Въ Женевѣ учреждена одна новая коммиссія по предложенію Клена, долженствующая спеціально заняться „военной контрабандой". Нельзя не пожалѣть объ отклоненіи Институтомъ предложенія Монлюка изучить мѣры санкціи, потребныя къ разрѣшеніямъ международныхъ третейскихъ судовъ. Ривье возразилъ противъ этого, что „Институту нечего покидать вопросы практическіе и заниматься такими, которые не поддаются еще никакому рѣшенію". Но онъ упустилъ изъ виду, что Институтъ общество *исключительно научное* (ст. 1 его устава), для котораго поэтому практическія соображенія должны естественно стоять на второмъ планѣ. Пролагая путь въ умахъ и сознаніи людей для новыхъ вопросовъ, онъ тѣмъ незамѣтно подготовляетъ для послѣднихъ и практическія рѣшенія.

IV.

Изъ *посторонних вопросовъ*, разсмотрѣнныхъ въ Женевѣ, стоитъ на первомъ планѣ предложеніе Роленъ-Жекмена объ избраніи для Института постояннаго мѣстопребыванія въ Швейцаріи. Собраніе отнеслось къ этой мысли сочувственно, но, однако, съ оговоркою, чтобъ чрезъ это Институтъ не превратился въ какую либо чисто мѣстную академію, рѣшенія которой могли бы потерять извѣстность въ публикѣ и авторитетъ въ глазахъ правительствъ. Самые съѣзды его могли бы становиться все малочисленнѣе, если на его членовъ будетъ возложено обязательство предпринимать ежегодно далекое и дорогое путешествіе въ одинъ и тотъ же городъ. Если уже избрать опредѣленный пунктъ, то не иначе, какъ съ условіемъ, чтобъ Институтъ и впредь продолжалъ устраивать изъ двухъ своихъ съѣздовъ по крайней мѣрѣ одинъ въ различныхъ странахъ и городахъ. Съ другой стороны кантональныя власти Женевы и Во любезно предложили Институту свои услуги въ случаѣ избранія имъ осѣдлости на ихъ территоріи. Рѣшено для болѣе зрѣлаго обсужденія этого дѣла составить особую коммиссію [48]), которая представила бы свои соображенія къ слѣдующей сессіи.

Были еще приняты нѣкоторыя практическія правила относительно устройства и способа дѣйствія коммиссій, учреждаемыхъ при Инсти-

---

[47]) Annuaire; t. XI, p. 335—347. Ср. Revue de Dr. intern. 1890, p. 70 et suiv. 251. 1891, p. 5. et suiv. 176.

[48]) Въ составъ ея вошли: Лееръ, Муанье и Ривье.

тутѣ. Въ составъ коммиссій могутъ входить всѣ желающіе. Докладчики ихъ должны избирать себѣ товарищей (co-rapporteur) съ которыми вмѣстѣ они вырабатываютъ предварительные проекты (avant-projet), разсылаемые съ поясненіями ко всѣмъ членамъ данной коммиссіи. Послѣднимъ дается извѣстный срокъ для ихъ отвѣтовъ, по полученіи которыхъ докладчикъ и его товарищъ представляютъ въ Бюро Института свой окончательный проектъ и особыя мнѣнія отдѣльныхъ членовъ, если таковыя будутъ налицо. Такимъ образомъ работы коммиссій будутъ впредь не столько единоличными (ихъ докладчиковъ), сколько коллективными и ими будутъ лучше подготовлены рѣшенія Института.

Леер̀ъ указалъ съѣзду на цѣлесообразность нѣкоторыхъ мѣръ противъ членовъ, упорно бездѣйствующихъ. Объ этомъ заходила уже рѣчь въ Лозаннѣ и Гамбургѣ и на это нельзя не обратить болѣе серьезнаго вниманія. Помимо нѣкоторыхъ важныхъ обстоятельствъ, объясняющихъ бездѣятельность того или иного члена въ отдѣльности, весьма многіе не только не показываются на съѣздахъ Института, но и совершенно не принимаютъ участія въ его занятіяхъ какими либо работами и при этомъ не приводятъ никакихъ оправдательныхъ поводовъ. Между тѣмъ, Институтъ наличностію своихъ членовъ (56 чел.) и сотрудниковъ (55 чел.) близко уже подходитъ къ предѣльной нормѣ [49]), далѣе которой онъ не можетъ присоединять къ себѣ новыхъ членовъ. Поэтому бездѣйствующіе занимаютъ праздно мѣсто, которое, съ гораздо бо̀льшею пользою для науки, могло бы быть предоставлено члену болѣе активному. Для разсмотрѣнія этого вопроса была составлена коммиссія (изъ Леера, Ривье и Голланда), которая предложила объявлять впредь выбывшимъ всякаго члена и сотрудника, не принявшаго въ продолженіе пяти лѣтъ участія въ съѣздахъ и трудахъ Института, кромѣ случаевъ болѣзни или службы. Единогласно одобривъ это постановленіе, собраніе рѣшило представить его для окончательнаго принятія слѣдующей сессіи.

Замѣчено было отсутствіе на Женевскомъ съѣздѣ сообщеній о новѣйшихъ международныхъ событіяхъ, совершившихся въ отдѣльныхъ странахъ, а равно о новыхъ явленіяхъ въ области литературы. Особенно изъ Франціи, Германіи и Англіи не было доставлено библіографическихъ отчетовъ уже за нѣсколько лѣтъ. „Объ этомъ,—говоритъ Эд. Роленъ,—нельзя не пожалѣть. Указанные отчеты представляютъ тѣмъ бо̀льшій интересъ, что, по практикѣ прежнихъ лѣтъ, авторы ихъ всегда знакомили съ движеніемъ юридической литературы у себя въ странѣ. Особенно было бы желательно получить такое сообщеніе

[49]) Число членовъ и сотрудниковъ, по уставу, не должно превышать 60.

объ испанской Америкѣ, гдѣ успѣхи въ области правовѣдѣнія и особенно международнаго права, какъ публичнаго, такъ и частнаго, повидимому весьма, значительны за это послѣднее время".

При назначеніи мѣста и времени для будущей сессіи рѣчь зашла о многихъ городахъ и даже о нарушеніи традиціоннаго срока для съѣзда: вмѣсто перваго понедѣльника въ сентябрѣ, устроить его весною. Впрочемъ ближайшее опредѣленіе этого вопроса предоставлено бюро и рѣшено только быть слѣдующей сессіи не въ 1893, а 94 г. (и скорѣе всего весною).

Закрывая съѣздъ, Муанье, между прочимъ, сказалъ: „большинство изъ занимающихъ насъ вопросовъ стоятъ въ нашей программѣ по нѣсколько лѣтъ. Эта медлительность противорѣчитъ духу вѣка, въ которомъ все движется паромъ и электричествомъ, т.-е. съ ужасающей быстротой, но она разумна, и мы должны отъ нея не отказываться. Будемъ довольствоваться тѣмъ, если на каждомъ изъ нашихъ собраній намъ удастся двинуть впередъ, хотя на нѣсколько поворотовъ колеса, ту колесницу прогресса, въ которую мы запряжены. Я надѣюсь, что въ ближайшемъ будущемъ намъ удастся издать *собраніе всѣхъ принятыхъ нами рѣшеній и заключеній съ самаго начала Института, т.-е. съ 1874 г.* Работа эта, я убѣжденъ, сдѣлаетъ честь нашему собранію какъ по числу и разнообразію предметовъ, такъ и по внутреннему, юридическому значенію принятыхъ на счетъ ихъ рѣшеній".

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя работа эта, на которую намекалъ Муанье, была выполнена съ большимъ умѣньемъ и энергіею *Леером*ъ. Онъ напечаталъ: Tableau général de l'organisation, des travaux et du personnel de l'Institut de Droit International pendant les deux premières périodes décennales de son existence (1873—1892) 1893. Это прекрасное изданіе есть сводъ и сокращеніе всѣхъ 12 томовъ Ежегодника (Annuaire), напечатанныхъ доселѣ Институтомъ о своихъ занятіяхъ и представляется необходимою справочною книгою для всякаго интернаціоналиста [50]).

Гр. Л. Камаровскій,

дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

[50]) Подробный отчетъ объ этомъ изданіи мы дали въ нашей статьѣ: „По поводу двадцатилѣтія Института международнаго права" въ *Русской Мысли*; 1893, сент.

РУССКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ 1893 ГОДА.

А. Уголовное законодательство.

I.

Въ № 10 за 1893 г. Собранія узаконеній и распоряженій правительства (ст. 76) опубликованъ новый законъ, касающійся *расторженія браковъ лицъ, ссылаемыхъ* по судебнымъ приговорамъ. По существу своему этотъ законъ принадлежитъ столько же къ области гражданскаго права, сколько—уголовнаго. Онъ имѣетъ за собою цѣлую исторію [1]), тѣсно связанъ съ правомъ не слѣдовать за ссылаемыми невиновныхъ ихъ супруговъ и вызванъ къ жизни давно назрѣвшею необходимостью измѣнить дѣйствовавшія по сему предмету узаконенія.

Впервые, упоминается у насъ о правѣ расторгнуть бракъ съ сосланнымъ—въ указѣ 16 августа 1720 г., коимъ была предоставлена возможность женамъ осужденныхъ на *вѣчную* каторжную работу просить о разводѣ, „понеже мужья отлучены вѣчно, подобно яко бы умре“. По дѣйствовавшему до новаго закона 14 декабря 1892 года праву бракъ расторгался лишь при осужденіи одного супруга къ наказанію, влекущему за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія, всегда сопряженное съ ссылкою въ каторжныя работы или на поселеніе (но не на житье) въ Сибирь или въ Закавказье (50 ст. X т. 1 ч., 17 и 27 ст. Улож. о нак.), если другой супругъ о томъ ходатайствуетъ и

[1]) См. Лекціи по рус. угол. праву Таганцева, стр. 1355 и слѣд. и Журн. гр. и угол. права № 10 за 1892 г., стр. 175 и слѣд.

за ссылаемымъ добровольно не слѣдуетъ. Теперь же права на расторженіе брака у супруговъ невиновныхъ расширены еще и таковыя же признаны также и за ссыльными, что видно изъ слѣдующаго:

1) Ходатайствовать о расторженіи могутъ уже супруги лицъ, присужденныхъ къ ссылкѣ не только въ каторжныя работы или на поселеніе въ Сибирь (при лишеніи всѣхъ правъ состоянія), но и на житье въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ *особенныхъ* правъ и преимуществъ.

2) Такимъ же правомъ надѣлены и сами ссыльные обѣихъ категорій.

3) Права ходатайства о расторженіи брака нѣтъ только при условіи, если невиновный супругъ послѣдовалъ за осужденнымъ.

4) Дѣйствія этихъ правилъ распространяются и на всѣхъ лицъ, сосланныхъ до изданія сего закона какъ въ каторжныя работы или на поселеніе въ Сибирь, такъ и на житье въ Сибирь.

Нельзя не привѣтствовать закона 14 декабря: давно уже указывалось разными лицами на то, что подневольное безбрачное состояніе ссыльныхъ ведетъ къ разврату ихъ и противно колонизаторскимъ цѣлямъ ссылки: населеніе почти не увеличивается; никто почти не заводитъ хозяйства; многіе предпочитаютъ бѣжать или заниматься ради куска хлѣба разбоемъ; съ другой стороны, и супруги сосланныхъ, почему-либо не послѣдовавшіе за ними, принуждены были влачить жалкое существованіе безъ всякой вины, оставаясь вѣчно соломенными вдовцами и вдовами.

Одновременно съ этимъ новый законъ вызываетъ и такія замѣчанія.

1) Расторженіе брака возможно теперь только при ссылкѣ одного изъ супруговъ въ Сибирь. Но по ст. 33 Ул. о нак. у насъ имѣется еще ссылка и въ другія, кромѣ Сибирскихъ, губерніи, напр., въ Архангельскую, Олонецкую, Пермскую. Почему же сосланный въ Сибирь, стало-быть—боѣле тяжкій преступникъ, можетъ начать новую жизнь съ новой семьей, а сосланный въ Пермскую губернію—нѣтъ? Это несправедливо. Несправедливо и то, что оставшаяся въ Ставропольской или Московской губерніи супруга при ссылкѣ мужа въ Олонецкіе лѣса должна или жить въ миру монахиней, или прелюбодѣйствовать по-неволѣ, а оставшаяся въ одной изъ смежныхъ съ Сибирью губерній при ссылкѣ мужа въ Сибирь имѣетъ возможность зажить настоящею жизнью.

2) Расторженіе брака при ссылкѣ одного изъ супруговъ на житье въ Сибирь возможно, если дѣло идетъ о бракѣ между лицами православнаго исповѣданія, о смѣшанныхъ бракахъ лицъ православнаго съ лицами иныхъ исповѣданій и равно о бракахъ раскольниковъ.

Почему такое ограниченіе исповѣданіями при ссылкѣ на житье

въ Сибирь и почему ссыльно-каторжные и ссыльно-поселенцы уже „всѣхъ исповѣданій“ могутъ просить о разводѣ? Мотивы намъ не извѣстны, къ сожалѣнію; но смѣемъ думать, что можно бы было въ данномъ случаѣ обойтись безъ подобныхъ ограниченій.

3) Далѣе, новый законъ при различныхъ видахъ ссылки устанавливаетъ и разные моменты для начала осуществленія права ходатайствовать о расторженіи брака. Такъ, для ссыльно-каторжныхъ такой моментъ—истеченіе сроковъ, указанныхъ въ п. 1 ст. 412 устава о ссылн., а для ссыльно-поселенцевъ, равно какъ и для ссыльныхъ на житье въ Сибирь—истеченіе двухъ лѣтъ со дня вступленія въ законную силу судебнаго о нихъ приговора. Замѣчательно, что этотъ двухлѣтній срокъ установленъ и для *невиновныхъ* супруговъ лицъ, присужденныхъ къ ссылкѣ на житье, тогда какъ (ст. 27 Ул.) супруги лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія могутъ ходатайствовать о расторженіи брака тотчасъ уже по вступленіи приговора въ законную силу. На чемъ основано такое неравенство и зачѣмъ подобное испытаніе, какъ двухлѣтнее безбрачіе при живой, но далекой супругѣ?

4) Наконецъ, говоря о невиновныхъ супругахъ лицъ сосланныхъ, новый законъ вездѣ выражается такъ: они могутъ просить „о расторженіи брака“; говоря же о самихъ ссыльныхъ, вездѣ прибавляетъ „и о разрѣшеніи вступить въ новый бракъ“. Что это значитъ и необходимо ли заявленіе ссыльнаго о желаніи вступить въ новый бракъ для расторженія перваго? Фактически—такое требованіе закона обратится въ пустую формальность, потому что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, вновь признавать расторгнутый бракъ существующимъ, если указанная въ прошеніи невѣста откажетъ ссыльному жениху, если онъ самъ почему-либо отдумаетъ на ней жениться и предпочтетъ поприсмотрѣться къ другой, отложить свадьбу и т. д.; да и законъ не обязываетъ точно обозначать будущую супругу. Такимъ образомъ, по нашему крайнему убѣжденію, указанная прибавка совершенно излишняя и можетъ родить только недоумѣніе у лицъ, къ коимъ будутъ поступать просьбы ссыльныхъ.

II.

Въ № 32 отъ 9 марта Собранія Узаконеній и Распоряженій Правительства мы находимъ нѣкоторыя измѣненія *порядка составленія и опротестованія судебныхъ приговоровъ* по законамъ о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ. Въ виду того, что эти законы еще дѣйствуютъ на многихъ окраинахъ нашего отечества, скажемъ и объ этихъ измѣненіяхъ нѣсколько словъ. Прежде

приговоры судовъ до подписанія ихъ вносились въ видѣ судейскаго опредѣленія въ журналъ и такимъ образомъ поступали къ просмотру прокурорскаго надзора; этотъ послѣдній, встрѣтивши въ подобномъ постановленіи какое-либо сомнѣніе, обязывался предложить суду свои замѣчанія (протестъ), и судъ могъ, найдя ихъ уважительными, перемѣнить свое опредѣленіе (ст. 397, 406—411). Такой порядокъ, очевидно, не согласовался съ понятіемъ о судебныхъ приговорахъ и порождалъ много неудобствъ для подсудимыхъ, которые и послѣ произнесенія приговоровъ не знали навѣрное, окончательно-ли формулированъ этотъ приговоръ и не измѣнится ли еще онъ. По новымъ правиламъ протестъ прокурорскаго надзора подается приблизительно такъ же, какъ и по Уставамъ Императора Александра II, т.-е. на просмотръ прокурорскаго надзора поступаютъ приговоры суда, изготовленные уже въ окончательной формѣ, и судъ по такому протесту, не обсуждая послѣдній, представляетъ его въ высшую инстанцію; въ видѣ же журналовъ лицамъ прокурорскаго надзора поступаютъ теперь лишь частныя опредѣленія суда, которыя—какъ и прежде—судъ можетъ измѣнять согласно протестамъ. Къ этому и сводится главное измѣненіе порядка составленія и опротестованія судебныхъ приговоровъ.

III.

Законъ 2 февраля (Собр. 43, № 33 отъ 12 марта, ст. 300) имѣетъ своимъ предметомъ предоставленіе исправительнымъ *пріютамъ права заключать условія объ отдачѣ выпускаемыхъ воспитанниковъ въ наемъ или обученіе.* Къ сожалѣнію, у насъ такихъ пріютовъ очень мало, почему многіе несовершеннолѣтніе преступники и не могутъ попасть туда, а отбываютъ наказанія въ иныхъ мѣстахъ, дѣйствующихъ на нихъ весьма пагубно. Кромѣ того, и патронатство у насъ не развито, почему часто выпущенный изъ пріюта волей неволей попадаетъ снова въ самую неблагопріятную для себя среду, изъ которой такъ легокъ переходъ въ тюрьму для столь молодыхъ и полуиспорченныхъ натуръ. Это зло отчасти и исправляется новымъ закономъ: теперь управленія исправительныхъ пріютовъ имѣютъ право помѣщенныхъ въ нихъ по судебнымъ приговорамъ и пробывшихъ въ пріютѣ не менѣе одного года несовершеннолѣтнихъ отдавать, по своему усмотрѣнію, на время до достиженія ими 18-лѣтняго возраста въ обученіе или для занятій къ благонадежнымъ мастерамъ, въ промышленныя заведенія или на сельскія и иныя работы, а при освобожденіи несовершеннолѣтнихъ, достигшихъ 18-лѣтняго возраста, эти управленія пріютовъ могутъ, отъ имени и съ согласія воспитанниковъ, заключать съ мастерами,

хозяевами или промышленными заведеніями договоры о поступленіи сихъ несовершеннолѣтнихъ въ наемъ или обученіе на срокъ не далѣе достиженія ими совершеннолѣтія.

IV.

Несовершеннолѣтнимъ же посвященъ и законъ 8-го февраля (Соб. Уз. № 40 отъ 22-го марта, ст. 368), стремящійся, насколько это возможно при маломъ количествѣ исправительныхъ пріютовъ, оградить *подслѣдственныхъ арестантовъ изъ несовершеннолѣтнихъ* отъ вредныхъ вліяній. Именно, въ измѣненіе и дополненіе существующихъ узаконеній постановлено: „1) Обвиняемые и подсудимые отъ 10 до 17 лѣтъ, подлежащіе содержанію подъ стражею по дѣламъ, производящимся какъ въ общихъ, такъ и въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, а равно и уѣздныхъ членовъ окружнаго суда, городскихъ судей и земскихъ начальниковъ, могутъ быть отдаваемы въ исправительные пріюты и колоніи для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Принятіе сей мѣры зависитъ отъ взаимнаго соглашенія подлежащей судебной или слѣдственной власти съ управленіемъ отдѣльныхъ пріютовъ и колоній. *Прим.* Постановленіемъ настоящей статьи не отмѣняются содержащіяся въ уставахъ нѣкоторыхъ исправительныхъ пріютовъ особыя правила о возрастѣ несовершеннолѣтнихъ, подлежащихъ пріему въ сіи заведенія. 2) Обвиняемые и подсудимые содержатся въ исправительныхъ пріютахъ отдѣльно отъ прочихъ воспитанниковъ, съ примѣненіемъ къ нимъ общихъ постановленій о наблюденіи прокурорскаго надзора за содержащимися подъ стражею. 3) Обращаемые въ исправительные пріюты и колоніи несовершеннолѣтніе арестанты, при слѣдованіи въ сіи заведенія, а равно при доставленіи ихъ въ судебныя мѣста, къ судебнымъ слѣдователямъ и т. п., могутъ быть препровождаемы подъ надзоромъ, взамѣнъ всякой иной стражи, особо отряженныхъ отъ пріюта или колоніи лицъ, по соглашенію о томъ подлежащей судебной или слѣдственной власти съ управленіемъ заведенія".

V.

Законъ 29-го марта (Соб. Уз. № 61 отъ 5 мая, ст. 533), измѣняющій нѣкоторыя статьи устава о ссыльныхъ, касается другого нашего больного мѣста — *тѣлесныхъ наказаній*. Этотъ родъ наказанія давно уже осуждается лучшими представителями уголовно-правово

науки, какъ не достигающій цѣли наказаній, одна изъ коихъ и главная—исправленіе: ни плетью, ни розгой человѣка лучше не сдѣлаешь. Но, къ сожалѣнію, на практикѣ подобныя наказанія упорно держатся и примѣняются не только у ссыльныхъ, но и въ обыкновенной крестьянской средѣ. Правда, разбираемый нами законъ будетъ имѣть очень узкое примѣненіе, такъ какъ онъ имѣетъ въ виду *только ссыльныхъ женщинъ*, но и появленію такого закона, который уничтожаетъ наказаніе плетьми, лозами или розгами и прикованіе къ телѣжкѣ для всѣхъ женщинъ, присужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы или на поселеніе — какъ во время препровожденія ихъ къ мѣстамъ назначенія, такъ и въ мѣстѣ ссылки, нельзя не радоваться. Дѣло въ томъ, что участь ссыльныхъ женщинъ у насъ слишкомъ тяжела; тяжела она и по закону, и въ силу порядковъ, существующихъ на мѣстахъ ссылки. Достаточно, напр., вспомнить нѣкоторыя свѣдѣнія о порядкахъ въ одномъ изъ округовъ Сахалина (см. Рус. Вѣд. № 208 за 1893 г.): тамъ, по словамъ Южакова (Рус. Бог., іюль), даже принуждали женщинъ къ внѣбрачнымъ узамъ, раздавая ихъ въ качествѣ хозяекъ причисленнымъ на поселеніе мужчинамъ, а въ случаѣ нежеланія со стороны которой-либо, пріохочивали ее къ этому обязательному конкубинату тѣлесными наказаніями. Съ отмѣной послѣднихъ въ рукахъ тюремщиковъ все-таки будетъ однимъ средствомъ меньше къ принужденію женщинъ поступаться своими нравственными правами. Приведемъ, однако, вкратцѣ содержаніе этого закона: вообще ссыльныя женщины отъ тѣлесныхъ наказаній освобождены, но женщины, осужденныя къ каторжнымъ работамъ безъ срока, содержатся въ оковахъ ножныхъ и ручныхъ, хотя и менѣе тяжелыхъ, чѣмъ мужчины; за преступленія ссыльныхъ—тѣлесныя наказанія для женщинъ замѣняются другими мѣрами взысканія, а именно онѣ присуждаются къ содержанію на хлѣбѣ и водѣ въ особомъ отдѣленіи тюрьмы съ прекращеніемъ всякаго сообщенія съ другими содержимыми, а иногда подвергаются наложенію ножныхъ оковъ.

Будемъ надѣется, что законодательство не остановится на одномъ этомъ законѣ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.

VI.

По закону 29-го марта 1893 г. объ отвѣтственности за *тайный провозъ черезъ границу отпускныхъ пошлинныхъ товаровъ* (Соб. Уз. 1893 г., 25 мая, № 70, ст. 592), постановленія карательныя, предусматривающія тайный провозъ обложенныхъ пошлинами иностранныхъ товаровъ, распространяются и на вывозъ *отпускныхъ* товаровъ.

VII.

23-го апрѣля получило Высочайшее утвержденіе мнѣніе Государственнаго Совѣта о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ законовъ *о сбереженіи лѣсовъ*. Въ этихъ новыхъ спеціальныхъ правилахъ имѣются и постановленія карательнаго характера. Именно: лѣсоохранительный комитетъ, опасаясь, что его постановленіе о прекращеніи рубки окажется запоздалымъ, можетъ уполномочить лицо, производящее мѣстное изслѣдованіе, на пріостановку рубки впредь до разслѣдованія дѣла порядкомъ, указаннымъ въ положеніи о сбереженіи лѣсовъ; если же опустошительная рубка вопреки этому распоряженію о временной ея пріостановкѣ будетъ продолжаться, то виновные подвергаются на основаніи 57[2] ст. Уст. о нак. денежному штрафу, равному цѣнности срубленнаго лѣса; чины же удѣльнаго вѣдомства, допустившіе нарушенія въ лѣсахъ, порученныхъ ихъ надзору, подвергаются отвѣтственности по правиламъ о наказаніяхъ за преступленія должности; возбуждать дѣла по нарушеніямъ правилъ о сбереженіи лѣсовъ предоставлено не только чинамъ, упоминаемымъ въ 1216[3] ст. у. у. с., и чинамъ удѣльнаго вѣдомства, но и земскимъ начальникамъ (Собр. Уз. 1893 г. 1 іюня, № 73, ст. 620).

VIII.

Въ ст. 639, № 73 Собр. Уз., опубликованъ весьма важный законъ *о наказуемости обмановъ при совершеніи или исполненіи воспрещенныхъ закономъ сдѣлокъ*. Этотъ законъ вызванъ къ дѣйствію самой жизнью: каждый изъ насъ не разъ читалъ газетныя извѣстія, что тамъ-то какой-то неизвѣстный продалъ такому-то пачку фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ или золотой песокъ, а затѣмъ вмѣсто билетовъ оказалась цвѣтная бумага, а вмѣсто золотого песку—мѣдныя опилки. До сихъ поръ продавцы-обманщики оставались безнаказанными, а легкомысленные покупатели, обнаружившіе преступное намѣреніе обогатиться путемъ воспрещенной закономъ сдѣлки, платились своимъ карманомъ [2]). Новый законъ оставляетъ покупателей по прежнему и совершенно справедливо платиться деньгами, такъ какъ полученныя ви

---

[2]) Безнаказанность обманщиковъ по нашей сенатской практикѣ основывалась на томъ, что карая ихъ, законъ какъ бы подвергалъ ихъ отвѣтственности за не исполненіе оѣщанія совершить преступленіе (запрещенную закономъ сдѣлку).

новными по преступной сдѣлкѣ деньги или иное имущество отбираетъ въ казну, но съ другой стороны онъ привлекаетъ къ отвѣтственности продавцевъ за сбытъ предметовъ подъ видомъ запрещенныхъ уголовнымъ закономъ или добытыхъ черезъ преступленіе и подвергаетъ виновныхъ заключенію въ тюрьмѣ отъ 2 до 4 мѣсяцевъ, а при установленіи, что виновный занимался такимъ сбытомъ въ видѣ промысла, отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ (ст. 1670[1] Улож.).

По поводу этого новаго закона нельзя не сдѣлать одного замѣчанія: онъ введенъ въ отдѣлъ о мошенничествѣ, т.-е. въ тотъ, который имѣетъ въ виду огражденіе имущественныхъ интересовъ жертвъ обмана; между тѣмъ, какъ это видно и изъ самаго текста новаго закона, онъ такой цѣли не преслѣдуетъ (даже отобранное у виновнаго поступаетъ не къ потерпѣвшему, а въ казну), почему и долженъ былъ бы находиться въ иномъ мѣстѣ Уложенія.

IX.

Въ томъ же № Собр. Уз. (ст. 640) имѣется и другой весьма важный законъ *объ охраненіи народнаго здравія*, очевидно, обязанный своимъ появленіемъ съ одной стороны разнымъ эпидеміямъ, а съ другой излишней мягкости дѣйствующихъ узаконеній по отношенію къ лицамъ умышленно или неосторожно, прямо или косвенно содѣйствующимъ разнаго рода заболѣваніямъ. Первая половина закона замѣняетъ собою нѣкоторыя статьи Уст. о нак. (55, 56, 102, 111, 112; 112[1] 112[2], 113, 115, 116 и 128) и содержитъ въ себѣ рядъ постановленій, касающихся отвѣтственности за несоблюденіе правилъ о чистотѣ и опрятности на улицахъ и во дворахъ, за несоблюденіе общихъ мѣръ предосторожности противъ распространенія прилипчивыхъ и повальныхъ болѣзней, за неисполненіе обязанности своевременно доносить о появленіи заразы и т. п. Основное отличіе этихъ узаконеній отъ прежнихъ сводится къ усиленію отвѣтственности виновныхъ; такъ напр. по 55 ст. въ прежней редакціи за несоблюденіе правилъ о чистотѣ на улицахъ виновные подвергались денежному взысканію не свыше одного рубля, а по новой редакціи этотъ штафъ возвышенъ до 15 руб., арестъ же, назначавшійся по 102 ст. не свыше одного мѣсяца, теперь доведенъ до 3 мѣсяцевъ. Кромѣ этого въ разбираемомъ нами законѣ новымъ является и установленіе отвѣтственности за недонесеніе о появленіи прилипчивыхъ и повальныхъ болѣзней, а также заразы на домашнихъ животныхъ и о появленіи насѣкомыхъ и животныхъ, вредныхъ для сельско-хозяйственныхъ растеній или же для плодовыхъ и древесныхъ насажденій. Наконецъ этотъ законъ

караетъ и за приготовленіе въ продажу, за самую продажу и за храненіе такихъ предметовъ, относительно коихъ имѣются особыя постановленія, если эта продажа, напр., или храненіе были произведены съ нарушеніемъ сихъ особыхъ правилъ.

Вторая половина новаго закона вноситъ измѣненія въ нѣкоторыя статьи уложенія. Именно измѣнены статьи 857, 861, 862 и 865; новыми же постановленіями являются ст. 861[1], подвергающая отвѣтственности ветеринарныхъ врачей за недонесеніе о появленіи эпизоотіи, и ст. 865[1], касающаяся лицъ, состоящихъ на государственной или общественной службѣ, на коихъ лежитъ обязанность наложенія клейма или иного знака на съѣстные припасы или иной товаръ въ удостовѣреніе безвредности ихъ для здоровья. Виновные въ наложеніи такого клейма безъ надлежащаго освидѣтельствованія товара подвергаются аресту отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ; если же такой знакъ былъ наложенъ на вредные для здоровья припасы или товаръ, то виновные подвергаются даже исключенію изъ службы. Противъ такой строгости кары, разумѣется, ничего нельзя имѣть, равно какъ и вообще противъ усиленія отвѣтственности за неисполненіе правилъ, охраняющихъ народное здравіе. Разсматривая новый законъ именно съ этой точки зрѣнія, мы должны сдѣлать ему два упрека: 1) По прежней редакціи 857 ст. вольно практикующіе врачи, недонесшіе немедленно о появленіи повальной или прилипчивой болѣзни, на первый разъ подвергались замѣчанію, а при повтореніи (въ четвертый разъ) даже лишенію навсегда права практиковать; теперь же для такихъ вольно практикующихъ врачей высшимъ наказаніемъ служитъ штрафъ въ 100 руб. 2) До изданія новаго закона виновные въ неисправномъ содержаніи помойныхъ ямъ и отхожихъ мѣстъ привлекались къ отвѣтственности по 29 ст. уст. о нак., какъ за неисполненіе законныхъ распоряженій властей, и штрафовались до 50 руб. По закону же 12 мая виновные въ указанномъ проступкѣ будутъ уже привлекаться къ суду по ст. 55, т. е. подвергаться денежному взысканію не свыше 15 руб. Это уменьшеніе отвѣтственности при общей тенденціи закона усилить таковую за другіе подобные же проступки является совершенно непонятной, тѣмъ болѣе, что и прежняя, болѣе строгая отвѣтственность была слишкомъ малымъ стимуломъ для содержанія въ надлежащемъ видѣ помойныхъ ямъ для очень многихъ домовладѣльцевъ и чувствовалась необходимость предоставить судьямъ право приговаривать неисправнѣйшихъ изъ нихъ къ аресту, а не къ денежному взысканію.

X.

Законъ 24 мая имѣетъ своимъ предметомъ *преслѣдованіе ростовщическихъ дѣйствій* (собр. Узак. № 76, 8 іюня, ст. 652). Цѣль этого закона оградить, насколько это возможно сдѣлать, не измѣняя экономическихъ и другихъ соціальныхъ условій, тотъ классъ людей, который, не имѣя запасныхъ денегъ, въ трудную минуту жизни долженъ обращаться къ займамъ и которому приходится часто въ видѣ % переплачивать гораздо большія суммы, чѣмъ занятыя. Всѣ постановленія распадаются на двѣ неравныя части. Первая изъ нихъ имѣетъ въ виду интересы сельскихъ обывателей, которые едва-ли не болѣе, чѣмъ кто либо другой, бываютъ въ безвыходномъ положеніи—это подтверждается нарожденіемъ массы міроѣдовъ, трудно уловимыхъ въ ихъ преступной дѣятельности и быстро обогащающихся на счетъ крестьянъ. Новый законъ постановляетъ: „Занимающійся, въ видѣ промысла, отдачею въ ссуду сельскимъ обывателямъ: 1) хлѣба или другихъ припасовъ или-же 2) денегъ подъ условіемъ уплаты денежнаго долга, частью или вполнѣ, хлѣбомъ, припасами, или работой,—если для совершенія сдѣлки на чрезмѣрно обременительныхъ, несоотвѣтствующихъ мѣстнымъ обычаямъ, условіяхъ онъ воспользовался крайне тягостнымъ положеніемъ заемщика, подвергается: въ первый разъ аресту не свыше 3 мѣсяцевъ; во второй и послѣдующіе разы—заключенію въ тюрьмѣ отъ 1 до 6 мѣсяцевъ. Сдѣлка, заключенная при вышеуказанныхъ обстоятельствахъ, какъ ростовщическая, признается недѣйствительною, но заимодавецъ не лишается права обратнаго полученія дѣйствительно данныхъ имъ хлѣба, припасовъ или денегъ, за вычетомъ уже возвращеннаго ему количества“. Эта часть закона вызываетъ слѣдующія замѣчанія: 1) почему подвергаются отвѣтственности лишь тѣ ростовщики, которые занимаются отдачею въ ссуду въ видѣ промысла, а отъ ростовщиковъ, только начинающихъ свою карьеру сельскій обыватель ничѣмъ не огражденъ? 2) Почему для наказуемости ростовщичества необходима уплата долга частью или вполнѣ, но непремѣнно хлѣбомъ, припасами или работой? Вѣдь при такой редакціи закона міроѣдъ легко можетъ остаться безотвѣтственнымъ—ему стоитъ только условиться, что уплата долга должна быть произведена деньгами (фактически должникъ будетъ продавать хлѣбъ по низкой цѣнѣ какому-нибудь приспѣшнику міроѣда, потеряетъ часть на этой операціи и вырученныя деньги понесетъ уже кредитору). 3) Какъ понимать слова закона—обременительныя условія, несоотвѣтствующія мѣстнымъ обычаямъ — и не дадутъ-ли они

ростовщикамъ право надѣяться на безнаказанность? Вѣдь теперь во многихъ мѣстностяхъ обычаи таковы, что самые ростовщическіе $^0/_0$ могутъ оказаться узаконенными. 4) Какъ видно изъ текста закона, высшее наказаніе для сельскаго ростовщика (при рецидивѣ) тюремное заключеніе до 6 мѣсяцевъ, тогда какъ за ростовщичество вообще (не спеціальное) нормальнымъ наказаніемъ является заключеніе въ тюрьмѣ отъ 2 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ и кромѣ того, по усмотрѣнію суда, денежное взысканіе до 300 руб. Иными словами спеціальное ростовщичество наказуется несравненно мягче, чѣмъ общее, между тѣмъ жертвы спеціальнаго ростовщичества — крестьяне, народъ темный, отъ котораго легче какимъ-либо способомъ (особенно при отдачѣ долга продуктами или работой) скрыть чрезмѣрность роста, и болѣе другихъ нуждающійся въ защитѣ.

Вторая часть закона имѣетъ въ виду уже общее ростовщичество: именно она (ст. 180^2) опредѣляетъ вышеуказанное наказаніе за ссуду капитала на чрезмѣрный ростъ или подъ обезпеченіе чрезмѣрной неустойки: 1) если заемщикъ былъ вынужденъ своими стѣсненными обстоятельствами, извѣстными заимодавцу, принять условія ссуды, крайне обременительныя или тягостныя по своимъ послѣдствіямъ, или 2) если кто, занимаясь ссудами, скрылъ чрезмѣрность роста какимъ-либо способомъ, какъ-то включеніемъ въ капитальную сумму въ видѣ платы за храненіе, или неустойки и т. п.; съ такими ростовщиками законъ сравниваетъ и тѣхъ, кто пріобрѣтетъ и предъявитъ ко взысканію обязательство, завѣдомо для него ростовщическое, или получитъ по оному ростовщическій платежъ; при этомъ ростъ, не превышающій $12^0/_0$ въ годъ, не почитается чрезмѣрнымъ, т.-е. только при взиманіи большаго количества $^0/_0$ заимодавецъ подвергается опасности быть обвиненнымъ по новому закону, при доказанности двухъ только-что изложенныхъ условій. Гражданскія послѣдствія въ этихъ случаяхъ тѣ же, что и при спеціальномъ ростовщичествѣ. Это послѣднее постановленіе вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе: если законодательство нашло нужнымъ ростовщиковъ обложить уголовнымъ наказаніемъ, то отчего бы не присоединить къ нему и угрозы, что ростовщикъ лишается права обратнаго полученія дѣйствительно даннаго капитала— это послужило бы еще болѣе къ огражденію интересовъ заемщиковъ.

Сообразно съ только-что приведенными постановленіями новый законъ нѣсколько видоизмѣняетъ редакцію 992^2 и 1788 (третьей части) ст. Улож. и даетъ новую—1707 ст.

Что касается подсудности дѣлъ о ростовщичествѣ, то по новому закону она является раздвоенной, въ чемъ нельзя не видѣть нѣкотораго недостатка: общее ростовщичество вѣдѣнію земскаго начальника и городскаго судьи не подлежитъ, а обвиненія въ спеціальномъ

ростовщичествѣ предъявляются этимъ судьямъ. Установить составъ преступленія спеціальнаго ростовщичества—дѣло очень трудное, почему, думается, было бы цѣлесообразнѣе отнести эти дѣла также къ вѣдомству уѣздныхъ членовъ, какъ лицъ, обладающихъ научной юридической подготовкой и способныхъ болѣе объективно и безпристрастно констатировать признаки преступнаго дѣянія.

Скажемъ, наконецъ, нѣсколько словъ о правѣ возбуждать обвиненіе въ ростовщичествѣ и о томъ, подлежатъ ли дѣйствію новаго закона формальные акты, надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованные или имѣющіе силу безспорныхъ документовъ (векселя, исполнительные листы). Слонимскій (Вѣст. Евр.), благодаря молчанію закона по первому вопросу, приходитъ къ заключенію, что преслѣдованіе начинается не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшихъ. Такой выводъ, какъ справедливо замѣчаетъ „Юридическая Газета“, неправиленъ уже потому, что новый законъ не относитъ ростовщичества къ уголовно-частнымъ преступленіямъ; относительно же второго вопроса слѣдуетъ сказать, что въ Уст. Гр. Суд. имѣется 8 ст., гласящая о пріостановкѣ гражданскаго дѣла и передачѣ его въ уголовный судъ въ тѣхъ случаяхъ, когда во время его производства откроется противузаконное дѣйствіе, требующее уголовнаго преслѣдованія.

Сергѣй Викторскій,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

Б. Экономическое и финансовое законодательство.

Истекшее полугодіе отличается нѣкоторымъ оживленіемъ экономическаго законодательства, обусловленнымъ, главнымъ образомъ, стремленіемъ исправить послѣдствія неурожаевъ 1891 и 1892 г.

Сельско-хозяйственная экономія. Изъ мѣръ въ области сельскохозяйственной экономіи прежде всего слѣдуетъ отмѣтить давно ожидаемое учрежденіе *министерства земледѣлія*, преобразованнаго изъ министерства государственныхъ имуществъ въ силу Высочайшаго Указа 31 мая, причемъ министру предоставлено составить проектъ устройства управленія сельско-хозяйственной частью и государственными имуществами и внести его на обсужденіе Государственнаго Совѣта. Важнымъ законодательнымъ актомъ является далѣе Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату 20 іюня, установившій *льготныя правила возврата продовольственныхъ ссудъ* пострадавшему отъ неурожая

населенію. Какъ извѣстно, въ іюлѣ 1892 г. былъ установленъ въ видѣ опыта возвратъ продовольственныхъ ссудъ натурой, пудъ за пудъ; но этотъ способъ оказался по многимъ причинамъ неудобнымъ, почему и было повелѣно обратиться ко взысканію ссудъ деньгами, но не по заготовительной цѣнѣ, а по разсчету среднихъ за послѣднее 10-лѣтіе цѣнъ на рожь и овесъ. Льгота эта распространяется на ссуды, выданныя въ 1891 и 1892 г. не только изъ правительственныхъ средствъ и общаго Имперскаго продовольственнаго капитала, но и изъ мѣстныхъ продовольственныхъ источниковъ (обществ. и губернск.), и имѣетъ мѣсто для слѣдующихъ губерній: Бессарабской, Воронежской, Вятской, Курской, Казанской, Нижегородской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Пермской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Таврической, Тамбовской, Тобольской, Тульской, Уфимской, Харьковской и Херсонской. Ссуды, выданныя рожью, пшеницей, суржею и мукой всякаго рода, взыскиваются примѣнительно къ среднимъ за 10-лѣтіе цѣнамъ на рожь; ссуды же, выданныя ячменемъ, овсомъ, кукурузой, полбой, гречихой, просомъ, горохомъ и пр., примѣнительно къ среднимъ цѣнамъ на овесъ. По соглашенію министра финансовъ и внутреннихъ дѣлъ выработана особая табель вышеуказанныхъ среднихъ цѣнъ на рожь и овесъ. За выданные въ ссуду картофель и мясо взыскивается, согласно Указу, по заготовительной цѣнѣ ихъ, а денежныя ссуды взыскиваются полностью. По оффиціальнымъ разсчетамъ, предоставленная льгота слагаетъ изъ 135 мил., выданныхъ государственной казной въ ссуду крестьянскому населенію, до 70 мил. рублей.

Далѣе слѣдуетъ отмѣтить мѣру, облегчающую положеніе заемщиковъ *Крестьянскаго Поземельнаго Банка*. 17 марта Министръ Финансовъ донесъ Сенату, что Высочайше утвержденнымъ 4 декабря 1892 г. положеніемъ Комитета Министровъ постановлено: выпустить вмѣсто $5^1/_2\%$—$4^1/_2\%$ государственныя свидѣтельства Крестьянскаго Банка. А Высочайшимъ Указомъ 23 марта было повелѣно произвести выкупъ всѣхъ не вышедшихъ въ тиражъ погашенія $5^1/_2\%$ свидѣтельствъ Крестьянскаго Банка на нарицательный капиталъ 51.073.300 руб., выпустивъ для этого на равную сумму нарицательнаго капитала $4^1/_2\%$ свидѣтельства.

Въ области урегулированія хлѣбной торговли правительство на первый разъ ограничилось учрежденіемъ (согласно утвержденному 14 дек. 1892 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта) въ составѣ департамента торговли *особаго хлѣботороваго отдѣленія*.

Въ сферѣ частнаго кредита имѣетъ значеніе законъ 24 мая о преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій, разсмотрѣнный выше въ отдѣлѣ уголовнаго законодательства.

Желѣзно-дорожное хозяйство. Въ теченіе истекшаго полугодія имѣли мѣсто важные законодательные акты въ области желѣзно-дорожнаго хозяйства. Прежде всего слѣдуетъ указать на практическое осуществленіе мысли о Сибирской желѣзной дорогѣ. Согласно Высочайше утвержденному 10 дек. 1892 г. мнѣнію особаго Совѣщанія о постройкѣ Сибирской желѣзной дороги, былъ учрежденъ Особый Комитетъ Сибирской желѣзной дороги, состоящій изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, Государственныхъ имуществъ, Финансовъ, Путей Сообщенія, Военнаго, Морскаго и Государственнаго Контролера, подъ предсѣдательствомъ особаго лица, назначаемаго Высочайшей властью; по Высочайшему Рескрипту предсѣдателемъ назначенъ Наслѣдникъ Цесаревичъ. 24 февраля было утверждено Положеніе о Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги (см. Сборникъ узак. и распор. прав., № 28); согласно ему, къ вѣдѣнію Комитета относятся: 1) общее руководительство дѣломъ осуществленія Сибирской желѣзной дороги и связанныхъ съ нею вспомогательныхъ предпріятій; 2) разрѣшеніе тѣхъ вопросовъ, касающихся сооруженія Сибирской дороги, которые подлежащіе министры сочтутъ полезнымъ внести въ сей Комитетъ; 3) разрѣшеніе вопроса о вспомогательныхъ предпріятіяхъ, связанныхъ съ постройкой Сибирской дороги, а также и другихъ, могущихъ возникнуть въ связи съ осуществленіемъ означенныхъ предпріятій; 4) распоряженіе суммами, которыя будутъ назначены на осуществленіе названныхъ вспомогательныхъ предпріятій. Комитетъ самъ по себѣ не имѣетъ исполнительной власти. Приведеніе положеній Комитета въ исполненіе предоставляется тѣмъ министрамъ, отъ которыхъ дѣла представлены или къ вѣдомству коихъ они по роду своему принадлежатъ. Именнымъ Высочайшимъ указомъ 10 дек. 1892 г. Управляющему Министерствомъ Финансовъ было повелѣно обратить 92.734.591 р., находящіеся въ Государственномъ Банкѣ для изъятія изъ обращенія, вновь въ рессурсы Государственнаго Казначейства съ цѣлью обращенія ихъ исключительно на нужды сооруженія Сибирской дороги. При Министерствѣ Путей Сообщенія учреждено, согласно закону 5 іюня, особое Управленіе по сооруженію Сибирской желѣзной дороги, состоящее изъ отдѣловъ: техническаго, счетнаго, хозяйственнаго и канцеляріи, которое должно завѣдывать изысканіями и сооруженіемъ Сибирской дороги, снабжать дорогу подвижнымъ составомъ и всѣми необходимыми принадлежностями, вѣдать всѣ дѣла, касающіяся постройки дороги, какъ техническія, такъ и хозяйственно-административныя, и разсматривать всѣ имѣющіе отношеніе къ сооруженію дороги вопросы, передаваемые на его разсмотрѣніе другими учрежденіями.

Съ 1 января принята въ казну Московско-Курская желѣзная до-

рога, срокъ концессіи которой истекъ къ 1893 году; 11 дек. 1892 г. было Высочайше утверждено Положеніе Соедин. Присутствія Комитета Министровъ и Департамента Экономіи Государственнаго Совѣта о досрочномъ выкупѣ Оренбургской желѣзной дороги съ 1 января 1893 г.; 12 іюня было утверждено положеніе того же Присутствія о досрочномъ выкупѣ Донецкой желѣзной дороги, которая и перешла въ казну съ іюля; согласно Высочайше утвержденному 13 марта мнѣнію Государственнаго Совѣта, Балтійская желѣзная дорога была принята въ казну съ 1 апрѣля; 15 іюня было утверждено Положеніе объ образованіи Общества Юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогъ (Положеніе напечатано въ № 29 Вѣстника Финансовъ и Промышленности).

Денежное обращеніе и кредитъ. Въ области денежнаго обращенія и Государственнаго кредита можно отмѣтить Именной Высочайшій указъ 22 января о выпускѣ внутренняго $4^1/_2\%$ займа на 100 милліоновъ рублей „для усиленія наличности Государственнаго Казначейства, сократившейся вслѣдствіе удовлетворенія нуждъ, вызванныхъ неурожаемъ 1891 г., а равно для обезпеченія средствъ, необходимыхъ для покрытія предусмотрѣннаго по росписи 1893 г. превышенія расходовъ надъ доходами". Изъ 150 милліоновъ кредитныхъ рублей, временно выпущенныхъ за 1891 — 92 г., было изъято 25 мил. 22 января и столько же 12 марта. Согласно Высочайшему Указу 5 января, были выпущены 4 серіи билетовъ Государственнаго Казначейства на 3 милліона каждая срокомъ на 8 лѣтъ, въ обмѣнъ на старыя серіи, выпущенныя въ 1885 и 1888 г. и подлежащія въ 1893 г. погашенію.

Въ Государственномъ Банкѣ съ 1 іюля введены *правила о выдачѣ ссудъ подъ соло-векселя.* Ссуды выдаются какъ подъ незаложенныя, такъ и подъ заложенныя имѣнія, за исключеніемъ имѣній: 1) арендуемыхъ, 2) заложенныхъ въ Дворянскомъ Банкѣ съ долгомъ, равнымъ 75% оцѣночной стоимости, 3) имѣній, по которымъ числятся превышающія $^1/_2$-годовой платежъ недоимки по ссудѣ какого-нибудь кредитнаго учрежденія или предстоитъ взысканіе другихъ просроченныхъ долговъ. Соло-вексельный кредитъ открывается въ размѣрѣ не болѣе $^2/_3$-годового денежнаго оборотнаго капитала (оборотные капиталы для фабричнаго, заводскаго, горнаго производства и для эксплоатаціи лѣсовъ въ разсчетъ не принимаются). Кредитъ въ полномъ размѣрѣ открывается только тогда, когда сумма этого кредита вмѣстѣ съ суммой непогашеннаго долга земельному банку и другихъ долговъ не превышаетъ 75% стоимости имѣнія, а также если вѣроятный чистый доходъ съ имѣнія можетъ покрывать ежегодные платежи по прежнимъ долгамъ и ссуду подъ соло-вексель; во всякомъ случаѣ maximum кредита одному заемщику равенъ 25.000 руб. Ходатайство землевладѣльца объ открытіи кредита разсматривается въ учетномъ

комитетѣ отдѣленія Государственнаго Банка, въ составѣ котораго участвуютъ 2—8 мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Соло-векселя, въ счетъ открытыхъ кредитовъ, учитываются съ разрѣшенія Управляющаго отдѣленіемъ Банка безъ предварительнаго одобренія ихъ учетнымъ комитетомъ.

Биржа. Далѣе мы встрѣчаемся съ нѣсколькими узаконеніями, касающимися регулированія биржевыхъ операцій и биржевой игры на русскія деньги. Еще 16 января былъ опубликованъ циркуляръ Министра Финансовъ, запрещающій русскимъ кредитнымъ учрежденіямъ принимать участіе въ биржевой игрѣ на повышеніе или пониженіе курса русскаго кредитнаго рубля и снабжать иностранныя банкирскія учрежденія, играющія на колебаніе курса, кредитными рублями. Если кредитныя учрежденія, говоритъ циркуляръ, будутъ содѣйствовать заключенію срочныхъ сдѣлокъ на разность или вообще какъ-нибудь участвовать въ биржевой игрѣ на колебаніе курса, то Министръ Финансовъ сочтетъ себя вынужденнымъ закрыть имъ всякіе счеты въ Государственномъ Банкѣ, а въ крайнемъ случаѣ прибѣгнуть и къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ.

Министерство Финансовъ выработало законопроектъ объ обложеніи кредитныхъ рублей, вывозимыхъ и ввозимыхъ черезъ границу, со 100 руб. по 1 коп., ради регистраціи количества переходящихъ черезъ границу денегъ и установленія личности вывозящихъ и ввозящихъ ихъ. Этотъ проектъ былъ утвержденъ 29 марта и вошелъ въ силу въ видѣ опыта съ 1 іюня 1893 г. до января 1894 г.

8 іюня вышелъ законъ, воспрещающій нѣкоторыя биржевыя сдѣлки, именно тѣ сдѣлки по покупкѣ и продажѣ на срокъ золотой валюты, траттъ и тому подобныхъ цѣнностей, писанныхъ на золотую валюту, которыя совершаются исключительно съ цѣлью полученія разницы между курсомъ валюты, условленнымъ сторонами и дѣйствительнымъ на какой-либо назначенный ими срокъ, а также такъ называемыя сдѣлки съ преміями, стелляжи и сдѣлки съ правомъ дотребованія (или обратныя). Виновные въ совершеніи запрещенныхъ сдѣлокъ подвергаются денежному взысканію въ размѣрѣ 5—10% съ заключенной суммы; Министръ Финансовъ имѣетъ право требовать отъ кредитныхъ учрежденій или банкирскихъ заведеній необходимыхъ свѣдѣній и объясненій по производимымъ ими операціямъ въ томъ случаѣ, если, по его мнѣнію, онѣ служатъ для совершенія запрещенныхъ сдѣлокъ; для повѣрки этихъ свѣдѣній или въ случаѣ ихъ недоставленія, Министръ можетъ командировать уполномоченныхъ лицъ для осмотра книгъ и дѣлопроизводства упомянутыхъ учрежденій.

8 іюня былъ утвержденъ законъ, въ силу котораго производство на биржахъ операцій съ фондами, векселями и валютой безъ по-

средства маклеровъ дозволяется лишь владѣльцамъ и представителямъ дѣйствующихъ въ Россіи торговыхъ, промышленныхъ или банкирскихъ предпріятій (законъ вводится въ дѣйствіе съ 1 сентября 1893 г.). Приказчики и конторщики могутъ участвовать въ биржевыхъ операціяхъ только за счетъ своихъ хозяевъ, которые обязаны снабжать ихъ надлежащею довѣренностью и остаются отвѣтственными по всѣмъ заключеннымъ этими лицами сдѣлкамъ. За нарушеніе на биржѣ тишины и порядка, за распространеніе на ней завѣдомо ложныхъ слуховъ, за неисполненіе обязательствъ по сдѣлкамъ, за участіе въ недозволенныхъ сдѣлкахъ, за незаконное маклерство или обращеніе для посредничества по торговымъ дѣламъ къ незаконнымъ маклерамъ—виновные, въ силу закона 8 іюня, подвергаются, по постановленію биржевого комитета, лишенію права посѣщать биржевыя собранія на срокъ до 1 года; если дѣяніе предусмотрѣно Уложеніемъ о Нак., то о привлеченіи виновныхъ къ отвѣтственности гофъ-маклеръ или старшій маклеръ сообщаетъ прокурорскому надзору или коммерческому суду по принадлежности. Книги биржевыхъ маклеровъ, въ которыя заносятся совершаемыя черезъ ихъ посредство сдѣлки, подлежатъ ревизіи Министерства Финансовъ; Министръ, въ случаѣ обнаруженія упущеній или дѣйствій маклера, свидѣтельствующихъ о несоотвѣтствіи его занимаемому положенію или о пренебреженіи къ своимъ обязанностямъ, имѣетъ право уволить маклера безъ прошенія.

Внѣшняя торговля. Въ области внѣшней торговли наше вниманіе останавливаетъ введеніе двойного таможеннаго тарифа закономъ 1 іюня. Согласно послѣднему, таможенный тарифъ въ томъ видѣ, какъ онъ утвержденъ 11 іюня 1891 г., примѣняется къ произведеніямъ только тѣхъ странъ. которыя предоставляютъ русскимъ товарамъ наиболѣе льготныя условія ввоза и транзита.

Къ произведеніямъ прочихъ странъ означенный тарифъ примѣняется съ повышеніемъ по разнымъ статьямъ 30, 20 и 15% (перечисленіе этихъ статей см. въ Собр. Указ. и распор. Прав. № 81, 1893 г.). По Высочайшему повелѣнію отъ 9 іюля двойной таможенный тарифъ былъ введенъ въ дѣйствіе съ 20 іюля, а Высочайшимъ повелѣніемъ 16 іюля было предоставлено Министру Финансовъ, по соглашенію съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, издавать распоряженіе о взиманіи особо повышенныхъ на 50% пошлинъ съ товаровъ тѣхъ государствъ, которыя будутъ съ своей стороны облагать нашъ ввозъ высшими противъ ихъ общихъ таможенныхъ тарифовъ пошлинами. Такъ какъ 19 іюля было опубликовано распоряженіе германскаго правительства о взиманіи съ главныхъ предметовъ ввоза изъ Россіи возвышенныхъ на 50% пошлинъ, то циркуляръ Министра Финансовъ отъ 20 іюля установилъ, на основаніи предоставленнаго пол

номочія, возвышенныя таможенныя пошлины (на 50%) съ германскихъ товаровъ, ввозимыхъ въ Россію. Слѣдуя новѣйшему направленію таможенной политики, Россія заключила съ Франціей 5 іюня торговую конвенцію, облегчающую условія ввоза въ ту и другую страну нѣкоторыхъ товаровъ и вступившую въ силу съ 30 іюня 1893 г.

Согласно конвенціи, Франція облагаетъ вывозимыя изъ Россіи нефтяныя масла, сланцевые и другіе минеральные, нефтяные остатки и остатки отъ другихъ минеральныхъ маслъ минимальнымъ тарифомъ (очищенныя масла и эссенціи по 10 фр. съ гектолитра, прочія масла и остатки—по 9 фр. съ килограмма). Взамѣнъ этихъ льготъ Россія понизила пошлины на слѣдующіе предметы ввоза изъ Франціи: гастрономическія приправы и консервы, конфекты, шоколадъ, какао, водки, ромъ, коньякъ, виноградныя и ягодныя вина, минеральныя воды, сыръ, рыбу, выдѣланныя кожи, дамскую обувь, кожанныя перчатки, рамы и багеты, всякіе цементы, фаянсовыя издѣлія, маіолику, химическіе и фармацевтическіе продукты, составныя готовыя лѣкарства, жирныя масла, олифу, ароматическія воды, косметики, цинкъ, издѣлія изъ мѣди, желѣза и другихъ недрагоцѣнныхъ металловъ, чугунъ въ дѣлѣ, нѣкоторыя машины (сельско-хозяйственныя машины и орудія безъ паровыхъ двигателей, газовыя, калорическія, керосиновыя, швейныя, вязальныя машины, локомобили, тендеры, пожарные снаряды и нѣк. др.), инструменты и приборы математическіе, физическіе, химическіе, чертежные, хирургическіе, музыкальные инструменты, бумагу, тканыя и вязаныя матеріи, вязаныя издѣлія, кружева шляпы и головные уборы, галантерейныя и туалетныя вещи, игрушки. Въ конвенціи было оговорено, что въ случаѣ введенія двойного таможеннаго тарифа вышеупомянутыя произведенія будутъ пользоваться пониженнымъ тарифомъ.

Налоги. Въ финансовой области издано нѣсколько важныхъ законовъ. 14 мая утверждено Положеніе о государственномъ квартирномъ налогѣ, который вводится съ 1894 г. во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ Европейской Россіи и Царства Польскаго. Квартирный налогъ явился замѣной давно ожидаемаго подоходнаго налога; онъ взимается со всѣхъ лицъ, занимающихъ квартиры въ городахъ и поселеніяхъ (какъ въ собственныхъ домахъ, такъ и въ помѣщеніяхъ наемныхъ или предоставленныхъ въ безвозмездное пользованіе), причемъ всѣ города распредѣляются на классы сообразно степени дороговизны жилыхъ помѣщеній, а въ каждомъ классѣ квартиры распредѣляются по разрядамъ сообразно ихъ наемной цѣнѣ. Отъ налога освобождаются духовенство христіанскихъ вѣроисповѣданій и иностранные дипломатическіе агенты; налогъ не взимается, кромѣ того: 1) съ помѣщеній, занятыхъ правительственными, общественными и сословными учреж-

деніями, учеными и учебными заведеніями, больницами, лѣчебницами, торговыми и промышленными заведеніями и др. тому подобныхъ помѣщеній, не предназначенныхъ для жилья, и 2) съ слѣдующихъ жилыхъ помѣщеній: а) дворцовъ и зданій, занимаемыхъ Членами Императорскаго Дома; б) съ архирейскихъ домовъ, монастырей и монастырскихъ общинъ, в) съ пансіоновъ и квартиръ общежитія воспитанниковъ учебныхъ заведеній, г) съ пріютовъ, богадѣленъ и иныхъ благотворительныхъ заведеній, а также съ квартиръ общежитія при такихъ заведеніяхъ; д) съ казарменныхъ помѣщеній, за исключеніемъ подлежащихъ налогу квартиръ офицерскихъ чиновъ; е) съ жилищъ рабочихъ при фабрикахъ, заводахъ и иныхъ промышленныхъ заведеніяхъ, за исключеніемъ помѣщеній управляющихъ фабриками и заводами, приказчиковъ, мастеровъ и другихъ старшихъ служащихъ; ж) съ постоялыхъ дворовъ и ночлежныхъ домовъ; 3) со всѣхъ помѣщеній, наемная цѣна которыхъ ниже размѣра, установленнаго для взиманія оклада налога перваго разряда въ городахъ и поселеніяхъ всѣхъ классовъ. Наконецъ, штабъ — и оберъ-офицеры и чиновники не свыше VI класса, принадлежащіе къ составу воинскихъ и морскихъ командъ и строевыхъ воинскихъ и морскихъ управленій, освобождаются отъ платежа квартирнаго налога, если занимаемыя ими помѣщенія относятся въ городахъ I — IV классовъ къ первымъ 6 разрядамъ, а въ поселеніяхъ V класса — къ первымъ 9 разрядамъ. Налогъ взимается по дѣйствительной годовой наемной платѣ за помѣщеніе; если въ наемную плату входитъ плата за отопленіе, то для опредѣленія оклада квартирнаго налога изъ наемной платы вычитается 15% наемная цѣна помѣщенія, занятаго самимъ домовладѣльцемъ или переданнаго имъ въ безплатное пользованіе какому-нибудь лицу, опредѣляется по соображенію съ тою годовой наемной платой, которая платилась за это помѣщеніе, когда оно сдавалось въ наемъ, или съ платою за соотвѣтственныя сдаваемыя въ наемъ помѣщенія; при невозможности примѣненія этихъ способовъ оцѣнки наемная плата опредѣляется по разсчету чистаго дохода въ 4% съ цѣнности строенія; наемная цѣна безплатнаго помѣщенія лица, состоящаго на государственной службѣ, признается равною присвоенному занимаемой имъ должности годовому окладу квартирныхъ денегъ; если окладъ квартирныхъ денегъ не установленъ, цѣна помѣщенія признается равной $^1/_5$ получаемаго лицомъ жалованья. Окладъ налога опредѣляется въ каждомъ году по цѣнѣ тѣхъ помѣщеній, которыя были заняты плательщикомъ 15 декабря предъидущаго года: по заявленію лица, перемѣнившаго свою квартиру до 7 марта на таковую, за которую приходится меньшій окладъ налога, причитающійся съ него налогъ исчисляется по наемной цѣнѣ новаго помѣ

женія. Налогъ вносится въ одинъ срокъ — 15 апрѣля; съ лицъ, получающихъ содержаніе по службѣ въ государственныхъ, общественныхъ и сословныхъ учрежденіяхъ, налогъ удерживается при выдачѣ жалованья въ 2 срока: къ 1 мая и къ 1 сентября. Невнесенный въ теченіе 10 дней послѣ 15 апрѣля налогъ считается недоимкой, которая взыскивается полиціей по общеустановленному порядку, и по которой начисляется пеня по 1% въ мѣсяцъ. Плательщику, обремененному большимъ семействомъ или находящемуся въ затруднительномъ положеніи вслѣдствіе тяжкой болѣзни, потери имущества или заработка и т. п., можетъ быть разрѣшена отсрочка и разсрочка уплаты налога на срокъ не болѣе года, а также и сложенъ совсѣмъ налогъ на сумму не болѣе 50 руб.

Завѣдываніе государственнымъ квартирнымъ налогомъ возлагается на мѣстныя казенныя палаты и образуемыя при нихъ губернскія или областныя по квартирному налогу присутствія, состоящія изъ предсѣдателя казенной палаты, члена ея общаго присутствія, городского головы губернскаго города и 2 хъ лицъ, избираемыхъ городской думой на 3 года. Для опредѣленія окладовъ налога, падающихъ на плательщиковъ, создаются городскія по квартирному налогу присутствія, подъ предсѣдательствомъ податнаго инспектора или лица, назначаемаго управляющимъ казенной палатой, изъ 4 — 6 мѣстныхъ домохозяевъ, избираемыхъ на 1 годъ въ городахъ, имѣющихъ городовое положеніе городскими думами, въ поселеніяхъ, не имѣющихъ городского устройства — уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, а гдѣ нѣтъ ни городового, ни земскаго положенія—губернаторомъ по соглашенію съ управляющимъ казенной палатой. При обложеніи квартирантовъ налогомъ городскія присутствія руководствуются списками квартиръ съ опредѣленіемъ цѣны ихъ и фамилій нанимателей, доставляемыми къ 7 января домовладѣльцами; получаемыя такимъ образомъ свѣдѣнія провѣряются по имѣющимся или собраннымъ въ городскихъ присутствіяхъ даннымъ.

8 іюня было утверждено Положеніе о взиманіи патентнаго сбора съ заведеній для продажи крѣпкихъ напитковъ. Того же 8 іюня утверждено Положеніе о трактирномъ промыслѣ (см. № 28 Вѣстника Финансовъ и Промышленности).

М. Соболевъ,

дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

А. Русская литература по гражданскому праву.

Имѣя въ виду знакомить читателя съ текущей литературой по гражданскому праву, на этотъ разъ мы дадимъ отчетъ о выдающихся произведеніяхъ какъ истекающаго, такъ и предшествующаго года.

Немногіе изъ трудовъ посвящены чисто-теоретическимъ вопросамъ. Таковымъ является лишь трудъ Дювернуа „Изъ курса лекцій по русскому гражданскому праву“ (II вып.), содержащій ученіе о лицахъ физическихъ и юридическихъ, и трудъ Шершеневича „Наука гражданскаго права въ Россіи“. Большинство же прочихъ трудовъ носятъ характеръ скорѣе практическій, ставятъ и разрѣшаютъ болѣе или менѣе удачно давно назрѣвшіе у насъ вопросы практической жизни изъ самыхъ различныхъ областей права. Таковы: „Судъ и Семья“ Боровиковскаго. „Давность“ его же, „Представительство безъ полномочія“ Гордона, „Межевые Законы“ Мордухай-Болтовскаго, „О промысловомъ ученичествѣ“ Федорова, „Иски изъ незаконнаго обогащенія“ Полетаева и др.

Въ частности слѣдуетъ замѣтить, что за недавнее время особенно повезло нашему межевому законодательству. Послѣднее до сихъ поръ было въ самомъ хаотическомъ состояніи. Теперь мы имѣемъ историческое изслѣдованіе межеваго законодательства Германа и историко-догматическое изслѣдованіе Мордухай-Болтовскаго. Благодаря имъ, а особенно послѣднему, многіе вопросы межеваго дѣйствующаго права становятся доступными усвоенію.

Наконецъ, есть еще одна черта, общая нѣкоторымъ современнымъ работамъ, это—эпиграфъ „fecі, quod potui“, неоднократно встрѣчающійся въ предисловіи предлагаемыхъ трудовъ. Если разсматриваемые труды и представляютъ, какъ сказано выше, немалый инте-

ресъ, особенно благодаря современности своихъ темъ, то, съ другой стороны, почти ни одинъ изъ нихъ не блещетъ такими достоинствами, чтобы поставить поворотную грань въ изслѣдованіи того или другого вопроса. Со скромными научными силами и средствами и всеискупающей любовью къ дѣлу люди работаютъ надъ вопросами современной имъ дѣйствительности и создаютъ то, что могутъ.

Н. Л. Дювернуа. Изъ курса лекціи по русскому граж. праву.

Вышедшій въ 1892 году второй выпускъ этого труда содержитъ въ себѣ всего 6 листовъ; онъ заключаетъ ученіе о физическихъ лицахъ и начинаетъ ученіе о лицахъ юридическихъ.

Физическія лица разсматриваются съ полной обстоятельностью со стороны видоизмѣненія правоспособности и дѣеспособности по условіямъ физическимъ и общественнымъ. Интересны нѣкоторые взгляды по различнымъ частнымъ вопросамъ. Говоря, напр., о чести, какъ условіи полноты правоспособности, авторъ замѣчаетъ, что у насъ понятіе чести и виды ея умаленія развиты довольно слабо, въ сравненіи съ другими народами, особенно западными. Объясняется это тѣмъ, что воззрѣнія на честь и разные виды безчестья особенно развиваются въ мелкихъ автономныхъ союзахъ, на которые общество иногда дѣлится. У насъ же государство какъ разъ стѣсняло подобную автономію разнаго рода союзовъ.

Ученіе о *юридическомъ лицѣ*, изложенное въ этомъ выпускѣ, какъ уже сказано, не закончено. Кромѣ того, оно не понятно безъ общаго ученія о роли лица въ гражданскомъ правѣ, изложеннаго въ первомъ выпускѣ. Наконецъ, оно довольно краткое, какъ это и слѣдовало ожидать отъ университетскаго курса. Скажу кстати, что оно изложено чрезвычайно сжато, мѣстами слишкомъ обще для научнаго трактата, мѣстами неясно, иногда бездоказательно, иногда слишкомъ догматично. Нѣкоторыя изъ этихъ свойствъ объясняются тѣмъ же назначеніемъ книги служить учебникомъ для студентовъ. Зато другія уже вовсе не согласуются съ подобной задачей. — Однако, всѣ эти второстепенные недостатки искупаются общимъ содержаніемъ ученія. Н. Л. Дювернуа высказываетъ интересный, довольно своеобразный взглядъ на понятіе и значеніе лица въ гражданскомъ правѣ вообще и юридическаго лица въ особенности, и проливаетъ новый свѣтъ въ эту невыясненную еще область. Кромѣ того, мимоходомъ онъ бросаетъ не мало цѣнныхъ мыслей, служащихъ тому же выясненію спорнаго въ наукѣ вопроса о юридическомъ лицѣ.

Понятіе личности въ правѣ гражданскомъ есть, по мнѣнію автора, ни болѣе ни менѣе какъ понятіе цивильной правоспособности. Личность

мы имѣемъ вездѣ, гдѣ разъ опредѣлившаяся сфера конкретныхъ юридическихъ отношеній удерживаетъ свойство обособленности, принадлежности ихъ къ этой именно сферѣ, съ характеромъ постояннымъ и объективно распознаваемымъ.

Кому же и для какихъ цѣлей можетъ быть приписано подобное свойство личности? Въ Римѣ это свойство личности, цивильной правоспособности прежде всего и преимущественно связывалось съ воле-и дѣеспособнымъ человѣкомъ, который въ своей жизни и дѣятельности упражнялъ свою правоспособность. Этимъ именно объясняется поразительный по энергіи характеръ римскаго цивильнаго обмѣна.

Но такого соединенія правоспособности, или личности съ волеспособнымъ человѣкомъ могло и не быть. Именно, съ одной стороны, масса лицъ воле-и дѣеспособныхъ была тамъ лишена правоспособности (рабы). А съ другой стороны, опредѣленная сфера юридическихъ отношеній имѣла своимъ средоточіемъ вовсе не дѣеспособнаго, не дѣятельнаго человѣка, а ребенка, идіота и т. д. Для послѣднихъ не было возможно дѣятельное осуществленіе правоспособности; для нихъ возможно было лишь простое пользованіе означенной правовой сферой. Однако, недостатокъ дѣятельности не уничтожалъ правоспособности: она поддерживалась искусственно дѣятельностью другихъ лицъ. Что дѣлалось не только ради особы дитяти, идіота, а въ цѣляхъ дальнѣйшей извѣстности, способности дальнѣйшаго личнаго преемства этой, разъ опредѣлившейся, какъ единой и личной сферы цивильныхъ отношеній.

Характеръ личности, цивильной правоспособности, какъ сосредоточенной около извѣстнаго центра сферы правоотношеній не утрачивался и тамъ, гдѣ въ данный моментъ нѣтъ ни дѣятеля, ни пользователя, — ни воли, ни интереса, именно въ hereditas jacens. Дѣятельный субъектъ цивильной правоспособности уходитъ тутъ со сцены; но цѣльная въ его лицѣ сфера цивильныхъ отношеній не исчезаетъ, а, по прежнему сосредоточенная, продолжаетъ свое личное существованіе. Для чего, спрашивается, нужно удержаніе личности, цивильной правоспособности тутъ? Это нужно въ интересахъ уже чисто общественныхъ, именно, въ цѣляхъ извѣстности, постоянства, преемства правоотношеній. Впрочемъ, этого рода состояніе, гдѣ нѣтъ хозяина, было временное.

Подобное обособленіе опредѣленной сферы юридическихъ отношеній римскіе юристы признавали и тамъ, гдѣ составъ отношеній извѣстный и постоянный, какъ у живаго субъекта права, но гдѣ нѣтъ вовсе личной воли и интереса отдѣльнаго обладателя, а есть только интересъ пользованія этимъ имуществомъ у болѣе или менѣе неопредѣленнаго и неизвѣстнаго въ данную минуту круга людей и гдѣ эта

сфера правъ, эта личность существуетъ не для преходящихъ цѣлей, какъ въ hereditas jacens, а для цѣлей постоянныхъ. Юристы видѣли въ этомъ явленіи туже обособленную правоспособность или личность, какъ и тамъ, гдѣ правоспособность присвоена отдѣльному человѣку. Таковы: государство, городъ, коллегія. Цѣль, съ которой дается свойство личности, обособленной правоспособности подобнымъ формамъ обладанія, объясняется извѣстнымъ уже намъ значеніемъ личности у римлянъ. Личность, какъ неоднократно указывалось, была тамъ обособленной сферой цивильныхъ юридическихъ отношеній, которая необходима для ихъ опредѣленности, распознаваемости и постоянства.— Таковы римскія понятія.

Не всегда правильно усвоенныя, эти понятія вмѣстѣ съ рецепціей стали достояніемъ новой юриспруденціи; ихъ примѣненіе къ быту новыхъ народовъ, отличному отъ римскаго, породило массу недоразумѣній и контроверзъ. Въ средніе вѣка, въ противоположность римскому цивильному быту, начало личности, а вмѣстѣ съ тѣмъ особности и извѣстности правоотношеній каждаго гражданина отсутствуетъ. Главная роль принадлежитъ теперь союзу. Человѣкъ выступаетъ въ правѣ лишь какъ членъ союза, и то въ ограниченной роли. Каждая изъ многочисленнѣйшихъ формъ союза имѣла свою сферу правъ, съ немногими типическими чертами и очень многими исключительными. Правоспособность ихъ обыкновенно смѣшанная изъ элементовъ частнаго и публичнаго права. Въ этихъ условіяхъ новая юриспруденція сама никоимъ образомъ не могла придти къ понятію личности, правоспособности отдѣльныхъ людей въ сферѣ институтовъ гражданскихъ, къ коему такъ рано пришла римская юриспруденція. Съ другой стороны, если во-чтобы то ни стало нужна была извѣстность юридическихъ отношеній отдѣльныхъ лицъ, то въ массѣ случаевъ она достаточно опредѣлялась отношеніемъ людей къ вещамъ, особенно къ недвижимостямъ. Опредѣляющей была земля (церковная, рыцарская, городская) для человѣка, а не человѣкъ для земли.

Но постепенно эти старыя союзныя формы перестаютъ опредѣлять положеніе людей и уступаютъ государству одну за другой лежавшія на нихъ функціи; вмѣстѣ съ этимъ привитизируется и обладаніе недвижимостями; бытъ цивильный становится болѣе подвижнымъ. Тогда старыя способы оріентироваться въ этомъ обмѣнѣ посредствомъ опредѣленія союза, къ коему человѣкъ принадлежитъ, или земли, на которой онъ сидитъ, становятся ненадежными и недостаточными. Для распознаваемости, извѣстности и постоянства юридическихъ отношеній отдѣльныхъ субъектовъ теперь потребовались тѣже пріемы, какими этого достигали юристы классики. Но, при одинаковыхъ задачахъ, условія, въ которыя была поставлена мысль новаго юриста,

въ особенности въ ученіи о лицѣ, были иныя, въ сравненіи съ римскими. Тамъ понятіе личности совпадало съ представленіемъ конкретно извѣстной сферы правоотношеній и только. Послѣдней цѣлью права и тамъ считали *человѣка*; но исходной точкой для своихъ построеній ставили *личность*, цивильную правоспособность, отрѣшенную отъ человѣка. У насъ дѣло обстоитъ иначе. Мы не эту личность, въ цивильномъ смыслѣ особность, принимаемъ за исходную точку нашихъ построеній, а ищемъ чего-то другого, хотимъ идти глубже... *Въ нашихъ операціяхъ понятіе лица совпадаетъ съ понятіемъ человѣка.* Современное понятіе не отвергаетъ правоспособности ни у единаго человѣческаго существа, ограничивая ее въ крайнемъ случаѣ неизвѣстной и непонятной для римлянъ категоріей Rechte an der eigenen Person. Основой всему служитъ признаніе за человѣкомъ природныхъ свойствъ: разумности и волеспособности. Отсюда, самое понятіе личности, какъ таковое, теперь тѣснѣе связывается съ этими непремѣнными свойствами всякаго человѣка. Это и порождаетъ трудности для современнаго цивилиста.

Связавъ неразрывно понятіе личности съ явленіемъ Rechte an der eigenen Person и съ реквизитомъ разумности и волеспособности субъекта, наши юристы закрыли себѣ путь къ объясненію всего ряда явленій гражданской правоспособности, идущей за предѣлы правоспособности отдѣльнаго человѣка. Какъ же было научно обосновать формы правоспособности и личности коллективныхъ единицъ, союзовъ, имущественныхъ комплектовъ, которыхъ у насъ больше, чѣмъ въ Римѣ? — Юристы прошлыхъ столѣтій, не понимая римскаго права, искажали смыслъ римскихъ юридическихъ построеній и присвоивали понятію лица значеніе не столько даже олицетворенія, сколько *очеловѣченія* разныхъ союзныхъ формъ имущественнаго обладанія. Много занимались тогда вопросомъ о способности этихъ мыслимыхъ фигуръ имѣть злую волю, подлежать уголовному вмѣненію.

Савиньи поставилъ вопросъ вновь на классическую почву. Онъ далъ теорію *олицетворенія* вмѣсто прежней теоріи очеловѣченія. Онъ сталъ ближе своихъ предшественниковъ къ подлинно-римскому понятію лица.

Брицъ, осуждая фикціи въ области права, хотѣлъ помочь дѣлу провозглашеніемъ теоріи цѣлеваго имущества. Онъ училъ, что кромѣ имущества, принадлежащаго лицамъ, есть имущество, принадлежащее цѣли. Однако, на дѣлѣ, попытка Бринца не отвѣчала на поставленный вопросъ. Конечно, имущество можетъ служить извѣстной цѣли, но этимъ еще не разрѣшается вопросъ, что̀ это за имущество въ цивильномъ смыслѣ; связано-ли оно въ такой комплексъ, который самостоятельно оперируется въ гражданскомъ оборотѣ, увеличивается,

уменьшается, взыскиваетъ, отвѣчаетъ и т. д. А между тѣмъ именно это и составляетъ все содержаніе вопроса о личности и о цивильной правоспособности.

*Іеринг*ъ училъ, что субъектомъ права въ формахъ коллективнаго обладанія является не мыслимая фигура юридической личности, а тѣ *на пользу* коихъ идетъ имущество, ибо *принципъ пользы* есть, по его мнѣнію, рѣшающій для права.—Однако, и здѣсь отвѣта на вопросъ: чье право?—не дается. Вѣдь сказать „больницей пользуются больные“ значитъ сказать для вопроса права такъ же мало, какъ сказалъ Бринцъ, именуя имущество юридическихъ лицъ имуществомъ цѣли. Мы тре, буемъ отвѣта на вопросъ: есть-ли въ этихъ случаяхъ такая же форма имущественнаго обладанія, цивильная, со всѣмъ содержаніемъ институтовъ цивильной системы, какая существуетъ въ данномъ правѣ для отдѣльныхъ правоспособныхъ людей, или нѣтъ. А на этотъ вопросъ ученые отвѣчаютъ уклончиво.

Обстоятельства, наиболѣе смущавшія мысль нашихъ юристовъ въ вопросѣ о формѣ имущественнаго обладанія тамъ, гдѣ нѣтъ отдѣльнаго человѣка, объясняются тѣмъ, что въ этихъ формахъ за юридической конструкціей какъ будто вовсе скрытъ живой человѣкъ. Было уже отмѣчено, что цѣль отдѣльности и личнаго характера обладанія для коллективныхъ единицъ не въ нихъ самихъ, какъ она можетъ быть (но можетъ и не быть) и у отдѣльнаго человѣка, а въ общеизвѣстности и постоянствѣ цивильныхъ отношеній. Съ другой стороны, отдѣльный человѣкъ является въ своихъ цивильныхъ отношеніяхъ не какъ физическая особь со всѣми безчисленными видоизмѣненіями, ей свойственными. Представленіе лица, правоспособнаго субъекта, есть абстракція всегда и вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ объ организованномъ цивильномъ бытѣ. Это *юридическая переработка* живого явленія не только тамъ, гдѣ правоспособна община, союзъ лицъ, установленіе, но и тамъ, гдѣ правоспособенъ отдѣльный человѣкъ.

Исканіе воли, какъ основы для всякой правоспособности, составляетъ задачу, поставленную совершенно врозь съ задачами собственно цивилистическихъ изысканій.

Разъ найдена постоянная связь извѣстныхъ юридическихъ отношеній съ юридически опредѣленнымъ правообладателемъ, кто бы онъ ни былъ, отдѣльный человѣкъ или та или другая союзная форма, цѣль цивилиста достигнута.

Что касается теперь терминологіи, то техническіе термины, употребляемые для двухъ явленій правоспособности—„лицо физическое“ и „лицо юридическое“—не удачны, не выдержаны и не точны. Правоспособность вездѣ одна, будетъ ли присвоена установленію или человѣку. Нѣтъ никакого основанія называть человѣка правоспособнаго

лицомъ физическимъ, а корпорацію—юридическимъ. Правда, извѣстность, дѣеспособность, предѣлы правоспособности разныхъ лицъ въ разныхъ случаяхъ не одинаковы. Но тогда такъ и слѣдуетъ учить: лицо въ цивильномъ смыслѣ есть понятіе единое, всегда устанавливаемое методомъ юридическимъ, но способъ опредѣлять въ конкретныхъ случаяхъ извѣстность лица, предѣлы личной правоспособности, дѣеспособность разныхъ лицъ не одинаковъ. Будемъ имѣть лицъ съ болѣе широкой сферой правоспособности и съ менѣе широкой, дѣеспособныхъ и недѣеспособныхъ, такихъ, юридическая извѣстность существованія которыхъ опредѣляется моментомъ рожденія физическаго и такихъ, у которыхъ она опредѣляется иными признаками, указанными правомъ. Но это не значитъ, что одни лица суть лица по физическимъ причинамъ, а другія по юридическимъ. Всѣ будутъ лица въ смыслѣ права. Не будетъ реальныхъ и мыслимыхъ. Правообладающій союзъ людей отнюдь не менѣе правоспособенъ, чѣмъ отдѣльный человѣкъ въ своей сферѣ, а исторически правоспособность союза вовсе не составляетъ подражанія, уподобленія, которое бы слѣдовало за правоспособностью отдѣльнаго человѣка, а скорѣе наоборотъ. Точно такъ же никакихъ подобій воли человѣка намъ не надо вымышлять, чтобъ имѣть субъектовъ, коллективно обладающихъ правомъ, ибо и самъ человѣкъ является правоспособнымъ не въ той только мѣрѣ, въ какой онъ волеспособенъ и въ какой онъ способенъ быть лично пользователемъ земныхъ благъ. Весь вопросъ о личности долженъ быть отрѣшенъ отъ этихъ фактическихъ моментовъ и поставленъ въ связь не только съ интересами и волей людей, но и съ интересами общежитія, извѣстности, постоянства, непрерывности юридическихъ отношеній и ихъ обмѣна въ гражданскомъ быту.

Указавъ, такимъ образомъ, общее значеніе лица въ гражданскомъ правѣ, общій мотивъ образованія лицъ, физическихъ и юридическихъ авторъ, во второмъ выпускѣ, переходитъ уже къ особому ученію о лицахъ юридическихъ. Сложный вопросъ этотъ онъ расчленяетъ на рядъ подчиненныхъ вопросовъ, оговариваясь, что успѣшныхъ результатовъ въ этой области мы можемъ добиться лишь тогда, когда будемъ спеціально изучать тѣ явленія, которыя носятъ названіе юридическихъ лицъ, отвергнувъ разъ навсегда способъ аналогіи и фикціи, который не можетъ привести ни къ чему.

Первый подчиненный вопросъ о юридическихъ лицахъ, это—какъ возникаютъ подобныя коллективныя единицы. На этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ всецѣло со словъ Гирке, много потрудившагося надъ исторіей союзныхъ образованій въ Германіи. Прежде всего жизнь знаетъ массу союзовъ, существующихъ съ незапамятныхъ временъ. Это „первообразные“ союзы, невольные. Когда-то они носили автономный и

рактеръ съ обильнымъ и разнообразнымъ составомъ правоспособности, политической и гражданской. Теперь они утратили автономію въ пользу государства, стали къ нему въ подчиненное положеніе, удержавъ извѣстную степень правоспособности гражданской. Таковы общины городскія и сельскія, сообщества по школьному дѣлу, плотинныя, по орошенію и т. д. и т. д. Въ новое время, въ противоположность этимъ первобытнымъ и невольнымъ образуются произвольныя, свободныя союзныя формы, частью замѣняющія старыя союзныя формы (рабочія ассоціаціи на мѣсто цеховъ), частью служащія новымъ цѣлямъ (акціонерныя компаніи). Интересна исторія этихъ свободныхъ союзовъ. Въ жизни европейскихъ народовъ одно время было эмансипаціонное движеніе, которымъ новое государство высвобождало личность человѣка, правоспособность индивида изъ старыхъ, тяжелыхъ узъ союзнаго быта. Получился какъ бы разрывъ между предоставленнымъ самому себѣ индивидомъ и высшей формой союзнаго быта, государствомъ. Послѣднее гарантировало индивиду лишь абстрактно-гражданскую свободу и не отвѣчало всѣмъ тѣмъ потребностямъ, которымъ служили разрушенныя теперь старыя союзныя образованія. Чтобы возмѣстить затерявшіяся въ этомъ процессѣ разложенія старыхъ формъ быта посредствующія между индивидами и государствомъ бытовыя соціальныя формы, повсюду на западѣ возникло свободное ассоціаціонное движеніе, съ разнообразными цѣлями, между прочимъ экономическими. Такіе союзы явились новыми правообладателями въ смыслѣ цивильномъ. Созданныя полноправнымъ гражданиномъ, эти новыя образованія по существу отличны отъ прежнихъ цѣлѣвшихъ союзовъ. И вмѣстѣ оба вида представляютъ органическій продуктъ соціальной жизни запада.

Что касается нашего отечества, то и тутъ мы имѣемъ процессъ возникновенія и развитія союзныхъ образованій, весьма похожій на западно-европейскій, хотя имѣются и нѣкоторыя особенности.

Второй подчиненный вопросъ о юридическихъ лицахъ, это: что представляютъ собою подобныя явленія для юриспруденціи, т.-е. какова ихъ юридическая конструкція. На это прежде всего надо замѣтить, что одна конструкція не можетъ ни обнять всѣ эти явленія ни вмѣстить въ себѣ сколько-нибудь близко къ жизненнымъ функціямъ разнородныя, союзныя формы. Ихъ такъ много существуетъ вмѣстѣ, а тѣмъ болѣе чередуется въ непрерывной исторической смѣнѣ! Долгое время формы коллективнаго обладанія, обильныя и разнообразныя, складывались въ сознаніи людей безъ всякой даже критики и сличенія, непосредственно и наивно, и лишь потомъ ихъ стали изучать и нормировать. На западѣ этому сознанію содѣйствовала рецепція чужаго, римскаго права.—Впервые конструкцію universitas

personarum мы находимъ у папы Иннокентія IV, который неожиданно положилъ основу цѣлому ученію о юридическомъ лицѣ, проливая на это явленіе такой яркій свѣтъ, что 5 вѣковъ спустя геніальному юристу нашего времени,—Савиньи, не остается ничего, какъ только повторить конструкцію папы во всѣхъ основныхъ ея чертахъ.— Universitas personarum или коллегія, по ученію Иннокентія, есть persona. Но persona въ XIII в. не то, что въ Римѣ. Она означаетъ теперь уже не абстрактно-цивильную правоспособность, безразлично примѣняемую и къ отдѣльному человѣку и къ коллегіи, а только nomen intellectuale et res incorporalis. Гдѣ же *душа* этой особы, интересовались мыслители XIII в. и рѣшали: души у нея нѣтъ; она res inanimata; надъ ней и крещеніе невозможно. Это не есть лицо въ томъ смыслѣ, въ какомъ личны одаренные душою люди, слѣд. это persona reprаesentata, persona ficta. Отсюда то и начинается идея и конструкція фиктивныхъ лицъ. Но если основа каноническаго построенія личности въ правѣ вполнѣ отлична отъ римской практической и культурной основы, то всѣ дальнѣйшія консеквенціи въ ученіи Иннокентія вполнѣ сходятся съ классическими. Persona ficta не подвергается excommunicatio; ничего сама не можетъ дѣлать, кромѣ какъ черезъ своихъ членовъ. Правоспособность ея у Иннокентія такъ же сближается съ правоспособностью отдѣльныхъ лицъ, какъ и у классиковъ. Противоположеніе имущественной сферы коллегіи и членовъ въ смыслѣ активномъ и пассивномъ есть тоже вполнѣ выраженное и оконченное, какъ и въ правѣ римскомъ. Что касается дѣеспособности, то папа отчетливо формулируетъ положеніе, что корпорація, какъ nomen intellectuale не можетъ ничего хотѣть, ибо не способна ни къ актамъ воли, ни къ дѣяніямъ. Зато здѣсь возможно представительство съ прямымъ вліяніемъ дѣйствія представителя на правоотношенія юридическаго лица. Universitas дѣйствуетъ сама, если она дѣйствуетъ *черезъ* другого. Заступителями *являются* ея члены, органы. Канонисты говорили, напр.: jurante syndico nomine universitatis vel collegii ipsa universitas jurare videtur. Тамъ, гдѣ коллегія имѣетъ дѣйствовать collegialiter или capitulariter, рѣшаетъ консензъ сочленовъ или большинство. Послѣднее тутъ будетъ sanior.

Конструкція юридическихъ лицъ у Иннокентія при всѣхъ ея теоретическихъ достоинствахъ мало соотвѣтствовала средневѣковой дѣйствительности и была выражена другой, болѣе подходящей къ условіямъ времени и быстро завоевавшей себѣ широкое поле примѣненія, конструкціей знаменитаго легиста Бартола. Еще ранѣе Бартола папа Іоаннъ XXII, оперируя тѣмъ же путемъ фикціи, как Иннокентій, выразилъ взглядъ, прямо противоположный послѣднему и болѣе согласный съ духомъ времени. По вопросу о томъ, могутъ

юридическія лица совершать преступленія, Іоаннъ говоритъ: по справедливости, юридическія лица, какъ не имѣющія души, не могутъ ни совершать преступленій, ни быть наказаны. Но если у нихъ и нѣтъ подлинной личности, то есть фиктивная, fictione iuris. Такъ вотъ, по этой фикціи они и душу имѣютъ и могутъ совершать преступленія и быть наказаны. Бартолъ довершаетъ дѣло отторженія отъ римскихъ основъ и полную перестройку всего ученія въ духѣ новаго времени.

Въ *понятіе* корпораціи и коллегіи Бартолъ и всѣ легисты вводятъ массу такихъ формъ средневѣковаго союзнаго быта, о которыхъ римская мысль не имѣла никакого представленія и въ которыхъ нельзя ни провести границы публичнаго и частнаго права, какъ вообще въ правообразованіяхъ средневѣковой эпохи, ни отъискать чистыхъ формъ союзной имущественной правоспособности. Во всѣхъ этихъ разнопестрыхъ образованіяхъ Бартолъ допускаетъ, что realiter цѣлое не отличается отъ частей, но, secundum fictionem juris, universitas представляетъ единство, гдѣ всѣ вмѣстѣ коллективно, противополагаются всѣмъ и каждому, дистрибутивно.

Способность образованія коллегіи поставлена у Бартола на несравненно болѣе широкія и независимыя отъ государства основанія, чѣмъ у предшественниковъ. Бартолъ знаетъ цѣлую лѣствицу властныхъ и подвластныхъ общинъ, частью вполнѣ автономныхъ, частью зависимыхъ. Въ отношеніи къ сочленамъ корпорація является высшимъ единствомъ, съ повелительнымъ отношеніемъ. Въ вопросахъ имущественной правоспособности Бартолъ напоминаетъ латинскіе тексты, но не держится ихъ вполнѣ, а выпрямляетъ и формируетъ въ духѣ новыхъ отношеній. Собственность юридическаго лица не есть собственность членовъ. Но они имѣютъ претензію на пользованіе вещью. Отсюда раздвоеніе собственности на dominium directum и utile, Ober== и Untereigentum. Во всей этой операціи, насколько она преобразовываетъ латинскія доктрины, обнаруживается наличность подъ рукой у юриста еще не разработанныхъ вовсе въ цивильномъ смыслѣ старыхъ формъ *общности обладанія*, а вовсе не настоящее противоположеніе гражданской правоспособности союза таковой же отдѣльныхъ его членовъ.

Характеристическій пунктъ конструкціи это органы дѣятельности юридическаго лица и вопросъ объ отвѣтственности по его дѣйствіямъ. Еще у Иннокентія pars major была вмѣстѣ и sanior. Въ средніе вѣка преобладающимъ типомъ союзнаго правообладанія являются не свободно образующіеся изъ цивильно правоспособныхъ и равноправныхъ сочленовъ союзы, а союзы невольные, въ составѣ которыхъ личность отдѣльнаго человѣка почти поглощена. Тогда повелительный характеръ

составлялъ принципъ, вполнѣ опредѣляющій всю внутреннюю жизнь союза, весь его строй. Если члены могли выбирать постоянныхъ представителей коллегіи, то сама коллегія, т.-е. большинство ея членовъ и избранные ею представители располагали извѣстной автономіей, юрисдикціей надъ членами и правомъ исключенія ихъ изъ состава союза. Этой внѣшней сторонѣ конструкціи отвѣчаетъ внутренняя природа явленія. Съ внутренней стороны корпорація представляла союзъ, проникнутый единымъ духомъ, гдѣ душа est tota in toto et in qualibet parte. Въ виду всего этого фикція личности даетъ для юриста подлинную правду. Въ смыслѣ юридическомъ фиктивное лицо способно и къ деликту. Деликтъ in amittendo universitas совершаетъ propriе, деликтъ in committendo — improprie, черезъ одобреніе, приказъ, представителя, сочленовъ. Бартолъ указываетъ, наконецъ, и способы наказанія юридическихъ лицъ за деликты.

Вотъ средневѣковая конструкція юридическихъ лицъ. Она имѣетъ для насъ большое значеніе, такъ какъ новѣйшія конструкціи оказываются лишь повтореніемъ средневѣковыхъ попытокъ.

А. Боровиковскій. Отчетъ судьи. т. 2. IV. Давность. V. Судъ и Семья.

Второй томъ большого труда, задуманнаго извѣстнымъ юристомъ-практикомъ г. Боровиковскимъ, подъ именемъ „Отчетъ Судьи", посвящается двумъ вопросамъ: „Давность" и „Судъ и Семья".

„Давность" представляетъ одну изъ популярныхъ темъ въ трудахъ русскихъ юристовъ. Надъ ней работали издавна многіе ученые: Энгельманъ, Куницынъ, Змирловъ, Калачевъ, Бѣляевъ, Любавскій, Мейеръ, Побѣдоносцевъ и многіе другіе, удѣляя ей то цѣлыя изслѣдованія, то отдѣльныя журнальныя статьи, то, наконецъ, подробные обзоры въ учебникахъ. По образцу западныхъ ученыхъ, у насъ также мнѣнія на давность раздѣлялись: одни признавали давность какъ общее, единое начало, дѣйствующее во всѣхъ областяхъ права и въ примѣненіи ко всѣмъ возможнымъ институтамъ. Ученые этой группы не различали отдѣльныхъ институтовъ давности, самостоятельно дѣйствующихъ каждый въ своемъ опредѣленномъ кругѣ отношеній, какъ напр., давность иска, давность владѣнія и т. д. Они усматривали въ этихъ институтахъ лишь стороны единаго учрежденія. Подобное ученіе о такъ называемой отвлеченной давности встрѣтило, однако, возраженія со стороны позднѣйшихъ ученыхъ. „Давность" перестали считать единымъ учрежденіемъ; напротивъ, начали признавать различі по существу отдѣльныхъ давностныхъ институтовъ, какъ-то: давност

владѣнія, давность иска и т. д. Эти институты признавались теперь настолько различными, что общаго у нихъ находили только одинаковое условіе истеченія извѣстнаго срока. Но ни въ условіяхъ существованія, ни въ ближайшихъ цѣляхъ у нихъ не находили ничего общаго. Это направленіе провозглашало, такимъ образомъ, на мѣсто прежняго, логическаго развитія органическое развитіе отдѣльныхъ институтовъ права. Оно заслуживаетъ, несомнѣнно, предпочтеніе передъ первымъ. Однако, первое направленіе до сихъ поръ еще держится и на Западѣ, и у насъ.

Но какого бы изъ указанныхъ направленій ученые ни держались, всѣ они послѣ общихъ краткихъ разсужденій подробно останавливались лишь на давности владѣнія. Этотъ институтъ привлекалъ ихъ главное вниманіе. Объясненіе надо видѣть въ томъ, что наша давность владѣнія по своей нетребовательности, граничащей съ несправедливостью, всегда вызывала въ жизни много зла и горячій протестъ какъ ученыхъ, такъ и практиковъ юристовъ. Тѣ и другіе искали въ содержаніи закона, устанавливающаго давность, всевозможные поводы къ стѣсненію дѣйствія этого института. Стоитъ указать на остроумную, хотя и несостоятельную, попытку того же Энгельмана — доказать, что у насъ вовсе и нѣтъ давности владѣнія, какъ способа пріобрѣтенія права собственности на вещь. Та давность, которую у насъ называютъ давностью владѣнія, есть въ дѣйствительности исковая и права собственности не даетъ.

Подробные единогласные нападки литературы и самой жизни на институтъ нашей давности владѣнія обратили вниманіе на этотъ вопросъ и въ законодательныхъ сферахъ. Въ сороковыхъ годахъ еще въ Государственномъ Совѣтѣ поднимается рядъ вопросовъ, относящихся къ различнымъ сторонамъ дѣйствія давности владѣнія, и между прочимъ коренной вопросъ объ условіяхъ для наличности ея: bona fides и justus titulus. Но всѣ эти работы свелись къ разъясненію немногихъ отдѣльныхъ сомнѣній, притомъ второстепеннаго свойства. Общая же, коренная реформа института была отложена до другаго времени, какъ затрогивающая общій духъ русскаго гражданскаго права.

Въ настоящее время, когда идетъ разработка новаго русскаго гражданскаго уложенія, этотъ отложенный на неопредѣленное время вопросъ получаетъ новую жизнь и интересъ.

Въ такое-то время г. Боровиковскій выпускаетъ въ свѣтъ свои замѣтки о давности. Замѣтки представляютъ собою плодъ долгаго судейскаго опыта. Чуждыя строгой системы, теоретическаго разграниченія отдѣльныхъ видовъ давности, иногда допускающія даже ошибки въ юридической конструкціи отдѣльныхъ казусовъ, замѣтки г. Боро-

виковскаго содержатъ по своему главному вопросу о давности владѣнія драгоцѣнный опытъ, полный остроумнѣйшаго освѣщенія темныхъ и спорныхъ сторонъ опаснаго своей неопредѣленностью и въ то же время крайне жизненнаго у насъ института. Трудно перечислить всѣ тѣ пункты въ ученіи Боровиковскаго о давности владѣнія, которые вносятъ новый свѣтъ въ темную область, которые путемъ тонкаго толкованія въ огромной степени обезвреживаютъ полезный по своему существу институтъ и даютъ руководящія начала законодателю для будущей реформы.

Задача давности, по мнѣнію Боровиковскаго, заключается въ констатированіи естественной смерти права. Давность должна завершать эту смерть мирно, безспорно. Нормальный порядокъ будетъ тотъ, когда на основаніи давности за лицомъ признается право безъ всякихъ возраженій со стороны противной, въ порядкѣ охранительномъ. Тамъ же, гдѣ давностью рѣшаются дошедшіе до суда споры, мы имѣемъ уже анормальные случаи: тамъ право еще живетъ и давность подтачиваетъ корни живого права. Подобные случаи могутъ быть терпимы лишь какъ невольное необходимое и ничтожное по количеству зло, подавляющееся положительной пользой отъ давности. Право должно строго слѣдить за тѣмъ, чтобы это зло не стало общимъ правиломъ, а общій, нормальный порядокъ не обратился бы въ исключеніе. Эти колебанія взаимоотношенія между пользой и зломъ отъ давности, главнымъ образомъ, зависятъ отъ давностнаго срока. Гдѣ срокъ малъ, тамъ чаще будутъ встрѣчаться случаи, гдѣ право, еще живое, будетъ поражено давностью. Гдѣ, напротивъ, срокъ продолжителенъ, тамъ будемъ имѣть больше случаевъ забвенія, смерти права. Есть идеалъ давности—это совпаденіе юридической давности съ естественной. Но онъ не доступенъ праву. Право соображаетъ относительное благо отъ института. Лучшимъ же и вѣрнѣйшимъ средствомъ для опредѣленія того, служитъ ли давность пользѣ или вреду общества, является судебная статистика. Она можетъ указать, желательно ли удлиненіе или сокращеніе давностнаго срока. Для этого 1) существенно знать цифру укрѣпленій недвижимости за давностными владѣльцами *въ безспорномъ порядкѣ*. Цифра эта не выразитъ собою *всего* количества мирно задавнившагося владѣнія, ибо давностному владѣльцу не всегда практически *необходимо* торопиться укрѣпленіемъ пріобрѣтеннаго имъ права. Общее количество мирно задавнившагося владѣнія—еще *превышаетъ* эту цифру. Однако, *не всѣ* состоявшіяся въ охранительномъ порядкѣ постановленія объ укрѣпленіи имуществъ по давности могутъ быть приняты за *мирное* проявленіе дѣйствія давности: нерѣдко такое укрѣпленіе и служитъ поводомъ къ иску со стороны лица, считающаго свое право именно этимъ нарушеннымъ. Такъ

случаи надо *исключить* изъ категоріи безспорныхъ и включить въ категорію *спорныхъ*. 2) Важно цифровое отношеніе процессовъ, рѣшаемыхъ законами о давности, къ общему числу процессовъ о данномъ видѣ правъ. Значительность цифры безспорныхъ укрѣпленій скажетъ *въ пользу* существующаго давностнаго срока: значитъ, въ предѣлахъ этого срока права дѣйствительно задавниваются естественно. Но особенно внушительны должны быть цифры второй изъ названныхъ категорій. Въ процессахъ *нерушимость* права должна быть *господствующимъ* явленіемъ; разрушеніе права давностью должно быть явленіемъ *рѣдкимъ*, исключительнымъ. Если *значительный* $^0/_0$ общаго числа споровъ о даннаго рода правѣ рѣшается давностью—значитъ, существующій давностный срокъ слишкомъ *коротокъ*: страдаетъ прочность права; разрушеніе его давностью, долженствующее быть явленіемъ исключительнымъ, появляется чаще, чѣмъ это подобаетъ исключенію. Наоборотъ, когда процессы рѣшаются давностью весьма рѣдко, а пожалуй и никогда не рѣшаются, — тогда есть поводъ *обсудить*: не слѣдуетъ ли укоротить давностный срокъ, безъ серьезнаго риска посягнуть на прочность правъ. Къ сожалѣнію статистики судебной у насъ почти нѣтъ; приходится разрѣшать вопросы на основаніи личнаго убѣжденія, глубоко продуманнаго. Такимъ путемъ авторъ приходитъ къ выводу, что десятилѣтній срокъ *вопіюще*-коротокъ. Его надо по крайней мѣрѣ утроить.

Изложивъ затѣмъ свои остроумныя и интересныя соображенія по вопросу о значеніи понятій „спокойное“, „безспорное“ и „непрерывное“ „владѣніе въ видѣ собственности“, авторъ переходитъ къ толкованію выраженія: „превращается въ право собственности“. Тутъ онъ снова подчеркиваетъ свой взглядъ на цѣль давности. Давность не должна по возможности убивать живущее право. Отсюда, моментомъ для превращенія давностнаго владѣнія въ право собственности нельзя признать чисто внѣшній и скрытый моментъ истеченія 10-лѣтняго срока. Въ самомъ дѣлѣ. Наши процессуальные законы говорятъ, что судъ самъ не поднимаетъ вопроса о давности. Эта процессуальная норма имѣетъ то матеріальное значеніе, что лицо, провладѣвшее десять лѣтъ на условіяхъ давностнаго владѣнія но не ссылающееся на давность, не можетъ быть признано собственникомъ. Самое молчаніе его о давности свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ признаетъ въ душѣ право противной стороны. Это право продолжаетъ поэтому свое существованіе, а давностный владѣлецъ, несмотря на провладѣніе хотя бы 20 лѣтъ на условіяхъ давностнаго владѣнія, отстраняется. Потому же основанію распоряженіе объ имуществѣ лица, которое по документамъ будетъ собственникомъ, слѣдуетъ признать дѣйствительнымъ и обязательнымъ для всѣхъ, хотя бы имуществомъ этимъ кто-либо провла-

дѣлъ болѣе десяти лѣтъ на условіяхъ давностнаго владѣнія, — если только оно молчитъ съ требованіемъ о признаніи его права на имущество. Тутъ имѣемъ одно изъ примѣненій широко распространеннаго въ гражданской сферѣ явленія, которое можно назвать „представительствомъ права", какъ внѣшнимъ моментомъ права, съ которымъ только и имѣютъ дѣло третьи лица, въ противоположность внутреннему моменту, нерѣдко скрытому отъ глазъ 3-хъ лицъ и состоящему въ истинной принадлежности права.

Съ иными соображеніями автора трудно согласиться. Напр., онъ считаетъ владѣніе опороченнымъ споромъ въ самый моментъ вчатія иска, независимо отъ исхода спора; — обезпокоеннымъ — въ самый моментъ нарушенія мира, хотя бы потомъ владѣлецъ былъ возстановленъ въ своемъ владѣніи компетентной властью. Приходится пожалѣть и о томъ, что авторъ не затрогиваетъ вопроса о цѣлесообразности пріостановленія теченія давности на время недѣеспособности собственника, отлучки его и т. д. А между тѣмъ, этотъ вопросъ въ литературѣ считается спорнымъ. Наконецъ, г. Боровиковскій, отмѣчающій иногда въ ученіи о давности желательныя измѣненія дѣйствующаго права, ни слова не говоритъ про условія bona fides и justus titilus, отговариваясь мимоходомъ, что условія давности вполнѣ зависятъ отъ воли законодателя, могущаго объявить давность пріобрѣтающую и давность погашающую или, что тоже, давность владѣнія и давность иска за двѣ стороны единаго учрежденія.

„Судъ и семья" по своей жизненности представляютъ еще болѣе интереса, чѣмъ „Давность".

Въ наукѣ гражданскаго права, содержащей разнообразные взгляды на вопросъ о томъ, насколько семейственныя отношенія принадлежатъ области этого права и насколько другимъ областямъ права, болѣе или менѣе единогласно признается, что многое въ семейственныхъ отношеніяхъ должно быть совершенно исключено изъ всякой области права. По самой природѣ личныя, напр., отношенія членовъ семьи опредѣляются нравственностью, а не правомъ. Право можетъ вліять тутъ очень немного.

Однако законодательства, въ частности русское законодательство, продолжаютъ держаться стараго взгляда на семью. На мѣсто внутренней связи членовъ семьи, покоющейся на взаимной любви и уваженіи, законодательства считаютъ достаточной связь чисто-формальную. Они *предписываютъ* любовь и уваженіе. А возникающую изъ утраты внутренней связи между членами семьи рознь, доходящую до разрыва, право предписываетъ устранять насильственнымъ соединеніемъ супруговъ. Сожительство супруговъ безусловно обязательно, особенно для жены.

Наше семейственное право въ настоящее время нуждается какъ нельзя болѣе въ крупной реформѣ, долженствующей сблизить правовую оболочку съ нравственнымъ содержаніемъ и существомъ здоровой семьи.

Изъ устъ г. Боровиковскаго мы и тутъ слышимъ авторитетный голосъ, подсказанный не кабинетными соображеніями, которыя нерѣдко обвиняютъ въ мечтательности, въ незнакомствѣ съ жизнью, а напротивъ, подсказанный самымъ черствымъ судейскимъ опытомъ. Авторъ благоговѣетъ передъ высокой идеей семьи, и въ силу этого настаиваетъ на замѣнѣ всюду, гдѣ только возможно, внѣшней суровой формы внутреннимъ содержаніемъ, предпочитая скорѣе признать некрасивую истину, какъ она есть, и поступать сообразно съ ней, чѣмъ поддерживать фальшивую наружность, утратившую нравственное содержаніе, а вмѣстѣ съ нимъ и всякій смыслъ на существованіе и на поддержку права.

Это направленіе подсказываетъ автору симпатичное рѣшеніе многихъ наболѣвшихъ вопросовъ въ жизни нашей семьи, не только въ предѣлахъ дѣйствующаго права, но и за его предѣлами, въ видѣ проекта его измѣненій.

Путемъ своего длиннаго жизненнаго и судейскаго опыта авторъ пришелъ къ тому убѣжденію, что порванныя супружескія связи не могутъ быть возстановляемы судебнымъ приговоромъ. Въ отношеніяхъ супруговъ бываетъ такъ много поводовъ къ замиренію, къ забвенію случайныхъ обидъ, взаимныхъ недоразумѣній, что если вся *эта* масса общихъ интересовъ не устранила разрыва, его не въ силахъ устранить оффиціальный органъ, который, самое большее, можетъ лишь закрѣпить вражду „казенной печатью“. Отсюда надо считать прямо несогласнымъ съ духомъ нашего закона насильственное водвореніе жены къ мужу по его требованію. Духу закона въ такомъ случаѣ будетъ гораздо больше соотвѣтствовать отказъ въ подобномъ требованіи мужа. Въ послѣднемъ случаѣ будетъ меньше зла чѣмъ въ первомъ.

Вопросъ о раздѣльномъ жительствѣ мужа и жены всегда связывается съ вопросомъ о средствахъ къ существованію отдѣльно живущей жены. Этотъ вопросъ весьма важенъ, такъ какъ женщина въ наше время, благодаря общественнымъ условіямъ, рѣдко имѣетъ самостоятельныя средства къ существованію. Поэтому, нужда, которую ей сулилъ бы въ перспективѣ разрывъ съ мужемъ, нерѣдко заставляла бы ее жертвовать своими чувствами и симпатіями; нерѣдко ей пришлось бы оставаться подъ кровомъ ненавистнаго человѣка лишь для того, чтобы избѣжать голодной смерти или еще худшаго существованія. Такой порядокъ далеко не согласенъ съ высокой идеей

семьи. Женѣ должны быть обезпечены средства изъ имущества мужа, на самыхъ широкихъ началахъ, именно: 1) тогда, когда жена живетъ отдѣльно, по винѣ мужа; 2) тогда, когда она живетъ отдѣльно по взаимному соглашенію съ мужемъ; 3) даже тогда, когда она живетъ отдѣльно безъ вины мужа и безъ согласія, если обстоятельства случая требуютъ этого. Напр., жена душевно-больная. Мужъ держитъ ее дома. Родственники ея находятъ болѣе удобнымъ помѣстить ее въ лѣчебницу. Мужъ тогда обязанъ давать ей содержаніе. 5) Наконецъ, тогда, когда жена живетъ отдѣльно противъ воли мужа, если обстоятельства требуютъ этого. Напр., отдѣльное существованіе вызывается заботою о дѣтяхъ. Обязанность содержанія не должна имѣть мѣста лишь тамъ, гдѣ жена виновна въ раздѣльность существованія.

Досихъ поръ рѣчь шла объ отношеніяхъ супруговъ. Но разрывъ семейный поднимаетъ еще болѣе важный вопросъ объ участи дѣтей. Когда отношенія супруговъ обострились до разрыва, ихъ нечего возстановлять силой: дѣти немного хорошаго извлекутъ изъ этого. А потому приходится думать лишь о томъ, кто изъ раздѣльно живущихъ супруговъ имѣетъ право требовать себѣ дѣтей. При рѣшеніи этого вопроса по вѣрному замѣчанію автора, надо смотрѣть лишь на то, *кто лучше способенъ позаботиться о дѣтяхъ*: ибо весь вопросъ о дѣтяхъ сводится къ вопросу *объ ихъ благополучіи*, а вовсе не о взаимныхъ счетахъ разошедшихся супруговъ, къ чему онъ нерѣдко сводится въ жизни. А разъ такъ, то не можетъ быть и рѣчи о какой-либо презумпціи въ пользу отца, какъ домовладыки. Опытъ указываетъ и другія руководящія начала: напр., возрастъ ребенка. Маленькому больше нужны ласки и уходъ матери; взрослому больше требуется воспитаніе, которое скорѣе способенъ дать отецъ. Иногда самое нахожденіе дѣтей у того или иного родителя помогаетъ разрѣшить споръ въ его пользу. Нельзя не смотрѣть на выборъ и самого ребенка. Дѣти бываютъ такъ чутки въ своихъ симпатіяхъ, что нерѣдко ихъ выборъ оказывается самымъ удачнымъ. Нельзя руководствоваться и виновностью въ разрывѣ одного супруга и невиновностью другаго, ибо нерѣдко дурной супругъ бываетъ прекраснымъ родителемъ.

Далѣе, авторъ даетъ процессуальную картину дѣлъ брачныхъ и о законности рожденія; останавливается на узаконеніи дѣтей, сочувствуетъ закону 12 марта 1891 года, даетъ ему широкое толкованіе и указываетъ его слабыя стороны, напр., недопущеніе узаконенія дѣтей, рожденныхъ отъ прелюбодѣянія; говоритъ объ усыновленіи и заканчиваетъ опекой. По вопросу объ опекѣ онъ снова высказываетъ своеобразные взгляды. Онъ не сочувствуетъ новому опекунскому проекту, по которому опека, чуждая сословнаго характера, всецѣло отходитъ

къ вѣдомству суда, а особенно земскихъ начальниковъ, которые самую область суда вѣдаютъ лишь потому, что онъ неправильно пріуроченъ къ ихъ компетенціи. Автору гораздо симпатичнѣе даже современное устройство опеки съ ея сословнымъ характеромъ. Но еще лучше было бы для такого важнаго дѣла, съ такими интимными, семейными, а вовсе не строго-оффиціальными задачами, какъ опека, учредить особую систему органовъ. Тутъ же онъ предлагаетъ и проектъ этой системы,—настолько общій, что о немъ трудно сказать что либо положительное.

Г. Ф. Шершеневичъ. Наука гражданскаго права въ Россіи.

Авторъ задался интересной цѣлью прослѣдить развитіе науки гражданскаго права на нашей родинѣ.

Развитіе или, что тоже, исторія науки гражданскаго права, по мнѣнію автора, не отличалось у насъ особой сложностью. Вліяніе Запада, которое со времени Петра Великаго сказывалось на всѣхъ сторонахъ русской жизни, въ области науки гражданскаго права было особенно сильнымъ. Смѣна направленій въ Германіи влекла за собою смѣну тѣхъ же направленій въ Россіи. Русскіе ученые ловили каждую новую мысль своихъ западныхъ товарищей и учителей и повторяли на родинѣ то самое ученіе, съ которымъ знакомились за границей. Это вліяніе Запада является важнѣйшимъ факторомъ въ развитіи русской науки: оно всецѣло сказывается въ направленіяхъ и методахъ, а нерѣдко оно сказывается и въ самомъ матеріалѣ, надъ которымъ работаютъ русскіе ученые. Вліяніе заграницы является постояннымъ условіемъ развитія русской науки. Время отъ времени къ нему присоединялись домашнія условія, которыя, комбинируясь съ первымъ, и создавали характерныя для нашей исторіи науки направленія.

Такъ изданіе Свода Законовъ и Полнаго Собранія Законовъ дало богатый матеріалъ русскимъ цивилистамъ и обратило ихъ вниманіе на изученіе исторіи національнаго гражданскаго права. Изданіе, къ тому же, какъ разъ совпало съ господствомъ на Западѣ исторической школы, смѣнившей философское направленіе естественнаго права. Такъ что русскіе ученые, стремясь удовлетворить роднымъ потребностямъ, находили сочувствіе и поддержку и со стороны своихъ иностранныхъ руководителей. Наконецъ, русское правительство, разочарованное въ идеяхъ естественнаго права, господствовавшихъ до тѣхъ поръ и въ русской наукѣ и въ университетскомъ преподаваніи, сочувственно отнеслось къ новому направленію. Правительство пытается утвердить юриспруденцію на почвѣ положительнаго права и превратить юридическій факультетъ русскихъ университетовъ въ орудіе истолкованія и

проведенія въ жизнь содержанія только что обнародованнаго Свода Законовъ. Это было весьма важно, такъ какъ въ Россіи наука связана съ университетской каѳедрой. Въ результатѣ этихъ условій, на мѣсто философскаго направленія, господствовавшаго до 30-хъ годовъ, явилось историческое, выразившееся въ рядѣ историческихъ изслѣдованій различныхъ вопросовъ русскаго гражданскаго права. Догмѣ не повезло; она излагалась всецѣло по Своду Законовъ.

Введеніе Судебныхъ Уставовъ 1864 г. является другимъ важнымъ моментомъ въ исторіи русской науки. Съ этого момента начинается сближеніе практики съ теоріей. Уставы отвели широкое мѣсто толкованію судомъ дѣйствующаго права. Самый судъ наполняется теперь образованными юристами. Возникаетъ спросъ на теоретическое освѣщеніе догмы права. Теорія отъ историческаго направленія переходитъ къ догматическому. Въ тоже время сознаніе недостатковъ X тома внушаетъ мысль о новомъ законодательномъ актѣ по гражданскому праву. А это въ свою очередь побуждаетъ ученыхъ къ занятію догматическими изслѣдованіями. Въ результатѣ получается рядъ историко-догматическихъ изслѣдованій по отдѣльнымъ вопросамъ, въ которыхъ исторія занимаетъ вмѣсто прежняго, самостоятельнаго положенія чисто служебное. Рядомъ съ монографической литературой за это время появляется и нѣсколько солидныхъ курсовъ русскаго гражданскаго права. Авторъ относится къ этому направленію съ полнымъ сочувствіемъ.

Онъ далеко предпочитаетъ его новѣйшему, явившемуся на смѣну, съ которымъ гражданское право обращается опять въ доктрину, отрѣшенную отъ всякой связи съ дѣйствующимъ правомъ и возводится въ чистую науку, изслѣдующую законы развитія явленій частно-правовой сферы. Это направленіе возникло подъ вліяніемъ ученія Іеринга и постепенно распространяющихся въ обществѣ идей соціологіи. Право считается теперь одной изъ сторонъ соціальной жизни. Въ немъ подчеркивается общественная сторона, общественный интересъ.

Предпославъ каждому періоду одну изъ приведенныхъ характеристикъ, г. Шершеневичъ беретъ затѣмъ всѣ существующія сочиненія по русскому гражд. праву, начиная съ вышедшихъ въ прошломъ столѣтіи, и пріурочиваетъ ихъ къ отмѣченнымъ періодамъ, по чисто хронологической мѣркѣ. Внутри періодовъ онъ довольно произвольно тасуетъ ихъ по господствующей системѣ догмы гражд. права. Добившись такимъ образомъ кое-какого внѣшняго порядка, онъ излагаетъ отдѣльно сущность каждаго ученія и подвергаетъ его критикѣ.

Сочиненіе написано прекраснымъ языкомъ, какъ всѣ работы, выходящія изъ подъ пера г. Шершеневича. Оно читается съ интересомъ, благодаря тому, что излагаетъ въ сжатой формѣ массу ученій

по разнымъ вопросамъ права, появлявшихся въ разное время на нашей родинѣ. Оно можетъ служить своеобразнымъ указателемъ русской литературы по гражданскому праву. Жаль только, что авторъ по своему обыкновенію не даетъ оглавленія. Этого недостатка не возмѣщаетъ и алфавитный указатель именъ, приведенный въ концѣ книги.

При всемъ томъ сочиненіе не лишено значительныхъ недостатковъ. Характеристики отдѣльныхъ періодовъ страдаютъ поверхностнымъ характеромъ, въ значительной степени апріорны и неудовлетворительны. Объявленное въ началѣ вліяніе Запада нигдѣ почти при дальнѣйшемъ изложеніи не раскрывается; напротивъ, цѣлыя направленія оказываются самостоятельно-русскими, независимыми отъ теченія мысли на Западѣ. Самыя эти теченія остаются читателю неизвѣстными. Отдѣльныя проявленія того или иного направленія, выразившіяся въ различныхъ трудахъ, остаются безъ внутренней связи между собою, такъ какъ нельзя считать связью внѣшнее расположеніе въ одной главѣ. Критика отдѣльныхъ сочиненій элементарная. Наконецъ, заключеніе, которое содержитъ философію представленной исторіи, самое неожиданное. Изъ всей исторіи науки г. Шершеневичъ выводитъ старую мораль, что суду надо руководиться результатами научныхъ изысканій, а наукѣ—данными изъ судебной практики. Повидимому, онъ хотѣлъ выразить еще ту мысль, что теорія гражданскаго права должна заниматься не раскрытіемъ законовъ въ области гражданско-правовой жизни, а историко-догматическимъ изученіемъ отдѣльныхъ вопросовъ дѣйствующаго права, т.-е. теорія должна служить потребностямъ дѣйствительной жизни и только. Но подобная мысль, выраженная въ такой общей и безусловной формѣ, имѣетъ столь-же мало задатковъ остроумія, сколько первая—новизны и оригинальности.

А. Гордонъ. Представительство безъ полномочія.

Представительство безъ полномочія, или, что почти тоже—negotiorum gestio представляетъ собою весьма интересный институтъ гражданскаго права. Созданный римлянами, онъ перешелъ и въ право европейскихъ народовъ и образовалъ интересный предметъ какъ для теоретическихъ изслѣдованій, благодаря подчеркнутой въ немъ идеѣ соціальнаго значенія институтовъ гражданскаго права, такъ и для практики. На Западѣ о немъ существуетъ литература; въ частности, французскіе ученые посвятили ему рядъ остроумныхъ изслѣдованій. На Западѣ negotiorum gestio является и дѣйствующимъ правомъ.

Объясненіе того, почему представительство безъ полномочія пользуется такими симпатіями юристовъ и самой жизни, когда рядомъ имѣется другой, болѣе энергичный и болѣе обработанный институтъ

представительства по довѣренности, по полномочію, заключается не только въ томъ, что во многихъ случаяхъ полномочіе отсутствуетъ, а между тѣмъ интересы лица нуждаются въ представителѣ и таковой вступаетъ въ дѣла, но и въ томъ, что negotiorum gestio чуждъ того формализма, которымъ еще проникнуто право культурныхъ народовъ. Жизнь, особенно современная, съ ея кипучимъ, захватывающимъ характеромъ, не всегда подчиняется тяжелымъ условіямъ строго правовыхъ институтовъ. Negotiorum gestio служитъ тогда суррогатомъ для института представительства. Negotiorum gestio мы имѣемъ не только тамъ, гдѣ не было почему-либо отношеній довѣренности, но и тамъ, гдѣ довѣренность была, но гдѣ она не выполнена въ интересахъ довѣрителя. Представитель, выступающій изъ предѣловъ довѣренности третируется какъ negotiorum gestor. А подобныхъ случаевъ встрѣчается въ жизни ничуть не менѣе, если еще не болѣе, чѣмъ случаевъ первой категоріи.

Это-то обстоятельство и дѣлаетъ negotiorum gestio особенно интереснымъ для насъ русскихъ. Наше гражданское, а отчасти и торговое право отличается особымъ формализмомъ, чувствительно отзывающимся на интересахъ гражданъ. Negotiorum gestio, покоющійся на справедливости, на обстоятельствахъ случая, какъ нельзя болѣе способенъ былъ бы помочь этому горю. Но именно у насъ этотъ институтъ не признанъ закономъ и невѣрно понимается судебной практикой, не говоря уже о томъ, что русская наука гражданскаго права имѣетъ очень немного трудовъ, посвященныхъ этому важному вопросу.

Трудъ г. Гордона является поэтому весьма интереснымъ. Авторъ уже извѣстенъ русскимъ юристамъ своими работами по вопросу о представительствѣ. Знакомый съ литературой римскаго и западно европейскаго права по настоящему вопросу, съ законодательствами и судебной практикой, онъ не довольствуется, однако, чисто-теоретическими цѣлями. Ему дороги интересы самой жизни. Онъ знаетъ случаи изъ практики русскаго суда, гдѣ вопросъ о negotiorum gestio затрогивается слишкомъ серьезно. Самый поводъ къ написанію настоящаго труда автору даютъ отдѣльные казусы. въ родѣ дѣла Шевелева съ Протасьевыми, кн. Долгорукой съ Гризодубомъ и т. д. Скажу больше. Г. Гордонъ ничего новаго не вноситъ и не желаетъ вносить въ теорію negotiorum gestio. Цѣль его труда не въ построеніи теоріи, а въ томъ, чтобы добытыя римлянами и развитыя западной наукой начала negotiorum gestio положить въ основу русской судебной практики. Осуждая ошибки Сената по дѣламъ о negotiorum gestio, авторъ указываетъ ему вѣрный путь, открытый наукой и дѣйствующій уже въ заграничныхъ законодательствахъ. Съ этой именно цѣлью

ніе на первыхъ же страницахъ устанавливаетъ принципъ, что negotiorum gestio, какъ понятіе раціональное и жизненное, можетъ быть примѣняемъ на практикѣ помимо постановленія закона. Въ разборѣ взгляда Сената на neg. gestio, замѣняющаго у насъ дѣйствующее право, и лежитъ главная задача и вся суть предлагаемаго труда.

Въ чемъ же, по мнѣнію г. Гордона, грѣшитъ Сенатъ передъ требованіями науки? Наука подъ negotiorum gestio разумѣетъ такое непризванное вмѣшательство одного лица въ дѣла другого, которое вызвано *необходимостью* и направлено *на пользу*, къ интересу послѣдняго. Полезность и необходимость для хозяина дѣйствій фактическаго представителя, или гестора составляютъ существенныя условія для возникновенія отвѣтственности хозяина изъ дѣйствій гестора какъ передъ послѣднимъ—по вознагражденію его за всѣ издержки, такъ и передъ третьими лицами. Полезность дѣйствій гестора обсуживается тутъ съ точки зрѣнія момента совершенія дѣйствія. Если бы въ концѣ концовъ хозяинъ не получилъ никакой прибыли отъ дѣйствій гестора, напр., потому, что имущество было потомъ истреблено какимъ-нибудь несчастнымъ случаемъ и т. п.,—гесторъ все равно долженъ быть вознагражденъ хозяиномъ, такъ какъ дѣйствія его были полезны: самъ хозяинъ, будучи на мѣстѣ гестора, предпринялъ-бы то же самое.

Этими свойствами полезности и необходимости дѣйствій neg. gestio отличается отъ весьма близкаго къ нему случая, носящаго названіе actio de in rem verso и состоящаго въ томъ, что непризванное вмѣшательство одного лица въ дѣла другаго не имѣетъ условій для признанія дѣйствій необходимыми и полезными, напр., въ силу ихъ крайней неосторожности, необдуманности, риска, недобросовѣстности, противорѣчія съ волей хозяина и т. п. Тутъ фактическій представитель уже не можетъ требовать возмѣщенія своихъ издержекъ, несмотря на результаты, къ которымъ дѣйствія привели, а можетъ требовать лишь вознагражденія *въ размѣрѣ того дѣйствительнаго имущественнаго приращенія, которое имѣется у хозяина на лицо въ моментъ возникновенія самаго требованія представителя*. Это требованіе извѣстно въ литературѣ подъ названіемъ иска о вознагражденіи въ размѣрѣ наличнаго имущественнаго приращенія хозяина и покоится на томъ началѣ справедливости, по которому никто не можетъ безъ законнаго основанія обогащаться на чужой счетъ. Если тутъ обогащенія на лицо нѣтъ, хотя бы причиной тому была та же гибель имущества отъ непреодолимой силы,—все равно фактическій представитель не имѣетъ никакого требованія къ хозяину, такъ какъ у послѣдняго нѣтъ никакого имущественнаго приращенія.

Сенатъ въ рѣшеніяхъ объ отвѣтственности хозяина за дѣйствія фактическаго представителя допускаетъ непростительное смѣшеніе

этихъ двухъ случаевъ. Сенатъ не различаетъ права фактическаго представителя, или гестора, на возмѣщеніе понесенныхъ имъ *затратъ* отъ права его на вознагражденіе въ размѣрѣ дѣйствительнаго имущественнаго приращенія хозяина; онъ не различаетъ понятія о *полезности* затратъ фактическаго представителя отъ понятія о *прибыли*, происходящей для хозяина отъ этихъ затратъ. Сенатъ признаетъ хозяина отвѣтственнымъ передъ neg. gestor'омъ не по вознагражденію его за дѣйствія, а лишь въ предѣлахъ обогащенія хозяина. Но такъ какъ послѣдній видъ отвѣтственности покоится на общемъ принципѣ права, что нельзя обогащаться на счетъ другихъ, то Сенатъ ту же самую отвѣтственность вынужденъ признать и въ случаѣ actio de in rem verso. Получается то, что и альтруистъ гесторъ, добросовѣстно вступившій и истратившійся на пользу хозяина въ критическій моментъ для его предпріятія и недобросовѣстно ввязавшійся въ дѣла другаго, можетъ быть противъ воли хозяина, — занимаютъ тождественное юридическое положеніе. Вотъ главная ошибка Сената.

Авторъ, затѣмъ, обстоятельно касается и многихъ другихъ сторонъ negotiorum gestio, излагая его теорію, знакомя съ положительнымъ законодательствомъ о немъ и, наконецъ, съ нашей судебной практикой. Отдѣльные казусы изъ судебной практики во многомъ помогаютъ ему при установленіи правильнаго взгляда на вопросъ.

В. П. Мордухай-Болтовской. Межевые законы.

Авторъ на дѣлѣ испыталъ всѣ тѣ затрудненія, которыя встрѣчаются при разрѣшеніи судомъ межевыхъ споровъ и происходятъ прежде всего отъ несовершенства нашихъ межевыхъ законовъ.

Эти законы, которымъ главнымъ образомъ отведена 3 ч. X т., расположены тамъ безъ всякой системы; съ одной стороны, они не вмѣщаются даже въ этой книгѣ и разбрасываются по другимъ книгамъ Свода Законовъ; а съ другой — и въ 3 ч. X т. они перемѣшиваются со совершенно посторонними правилами административнаго, а иногда даже полицейскаго характера: о жалованьѣ землемѣрамъ, о межевомъ институтѣ, объ охраненіи дорогъ владѣльцами... Всѣ эти разношерстныя положенія попали въ Сводъ въ разное время, нерѣдко совершенно случайно, послѣ того какъ готовились служить лишь временными мѣрами, вызванными спеціальнымъ случаемъ,—а потому ничѣмъ внутренно не связаны съ другими подобными положеніями.

Понять всю эту путаницу, отдѣлить нужное отъ ненужнаго, уловить ratio juris возможно только тогда, когда знаешь происхожденіе каждаго правила, т.-е. когда знаешь исторію межевого дѣла. Но именно наши юристы практики меньше всего знакомы съ исторіей межеванія въ Россіи. Практикамъ поэтому, нѣтъ никакой возмож-

ности выйти изъ лабиринта, рисующагося имъ въ видѣ нашего межевого кодекса.

Г. Мордухай-Болтовской ставитъ себѣ задачу: указать своимъ товарищамъ подобный выходъ. Съ этой цѣлью онъ даетъ довольно подробную исторію межевого дѣла въ Россіи и въ заключеніе излагаетъ дѣйствующее право, освѣщая его на каждомъ шагу историческими свѣдѣніями. Матеріаломъ служатъ ему до нѣкоторой степени существующія сочиненія, кое-что содержащія по вопросу о межевомъ правѣ, напр., курсъ гражд. права Побѣдоносцева, Стоцкаго; главнымъ же образомъ онъ пользуется сырымъ матеріаломъ въ видѣ трудовъ коммиссій, давно учреждавшихся правительствомъ для составленія новаго межевого устава и издавшихъ пять томовъ матеріаловъ для преобразованія межевой части въ Россіи и объяснительную записку къ проекту межеваго устава. Въ этихъ актахъ, недоступныхъ пользованію юристовъ и случайно пріобрѣтенныхъ самимъ авторомъ, послѣдній нашелъ богатѣйшій матеріалъ для изученія исторіи межеваго дѣла въ Россіи и уясненія разума дѣйствующаго межевого права. Наконецъ, важнымъ источникомъ свѣдѣній служитъ автору нигдѣ не указанный имъ, но на каждомъ шагу обнаруживающійся собственный практическій опытъ. Этотъ опытъ опредѣлилъ самую систему труда: живую, чуждую теоретической стройности. Изложеніе начинается исторіей межеванія въ Россіи, включительно до настоящаго времени; затѣмъ идетъ объясненіе нынѣ существующаго порядка судебно-межевого разбирательства; излагаются судебныя доказательства по межевымъ дѣламъ; разбирается частный вопросъ, имѣющій большую важность для насъ русскихъ,—о порядкѣ отграниченія и обмѣна крестьянскихъ надѣловъ; указывается, наконецъ, процессъ возобновленія межевыхъ знаковъ.

Исторія межеванія приводитъ автора къ убѣжденію, что послѣ многообѣщавшаго, но безвременно погибшаго Помѣстнаго приказа съ его писцовыми книгами, заключавшаго въ своей дѣятельности черты учрежденій: межеваго, ипотечнаго и кадастроваго, и послѣ наступившихъ затѣмъ колебаній въ межевой политикѣ съ мѣрами, никакого успѣха не обѣщавшими, истинно безсмертнымъ въ исторіи межеваго дѣла актомъ является геніальный манифестъ 19 сент. 1765 г. Императрицы Екатерины II о генеральномъ межеваніи. Ясно, почему. До Екатерины II межеваніе было связано съ провѣркой правъ владѣльцевъ на землю. Межеваніе, конечно, имѣетъ послѣдней своей цѣлью упроченіе границъ права въ пространствѣ. Но не всегда возможно достигнуть этого однимъ пріемомъ. До Екатерины II хотѣли именно этого невозможнаго. Получилось то, что всякій, не имѣющій въ рукахъ доказательствъ своего права на землю, боялся, что онъ будетъ

лишенъ владѣемой земли. У многихъ къ тому же были во владѣніи „примѣрныя земли", на которыя не было никакихъ крѣпостныхъ актовъ, но которыя владѣльцы привыкли считать своими. Многіе, наконецъ, спорили о правахъ и границахъ. Межеваніе всѣмъ имъ представлялось великимъ бѣдствіемъ. Всѣмъ оно грозило болѣе или менѣе ощутительнымъ зломъ. И всѣ были противъ него. Особенно же тормозили его безконечные споры сосѣдей о границахъ, которые при межеваніи особенно обострялись. При такихъ условіяхъ межеваніе не могло идти сколько-нибудь успѣшно.—Екатерина по существу измѣняетъ межевую политику. Она отдѣляетъ проведеніе границы отъ вотчиннаго права на межуемый участокъ. Она не требуетъ отъ владѣльцевъ доказательствъ права ихъ на землю; она требуетъ лишь того, чтобы владѣльцы не распространяли своихъ владѣній за границы, въ которыхъ ихъ засталъ манифестъ. Эти только границы фактическаго отношенія лицъ къ землѣ она и проводитъ при генеральномъ межеваніи. Для большей рѣзкости принципа она межуетъ дачи не къ лицамъ, а къ селеніямъ или названіямъ. Этими мѣрами Екатерина устраняла всю ту массу препятствій, которыя стояли до нея на пути межеванія. Оставались споры владѣльцевъ изъ-за межъ. Екатерина обѣщаетъ въ награду тѣмъ, кто не будетъ спорить, всѣ примѣрныя земли, угрожая, въ противномъ случаѣ, лишеніемъ ихъ и штрафомъ. Но гдѣ споръ все-таки былъ, тамъ межевой чиновникъ констатировалъ фактъ спора особыми знаками и шелъ далѣе. Въ результатѣ Екатерининскихъ мѣръ получилось успѣшное измѣреніе огромной площади земли, составляющей большую долю государственной территоріи, и установленіе твердой территоріальной единицы—дачи, какъ объекта частныхъ правъ, а отсюда—громадное сокращеніе тяжбъ о границахъ. Когда проведена генеральная межа, проведена не случайно, а такъ, какъ сама жизнь ее опредѣлила, тогда по всей этой линіи уже не можетъ быть споровъ о границахъ владѣній.

Но внутри обмежеванныхъ единицъ могъ быть споръ какъ о цѣлой единицѣ-дачѣ, такъ и о частяхъ, какъ о границѣ, такъ и о природѣ права. Эти споры должно было разрѣшить спеціальное межеваніе. Послѣднее по существу отлично отъ генеральнаго: не даромъ межи спеціальнаго межеванія могутъ быть измѣняемы, передвигаемы, могутъ быть уничтожены давностью, тогда какъ межи генеральнаго межеванія, какъ учрежденіе, публичное, вѣчны и нерушимы. Генеральное межеваніе предпринимается съ поспѣшностью, въ крайней необходимости, ограничивается самымъ нужнымъ; многое вынуждено оставить въ сторонѣ. Спеціальное межеваніе наступаетъ тогда, когда порядокъ болѣе или менѣе водворенъ. Оно представляетъ уже слѣдую-

щую ступень. Съ нимъ нечего торопиться; а потому съ нимъ можно связать дальнѣйшія и конечныя цѣли межеванія, именно указаніе границъ вотчинному праву лица. Этимъ-то оно и ставится въ связь и зависимость отъ частнаго права лица, раздѣляетъ судьбу этого права и перестаетъ быть публичнымъ институтомъ. Екатерина понимала значеніе спеціальнаго межеванія и, торопясь исполнить первый шагъ, генеральное межеваніе, она разрѣшила спеціальное лишь тамъ, гдѣ это не будетъ связано ни съ какими задержками, т.-е. гдѣ стороны придутъ къ размежеванію добровольно. Задачу спеціальнаго межеванія она оставляла на разрѣшеніе своимъ преемникамъ. И дѣйствительно, вся первая и начало второй половины XIX в. полны самыхъ разнообразныхъ мѣръ правительства, то поощрительныхъ, то понудительныхъ, направленныхъ къ осуществленію спеціальнаго межеванія.

Остатки всѣхъ этихъ различныхъ теченій въ межевой политикѣ, начиная еще съ писцовыхъ книгъ, переходя затѣмъ къ генеральному и спеціальному обязательному межеванію и оканчивая современнымъ положеніемъ дѣла, когда межеваніе, по крайней мѣрѣ спеціальное, снова предоставлено волѣ самихъ владѣльцевъ, и образуютъ дѣйствующее межевое право.

Изложивъ исторію межевого дѣла и опираясь на ея данныя, авторъ переходитъ къ весьма удачному объясненію цѣлаго ряда вопросовъ и недоразумѣній, которые вызываетъ дѣйствующее право. Такъ, онъ опредѣляетъ понятіе „межевого дѣла“; указываетъ случаи, гдѣ имѣетъ мѣсто „судебное-межевое разбирательство“; называетъ компетентные органы для разбирательства судебно-межевыхъ дѣлъ по спеціальному межеванію и по генеральному; объясняетъ, кто имѣетъ право признать дѣло *подлежащимъ* судебно-межевому разбирательству; предлагаетъ вѣрнѣйшій и удобнѣйшій порядокъ судебно-межевого разбирательства и т. д.

Разрѣшивъ рядъ этихъ общихъ вопросовъ въ видѣ объясненія къ статьямъ закона, тутъ же приведеннымъ, авторъ переходитъ къ частному вопросу о доказательствахъ. Общей, единой системы доказательствъ по межевымъ дѣламъ у насъ нѣтъ и не можетъ быть. До сихъ поръ у насъ существуютъ мѣстности, гдѣ не было произведено ни генеральнаго, ни спеціальнаго межеванія, и гдѣ межеваніе происходило въ отдѣльныхъ случаяхъ еще до 1765 г. Въ другой категоріи мѣстностей совершено генеральное межеваніе, но не было спеціальнаго. Въ третьей—было и спеціальное. Послѣднее опять совершалось по различной системѣ. Въ каждомъ случаѣ система доказательствъ, обусловленная свойствами самаго межеванія, должна быть особенной. Приходится излагать всѣ возможныя системы,—что авторъ и дѣлаетъ.

Еще болѣе частный вопросъ о значеніи и силѣ межевыхъ актовъ,

какъ доказательства о границахъ, а иногда и вотчинномъ правѣ, разрѣшается такъ же не одинаково въ зависимости отъ того, какому времени принадлежитъ актъ. Преимущественно межеваніе производилось для того, чтобы положить предѣлы всякимъ спорамъ о границахъ. Акты такого межеванія, конечно, безусловно доказываютъ границы участка. Далѣе, было время, когда межеваніе связывалось съ повѣркой вотчинныхъ правъ; теперь даже оно нерѣдко бываетъ результатомъ спора о вотчинномъ правѣ. Въ такомъ случаѣ акты имѣютъ доказательную силу даже въ спорахъ о вотчинныхъ правахъ. Но было время, когда этой связи межеванія съ правомъ не было; а потому и межевые акты того времени не служатъ доказательствомъ вотчиннаго права и т. д. Общаго правила формулировать тутъ нельзя. Все надо предоставить судебной практикѣ.

И. Е. Германъ. Исторія межеваго законодательства.

Трудъ г. Германа имѣетъ задачей пополнить существующій въ русской юридической литературѣ пробѣлъ представленіемъ картины межевого дѣла за время отъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича и до Манифеста Екатерины II о генеральномъ межеваніи 1765 г. Впрочемъ, авторъ не ограничивается этимъ. Онъ даетъ краткій очеркъ и предшествующему ходу межевого дѣла, отъ самыхъ незапамятныхъ временъ. Если же онъ останавливается особенно подробно на періодѣ отъ Уложенія до Екатерины II, то потому, что этотъ періодъ въ исторіи межевого права онъ считаетъ особенно интереснымъ. Въ самомъ дѣлѣ. Этотъ періодъ представляетъ собою время той кипучей и обильной послѣдствіями дѣятельности по межевому законодательству царей Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича, которая подготовила появленіе знаменитаго писцоваго наказа 1684 г. и время послѣднихъ въ Россіи писцовыхъ валовыхъ межеваній восьмидесятыхъ годовъ XVII столѣтія. Далѣе, этотъ періодъ былъ временемъ зарожденія новыхъ началъ въ межеваніи подъ вліяніемъ общихъ реформъ Петра I. Въ немъ произошло постепенное ихъ развитіе, постепенное усвоеніе ихъ жизнью и измѣненіе подъ дѣйствіемъ ихъ прежняго строя межевого дѣла. Тутъ обнаружились и тормазы на пути ихъ развитія. Наконецъ, въ этомъ періодѣ было безповоротно подготовлено появленіе Екатерининскихъ законовъ о генеральномъ межеваніи, давшихъ основу всему нынѣшнему строю межевого дѣла.

Изложеніе фактическое, съ массой перепечатанныхъ въ подлинникѣ документовъ, — съ подробнымъ указаніемъ чисто технической стороны дѣла,—что подчасъ утомляетъ при чтеніи книги, но что находитъ себѣ оправданіе въ новизнѣ дѣла, а особенно въ назначеніи книги—служить главнымъ образомъ нуждамъ преподавателей и все-

питанниковъ межевыхъ учебныхъ заведеній. Но книга имѣетъ интересъ и для юриста, насколько послѣднему важно знакомство съ межевымъ дѣломъ. Во всякомъ случаѣ, трудъ г. Германа вмѣстѣ съ другимъ, одновременно вышедшимъ и служащимъ какъ бы продолженіемъ его, трудомъ Мордухай-Болтовскаго, служатъ цѣннымъ вкладомъ въ русскую литературу, такъ или иначе, но пополнившимъ, наконецъ, пробѣлъ, существовавшій до сихъ поръ по вопросу объ исторіи и дѣйствующемъ правѣ по межевому дѣлу.

А. Ф. Федоровъ. О промысловомъ ученичествѣ вообще и о договорахъ пром. учен. въ особенности.

Этотъ трудъ не принадлежитъ цѣликомъ къ области гражданскаго права. Авторъ начинаетъ его исторіей института промысловаго ученичества, изслѣдуя послѣднее съ различныхъ сторонъ: экономической, полицейской, наконецъ частно-правовой; указываетъ на недостатки современнаго промысловаго ученичества и на разнообразныя средства къ ихъ устраненію; наконецъ, изъ всѣхъ мѣръ, служащихъ дѣлу нормальнаго положенія промысловаго ученичества, онъ выдѣляетъ гражданско-правовое положеніе и говоритъ о договорѣ промысловаго ученичества, который для большей точности слѣдовало бы отнести скорѣе къ торговому праву, чѣмъ къ обще-гражданскому.

Этотъ договоръ, кромѣ обще-гражданскихъ чертъ всякаго договора, носитъ не мало спеціальныхъ особенностей. Подъ договоромъ объ обученіи въ настоящее время слѣдуетъ разумѣть не договоръ о простомъ наймѣ труда ученика, а такой договоръ, въ силу котораго патронъ обязывается обучать ученика техникѣ своей профессіи, а ученикъ принимаетъ на себя обязательство работать на патрона—на условіяхъ и въ теченіе времени, опредѣленныхъ договаривающимися сторонами въ законномъ установленныхъ предѣлахъ Этотъ двусторонній договоръ имѣетъ соприкосновеніе собственно съ нѣсколькими договорами: и съ личнымъ наймомъ, и съ куплей-продажей, и съ мѣной. Взаимныя отношенія договаривающихся сторонъ выливаются въ форму не только личныхъ правъ и обязанностей, но и имущественныхъ. Авторъ, однако, ограничиваетъ ученіе о немъ лишь промысловымъ обученіемъ, исключая такимъ образомъ, научное и художественное.

Существомъ договора объ обученіи объясняются его особенности.

Субъектами договора могутъ быть съ одной стороны только промышленникъ, съ другой—ученикъ, его родители, опекуны, наконецъ, благотворительныя учрежденія, въ которыхъ онъ воспитывался.

Форма заключенія договора, въ виду сложности и деликатности его, должна быть письменной, лучше въ формѣ особыхъ „ученическихъ книжекъ“, надѣлавшихъ такъ много шуму въ литературѣ вопроса.

Срокъ можетъ быть оставленъ общій для личнаго найма, т.-е. maximum 5 лѣтъ.

Правоотношенія по договору предоставляется опредѣлить самимъ сторонамъ. Но въ виду государственной важности института и его чрезмѣрной сложности законъ долженъ съ своей стороны поставить границы частному произволу. Патронъ долженъ нести кромѣ общихъ обязанностей, налагаемыхъ договоромъ по гражданскому праву, еще спеціальныя, вытекающія: 1) изъ функціи обученія и 2) изъ функціи воспитанія. 1) Патронъ обучаетъ ученика своему промыслу, притомъ, не только практически, но и теоретически; это обученіе лежитъ на немъ самомъ; оно можетъ быть передано другому, но подъ личной отвѣтственностью патрона. 2) Патронъ вмѣстѣ съ тѣмъ воспитываетъ ученика, какъ со стороны физической, такъ и нравственной, заботясь не только о воспрепятствованіи развитію недостатковъ въ ученикѣ, но и о созданіи въ ученикѣ положительныхъ качествъ. Онъ отвѣчаетъ и за дѣйствія ученика, причиняющія 3-мъ лицамъ вредъ. Подобныя обязанности патрона дѣлаютъ необходимымъ дарованіе ему дисциплинарной власти надъ ученикомъ, съ извѣстнымъ просторомъ, который не долженъ, однако же, обращаться въ истязаніе учениковъ.

Ученикъ, въ свою очередь, несетъ рядъ обязанностей, имѣющихъ, впрочемъ, самый общій характеръ и направляющихся единственно на то, чтобы шло успѣшное его обученіе ремеслу: онъ обязанъ уважать патрона, слушаться его, быть прилежнымъ. Онъ или родители его, опекуны и т. д. обязаны доставить патрону плату за обученіе и содержаніе ученика. Долги, возникающіе изъ неуплаты вознагражденія патрону за обученія или вознагражденія ученика за его трудъ, должны, по мнѣнію автора, въ силу особаго ихъ значенія, признаваться привилегированными и занять мѣсто въ первомъ разрядѣ.

Прекращеніе договора объ обученіи имѣетъ опять рядъ особенностей. По общему правилу, этотъ договоръ, какъ и другіе, прекращается съ истеченіемъ срока. Но такъ какъ задача договора — обученіе, то, въ случаѣ, когда обученіе или натуральная плата за него путемъ отработка обучившагося въ пользу патрона не будутъ достигнуты въ теченіе договореннаго или законнаго срока, по особеннымъ причинамъ, въ родѣ болѣзни ученика и т. п., самимъ закономъ должно быть установлено продолженіе договора за предѣлы этого срока вплоть до достиженія означенныхъ цѣлей. И наоборотъ, договоръ можетъ быть прекращенъ до срока, въ виду уважительныхъ причинъ, какъ общихъ договору обученія съ прочими договорами, такъ и спеціальныхъ, свойственныхъ этому только договору, какъ: прекращеніе патрономъ промысла, для обученія которому былъ взятъ ученикъ; осужденіе патрона за преступленія и проступки, влекущіе лишеніе права держать уче-

никовъ; смерть жены патрона—по отношенію къ договорамъ съ ученицами; заключеніе одной изъ сторонъ подъ стражу на опредѣленный срокъ; одностороннее расторженіе въ теченіе пробнаго періода. Но помимо этихъ причинъ, безусловно расторгающихъ договоръ, есть рядъ другихъ, расторгающая сила которыхъ подлежитъ оцѣнкѣ судомъ. Такъ, для патрона могутъ служить поводомъ: a) обнаруженіе неспособности ученика къ изученію избраннаго промысла; b) дурное поведеніе ученика; c) тяжкое оскорбленіе ученикомъ патрона или членовъ его семьи; d) полученіе ученикомъ заразительной болѣзни; e) важныя нарушенія ученикомъ своихъ обязанностей. Для ученика могутъ служить поводомъ: a) обнаруженіе съ своей стороны неспособности къ изученію избраннаго промысла или вреда для здоровья отъ промысла; b) перемѣна промысла; c) вредное нравственное вліяніе патрона; d) перенесеніе промышленнаго заведенія въ другую мѣстность; e) вступленіе ученика въ бракъ; f) непредвидѣнныя обстоятельства, заставляющія ученика возвратиться домой; g) важное нарушеніе патрономъ обязанностей.

Какъ уже сказано, институтъ промысловаго ученичества имѣетъ важное общественное значеніе. Поэтому, договоръ объ ученичествѣ носитъ долю чертъ публичнаго характера. Нарушеніе его должно влечь, кромѣ частно-правовыхъ послѣдствій въ родѣ вознагражденія за убытки, еще общественно-правовыя послѣдствія въ видѣ уголовной кары. Далѣе, пока договоръ дѣйствуетъ, отношеніе сторонъ подлежитъ тщательному надзору органовъ государственной власти. Такой надзоръ долженъ быть переданъ фабричной инспекціи, которая бы дѣйствовала тутъ черезъ посредство полиціи. Наконецъ, юрисдикція по спорамъ сторонъ пока можетъ быть предоставлена Мировымъ Судьямъ или заступающимъ ихъ учрежденіямъ; но во всякомъ случаѣ въ будущемъ надо создать спеціальные органы въ видѣ Промысловыхъ судовъ.

Книга г. Федорова, богатая фактическимъ содержаніемъ, особенно указаніями на дѣйствующее иностранное и русское право по данному вопросу, производитъ впечатлѣніе основательности и внушаетъ немалый интересъ. Цѣль ея—указать назрѣвшую нужду въ преобразованіи Устава о Ремесленной Промышленности и путь, по которому долженъ идти преобразователь. Благодаря этому, разобранная книга получаетъ современное значеніе.

Карлъ Гарейсъ. Германское торговое право. Переводъ Н. И. Ржондковскаго подъ редакціей Н. О. Нерсесова.

Переводчикъ задается цѣлью—удовлетворить существующей среди русскихъ юристовъ и общества потребности ознакомиться съ торговымъ законодательствомъ сосѣдней намъ Германіи. Для этого онъ

считалъ наиболѣе удобнымъ перевести на русскій языкъ учебникъ, небольшой по объему, но содержащій всѣ части торговаго права, т.-е. въ тѣсномъ смыслѣ торговое право, вексельное право и морское право. Среди богатой нѣмецкой литературы этой цѣли, по его мнѣнію, болѣе всего могъ служить трудъ Гарейса.

Но переводчикъ совершенно основательно считалъ излишнимъ передавать на русскій языкъ все, что находилось въ учебникѣ. Для тѣхъ, кто нуждается въ русскомъ переводѣ, представляли бы только излишній балластъ многочисленныя ссылки на литературу предмета, содержавшіяся въ подлинникѣ. Онѣ были отброшены.

Такимъ образомъ получился небольшой, но полный учебникъ германскаго торговаго права. Первый вышедшій выпускъ трактуетъ о торговомъ правѣ въ тѣсномъ смыслѣ. Авторитетъ переводчика, товарища предсѣдателя Московскаго коммерческаго суда, и редактора, профессора Московскаго университета, преподавателя гражданскаго и торговаго права въ этомъ университетѣ, извѣстнаго своими изслѣдованіями въ той же области торговаго права, служатъ достаточной порукой за удачный выборъ книги и качества самаго перевода.

С. Е. Лiонъ. Договоръ страхованія по русскому праву.

Это небольшая брошюрка, въ 81 стр., написанная кандидатомъ правъ, по очень небольшому количеству источниковъ: по одному учебнику (Мейера), по двумъ-тремъ монографіямъ (Степанова, Вицына, Гордона), по законодательствамъ, особенно торговымъ: русскому, германскому, французскому, по судебной практикѣ и по уставамъ многихъ страховыхъ обществъ. Большое уваженіе авторъ питаетъ также къ двумъ афоризмамъ римскимъ: «casum sentit dominus» и «res inter alios acta aliis nec prodest nec nocet», понимая ихъ не всегда въ томъ значеніи, какое они имѣли въ римскомъ правѣ. Книжка написана обстоятельно, по стройной системѣ, яснымъ, краткимъ и точнымъ языкомъ; имѣетъ самобытное содержаніе.

Авторъ усматриваетъ сущность страховаго договора *въ переложеніи риска съ собственника вещи на третье лицо.* Рискъ—это такая несчастная случайность, въ которой никто не участвуетъ виновнымъ образомъ. Если кто-нибудь виновенъ въ погибели,—самъ-ли собственникъ или третье лицо,—тогда риска нѣтъ, и *договоръ страхованія не примѣняется.* За погибель вещи отвѣчаетъ тогда виновникъ. Конечно, онъ можетъ быть и не состоятельнымъ; но это посторонній вопросъ. Важно то, что собственнику есть къ кому обращаться за удовлетвореніемъ. Страхованіе же служитъ только необходимости собственника нести случайную гибель вещи, т. е. такую, въ которую никто не вложился виновнымъ образомъ и которую никто

въ мірѣ *не обязанъ* возмѣстить собственнику. Къ сущности страхованія относится и то, что страхователемъ можетъ быть только *собственникъ*, т. к. «casum sentit dominus»; страховать можно только физическія вещи, но никакъ не интересы. Интересы не суть наличныя вещи, это лишь надежды. Утрата ихъ не есть потеря наличнаго имущества, а есть лишеніе выгоды. Напр. кредиторъ отъ несостоятельности должника ничего не теряетъ; онъ только не пріобрѣтаетъ. сфера его съузилась не отъ несостоятельности должника, а отъ дачи въ заемъ. Кромѣ того у него есть другія средства обезпеченія: поручительство, залогъ, неустойка. Не можетъ страховать и залогодержатель. Въ самомъ дѣлѣ, что получилось-бы, если-бы домъ, застрахованный залогодержателемъ, сгорѣлъ. Залогодержатель былъ-бы отклоненъ съ своимъ требованіемъ къ страховщику, такъ какъ домъ не его. Собственникъ былъ бы тоже отклоненъ, такъ какъ не участвовалъ въ договорѣ страхованія. Но жизнь не допускаетъ строгаго проведенія юридической логики, и всѣ законодательства признаютъ дѣйствительнымъ страхованіе 1) серьезныхъ интересовъ, 2) отъ не счастій, причиненныхъ злымъ умысломъ третьихъ лицъ. Авторъ готовъ уступить какъ этимъ требованіямъ жизни, такъ и другимъ, если только будутъ приведены тому серьезныя основанія. Отчего же г. Ліонъ такъ скупъ на примѣненіе страховаго договора? Оттого, что при широкомъ примѣненіи, особенно къ интересамъ, договоръ этотъ грозитъ обратиться въ азартную игру, опасную для общественнаго благополучія, и утратить заслуженныя симпатіи законодателя. Пока предметомъ страхованія служатъ вещи, подобнаго превращенія еще нечего бояться. Но когда предметомъ будутъ признаны интересы,—опасность близка.

Н. А. Полетаевъ. Иски изъ незаконнаго обогащенія.

Небольшая брошюрка г. Полетаева, въ 55 стр., представляющая собою рефератъ, читанный въ СПБ. Юридическомъ обществѣ, задается интереснымъ вопросомъ объ искахъ изъ незаконнаго обогащенія. Обыкновенно, иски изъ незаконнаго обогащенія отождествляются въ наукѣ и законодательствахъ съ кондикціями. И ученые, и законодатели обыкновенно отправляются отъ того общаго начала, что никто не можетъ обогащаться незаконно на чужой счетъ. На основаніи этого начала вездѣ, гдѣ дѣло доходитъ до того, что въ имуществѣ одного лица безъ всякихъ основаній оказывается увеличеніе изъ имущества другого, и наука и законодатели признаютъ умѣстными иски изъ незаконнаго обогащенія. А такъ какъ подобные случаи соотвѣтствуютъ въ римскомъ правѣ случаямъ примѣненія condictiones: sine causa, causa data causa non secuta, ob turpem causam и т. д., то ученые и законодатели и склонны называть соотвѣтствующіе современные иски

кондикціями. Авторъ находитъ такое пониманіе исковъ изъ незаконнаго обогащенія неправильнымъ. Прежде всего кондикціи, кромѣ лишь рѣдкихъ исключеній, никогда не были исками изъ незаконнаго обогащенія. Каждая кондикція указывала иныя основанія своему примѣненію, совершенно отличныя отъ обогащенія; такими основаніями были: отсутствіе causa; ненаступленіе событія, въ виду котораго происходило предоставленіе имущества; безнравственность мотива въ лицѣ одной изъ сторонъ и т. д. Лишь иногда основаніемъ кондикціи было *обогащеніе*. Далѣе, принципъ, что никто не можетъ обогащаться незаконно на чужой счетъ, въ сущности ничего не говоритъ, какъ и многіе другіе афоризмы, въ родѣ, „suum cuique tribuere“ и т. д. Выводъ изъ принципа, что неосновательное увеличеніе въ имуществѣ одного, произшедшее изъ имущества другого, должно быть устранено, повторяетъ лишь общее правило о вознагражденіи за убытки и не заслуживаетъ вовсе особаго упоминанія, тѣмъ болѣе, что и выводъ и правило покоятся не на принципѣ обогащенія, а на неосновательности обогащенія, такъ что, согласно имъ, можетъ иногда возникнуть искъ тамъ, гдѣ уже исчезло всякое обогащеніе. Такимъ образомъ, иски изъ незаконнаго обогащенія, если стоятъ на точкѣ зрѣнія господствующаго ученія, остаются открытымъ вопросомъ. А между тѣмъ, они существуютъ и входятъ какъ часть въ группу исковъ о возмѣщеніи убытка. Это именно тѣ иски, по которымъ требуется лишь ограниченное возмѣщеніе убытка,—возмѣщеніе, не превышающее обогащенія отвѣтчика. Отличіе ихъ отъ прочихъ исковъ о возмѣщеніи состоитъ въ томъ, что все вниманіе обращается въ нихъ не на вредъ, полученный потерпѣвшимъ истцомъ, а на выгоды, полученныя отвѣтчикомъ. Въ виду такихъ важныхъ особенностей иски изъ незаконнаго обогащенія и могутъ быть выдѣлены въ совершенно самостоятельную группу, какъ исключеніе изъ общаго правила о вознагражденіи за ущербъ. Исключительность ихъ вызывается особенностями случаевъ, гдѣ было бы неосновательно требовать отвѣтственности по полному интересу истца. Таковыми случаями будутъ: сдѣлки съ недѣеспособными, возвратъ имущества добросовѣстнымъ владѣльцемъ, невозможность исполненія обязательства, отсужденіе купленнаго недвижимаго имущества, продажа непринадлежащаго должнику движимаго имущества и т. п. Присмотрѣвшись внимательнѣе къ институту исковъ изъ незаконнаго обогащенія, приходится признаться, что обогащеніе служитъ вовсе не основаніемъ этихъ исковъ. Основаніемъ ихъ служитъ нарушеніе права истца, ущербъ его. Обогащеніе же служитъ опредѣлителемъ размѣра отвѣтственности. Обогащеніе — это минимумъ отвѣтственности, отъ которой лицо уже не можетъ освободиться. Оно, поэтому всякій разъ само нуждается въ обоснованіи, какъ льгота.

какъ исключеніе изъ общаго правила. Въ виду всего этого и выраженіе „иски изъ незаконнаго обогащенія“ приходится признать неудачнымъ. Удачнымъ названіемъ ихъ будетъ „иски, удовлетворяемые *по началу обогащенія*“.

Брошюрка г. Полетаева читается не легко; она написана тяжелымъ языкомъ, съ неуклюжими выраженіями, въ родѣ „ненужность“, „противологичный“, „руководительная нить“, „сплывающіяся понятія“; нѣтъ и отчетливой системы. Очерки различныхъ мнѣній, отдѣльныхъ вопросовъ написаны также туманно. До многаго приходится доискиваться самому читателю съ затратой не малыхъ усилій. Наконецъ, взглядъ самого автора на иски изъ незаконнаго обогащенія, при всей его оригинальности,—довольно сомнительнаго достоинства.

С. Д. Гальперинъ. Очерки первобытнаго права.

Авторъ обѣщаетъ удовлетворительное объясненіе тѣхъ началъ, которыя участвовали въ созданіи первобытнаго права. Ни одинъ ученый въ мірѣ до Гальперина не достигъ ничего подобнаго и не могъ достигнуть. Ученые хотѣли объяснить все какимъ-нибудь однимъ началомъ: религіей (Фюстель-де-Кюланжъ), экономикой (Макъ-Лепанъ, Зиберъ) и т. д. Подобныя объясненія въ лучшемъ случаѣ должны были оказаться односторонними, какъ объясненіе экономикой, а иногда и совершенно несостоятельными, какъ объясненіе религіей. Гальперинъ не желаетъ повторять такихъ ошибокъ. Онъ объявляетъ первобытный правовой порядокъ за продуктъ многихъ факторовъ, среди которыхъ, однако, религія не имѣетъ почти никакого значенія, а экономика имѣетъ значеніе, но довольно умѣренное. Главное же значеніе принадлежитъ хищничеству, которое ученые такъ странно забываютъ. Хищничество въ то время господствовало всюду: и въ отношеніяхъ людей къ природѣ, сначала въ формѣ непомѣрнаго истребленія дичи на охотѣ, потомъ въ формѣ истребленія лѣсовъ и хищнической системы земледѣлія; и во взаимныхъ отношеніяхъ людей, вѣчно враждовавшихъ между собою. Хищничество вызываетъ и первыя группировки людей для обороны противъ враговъ, и нападенія на нихъ съ цѣлями всевозможной наживы. Эти группировки, сначала временныя, постепенно обращаются въ постоянныя общенія, становятся самостоятельными началами человѣческаго существованія и ограничиваютъ индивидуализмъ первобытнаго человѣка и его хищничество. Тогда внутри группъ появляется нѣкоторый правовой порядокъ. Внѣ группъ *по прежнему* продолжаетъ царить безправіе,—точнѣе, право въ видѣ самоуправства, т.е. право хищниковъ. Было, слѣд., два теченія въ правѣ: одно внутри союзовъ, другое—внѣ ихъ. Оба теченія въ сущности были продуктомъ хищничества. Только

первое теченіе было посредственнымъ продуктомъ хищничества, въ которомъ сказывались уже слѣды новаго начала — коллективнаго: второе—непосредственнымъ, гдѣ всецѣло сохранились черты хищничества. Начало хищничества налагало печать на всѣ моменты права. *Источниками права* были: произволъ вождя, постепенно пріобрѣтавшаго вѣсъ своими доблестями и энергіей въ борьбѣ съ сосѣдями; кровная [месть; миръ, смѣнившій вражду. *Пріобрѣтались права* съ присоединеніемъ къ мировому союзу. *Терялись*—съ лишеніемъ мира. *Нарушеніе* права понималось грубо, примитивно, по-хищнически. Сущность понятія полагалась въ самомъ фактѣ причиняемаго нарушеніемъ вреда. Не знали ни вмѣняемости, ни преднамѣренности, ни покушенія. *Защита* права выражалась въ мести; причемъ сторонами были не индивиды а группы, къ которымъ принадлежали индивиды. Все это носитъ глубокую печать хищничества.

Установивъ начало хищничества, какъ организаціонное для первобытнаго права вообще, Гальперинъ пытается подойти съ той же мѣркой и къ древнему русскому праву. Онъ объявляетъ Русскую Правду за памятникъ первобытнаго права, и въ статьяхъ ея, говорящихъ объ убійствѣ, находитъ полное подтвержденіе всего того, что установлено для всѣхъ древнихъ первобытныхъ правъ. Это убѣждаетъ его въ громадности значенія историческо-сравнительнаго метода для изслѣдованія первобытной эпохи.

Вотъ сущность ученія Гальперина. Насколько важна и интересна поставленная авторомъ задача, настолько же слабы средства, при помощи которыхъ онъ задумалъ осуществить ее. Правда, авторъ много читалъ. Въ его 1316 ссылкахъ мы находимъ сотни ученыхъ именъ и трудовъ. Но эта начитанность лишь повредила автору, подавивъ своей огромностью его личныя силы. Рамки рецензіи заставляютъ меня ограничиться указаніемъ самыхъ существенныхъ недостатковъ. Прежде всего у автора нѣтъ собственнаго языка. Трудъ его представляетъ сплошную цитату изъ разнообразнѣйшихъ сочиненій, прочитанныхъ имъ. Тамъ же, гдѣ онъ, въ видѣ исключенія, начинаетъ говорить самъ, онъ употребляетъ настолько своеобразныя выраженія, что его трудно понимать. „Уголовное право“ онъ не признаетъ; онъ знаетъ болѣе точное названіе для соотвѣтствующаго понятія „Карное право“. Источниками права у него бываютъ и кровная месть, и миръ, и произволъ вождя, какъ таковой. Очерки написаны, далѣе, безъ всякой системы. То что Гальперинъ называетъ этимъ именемъ, трудно признать системой. „Первыя 5 главъ представляютъ (у него) общую часть первичнаго права. Остальныя посвящаются разнымъ правовымъ моментамъ: именно, другая часть труда, состоящая изъ слѣдующихъ 4 главъ, является развитіемъ первой части. Въ ней съ

точки зрѣнія установленныхъ общихъ началъ разсматриваются различные правовые моменты въ ихъ общемъ юридическомъ значеніи. Третья часть—это послѣднія 5 главъ—составляетъ провѣрку всего путемъ экзегезы старой Русской Правды объ убійствѣ". На дѣлѣ эта система еще темнѣе, чѣмъ въ описаніи. Кромѣ этихъ внѣшнихъ недостатковъ, я укажу на существенный внутренній недостатокъ очерковъ. Авторъ ставитъ на одну доску и право внутри человѣческихъ группъ и право внѣ ихъ, т. е. самоуправство. Если понимать право такъ широко, то, конечно, хищничество будетъ правообразователемъ, какъ старается доказать авторъ. Но что же это будетъ за право? И гдѣ тогда не будетъ права?! Въ первой главѣ Гальперинъ предостерегаетъ ученыхъ какъ разъ отъ подобныхъ пріемовъ. „Основа института,—говоритъ онъ,—должна отразиться въ немъ, передать ему какія-нибудь характерныя черты, сохраниться въ немъ". Если, напр., за завоеваніемъ слѣдуетъ перемѣна языка и групповой организаціи, а послѣдніе сами по себѣ породятъ рядъ учрежденій, то первоосновами для этихъ учрежденій будутъ перемѣна языка и группировки, а не завоеваніе. То же слѣдовало бы сказать и о хищничествѣ. Допуская, что оно вызвало группировки, коллективизмъ, которые были первой ареной права, Гальперинъ долженъ былъ бы признать за организаціонный принципъ права не хищничество, а союзъ, коллективизмъ. Предостерегая другихъ, Гальперинъ въ основѣ своего ученія допустилъ грубѣйшую ошибку. Въ предисловіи онъ обѣщаетъ въ награду терпѣливому читателю его Очерковъ художественную живую картину первобытной эпохи; онъ обѣщаетъ такое освѣщеніе Русской Правды, гдѣ изъ-за каждаго „аже" и „оже" откроется цѣлый источникъ жизни, самой интересной для современнаго общества. Между тѣмъ, кромѣ смерти, кромѣ убійства мы не находимъ въ его очеркахъ ничего. Ни словомъ онъ не обмолвился о первобытной семьѣ, первобытныхъ имущественныхъ отношеніяхъ, первобытномъ процессѣ, какъ они выразились въ Русской Правдѣ и другихъ памятникахъ той эпохи. Читатель не найдетъ въ его Очеркахъ живой картины первобытной эпохи; и Русская Правда съ ея „аже" и „оже" покажется ему еще скучнѣй!

И. Базановъ,

дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

Б. Русская экономическая литература за первую половину 1893 года.

Обозрѣвая экономическую литературу первой половины 1893 г., мы замѣчаемъ въ ней большое оживленіе, которое объясняется усиленнымъ интересомъ, пробудившимся за послѣднее время къ народнохозяйственнымъ вопросамъ. Первое мѣсто среди вышедшихъ за указанный періодъ книгъ занимаютъ сочиненія, разбирающія экономическій кризисъ Россіи и мѣры борьбы съ нимъ (*Николай—онъ*. Очерки пореформеннаго хозяйства. *Веретенниковъ*. Общественное и частное землевладѣніе въ Задонскомъ и Землянскомъ уѣздахъ). Далѣе идутъ сочиненія, трактующія о различныхъ экономическихъ явленіяхъ и реформахъ, вызванныхъ тѣмъ же кризисомъ, напр., о продовольственномъ дѣлѣ, о народномъ кредитѣ, хлѣбной торговлѣ и другихъ современныхъ вопросахъ (*Осиповъ*. Обзоръ дѣятельности ссудо-сберегательныхъ товариществъ. *Гурьевъ*. Къ реформѣ государственнаго банка. *Сазоновъ*. Обзоръ дѣятельности земства по народному продовольствію. Хлѣбныя биржи въ Западной Европѣ. *Фортунатовъ*. Урожаи ржи). Послѣднее мѣсто занимаютъ сочиненія теоретическаго характера, среди которыхъ нѣтъ ничего выдающагося. Что касается переводныхъ сочиненій, то среди нихъ есть много весьма полезныхъ и интересныхъ изданій, преимущественно изъ тѣхъ, которыя касаются экономическихъ вопросовъ современности (*Веббъ и Кокъ*. 8-часовой рабочій день. *Нассе*. Земледѣліе и аграрныя отношенія въ Англіи).

Николай—онъ. Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства. СПБ. 1893. Ц. 2 р. 50 к.

Названное сочиненіе является интереснымъ по разнымъ причинамъ: 1) по оригинальному сопоставленію экономическихъ явленій, имѣвшихъ мѣсто въ Россіи въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ, 2) по своеобразному объясненію авторомъ причинъ неурожаевъ 1891 и 1892 годовъ и ухудшенія хозяйственнаго положенія русскаго крестьянства. Цѣлью сочиненія является, по словамъ автора, „желаніе намѣтить нѣкоторыя основныя теченія нашей новой хозяйственной жизни и объединить ихъ, сопоставивъ ихъ съ теоретическими выводами, основанными на фактахъ хозяйственной жизни Западной Европы... желаніе обратить вниманіе общественной мысли на тѣ тяжелыя послѣдствія, которыя неизбѣжны, если наша общественно-хозяйственная жизнь будетъ продолжать развиваться въ томъ же направленіи, въ

которомъ она развивалась за послѣднее тридцатилѣтіе". Сущность всей книги сводится къ слѣдующему: русская экономическая политика съ 1861 г. оставила въ пренебреженіи исконный принципъ русской хозяйственной жизни — принадлежности орудій производства и продукта самимъ производителямъ—и обратилась къ покровительству капиталистическаго хозяйства; благодаря этому, за послѣднія 30 лѣтъ произошла значительная капитализація какъ земледѣльческихъ доходовъ, такъ и обработывающей промышленности; вслѣдствіе капитализаціи промысловъ замѣчается отдѣленіе обработывающей промышленности отъ земледѣлія, освобожденіе массы рабочихъ силъ и рабочаго времени, пониженіе производительности земледѣльческаго труда и, какъ результатъ всего этого, обѣднѣніе земледѣльческаго населенія и голодъ 1891—1892 г. Единственнымъ средствомъ борьбы съ надвигающеюся бѣдой прогрессивнаго экономическаго упадка русскаго крестьянства является, по мнѣнію автора, прекращеніе покровительства капиталистической формѣ производства и обмѣна, несвойственной русскому экономическому строю и навязанной ему искусственно, и развитіе крупнаго производства въ народно-общественной формѣ, при которой орудія производства принадлежатъ производителямъ, а „обмірщившееся" производство направляется на удовлетвореніе потребностей всего общества.

Эти мысли развиваются авторомъ въ рядѣ очерковъ: первые разсматриваютъ капитализацію земледѣльческихъ доходовъ, вторые—капитализацію промысловъ. Въ своихъ теоретическихъ экскурсіяхъ авторъ не претендуетъ на оригинальность и является вѣрнымъ ученикомъ Маркса; въ разсматриваемой нами книгѣ лишь излагаются теоріи этого писателя или даже просто цитируются цѣлыя страницы изъ его произведеній (напр., 3 и 17 главы I части, 2 и 4 главы II части). Зато положительно оригинальна и интересна группировка фактическаго матеріала; на ней мы и остановимся.

Въ области земледѣлія, по мнѣнію г. Николая—онъ, развитію капитализма содѣйствовалъ рядъ факторовъ: желѣзныя дороги, кредитъ, государственные долги, выпускъ бумажныхъ денегъ. Государство, благодаря принятой системѣ покровительства постройкѣ желѣзныхъ дорогъ частными предпринимателями и гарантіи дохода желѣзно-дорожныхъ цѣнныхъ бумагъ должно было дѣлать огромныя затраты изъ государственныхъ средствъ. Такъ, по разсчету автора, въ 1877 г. отъ желѣзныхъ дорогъ поступило въ доходы казны всего 21.786.000 руб., а правительство произвело расходовъ для желѣзныхъ дорогъ на 152.130.000 руб. (т.-е. 20, $_1$% всѣхъ государственныхъ расходовъ). Всего долговъ желѣзныхъ дорогъ государству было въ 1879 г. 1.327 милліоновъ руб. ($^1/_3$ всего долга самого государства), въ 1892 г. уже

1.865 милліоновъ р. (96,3% всѣхъ долговъ государству). 54% цѣнности всѣхъ желѣзно-дорожныхъ акцій и облигацій доставило государство (въ 1878 г.); остальные 46% были доставлены банками. Несмотря на увеличеніе чистаго дохода желѣзныхъ дорогъ (съ 32½ мил. руб. въ 1870 г. до 71,7 мил. р. въ 1877 г.), долгъ желѣзныхъ дорогъ государству увеличивается; это объясняется тѣмъ, что прибыли отъ доходныхъ линій идутъ въ карманы частныхъ лицъ, а дефицитъ отъ другихъ дорогъ ложится на государственную казну. Съ развитіемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ шло рядомъ развитіе торговли, главнымъ образомъ, хлѣбной (въ 1864 г. хлѣбъ составлялъ 33% цѣнности всего вывоза, въ 1878 г. уже 61%).

Все желѣзно-дорожное движеніе, какъ пассажирское, такъ и товарное, опредѣляется почти исключительно земледѣльческой промышленностью, которая даетъ главный контингентъ товаровъ и пассажировъ. Земледѣльческіе продукты приводятся въ движеніе деньгами, высылаемыми изъ Петербурга въ провинцію, гдѣ хлѣбъ закупается и отправляется за-границу; въ виду увеличенія къ осени спроса на деньги, Государственный Банкъ дѣлаетъ къ осеннимъ мѣсяцамъ временные выпуски кредитныхъ билетовъ „для подкрѣпленія кассъ конторъ и отдѣленій". Громадная прибыль отъ вывоза хлѣба за-границу идетъ въ карманъ капиталистовъ. Въ то время, какъ на Западѣ банки и желѣзныя дороги явились слѣдствіемъ роста товарнаго производства, въ Россіи развитіе средствъ обмѣна и капитализація отнюдь не вызывались увеличеніемъ производства—ибо производство хлѣба въ Россіи находится въ абсолютномъ застоѣ, въ 1871 г. 284.335 тысячъ четвертей, въ 1878 г. 286.688 тысячъ четв.,—а происходили насчетъ уменьшенія народнаго потребленія хлѣба; вслѣдствіе роста населенія и еще болѣе вслѣдствіе увеличенія количества вывозимаго хлѣба (въ 1871—72 г. вывезено 9,8% всего чистаго сбора хлѣба, въ 1877—78 г. 18%), народное потребленіе хлѣба изъ года въ годъ сокращается (за 1871—78 г. на 14%, изъ которыхъ 9% отнялъ вывозъ); этимъ сокращеніемъ пользуется однако не государство, а капиталисты, которые присвоиваютъ помощью торговли и обращенія все бо́льшую долю продукта крестьянина (цифровыя сопоставленія см. на стр. 39—41 и таблицу IV); итакъ, при неизмѣнной производительности земледѣльческаго труда, капиталистическое накопленіе происходитъ насчетъ уменьшенія народнаго потребленія; въ 1871—72 г. крестьянинъ изъ своего урожая отдаетъ 45%, въ 1877—78 г. уже 63,5% (т.-е. производитель работаетъ 2 дня на себя и 4 на другихъ). Вмѣстѣ съ количественнымъ уменьшеніемъ народное потребленіе испытываетъ качественное ухудшеніе: лучшіе виды хлѣба все болѣе изъемлются изъ потребленія народа, вывозъ скота за-границу увеличивается. Въ

результатѣ производительность земледѣльческаго труда уменьшается, населеніе слабѣетъ, вырождается. Всѣ факторы новой экономической жизни—кредитъ, желѣзныя дороги, бумажныя деньги, государственные долги—способствуютъ, такимъ образомъ, превращенію хозяйственныхъ условій производства, при которыхъ производители являются собственниками орудій производства, въ такія условія, гдѣ производители становятся наемными рабочими и разъединяются съ продуктомъ своего труда; только одно Положеніе 19 февраля, надѣлившее крестьянъ землею, держится принципа принадлежности производителямъ орудій производства и противодѣйствуетъ развитію капитализма. Капиталистическое теченіе, однако, пересиливаетъ, и все большая часть производителей экспропріируется; рядомъ идетъ и экспропріація частнаго землевладѣнія, характеризующаяся быстро растущей задолженностью (къ 1885 г. было заложено 25% всей частно-владѣльческой земли, къ 1892 г.—уже 40%); ростущая задолженность увеличиваетъ съ каждымъ годомъ долю капитала въ земледѣльческомъ продуктѣ.

Во второмъ рядѣ очерковъ авторъ разсматриваетъ развитіе капиталистической формы обработывающей промышленности. До 1861 г. одна часть труда русскаго народа направлялась на земледѣліе, другая—на изготовленіе предметовъ собственнаго потребленія, третья — на удовлетвореніе нуждъ внѣ общины (кустарные промыслы, извозъ и пр.). Съ теченіемъ времени рабочее время стало распредѣляться только между земледѣліемъ и работой для рынка. Съ 1861 г. произошелъ коренной переворотъ: кустарное производство вытѣсняется постепенно капиталистическимъ, ручное ткачество—механическимъ; ткацкіе станки перемѣщаются изъ крестьянскихъ избъ и свѣтелокъ на фабрики. Насколько развивается капиталистическое производство, свидѣтельствуютъ, напр., слѣдующія цифры: валовая цѣнность товаровъ во всѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ, кромѣ неакціонерныхъ, обложенныхъ акцизомъ и горныхъ, была въ 1886 г. 1.004 мил., въ 1889 г. 1.193 мил. (увеличеніе за 4 года на 18,8%); валовая цѣнность продуктовъ фабрикъ, обработывающихъ волокнистыя вещества, увеличилась за то же время съ 428 мил. до 522 мил. (увеличеніе на 22%); особенно великъ ростъ производства бумаготкацкихъ и прядильныхъ фабрикъ—за 1886—89 г. на 27%. Въ 14 наиболѣе крупныхъ ткацко-прядильныхъ фабрикахъ капиталъ, въ видѣ машинъ, строеній и пр., увеличился на 18%, что прямо указываетъ на развитіе капиталистической формы производства [1]). Число рабочихъ, занятыхъ въ обра-

[1]) Это производство развивается главнымъ образомъ въ 7 губерніяхъ: Моск. Петерб., Владим., Костром., Рязанск., Тверск. и Ярославской, производство которыхъ составляетъ 3/5 всего производства Европейской Россіи; обработка хлопка почти цѣликомъ сосредоточивается въ этихъ губерніяхъ (97%).

ботывающей промышленности, тоже увеличивается (въ 1886 г. на фабрикахъ Европейской Россіи и Польши, кромѣ неакціонерныхъ, обложенныхъ акцизомъ, горныхъ и желѣзныхъ дорогъ, было 734.971 чел., въ 1889 г.—822,831 чел., увеличеніе на 12%), значительно однако отставая отъ роста самаго производства, которое увеличилось на 19 %[2]). Еще больше отстаетъ ростъ числа рабочихъ отъ роста производства въ промышленности, обработывающей волокнистыя вещества: съ 1866 г. до 1889 г. число рабочихъ увеличилось на 34%, а сумма производства на 104 %; во многихъ крупныхъ предпріятіяхъ число рабочихъ при ростѣ производства остается прежнимъ или даже уменьшается. Изъ всего этого слѣдуетъ, что для полученія данной массы продуктовъ требуется все меньше рабочихъ силъ; слѣд., произведенія обработывающей промышленности все болѣе дешевѣютъ, и мелкіе самостоятельные производители, не будучи въ состояніи достичь производительности капиталистическихъ предпріятій, все болѣе лишаются возможности вести самостоятельное производство. Въ результатѣ, сокращеніе необходимаго для капиталистической формы промышленности рабочаго времени вліяетъ на отдѣленіе обработывающей промышленности отъ земледѣлія и на освобожденіе рабочихъ силъ [3]), которыя и принуждены обращаться къ единственно оставшемуся въ ихъ распоряженіи орудію производства—къ землѣ; вслѣдствіе этого запашки расширяются во вредъ хозяйству, аренды увеличиваются, ибо приходится получать отъ той же земли то, что прежде давалъ подсобный домашній промыселъ. Для удовлетворенія потребности въ одеждѣ и другихъ продуктахъ обработывающей промышленности нужно имѣть покупательныя средства, которыя получаются только продажей хлѣба. Вслѣдствіе ростущаго количества вынужденно отчуждаемаго хлѣба, производительность земледѣльческаго труда не только не увеличивается (для этого нужны средства на улучшеніе орудій производства и пр.), но даже понижается. Вслѣдствіе капитализаціи промысловъ, у крестьянина остается масса вынужденно свободнаго времени, и тѣмъ быстрѣе онъ бѣднѣетъ. Аналогичное нашему ухудшеніе положенія земледѣльческаго населенія вслѣдствіе отдѣленія обработывающей промышленности отъ земледѣлія отмѣчается авторомъ и въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ. Хлѣбъ, созданный малопроизводительнымъ трудомъ русскаго крестьянина и вынесенный на всемірный рынокъ.

---

[2]) Къ 1889 г. въ капиталистическомъ производствѣ Евр. Россіи всего занято, *включая горнорабочихъ Урала, около 1.340.000 человѣкъ.*

[3]) Число всѣхъ свободныхъ излишнихъ рабочихъ, по вычисленію г. Короленко („Вольнонаемный трудъ"), равно 5.588.000 чел., съ семействами не менѣе 15 мил.: если же, полагаетъ г. Николай—онъ, принять въ соображеніе свободное время земледѣльцевъ, то число праздныхъ рабочихъ рукъ выразится десятками милліоновъ.

гдѣ онъ встрѣчаетъ американскій хлѣбъ, создаваемый болѣе производительнымъ трудомъ, долженъ продаваться ниже своей мѣстной, русской цѣны; еще болѣе понижаются цѣны русскаго хлѣба стѣсненнымъ положеніемъ крестьянской массы, вынуждаемой продавать хлѣбъ поскорѣе и во что бы то ни стало; цѣны ржи падаютъ не отъ перепроизводства, а отъ вынужденной продажи недостаточнаго ея количества (разница мѣстныхъ и портовыхъ цѣнъ на хлѣбъ въ Европейской Россіи за 1886—90 г. равна 22—41%).

Сравненіе доходовъ крестьянъ и частныхъ владѣльцевъ отъ земли съ доходами капиталистическихъ предпріятій даетъ слѣдующіе результаты:

	1885 г: въ тысячахъ	1890 г. рублей
Цѣнность главныхъ крестьянскихъ хлѣбовъ по мѣстнымъ осеннимъ цѣнамъ за исключеніемъ сѣмянъ.	596.958	579,938
Заработки крестьянъ на владѣльческихъ земляхъ.	170,765	199,300
Весь доходъ крестьянъ.	767,723	779,238
Весь доходъ крестьянъ и частныхъ владѣльцевъ составляетъ.	881,918	947,008 [4])

Между тѣмъ, прибыль капиталистическихъ предпріятій быстро растетъ. Прибыль фабрикантовъ, обработывающихъ волокнистыя вещества, увеличилась за 1886—88 г. съ 20,9 мил. р. до 37,2 мил. (увеличеніе на 78%). Прибыль акціонерныхъ бумаготкацкихъ и прядильныхъ фабрикъ, выраженная для 1886 г. въ 100%, достигла въ 1888 г. 284% (т.-е. опережаетъ ростъ числа рабочихъ въ 11—12 разъ). Чистый доходъ желѣзныхъ дорогъ увеличился за то же время съ 83,9 мил. р. до 123,3 мил. (увеличеніе на 46,9%). Прибыль всѣхъ капиталистическихъ предпріятій во всей Россіи равна въ 1886 г. 251,7 мил. р., въ 1888 г. 294,2 мил. (увеличеніе на 16,7%). Всего новыхъ цѣнностей въ обработывающей капиталистической промышленности производится (за вычетомъ сырого матеріала и пр.) около 400—500 мил. р. въ годъ, такъ что каждый рабочій въ среднемъ выработываетъ около 550 р.,

---

[4]) Между тѣмъ, мѣстная цѣнность главныхъ хлѣбовъ въ Соединенныхъ Штатахъ составляетъ въ 1885 г. 2.181.250 тысячъ руб., въ 1890 г. 3.164.446 тыс. руб.; на каждаго сельскаго жителя въ Россіи производится главныхъ хлѣбовъ около 10 руб., въ Соединенныхъ Штатахъ около 108 руб. Отношеніе земледѣльческихъ доходовъ русскаго населенія къ государственному обложенію таково: въ 1885 г. подати, выкупные платежи и косвенные налоги поглощали около 85% всего дохода съ крестьянскихъ земель и около 66% этого дохода вмѣстѣ съ заработками на владѣльческихъ земляхъ, въ 1890 г. поглотили первый, превысивъ его на 5%, и составили 78% обшаго дохода крестьянъ отъ земли.

изъ которыхъ болѣе половины идетъ въ пользу капиталистовъ [5]). Сокращая долю рабочаго въ создаваемомъ имъ продуктѣ, капитализмъ тѣмъ самымъ сокращаетъ покупательную способность населенія и свой собственный внутренній рынокъ. Такимъ образомъ, получается „рѣзкій антагонизмъ между увеличивающеюся производительностью труда въ обработывающей промышленности, какъ только она принимаетъ капиталистическую форму, и необходимостью расширенія рынка сбыта—съ одной стороны, и сокращеніемъ платежной способности самого населенія или внутренняго рынка съ другой". Далѣе, капиталистическое производство дѣлаетъ неустойчивымъ хозяйственную жизнь рабочаго населенія, создавая непрерывный приливъ и отливъ рабочихъ на фабрики и съ фабрикъ. Авторъ затѣмъ доказываетъ отсутствіе raison d'être капитализма въ Россіи тѣмъ, что капиталистическое производство Россіи не въ состояніи вытѣснить иностранныхъ соперниковъ со всемірнаго рынка, необходимаго для него въ виду сокращенія внутренняго рынка, что культура фабричнаго сырья неспособна замѣнить крестьянину его потерь отъ капитализаціи промысловъ. Такъ, несмотря на увеличеніе фабричной обработки льна (на 7% за 1886—89 г.), площадь льняныхъ посѣвовъ въ Европейской Россіи сократилась за 1881—86 г. на 23,3%, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается и количество вырабатываемаго волокна (при этомъ уменьшеніе его падаетъ исключительно на домашнее крестьянское потребленіе). Сборъ пеньки сократился съ 9,4 мил. пудовъ въ 1886 г. до 6 мил. пуд. въ 1891 г. (на 37%), овцеводство падаетъ; по мѣрѣ развитія обработки хлопка въ Средней Азіи, сокращается площадь посѣвовъ льна и конопли, а домашняя обработка волокна вытѣсняется болѣе дешевыми фабричными бумажными издѣліями. Трудъ въ капиталистическихъ предпріятіяхъ имѣетъ губительное вліяніе на рабочихъ, организмъ которыхъ вырождается (малый ростъ, узкая грудь, слабая мускулатура, рано наступающая неспособность къ работѣ). Далѣе, капитализмъ содѣйствуетъ развитію недоимочности населенія (недоимки самой капиталистической губерніи, Московской, очень велики—117,6% годового оклада). Капиталистическая форма производства логически ведетъ къ стачкамъ предпринималей и монополизаціи отдѣльныхъ отраслей производства во вредъ всему обществу. Въ результатѣ, весь быстрый ростъ капиталистической промышленности въ Россіи происходитъ на счетъ сокращенія съ одной стороны народнаго производства какъ сырыхъ матеріаловъ, такъ и производства по ихъ обработкѣ (слѣд., насчетъ освобо-

[5]) Въ Америкѣ каждый рабочій въ среднемъ производитъ новыхъ цѣнностей на 1.440 руб., изъ которыхъ 690 р. идетъ въ его пользу, а 750 руб. на долю предпринимателей.

жденія народнаго рабочаго времени), съ другой стороны — народнаго ихъ потребленія.

Превосходна глава 25-я II части, гдѣ авторъ разсматриваетъ систему премированія и покровительства капиталистическому производству и несоотвѣтствіе ея народнымъ интересамъ. Это покровительство, воздвигая таможенную стѣну для иностранныхъ продуктовъ, поднимаетъ цѣны товаровъ внутренняго производства и монополизируетъ для фабрикантовъ внутренній рынокъ. Система премій за вывозъ сахара создала то, что Россія занимаетъ по количеству производимаго сахара 3-е мѣсто среди цивилизованныхъ странъ, а по потребленію его стоитъ чуть не назади всѣхъ, занимая 13-е мѣсто. Происходящее благодаря всему этому повышеніе прибыли ведетъ къ дальнѣйшей экспропріаціи производителей и дальнѣйшей капитализаціи промысловъ; итакъ, система покровительства ускоряетъ процессъ отдѣленія средствъ производства отъ производителей.

Голодъ 1891 г., по мнѣнію автора, есть результатъ несоотвѣтствія формы, которую приняла наша промышленность, всѣмъ вѣковымъ нашимъ традиціямъ. Вмѣсто того, говоритъ авторъ, чтобы развивать, пользуясь выводами западно-европейской науки, принципъ народно-общественнаго производства, основаннаго на связи средствъ производства съ непосредственными производителями и на соединеніи земледѣлія и обрабатывающей промышленности; вмѣсто того, чтобы воспользоваться не западно-европейской формой производства, а самой его организаціей съ сильно развитымъ сотрудничествомъ и раздѣленіемъ труда, машинами и пр.; вмѣсто того, чтобы приложить принципъ, лежащій въ основѣ крестьянскаго землевладѣнія, въ область крестьянскаго землепользованія, мы не только не воспрепятствовали развитію капиталистической формы производства, а наоборотъ содѣйствовали коренной ломкѣ всей нашей хозяйственной жизни, которая и привела къ голоду 1891 г.

Въ заключеніе авторъ останавливается на мѣрахъ, предлагаемыхъ для поднятія народнаго благосостоянія. Измѣненіе податной системы не можетъ принести пользы, потому что главнѣйшая причина тяжести налоговъ и уменьшенія платежной способности заключается въ отдѣленіи обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія и въ крайней отсталости производительности земледѣльческаго труда. Усиленное обложеніе капиталистическаго производства не въ состояніи покрыть нужды государства, потому что сумма мѣновыхъ цѣнностей, производимыхъ на фабрикахъ, вслѣдствіе сокращенія необходимаго для ихъ производства труда, уменьшается, а, слѣд., уменьшается и сумма объектовъ обложенія. Какъ ни желательно и необходимо увеличеніе производительности земледѣльческаго труда ради возможности конкурри-

ровать съ иностранными производителями, но и оно въ томъ случаѣ, если продукты производятся въ видѣ товаровъ, не можетъ поднять народнаго благосостоянія, такъ какъ при этомъ освобождаются рабочія силы, сокращается внутренній рынокъ и уменьшается относительная доля участія рабочихъ въ продуктѣ. Авторъ относится отрицательно и къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія; еслибы къ крестьянамъ перешла даже вся частновладѣльческая земля, то доходъ ихъ отъ главныхъ хлѣбовъ увеличился бы только на 13%; одинъ земледѣльческій трудъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть достаточнымъ источникомъ существованія для населенія. Еще менѣе можетъ помочь дѣлу кредитъ, который, вытекая изъ строя капиталистическаго хозяйства, не можетъ служить основой развитія некапиталистическаго производства; кредитъ, улучшая положеніе немногихъ, ухудшаетъ положеніе большинства; вмѣсто предоставленія дорогого способа пользованія чужими орудіями производства, гораздо цѣлесообразнѣе устранить самое отдѣленіе рабочихъ силъ отъ средствъ производства. Авторъ кончаетъ тѣмъ, что указываетъ на необходимость держаться освященнаго вѣками принципа, получившаго правовую санкцію въ Положеніи 19 февраля, — принципа связи средствъ производства съ непосредственными производителями, и на необходимость покончить съ покровительствомъ капитализму. Россія не можетъ довольствоваться ни формой мелкаго домашняго производства, ни формой капиталистической. Русскому обществу предстоитъ рѣшеніе трудной, но не невозможной задачи—развить производительныя силы населенія въ такой формѣ, чтобы ими могъ пользоваться весь народъ. Общинное землевладѣніе можетъ при этомъ явиться однимъ изъ основныхъ матеріальныхъ условій производства, на которомъ можетъ быть построено зданіе будущаго общественнаго хозяйства. „Несоотвѣтствіе формъ производства съ потребностями большинства угрожаетъ такими губительными послѣдствіями и населенію, и всему государству, что не остается иного средства, какъ, опираясь на матеріальныя условія производства, унаслѣдованныя нами отъ нашего историческаго прошлаго, прекратить ломку нашей, вѣками сложившейся формы производства, основанной на владѣніи орудіями производства самими производителями... и направить всѣ усилія на объединеніе земледѣлія и обрабатывающей промышленности, но объединеніе не на почвѣ мелкихъ разрозненныхъ производительныхъ единицъ—что было бы равносильно увѣковѣченію всеобщей посредственности,—а на почвѣ созданія крупнаго, общественнаго, обмірщеннаго производства, основаннаго на свободномъ развитіи общественныхъ производительныхъ силъ, на приложеніи науки и техники и имѣющаго въ виду удовлетвореніе дѣйствительныхъ потребностей и благосостояніе всего населенія". Авторъ

не рисуетъ намъ, однако, картины этого реформеннаго общественнаго хозяйства, а ограничивается указаніемъ его основного принципа. Въ приложеніи книги даны подробныя статистическія таблицы развитія факторовъ обращенія, взаимоотношенія хлѣбнаго производства съ факторами обращенія, доходами отъ земледѣлія и промышленности и пр.

Не входя въ подробное критическое разсмотрѣніе всего содержанія книги Николая—онъ, какъ оно этого заслуживаетъ по важности и широтѣ затрогиваемыхъ вопросовъ, мы, рекомендуя всякому непосредственное ознакомленіе съ этой книгой, ограничимся немногими замѣчаніями.

Вопросъ о капитализмѣ занималъ въ началѣ 80-ыхъ годовъ одного изъ видныхъ нашихъ экономистовъ, г. В. В. („Судьбы капитализма въ Россіи“ СПБ. 1882), который въ общемъ пришелъ къ выводамъ, аналогичнымъ съ выводами г. Николая—онъ. В. В. точно такъ же находилъ капитализмъ формой, не соотвѣтствующей русскимъ экономическимъ условіямъ, покровительство которой должно быть оставлено какъ можно скорѣе; точно такъ же онъ рекомендовалъ организацію общественной формы производства на артельныхъ началахъ, которая должна имѣть въ виду не производство товаровъ для всемірнаго рынка, а удовлетвореніе собственныхъ потребностей. У новаго противника капиталистическаго хозяйства разсужденія сопровождаются болѣе детальнымъ изученіемъ русскихъ хозяйственныхъ условій и новыми данными въ пользу его точки зрѣнія. Только положенія г. Николая—онъ представляются значительно преувеличенными, когда онъ говоритъ объ отдѣленіи обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія, какъ объ основномъ факторѣ ухудшенія хозяйственнаго положенія крестьянства. Несомнѣнно, извѣстная капитализація промысловъ имѣетъ мѣсто, но пока въ сравнительно узкихъ предѣлахъ; домашніе промыслы въ настоящее время играютъ еще большую роль; самъ авторъ (стр. 249—250) указываетъ на постоянные зимніе промыслы, какъ на причину бо́льшей податной исправности нечерноземной полосы. Не ходя далеко за фактами, можно указать на развитіе промысловъ въ Задонскомъ уѣздѣ (см. ниже указанное сочиненіе г. Веретенникова, стр. 87, 94): 91% всѣхъ семей и 80 % общаго числа работниковъ занято промыслами, преимущественно домашними. Насколько велики доходы отъ промысловъ, покажутъ слѣдующія цыфры:

Денежные доходы крестьянъ въ %-номъ отношеніи къ общей ихъ суммѣ.

уѣзды	отъ продажи хлѣба	отъ продажи скота	отъ промысловъ
Коротоякскій	37%	11%	36%
Нижнедѣвицкій	34	18	35
Задонскій	17	6	66

На одну душу приходится дохода	отъ земледѣлія	отъ промысловъ
въ Коротоякскомъ уѣздѣ:	8 р. 78 к.	5 р. 87 к.
Нижнедѣвицкомъ	8 р. 51 к.	5 р. 28 к.
Задонскомъ	3 р. 67 к.	8 р. 88 к.

(Цитировано по соч. г. Веретенникова изъ Сборн. оцѣн. свѣд., изданіе Воронежскаго Земства, 1889 г. Приложеніе, стр. 99, 143, 63).

Разъ промыслы имѣютъ такое значеніе, трудно говорить о завершившейся ихъ капитализаціи. Вообще г. Николай—онъ (въ противоположность г. В. В.), увлекшись, повидимому, своими теоретическими построеніями, почти совершенно обошелъ молчаніемъ кустарные промыслы; между тѣмъ, кустарное производство далеко еще не побито капиталистическимъ и даже проявляетъ признаки живучести и развитія. Крестьянинъ обратится къ фабричнымъ издѣліямъ только тогда, когда это для него безусловно выгоднѣе, т. е. когда время, затрачиваемое имъ или его семьей на выдѣлку продукта домашнимъ путемъ, можетъ быть съ большею выгодой обращено на другое дѣло; если же этого нѣтъ на лицо, крестьянинъ никогда не броситъ своего домашняго производства. Авторъ, утверждая, что капитализмъ заставляетъ крестьянина бросать домашнее производство и покупать фабричныя издѣлія, не указываетъ, почему это должно такъ произойти. Въ дѣйствительности же, процессъ отдѣленія обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія вовсе не имѣетъ въ Россіи того общаго и угрожающаго характера, какой ему приписывается авторомъ.

Нельзя согласиться и съ отношеніемъ автора къ товарному производству. По его мнѣнію, продуктъ пріобрѣтаетъ мѣновую цѣнность, становится товаромъ *только* въ томъ случаѣ, когда производство капиталистическое; въ то же время авторъ мечтаетъ объ общественномъ производствѣ съ сильно развитымъ сотрудничествомъ, раздѣленіемъ и сочетаніемъ труда. Но если въ обществѣ существуетъ раздѣленіе труда, товарная форма продуктовъ неизбѣжна; иначе каждый спеціализовавшійся работникъ, не имѣя возможности обмѣнять излишекъ своего продукта или даже весь продуктъ на нужные ему продукты другихъ производителей, не могъ бы удовлетворить своимъ потребностямъ. Хозяйство, производящее внутри себя всѣ нужные для своего потребленія продукты, относится къ низшимъ стадіямъ культуры; высшія формы экономической жизни въ томъ числѣ и общественно-народная, предлагаемая г. Николаемъ — онъ, требуютъ обмѣна продуктовъ и, слѣдовательно, сравненія ихъ по мѣновой цѣнности.

Въ силу *односторонности* воззрѣній г. Николая — онъ, являются односторонними и его предложенія мѣръ борьбы съ экономическимъ упадкомъ русскаго крестьянства. По его мнѣнію, ни расширеніе

крестьянскаго землевладѣнія, ни переселеніе, ни поднятіе сельскохозяйственной культуры не могутъ ничего сдѣлать; все дѣло—въ прекращеніи покровительства капитализму и въ устраненіи отдѣленія обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія. Нельзя смотрѣть на послѣднія мѣры, какъ на панацею всѣхъ бѣдствій, тѣмъ болѣе, что нѣкоторое раздѣленіе обрабатывающей и добывающей промышленности вызывается самою природой вещей (что̀ признаетъ даже г. В. В. въ своей книгѣ: „Судьбы капитализма“).

Въ общемъ, книга г. Николая—онъ является очень кстати, чтобы заставить серьезно подумать о многихъ сторонахъ русской экономической политики.

И. В. Веретенниковъ. Общественное и частное землевладѣніе въ Землянскомъ и Задонскомъ уѣздахъ Воронежской губерніи. 1893.

Сочиненіе г. Веретенникова распадается на двѣ части; въ первой дается очеркъ экономическаго положенія Землянскаго и Задонскаго уѣздовъ, во второй — авторъ пытается выяснить взаимоотношеніе общиннаго и частнаго землевладѣнія на основаніи добытыхъ матеріаловъ. Въ своей работѣ авторъ пользовался данными статистическаго бюро Воронежскаго земства, отчасти центральнаго и губернскаго статистическаго комитета, затѣмъ изслѣдованіями частныхъ лицъ (Болховитинова, Михалевича, Тангоборскаго) и, наконецъ, свѣдѣніями, собранными лично въ качествѣ мѣстнаго податнаго инспектора.

Изъ очерка двухъ уѣздовъ мы почерпаемъ много интереснаго. Сначала авторъ описываетъ ихъ географическое положеніе, физическія условія, населеніе, затѣмъ переходитъ къ описанію землевладѣнія и земледѣлія, скотоводства и промысловъ. Авторъ отмѣчаетъ расширеніе запашекъ на счетъ выгоновъ и другихъ угодій, увеличеніе количества неудобныхъ земель, уменьшеніе числа лошадей въ Землянскомъ уѣздѣ и лошадей, рогатаго скота и свиней въ Задонскомъ у.; уменьшеніе числа лошадей при увеличеніи запашекъ ведетъ къ ухудшенію качества обработки. Надѣлы крестьянъ оказываются недостаточными. Вообще, хозяйственная обстановка населенія значительно ниже той нормы, которая соотвѣтствуетъ рабочей способности населенія и объему земледѣлія. Это послѣднее отличается рутинными пріемами и полнымъ отсутствіемъ культурно-прогрессивнаго движенія; удобреніе не практикуется. Характерный и печальный фактъ—быстрый ростъ культуры картофеля: въ Землянскомъ у. за 1882—87 г. вдвое, въ Задонскомъ у. за 1880—90 г. въ 2 $^1/_2$ раза. Это явленіе, по мнѣнію автора, стоитъ въ связи съ уменьшающимися урожаями яровыхъ хлѣбовъ и сокращеніемъ ихъ числа (гречиху, напр., перестали сѣять вслѣдствіе хроническихъ неурожаевъ). Хлѣбные магазины почти пусты (въ

Земл. у. въ 1887 г. было на лицо 3.198 четвертей, въ недоимкѣ 92.578 ч., въ Задонск. у. налицо 2.464 ч., въ недоимкѣ 54.273 ч. Недоимки составляли къ 1890 г. въ Землянск. у. 65 % годового оклада, въ Задонск. у. 43 %. Въ Землянскомъ у. отсутствуютъ всякіе усовершенствованные пути сообщенія; благодаря существованію однихъ грунтовыхъ дорогъ, по временамъ непроѣздныхъ, цѣна на хлѣбъ въ въ Землянскѣ значительно ниже цѣнъ въ Ельцѣ, отстоящемъ всего на 70—80 верстъ (для ржи разница на 11—32%, для овса—на 7—38%), между тѣмъ какъ цѣны въ Задонскѣ, отстоящемъ отъ Ельца на 40 верстъ и соединяющемся съ послѣднимъ шоссейной дорогой, не бываютъ ниже 2—3, maximum 5 коп. на пудъ. Въ Землянскомъ у. промыслы совершенно не развиты; исключительное занятіе жителей—земледѣліе. Наоборотъ, въ Задонск. у. промыслы имѣютъ настолько крупное значеніе, что населеніе получаетъ отъ нихъ почти втрое больше дохода, чѣмъ отъ земледѣлія. Въ результатѣ, по словамъ автора, населеніе Землянскаго уѣзда только прокармливается насущнымъ хлѣбомъ и не можетъ дѣлать сбереженій; платежныя его средства слѣдуетъ считать слабыми и даже истощенными. Въ Задонскомъ у. экономическіе признаки крестьянскаго хозяйства еще болѣе неудовлетворительны, и только промыслы поддерживаютъ до нѣкоторой степени налогоспособность населенія.

Частное землевладѣніе, почти исключительно дворянское и притомъ мелкопомѣстное, не далеко ушло отъ крестьянскаго. Большинство помѣщиковъ ведетъ хозяйство по шаблонной трехпольной системѣ съ ограниченнымъ числомъ растеній; количество скота недостаточно; удобряются только 10% всѣхъ полей; сельско-хозяйственный инвентарь немногочисленъ и однообразенъ (сохи преобладаютъ). Экономическое положеніе землевладѣльцевъ представляется крайне печальнымъ; громадное большинство имѣній заложено. Дѣло дошло до того, что въ 1883 г. въ Задонскомъ земскомъ собраніи былъ поднятъ вопросъ объ экономическомъ упадкѣ землевладѣльцевъ. Авторъ замѣчаетъ, что упадокъ матеріальнаго благосостоянія помѣщиковъ лежитъ не во внѣшнихъ причинахъ, въ родѣ отсутствія кредита, недоброкачественности рабочихъ, дешевизны хлѣба, а въ нихъ самихъ; большинство ихъ, привыкнувъ къ веденію хозяйства при крѣпостномъ правѣ, не съумѣло приноровиться къ новымъ экономическимъ условіямъ, почему хозяйство ихъ и приняло случайный рисковой характеръ, безъ всякаго руководящаго начала. Любопытными въ первой части книги являются описаніе сельско-хозяйственной школы въ с. Конь-Колодезь Задонскаго у. и бюджетъ достаточной крестьянской семьи дер. Лосевой, въ которомъ въ его натуральной части остатокъ равенъ только $2^1/_2$ четв., а въ денежной—имѣется дефицитъ въ 36 р., покрываемый изъ доходовъ

впередъ. Авторъ заключаетъ свою первую часть описаніемъ неурожая 1891 г. въ Воронежской губ. и замѣчаніями о средствахъ поднятія народнаго благосостоянія; по его мнѣнію, главное дѣло—въ знаніи, ибо съ рѣшеніемъ вопроса о культурномъ воздѣйствіи на крестьянъ самъ собой отпадаетъ рядъ причинъ, неблагопріятныхъ развитію благосостоянія. Однако, какое бы значеніе ни придавать этому фактору, нельзя вмѣстѣ съ авторомъ считать его главнымъ средствомъ исцѣленія нашихъ хозяйственныхъ недуговъ.

Вторая часть труда г. Веретенникова посвящена изслѣдованію о соотношеніи частнаго и общиннаго землевладѣнія. Авторъ возвеличиваетъ частное землевладѣніе, утверждая, на основаніи сопоставленія различныхъ статистическихъ данныхъ, что съ увеличеніемъ количества частновладѣльческихъ земель среди общинныхъ въ послѣднихъ повышаются экономическіе признаки, опредѣляющіе степень благосостоянія крестьянъ. Это повышеніе благосостоянія обусловливается возможностью для крестьянъ расширить свое хозяйство путемъ арендованія частныхъ земель и получать доходъ отъ земледѣльческихъ сдѣльныхъ работъ у мѣстныхъ помѣщиковъ, что̀ въ свою очередь даетъ возможность населенію избѣгать отхожихъ промысловъ—одного изъ самыхъ тяжелыхъ видовъ подсобныхъ источниковъ. Авторъ полагаетъ, что, такъ какъ естественный приростъ населенія и ограниченное установленнымъ надѣломъ общинное землевладѣніе суть два постоянно дѣйствующихъ и необходимыхъ условія (?!) въ сферѣ крестьянскаго хозяйства, то все, что увеличиваетъ предложеніе земель для арендованія и предоставленіе способовъ къ заработкамъ, является весьма желательнымъ. Но говорить такъ — значитъ не доходить до сущности вопроса. Изъ того, что при недостаточномъ надѣлѣ для крестьянина лучше получить землю въ аренду, чѣмъ не получить, лучше имѣть заработокъ, чѣмъ не имѣть, не слѣдуетъ, что распространенное частное землевладѣніе выгодно для крестьянъ. Намъ неясно даже, какую степень распространенности частно-владѣльческихъ земель среди общинныхъ авторъ считаетъ выгодною для крестьянъ; поволостныя таблицы автора по Землянск. у. и поселенныя таблицы по Задонск. у. стремятся доказать, что чѣмъ больше частныхъ земель, тѣмъ это лучше для крестьянъ; гдѣ только $^1/_4$—$^2/_5$ всей площади земли находится въ рукахъ крестьянъ, тамъ они, оказывается, наиболѣе благоденствуютъ. Не будутъ ли они еще болѣе благоденствовать, если у нихъ совсѣмъ не будетъ земли? Авторъ говоритъ далѣе, что частное землевладѣніе, предполагающее большій уровень развитія и болѣе цѣлесообразное веденіе хозяйства будетъ благотворно воздѣйствовать на крестьянское земледѣліе; но этому съ очевидностью

противорѣчатъ тѣ факты, на которые указываетъ самъ авторъ въ 1-й части труда и которые приведены нами выше.

Обращаясь къ статистической части изслѣдованія, слѣдуетъ сказать, что сопоставленія, приводимыя въ поволостныхъ и поселенныхъ таблицахъ, далеко не доказываютъ положеній автора; но и въ поуѣздной сводкѣ данныхъ сопоставленія не вполнѣ убѣдительны. Оказывается, что въ группѣ волостей съ преобладаніемъ частнаго землевладѣнія надѣльной земли на 1 хозяйство меньше, а недоимокъ больше сравнительно съ группой волостей, гдѣ преобладаетъ общинное землевладѣніе. Эти два основные экономическіе признака (величина надѣла и недоимочность) гораздо болѣе говорятъ противъ автора, чѣмъ въ его пользу говоритъ большое количество скота и инвентаря въ 1-й группѣ; послѣднее, очевидно, объясняется бо́льшимъ распространеніемъ въ 1-й группѣ арендованія чужой земли и сдѣльныхъ работъ при помощи собственныхъ орудій, но далеко не доказываетъ высшаго благосостоянія населенія, какъ это думаетъ авторъ. Противъ него говоритъ въ данномъ случаѣ уже та жизненная обстановка, при которой происходятъ аренды и земледѣльческія работы; у самого г. Веретенникова приводятся случаи, когда выгода отъ аренды сводится къ нулю или къ одной соломѣ. Да и врядъ ли ростовщическія условія сдачи земли въ аренду за баснословныя цѣны или подряда на лѣтнія работы за вдвое болѣе дешевую плату, чѣмъ нормальная, могутъ давать какіе нибудь положительные результаты для крестьянскаго хозяйства. Наконецъ, скажемъ еще что Задонскій у., въ которомъ общинное землевладѣніе занимаетъ бо́льшую площадь, чѣмъ въ Землянскомъ (въ первомъ общинныхъ земель 69%, частныхъ 30%, во второмъ общинныхъ 67%, частныхъ 33%), оказывается и болѣе богатымъ, и менѣе недоимочнымъ, и промыслы развиты въ немъ независимо отъ вліянія частновладѣльческихъ хозяйствъ. Вообще авторъ слишкомъ смѣло обобщилъ выводы, полученные имъ изъ обоюдоострыхъ сопоставленій по нѣсколькимъ волостямъ.

Н. О. Осиповъ. Обзоръ дѣятельности ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ Россіи. Докладъ Обществу для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ. Спб. 1893.

Книга Н. О. Осипова, посвященная разработкѣ статистическаго матеріала по ссудо-сберегательнымъ товариществамъ за 20 лѣтъ (1871—1890 г.), съ одной стороны даетъ намъ точную картину развитія этихъ кредитныхъ учрежденій въ Россіи, съ другой — предлагаетъ планъ реорганизаціи ихъ въ цѣляхъ лучшаго, по мнѣнію автора, удовлетворенія потребности населенія въ кредитѣ. Обращаясь къ

приведеннымъ въ сочиненіи г. Осипова цифрамъ, мы видимъ, что средства ссудо-сберегательныхъ товариществъ составляются изъ капиталовъ, принадлежащихъ членамъ (паи, запасной капиталъ, чистая прибыль) и постороннимъ лицамъ (вклады и займы); оборотные капиталы слагаются изъ тѣхъ и другихъ пополамъ (въ 1886—90 г. 48% своихъ капиталовъ, 52% чужихъ). Сумма вкладовъ въ товариществахъ возрасла за 20 лѣтъ весьма значительно: средняя сумма вкладовъ за 1871 — 75 г. равна 991 руб., за 1886 — 90 г. 7.669 руб., причемъ замѣчается сравнительное увеличеніе вкладовъ постороннихъ лицъ. Краткосрочныхъ вкладовъ (до 9 мѣс.) очень мало 5 — 7%; свыше года около 20 — 25%; до востребованія около $^1/_3$ всѣхъ вкладовъ. Средняя величина займовъ (кромѣ первоначальныхъ) на 1 товарищество въ 1871 — 75 г. равна 3.171 руб., въ 1886 — 90 г. 9.752 р. Наиболѣе развивающаяся операція — займы на одинъ годъ. Главными кредиторами товариществъ являются частныя лица (за 1886—90 г. на 59% суммы всѣхъ займовъ), затѣмъ Государственный Банкъ (22%). Вообще, средній размѣръ долговъ товарищества возрастаетъ при неподвижности числа товариществъ съ 1878 г., что́ должно быть приписано увеличенію довѣрія съ одной стороны вкладывающей публики, съ другой — дѣловыхъ людей, дающихъ взаймы. Въ 1890 г. 687 товариществъ имѣли вкладовъ и займовъ на $11^1/_2$ мил. руб. Описанный успѣхъ товариществъ г. Осиповъ приписываетъ главнымъ образомъ внутренней ихъ жизнеспособности, но въ то же время усматриваетъ серьезные промахи въ ихъ организаціи, не дающіе имъ твердаго основанія, а наоборотъ тормозящіе ихъ развитіе и могущіе привести ихъ къ полному паденію. На это, по мнѣнію г. Осипова, указываютъ слѣдующіе факты: паевой капиталъ ростетъ медленно — по пятилѣтіямъ съ 1871 г. на товарищество 2.861 руб., 5.269 р., 7.648 р., 8.447 р.; съ 1884 г. ростъ его почти прекратился [1]). За 1881—90 г. около 150.000 членовъ ($^3/_4$ всего ихъ числа) вложили въ паевой капиталъ по 3 р. 12 к., т.-е. сберегали по 31,2 к. въ годъ. Отъ половины до $^3/_4$ паевого капитала является фиктивнымъ, не существовавшимъ никогда въ карманахъ членовъ, такъ какъ вычитается изъ выдаваемыхъ ссудъ. Такимъ образомъ, „товарищества почти не выполнили своей сберегательной функціи; большая часть паевого капитала числится только на бумагѣ, и сами товарищества отвергаютъ необходимость паевъ“. Запасные капиталы увеличиваются абсолютно и относительно (по пятилѣтіямъ средняя на товарищество 214 р., 404 р., 937 р., 1.732 р.); это доказываетъ, что

[1]) Замедленіе роста паевого капитала весьма естественно, разъ съ 1878 г. число товариществъ не увеличивается, потому что въ концѣ концовъ паевой капиталъ долженъ же быть пополненъ, вмѣстѣ съ чѣмъ прекращается и его ростъ.

въ общемъ товарищества не терпятъ убытка. Однако, можно сомнѣваться въ сохранности этого капитала: дѣло въ томъ, что по § 83 Устава можно пускать въ обороты только ту часть запаснаго капитала, которая превышаетъ $^1/_3$ паевого; запасный капиталъ превысилъ размѣръ $^1/_3$ паевого только за послѣдніе 4 года, но и прежде онъ, составляя $^1/_{24}$ — $^1/_7$ паевого, обращался въ ссуды. Въ виду сомнѣній въ неприкосновенности запаснаго капитала авторъ совѣтуетъ установить правило, чтобы онъ хранился въ Государственномъ Банкѣ.

Сумма выдаваемыхъ товариществами ссудъ увеличивается (по пятилѣтіямъ среднія на товарищество 5.435 р., 10.529 р., 16.899 р., 21.102 р.). Въ 1875 г. сумма ссудъ была больше паевого капитала почти вдвое, въ 1890 г. — въ 2,69 раза больше. Между тѣмъ, членъ по уставу можетъ занимать только въ полтора раза больше своего пая и быть поручителемъ на сумму въ $^1/_2$ пая; можно съ вѣроятностью предполагать, что уставъ въ этомъ не соблюденъ и членамъ выдано больше, чѣмъ дозволено (благодаря практикѣ взаимнаго поручительства членовъ). Средняя сумма ссудъ на 1 члена по пятилѣтіямъ: 61 р. 63 к., 99 р. 43 к., 118 р. 58 к., 128 р. 55 к.; съ 1881 г. абсолютная сумма выданныхъ ссудъ колеблется между 16 и 18 мил. руб. Процентъ просроченныхъ ссудъ увеличивается (въ 1879—80 г. 9%, въ 1886—90 г. 16%). Число просроченныхъ ссудъ, уплаченныхъ безъ взысканія, уменьшается (въ 1879—80 г. 48%, въ 1886—90 г. 34%), равно какъ и число ссудъ, уплаченныхъ послѣ подачи ко взысканію (въ 1876—80 г. 55%, въ 1886—1890 г. 26%). Такимъ образомъ, изъ 3 мил. руб., составляющихъ просроченныя ссуды, около 1 мил. уплачивается самими должниками, на 2 мил. предъявляются взысканія, а уплачивается $^1/_2$ мил.; остальное переносится на слѣдующій годъ. „Это, добавляетъ авторъ, пахнетъ чѣмъ то въ родѣ несостоятельности“.

Огромные размѣры приняла переписка ссудъ (напр., въ Больше-Токмакскомъ товариществѣ, изслѣдованномъ самимъ г. Осиповымъ, % всѣхъ переписываемыхъ ссудъ доходитъ до 94%, въ Ново-Васильевскомъ — переписываются всѣ ссуды). Средній годовой процентъ по ссудамъ (по отношенію къ валютѣ долговыхъ обязательствъ) колеблется по пятилѣтіямъ съ 1871 г.: 12%, 11,7%, 11,6%, 11,2%; дѣйствительный же ссудный % поднимается съ 12,4% въ 1871—1875 г. до 13,5% въ 1886—90 г. „Такой кредитъ, говоритъ авторъ, дорогъ и разорителенъ, потому что 1) онъ вслѣдствіе переписки ссудъ сдѣлался долгосрочнымъ, 2) ссуды выданы въ большихъ размѣрахъ, 3) размѣры ссудъ не соображены съ размѣромъ собственнаго оборотнаго капитала заемщиковъ“. Есть и еще нѣсколько указаній на замираніе дѣятельности товариществъ. Число лицъ, желающихъ

поступить въ члены, уменьшается: въ 1875—80 г. на товарищество въ среднемъ приходилось ихъ 87 человѣкъ, въ 1881 — 85 г. 69 ч., въ 1886 — 90 г. 55 чел.; число лицъ, выходящихъ изъ товариществъ, увеличивается (по пятилѣтіямъ среднія на товарищество: 14, 22, 29, 27). Число товариществъ, въ которыя не поступало новыхъ членовъ, увеличивается по пятилѣтіямъ: 15, 81, 118, 154.

Въ началѣ книги г. Осиповъ заявляетъ: „существующія ссудо-сберегательныя товарищества должны сдѣлаться тѣми ячейками, около которыхъ будутъ развиваться другія, болѣе совершенныя учрежденія народнаго кредита". Во 2-й части труда и предлагаются нѣкоторыя измѣненія въ организаціи товариществъ. Основою земледѣльческаго кредита, по мнѣнію г. Осипова, является довѣріе къ личности крестьянина, къ его трудовой способности, а не къ имущественной состоятельности. Поэтому, кредитъ долженъ быть доступенъ всѣмъ трудящимся. Величина ссуды должна всегда сообразоваться съ потребностями заемщика и возможностью возврата долга; а возможность уплаты зависитъ отъ отношенія капитальной суммы долга къ собственному капиталу заемщика въ видѣ ли имущества, или труда, и отъ назначенія ссуды на производительныя цѣли. Чтобы заемъ не былъ обременителенъ, величина % должна находиться въ обратномъ отношеніи къ суммѣ займа и сроку уплаты. Далѣе г. Осиповъ настаиваетъ на важности соотвѣтствія уставовъ мѣстнымъ условіямъ и порицаетъ Комитетъ о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ за стремленіе вводить однообразный уставъ. Паевой капиталъ по опыту оказался ненужнымъ какъ для обезпеченія операцій, такъ и для развитія сбереженій членовъ; поэтому, слѣдуетъ, отмѣнивъ принудительное образованіе паевъ, предоставить каждому товариществу рѣшать этотъ вопросъ по своему. Система поручительства должна подвергнуться слѣдующимъ преобразованіямъ: 1) лицо, берущее ссуду за чьимъ либо поручительствомъ, само не можетъ быть поручителемъ, 2) при опредѣленіи кредитоспособности члена должно рѣшить, насколько онъ, дѣлаясь поручителемъ за другихъ, можетъ самъ кредитоваться. 3) съ разрѣшенія товарищества посторонніе могутъ быть поручителями. Совѣтъ товариществъ долженъ получить болѣе активную роль, чѣмъ въ настоящее время, когда его дѣятельность ничтожна (онъ долженъ быть, такъ сказать, учетнымъ комитетомъ). Такъ какъ необходимо уничтожить всякую мысль о равенствѣ правъ на ссуду, какъ приводившую къ печальнымъ послѣдствіямъ, то Совѣтъ долженъ опредѣлять размѣры открываемаго членамъ кредита; кромѣ того на Совѣтъ должно быть возложено опредѣленіе сроковъ ссудъ, отсрочекъ, правъ членовъ по поручительству, разсмотрѣніе необходимости испрашиваемыхъ ссудъ, наблюденіе за тѣмъ, чтобы ссуды были

употреблены согласно назначенію. Въ реорганизованныхъ товариществахъ можетъ быть соединенъ какъ потребительный, такъ и производительный кредитъ, какъ личный, такъ и залоговый, какъ краткосрочный, такъ и долгосрочный (до 10 лѣтъ). Послѣднее допускается пассивомъ товариществъ (20 — 25% вкладовъ и 16 — 46% займовъ получается на сроки свыше года) и имѣетъ прецеденты въ практикѣ Райфэйзеновскихъ кассъ. Бухгалтерская часть въ современныхъ товариществахъ отличается массой недостатковъ, которые могутъ быть устранены лишь организаціей правильнаго и систематическаго контроля. Такой контроль уничтожитъ и затрудненія, происходящія отъ недостатка лицъ, знающихъ счетоводство, и прямыя злоупотребленія дѣлопроизводителей, и, наконецъ, внѣдритъ въ сознаніи населенія цѣль и смыслъ новыхъ кредитныхъ учрежденій. Наилучшей инспекціей будетъ правительственная, состоящая изъ чиновниковъ при отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, живущихъ въ районѣ извѣстнаго числа товариществъ (по 1 инспектору на 40 товариществъ, всего около 25 инспекторовъ). Права инспекціи сводятся къ слѣдующему: утвержденіе должностныхъ лицъ товарищества, избранныхъ собраніемъ, право созыва экстренныхъ собраній, безапелляціонное право увольненія бухгалтеровъ, право производства самыхъ полныхъ ревизій, право въ извѣстныхъ случаяхъ предавать должностныхъ лицъ суду независимо отъ постановленій Собранія, утвержденіе всѣхъ долгосрочныхъ ссудъ и крупныхъ краткосрочныхъ, и вообще надзоръ за всею дѣятельностью товариществъ. Средства на инспекцію (около 75.000 руб.) могутъ быть доставлены самими товариществами въ формѣ особаго налога.

Отдавая честь детальной разработкѣ авторомъ статистическаго матеріала по ссудо-сберегательнымъ товариществамъ, мы не можемъ согласиться съ выводами автора. По его мнѣнію, предлагаемыя измѣненія могутъ вполнѣ исправить дѣло и превратить товарищества изъ гибнущихъ и увядающихъ учрежденій въ цвѣтущія и развивающіяся. Если сравнить положеніе Шульце-Деличевскихъ товариществъ[2] въ Германіи съ положеніемъ русскихъ, то окажется, что кредитныя учрежденія, основанныя на одномъ и томъ же принципѣ самопомощи и личной иниціативы, дали блестящіе результаты въ одной странѣ и печальные—въ другой. Объясняется это, конечно, не тѣмъ, что въ послѣдней не существовало правительственной инспекціи, дѣятельныхъ Повѣрочныхъ Совѣтовъ и т. п., а тѣмъ, что русскому населенію, стоящему на болѣе низкомъ уровнѣ культуры, оказались

---

[2]) Статистическія данныя о нихъ см. въ статьѣ А. Б. въ „Сообщеніяхъ Спб. отдѣленія комитета о ссудо-сберегат. товариществахъ". Выпускъ V.

не подъ силу учрежденія, требующія выработаннаго сознанія общественности и способности къ иниціативѣ. Уже указаніе многихъ лицъ на то, что товарищества процвѣтаютъ лишь при руководительствѣ людей изъ образованнаго класса, свидѣтельствуетъ не въ пользу надежности и жизнеспособности такихъ кредитныхъ учрежденій. Въ лучшемъ случаѣ можно только допускать существованіе ссудо-сберегательныхъ товариществъ, но ни въ какомъ случаѣ нельзя ждать отъ нихъ развитія и упорядоченія сложнаго и труднаго дѣла мелкаго земледѣльческаго кредита.

Но если даже вмѣстѣ съ авторомъ вѣрить въ будущность ссудо-сберегательныхъ товариществъ, то въ его предложеніяхъ, касающихся ихъ реформированія, встрѣчаются такія, которыя должны быть безусловно отвергнуты. Сюда относится предложеніе устанавливать процентъ по ссудамъ обратно пропорціонально суммѣ займа и сроку уплаты. Г. Осиповъ считаетъ, напр., возможнымъ взимать по краткосрочной 5—15 рублевой ссудѣ и 2—3% въ мѣсяцъ; наоборотъ, для крупныхъ ссудъ—понизить процентъ противъ существующаго (12% годовыхъ). Намъ кажется, что можно говорить объ общемъ пониженіи нормы взимаемаго процента (въ германскихъ товариществахъ годовой % на превышаетъ $5^1/_2$—$8^1/_2$%), но предоставлять крупнымъ заемщикамъ льготы, подобныя вышеприведеннымъ, составляетъ большую несправедливость, тѣмъ болѣе, что приложеніе крупнаго капитала, какъ извѣстно изъ экономической теоріи, всегда требуетъ относительно меньшихъ издержекъ, чѣмъ пользованіе небольшимъ капиталомъ. Въ заключеніе нельзя не поставить автору въ упрекъ того тона, съ которымъ онъ относится къ дѣятельности комитета о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ,—тона, совершенно не соотвѣтствующаго серьезному и научному характеру его изслѣдованія.

А. Н. Гурьевъ. Къ реформѣ государственнаго банка Спб. 1893. Книжка А. Н. Гурьева составлена изъ ряда статей, помѣщенныхъ въ газетѣ „Новое Время“, въ которыхъ авторъ легкимъ и общедоступнымъ языкомъ пытается описать различныя стороны дѣятельности Государственнаго Банка и указать на назрѣвшія реформы. Авторъ стоитъ за то, чтобы центральный банкъ былъ государственнымъ, настаиваетъ на необходимости отдѣленія управленій Государственнаго Казначейства и Государственнаго Банка для того, чтобы „оградить послѣдній отъ посягательствъ Государственнаго Казначейства на его капиталы“; отнесясь отрицательно къ предоставленію Государственному Банку права выпускать банковые билеты, авторъ считаетъ необходимымъ ради возстановленія металлическаго обращенія создать работу для существующихъ излишнихъ

кредитныхъ билетовъ; этого, по его мнѣнію, можно достигнуть посредствомъ извлеченія кредитныхъ билетовъ внутренними займами (консолидація кредитныхъ билетовъ) и послѣдующаго выпуска ихъ подъ учетъ обязательствъ, т.-е. на производительныя цѣли. Далѣе авторъ, разбирая операцію вкладовъ, находитъ, что слѣдуетъ оплачивать только срочные вклады, какъ достаточно прикрѣпленные къ банку, и потому служащіе солиднымъ основаніемъ для операцій. Изъ видовъ вещнаго кредита кредитъ подъ недвижимости, подъ промышленныя заведенія, подъ ручные заклады не долженъ входить въ сферу дѣятельности Государственнаго Банка; кредитъ подъ бумажныя цѣнности, какъ принявшій ненормально широкое развитіе, слѣдуетъ ограничить извѣстными предѣлами; операцію спеціальныхъ текущихъ счетовъ, равно какъ и учетъ соловекселей, нарушающій всѣ основныя правила центральнаго банковаго дѣла, слѣдуетъ совсѣмъ оставить. Желательно развитіе кредита подъ товары въ видѣ учета товарныхъ свидѣтельствъ, кредита поручительскимъ артелямъ и учетной операціи, причемъ необходимо допустить къ учету мелкіе векселя до 50 р. и установить предпочтеніе мелкихъ векселей крупнымъ. Наконецъ, авторъ, разбирая способы воздѣйствія Государственнаго Банка на вексельный курсъ, рекомендуетъ крайнюю осторожность и осмотрительность при осуществленіи этого воздѣйствія и не совѣтуетъ придавать ему чрезмѣрнаго значенія.

Въ общемъ, многія предложенія г. Гурьева являются весьма основательными и цѣлесообразными; однако онъ ожидаетъ слишкомъ многаго отъ развитія кредитной системы, полагая, что кредитъ можетъ превратить бѣдную страну въ цвѣтущую и бѣдное населеніе въ зажиточное. Очерки не претендуютъ на особую глубину и подчасъ носятъ поверхностный характеръ.

Г. П. Сазоновъ. Обзоръ дѣятельности земствъ по народному продовольствію (1865—1892) 2 тома. Спб. 1893.

Весьма полезнымъ сборникомъ, въ виду возникшей дѣятельной переработки основаній продовольственнаго дѣла въ Россіи, является указанная работа г. Сазонова. Она представляетъ собой результатъ извлеченій изъ богатѣйшихъ земскихъ матеріаловъ по народному продовольствію, „За 27 лѣтъ“, говоритъ авторъ въ предисловіи — „земскія учрежденія употребляли на продовольственное дѣло много времени и отдали ему не мало силъ“. Настоящій трудъ даетъ право сказать, что нѣтъ такого частнаго, даже мелкаго вопроса въ этой области, котораго не касались бы земства и притомъ много разъ и съ разныхъ точекъ зрѣнія“. Г. Сазоновъ, перебравъ земскую литературу, съумѣлъ съ возможной полнотой изложить земскія постановленія

предложенія и проекты гласныхъ, управъ и особыхъ коммиссій, обсужденія, происходившія въ земскихъ собраніяхъ по различнымъ сторонамъ этой важной отрасли земскаго хозяйства. Весь матеріалъ разбитъ на нѣсколько главъ: 1) Вопросъ о натуральной и денежной системѣ народнаго продовольствія. 2) Ходатайства земскихъ учрежденій о расширеніи ихъ правъ. 3) Снабженіе населенія хлѣбомъ и сѣменами и торговля ими. 4) Вопросъ о передвиженіи продовольственныхъ средствъ. 5) Централизація продовольственныхъ средствъ. 6) Увеличеніе средствъ народнаго продовольствія. 7) Правила и условія выдачи ссудъ. 8) Общественныя запашки. 9) Общественныя работы. 10) Нѣкоторыя экономическія мѣры въ связи съ продовольствіемъ; въ этой главѣ собраны земскіе матеріалы по кредиту подъ залогъ хлѣба, на покупку и прокормленіе скота, по кредиту переселенцамъ, погорѣльцамъ и пр., по вопросу о круговой порукѣ и по нѣкоторымъ общимъ мѣрамъ.

Въ каждой главѣ авторъ собираетъ въ хронологическомъ порядкѣ то, что сдѣлали и что говорили земства по данному вопросу; за каждый годъ земства расположены въ алфавитномъ порядкѣ. Въ результатѣ передъ читателемъ рисуется славная страница изъ исторіи земскихъ учрежденій; мы до очевидности ясно видимъ всю серьезность отношенія земствъ къ принятымъ на себя обязанностямъ, всю глубину и всесторонность земскихъ дѣятелей при разсмотрѣніи ими различныхъ сторонъ дѣла; мы видимъ, наконецъ то, что земства внесли въ дѣло струю живой жизни, дѣйствуя не въ предѣлахъ узкихъ, рутинныхъ рамокъ, а въ соотвѣтствіи съ наростающими жизненными потребностями и нуждами. Не входя въ разсмотрѣніе содержанія книги, недоступнаго для краткой передачи, мы можемъ только порекомендовать всякому, желающему серьезно изучать продовольственное дѣло, обратиться къ труду г. Сазонова. Правда, этотъ трудъ не представляетъ систематической разработки и сводки земской дѣятельности по народному продовольствію, а даетъ лишь сырые матеріалы; группировка этого послѣдняго произведена не совсѣмъ удачно. Но въ виду недостатка подобныхъ сборниковъ, можно отъ души привѣтствовать одну изъ немногихъ попытокъ систематизаціи богатаго историческаго матеріала земствъ и пожелать, чтобы и въ прочихъ отрасляхъ дѣятельность земскихъ учрежденій подверглась сводкѣ столь же добросовѣстныхъ и трудолюбивыхъ изслѣдователей.

Хлѣбныя биржи въ Западной Европѣ и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Изд. Департамента Торговли и Мануфактуръ. Спб. 1893.

„Придавая,“— говорится въ предисловіи этого изданія, — „весьма существенное значеніе, предварительно принятія мѣръ для упорядоче-

нія нашей хлѣбной торговли, обстоятельному и всестороннему ознакомленію съ тѣми учрежденіями, законодательствомъ, обычаями и правилами, кои выработались за границею и способствовали установленію правильныхъ отношеній между участвующими въ хлѣботорговой сдѣлкѣ сторонами, Министръ Финансовъ поручилъ Хлѣбному Отдѣлу Департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ разработать этотъ предметъ". Результатомъ этого и явилось настоящее изданіе, представляющее сборникъ уставовъ биржъ, торговыхъ обычаевъ и законовъ, маклерскихъ уставовъ и т. п., существующихъ въ Германіи, Франціи, Англіи, Голландіи, Бельгіи, Австро-Венгріи, Италіи, Швейцаріи, Швеціи, Остъ-Индіи и Соединенныхъ Штатахъ. Въ началѣ изданія помѣщена статья, дающая сводку всѣхъ матеріаловъ и трактующая объ организаціи хлѣбныхъ биржъ, условіяхъ посѣщенія биржъ, о биржевыхъ маклерахъ и коммиссіонерахъ, о котировкѣ цѣнъ, установленіи правилъ для мѣстной торговли, о биржевыхъ сдѣлкахъ, о биржевой экспертизѣ и биржевыхъ третейскихъ судахъ.

Алексѣй Фортунатовъ. Урожаи ржи въ Европейской Россіи. М. 1893.

Указанное сочиненіе, имѣвшее цѣлью разработать статистику урожаевъ ржи въ Россіи, составляетъ крупный вкладъ въ бѣдную подобными трудами русскую литературу. Обращаясь къ поставленной задачѣ, авторъ сначала останавливается на организаціонной и технической сторонѣ дѣла: онъ подробно описываетъ положеніе урожайной статистики въ Россіи, перечисляетъ учрежденія, собирающія свѣдѣнія объ урожаяхъ, программы и способы собиранія этихъ свѣдѣній, описываетъ системы сводки и контроля данныхъ; затѣмъ онъ переходитъ къ изученію географіи и исторіи урожаевъ ржи. Общимъ среднимъ урожаемъ на крестьянскихъ земляхъ Европейской Россіи является за десятилѣтіе 1881—90 г. 4,91 четверти съ десятины, на владѣльческихъ земляхъ — 5,77 четвертей, причемъ по губерніямъ урожаи на крестьянскихъ земляхъ колеблются между 6,80 четв. (Лифляндская губ.) и 2,29 четв. (Астрахан. губ.), на владѣльческихъ земляхъ—между 8,71 четв. (Лифляндск. губ.) и 2,63 четв. (Астрах. губ.). Средній урожай ржи въ черноземной Россіи на крестьянскихъ земляхъ 4,78 четв., на владѣльческихъ земляхъ—5,52 четв. съ десятины, въ нечерноземной Россіи—на крестьянскихъ земляхъ 5,04 четв., на владѣльческихъ земляхъ 6,03 четв. Что касается хронологіи урожаевъ, то за первую половину 19 вѣка въ сочиненіи приводятся лишь немногочисленныя конкретныя записи, которыя, хотя и подвергнуты авторомъ тщательной обработкѣ, но, въ виду недостаточнаго числа наблюденій, не позволяютъ дѣлать вполнѣ точныхъ выводовъ. Тѣмъ не менѣе авторъ находитъ возможнымъ вывести, что „отмѣна кр-

постного права имѣла послѣдствіемъ повышеніе среднихъ урожаевъ ржи въ русскомъ частно-владѣльческомъ хозяйствѣ". Съ другой стороны, на основаніи этихъ цыфровыхъ данныхъ можно сдѣлать вѣроятное заключеніе, что состояніе земледѣлія за все 19 столѣтіе находилось въ стаціонарномъ положеніи: въ среднемъ урожайность остается та же (авторъ этого заключенія не дѣлаетъ). Это явствуетъ, напр., изъ слѣдующихъ данныхъ: средній урожай по Европейской Россіи составляетъ (на основаніи конкретныхъ записей) за 1800—1809 г. 8,1 четв. съ десятины, за 1810—19 г. 6,8 ч., за 1820—29 г. 6,7 ч., за 1830—39 г. 6,4 ч., за 1840—49 г. 6,6 ч., за 1850—59 г. 6,4 ч., за 1860—69 г. 6,7 ч., за 1870—79 г. 7,5 ч., за 1880—89 г. 7,4 четв. Въ восточной половинѣ Россіи замѣчается за послѣднія 3 десятилѣтія даже нѣкоторое пониженіе среднихъ величинъ урожайности (стр. 87—88). Тѣ же выводы подтверждаются данными массовыхъ наблюденій Департамента Земледѣлія.

Самою интересною и важною частью труда А. Ѳ. Фортунатова является 5 глава, представляющая попытку уяснить зависимость высоты урожаевъ отъ различныхъ экономическихъ и сельско-хозяйственныхъ факторовъ. Многіе выводы являются весьма цѣнными, такъ какъ даютъ эмпирическое подтвержденіе и освѣщеніе теоретическимъ выводамъ сельско-хозяйственной науки и политической экономіи. Не входя въ подробности, мы позволимъ себѣ здѣсь отмѣтить лишь тѣ общіе итоги, къ которымъ пришелъ авторъ. Относительно вліянія температуры авторъ, на основаніи статистическихъ данныхъ, говоритъ, что сравнительно высокая годовая температура благопріятно вліяетъ на урожаи ржи; въ маѣ замѣчается прямое отношеніе между теплomъ и урожаями. Вредное вліяніе холодныхъ годовъ, подтверждаемое всѣми данными, вообще недостаточно оцѣнивается и, по мнѣнію автора, часто засухамъ приписывается то, что зависитъ отъ низкой температуры цѣлаго года или отдѣльныхъ его періодовъ. Вліяніе атмосферныхъ осадковъ на урожаи ржи различно въ сѣверо-западной части Россіи, гдѣ урожайность обратно пропорціональна годовому количеству осадковъ, и въ восточной и юго-западной части, гдѣ обнаруживается прямо пропорціональная зависимость урожайности отъ массы осадковъ. Вліяніе почвы на урожайность по всей площади Европейской Россіи мало замѣтно, такъ какъ „дѣйствіе естественнаго плодородія вполнѣ уравновѣшивается сравнительнымъ превосходствомъ культуры на нечерноземныхъ почвахъ". При сравненіи болѣе мелкихъ территоріальныхъ единицъ авторъ отмѣчаетъ рѣзкое вліяніе естественнаго плодородія почвы на величину урожаевъ. Населеніе вліяетъ въ томъ смыслѣ, что урожайность измѣняется прямо пропорціонально плотности населенія, прямо про-

порціонально проценту мужчинъ рабочаго возраста; при погубериской группировкѣ получаются наибольшіе урожаи въ наиболѣе грамотныхъ губерніяхъ, наименьшіе—въ губерніяхъ съ средней степенью грамотности; въ Курской губ. авторъ отмѣчаетъ обратную пропорціональность грамотности и урожайности. Въ отдѣлѣ о вліяніи землевладѣнія и землепользованія мы видимъ, что урожайность на крестьянскихъ земляхъ повышается по мѣрѣ уменьшенія надѣловъ, что съ увеличеніемъ процента безхозяйныхъ урожайность поднимается, что наибольшіе урожаи встрѣчаются при среднемъ развитіи арендованія земель крестьянами, что избытокъ владѣльческихъ урожаевъ надъ крестьянскими тѣмъ больше, чѣмъ болѣе развита крестьянская аренда. Между количествомъ скота и высотой урожаевъ обнаруживается прямо пропорціональная зависимость. Далѣе, согласно выводамъ г. Фортунатова, чѣмъ меньше безлошадныхъ, тѣмъ ниже урожайность какъ на крестьянскихъ, такъ и на владѣльческихъ земляхъ, но тѣмъ болѣе велика разница урожайности на тѣхъ и другихъ. Не касаясь выводовъ автора о вліяніи распредѣленія угодій, культуръ, системы хозяйства, сѣвооборота и обработки, мы должны въ заключеніе отмѣтить важность труда г. Фортунатова, дающаго матеріалы какъ для многихъ теоретическихъ выводовъ, такъ и для практическихъ цѣлей, напр., для осуществленія въ жизни идеи страхованія посѣвовъ, о которой у насъ такъ много говорится за послѣднее время. Въ то же время нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ труда. Авторъ нерѣдко пытается дѣлать сопоставленія черезчуръ смѣлыя, напр., по вопросу о зависимости урожаевъ отъ процента городского населенія, отъ грамотности, отъ сословныхъ различій частнаго землевладѣнія. Врядъ ли можно усмотрѣть какую-нибудь причинную связь между указанными факторами и урожаями. Сословіе, грамотность и пр. суть явленія, сосуществующія съ фактомъ урожая только по случайности и не составляющія никоимъ образомъ его причины. Поэтому-то у автора и получаются въ нѣкоторыхъ случаяхъ крайне странныя обобщенія. Слѣдуя г. Фортунатову, мы должны бы благословлять увеличеніе безлошадныхъ, безхозяйныхъ крестьянъ, уменьшеніе надѣловъ, пожалуй и безграмотность, потому что вмѣстѣ съ тѣмъ повышается и урожайность. Далѣе, статистическій матеріалъ во многихъ случаяхъ является разнокачественнымъ сырьемъ, собраннымъ вмѣстѣ, такъ что разбираться среди всей массы этихъ данныхъ предоставляется уже самому читателю. Кромѣ того, помѣщеніе на-ряду съ выводами, полученными изъ наблюденій по всей Россіи, выводовъ по отдѣльнымъ губерніямъ и даже уѣздамъ (напр., стр. 152, 157, 161—162 и многія др.) противорѣчитъ самому принципу закона большихъ чиселъ, потому что всѣ случайныя причины могутъ быть исключены лишь

при большомъ количествѣ наблюденій, а приводимые итоги небольшого числа наблюденій не являются свободными отъ случая. Весьма важный вопросъ о программахъ собиранія свѣдѣній объ урожаяхъ затронутъ авторомъ недостаточно подробно; такъ, напр., не дается критической оцѣнки вопросовъ въ существующихъ программахъ и не указываются желательныя измѣненія, между тѣмъ какъ очень интересно и важно было бы для русской статистики получить указанія лица, спеціально занимавшагося вопросомъ о статистикѣ урожаевъ. Существуютъ и нѣкоторые другіе пробѣлы. Такъ, авторъ въ большинствѣ статистическихъ рядовъ приводитъ колебанія урожайности по группамъ, но не даетъ предѣловъ колебаній самаго фактора, самой причины; онъ говоритъ только, что группа съ наибольшей плотностью населенія, съ наибольшимъ надѣломъ и пр. даетъ такіе-то средніе урожаи, но не указываетъ при этомъ амплитуды колебаній величины плотности, надѣла и пр. въ каждой группѣ. Безъ этого мы не имѣемъ яснаго представленія о степени вліянія и взаимодѣйствія двухъ порядковъ явленій.

И. И. Янжулъ. Въ поискахъ лучшаго будущаго. Соціальные этюды. СПБ. 1893. Цѣна 2 р.

Авторъ выпустилъ отдѣльной книгой рядъ очерковъ, появлявшихся за послѣдніе годы въ русскихъ журналахъ. Объединяющей идеей всѣхъ этюдовъ служитъ та мысль, что для преобразованія соціальнаго строя необходимо нравственное усовершенствованіе человѣчества на почвѣ самопомощи и иниціативы общества. Подъ вліяніемъ этой мысли, авторъ съ сочувствіемъ разсказываетъ о „народномъ дворцѣ“ въ Лондонѣ, объ „университетскомъ поселеніи въ восточномъ Лондонѣ“, о націонализаціи университетскаго образованія, о дѣятельности извѣстной Арміи Спасенія и ея генерала Бутса, о „сосѣдскихъ гильдіяхъ“ въ Нью-Іоркѣ и т. п. Кромѣ того, въ книгѣ мы встрѣчаемъ изложеніе и критику утопіи Беллами и теоріи Джорджа, а въ концѣ большую статью о пьянствѣ, какъ соціальномъ недугѣ. Авторъ, повидимому, придаетъ слишкомъ большое значеніе благотворительности имущихъ классовъ. Такъ, по поводу основанія университетской молодежью народнаго университета въ Лондонѣ (Toynbee—Hall), авторъ говоритъ: „Стремленіе образованныхъ классовъ поднять до себя бѣдную массу — это мирный, нормальный, а потому единственно желательный путь... Здѣсь мы замѣчаемъ увеличеніе образованія и культуры и личный примѣръ искренней безкорыстной человѣческой симпатіи“. О Бутсѣ авторъ говоритъ: „Несомнѣнно, что дѣятельность его служитъ лишь выраженіемъ великаго филантропическаго движенія

домъ—въ неограниченномъ или ограниченномъ количествѣ. Обращаясь нашего времени и пробужденія чувства альтруизма въ достаточныхъ классахъ общества".

Согласно общему духу книги, авторъ въ статьѣ о пьянствѣ жалуется на недостатокъ въ русскомъ обществѣ гражданственности и самодѣятельности и, считая правительство безсильнымъ предпринять что-нибудь рѣшительное безъ общей и сознательной поддержки общества, рекомендуетъ развитіе въ Россіи обществъ трезвости, какъ главную въ настоящее время мѣру борьбы съ пьянствомъ.

Очерки читаются съ интересомъ и написаны живымъ, яснымъ языкомъ, свойственнымъ автору; однако, нельзя вполнѣ согласиться съ основной идеей очерковъ. Несомнѣнно, что начинанія, въ родѣ лондонскаго народнаго университета, народнаго дворца, сосѣдскихъ гильдій, имѣютъ свое значеніе; однако, не слѣдуетъ преувеличивать ихъ важности. Если даже и считать нравственное перерожденіе человѣчества необходимымъ условіемъ осуществленія иного экономическаго строя, то филантропія и благожелательность имущихъ классовъ неспособны произвести такого перерожденія; обыкновенно благожелательность эта идетъ весьма недалеко, и едва ли можно многаго ожидать отъ недисциплинированныхъ попытокъ отдѣльныхъ лицъ или группъ благотворителей.

В. Ф. Залѣсскій. Ученіе о цѣнности. Выпускъ I. Часть догматическая. Казань. 1893. Ц. 50 коп.

Названная брошюра составляетъ первый выпускъ труда, задуманнаго авторомъ и имѣющаго своимъ предметомъ ученіе о прибыли на капиталъ. Прежде чѣмъ приступить къ этой задачѣ, авторъ считаетъ необходимымъ разсмотрѣть ученіе о цѣнности, какъ неразрывно связанное съ ученіемъ о происхожденіи прибыли на капиталъ. При опредѣленіи того, что такое цѣнность, авторъ отправляется отъ „анализа понятія, выражаемаго словомъ цѣнность въ томъ видѣ, какъ оно представляется всѣмъ людямъ, знакомымъ съ этимъ понятіемъ". Цѣнность вообще, по мнѣнію г. Залѣсскаго, есть то свойство, которое приписывается людьми объектамъ внѣшняго міра въ силу совмѣщенія въ нихъ 3 условій—полезности, извѣстности человѣку и доступности. Моментомъ, обусловливающимъ возникновеніе мѣновой цѣнности, является ограниченная доступность, сравнительная рѣдкость объектовъ (такъ авторъ называетъ взаимоотношеніе спроса и предложенія). Блага (т.-е. объекты, обладающіе полезностью), получившія въ силу своей сравнительной рѣдкости мѣновую цѣнность, называются мѣновыми благами и раздѣляются на блага, невоспроизводимыя человѣческимъ трудомъ, и на блага, воспроизводимыя человѣческимъ тру-

къ изученію законовъ, управляющихъ высотой мѣновой цѣнности, авторъ находитъ, что ихъ нельзя подвести подъ одно общее правило въ виду сложнаго взаимодѣйствія моментовъ, образующихъ цѣнность: 1) потребительной цѣнности, 2) сравнительной рѣдкости, 3) издержекъ производства. Мѣновая цѣнность благъ, воспроизводимыхъ трудомъ, опредѣляется первымъ и вторымъ моментами; мѣновая цѣнность благъ, воспроизводимыхъ трудомъ въ неограниченномъ количествѣ, опредѣляется 1-мъ и 3-мъ моментами; мѣновая цѣнность благъ, воспроизводимыхъ трудомъ въ ограниченномъ количествѣ, опредѣляется всѣми 3 моментами. Такимъ образомъ, высота цѣнности, по мнѣнію г. Залѣсскаго, зависитъ отъ степени участія указанныхъ моментовъ въ ея возникновеніи, а колебанія высоты мѣновой цѣнности зависятъ отъ измѣнчивости этихъ моментовъ. Свою теорію авторъ, въ противоположность ученіямъ, выводящимъ зависимость высоты мѣновой цѣнности отъ одного или двухъ моментовъ, называетъ тройственной теоріей цѣнности; изложена она на 46 страницахъ крупнаго шрифта.

Какъ мы видимъ, авторъ является въ значительной степени эклектикомъ и пользуется при выводѣ законовъ мѣновой цѣнности пріемами дедукціи и формальныхъ опредѣленій. Несмотря на то, что подобное комбинированіе факторовъ, опредѣляющихъ высоту мѣновой цѣнности, даетъ, повидимому, удовлетворительное объясненіе самымъ разнообразнымъ явленіямъ цѣнности—для обыкновенныхъ товаровъ, какъ и для монопольныхъ, для первобытной мѣны, какъ и для сложнаго оборота кредитно-денежнаго хозяйства,—мы думаемъ, что подобная ясность и простота получается вслѣдствіе оперированія съ отвлеченными, а не живыми понятіями и фактами. Прежде всего должно замѣтить, что нельзя выводить законъ цѣнности, общій для всѣхъ стадій экономическаго развитія. Далѣе, опасно, казалось бы, при изученіи столь сложнаго общественнаго явленія, какъ цѣнность, исходить изъ логическихъ опредѣленій вмѣсто жизненнаго опыта и выводить законы апріорнымъ путемъ, а не посредствомъ наблюденія фактовъ въ различные періоды экономической жизни. Кромѣ того авторъ погрѣшаетъ, отождествляя цѣну, какъ мѣру мѣновой цѣнности, выраженную въ извѣстномъ количествѣ посредствующаго товара—деньгъ, съ мѣновой цѣнностью; для него нѣтъ внутренней мѣновой цѣнности въ противоположность рыночной цѣнѣ; для него законы мѣновой цѣнности суть лишь обобщенія законовъ, управляющихъ мѣновой цѣнностью въ конкретныхъ случаяхъ, а не суть прототипы или нормы, отъ которыхъ конкретные случаи отклоняются.

Трудъ и капиталъ. Первоначальныя свѣдѣнія по политической экономіи. Переводъ съ польскаго В. Свидерскаго. Спб. 1893. Цѣна 20 к.

Въ цѣляхъ народнаго просвѣщенія весьма важно распространеніе здравыхъ юридическихъ и экономическихъ понятій въ мало-образованныхъ кругахъ общества. Однимъ изъ пригодныхъ средствъ для этого является изданіе популярныхъ брошюръ, приноровленныхъ къ пониманію лицъ съ элементарнымъ образованіемъ. Однако мы видимъ, что въ то время, какъ на Западѣ народная юридическая и экономическая литература приняла довольно солидные размѣры, и даже выдающіеся ученые посвящаютъ часть своего времени на изложеніе научныхъ истинъ въ общедоступной формѣ, у насъ въ Россіи замѣчается крайняя бѣдность народныхъ изданій по общественнымъ наукамъ; можно назвать не болѣе десятка удовлетворительныхъ книгъ такого рода.

Впрочемъ, когда за дѣло популяризаціи берется лицо некомпетентное, то получается больше вреда, чѣмъ пользы. На лицо примѣръ—книжка, переведенная г. Свидерскимъ. Она трактуетъ о двухъ основныхъ элементахъ хозяйственной жизни—трудѣ и капиталѣ, затрогивая попутно вопросы о цѣнности, деньгахъ, роскоши и др. Но при этомъ книжка не выполняетъ двухъ главныхъ требованій, которыя слѣдуетъ предъявлять къ популярнымъ изданіямъ: 1) требованія ясности, понятности языка, отсутствія ненужныхъ иностранныхъ словъ, осторожнаго употребленія терминовъ, 2) требованія излагать только такія теоріи, которыя уже твердо установлены въ наукѣ. Вотъ примѣръ неясности: „Вся цивилизація людей представляетъ изъ себя какъ бы одну громадную кладовую товаровъ, отдѣленія которой (отдѣльныя народности) крѣпко связаны между собой и находятся въ тѣсной между собой зависимости“ (стр. 13). На стр. 22, какъ deus ex machina, сваливается на голову читателя понятіе „общественнаго производства“, нигдѣ не объясненное. Во всей брошюркѣ слово „цѣнность“ путается со словомъ „стоимость“. Въ гл. V авторъ говоритъ о деньгахъ, не давъ имъ опредѣленія. Съ другой стороны, въ книжкѣ не мало своеобразныхъ теорій, которыя или давно оставлены въ наукѣ или впервые изобрѣтены самимъ авторомъ. Такъ, безполезный трудъ отождествляется съ непроизводительнымъ (стр. 38). Мѣновая цѣнность предметовъ, по мнѣнію автора, была совершенно неизвѣстна дикарямъ, у которыхъ обмѣнъ зависѣлъ отъ случая и отъ обмана („кто кого успѣлъ надуть“, стр. 41). На стр. 44 утверждается, что если мы платимъ за товаръ бумажными рублями, не имѣющими никакой цѣнности, то рубли принимаются только потому, что казна по требованію выдаетъ въ замѣнъ бумажекъ соотвѣтствующее количество золотыхъ или серебряныхъ монетъ; при этомъ совершенно упускается изъ виду существованіе неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ. Свое воззрѣніе на торговлю неизвѣстный авторъ черпаетъ изъ ученій 17 и 18 вѣковъ „Покупать для продажи значитъ выдать опредѣленную сумму денегъ

съ тѣмъ, чтобы потомъ получить больше, безъ всякаго увеличенія цѣнности товара черезъ вложеніе въ него какого-нибудь новаго труда. Деньги, которыя такимъ образомъ увеличиваются сами собой (!), создаютъ капиталъ".

Неудовлетворительно выяснены многіе важные вопросы, напр., вліяніе спроса и предложенія на цѣны (36—40 стр.), вліяніе на величину общественно-необходимаго времени улучшенныхъ способовъ производства (34—35 стр.),соотношеніе прибыли на капиталъ и заработной платы (71 стр.). Все вышеприведенное достаточно убѣждаетъ насъ въ непригодности книжки для чтенія лицъ, которыя пожелали бы въ общедоступной формѣ познакомиться съ нѣкоторыми основными вопросами экономической науки.

Эрвинъ Нассе. Земледѣліе и аграрныя отношенія въ Англіи. Пер. съ нѣм. Юровскаго, подъ редакціей В. Левитскаго. Ярославль. 1893. Ц. 80 коп.

Профессоръ Демидовскаго Лицея В. Ф. Левитскій предпринялъ рядъ изданій по вопросу о земледѣльческомъ кризисѣ и аграрныхъ отношеніяхъ въ Западной Европѣ. Первымъ выпускомъ является сочиненіе проф. Нассе, которое, будучи написано еще въ 1884 г., до сихъ поръ сохранило все свое жизненное и научное значеніе.

Нассе начинаетъ свое изслѣдованіе разсмотрѣніемъ того, какъ распредѣляется въ Англіи поземельная собственность, причемъ пользуется новѣйшими данными англійскихъ статистиковъ. По оффиціальнымъ, но не вполнѣ точнымъ свѣдѣніямъ оказывается, что 64,7% всей площади земли принадлежитъ крупнымъ собственникамъ, имѣющимъ болѣе 1000 акровъ, 30,7%—собственникамъ, имѣющимъ 100—1000 акр.; по болѣе точному вычисленію Bateman, крупнымъ землевладѣльцамъ принадлежитъ 60,6% всей земли. Концентрація земельной собственности непрерывно прогрессируетъ; мелкіе земледѣльцы-собственники встрѣчаются уже какъ рѣдкое исключеніе. Бо́льшая часть земли сдается въ аренду, обыкновенно годовую; распространившіяся одно время долгосрочныя аренды стали теперь выходить изъ употребленія, что объясняется постоянными колебаніями чистаго дохода отъ земли, не позволяющими заключать долгосрочныхъ обязательствъ. Средній размѣръ хозяйства въ 1880 г. былъ въ Англіи 59,33 акра, въ Валлисѣ 47,05 акр.; почти $^3/_4$ всей земли обрабатываются хозяйствами въ 50—200 акровъ. Далѣе авторъ переходитъ къ описанію сельско-хозяйственнаго кризиса 70-хъ годовъ; причинами его были: плохіе урожаи нѣсколькихъ лѣтъ вслѣдствіе недостатка солнечнаго свѣта и излишка дождей, эпидеміи на скотѣ, уси-

леніе американской конкурренціи, увеличеніе издержекъ производства для сельскихъ хозяевъ, поднятіе арендной платы. Пониженіе вслѣдствіе конкурренціи цѣны на хлѣбъ и увеличеніе расходовъ сельскихъ хозяевъ и привело къ кризису. Англійскіе статистики вычисляютъ потери сельскихъ хозяевъ Великобританіи за 1875—80 г. въ 34—40 мил. фунт. ежегодно. Доказательствомъ стѣсненнаго положенія земледѣлія являются банкротства многихъ арендаторовъ, уменьшеніе количества живого инвентаря и увеличеніе площади необработываемыхъ земель. Наиболѣе пострадали среднія хозяйства въ 50—300 акр. Изъ всѣхъ лицъ, заинтересованныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, оказались въ выигрышѣ въ послѣднее время только одни сельскіе рабочіе: плата ихъ повышалась, даже въ дурные годы, жилища значительно улучшились, цѣны на многіе предметы потребленія понизились. Въ результатѣ, по словамъ Нассе, доля рабочаго въ доходѣ отъ земледѣлія увеличилась, а доли землевладѣльца и арендатора уменьшились. Ущербъ, нанесенный иностранной конкурренціей англійскому земледѣлію съ его интенсивными формами, является неизбѣжнымъ и заставляетъ измѣнить всю систему сельскаго хозяйства. Развитіе международнаго раздѣленія труда въ сельскомъ хозяйствѣ ведетъ къ необходимости для Англіи оставить культуру зерновыхъ хлѣбовъ и сосредоточиться на скотоводствѣ и культурѣ овощей, плодовъ и цвѣтовъ. Мягкія зимы и влажная атмосфера Англіи благопріятствуютъ произрастанію травъ и пастбищному хозяйству, между тѣмъ какъ естественныя условія Америки дѣлаютъ ее болѣе способной къ культурѣ хлѣбовъ. Выгодность обращенія Англіи къ скотоводству обусловливается далѣе тѣмъ, что культура хлѣба въ Англіи испытываетъ сильную конкурренцію иностранцевъ, а скотоводство ея не испытываетъ; и дѣйствительно, цѣны на хлѣбъ не измѣняются или даже понижаются, а продукты скотоводства дорожаютъ; наконецъ, земледѣліе сильно стѣснено повышеніемъ заработной платы, не имѣющимъ особаго значенія при системѣ вольной пастьбы скота. Пастбищное хозяйство не является, по мнѣнію Нассе, болѣе экстенсивной системой, чѣмъ пашенное, а даже болѣе интенсивной въ отношеніи капитала, количество котораго на единицу площади увеличивается при переходѣ къ пастбищному хозяйству. Развитіе скотоводства насчетъ земледѣлія уже давно можно замѣтить въ Англіи. Количество постоянныхъ луговъ возросло съ 9,881,833 акр. въ 1871 г. до 12,008,679 акр. въ 1883 г.; количество же пашенъ уменьшилось съ 13,835,827 акр. до 12,786,380 акровъ; площадь посѣвовъ пшеницы сократилась съ 3,463,255 акр. въ 1872 г. до 2,544,990 акр. въ 1883 г.; между тѣмъ ввозъ пшеницы увеличился съ 27 мил. центнеровъ въ 1863—65 г. до 70½ мил. центн. въ 1880—82 г. Изъ

хлѣбныхъ растеній вытѣсняется главнымъ образомъ пшеница, культура же ячменя и овса остается безъ измѣненія. Кромѣ того, въ англійскомъ сельскомъ хозяйствѣ замѣчается стремленіе къ усиленному разведенію овощей, плодовъ, цвѣтовъ и живности.

Въ послѣдней главѣ Нассе разбираетъ аграрное законодательство Англіи и его реформу, разбираетъ факторы, содѣйствующіе и противодѣйствующіе концентраціи земельной собственности и въ заключеніе останавливается на реформѣ арендnаго права. Рядъ новыхъ законовъ во многомъ облегчилъ положеніе арендаторовъ. Такъ, по закону 7 сент. 1880 г., арендаторамъ предоставлено неотчуждаемое право убивать на арендуемой землѣ зайцевъ и кроликовъ. Законъ 25 авг. 1883 г. предоставляетъ собственнику залоговое право на движимость арендатора только въ обезпеченіе одногодней арендной платы. Законъ 1883 г. о вознагражденіи далъ право арендаторамъ при оставленіи аренды требовать вознагражденія за сдѣланныя улучшенія.

Таково въ общемъ содержаніе книги. Какъ мы видимъ, Нассе нѣсколько оптимистъ (напр., въ воззрѣніи на положеніе сельскихъ рабочихъ) и въ раскрытіи причинъ земледѣльческаго кризиса Англіи значительно расходится съ Н. А. Каблуковымъ („Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ"), который объясняетъ его процессомъ отдѣленія капитала отъ труда и преобладаніемъ крупнаго землевладѣнія и фермерскихъ хозяйствъ съ наемными рабочими. Впрочемъ, Нассе въ своихъ объясненіяхъ кажется намъ ближе къ истинѣ. Многія воззрѣнія Нассе оригинальны и составляютъ вкладъ въ науку.

Сидней Веббъ и Харольдъ Коксъ. Восьмичасовой рабочій день. Переводъ съ англ. Муратова. Москва. 1893.

На Западѣ съ каждымъ днемъ усиливается движеніе въ пользу сокращенія рабочаго времени въ промышленныхъ заведеніяхъ. Изъ большой литературы, создавшейся въ послѣднее время подъ вліяніемъ этого движенія, переводчикъ удачно выбралъ сочиненіе Вебба и Кокса о 8-часовомъ рабочемъ днѣ, которое даетъ довольно полную картину вопроса о рабочемъ времени въ его современномъ положеніи. Описавъ общія основанія, дающія жизненность и силу движенію въ пользу 8-часового дня (желаніе имѣть больше отдыха и возможности наслаждаться жизнью и стремленіе къ болѣе осмысленной и полной жизни), авторы переходятъ къ описанію положенія вопроса о 8-часовомъ днѣ въ разныхъ странахъ. Особенно выдаются въ этомъ отношеніи Великобританія и Австралія. Что касается первой, то уже со времени отмѣны запрещенія рабочихъ союзовъ въ 1824 г. возникаетъ среди рабочихъ мысль о 8-часовомъ днѣ. Но въ то время дѣйствительный рабочій день продолжался 11 — 14 часовъ, и 8-часовой день былъ

далекимъ идеаломъ. Только во второй половинѣ 19 вѣка, когда въ промышленности болѣе или менѣе установился 10-часовой день, стремленія къ 8-часовому дню получили практическое значеніе. Въ 1869 г. на конгрессѣ рабочихъ союзовъ въ Бирмингэмѣ резолюція въ пользу 8-часового дня была принята единогласно. Въ 80-хъ годахъ въ программу соціально-демократической федераціи вошелъ 8-часовой билль. Голосованіе, произведенное среди рабочихъ въ 1887 г., дало 22.720 голосовъ за 8-часовой день, 4.097 — противъ него, 17.267 голосовъ за введеніе его законодательнымъ путемъ, 3.819 — противъ такового. На конгрессѣ рабочихъ союзовъ въ Ливерпулѣ въ 1890 г. принята резолюція въ пользу 8-часового парламентскаго билля 193 голосами, представлявшими 900.000 рабочихъ, противъ 153, представлявшихъ только 540.000 рабочихъ. Изъ этого видно, насколько окрѣпла идея 8-часового дня, вводимаго законодательнымъ порядкомъ.

Въ Австраліи движеніе за 8-часовой день началось съ митинга каменьщиковъ въ Мельбурнѣ въ 1856 г., и въ результатѣ черезъ 3 недѣли мельбурнскіе строительные рабочіе получили 8-часовой день. Вскорѣ это движеніе распространилось и выразилось въ рядѣ постановленій о 8-часовомъ днѣ для женщинъ и дѣтей (1874 г.), для рудокоповъ (1877 г.), для приказчиковъ (1886 г.). На континентѣ движеніе въ пользу 8-часового дня возникло вмѣстѣ съ образованіемъ Интернаціонала 1864 г., первоначально подъ вліяніемъ Карла Маркса; но результаты этого движенія пока незначительны. Авторы подробно останавливаются на доказательствѣ того, что отъ введенія 8-часового дня заработная плата не потерпитъ ущерба, размѣры производства не сократятся; во многихъ случаяхъ не уменьшится производительность, не увеличится и стоимость производства; внѣшняя торговля ничуть не измѣнится (такъ какъ она зависитъ отъ различій между относительными выгодами страны отъ производства разныхъ видовъ ея собственныхъ товаровъ). Перемѣна отразится главнымъ образомъ на пониженіи процента. Наоборотъ, для физическаго здоровья и духовнаго развитія рабочихъ 8-часовой день будетъ имѣть огромное положительное значеніе.

По вопросу о способѣ, которымъ лучше всего ввести 8-часовой день, авторы безусловно склоняются въ пользу законодательнаго вмѣшательства. Дѣятельностью рабочихъ союзовъ нельзя достигнуть ничего крупнаго и общаго въ этой сферѣ; союзы охватываютъ небольшую часть рабочаго населенія (не болѣе $^1/_9$ части въ Англіи); стачки часто оканчиваются неудачей для рабочихъ; нерѣдко достигнутый стачкой результатъ утрачивается съ первымъ промышленнымъ застоемъ. Противно интересамъ общества предоставлять дѣло сокраще-

нія рабочаго времени системѣ постоянныхъ стачекъ, обостряющихъ отношенія фабрикантовъ и рабочихъ, причиняющихъ огромный вредъ публикѣ, стоющихъ массы лишеній и средствъ для рабочихъ. Государство имѣетъ право устранить чрезмѣрность часовъ труда уже потому, что первой его обязанностью является опредѣленіе условій, на которыхъ можетъ допускаться борьба за существованіе. Оправданіе принудительнаго закона уже въ томъ, что онъ есть единственное средство для извлеченія рабочихъ изъ ихъ униженнаго положенія; законъ поставитъ ихъ въ болѣе крѣпкую экономическую позицію и въ болѣе благопріятныя условія борьбы за существованіе. Наконецъ, авторы указываютъ на то, что принципъ регулированія часовъ труда закономъ извѣстенъ Англіи уже съ начала 19 вѣка, когда началось развиваться фабричное законодательство. „Государство", заключаютъ авторы, „должно вмѣшиваться между машинами и человѣкомъ, потому что иначе человѣкъ былъ бы сокрушенъ созданнымъ имъ демономъ. Если по винѣ машинъ, говоритъ современное государство, люди должны для заработка спускаться почти до уровня обезьянъ, то мы можемъ ограничить періодъ такого состоянія. Если нельзя выполнить работу по-человѣчески, то можно дать досугъ, который сдѣлаетъ рабочихъ людьми".

Въ послѣдней главѣ авторы излагаютъ свои практическія предложенія. Не считая возможнымъ въ настоящее время установить въ Англіи обязательный для всѣхъ производствъ 8-часовой день, они предлагаютъ установить нормальный 9-часовой рабочій день, а 8-часовой — только для тѣхъ производствъ, въ которыхъ трудъ особенно утомителенъ, именно для рудокоповъ, для служащихъ на желѣзныхъ и конно-желѣзныхъ дорогахъ и для приказчиковъ. Въ подтвержденіе того, что въ настоящее время эти отрасли отличаются особенно тягостной продолжительностью рабочаго дня, авторы приводятъ въ главѣ III многочисленныя данныя.

При прекрасной разработкѣ вопроса, авторы слишкомъ мало коснулись одной стороны его, именно, выясненія того, что сокращеніе рабочаго дня увеличиваетъ интенсивность труда и, слѣд., его производительность, между тѣмъ, какъ именно это соображеніе и должно примирить предпринимателей съ сокращеніемъ рабочаго дня.

М. Соболевъ,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ

МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

въ 1892—93 году.

Засѣданіе 29 апрѣля 1892 г.

Засѣданіе открыто въ 8½ часовъ вечера товарищемъ предсѣдателя отдѣленія **Н. А. Каблуковымъ**, при исполнявшемъ обязанности секретаря **М. Н. Соболевѣ**, въ присутствіи 12 членовъ отдѣленія.

Дѣйствительнымъ членомъ *Л. Н. Маресcомъ* прочитанъ докладъ: „Неурожай 1891 года и вызванный имъ продовольственный кризисъ" (напечатанъ въ настоящемъ томѣ Сборника, выше, стр. 86):

А. Ѳ. Фортунатовъ не соглашался съ положеніемъ докладчика, что статистическій матеріалъ 1891 г. тождественъ съ матеріаломъ послѣдняго 5-лѣтія, потому что первый собирался въ августѣ, а второй въ сентябрѣ. Далѣе, по мнѣнію оппонента, нельзя согласиться и съ тѣмъ, что площадь посѣва ржи не увеличилась съ 1881 г.; она, соотвѣтственно росту населенія, увеличилась на 7%. Докладчикъ въ отвѣтъ на это разъяснилъ, что, по его вычисленіямъ, указанное увеличеніе площади посѣва относится исключительно къ частно-владѣльческимъ хозяйствамъ, не касаясь крестьянскихъ.

И. П. Богомѣповъ въ подтвержденіе мысли докладчика о пониженіи хлѣбныхъ цѣнъ вслѣдствіе недостатка спроса, а не вслѣдствіе обнаруженія запасовъ, привелъ тотъ фактъ, что цѣны на скотъ въ настоящее время, несмотря на громадную нужду въ немъ, очень низки именно благодаря ничтожному спросу. Кромѣ того, И. П. Богомѣповъ выразилъ сожалѣніе, что центральный статистическій коми-

тетъ даетъ цифры только по губерніямъ, между тѣмъ какъ желательно было бы имѣть ихъ и по уѣздамъ, и по волостямъ.

В. Н. Григорьевъ замѣтилъ, что докладчикъ слишкомъ полагается на данныя центральнаго комитета, которыя построены на итогахъ волостныхъ правленій, основанныхъ, какъ извѣстно, по каждой волости на 6 показаніяхъ о крестьянскихъ хозяйствахъ и 6 показаніяхъ частно-владѣльческихъ хозяйствъ. Впрочемъ, этотъ недостатокъ точности не вредитъ реферату, такъ какъ волостныя правленія скорѣе смягчали темныя краски, чѣмъ усиливали ихъ.

Н. А. Каблуковъ замѣтилъ при этомъ, что при пользованіи такими данными референта нельзя обвинить въ тенденціозномъ подборѣ матеріала.

Н. А. Вокачъ указалъ на недостаточное выясненіе вопроса о цѣнахъ на хлѣбъ. Несмотря на запрещеніе вывоза съ конца прошлаго года, цѣны на хлѣбъ продолжали повышаться. Теперь произошло ихъ пониженіе, которое докладчикъ объясняетъ истощеніемъ покупательныхъ средствъ населенія. Съ этимъ нельзя вполнѣ согласиться. Паденіе цѣнъ скорѣе объясняется прекращеніемъ закупокъ земствами. Такъ какъ по вѣдомости на 1 марта въ большинствѣ губерній запасы собраны на $1^1/_2$ — 2 мѣсяца, а до будущаго урожая еще 5 мѣс., то земства должны будутъ произвести закупокъ хлѣба еще на 3 — $3^1/_2$ мѣс.; тогда цѣны опять должны подняться. Далѣе оппонентъ указалъ на особенное положеніе Воронежской губ., гдѣ вообще урожайность была настолько высока, что норма питанія крестьянъ близко подходила къ нормѣ, указанной гигіенистами. Подобный фактъ совершенно не согласуется съ общимъ выводомъ, что неурожай 1891 г. зависитъ отъ прогрессивнаго упадка культуры крестьянской земли, такъ какъ Воронежская губ., имѣющая такое прошлое, въ то же время наиболѣе сильно пострадала отъ неурожая. Наконецъ, оппонентъ выразилъ сожалѣніе, что докладчикъ не разработалъ вопроса о томъ, сколько хлѣба не хватаетъ крестьянскому населенію для нормы питанія. Извѣстно, что крестьяне принуждены ограничивать свое питаніе крайними предѣлами вслѣдствіе нужды въ деньгахъ; поэтому вывозъ хлѣба за границу не стоитъ въ связи съ нашими избытками. Если-бы былъ разработанъ указанный вопросъ, то можно было бы видѣть, сколько хлѣба не должно быть вывозимо.

Въ отвѣтъ на эти замѣчанія. *Л. Н. Маресс*ъ сказалъ, что къ 1 апрѣля количество нужнаго для 16 губерній до 1 августа хлѣба равнялось 10 мил. пудовъ, изъ которыхъ 5 мил. уже закуплено; сомнительно, чтобы дальнѣйшія покупки земствъ могли повліять на цѣны. Очевидно, что мысль о зависимости неурожая отъ прогрессивнаго упадка хозяйства не можетъ имѣть отношенія къ Воронежской губ. Хлѣбная

производительность Россіи не стоитъ въ связи съ вывозомъ. Съ 1850 года вывозъ за-границу увеличился въ 5 разъ; но если-бы даже прекратить вывозъ и винокуреніе, населеніе все-таки не имѣло бы столько, сколько ему нужно.

И. Н. Миклашевскій указалъ на одинъ изъ факторовъ ненормальнаго повышенія цѣнъ на рожь, не упомянутый въ рефератѣ и преніяхъ — на вліяніе желѣзнодорожныхъ порядковъ. Населеніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ доставка была затруднительна, должно было уплачивать больше. Ненормальность желѣзнодорожнаго передвиженія повлекла за собой повышеніе цѣнъ, почему населеніе принуждено было переплачивать; теперь же, несмотря на пониженіе цѣнъ, силы крестьянъ уже истощены въ конецъ.

Г. Соколовъ замѣтилъ, что норма физіологически необходимаго питанія у референта выше, чѣмъ норма Фойта, который, сводя всѣ элементы питанія къ ржаной мукѣ, опредѣляетъ среднюю норму питанія мужчины въ 23 пуда; кромѣ того г. *Соколовъ* привелъ въ подтвержденіе мнѣнія о недостаточной точности данныхъ центральнаго комитета о сборѣ хлѣбовъ и травъ лично имъ замѣченные случаи проставленія въ бланкахъ цифръ ранѣе наступленія жатвы.

И. И. Петрункевичъ отмѣтилъ одинъ пропускъ въ рефератѣ — недостатокъ матеріала, рисующаго положеніе крестьянскихъ платежей, взыскиваемыхъ въ неурожайныхъ губерніяхъ. Такъ какъ крестьяне принуждены продавать свой хлѣбъ для уплаты налоговъ, то неупоминаніе объ этомъ лишаетъ полноты представленную докладчикомъ картину.

Н. А. Каблуковъ указалъ на невыясненность въ рефератѣ вопроса о томъ, достаточны ли были запасы хлѣба въ Россіи. Въ виду важности этого вопроса, было бы лучше обойти его молчаніемъ, чѣмъ выяснять не совсѣмъ точно и опредѣленно. Въ рефератѣ же не упоминается ни о запасахъ прежнихъ лѣтъ, ни о запасахъ отдѣльныхъ экономій. Далѣе оппонентъ замѣтилъ, что референтъ напрасно сомнѣвается въ наличности продовольственныхъ запасовъ въ магазинахъ — они существуютъ, но врядъ ли могутъ служить основаніемъ для сужденія объ обезпеченности населенія, такъ какъ эти запасы могутъ служить только тому селенію, гдѣ есть магазинъ, но не сосѣднимъ.

Д. М. Жбанковъ внесъ предложеніе объ избраніи коммиссіи для производства сводки тѣхъ 6 докладовъ, которые въ истекшемъ академическомъ году были посвящены вопросу о неурожаѣ. Статистическое отдѣленіе отклонило это предложеніе въ виду слишкомъ различнаго характера читанныхъ рефератовъ, препятствующаго сведенію ихъ къ общимъ итогамъ.

Предсѣдательствующій въ своемъ резюмé указалъ на ничтожное

развитіе въ Россіи статистики потребленія. До сихъ поръ изслѣдовались условія жизненной обстановки крестьянъ; и только теперь изслѣдованіе того, что потребляется населеніемъ, можетъ имѣть мѣсто и будетъ имѣть почву; на основаніи этого предсѣдательствующій предложилъ обратить вниманіе земско-статистическихъ бюро на статистику потребленія. Присутствовавшіе члены единогласно постановили: статистическое отдѣленіе считаетъ въ настоящее время необходимымъ и существенно важнымъ обратить вниманіе земской статистики на изслѣдованіе крестьянскаго потребленія. Въ заключеніе предсѣдательствующій, выразивъ отъ лица Отдѣленія благодарность Л. Н. Маресcу за представленный докладъ, предложилъ ему выработать проектъ программы статистическаго изслѣдованія крестьянскаго потребленія.

Засѣданіе закрыто въ 11 ч. веч.

Засѣданіе 4 ноября 1892 г.

Засѣданіе открыто въ $8^1/_2$ ч. веч. предсѣдателемъ **А. И. Чупровымъ**, при исполнявшемъ обязанности секретаря **И. П. Боголѣповѣ**, въ присутствіи 16 членовъ отдѣленія.

Д. ч. *М. Н. Соболевъ* прочиталъ докладъ: „Ростовщическій кредитъ по даннымъ земско-статистической литературы". Охарактеризовавъ тѣ матеріалы, которыми пришлось пользоваться, докладчикъ перешелъ къ результатамъ статистической сводки данныхъ о кредитѣ. Прежде всего, онъ указалъ на разнообразныя формы кредита и на сравнительную распространенность ихъ. Натуральный кредитъ преобладаетъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ господствуетъ натуральное хозяйство; производительный кредитъ значительно меньше потребительнаго. Приводя среднія величины займовъ, среднія величины задолженности и процентное отношеніе занятыхъ суммъ по четвертямъ года, референтъ обратился къ вопросу о контингентѣ сельскихъ кредиторовъ; оказывается, что первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаютъ крестьяне-односельчане. Далѣе онъ подробно остановился на доказательствѣ положенія, что задолженность растетъ прямо пропорціонально зажиточности, и въ подтвержденіе этому привелъ цифры процентнаго отношенія задолженныхъ къ общему числу населенія по разрядамъ крестьянъ, среднія количества задолженныхъ хозяевъ и занятыхъ суммъ на волость, сопоставленіе статистическихъ рядовъ средней задолженности и недоимочности на семью по волостямъ Кромскаго уѣзда и наконецъ рядъ цифръ средней задолженности на 1 наличный дворъ, вычисленныхъ по различнымъ категоріямъ крестьянъ (по степени земельнаго обезпеченія, по количеству лошадей, по признаку батрачества).

Переходя къ описанію условій займовъ, докладчикъ обратилъ главное вниманіе на проценты, которые взимаются при ростовщическихъ сдѣлкахъ въ явной и скрытой формѣ, на способы взиманія процентовъ въ скрытой формѣ (въ видѣ повышенной оцѣнки даваемыхъ въ долгъ товаровъ, въ видѣ пониженной оцѣнки получаемыхъ въ уплату продуктовъ или работъ, въ видѣ „могарыча“, разныхъ противозаконныхъ выгадываній на качествѣ и количествѣ продукта) и на размѣры процента въ этихъ различныхъ видахъ. Что касается сроковъ, то на основаніи выведенныхъ статистическихъ данныхъ можно съ увѣренностью сказать, что займы главнымъ образомъ краткосрочные. Изъ средствъ обезпеченія долговъ референтъ указалъ на поручительство, залогъ, неустойки, круговую поруку, а также изобразилъ способы, создаваемые кредиторами для облегченія процессуальнаго преслѣдованія должниковъ. Въ заключеніе М. Н. Соболевъ доказывалъ, что главнымъ средствомъ борьбы съ ростовщичествомъ должно быть общее поднятіе крестьянскаго хозяйства; что уголовная репрессія въ этой области имѣетъ мало значенія, а правильно организованный общественный кредитъ не принесетъ ожидаемой пользы, пока крестьянское хозяйство будетъ оставаться въ настоящемъ печальномъ положеніи.

Предсѣдатель обратился къ присутствующимъ членамъ съ заявленіемъ, что въ засѣданіи присутствуетъ проф.-доцентъ Лейпцигскаго университета, фонъ-Шульце-Геверницъ, авторъ извѣстнаго сочиненія „Zum socialen Frieden“, причемъ отъ лица Статистическаго отдѣленія выразилъ г. Шульце-Геверницъ удовольствіе видѣть его въ средѣ членовъ отдѣленія.

Д. И. Воейковъ выразилъ сожалѣніе, что референтъ не воспользовался данными частныхъ изслѣдователей народнаго кредита; кромѣ того онъ полагалъ, что помимо подъема экономическаго благосостоянія населенія весьма важной мѣрой являются и законы противъ ростовщичества, причемъ указывалъ на нѣкоторые примѣры изъ своихъ личныхъ наблюденій, гдѣ единственно вмѣшательство власти могло парализовать вредное вліяніе ростовщиковъ; поэтому оппонентъ считаетъ весьма желательнымъ введеніе законнаго процента не свыше $8^1/_3$ %, какъ это предлагается въ правительственномъ законо-проектѣ противъ ростовщичества.

На высказанное референтомъ М. Н. Соболевымъ замѣчаніе, что высокій процентъ обусловливается нуждою кредитующихся и съ улучшеніемъ ихъ экономическаго положенія долженъ понизиться, *Д. И. Воейковъ* отвѣтилъ, что бѣдные всегда будутъ и вопросъ идетъ только о томъ, какой процентъ нужно считать нормальнымъ.

М. А. Саблинъ полагалъ, что правильно поставленныя кредитныя учрежденія и въ настоящее время могутъ принести пользу, что̀ видно.

между прочимъ и изъ самаго реферата, гдѣ указано пониженіе процентовъ послѣ открытія ссудо-сберегательныхъ товариществъ.

В. Н. Григорьевъ спросилъ референта, насколько кажутся ему точными цифры задолженности, выведенныя статистиками Воронежской губ. путемъ опроса населенія, причемъ указалъ на то, что по нѣкоторымъ губерніямъ статистики отказывались отъ изслѣдованія этого вопроса.

По мнѣнію *М. Н. Соболева*, цифры эти болѣе или менѣе приближаются къ дѣйствительности, что́ подтверждается совпаденіемъ выводовъ, построенныхъ на этихъ цифрахъ, съ нѣкоторыми положеніями, выводимыми a priori; такимъ образомъ подтверждается, напр., апріорное положеніе, что, чѣмъ менѣе крестьяне обезпечены землей, тѣмъ болѣе будетъ задолженность ихъ за землю, или, что ничтоженъ кредитъ крестьянъ, обладающихъ малою кредитоспособностью.

А. И. Чупровъ подтвердилъ мысль о достаточной точности цифръ задолженности указаніемъ на устойчивость среднихъ величинъ задолженности на дворъ по Воронежской губ.

И. Н. Миклашевскій высказался въ пользу земско-статистическихъ данныхъ о кредитѣ и приводилъ примѣры того, что крестьяне извѣстныхъ ему мѣстностей охотно указывали на величину процентовъ, уплачиваемыхъ ими за долги при покупкѣ земли; по его мнѣнію, для каждой мѣстности можно вполнѣ точно установить среднюю величину процента.

И. П. Богольповъ, подтверждая сказанное И. Н. Миклашевскимъ о возможности точной регистраціи высоты процентовъ, сомнѣвался въ возможности произвести полный учетъ крестьянской задолженности.

И. И. Янжулъ находилъ утвержденіе референта о безполезности уголовной репрессіи ростовщичества слишкомъ категоричнымъ; по его мнѣнію, борьба на этой почвѣ нужна и полезна. Это доказываетъ вся новѣйшая исторія законодательствъ. Въ началѣ 19 вѣка экономисты стояли за отмѣну законовъ о ростовщичествѣ и подъ ихъ вліяніемъ законный процентъ былъ уничтоженъ. Однако теперь вездѣ вводятся строгія мѣры, а въ Германіи даже жестокія, противъ высокихъ процентовъ. Даже въ Англіи, въ странѣ полной экономической свободы, существуютъ законы противъ ростовщическаго процента. Въ Германіи не опредѣленъ размѣръ процента, который долженъ считаться ростовщическимъ; судъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ долженъ самъ рѣшить по обстановкѣ сдѣлки, является ли она ростовщическою или нѣтъ; такую постановку вопроса оппонентъ считаетъ наболѣе удачной.

М. Н. Соболевъ возразилъ, что въ средніе вѣка существовала общая тенденція правительствъ регламентировать экономическія отношенія. Взиманіе процентовъ прямо воспрещалось (особенно подъ вліяніемъ проповѣди духовенства) или сильно ограничивалось; это однако

не помѣшало ни евреямъ, ни христіанамъ—банкирамъ вымогать весьма высокіе проценты за денежные займы. Аналогичный съ ограниченіемъ высоты процентовъ примѣръ представляетъ регулированіе англійскимъ правительствомъ среднихъ вѣковъ заработной платы; несмотря на строгія уголовныя кары, назначаемыя тѣмъ, кто платилъ или бралъ больше установленнаго, заработная плата устанавливалась по экономическимъ законамъ спроса и предложенія и т. п., а регламенты оставались безъ дѣйствія. Кромѣ того, можетъ быть, за-границей при правильномъ функціонированіи народнаго хозяйства законы противъ ростовщичества и имѣютъ извѣстное значеніе; другое дѣло въ Россіи.

В. А. Гольцевъ считаетъ неправильной ту точку зрѣнія, которая разсматриваетъ законъ противъ ростовщичества, какъ палліативную мѣру, и возлагаетъ всю надежду на общій подъемъ хозяйства. Пока этотъ подъемъ произойдетъ, рядъ палліативныхъ мѣръ тоже можетъ принести свою пользу. Оппонентъ ссылался на авторитетъ К. П. Побѣдоносцева, указывавшаго въ своемъ курсѣ Гражданскаго права на моральное дѣйствіе закона о ростовщичествѣ. Противъ мнѣнія И. И Янжула В. А. Гольцевъ замѣтилъ, что, въ случаѣ отсутствія въ законѣ указаній на опредѣленный процентъ, судъ будетъ поставленъ въ затрудненіе при рѣшеніи вопроса о томъ, является ли сдѣлка ростовщической или нѣтъ.

А. И. Чупровъ разъясняетъ, что въ германскомъ законѣ установлены признаки ростовщическаго займа; въ доказательство полезнаго дѣйствія этого закона онъ сослался на мнѣнія, высказанныя на съѣздѣ Verein für Socialpolitik въ 1888 г. Соглашаясь съ высказаннымъ М. А. Саблинымъ мнѣніемъ о положительномъ значеніи въ настоящее время кредитныхъ учрежденій, *А. И. Чупровъ* выразилъ сожалѣніе, что за послѣднее время русское общество потеряло къ ссудо-сберегательнымъ товариществамъ тотъ интересъ, который оно проявляло въ началѣ 70-ыхъ годовъ.

И. П. Болотовъ полагалъ, что причины неуспѣха ссудо-сберегательныхъ товариществъ кроются въ нихъ самихъ, напр., въ условіяхъ заключенія займовъ; кромѣ того, неуспѣхъ обусловливается и самыми цѣлями займовъ, такъ какъ эти послѣдніе шли большею частью непроизводительно, напр., на уплату податей и т. п.

По окончаніи преній, предсѣдатель, резюмируя сказанное въ рефератѣ и во время преній, высказалъ отъ Отдѣленія благодарность докладчику за его рефератъ.

Г. Шульце-Геверницъ обратился къ присутствующимъ членамъ съ рѣчью на французскомъ языкѣ, гдѣ благодарилъ за удовольствіе, доставленное ему оживленнымъ засѣданіемъ, указалъ на то, что онъ пріѣхалъ въ Россію „pour apprendre et comprendre“ и что онъ на-

дѣется встрѣтить въ членахъ Отдѣленія содѣйствіе и полезныя указанія при предпринимаемомъ имъ ознакомленіи съ Россіей. Предсѣдатель отъ лица Отдѣленія высказалъ полную готовность содѣйствовать уважаемому ученому во всѣхъ его научныхъ изслѣдованіяхъ.

Засѣданіе было закрыто въ $11^1/_2$ час. вечера.

Засѣданіе 25 ноября 1892 г.

Засѣданіе открыто въ $8^1/_2$ ч. в. предсѣдателемъ Отдѣленія **А. И. Чупровымъ**, при товарищѣ секретаря **В. А. Косинскимъ**, въ присутствіи 9 членовъ.

1. Прочитанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія Отдѣленія отъ 4-го ноября 1892 г.

2. Доложено о поступленіи въ библіотеку Отдѣленія № 10 ежемѣсячнаго бюллетеня по городу Москвѣ за 1892 г., издаваемаго статистическимъ отдѣленіемъ московской городской управы.

3. Дѣйствительный членъ *И. П. Богомѣповъ* сдѣлалъ докладъ: „Взгляды крестьянскаго населенія на существующую продовольственную организацію".

Референтъ раздѣлилъ всѣ отзывы сельскихъ обществъ на три группы. Первая заключаетъ въ себѣ мнѣнія, отрицающія желательность и денежнаго, и натуральнаго окладовъ; вторая—взгляды, высказанные по поводу денежнаго оклада и третья—взгляды, высказанныя по поводу натуральнаго оклада. Каждая изъ двухъ послѣднихъ группъ разбита еще на двѣ, въ которыя собраны мнѣнія за извѣстный окладъ и противъ него.

I. Высказываясь противъ обоихъ окладовъ, отдѣльныя общества приводятъ слѣдующія основанія:

а) Невозможность уплаты какого бы то ни было продовольственнаго оклада вслѣдствіе бѣдности населенія, не позволяющей думать объ образованіи какихъ-либо запасовъ;

б) безполезность оклада въ виду зажиточности крестьянъ даннаго общества, которые, наравнѣ съ малоимущими, видятъ въ магазинѣ и продовольственномъ капиталѣ только средство помощи бѣднымъ крестьянамъ въ текущихъ нуждахъ ихъ, и

в) недостатки Устава о продовольственномъ дѣлѣ, допускающаго только однообразные оклады для общинъ, между тѣмъ какъ дѣйствительность въ иныхъ случаяхъ требуетъ примѣненія и денежнаго, и хлѣбнаго окладовъ одновременно; это напр. имѣетъ мѣсто въ тѣхъ

общинахъ, гдѣ одна часть населенія занимается земледѣліемъ, а дру гая—промыслами.

II. Относительно денежнаго оклада приходилось слышать мнѣнія за него и противъ него.

1. Противъ денежнаго оклада отдѣльныя общины высказывались по слѣдующимъ мотивамъ:

а) Указывалось на отсутствіе денегъ у крестьянъ и на очень труд ную добычу ихъ.

б) Указывались случаи, когда отдѣльные крестьяне обращались съ просьбой о пособіи изъ продовольственнаго капитала и не получали этого пособія: общества требовали чтобы продовольственный капиталъ служилъ населенію въ его текущихъ нуждахъ, а не только въ экстра ординарныхъ, вызванныхъ неурожаемъ.

в) Населеніе, въ виду громадной недоимочности, не можетъ на дѣяться, что будетъ исправнѣе послѣ установленія новаго денежнаго сбора, и потому въ переходѣ къ денежной формѣ продовольственнаго оклада видитъ только увеличеніе податной тягости.

г) Необходимость для покрытія денежнаго продовольственнаго оклада продавать хлѣбъ осенью по дешевымъ цѣнамъ, тогда какъ тотъ же хлѣбъ весною на сѣмена придется покупать по дорогой цѣнѣ.

д) Трудность распредѣленія денежныхъ запасовъ при измѣненіяхъ въ размѣрахъ землевладѣнія и при смѣнахъ самихъ владѣльцевъ; на конецъ,

е) Плохая отчетность, ставящая крестьянъ даже въ неувѣренность что деньги, отданныя ими въ продовольственный капиталъ, получаютъ именно это назначеніе,—все это также заставляетъ крестьянское на селеніе относиться отрицательно къ установленію денежнаго оклада.

2. За денежный окладъ приводились слѣдующія соображенія:

а) Въ селеніяхъ, состоящихъ на хлѣбномъ окладѣ, денежный про довольственный сборъ восхвалялся иногда, отвлеченно, безъ отношенія къ наличнымъ условіямъ: „Деньги не гніютъ, не горятъ, на нихъ ещ процентъ идетъ“, „копейка у всѣхъ равна-одинакова“.

б) Общины, состоящія на денежномъ окладѣ, указывали на ма земелье, обусловливающее собою малый размѣръ посѣвовъ, какъ обстоятельство, дѣлающее тяжелымъ платежъ натурою.

в) Разнородность занятій—когда одна часть населенія занимает земледѣліемъ, а другая не занимается—заставляетъ крестьянъ от ситься сочувственнѣе къ денежному обложенію, чѣмъ къ натура

ному потому, что денежная форма оклада даетъ возможность равномѣрно разложить эту повинность на все населеніе; взыскать же хлѣбомъ съ лицъ, не занимающихся земледѣліями, невозможно.

г) Въ пользу денежнаго сбора высказывались также общества, особенно обремененныя недоимками, такъ какъ между ними много безхозяйныхъ, натуральный сборъ съ которыхъ очень труденъ, да къ тому же многіе изъ безхозяйныхъ живутъ на сторонѣ. Играетъ тутъ, конечно, роль и душевное настроеніе населенія: оно почти не надѣется раздѣлаться съ недоимкою; прибавленіе же копѣечной недоимки къ существующей уже теперь не можетъ измѣнить его положенія къ худшему, между тѣмъ отъ тяготъ, налагаемыхъ на него натуральнымъ сборомъ, оно будетъ свободно.

Общая черта отзывовъ, благопріятныхъ денежному окладу та, что за него высказываются селенія, для которыхъ натуральный окладъ былъ бы почему-либо еще тяжелѣе, чѣмъ денежный. Исключеніе составляютъ селенія съ хлѣбнымъ окладомъ, приведенныя въ п. а); но вѣдь это селенія, незнакомыя практически съ денежнымъ окладомъ, да и отзывы ихъ недостаточно мотивированы: можетъ быть за этими неопредѣленными выраженіями: „копѣйка у всѣхъ равна-одинакова“ и т. д. кроется недовольство какой-либо стороной существующихъ у нихъ порядковъ, злоупотребленій и т. д., которыя не имѣютъ ничего общаго съ продовольственнымъ дѣломъ.

III. По поводу хлѣбнаго оклада зарегистрованы слѣдующія мнѣнія.

1. Противъ оклада.

а) Недостачи хлѣба дѣлаютъ натуральный окладъ очень тяжелымъ для населенія, которому иногда, приходится покупать хлѣбъ для засыпки въ магазинъ. Нужно замѣтить, что только 5—6% всѣхъ селеній Московской губ. могутъ обходиться своимъ хлѣбомъ, такъ что это замѣчаніе имѣетъ значеніе для подавляющаго большинство селеній Московской губ.

б) Нѣкоторыя изъ селеній мотивировали несочувствія къ натуральному окладу своею бѣдностью, другія—своимъ богатствомъ; бѣдныя затрудняются дѣлать отчисленія въ запасъ при малыхъ урожаяхъ, богатыя считаютъ такой запасъ ненужнымъ, безполезнымъ,—текущія нужды они могутъ покрыть собственными средствами, а на случай общаго неурожая не считаютъ магазины способными удовлетворить продовольственныя и сѣменныя потребности населенія.

в) Упоминавшаяся уже выше разнородность занятій населенія,

значительная часть котораго живетъ на сторонѣ и даже „казенныхъ податей“ не платитъ, также вызываетъ несочувствіе къ натуральному окладу въ селеніяхъ съ развитыми отхожими промыслами.

г) Неодинаковость зерна, доставляемаго въ магазинъ отдѣльными дворами;

д) Расходы на управленіе и устройство магазиновъ въ (большинствѣ мѣстностей, впрочемъ, незначительные);

и е) возможность достать хорошій хлѣбъ на сторонѣ, тогда какъ въ магазинахъ онъ „всегда лежалый“,—всѣ эти обстоятельства также заставляютъ населеніе высказываться противъ хлѣбнаго оклада.

2. Въ пользу натуральнаго сбора приводятся крестьянами слѣдующіе мотивы.

Общій отзывъ всѣхъ сочувствующихъ обществъ таковъ: магазины полезны для бѣднѣйшей части населенія; они, удовлетворяя текущимъ нуждамъ бѣднѣйшихъ крестьянъ, являются однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ поддержать послѣднихъ въ качествѣ личныхъ земледѣльцевъ. Магазинъ служитъ имъ слѣдующимъ образомъ:

а) Засыпанное въ магазинъ зерно является какъ бы застрахованнымъ отъ растратъ, отъ продажи на удовлетвореніе ближайшихъ по времени надобностей: „дома уберечь невозможно, а тутъ надо мірское согласіе“, въ магазинѣ „только и спасеніе отъ приставъ“.

б) Изъ магазина можно получить ссуду на льготныхъ условіяхъ а иногда даже и безъ процентовъ. Кредитная функція хлѣбо-запаснаго магазина — самая существенная. Пользуясь магазиномъ, какъ источникомъ мѣстнаго сельскохозяйственнаго кредита, крестьяне ведутъ дѣло на началахъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, иногда даже при общественной опекѣ надъ самымъ употребленіемъ взятаго изъ магазина зерна. Проценты идутъ въ общее мірское достояніе. Есть факты, доказывающіе, что разъ запасы достигаютъ извѣстныхъ размѣровъ, удовлетворяющихъ текущимъ нуждамъ населенія, магазинные запасы копятся „на всякій случай“ — на ближайшія потребности цѣлой общины (покупка пожарной трубы и т. под.), и для помощи отдѣльнымъ дворамъ, пострадавшимъ отъ пожаровъ, болѣзни работниковъ, вслѣдствіе утраты (отъ падежа или отъ покражи) лошадей и т. д. За удовлетвореніемъ этихъ нуждъ населеніе начинаетъ выдавать зерновыя ссуды и сосѣднимъ общинамъ.

в) Наконецъ, магазинъ можетъ служить, какъ зданіе, тѣмъ бѣдстьянамъ, у которыхъ нѣтъ собственныхъ житницъ. Но этотъ послѣдній видъ пользы магазина обусловливается тѣмъ, чтобы магази

лялся капиталомъ пришедшимъ извнѣ: устройство новыхъ магазиновъ, на счетъ такихъ бѣдныхъ крестьянскихъ обществъ, не можетъ принесть имъ пользы и введетъ ихъ только въ разорительный расходъ.

Вотъ то направленіе, въ какомъ развивается теперешній, бытовой хлѣбозапасный магазинъ и которому населеніе сочувствуетъ. Всѣ выгоды натуральнаго продовольственнаго оклада, по мнѣнію крестьянъ, обусловливаются непремѣнною ежегодною разборкою хлѣба, по мѣрѣ нужды, а не только въ годы неурожая; эта разборка представляется имъ дѣломъ положительно необходимымъ: отвѣты прямо подчеркиваютъ полезность магазиновъ только при условіи ежегоднаго пользованія запасами. При опросахъ высказывались мнѣнія, что ежегодная раздача хлѣба увеличитъ магазинные запасы. Очевидно, что только что изложенные взгляды крестьянства на хлѣбозапасные магазины абсолютно несогласны съ воззрѣніями на нихъ закона, по которому они должны служить средствами для образованія запасовъ на случай неурожаевъ, а не источниками удовлетворенія текущихъ надобностей, существующихъ и при обыкновенныхъ условіяхъ.

Чтобы провѣрить насколько отзывы крестьянъ соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ условіямъ отдѣльныхъ мѣстностей, докладчикъ привелъ слѣдующія четыре таблицы:

Въ 1-ой таблицѣ сопоставлены количества обществъ, высказавшихся за хлѣбный, за денежный и за „никакой“ оклады со средними величинами посѣвовъ на одну ревизскую душу, выведенными для соотвѣтствующихъ группъ селеній изъ среднедушевыхъ посѣвовъ по каждому селенію.

Во 2-ой таблицѣ сопоставлены количества селеній, давшихъ тотъ, либо другой, либо третій отзывы съ процентами безхозяйныхъ въ этихъ селеніяхъ.

Въ 3-ей таблицѣ сопоставлены числа общинъ, давшихъ извѣстный отзывъ, со средней недоимочностью ихъ на одну ревизскую душу.

Изъ сопоставленія этихъ трехъ таблицъ оказалось:

1. За хлѣбный окладъ высказались селенія: а) съ наибольшимъ среднедушевымъ посѣвомъ, б) съ наименьшимъ $^0/_0$ безлошадныхъ и в) съ наименьшей недоимкой на ревизскую душу.

2. За денежный окладъ высказались общины: а) съ нѣсколько меньшимъ среднедушевымъ посѣвомъ, б) съ нѣсколько большимъ $^0/_0$ безхозяйныхъ и в) съ наибольшей недоимкой на ревизскую душу.

3. За „никакой“ окладъ высказались селенія: а) съ наименьшимъ среднедушевымъ посѣвомъ, б) съ наибольшимъ $^0/_0$ безхозяйныхъ и в) съ недоимкой на ревизскую душу, большею сравнительно съ высказавшимися за хлѣбный окладъ, но меньшей сравнительно съ высказавшимися за денежный окладъ.

Въ поясненіе того, что за денежный окладъ высказались селенія съ наибольшей средней недоимкой, а за „никакой"—со средней, слѣдуетъ припомнить, что наибольшей недоимкѣ всегда сопутствуетъ и наибольшій процентъ безхозяйныхъ (см. выше), а противъ какого бы то ни было оклада высказывались и богатыя общины, указывая на то, что онѣ въ состояніи обойтись и безъ магазиновъ.

Въ 4-ой таблицѣ всѣ зарегистрованныя селенія по количеству посѣва на одну душу (1—3,2 мѣр.; 3,3—6,4, 6,5—9,6, съ 9,7 и выше) раздѣлены на четыре группы: селенія промышленныя, полупромышленныя, полуземледѣльческія и земледѣльческія, и для каждой группы опредѣлено количество селеній (въ процентахъ), высказавшихся за хлѣбный окладъ, за денежный и противъ того и другого. При сопоставленіи этихъ двухъ группъ селеній оказалось:

1) населеніе промышленной группы селеній (1—3,2 м. среднедуш. посѣвъ) высказывалось а) чаще всего за „никакой" окладъ, б) довольно часто за денежный окладъ и в) всего рѣже—за хлѣбный;

2) населеніе полупромышленной группы общинъ (3,3—6,4 м.) высказывалось приблизительно одинаково часто за всѣ три рода окладовъ.

3) населеніе полуземледѣльческой группы (6,5—9,6 м. ср.-д. пос.) высказывалось а) всего чаще за хлѣбный окладъ, б) нѣсколько рѣже—за денежный и 6) всего рѣже противъ обоихъ окладовъ.

4) населеніе земледѣльческой группы (свыше 9,6 мѣръ) высказывалось а) съ подавляющей частотой за хлѣбный окладъ (почти 50%) б) рѣже—противъ обоихъ окладовъ и в) рѣже всего—за денежный окладъ.

Эти таблицы совершенно ясно показываютъ, что отзывы населенія относительно продовольственнаго дѣла опредѣляются несомнѣнно наличными хозяйственными условіями, а потому взгляды, высказываемые крестьянами на продовольственную организацію, заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія. Затѣмъ докладчикъ остановился на вопросѣ о желательной организаціи продовольственнаго дѣла, сохраняя неприкосновеннымъ магазинъ, какъ учрежденіе, удовлетворяющее текущимъ нуждамъ. Обезпеченіе продовольственныхъ и сѣмянныхъ потребностей на случай неурожая слѣдуетъ, по мнѣнію референта, организовать на принципѣ страхованія; при такой организаціи населеніе будетъ получать въ случаѣ неурожая не ссуду, а безвозвратное пособіе. Относительно размѣра взноса референтъ останавливается на 20 коп.; хотя такой взносъ составитъ продовольственный капиталъ, равный теперешнему, только черезъ 36 лѣтъ, но, въ виду того, что рѣчь идетъ о страхованіи, для обезпеченія населенія и не потребуется такой суммы, какая была бы нужна при составленіи запасовъ мѣстными силами. Прочность страховой кассы будетъ зависѣть отъ того, какое мѣсто продоволь-

ственный сборъ займетъ въ ряду другихъ: первое-ли, второе, третье и т. п.

И. И. Петрункевичъ просилъ докладчика разъяснить ему значеніе двойственной системы продовольственныхъ запасовъ — натуральныхъ и денежныхъ, — указать ему, основываясь на заявленіяхъ крестьянъ, какую роль должны играть тотъ и другой и какую организацію долженъ имѣть каждый изъ нихъ.

И. П. Богомъповъ отвѣтилъ, что теперешнее законодательство признаетъ либо денежные запасы, либо хлѣбные, не допуская существованія ихъ рядомъ въ одной и той же общинѣ; между тѣмъ, при разнообразіи населенія и при другихъ условіяхъ, нерѣдко было бы полезно придерживаться обѣихъ этихъ системъ. Но нельзя думать, чтобы та, либо другая, либо даже двойственная система запасовъ по отдѣльнымъ общинамъ была въ состояніи удовлетворить продовольственныя и сѣменныя нужды населенія въ случаѣ неурожая: мѣстныхъ силъ для этого недостаточно, необходимо примѣненіе начала государственнаго страхованія и установленіе особаго страхового продовольственнаго сбора. Теперешніе магазины дѣйствуютъ на началахъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Сборъ хлѣба производится осенью, разборка — весною.

И. И. Петрункевичъ. Въ приведенныхъ отзывахъ крестьянъ нѣтъ указанія на основные недостатки существующей организаціи продовольственнаго дѣла. Эти недостатки: 1) дифференцированіе помощи по отдѣльнымъ общинамъ и 2) индивидуальная самопомощь, такъ какъ каждый беретъ только то, что раньше самъ внесъ на храненіе. Община, дѣйствующая въ продовольственномъ дѣлѣ на основаніи ссудо-сберегательныхъ товариществъ несостоятельна въ случаѣ неурожая: какъ разорилась бы община, если бы вздумала вести страхованіе отъ огня, при первомъ же значительномъ пожарѣ, такъ и хлѣбное ссудо-сберегательное товарищество окажется совершенно безсильнымъ при первомъ же мало-мальски значительномъ неурожаѣ. При томъ же утвержденіе крестьянъ, что при ежегодной раздачѣ хлѣба магазинные запасы будутъ велики, едва ли справедливо, такъ какъ эта операція равносильна практикующейся въ банкахъ перепискѣ векселей. Если учредить двойную систему продовольственнаго дѣла, то это значило бы увеличить налоги. Въ Тверской губ., напр., натуральный продовольственный запасъ стоитъ 6 милліоновъ рублей; если прибавить къ этому еще денежный сборъ, то такое обложеніе окажется не подъ силу населенію. Хлѣбозапасные магазины оказываются никуда негоднымъ средствомъ для обезпеченія населенія на случай неурожая. Напр., средняя крестьянская община Тверской губ. равна 130 ревизск. душамъ, т.-е. около 190 душ. мужск. пола или 400 душъ обоего пола

дѣйствительнаго населенія; если даже перейти отъ ревизскихъ душъ къ дѣйствительнымъ, то окажется слѣдующее: въ магазинѣ будетъ 190 четв. озим. хлѣба и 95 четв. ярового; между тѣмъ, въ случаѣ неурожая для названнаго населенія необходимо будетъ на продовольствіе minimum 585 четв. и на посѣвъ 240, т.-е. несравненно больше, чѣмъ можетъ дать хлѣбозапасный магазинъ, наполненный до наибольшей законной мѣры. Единственно дѣйствительная помощь на случай неурожая можетъ быть оказана только въ видѣ государственнаго страхованія посѣвовъ.

И. П. Богольповъ указалъ, что весенняя разборка хлѣба не является простою „пересыпкою" зерна: запасъ, какъ лавина, растетъ при этомъ,—берется извѣстное количество зерна, а возвращается, по условію, нѣсколько большее. Референтъ вполнѣ согласенъ, что магазинъ не можетъ удовлетворить потребностей населенія на случай неурожая.

А. И. Чупровъ замѣтилъ, что существующіе хлѣбозапасные магазины оказываются ни чѣмъ инымъ, какъ хлѣбными банками, и совершенно несостоятельны, какъ продовольственный и сѣменной капиталъ; продовольствіе и обсѣмененіе должны быть обезпечены на страховомъ началѣ.

И. И. Петрункевичъ указалъ, что существующіе теперь магазины вовсе не согласуются съ ихъ законодательнымъ опредѣленіемъ: они создались совершенно свободно, благодаря тому, что контроль земства до 1889 г. былъ часто формальнымъ. Но съ 1889 г. земство имѣетъ возможность производить дѣйствительный контроль, вслѣдствіе чего магазины должны будутъ притти въ большее соотвѣтствіе съ законодательными нормами. Имѣя въ виду только эти (*законные*) магазины, мы должны сказать, что достигнуть обезпеченія нуждъ продовольствія и обсѣмененія можно только упраздненіемъ существующихъ магазиновъ и приведеніемъ страхового начала обезпеченія.

М. Н. Соболевъ замѣтилъ, что то положительное значеніе хлѣбозапасныхъ магазиновъ, какъ сберегательныхъ учрежденій, на которомъ настаиваетъ докладчикъ, объясняется ненормальнымъ положеніемъ крестьянскаго хозяйства: крестьянинъ настолько неувѣренъ въ сохраненіи у себя хлѣбныхъ запасовъ, что отдаетъ ихъ на время подъ чужой замокъ. Поэтому цѣлесообразнѣе было бы затрачивать средства не на развитіе и поддержаніе такихъ хлѣбныхъ магазиновъ, а на поднятіе самого хозяйства крестьянъ.

А. И. Чупровъ сказалъ, что докладъ есть результатъ массоваго изслѣдованія, распространеннаго на значительный районъ и потому имѣетъ не одно только мѣстное значеніе. Докладъ показываетъ, что аткое магазины въ дѣйствительности,—это сѣменныя депо, отправляющія нѣкоторыя функціи кредитныхъ учрежденій; эти сѣменныя

дено имѣютъ безспорное значеніе—не будь ихъ, можетъ быть, въ этомъ году нельзя было бы обсѣменить полей въ Московской губ.—почему отрицать пригодность магазиновъ, какъ мѣстныхъ хлѣбныхъ запасовъ нельзя; къ тому же нельзя не обратить вниманія на возможность развитія ихъ впослѣдствіи въ правильныя кредитныя учрежденія. Вслѣдствіе всего этого существующая форма запасовъ не должна быть упразднена.

Н. А. Вокачъ возразилъ, что если бы дѣло шло о сохраненіи того, что было до 1889 г., то онъ согласился бы съ только что высказаннымъ мнѣніемъ, но теперь контроль не будетъ только формальностью: земство и земскіе начальники имѣютъ полную возможность сдѣлать его дѣйствительнымъ; поэтому, высказываясь за или противъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ, нужно разумѣть подъ ними то, что разумѣетъ существующее законодательство и законопроектъ о народномъ продовольствіи, а не то, во что они вылились на почвѣ свободы. Крестьяне обратили свои запасы на удовлетвореніе текущихъ нуждъ, сдѣлали магазины банками, а законъ и законопроектъ о продовольствіи считаютъ ихъ способными оказать помощь населенію въ случаѣ неурожая. Изслѣдованіе показало, что не только въ Московской губ., но и во всей Россіи хлѣбозапасные магазины съ этою послѣдней цѣлью немыслимы: кромѣ убытковъ отъ порчи хлѣба, какъ это было, напр., въ Удѣльномъ вѣдомствѣ, точно исполнявшемъ до сихъ поръ законодательныя требованія, ничего изъ этого не выходило и не выйдетъ. Съ мнѣніемъ *И. И. Петрункевича*—относительно малаго значенія засыпки осенью и разборки весной—оппонентъ согласиться не можетъ: въ виду положенія, что государственные сборы взимаются прежде всѣхъ, сохраненіе хлѣба въ магазинѣ равносильно предпочтенію сборовъ въ пользу мѣстныхъ зерновыхъ запасовъ, такъ какъ этимъ путемъ внесенныйвъ магазинъ хлѣбъ избѣгаетъ продажи и обращенія выручки на государственныя повинности, а это обязательно имѣло бы мѣсто, если бы хлѣбъ сохранялся въ собственномъ амбарѣ хозяина. Въ заключеніе оппонентъ замѣтилъ, что крестьяне могли высказываться только по поводу того магазина, который сложился безъ контроля, путемъ свободнаго развитія.

М. Н. Соболевъ привелъ Лукояновскій уѣздъ въ примѣръ того, что хлѣбъ въ магазинахъ очень портится: тамъ изъ магазина вовсе не берутъ хлѣба на посѣвъ, считая его попорченнымъ.

Н. А. Вокачъ указалъ, что если свести всѣ отвѣты крестьянъ по поводу трактуемаго вопроса, то окажется слѣдующее: во-первыхъ, за хлѣбный окладъ высказались общины съ большими хлѣбными посѣвами; во-вторыхъ, противъ хлѣбнаго оклада—за денежный—съ меньшей запашкой, при чемъ замѣчается тенденція параллельной убыли благопріятныхъ отзывовъ о хлѣбномъ окладѣ и размѣра хлѣбныхъ посѣвовъ.

Отсюда можно вывести то заключеніе, что запасы *зерна одинаково* нужны и при большихъ, и при малыхъ посѣвахъ, но хлѣбозапасные магазины могутъ играть только ту скромную роль, какую играли до 1889 г., т.-е. удовлетворять текущимъ нуждамъ населенія въ зернѣ, отнюдь не претендуя быть запасами зерна на случай неурожая. Въ качествѣ учрежденій, приспособленныхъ къ удовлетворенію текущихъ нуждъ, хлѣбозапасные магазины нужны и ихъ слѣдуетъ сохранить, предоставивъ, какъ созданіе новыхъ такъ и управленіе уже существующими, крестьянскимъ обществамъ и устранивъ всякое законодательное вмѣшательство въ существующіе теперь бытовые магазины Какъ учрежденія, предназначенныя для удовлетворенія нуждъ населенія на случай неурожая, даже *бытовые* магазины безсильны, законные же были бы еще хуже,—они способны только связывать громадные капиталы и причинить громадный убытокъ странѣ.

А. И. Чупровъ въ своемъ предсѣдательскомъ заключеніи сказалъ, что въ настоящее время вопросъ объ обезпеченіи народнаго продовольствія снова стоитъ на очереди и потому систематическое изслѣдованіе Московскаго губернскаго земства, освѣщающее многія стороны продовольственнаго дѣла, очень драгоцѣнно. Въ виду отсутствія резюмировки въ докладѣ предсѣдатель предложилъ изложить ее такъ: существующіе хлѣбные запасы играли въ Московской губ. роль сѣменныхъ депо и отправляли нѣкоторыя функціи кредитныхъ учрежденій, преслѣдуя такія цѣли, они имѣютъ извѣстное значеніе, но обезпечить продовольственныя и сѣменныя нужды населенія на случай неурожая они не могутъ; измѣненіе ихъ функцій законодательнымъ путемъ нежелательно, такъ какъ можетъ принесть только вредъ; желательна болѣе широкая постановка дѣла мѣстныхъ хлѣбныхъ запасовъ на почвѣ самоуправленія общинъ, которымъ должно быть предоставлено, какъ управленіе уже существующими магазинами такъ и созданіе новыхъ.

Упомянувъ о важномъ значеніи доклада, г. предсѣдатель предложилъ благодарить за него референта. Общество единодушно присоединилось къ этому предложенію.

Засѣданіе 9 декабря 1892 г.

Засѣданіе открыто предсѣдателемъ **А. И. Чупровымъ** при товарищѣ секретаря **В. А. Косинскомъ**, въ присутствіи 4 членовъ.

1) Доложенъ и утвержденъ протоколъ засѣданія Отдѣленія отъ 29 апрѣля 1892 года.

2) Доложено о поступленіи въ библіотеку Отдѣленія 1 экземпляра VII выпуска Матеріаловъ по статистикѣ народнаго хозяйства въ С.-Петербургской губерніи.

3) *В. Г. Бажаевъ* прочелъ докладъ: „Успѣхи крестьянскаго хозяйства въ Волоколамскомъ уѣздѣ, Московской губ.“.

Докладъ имѣетъ цѣлью опровергнуть распространенное мнѣніе, будто при существующей трехпольной системѣ крестьянскаго полевого хозяйства невозможно (общинной). Основываясь на статистическихъ изслѣдованіяхъ цѣлой группы селеній Волоколамскаго уѣзда, Московской губ., которыя ему недавно пришлось тамъ производить, г. Бажаевъ приходитъ къ слѣдующимъ любопытнымъ выводамъ. Крестьянское полевое травосѣяніе въ описываемомъ уѣздѣ началось сравнительно недавно: всего 3—4 года тому назадъ; тѣмъ не менѣе, съ очевидностью бросается въ глаза быстрый ростъ его. Такъ, напр., въ 1890 г. травосѣяніе на надѣльной землѣ имѣлось въ 6 селеніяхъ, а въ 1892 году въ 31 селеніи; на арендованной землѣ въ 1890 г. въ 2 селеніяхъ; а теперь въ 8. Въ 1890 году подъ надѣльнымъ травосѣяніемъ находилось въ Волоколамскомъ уѣздѣ 125 дес., а теперь 547 дес. и т. д. Въ настоящее время уже цѣлая сѣть деревень въ Волоколамскомъ у. обладаетъ общественнымъ полевымъ травосѣяніемъ въ довольно широкихъ размѣрахъ. Разъ попавъ на крестьянское поле, травосѣяніе захватываетъ все большую и большую площадь и, прочно укореняясь на немъ, тѣмъ самымъ доказываетъ, что оно уже вышло изъ періода попытокъ и экспериментовъ. Первые опыты крестьянинъ дѣлаетъ на арендованной или усадебной землѣ, убѣдившись же въ пользѣ травосѣянія, уже безъ всякаго колебанія переноситъ его на свой надѣлъ. Основной причиной развитія травосѣянія служитъ тотъ фактъ, что „земля истощилась“, „кормовъ мало“. Крестьянское травосѣяніе на надѣльной землѣ обыкновенно устраивается сообща, „по мірскому уговору“, при чемъ на сходкахъ обсуждаются всѣ его подробности: устройство сѣвооборота, способы пріобрѣтенія сѣмянъ и пр. Сѣмена пріобрѣтаются или на общественный счетъ, или на артельныхъ началахъ, въ складчину. Посѣвъ и уборка то же производятся въ большинствѣ случаевъ сообща; сѣно дѣлится по уборкѣ. Несомнѣнна заслуга тѣхъ просвѣщенныхъ сельскихъ хозяевъ, которые въ данномъ случаѣ поддерживаютъ крестьянъ своимъ личнымъ примѣромъ, совѣтами и денежной помощью. Но усилій отдѣльныхъ лицъ слишкомъ мало: нужна и болѣе широкая поддержка. Въ этомъ отношеніи нельзя не привѣтствовать починъ волоколамскаго земства. Уже давно сочувствуя планомѣрному развитію травосѣянія, оно возложило на уѣздный экономическій совѣтъ при уѣздной управѣ разработку программы правильнаго сѣвооборота. Въ результатѣ работъ совѣта предложены двѣ основныя формы травосѣянія—восьмипольный сѣвооборотъ и „ярославскій“ четырехпольный, которые и примѣняются теперь въ видѣ опыта нѣсколькими крестьянскими обществами. Разобравъ системы трево-

сѣянія, выработавшіяся въ крестьянской практикѣ, референтъ признаетъ крестьянское травосѣяніе живымъ дѣломъ съ благопріятнымъ будущимъ, лишь бы не встрѣтилось для этого какихъ-либо внѣшнихъ препятствій. По окончаніи чтенія доклада происходили пренія.

В. Н. Григорьевъ сказалъ, что въ докладѣ констатированъ крайне интересный фактъ появленія травосѣянія на крестьянской надѣльной землѣ и быстраго распространенія его, какъ по количеству засѣваемой земли, такъ и по числу вовлекаемыхъ въ это движеніе селеній; но не совсѣмъ полно выяснена техника травосѣянія *общиною*, не указаны нѣкоторые распорядки, которыми община устраняетъ различныя препятствія къ травосѣянію. Напр., въ рефератѣ сказано, что при посѣвѣ травы и скосѣ ея практикуется артельное начало; но вѣдь въ селеніяхъ есть извѣстное число безхозяйныхъ крестьянъ, доходящее иногда до значительныхъ размѣровъ (59% въ Царскосельск. уѣздѣ, Петерб. губ.), эти крестьяне имѣютъ свой скотъ и въ правѣ пользоваться пастьбою его на парѣ и выгонахъ, между тѣмъ при травосѣяніи выпускъ скота на клинъ, гдѣ оно имѣетъ мѣсто, воспрещается. Чѣмъ возмѣщается такое ограниченіе правъ безхозяйныхъ? Какъ примиряются интересы безхозяйной массы, не получающей выгоды отъ травосѣянія, съ интересами общины, извлекающей непосредственную пользу изъ него и потому готовой поступиться нѣкоторыми удобствами? Затѣмъ оппонентъ просилъ разъяснить ему: куда идетъ добытый травосѣяніемъ клеверъ—въ продажу или на кормъ скоту и увеличеніе удобренія; а также—какимъ образомъ могли крестьяне практиковать травосѣяніе на арендной землѣ при необходимости примѣняться тамъ къ установленнымъ смѣнамъ полевого хозяйства.

В. Г. Бажаевъ отвѣтилъ, что при производствѣ подворной переписи, положенной въ основаніе настоящаго доклада, ему не приходилось встрѣчать безхозяйныхъ крестьянъ, имѣющихъ скотъ; эти послѣдніе, не принимая участія въ хозяйствѣ вообще, не участвовали и въ травосѣяніи. При опросахъ докладчикъ не слышалъ жалобъ на то, что безхозяйные тормазятъ введеніе травосѣянія. При этомъ референтъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что травосѣяніе поднимаетъ производительность земледѣлія вообще, между тѣмъ безхозяйные все чаще и чаще обращаются вновь къ землѣ; видя въ увеличеніи выгодности земледѣлія возможность въ будущемъ возвратиться къ землѣ и домой, безхозяйные также могутъ считать себя заинтересованными въ введеніи травосѣянія, а это можетъ побудить ихъ отказаться отъ нѣкоторыхъ своихъ правъ въ настоящемъ. Вообще же, по мнѣнію докладчика, травосѣяніе есть сила, которою безхозяйные могутъ быть привлечены къ землѣ. Общей и главной причиной, приводящей къ соглашенію различные классы сельскаго общества, является,

по мнѣнію докладчика, всеобщая и одинаковая для всѣхъ нужда въ кормахъ.

При возраженія противъ общиннаго строя обыкновенно говорятъ, что паръ необходимъ для общиннаго крестьянскаго хозяйства, что при существованіи общины трудно добиться согласія на введеніе какихъ-либо улучшеній. Факты распространенія травосѣянія на *надѣльной* крестьенской землѣ сами по себѣ опровергаютъ эти утвержденія, они доказываютъ съ несомнѣнностью, что общинное сельское хозяйство способно къ улучшенію, даже и такому сложному, какъ введеніе многополья. Быстрота же и настойчивость, съ какими развивается дѣло травосѣянія, ясно указываютъ на жизненность этого движенія.

Продуктъ добываемый травосѣяніемъ шелъ во всѣхъ изслѣдованныхъ въ Волоколамскомъ уѣздѣ мѣстностяхъ на кормъ скоту, на увеличеніе количества скота и навоза; только въ одномъ случаѣ крестьяне продали его на сторону, но единственно потому, что тутъ получился излишекъ около 50 пудовъ.

На арендной землѣ потому возможно было вести травосѣяніе, что собственники ея не стѣсняли арендаторовъ необходимостью подчиняться трехполью; сама же аренда была долгосрочною.

И. П. Богомѣповъ замѣтилъ: изъ доклада видно, что въ Волоколамскомъ уѣздѣ клеверное сѣно дѣйствительно потребляется на мѣстѣ, но въ другихъ уѣздахъ весь продуктъ можетъ пойти на продажу, какъ это случилось съ Верещагинскими сыроварнями, гдѣ все молоко перерабатывалось и обращалось въ продажу, дома же не оставалось его даже для дѣтей. Кромѣ того не находится ли Волоколамское населеніе въ исключительныхъ условіяхъ: можетъ быть, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ особенно богатыми селеніями; тогда утверждать, что начавшееся въ ихъ средѣ травосѣяніе способно проникнуть и въ другія селенія, нельзя. А между тѣмъ существуютъ нѣкоторыя основанія думать, что названныя селенія находятся въ особенно благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, это именно: большой размѣръ посѣвовъ, незначительное, сравнительно, число безхозяйныхъ и т. д. Въ докладѣ избрано мѣриломъ благосостояніе крестьянскаго двора, количество лошадей, но едва ли это такой рѣшительный критерій,—безнедоимочность была бы, пожалуй, болѣе вѣрнымъ признакомъ зажиточности, однако, даже и количество лошадей говоритъ о болѣе, нежели среднемъ достаткѣ обслѣдованныхъ общинъ.

В. Г. Бажаевъ отвѣтилъ, что если бы даже весь продуктъ ушелъ на продажу, то и тогда культивированіе новаго продукта подняло бы доходность крестьянскаго хозяйства. Что касается признака зажиточности, то количество лошадей во дворѣ, во всякомъ случаѣ, характеризуетъ степень его благосостоянія, а этотъ признакъ указываетъ на

среднюю зажиточность изслѣдованныхъ селеній. Относительно размѣра посѣвовъ можно сказать только, что они указываютъ на болѣе земледѣльческій характеръ населенія, но отнюдь не на большую зажиточность, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

А. Д. Соколовъ указалъ, что въ докладѣ недостаточность кормовъ выставлена, какъ главная причина, вызвавшая появленіе травосѣянія; между тѣмъ другія мѣстности съ такимъ же, если не большимъ недостаткомъ въ кормахъ, не предпринимаютъ такихъ улучшеній своего хозяйства. Нельзя ли объяснить появленіе травосѣянія въ Волоколамскомъ уѣздѣ близостью Москвы, Петровской Академіи, которыя поднимаютъ общій уровень сельскохозяйственныхъ знаній частныхъ землевладѣльцевъ и даютъ имъ возможность служить примѣромъ для окружающаго крестьянскаго населенія. Далѣе, не выяснена также роль „купчихъ земель“ въ появленіи и развитіи травосѣянія. Не совсѣмъ полно указаны почвенныя условія, благопріятствующія травосѣянію: можетъ быть то обстоятельство, что у Волоколамскаго населенія есть самыя худыя, свободныя земли, и вызвало опыты съ травосѣяніемъ; не будь такихъ земель, не было бы и опытовъ съ травосѣяніемъ, не было бы и распространенія его.

В. Г. Бажаевъ. Что касается почвы Волоколамскаго уѣзда, то она, насколько можно судить по имѣющимся неопредѣленнымъ даннымъ, приблизительно такой же средній суглинокъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Значеніе примѣра, какъ помѣщичьяго, такъ и крестьянскаго въ докладѣ отмѣчено; однако, нельзя приписывать все примѣру частныхъ землевладѣльцевъ: бывали случаи самостоятельнаго зарожденія травосѣянія безъ такихъ примѣровъ. Роль „купчихъ земель“ также указана въ рефератѣ.

А. И. Чупровъ, сославшись на то, что въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ въ докладѣ селеніяхъ (Михайловское, Афанасьево, Денежье) травосѣяніе играетъ несомнѣнно серьезную роль, такъ какъ занимаетъ значительную часть всей пахотной крестьянской земли, высказываетъ мысль, что при такомъ развитіи травосѣянія рознь между общиной и безхозяйными крестьянами обязательно должна была сказаться, если ихъ было сколько-нибудь значительное количество. Поэтому, по всей вѣроятности, тутъ имѣли мѣсто какіе-либо особые способы удовлетворенія интересовъ безхозяйныхъ: можетъ быть, можно было выдѣлить отдѣльный участокъ для пастьбы ихъ скота, или выдать какое-либо другое вознагражденіе за отказъ ихъ отъ своихъ правъ. Указанія этихъ пріемовъ были бы очень важны для пониманія техники общинныхъ распорядковъ, которые практикуются при травосѣяніи на надѣльной землѣ, и по нимъ можно было бы судить объ эластичности общиннаго хозяйства, въ смыслѣ способности его приспособляться къ болѣе высокимъ сельско-хозяйственнымъ требованіямъ.

Интересно было бы также узнать какое вліяніе оказываетъ травосѣяніе на общее экономическое положеніе населенія въ общинахъ, гдѣ оно уже развилось до значительныхъ размѣровъ.

Особенно любопытно было бы прослѣдить исторію зарожденія травосѣянія; въ Западной Европѣ первыя ступени развитія травосѣянія прошли незамѣченными, въ виду этого было бы особенно важно не пропустить этого момента у насъ. Въ настоящемъ случаѣ не пришлось ли докладчику замѣтить какого-либо вліянія со стороны духовенства, школы, печатнаго слова (въ Тверской губ. крестьяне, прочитавъ о травосѣяніи въ „Сельскомъ Вѣстникѣ", начали опыты съ нимъ). Такъ какъ примѣръ Волоколамскаго уѣзда будетъ имѣть большое значеніе для сосѣднихъ мѣстностей, то было бы очень интересно подмѣтить психологическія условія распространенія травосѣянія. Что касается мысли, будто расширеніе травосѣянія подвинетъ крестьянъ въ большемъ количествѣ отчуждать продуктъ на сторону, не поднимая ихъ благосостоянія, то такое опасеніе, подобно тому, какъ это случилось и съ Верещагинскими сыроварнями, является только плодомъ недоразумѣнія: крестьяне продаютъ потому, что въ силу своего экономическаго положенія имъ приходится продавать много, чтобы покрыть свои денежныя нужды: подати, выкупные платежи и т. д.; появленіе же культуры новыхъ растеній на крестьянскихъ земляхъ, хотя бы съ цѣлью производить продукты для продажи, мы во всякомъ случаѣ должны привѣтствовать, какъ увеличеніе доходности крестьянскаго сельскаго хозяйства.

И. П. Богомъповъ замѣтилъ, что разъ все клеверное сѣно будетъ отчуждаться на сторону, то земледѣліе отъ этого не улучшится: выпахиваніе земли будетъ продолжаться.

В. Г. Бажаевъ отвѣтилъ на замѣчанія А. И. Чупрова слѣдующее:

1) Вліянія травосѣянія на благосостояніе населенія нельзя было подмѣтить, такъ какъ въ селеніяхъ, больше другихъ занимающихся имъ, оно началось только въ 1890 году: два года (изслѣдованія производилось въ 1892 г.) слишкомъ мало для того, чтобы это вліяніе могло сколько-нибудь замѣтно выразиться. Приведенныя селенія начали сѣять клеверъ, пользуясь опытами другихъ, а не своими.

2) Въ Волокаламскомъ уѣздѣ духовенство ведетъ такое же рутинное хозяйство, какъ и крестьяне: священники не были здѣсь лицами, впервые начавшими травосѣяніе и своимъ примѣромъ побудившими крестьянъ заняться имъ. Вліяніе духовенства сказалось только въ нѣкоторомъ улучшеніи хлѣбныхъ сѣмянъ.

3) Вліяніе печатнаго слова докладчику пришлось замѣтить въ Можайскомъ уѣздѣ, но въ Волокаламскомъ уѣздѣ онъ не встрѣчалъ ничего подобнаго.

А. И. Чупровъ въ своемъ предсѣдательскомъ заключеніи указалъ на громадную важность вопроса, послужившаго предметомъ доклада, и на своевременность изслѣдованій, произведенныхъ референтомъ. Теперь опять замѣчается теченіе, неблагопріятное общинному землевладѣнію. Приходится слышать, что травосѣяніе въ Московской, Тверской и Ярославской губерніяхъ не играетъ серьезной роли, что это только проба, игрушка: выслушанный докладъ наглядно показываетъ, что травосѣяніе занимаетъ уже видное мѣсто въ крестьянскомъ хозяйствѣ, что общинное владѣніе не препятствуетъ введенію серьезныхъ и сложныхъ улучшеній, стоящихъ на очереди. Правда, въ рефератѣ не все еще предусмотрѣно, не указаны тѣ способы, которыми община устраняетъ препятствія, встрѣчаемыя ею по пути къ усовершенствованію своего хозяйства (въ видѣ столкновенія интересовъ общины съ интересами отдѣльныхъ классовъ—безхозяйныхъ, безлошадныхъ и т. д.); только выясненіемъ этихъ способовъ возможно доказать, что улучшенія общиннаго хозяйства не вызываютъ неустранимаго разлада и неравенства между членами сельскаго общества, — словомъ: что введеніе высшей культуры не влечетъ за собою неизбѣжно распаденія общинныхъ порядковъ, не стоитъ въ противорѣчіи съ существомъ общиннаго строя. Однако указанными въ рефератѣ фактами съ несомнѣнностью опровергаютъ всѣ утвержденія будто община неспособна ввести высшей земледѣльческой культуры, что всѣ улучшенія могутъ быть осуществлены лишь на участкахъ принадлежащихъ частной собственности, а отнюдь не на надѣльныхъ земляхъ: одинъ фактъ существованія такихъ улучшеній на надѣльной землѣ сельскихъ обществъ Волоколамскаго уѣзда дѣлаетъ подобныя утвержденія несостоятельными. Затѣмъ предсѣдательствующій выразилъ пожеланія, чтобы результаты изслѣдованій докладчика, какъ только-что доложенные, такъ и будущіе, не печатались лишь въ видѣ докладовъ московской губернской земской управы, но издавались также въ формѣ популярныхъ брошюръ, доступныхъ грамотному населенію; въ успѣхѣ и плодотворности такихъ изданій не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Вслѣдъ за этимъ докладчику была выражена глубокая благодарность за интересный и важный рефератъ.

Засѣданіе 16 декабря 1892 г.

Засѣданіе открыто въ $8^1/_2$ часовъ вечера предсѣдателемъ отдѣленія **А. И. Чупровымъ**, при товарищѣ секретаря **В. А. Косинскимъ**, въ присутствіи 5 членовъ.

1) Доложены и утверждены протоколы засѣданій Отдѣленія отъ 25 ноября и 9 декабря 1892 года.

2) В. В. Петровъ сдѣлалъ докладъ: „Нѣкоторыя данныхъ земской статистики по вопросу о продовольственныхъ общественныхъ запашкахъ".

Матеріаломъ для реферата послужили статистическія изслѣдованія по Московской губ. за 1889 и 1890 годы и нѣкоторыя свѣдѣнія изъ статистическихъ сборниковъ по губерніямъ: Саратовской, Самарской, Екатеринославской и Воронежской. До 1861 г. трудно было встрѣтить селеніе, въ которомъ не было бы общественной запашки съ продовольственною цѣлью. Но послѣдующія событія показали, что запашки эти держались только принудительными мѣрами со стороны помѣщиковъ; крестьяне смотрѣли на нихъ какъ на барщину. Вотъ почему тотчасъ послѣ уничтоженія крѣпостной зависимости большинство общественныхъ запашекъ исчезло. Нѣкоторая привычка къ нимъ среди крестьянъ однако осталась. Время отъ времени, въ томъ или другомъ селеніи общественныя запашки учреждались, но большею частью на время, и при томъ для какой-нибудь спеціальной цѣли (на погашеніе недоимки, на постройку церкви и т. п.), съ достиженіемъ которой онѣ тотчасъ-же прекращались. Въ Московской губ. общественныя запашки стали особенно распространяться съ 1885—1886 г. Къ 1890 г. насчитывалось всего 83 селенія, въ которыхъ онѣ были заведены. Изъ этихъ 83 селеній 71 находятся въ Рузскомъ уѣздѣ. Такой большой процентъ запашекъ въ Рузскомъ уѣздѣ объясняется энергичными мѣрами, принятыми присутствіемъ по крестьянскимъ дѣламъ, во главѣ котораго стоялъ одно время, въ качествѣ предводителя дворянства, кн. А. Г. Щербатовъ; присутствіе въ видѣ поощренія, раздавало для общественныхъ запашекъ, въ ссуду или даже и безвозвратно, улучшенныя сѣмена, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и орудія. Площадь всѣхъ общественныхъ запашекъ въ Московской губ. занимаетъ лишь 85 десятинъ на одно поле (т.-е. на всѣ 3 поля $85 \times 3 = 255$ д.), значитъ на каждую отдѣльную запашку приходится среднимъ числомъ только немного болѣе 1 десятины. Размѣръ запашки колеблется отъ $^1/_4$ до 3 дес. Почти всѣ онѣ служатъ для продовольственныхъ цѣлей. И только 3 предназначены для цѣлей благотворительныхъ (на постройку церкви, на колоколъ и т. п.) и одна служитъ опытнымъ полемъ. Въ большинствѣ случаевъ крестьяне относятся къ общественнымъ запашкамъ несочувственно, что объясняется тѣми многочисленными трудностями, съ которыми приходится имѣть дѣло, какъ при самомъ ихъ учрежденіи, такъ и при послѣдующемъ ходѣ дѣла. Для того, чтобы найти удобный участокъ, крестьянамъ нерѣдко приходилось передѣлать всю землю. Еще больше трудностей встрѣчается при распредѣленіи работъ по запашкамъ. Описанные докладчикомъ способы такого распредѣленія свидѣтель-

ствуютъ, какъ мудрено достигнуть здѣсь относительной уравнительности. При распредѣленіи удобренія встрѣчаются также неудовольствія. „Одинъ везетъ возъ, а другой—возишко, третій же и ничего не даетъ"—говорятъ крестьяне. Въ виду этого во многихъ селеніяхъ земля на общественныхъ запашкахъ совсѣмъ не удобряется, и оттого урожай на нихъ, если не хуже, то и не лучше урожая на другихъ крестьянскихъ земляхъ. Докладчикъ отмѣтилъ также тотъ фактъ, что общественныя запашки легче устраиваются въ селеніяхъ небольшихъ, гдѣ для нихъ отводится и сравнительно большій участокъ, чѣмъ въ селеніяхъ многолюдныхъ. Благопріятные отзывы о запашкахъ дали только 12 обществъ. Въ заключеніе референтъ присоединился къ слѣдующимъ словамъ Ю. Ѳ. Самарина, сказаннымъ въ 1866 г. въ земскомъ собраніи. „Общественныя запашки хороши тамъ, гдѣ онѣ заведены добровольно, потому что только тамъ онѣ приноровлены къ мѣстнымъ условіямъ."

По поводу реферата возникли слѣдующія пренія.

А. И. Чупровъ сказалъ, что, какъ видно изъ доклада, общественныя запашки въ Московской губерніи не играютъ существенной роли въ продовольственномъ дѣлѣ. Затѣмъ, что касается указанныхъ въ докладѣ шести типовъ обработки земли, отведенной подъ общественныя запашки, то въ нихъ нѣтъ единства дѣленія и нѣкоторыя изъ нихъ (напримѣръ 2 и 6) могутъ быть соединены въ одну группу. Но изъ этой группировки съ несомнѣнностью видно, что огульная обработка преобладаетъ, поэтому было бы интересно знать какъ относятся крестьяне къ такимъ огульнымъ работамъ.

В. В. Петровъ. Крестьяне несочувственно относятся къ огульнымъ работамъ: тѣснота работы всѣмъ обществомъ на небольшой площади, трудность собрать рабочихъ, всякія проволочки (канитель) и т. под. много тормазятъ дѣло. Что касается значенія общественныхъ запашекъ, то и въ другихъ мѣстахъ онѣ не играютъ какой либо значительной роли, хотя иногда (какъ свидѣтельствуетъ напр. агрономическій смотритель Рузскаго уѣзда) получались нѣкоторые полезные результаты; напр: опытныя поля, устраиваемыя по образцу общественныхъ запашекъ, улучшили въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ качество сѣмянъ.

В. Г. Бажаевъ указалъ, что главная цѣль общественныхъ запашекъ въ Рузскомъ уѣздѣ,—подобно тому какъ и въ Вятской и въ Херсонской губерніяхъ,—была агрикультурная, а не продовольственная. Особеннаго успѣха онѣ не имѣли. Въ Рузскомъ уѣздѣ думали что только на нейтральныхъ кускахъ (каковы отведенные подъ общественныя запашки) возможны опыты надъ улучшеніемъ культуры земли и травосѣяніемъ; но при организаціи травосѣянія были сдѣланы ошибки, такъ какъ мало были приняты во вниманіе мѣстныя условія:

вслѣдствіе чего не было замѣчено увеличенія травосѣянія въ этой мѣстности. Нужно еще имѣть въ виду, что въ Рузскомъ уѣздѣ нѣтъ травосѣянія на сосѣднихъ помѣщичьихъ земляхъ, почему можно было бы думать, что опыты съ нимъ на такихъ опытныхъ поляхъ должны были бы имѣть извѣстное значеніе. Впрочемъ и общинныя земли въ Рузскомъ уѣздѣ очень плохи для введенія какихъ либо улучшеній и травосѣянія. Въ Херсонской и Вятской губерніяхъ опытныя поля были поставлены болѣе раціонально,—это, можетъ быть, объясняется отчасти тѣмъ, что здѣсь они были устроены послѣ рузскихъ полей.

В. Н. Григорьевъ спросилъ: почему общественныя запашки обрабатывались въ большинствѣ случаевъ всею общиною, а не по клочкамъ отдѣльными лицами?—можетъ быть, такая организація труда тормазила дѣло? Да и вообще почему не удались перечисленные въ докладѣ случаи общественныхъ запашекъ и по какой причинѣ крестьяне относились къ нимъ недоброжелательно?

В. В. Петровъ въ отвѣтъ сказалъ, что общественная обработка никому не вмѣнялась въ обязанность, внѣшняго регулированія здѣсь не было. Тормазомъ введенія запашекъ и причиной недоброжелательнаго отношенія къ нимъ крестьянъ являлась трудность выдѣлить ту $^1/_4$—1 десятину, которыя необходимы для этого. Тутъ приходилось производить цѣлые передѣлы,—результатъ, такимъ образомъ, получается несоразмѣрный съ громаднымъ трудомъ. Весьма трудно также организовать огульную обработку земли и распредѣлить расходъ на удобреніе.

В. Н. Григорьевъ прибавилъ, что на подобную несоразмѣрность труда съ его результатами при введеніи общественныхъ запашекъ, указывалось (по словамъ г. Краснoперова) и въ Саратовской, Пензенской и друг. губ. Тамъ были также предложены общественныя запашки, но привились онѣ слабо и крайне неравномѣрно. Крестьяне здѣсь, какъ и вездѣ, въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ руководились дѣйствительными жизненными интересами...

До 61 года запашки *вынуждались* какъ у частновладѣльческихъ, такъ и у удѣльныхъ крестьянъ; послѣ 61 года онѣ учреждались также по прямому или косвенному давленію на крестьянъ: въ Рузскомъ, напр., уѣздѣ 61 селеніе устроило запашки частью по „предложенію“ своего начальства, которое практически является для нихъ обязательнымъ, частью же вслѣдствіе того, что имъ давались въ займы (а иногда отпускались даже безвозмездно) улучшенныя сѣмена подъ условіемъ введенія общественныхъ запашекъ; были и другія, подобныя этимъ, косвенныя привлеченія. Отзывы крестьянъ объ общественныхъ запашкахъ таковы: въ Рузскомъ уѣздѣ только $^1/_4$ селеній съ общественными запашками отозвалась о нихъ благопріятно, въ Са-

марской, Саратовской и Воронежской губ. (по словамъ г. Краснопе-рова) онѣ считаются тяжелой обязанностью. Въ настоящее время общественныя запашки входятъ вновь въ обиходъ: ихъ „предлага-ютъ“ земскіе начальники; а рядомъ съ этими запашками „по предло-женію“, сами крестьяне (по преимуществу на запольныхъ земляхъ) иногда предпринимаютъ ихъ съ опредѣленной цѣлью — устройство школы, ремонтъ церкви и т. под., и предпринимаютъ успѣшно. Нельзя не присоединиться въ виду этого къ словамъ Ю. Ѳ. Самарина, при-веденнымъ въ рефератѣ, что только тѣ запашки хороши, которыя за-ведены добровольно, такъ какъ только тутъ онѣ дѣйствительно бы-ваютъ принаровлены къ нуждамъ населенія.

И. П. Богомъповъ замѣтилъ, что рузское земство не вѣрило въ общественныя запашки; сельскія же общества высказывались за нихъ только выбирая изъ двухъ золъ меньшее при рѣшеніи вопроса о ви-дахъ продовольственнаго обложенія. Но разъ являлась какая-либо цѣль у крестьянъ, при томъ цѣль достижимая этимъ путемъ, обще-ственныя запашки устраивались по самостоятельной иниціативѣ кре-стьянъ.

А. И. Чупровъ высказалъ слѣдующее. Общественныя запашки въ нѣкоторыхъ случаяхъ все же какъ будто имѣли извѣстный полезный результатъ, наприм., благодаря имъ, зерно засыпанное въ магазины было однородно. Затѣмъ, въ рефератѣ указано, что передѣлъ земли дѣлаетъ слишкомъ затруднительнымъ заведеніе запашекъ вновь, но вѣдь если этотъ передѣлъ одинъ разъ произведенъ, то остаются только трудности распредѣленія работы между населеніемъ. Наконецъ, было бы интересно узнать къ какому разряду принадлежатъ обще-ства довольныя запашками—крупныя ли это селенія или мелкія.

В. В. Петровъ замѣтилъ, что зерно, засыпанное съ запашки въ магазины, правда, бываетъ однороднѣе, но вѣдь оно можетъ быть и хуже зерна съ остального поля,—приходилось слышать отзывы благо-пріятные общественнымъ запашкамъ, мотивированные тѣмъ, что тутъ уже нѣтъ споровъ и толковъ о качествѣ засыпаемаго зерна: „засы-паемъ то, что Богъ уродилъ“. Въ мелкихъ селеніяхъ запашки устраи-ваются легче и лучше, чѣмъ въ большихъ, потому что въ послѣднихъ слишкомъ велики трудности при передѣлѣ земли. Наконецъ, если этотъ передѣлъ и произведенъ, то организація работъ все таки встрѣ-чаетъ *большія затрудненія* и при томъ тѣмъ *большія*, чѣмъ селеніе крупнѣе. Относительно размѣра селеній довольныхъ запашками, нельзя отмѣтить рѣзкихъ характерныхъ чертъ,—въ Самарской, напр., губ. запашки есть почти во всѣхъ селеніяхъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ бывало населеніе болѣе 1000 душъ.

В. Н. Григорьевъ.—Но вѣдь въ Самарской губ. почти всѣ селенія имѣютъ запольныя земли.

А. И. Чупровъ въ своемъ предсѣдательскомъ резюме сказалъ. Выслушанный нами докладъ является особенно умѣстнымъ теперь, когда замѣчается тенденція къ широкому, почти повсемѣстному распространенію общественныхъ запашекъ; новый законопроектъ о продовольственномъ дѣлѣ также придаетъ имъ нѣкоторое значеніе и онѣ рекомендуются вездѣ безъ особенныхъ соображеній съ дѣйствительными мѣстными условіями.—Только что доложенныя намъ изслѣдованія по Московской и нѣкоторымъ другимъ губерніямъ съ очевидностью доказываютъ, что *при сложности крестьянскаго хозяйства общихъ мѣръ, одинаково годныхъ для всѣхъ селеній, въ данномъ случаѣ быть не можетъ: нужно внимательно и глубоко вникнуть во всѣ мѣстныя условія, чтобы мѣра, которую мы считаемъ за благую, не оказалась на самомъ дѣлѣ нетолько безполезной, но даже вредной.*

Засѣданіе 10 февраля 1893 года.

Засѣданіе открыто въ 8½ часовъ вечера предсѣдателемъ отдѣленія **А. И. Чупровымъ** при товарищѣ секретаря **В. А. Косинскимъ** въ присутствіи 16 членовъ.

I. Прочитанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія Отдѣленія отъ 16 декабря 1892 года.

II. Доложено о поступленіи въ библіотеку отдѣленія слѣдующихъ книгъ.

1. „Общественное и частное землевладѣніе въ Землянскомъ и Задонскомъ уѣздахъ Воронежской губ.“. *Веретенникова.*

2. „Урожай хлѣбовъ и травъ въ Полтавской губ. въ 1892 году“. Изданіе статистическаго бюро Полтавскаго губернскаго земства.

3. Стенографическій отчетъ засѣданія комитета съѣздовъ представителей учрежденій Русскаго земельнаго кредита.

4. Отъ главнаго бюро итальянской статистики. „О приготовленіяхъ къ IV народной переписи 1892 года“.

5. Объ организаціи земскихъ статистическихъ учрежденій въ Полтавской губерніи. Изданіе статистическаго бюро Полтавскаго губернскаго земства.

6. Сельскохозяйственная хроника Херсонской губерніи за іюль, августъ, сентябрь 1892 годъ.

7. Сводъ данныхъ объ экономическомъ положеніи крестьянъ Рязанской губерніи. Изданіе Рязанскаго губернскаго земства 1892 года.

8. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Рязанской губ.

9. Отъ Московской городской управы получены слѣдующія изданія.

а) Отчетъ о городскихъ начальныхъ училищахъ въ 1891—1892 г.

б) Смѣта доходовъ и расходовъ г. Москвы на 1893 г.

в) Отчетъ Московской городской управы по санитарной части.

г) Извѣстія Московской городской думы (годъ 16-й) выпуски XI и XII.

д) Ежемѣсячный Бюллетень по городу Москвѣ за 1892 г. №№ 9, 10 и 12 (№ 11 доставлено не было).

е) Систематическое оглавленіе извѣстій московской городской думы за 1892 годъ.

III. Предсѣдатель Отдѣленія *А. И. Чупровъ* сдѣлалъ докладъ: „Памяти *Ю. Э. Янсона*".

Упомянувъ о томъ, что русская наука понесла тяжелую утрату въ лицѣ скончавшагося на дняхъ профессора Петербургскаго университета Ю. Э. Янсона, референтъ замѣтилъ, что Статистическое Отдѣленіе имѣетъ причины особенно сильно чувствовать ее, такъ какъ Ю. Э. былъ главнымъ учителемъ всѣхъ занимавшихся въ послѣднее время статистикой въ Россія. Это былъ первый и лучшій представитель статистики у насъ.

Первыя теоретическія работы Ю. Э. Янсона относились къ области политической экономіи. Его магистерская диссертація „Теорія ренты Рикардо", изданная въ 1865 г., представляетъ разборъ извѣстнаго ученія знаменитаго англійскаго экономиста и по своему методу еще не даетъ предчувствовать въ лицѣ автора будущаго статистика. Однако, вскорѣ послѣ названной диссертаціи, у Янсона, вѣроятно подъ вліяніемъ принятыхъ имъ на себя изслѣдованій по хлѣбной торговлѣ, окончательно складывается вкусъ къ статистикѣ. Его привлекали точные пріемы этой науки, обѣщавшіе дать прочное познаніе явленій и законовъ общественной жизни. Интересъ Ю. Э. къ статистической методологіи проявился въ выборѣ темы для докторской диссертаціи, которую онъ защитилъ въ концѣ 1870 года. Это сочиненіе носитъ названіе „Направленія въ научной обработкѣ нравственной статистики". Названное сочиненіе, менѣе извѣстное нежели позднѣйшіе труды Янсона, заключаетъ, въ себѣ цѣлый рядъ въ высшей степени цѣнныхъ указаній по теоріи и практикѣ статистическаго метода; въ немъ уже изложены тѣ пріемы статистической аналитики, практическое приложеніе которыхъ доставило впослѣдствіи громкую извѣстность автору.

Основательно изучивъ методы статистическаго изслѣдованія, Янсонъ не замедлилъ перейти къ примѣненію ихъ на дѣлѣ.

Часть трудовъ его въ этой области имѣетъ общеевропейское значеніе, часть важна спеціально для русской статистики. Къ первымъ

нужно отнести прежде всего „Сравнительную статистику Россіи и западно-европейскихъ государствъ". Первый томъ этого сочиненія, появившійся въ 1878 г., обнимаетъ статистику населенія или демографію, а второй, вышедшій въ 1880 г.,—статистику сельскаго хозяйства.

Съ трудолюбіемъ, по истинѣ поразительнымъ, здѣсь переработаны безчисленные сырые матеріалы, а затѣмъ результаты кропотливой работы переданы читателю въ удобномъ, легко усваиваемомъ видѣ и притомъ не только переданы, но освѣщены и научно объяснены. Проф. Янсонъ, конечно, имѣлъ предшественниковъ въ западной литературѣ, но ни Брахелли, ни Бертильонъ, которыми много пользовался Янсонъ въ первомъ томѣ „Сравнительной статистики", не охватили предмета въ такой полнотѣ и не приложили такого старанія къ научному объясненію явленій, какъ это сдѣлалъ Янсонъ. Чтобы ввести русскія данныя ему самому пришлось восполнить крупные пробѣлы нашихъ статистическихъ изслѣдованій.

Второй томъ „Сравнительной статистики" по массѣ самостоятельныхъ работъ имѣетъ еще бо́льшія преимущества. Онъ обнимаетъ собою экономію сельскаго хозяйства. Въ этомъ томѣ разсмотрѣны: распредѣленіе землевладѣнія, сельско-хозяйственное производство и скотоводство.

Въ послѣдніе годы жизни Ю. Э. началъ-было печатать переработку перваго тома „Сравнительной статистики" въ приложеніи къ журналу издаваемому Обществомъ охраненія народнаго здравія. На ряду съ „Сравнительной статистикой" слава Янсона, какъ перваго русскаго теоретика въ этой области, основывается на сочиненіи, которымъ онъ былъ занятъ въ послѣдній періодъ своей жизни. Въ серединѣ 80-хъ годовъ Янсонъ напечаталъ „Теорію статистики" первоначально въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, въ видѣ пособія для студентовъ петербургскаго университета; однако, уже въ 1887 г. понадобилось второе, а въ 1891 г. третье изданіе той же книги, премированное недавно академіей наукъ. Это сочиненіе заключаетъ въ себѣ очеркъ исторіи статистики, теорію статистическаго метода и описаніе устройства статистическихъ учрежденійи пріемовъ, употребляемыхъ въ главныхъ отрасляхъ изслѣдованій. Для статистической методологіи у насъ нѣтъ ничего выше книги Янсона; что же касается до описанія учрежденій и пріемовъ статистики, то пожалуй и въ западноевропейской литературѣ мы нелегко найдемъ что-нибудь подобное.

Слѣдующія сочиненія имѣютъ значеніе спеціально для русской статистики. Въ серединѣ 60-хъ годовъ, тотчасъ послѣ защиты своей магистерской диссертаціи, Ю. Э. Янсонъ съ жаромъ принялся за изслѣдованіе хлѣбной торговли и производительности въ Россіи, пред-

принятое двумя петербургскими Обществами—вольнымъ экономическимъ и русскимъ географическимъ. 1867 и 1868 годы онъ провелъ въ поѣздкахъ въ Новороссійскій край, на Волынь, въ Пинское Полѣсье и въ Крымъ, повсюду собирая фактическія данныя и запасаясь живыми наблюденіями. Матеріалъ получился громадный.

Проработавъ болѣе двухъ лѣтъ надъ собраннымъ матеріаломъ, Ю. Э. Янсонъ въ концѣ 1869 и въ 1870 году издалъ одинъ за другимъ цѣлый рядъ трудовъ, составлявшихъ результатъ экспедиціи; именно: „Пинскъ и его районъ", „Статистическое изслѣдованіе о хлѣбной торговлѣ въ Одесскомъ районѣ". „Хлѣбная торговля въ Волыни". „Крымъ, его хлѣбопашество и хлѣбная торговля". Самымъ важнымъ изъ этихъ изслѣдованій является изученіе Одесскаго района. Въ огромномъ томѣ Ю. Э. яркими красками и живымъ языкомъ описываетъ характеръ и положеніе хлѣбной торговли въ бассейнѣ Днѣпра, Днѣстра, въ мѣстности между Днѣпромъ и Днѣстромъ и съ особенною подробностью изображаетъ механизмъ хлѣбной торговли въ Одессѣ. Проф. Янсонъ широко понималъ свою задачу: онъ хотѣлъ не только прослѣдить ходъ торговыхъ оборотовъ, но желалъ выяснить условія производства земледѣльческихъ продуктовъ, для чего ему неизбѣжно приходилось проникать, по собственному его выраженію, „въ самые отдаленные и незамѣтные закоулки народно-хозяйственнаго быта".

Въ „Опытѣ статитистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ", печатавшемся въ 1877 году и потомъ переизданномъ въ 1881 г., получилъ полную обработку вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи. Еще со времени освобожденія, въ кругахъ лицъ, знакомыхъ съ нашимъ народнымъ бытомъ и въ публицистикѣ высказывалась мысль, что во многихъ частяхъ Россіи хозяйство крестьянъ находится въ затруднительномъ положеніи вслѣдствіе малоземелья и высокихъ платежей, но эта мысль была скорѣе результатомъ отрывочныхъ единичныхъ наблюденій, нежели мыслью научнаго изслѣдованія. Янсонъ со свойственной ему смѣлостью взялся за громадную задачу; съ точными цифрами въ рукахъ, онъ неоспоримо констатировалъ существованіе во многихъ мѣстахъ Россіи малоземелья и обремененія крестьянъ платежами и даже указалъ программу борьбы со зломъ: онъ настаивалъ на допущеніи переоброчки, на организаціи правильныхъ переселеній, на развитіе мелкаго сельско-хозяйственнаго кредита и на измѣненіе податной системы. Въ связи съ мнѣніемъ о налогахъ и платежахъ стоятъ двѣ статьи, появившіяся въ 1890 г. въ журналѣ „Русская Рѣчь". Одна изъ нихъ „Очеркъ распредѣленія земельной собственности въ Европейской Россіи" представляетъ сводъ оффиціальныхъ данныхъ по вопросу о нашемъ землевладѣніи, обнимающій не однѣ только крестьянскія, но и всѣ другія земли. Другая

статья „Очеркъ правительственныхъ мѣръ по переселенію крестьянъ послѣ 19 февраля 1861 г.“ изучаетъ законодательную постановку переселенческаго вопроса, въ удачномъ разрѣшеніи котораго авторъ видитъ вѣрнѣйшее средство противъ бѣдствій малоземелья. Ю. Э. помѣщалъ также статьи въ журналѣ „Знаніе“ и другихъ.

Кромѣ литературной дѣятельности, Ю. Э. Янсонъ много поработалъ какъ преподаватель, а также много сдѣлалъ для петербургской городской статистики. Въ своей профессорской дѣятельности Ю. Э. прокладывалъ пути, по которымъ слѣдовали остальные. Свои лекціи по статистикѣ онъ постоянно соединялъ съ практическими занятіями въ устроенномъ его усиліями въ петербургскомъ университетѣ статистическомъ кабинетѣ. Проф. Янсонъ преподавалъ также въ Лѣсномъ институтѣ, въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія въ Лицеѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ.

Что касается городской статистики Петербурга, то по иниціативѣ, плану и при непосредственномъ личномъ участіи Ю. Э. Янсона Петербургская Дума устроила у себя статистическое бюро, превратившееся потомъ въ отдѣленіе управы, въ которомъ была организована цѣлая система постоянныхъ наблюденій надъ важнѣйшими явленіями жизни столицы. Результаты этихъ наблюденій издавались въ *Ежегодникахъ города Петербурга*, выходившихъ подъ редакціей проф. Янсона и заключавшихъ немало собственныхъ его статей. Независимо отъ текущихъ работъ, городское статистическое бюро за время управленія Янсона произвело, переработало и издало двѣ переписи населенія въ 1881 и 1890 гг. Особенно много труда было положено на обработку переписи 1881 г., которая появилась въ печати въ огромныхъ семи выпускахъ, заключавшихъ въ себѣ 275 листовъ таблицъ въ форматѣ огромнаго in folio. Другое изданіе обнимаетъ свѣдѣнія о благотворительности Петербурга, собранныя въ 1885 г.

„Смерть Янсона,—такъ закончилъ докладчикъ,—составляетъ тяжкую, незамѣнимую утрату не только для русской статистической науки, но и для всего русскаго общества. Мы безсильны предъ совершившимся фактомъ, мы можемъ лишь выразить свою скорбь, почтивши, по установившемуся обычаю, память усопшаго вставаніемъ“. Всѣ единодушно поднялись со своихъ мѣстъ.

IV. *А. А. Корниловъ* сдѣлалъ сообщеніе: „Объ измѣненіяхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ Моршанскаго уѣзда подъ вліяніемъ неурожая 1891 г“. Докладчикъ состоялъ членомъ частнаго благотворительнаго кружка по оказанію помощи населенію части Моршанскаго и Кирсановскаго уѣздовъ, пострадавшему отъ неурожая. Представленныя имъ данныя собирались съ цѣлью опредѣленія степени нужды каждой семьи и права ея на полученіе пособія. Изслѣ-

дованіе производилось путемъ подворныхъ переписей на сельскихъ сходахъ, съ личнымъ обходомъ и осмотромъ нуждающихся дворовъ. Спеціальное назначеніе изслѣдованій было причиной нѣкоторой неполноты и отрывочности данныхъ. Напримѣръ, для распредѣленія пособій было совершенно излишне переписывать завѣдомо непуждающіеся дворы. Система свѣдѣній вырабатывалась и измѣнялась по мѣрѣ того, какъ эти послѣднія собирались; въ различныхъ мѣстахъ данныя собирались неодинаковыя, смотря по мѣстнымъ условіямъ и по личному мнѣнію сотрудниковъ. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ оказалось возможнымъ обработать свѣдѣнія не по всѣмъ 30-ти переписаннымъ селеніямъ, а только по 20-ти.

Такъ какъ по Моршанскому уѣзду въ 1881 году было произведено земско-статистическое обслѣдованіе и кромѣ того докладчикомъ было зарегистровано состояніе изученныхъ селеній въ два момента, осенью 1891 года и весной 1892 года, то явилась возможность прослѣдить, какія перемѣны послѣдовали въ теченіе десятилѣтія и затѣмъ какое вліяніе произвелъ неурожай.

Съ этою цѣлью всѣ данныя по 20 селеніямъ сведены авторомъ въ 4 таблицы по слѣдующимъ рубрикамъ. Во-1-хъ, даны абсолютныя числа дворовъ, лошадей (во всѣхъ таблицахъ), коровъ, овецъ (въ 3-хъ) и свиней (въ 2-хъ таблицахъ); данныя эти пріурочены къ тремъ указаннымъ срокамъ. Во-2-хъ, сдѣланы вычисленія количества скота на дворъ въ эти же сроки; въ-3-хъ, указаны для тѣхъ же сроковъ проценты дворовъ безлошадныхъ, 1-лошадныхъ, 2-лошадныхъ, 3-лошадныхъ, 4-5 лошадныхъ и наконецъ процентъ дворовъ, имѣющихъ болѣе 5 лошадей. Въ-4-хъ, вычислены для тѣхъ же трехъ сроковъ проценты дворовъ несостоятельныхъ, малосостоятельныхъ, среднесостоятельныхъ и наиболѣе состоятельныхъ; дѣленіе это произведено по количеству лошадей на дворъ. Согласно предложенію г. Романова, статьей котораго о крестьянскомъ хозяйствѣ 1881 г. авторъ доклада пользовался, къ первой группѣ отнесены дворы безлошадные, ко второй однолошадные, къ третьей 2—3 лошадные и къ четвертой — четырехъ и болѣе лошадные. Въ-5-хъ, дано распредѣленіе по этимъ признакамъ дворовъ государственныхъ или помѣщичьихъ крестьянъ (смотря по населенію, зарегистрованному въ таблицу) въ 1881 г. для всего Моршанскаго уѣзда и въ-6-хъ, указанъ земельный надѣлъ на ревизскую душу и сопоставленъ со средними надѣлами для государственныхъ, либо помѣщичьихъ крестьянъ по цѣлому Моршанскому уѣзду.

Уже въ 1881 году статистика констатировала значительный упадокъ крестьянскаго хозяйства по сравненію съ прежнимъ временемъ; въ слѣдовавшее затѣмъ десятилѣтіе хозяйство не только не улучшилось, но падало все ниже и ниже. Можетъ быть, поэтому-то—замѣ-

чаетъ докладчикъ—неурожай 1891 года и оказался столь страшнымъ въ своихъ послѣдствіяхъ. Вотъ нѣсколько фактовъ, характеризующихъ послѣдовательныя измѣненія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Въ селѣ Соломенкѣ въ 1881 году было 175 дворовъ, къ осени 1891 г. число ихъ увеличилось до 222. Несмотря, однако, на такое увеличеніе, количество головъ всѣхъ родовъ скота за тотъ же періодъ понизилось. Лошадей въ селеніи въ 1881 г. было 429, къ осени 1891 г. ихъ осталось 404, а къ веснѣ 1892 г. только 289. Коровъ за тѣ же сроки было 189, 182 и 129, овецъ 907, 552 и 171, свиней 163, 11 и 3. Число безлошадныхъ постепенно прогрессировало въ такой пропорціи: въ 1881 г. ихъ было 20%, черезъ десять лѣтъ уже 26%, а къ веснѣ 1892 г.—33%. Изъ таблицы касающейся цѣлой Мало-Моршевской волости (бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ) видно, что въ волости число дворовъ за 10 лѣтъ возросло съ 700 до 822. Лошадей за вышеуказанные три срока было 869, 871 и 707, безлошадныхъ: 29%, 34% и 42%. Въ Питимской волости, населенной государственными крестьянами, имѣющими 5,3 десят. надѣла на душу (средняя для государственныхъ крестьянъ по уѣзду 4,3 дес.) лошадей въ вышеотмѣченные три срока было 2,338, 2,317 и 1,816; коровъ 1,142, 815 и 591; овецъ 6,025, 2, 661 и 1,746, безлошадныхъ 10%, 15% и 24%. Данныя, приведенныя въ докладѣ, констатируютъ, что упадокъ касается не только наиболѣе бѣдныхъ, но и состоятельныхъ хозяйствъ: во всѣхъ описанныхъ мѣстахъ, напр., число дворовъ, имѣющихъ болѣе двухъ лошадей, значительно уменьшилось.

Въ концѣ доклада референтъ привелъ нѣсколько данныхъ относительно способа отопленія избъ въ обслѣдованной мѣстности: топятся ли онѣ „по бѣлому“ или „по черному“. Оказалось, что увеличившаяся нужда заставила еще сильнѣе экономить топливо, что и выразилось въ переходѣ многихъ дворовъ отъ топки „по бѣлому“ къ топкѣ „по черному“.

Въ дополненіе къ докладу *А. И. Чупрова* сообщилъ нѣсколько выдержекъ изъ только что вышедшаго сельско-хозяйственнаго обзора по Воронежской губ., вполнѣ подтверждающихъ выводы докладчика. По 1-е августа 1892 г. въ Воронежской губ. убыло 337 тыс. головъ крупнаго скота (28% всего бывшаго количества) и 996 тыс. головъ (43%) мелкаго. Нѣкоторые виды послѣдняго почти совсѣмъ исчезли въ губерніи. Такъ, свиней убыло 68%, жеребятъ 70% и телятъ 61% и т. д. Задолженность крестьянъ опредѣляется теперь колоссальной цифрой въ 31 милл. руб. (15 р. на наличную душу или около 100 р. на дворъ).

В. Н. Григорьевъ спросилъ какъ производилась перепись.

А. А. Корниловъ пояснилъ, что крестьяне собирались по объявленію

на сходъ и здѣсь постепенно переходили къ переписи. Въ такую перепись (подворную) вносились только наиболѣе нуждающіеся. Такой способъ имѣлъ то преимущество, что сходъ провѣрялъ всѣ заявленія, такъ что обходъ по дворамъ съ контрольными цѣлями становился излишнимъ; онъ производился изслѣдователями только для того, чтобы лично составить себѣ представленіе о размѣрахъ нужды.

И. П. Богольповъ. При опросахъ на сходахъ не задавались ли вопросы относительно того, каково было благосостояніе населенія раньше, до неурожайныхъ годовъ?

В. Н. Григорьевъ присоединилъ къ этому, что были бы очень полезны вопросы въ родѣ такихъ: были-ли урожайные годы и когда, не пришлось ли опрашиваемому постепенно распродавать свой скотъ и т. п.

А. А. Корниловъ сказалъ, что о состоятельности населенія при этихъ изслѣдованіяхъ судили главнымъ образомъ по количеству скота; крестьянамъ задавались вопросы о томъ, сколько продано лошадей теперь и сколько въ прошломъ году; но вопросовъ о болѣе отдаленныхъ временахъ, а также такого содержанія, какъ предлагаютъ оппоненты, не дѣлалось, да, какъ онъ думаетъ, и затруднительно получить удовлетворительные отвѣты на нихъ.

В. Н. Григорьевъ сослался на практику Рязанской губерніи, гдѣ напр. при распросахъ о переселенцѣ, ушедшемъ изъ села 5 лѣтъ тому назадъ, сосѣди въ состояніи были дать самые обстоятельные отвѣты на вопросы о количествѣ скота и тому подобное; тѣмъ легче можно было бы получить такіе отвѣты отъ самыхъ хозяевъ.

А. Ѳ. Фортунатовъ спросилъ какъ переписывались овцы,—съ ягнятами или безъ нихъ; такъ какъ трудно понять, почему лошади и коровы убыли сравнительно слабо, а овцы—въ громадномъ количествѣ.

А. А. Корниловъ. Зарегистровывались только овцы.

М. Н. Соболевъ спросилъ о томъ, не увеличилась ли пропасть между богатѣями-кулаками и остальнымъ населеніемъ.

А. А. Корниловъ отвѣтилъ, что въ смыслѣ экономическаго благосостоянія богатѣи также пострадали отъ неурожая 1891 года; въ смыслѣ же закабаленія бѣдныхъ у богатыхъ, нельзя сказать объ увеличеніи пропасти между ними,—бывали даже случаи благотворительной дѣятельности со стороны богатѣевъ крестьянъ.

А. И. Чупровъ въ своемъ предсѣдательскомъ резюме замѣтилъ, что хотя сообщеніе касается лишь очень небольшой округи, но, въ виду сходства мѣстныхъ условій, выводы его приложимы къ очень многимъ мѣстностямъ пострадавшаго района.

По предложенію предсѣдателя докладчику была выражена горячая благодарность.

ЮРИДИЧЕСКІЕ ДИСПУТЫ.

I.

Защита магистрантомъ каноническаго права М. Е. Красноженъ магистерской диссертаціи: „*Толкователи каноническаго кодекса восточной Церкви—Аристинъ, Зонара и Вальсамонъ*“, 20 марта 1893 г. въ Московскомъ Университетѣ.

М. Е. Красноженъ родился въ г. Калугѣ въ 1860 г.; по окончаніи въ 1881 г. курса въ калужской гимназіи съ серебряной медалью, поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго университета; еще на 4-мъ курсѣ онъ сталъ заниматься подъ руководствомъ проф. А. С. Павлова каноническимъ правомъ и за заданное юридическимъ факультетомъ сочиненіе по этому предмету: „Характеристика толкователей каноническаго кодекса греческой Церкви Аристина, Зонары и Вальсамона“, былъ награжденъ золотою медалью. По окончаніи въ 1885 году курса въ университетѣ, М. Е. былъ оставленъ для приготовленія къ профессорской дѣятельности по каѳедрѣ каноническаго права и занимался этимъ предметомъ подъ руководствомъ проф. Павлова. Въ 1888 году, послѣ сдачи магистерскаго экзамена, былъ командированъ для изученія избраннаго предмета и приготовленія диссертаціи за-границу, гдѣ пробылъ до августа 1891 года, работая въ библіотекахъ Вѣны, Мюнхена, Флоренціи и Рима. Наибольшую часть времени М. Е. провелъ въ Вѣнѣ, гдѣ знаменитый профессоръ каноническаго права Чижманъ (за достиженіемъ 70-лѣтняго возраста въ университетѣ уже не читающій) любезно предложилъ ему пользоваться его совѣтами и указаніями въ извѣстные часы недѣли. Результатомъ командировки, между прочимъ, явилась магистерская диссертація: „Толкователи каноническаго кодекса восточной Церкви—Аристинъ, Зонара и Вальсамонъ“, переработанная изъ сочиненія, писаннаго на золотую медаль; для

диссертаціи М. Е. воспользовался богатымъ рукописнымъ матеріаломъ вышеуказанныхъ библіотекъ. По возвращеніи изъ-за границы 1891 г. М. Е. былъ назначенъ приватъ-доцентомъ Московскаго Университета.

Въ своей вступительной рѣчи диспутантъ указалъ на важность знакомства съ источниками каноническаго права въ виду тѣсной связи русской исторіи съ исторіей Восточной Церкви. Толкованія Аристина, Зонары и Вальсамона заслуживаютъ особеннаго вниманія не только вслѣдствіе ихъ внутренняго достоинства, но и по ихъ значенію для русской Церкви: ихъ толкованія слились съ самымъ церковнымъ кодексомъ. Комментарій Вальсамона кромѣ того имѣетъ значеніе для возстановленія нѣкоторыхъ утерянныхъ частей памятниковъ. Описавъ затѣмъ планъ своей работы, диспутантъ прочиталъ тезисы диссертаціи.

Оффиціальными оппонентами выступили проф. каноническаго права *А. С. Павловъ* и приватъ-доцентъ византійской исторіи *П. В. Безобразовъ*.

А. С. Павловъ выразилъ удовольствіе видѣть впервые въ качествѣ выступающаго ученаго своего ученика изъ студентовъ юридическаго факультета.

Обращаясь къ диссертаціи, онъ высказалъ, что трудъ вполнѣ заслуживаетъ искомой степени. Изложеніе стройно, ясно, цѣлесообразно; характеристикѣ трехъ толкователей предшествуетъ обзоръ кодексовъ, на которые написаны толкованія. Сокращенная редакція каноническаго кодекса, т. е. Синопсисъ, совершенно правильно обратила на себя особенное вниманіе диссертанта, такъ какъ русская Кормчая переведена съ этого синопсиса. Въ 1-й главѣ диссертаціи нѣтъ ничего оригинальнаго. Но въ дальнѣйшемъ изложеніи есть новыя данныя о синопсисѣ (стр. 19 и слѣд.). „Мнѣ кажется", сказалъ А. С. Павловъ, „что вопросъ о томъ, когда былъ составленъ каноническій синопсисъ „было бы лучше раздѣлить на два: 1) когда возникъ такой способъ „краткаго изложенія правилъ, 2) когда появился самый кодексъ. По„ложеніе, что I. Схоластикъ, редакторъ полнаго кодекса, есть вмѣстѣ „съ тѣмъ и сократитель своего кодекса, у васъ недостаточно обосно„вано; въ источникахъ есть нѣкоторыя указанія на это, но вы ихъ „не приводите. Вы недостаточно представили себѣ важность бывшихъ „подъ руками данныхъ, и потому, хотя и имѣли драгоцѣнный мате„ріалъ (какъ напр., флорентійская рукопись), не сдѣлали многихъ „поправокъ къ изслѣдованію Цахарія. Въ вашихъ отзывахъ о синоп„сисѣ можно замѣтить противорѣчіе: то вы говорите, что синопсисъ „*очень удобенъ для практики*, то находите, что еще труднѣе было „примѣненіе на практикѣ синопсиса. Вы не указали главнаго обстоя„тельства, которое вызвало толкованія, почему нужно было въ XII в.

„комментировать всѣ кодексы? Не указали, что самое Церковное Право „измѣнилось, подобно Юстиніанову Праву. Отъ этого историческій „смыслъ толкованій по вашему изслѣдованію остается неяснымъ. Самой „капитательной части работы, искупающей всѣ прочіе недостатки, „является изслѣдованіе схолій. Впрочемъ, и здѣсь есть недосмотры. „На стр. 134—152 вы дѣлаете сравненіе комментарія Зонары и „Вальсамона, чтобы доказать превосходство послѣдняго; но приводи„мыя вами выписки остаются безъ критики; между тѣмъ если вду„маться, то во многихъ приведенныхъ примѣрахъ толкованія Зонары „оказываются лучше. Ваша характеристика трехъ толкователей—ско„рѣе описаніе, чѣмъ разсужденіе; я вижу мало философскаго элемента; „вы относитесь слишкомъ объективно. Наконецъ, я долженъ указать „еще на одинъ недостатокъ: вы пользовались толкованіями не въ по„длинникѣ, а въ переводѣ, что̀ всегда опасно. Въ заключеніе долженъ „сказать, что, несмотря на указанные недостатки, вашъ трудъ въ „области, до сихъ поръ очень мало разработанной, имѣетъ весьма почтенное значеніе".

П. В. Безобразовъ замѣтилъ, что въ диссертаціи есть двѣ части: одна обработана самостоятельно по источникамъ, вторая является несамостоятельной переработкой другихъ писателей. Но не всегда можно опредѣлить, гдѣ авторъ самостоятеленъ и гдѣ онъ несамостоятеленъ; такъ, текстъ перевода и нѣкоторыя замѣчанія совпадаютъ съ текстомъ сочиненія г. Нарбекова, но ссылокъ на этого послѣдняго нѣтъ. Характеристика Вальсамона по 9-му тезису слишкомъ обща („Вальсамонъ былъ не только выдающимся знатокомъ церковнаго и свѣтскаго права, но и замѣчательнымъ юристомъ мыслителемъ; въ своихъ толкованіяхъ онъ разрѣшаетъ рядъ вопросовъ по брачному, гражданскому и уголовному праву."); съ равнымъ правомъ она можетъ быть приложена и къ Зонарѣ. „Вамъ можно поставить въ упрекъ", сказалъ далѣе *П. В. Безобразовъ*, „что вы не задались вопросомъ, „нѣтъ ли у толкователей идей, тенденцій, извѣстнаго направленія. „Характеръ тѣхъ императоровъ, при которыхъ процвѣталъ Вальса„монъ, факты его біографіи и многія мѣста изъ его толкованій ука„зываютъ на его политическое міровоззрѣніе: Вальсамонъ является „сторонникомъ цезаро-папизма, защитникомъ существующаго порядка, „хотя бы онъ противорѣчилъ всякимъ канонамъ. Умолчаніе объ этомъ „составляетъ важный пробѣлъ въ характеристикѣ Вальсамона".

Диссертантъ возражалъ своимъ оппонентамъ и, по окончаніи диспута, юридическій факультетъ Московскаго Университета призналъ магистранта М. Е. Красноженъ, при громкихъ аплодисментахъ публики, магистромъ каноническаго права.

II.

Защита магистромъ уголовнаго права **П. П. Пусторослевымъ** докторской диссертаціи: *„Анализъ понятія о преступленіи“* 10 апрѣля 1893 г. въ Московскомъ Университетѣ.

Петръ Павловичъ Пусторослевъ родился въ сельцѣ Усовкѣ, Тверской губ. Ржевскаго уѣзда. Въ 1874 г. онъ окончилъ курсъ 2-ой Московской гимназіи съ золотой медалью и поступилъ въ Московскій университетъ. По окончаніи курса по юридическому факультету П. П. былъ посланъ за границу. До 1892 г. онъ читалъ въ Московскомъ университетѣ лекціи по тюрьмовѣденію. Въ 1892 г. былъ назначенъ въ Дерптъ на каѳедру уголовнаго права.

Диспутъ 10 апрѣля былъ открытъ вступительной рѣчью диссертанта, въ которой послѣдній указывалъ на чрезвычайную важность предмета его изслѣдованія. Понятіе о преступленіи образуетъ краеугольный камень въ наукѣ уголовнаго права. Познаніе его имѣетъ важное теоретическое и практическое значеніе. Наука уголовнаго права давно работаетъ надъ выясненіемъ этого понятія, но до сихъ поръ ученые далеко не пришли къ какому-нибудь соглашенію. Каждая новая попытка въ данномъ направленіи имѣетъ поэтому теоретическій интересъ. Не менѣе важно выясненіе понятія о преступленіи и для практика-юриста: законодателя, судьи, администратора. При узкости ихъ взгляда на преступленіе, многіе дѣянія, опасныя для государственной и общественной жизни, останутся незапрещенными и, повторяясь, будутъ угрожать разрушеніемъ общественному цѣлому. Едва-ли не болѣе вредно чрезмѣрно-широкое опредѣленіе преступленія. Преступленіе влечетъ со стороны государства извѣстную реакцію, которая всегда заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе ощутительное зло для того, кого она постигаетъ. Съ этимъ зломъ слѣдуетъ обращаться какъ можно осторожнѣе, чтобы по-напрасну не причинять людямъ незаслуженныхъ и безцѣльныхъ страданій. А это возможно лишь тогда, когда будетъ правильно опредѣлено понятіе преступленія. На первый взглядъ опредѣленіе этого понятія представляется довольно легкимъ. Каждый знаетъ, повидимому, что такое преступленіе. Въ дѣйствительности это оказывается дѣломъ весьма труднымъ. Недаромъ существуетъ множество разнообразныхъ рѣшеній, съ которыми, однакоже, трудно согласиться. Авторъ не хочетъ повторять заблужденій своихъ предшественниковъ, отправлявшихся отъ теоретическихъ соображеній. Авторъ становится на реальную почву, отправляется отъ самой жизни, проникается „духомъ научнаго реализма“. Его опредѣ-

леніе является „строго логическимъ отвлеченіемъ отъ дѣйствительности", т.-е. отъ дѣйствующаго права всѣхъ народовъ, какъ современныхъ, культурныхъ, такъ и дикихъ. Этимъ путемъ авторъ приходитъ къ тому выводу, что разграничительнымъ признакомъ преступнаго въ области неправомѣрнаго служитъ отношеніе между правонарушеніемъ и состояніемъ преступности правонарушителя.—Состояніе преступности есть особое психическое состояніе правонарушителя, особенно недоброкачественное и притомъ особенно предосудительное, по мнѣнію государства.—Преступное дѣяніе есть внѣшнее выраженіе или проявленіе личнаго состоянія преступности.—Корень, слѣдовательно, въ дѣятелѣ, а не въ дѣяніи".

Оффиціальными оппонентами выступили профф. *М. В. Духовской* и *А. С. Алексѣевъ*.

М. В. Духовской. „Ваше изслѣдованіе раздѣляется на 2 части. Первая служитъ введеніемъ и говоритъ о правѣ и государствѣ. Я не буду касаться этой части. Вторая часть изслѣдованія трактуетъ о правонарушеніи. Большое мѣсто въ ней занимаетъ разграниченіе уголовнаго правонарушенія отъ гражданскаго. Я остановлюсь на окончательныхъ вашихъ выводахъ. Вы разбираете рядъ теорій по вопросу о понятіи преступленія и относитесь къ нимъ отрицательно. Въ заключеніе вы останавливаетесь на теоріи Фойницкаго; признаете ее и дѣлаете къ ней нѣкоторыя поправки. На 163 стр. вы говорите: „Фойницкій указалъ, что право наказанія имѣетъ своимъ предметомъ не преступленіе, но личное состояніе преступности, что преступленіе есть внѣшнее выраженіе этого состоянія, а что подъ личнымъ состояніемъ преступности разумѣется физико-психическое состояніе человѣка". Я справлялся у Фойницкаго, и нигдѣ у него не нашелъ категорическаго заявленія о томъ, что онъ держится такого именно взгляда на преступленіе. Онъ высказываетъ этотъ взглядъ лишь какъ возможность, а вовсе не какъ убѣжденіе. Но далѣе Фойницкій высказываетъ этотъ взглядъ лишь какъ указаніе на одну только сторону преступленія, именно, на субъективную. Онъ далеко не игнорируетъ и другихъ сторонъ, какъ вы же сами указываете на 164 стр.: „Въ послѣднее время Фойницкій вновь изложилъ свою теорію въ двухъ соч. „Ученіе о наказаніи 1889 г." и „Уголовно-правовая доктрина о соучастіи Юр. В. 1891 г." Тутъ Фойницкій говоритъ: „Причина и условія преступной дѣятельности могутъ быть сведены къ тремъ родовымъ группамъ: a) условія космическія, b) условія общественныя, c) условія индивидуальныя".

Приписавъ Фойницкому означенное опредѣленіе, вы отмѣчаете въ немъ нѣкоторыя неправильности и поправляете его. Поправки ваши и есть въ сущности базисъ всего вашего ученія. Онѣ составляютъ

то, что принадлежитъ самимъ вамъ. Въ чемъ же онѣ заключаются?— Въ концѣ концовъ онѣ заключаются въ томъ, что вы 1) голый умыселъ объявляете за преступленіе и 2) юридическое лицо признаете способнымъ на преступленіе. Теорія давно отвергла оба эти принципа. И ваша ссылки на Нью-Іоркское и Русское право не могутъ служить доводами въ вашу пользу, а лишь свидѣтельствуютъ о недостаткахъ самыхъ этихъ правъ.

П. П. Пусторослевъ. Возраженія Ваши покоятся на недоразумѣніи. Я и не думалъ говорить, чтобы Фойницкій гдѣ-нибудь вполнѣ и категорически высказалъ свой взглядъ на преступленіе. На стр. 167—8 я прямо говорю, что онъ вырабатывалъ теорію постепенно. Впервые онъ высказался въ 1873 г. Съ тѣхъ поръ онъ по разнымъ поводамъ касался этого пункта. Но спеціально онъ никогда имъ не занимался. Я же собралъ всѣ опредѣленія Фойницкаго, свелъ ихъ и далъ общую формулу.

Что касается поправокъ къ теоріи Фойницкаго, или признанія голаго умысла преступленіемъ и юридическихъ лицъ способными на преступленіе, то я пришелъ къ такому выводу потому, что изслѣдовалъ не идеалъ преступленія, не то, какъ *должно* смотрѣть на преступленіе, а изслѣдовалъ взглядъ на него положительныхъ законодательствъ, и не только культурныхъ народовъ нашего времени, но и некультурныхъ и даже дикихъ. А тамъ голый умыселъ считается преступленіемъ и юридическія лица считаются способными на преступленія. Какъ же я, стоя на реальной почвѣ, могъ поступить иначе?

М. В. Духовской.—На первый пунктъ я не буду возражать; замѣчу лишь, что пріемъ сводки мнѣній ученаго, мимоходомъ бросавшихся имъ на пространствѣ болѣе чѣмъ въ 15 лѣтъ, можетъ быть каждый разъ съ особымъ оттѣнкомъ, и построеніе изъ такого матеріала,— можетъ быть на половину отжившаго для ученаго,—формулы, которая затѣмъ приписывается ученому,—такой пріемъ довольно опасный. На второй пунктъ отвѣчу, что цѣль своего изслѣдованія вы видите въ правильной постановкѣ вопроса о понятіи преступленія, и это вы высказываете неоднократно. Но согласитесь, какое правильное понятіе вы получите о преступленіи, если возьмете и варваровъ, и дикарей, и полуцивилизованные народы со всей массой ошибокъ, которыя когда-либо допускались, и будете отвлекать понятіе преступленія, суммировавъ въ одно весь этотъ пестрый матеріалъ, не различая одной эпохи отъ другой и т. д.

На этомъ я остановлюсь и перейду къ указанію другихъ недостатковъ вашего изслѣдованія. Когда вы ищите различіе между уготовными и неуголовными правонарушеніями, вы придаете первымъ чрезвычайно широкое значеніе; вы говорите о первостепенныхъ, вто-

ростепенныхъ и третьестепенныхъ преступленіяхъ (стр. 1. 94); вы считаете уголовнымъ преступленіемъ и самовольное собираніе грибовъ, и стрѣльбу, и даже нищенство (стр. 105, 115). И при такомъ широкомъ пониманіи уголовныхъ правонарушеній вы еще признаете гражданскія, военныя и дисциплинарныя и т. д. Различіе указано вами не по существу, а потому, куда относитъ данное преступленіе извѣстный уголовный кодексъ. При всемъ томъ вы пытаетесь указать для разграниченія незыблимый критерій. Стр. 95: „Разграничительнымъ признакомъ, съ логической точки зрѣнія, служитъ только то, что свойственно каждому явленію одной изъ двухъ разграничиваемыхъ группъ и—не свойственно ни одному явленію другой. Слѣд. и разграничительнымъ признакомъ преступнаго въ области неправомѣрнаго можетъ быть только то, что свойственно каждому уголовному правонарушенію и не свойственно ни одному неуголовному. Напротивъ, что встрѣчается въ нѣкоторыхъ или даже во всѣхъ уголовныхъ правонарушеніяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ попадается и въ неуголовныхъ, хотя бы въ очень немногихъ, то логически не можетъ быть разграничителемъ преступнаго... Желая опредѣлить понятіе о преступленіи на основаніи положительнаго права, мы естественно должны изслѣдовать интересующій насъ признакъ на почвѣ положительнаго же права“... Вы не только указываете, но и ищете такой критерій. Стр. 115: „Посягательства, менѣе опасныя для правового порядка, находятся въ изобиліи въ числѣ не уголовныхъ правонарушеній, а гражданскихъ..., финансовъ... дисциплинарныхъ...“ Но вы взялись за невыполнимую задачу, особенно когда, смѣшавъ требованія логики съ случайнымъ распредѣленіемъ преступленій по категоріямъ въ различныхъ кодексахъ, вы ищете разграниченія во всей исторіи человѣчества: у народовъ дикихъ, полуцивилизованныхъ и современныхъ культурныхъ. Ясно, почему вы приходите къ неудачѣ. На стр. 207 вы говорите: „Существованіе пресѣкательныхъ наказаній (вырѣзываніе языковъ, отсѣченіе рукъ)—вѣское доказательство, что правоучредитель предполагаетъ въ преступникѣ нѣкоторое *внутреннее длящееся состояніе* преступности, выразившееся въ учиненномъ преступленіи и способное вызывать новыя“. Но у васъ же встрѣчаемъ указанія на массу уголовныхъ преступленій, вовсе не имѣющихъ за собою *длящагося состоянія* преступности у дѣятеля. На стр. 174 вы приходите уже къ инымъ результатамъ: „Классификація правонарушеній, распредѣленіе ихъ по категоріямъ и зачисленіе однихъ въ категорію уголовныхъ, а другихъ—въ категорію неуголовныхъ есть дѣло правоучредителя государства. Какимъ онъ признаетъ правонарушеніе, таково оно и будетъ: призналъ уголовнымъ—уголовное, призналъ неуголовнымъ—неуголовное. Ни одно правонарушеніе не имѣетъ само по себѣ спеціальнаго характера: ни уголовнаго, ни

неуголовнаго". Это уже двойной недостатокъ; тутъ вы уже отказываетесь установить для законодателя руководящія начала, отказываетесь отъ правильнаго взгляда на вопросъ, предоставляя все произволу законодателя. Въ этомъ отношеніи 30 лѣтъ назадъ покойный Баршевъ былъ гораздо правѣе васъ, когда говорилъ: „законы божескіе, моральные опредѣляютъ понятіе преступленія". Въ наше время эту мысль высказываютъ нѣсколько въ иной формѣ: „наука должна освѣщать путь законодателю".

П. П. Пусторослевъ. Предметъ изслѣдованія указанъ мною на 94 стр.: „Мы пытаемся опредѣлить, что такое преступленіе въ дѣйвствительности, съ точки зрѣнія положительнаго права". Я долженъ былъ понимать такъ, какъ его понимали дикіе и недикіе народы. Этимъ объясняется то, что рыбная ловля, напр., признается мною за преступленіе. Не могъ же я при такихъ задачахъ указывать на идеалъ преступленія у культурныхъ народовъ. Если Петръ Великій грозилъ суровымъ показаніемъ за заговоръ ружья, я долженъ признать заговоръ ружья преступленіемъ. Если религіозныя вѣрованія народа вызываютъ на свѣтъ преступленія религіозныя, напр., непосѣщеніе церкви, общеніе съ дьяволомъ, я долженъ былъ и непосѣщеніе церкви и сношенія съ дьяволомъ признать преступленіемъ и имѣть въ виду при своихъ опредѣленіяхъ.

М. В. Духовской. Для меня это кажется страннымъ. Но я перейду къ слѣдующему пункту. Вы ссылаетесь на Фойницкаго. А Фойницкій считаетъ преступленіе продуктомъ соціальныхъ, космическихъ и др. условій. Но тогда оно не будетъ „внѣшнимъ выраженіемъ или проявленіемъ личнаго состоянія преступности", не будетъ "субъективнымъ состояніемъ", какъ вы называете его (напр., стр. 174). Но что особенно странно, это ваше метафизическое ученіе о свободѣ воли на 176 стр. „Если я не нахожусь въ состояніи преступности, если *я лично* не способенъ къ учиненію преступленія, то ни космическія, ни соціальныя условія, ничто въ мірѣ не заставитъ меня учинить преступленіе".

Вотъ главные на мой взглядъ недостатки изслѣдованія. Вы избрали дѣйствительно серьезную тему и попытались оригинально отнестись къ ней. Вы даете интересный систематическій разборъ цѣлаго ряда теорій по данному вопросу. Изложеніе не отличается стройностью. Все это даетъ намъ право надѣяться, что въ будущемъ вы подарите насъ интересными изслѣдованіями.

А. С. Алексѣевъ. Я буду говорить о первой части вашего изслѣдованія, гдѣ вы излагаете свой взглядъ на право и государство. Эта часть произвела на меня пріятное впечатлѣніе. Отъ нея вѣетъ свѣжестью, прелестью, оригинальностью. Къ сожалѣнію я натолкнулся на нѣкоторыя неясности. Надѣюсь, вы поможете мнѣ выяснить ихъ.

На стр. 10 вы опредѣляете понятіе права: „Право есть тотъ порядокъ, который должны соблюдать люди при удовлетвореніи своихъ матеріальныхъ и духовныхъ потребностей въ средѣ совмѣстнаго существованія". Этотъ порядокъ, по вашимъ словамъ, не предоставленъ произволу людей. Онъ обезпеченъ со стороны государства принужденіемъ. Такимъ образомъ, въ правѣ вы усматриваете два элемента: 1) матеріальный и 2) формальный. Въ дальнѣйшемъ изложеніи вы, однако, первый элементъ упускаете изъ виду и говорите только о второмъ. Подъ правомъ вы разумѣете уже совокупность нормъ, которую государство признаетъ правомъ, независимо отъ ихъ содержанія (стр. 24). Такъ что и религіозное требованіе, помѣщенное въ законѣ, будетъ правомъ. Нравственная сентенція, ошибочно помѣщенная туда же, будетъ юридической нормой и т. д. Но тогда какъ отличить право отъ нравственности и какъ говорить объ ихъ смѣшеніи!!

П. П. Пусторослевъ. Вопросъ о распредѣленіи правового и нравственнаго порядка спорный. Правовой порядокъ отличается отъ прочихъ формальнымъ элементомъ—защитой и принужденіемъ...

А. С. Алексѣевъ. Передо мной Сводъ Законовъ. Все-ли, что находится тамъ, будетъ правомъ: нѣтъ-ли тамъ еще административныхъ распоряженій, нравственныхъ сентенцій и т. д.?

П. П. Пусторослевъ. Нормы различны...

А. С. Алексѣевъ. Все-ли, что находится въ Сводѣ Законовъ, будетъ юридической нормой?

П. П. Пусторослевъ. Законодатель можетъ допустить ошибку...

А. С. Алексѣевъ. Гдѣ же критерій для распознанія ошибокъ законодателя?

П. П. Пусторослевъ. Можетъ быть требованіе законодателя неисполнимымъ...

А. С. Алексѣевъ. Вотъ я раскрываю Сводъ Законовъ и читаю: „Всѣ столы въ канцеляріяхъ присутственныхъ мѣстъ должны быть покрыты зеленымъ сукномъ".—Что это—юридическая норма?

П. П. Пусторослевъ. Если есть обезпеченіе, то это будетъ норма.

А. С. Алексѣевъ. А если обезпеченія нѣтъ?

П. П. Пусторослевъ. Тогда это не будетъ нормой.

А. С. Алексѣевъ. Вы не находите противорѣчія между вашимъ опредѣленіемъ права, какъ порядка, который люди должны соблюдать при удовлетвореніи своихъ потребностей, и этимъ правиломъ о зеленомъ сукнѣ?

П. П. Пусторослевъ. Но предписаніе носить форменные фраки будетъ юридической нормой, такъ какъ фраки удовлетворяютъ эстетической потребности...

А. С. Алексѣевъ. Но не пользѣ... Я перехожу къ другому возра-

женію. Вы говорите, что территорія не существенная часть для понятія государства, а лишь внѣшняя, ее не надо вносить въ опредѣленіе государства; само собою, говорите вы, что люди стоятъ на землѣ. Долженъ сказать вамъ, что ученые, когда говорятъ о территоріи, понимаютъ ее не такъ просто, какъ вы думаете. Территорія есть область, на которой дѣйствуетъ государство. Послѣднее должно состоять не изъ кочевой орды, а изъ прочно установившагося народа. Отказываясь включить территорію въ понятіе государства, вы замѣчаете, что поступаете такъ „вопреки установившемуся мнѣнію". Вы думаете, что установилось такое мнѣніе? Увѣряю васъ, что многіе ученые вовсе не признаютъ территорію существенной частью въ понятіи государства: Коркуновъ, Гарейсъ и др. относятся къ территоріи отрицательно. Указаннаго Вами „установившагося мнѣнія" въ дѣйствительности не существуетъ.

П. П. Пусторослевъ. Я именно отъ Васъ ожидалъ услышать упрекъ за то, что не признаю территорію существенной частью государства. Выводы же свои я дѣлалъ на основаніи тѣхъ ученій, которыя дѣйствительно не вносятъ территорію въ понятіе государства.

А. С. Алексѣевъ. Вообще глава о государствѣ содержитъ несоотвѣтствія. Вы хотите опредѣлить существо государства, и въ то же время восемь страницъ изъ тринадцати посвящаете быту дикихъ племенъ, у которыхъ нѣтъ и государства, по признанію всѣхъ путешественниковъ. Особенно вы внимательны къ фуиджійцамъ. Эту главу вамъ такъ бы и озаглавить. „Есть ли у фуиджійцевъ государство". Вы пользуетесь сочиненіями одного только Letourneau. Самъ Letourneau отрицаетъ у фуиджійцевъ государство. А вы, на основаніи только его матеріала, не дополнивъ послѣдній рѣшительно ничѣмъ, спорите съ Letourneau и объявляете фуинжійцевъ за народъ, живущій въ государствѣ. Между тѣмъ мы имѣемъ о фуиджійцахъ свидѣтельство Дарвина, который говоритъ, что у нихъ почти нѣтъ языка. Они издаютъ звуки, похожіе на тѣ, которые получаются при полосканьи горла. Жизнь самая первобытная. Умъ спитъ. Втеченіе 150 лѣтъ у нихъ не замѣчено никакихъ улучшеній. Вы напрасно вѣрите Letourneau. Это одинъ изъ тѣхъ писателей, которые нерѣдко приводятъ невѣрные факты. Но этого мало. Letourneau ссылается на Дарвина. Вы цитируете Letorneau и тоже указываете на Дарвина. А у Дарвина ничего подобнаго нѣтъ. Затѣмъ, вы говорите, вслѣдъ за Letourneau, что фуиджійцы живутъ въ шалашахъ, семьями въ 5—6 человѣкъ. Это тоже невѣрно. Теперь извѣстно, что они живутъ по 20 человѣкъ. Наконецъ, вы ссылаетесь на „одного изъ самыхъ недавнихъ путешественниковъ по Огненной землѣ, доктора Гайдеса". Откуда взяли вы этого путешественника?

П. П. Пусторослевъ. Я вовсе не питаю къ фуиджійцамъ особаго расположенія. Я обратился къ нимъ только потому, что у нихъ отрицается государство, между тѣмъ какъ оно у нихъ есть, по крайней мѣрѣ въ зачаткахъ. Такъ, напр., въ особо важныхъ случаяхъ тамъ собирается временный органъ, въ родѣ нашихъ присяжныхъ засѣдателей...

А. С. Алексѣевъ. О присяжныхъ засѣдателяхъ мы еще поговоримъ. А вотъ откуда вы взяли доктора Гайдеса?

П. П. Пусторослевъ молчитъ.

А. С. Алексѣевъ. Я скажу, откуда вы его взяли. У Letourneau есть ссылка на капитана французскаго судна. Вы прочли его фамилію не по французски, а по англійски; возвели его въ англичанина и въ доктора. Это простой французъ капитанъ. Перехожу къ слѣдующему пункту. По вашимъ словамъ жители Огненной земли дѣлятся на „группы“ и вмѣстѣ съ тѣмъ на „три племени“. Что разумѣете вы въ первомъ случаѣ подъ именемъ группъ: семьи или племена?

П. П. Пусторослевъ. У Letourneau встрѣчается слово tribus,—группа изъ нѣсколькихъ семей. Это *я* разумѣю подъ группой.

А. С. Алексѣевъ. Тогда вы невѣрно свидѣтельствуете. Дарвинъ ничего подобнаго не говоритъ. Главное соображеніе, на которомъ вы строите теорію государства у фуиджійцевъ, таково, что старики во-время голода будто бы отряжаютъ молодежь за пищей. Молодежь находитъ, напр., кита и торжественно несетъ ее къ старикамъ. Старики, съ торжественными заклинаніями раздѣляютъ кита на равныя части. И затѣмъ, исполнивъ это, подобно нашимъ присяжнымъ, расходятся и скрываются въ общей массѣ за обыденными заботами. Ничего подобнаго нѣтъ у Дарвина, на котораго вы указываете. Дарвинъ ссылается на одного капитана, который разъ только видѣлъ, какъ во-время голода молодые люди, въ поискахъ за пищей, напали на кита. Обрадовавшись этой тухлятинѣ, они потащили кита къ старикамъ; всѣ съ жадностью набросились на него и съѣли. Гдѣ же тутъ общественная функція присяжныхъ засѣдателей?

П. П. Пусторослевъ. Я вѣрилъ Letourneau и Леббоку.

А. С. Алексѣевъ. Не надо было вѣрить Letourneau. Да у него нѣтъ кое-чего, что вы приписываете ему, напр., торжественности при дѣлежѣ пищи.

П. П. Пусторослевъ. Я вѣрилъ Letourneau. А Дарвина я не читалъ и если упоминаю о немъ, то какъ о писателѣ, на котораго ссылается Letourneau.

А. С. Алексѣевъ. Letourneau взялъ лѣвѣе Дарвина. Вы—еще лѣвѣе Letourneau. Вы, напр., говорите о какой-то защитѣ территоріи подъ предводительствомъ стариковъ. Этого нѣтъ не только у Дарвина,

но даже и у Letourneau. Послѣ приведенныхъ соображеній, Петръ Павловичъ, я думаю, намъ съ вами волей-неволей и отъ фуиджійскаго государства придется отказаться. Въ остальномъ, ваше ученіе о правѣ и государствѣ, повторяю, произвело на меня пріятное впечатлѣніе.

Факультетъ, въ своемъ отзывѣ, нашелъ вопросъ, затронутый г. Пусторослевымъ, важнымъ. Въ первой части изслѣдованія взглядъ на право страдаетъ нѣкоторой односторонностью или преобладаніемъ формальнаго элемента. Страницы о природѣ государства страдаютъ иногда неясностью. Во второй части большое мѣсто занимаетъ различіе правонарушеній уголовныхъ отъ гражданскихъ. Указаніе на теорію Фойницкаго и исправленія этой теоріи также страдаютъ недостаткомъ основательности. Но зато видна попытка оригинально отвѣтить на главные вопросы права; обнаруживается эрудиція автора; изложеніе отличается стройностью и послѣдовательностью. На этомъ основаніи факультетъ рѣшилъ допустить г. Пусторослева до публичной защиты диссертаціи. По окончаніи защиты факультетъ нашелъ его достойнымъ искомой степени.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Исторія права на IX археологическомъ съѣздѣ въ Вильно. Среди многочисленныхъ рефератовъ, прочитанныхъ въ минувшемъ августѣ на Виленскомъ Съѣздѣ, четыре имѣютъ непосредственное отношеніе къ наукѣ исторіи права (если не считать курьезнаго реферата проф. Н. Е. Чижова: *Нѣкоторыя черты брачно-юридическихъ символовъ Ярославской губерніи*): это — два реферата г-жи А. Я. Ефименко: *О копныхъ судахъ* и *Къ вопросу о феодализмѣ въ Западной Руси и Литвѣ*, одинъ проф. С. Ѳ. Платонова: *Объ Огнищанахъ* и одинъ проф. И. А. Линниченко: *Общины на Валашскомъ правѣ въ Юго-западной Руси*.

Необыкновенно свѣжій въ научномъ отношеніи первый рефератъ г-жи Ефименко, горячо привѣтствованный на съѣздѣ проф. В. Г. Васильевскимъ, А. В. Романовичемъ-Славатинскимъ и И. А. Линниченко, имѣлъ цѣлью подчеркнуть необходимость пересмотра „господствующаго до сихъ поръ и общепринятаго мнѣнія о судѣ, какъ необходимомъ аттрибутѣ княжеской власти". Выяснивъ три момента копнаго процесса, соотвѣтствующіе тремъ типичнымъ копамъ—горячей, великой, завитой—г-жа Ефименко такъ резюмировала свой докладъ: „Копные документы даютъ намъ превосходную—совершенно исключительную по полнотѣ деталей—картину архаическаго суднаго процесса. Кое-какія черты уже, конечно, выцвѣли отъ времени или закрыты новѣйшими наслоеніями, но многія еще ярки и выразительны. И опытная рука ученаго историка права, при помощи историко-сравнительнаго метода, легко можетъ во всей полнотѣ реставрировать намъ настоящій древне-русскій, или даже древне-славянскій судный процессъ, судя же по массѣ существенныхъ общихъ чертъ, сохранившихся у германскихъ племенъ, сколько можно заключить по Rechtsal-

terthûmer Гримма, можетъ быть даже и судъ общихъ славянамъ и германцамъ прародителей.

Однако какое же мѣсто занимаетъ народный судъ въ исторіи развитія суда вообще? Никакого, если стоять на общепринятыхъ наукой положеніяхъ. Исторія права допускаетъ народный судъ, какъ гипотезу, которая могла имѣть свою реализацію за какими то отдаленными предѣлами исторіи; но положительно утверждаетъ, что въ извѣстныхъ исторіи предѣлахъ судъ былъ исключительной принадлежностью верховной власти.

Я считаю такое утвержденіе безусловно ошибочнымъ. Основанія его ясны. И à priori легко понять, что формирующееся государство, разыскивая средства для своей поддержки, естественно приходило къ тому, что видѣло въ преступникѣ, этомъ нарушителѣ общественнаго мира, источникъ своихъ доходовъ. A-posteriori это предположеніе подтверждается хотя бы тѣми же лѣтописными словами епископовъ, которыя они говорили Владиміру св.: Будутъ виры, будетъ на что содержать и дружины,—слова, превосходно обрисовывающія положеніе. Но отсюда еще далеко до утвержденія, что судъ принадлежалъ князю. Многія категорическія выраженія памятниковъ о княжескомъ судѣ и княжескихъ судьяхъ можно безъ малѣйшей натяжки толковать въ смыслѣ взысканія въ пользу князя судебныхъ пошлинъ при допущеніи народнаго суда. „А у колцѣ судьи скажутъ“, говоритъ Судебникъ Казимира, и никто не сомнѣвается, что здѣсь идетъ рѣчь о великокняжескихъ судьяхъ. Но если читать копные документы, въ которыхъ подробно разсказывается, какъ судьи, выбранные сторонами изъ мужей-копниковъ, засѣдаютъ для обсужденія дѣла, то приходишь къ убѣжденію, что это и есть именно „судьи въ колцѣ“, т. е. въ чертѣ, о которой говорятъ документы. Этимъ я не хочу сказать, что княжеская власть не имѣла ни въ какомъ случаѣ никакого отношенія къ суду, кромѣ финансоваго, и что судъ извѣстныхъ эпохъ былъ всегда и исключительно народный.

Нѣтъ, я утверждаю не это, а вотъ что.

Основываясь на данныхъ историко-сравнительной этнографіи вообще, на превосходномъ трудѣ *М. М. Ковалевскаго* о правѣ Осетинъ въ частности, я утверждаю, что развитіе права, какъ съ матеріальной, такъ и формальной стороны, шло двумя параллельными путями. Т. е. въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что каждое общество сложилось изъ родовыхъ группъ, въ его правовыя понятія вошли и переплелись между собою неразрывно два типа понятій о правдѣ: правда для своихъ, практикующаяся внутри родовой группы, и правда для чужихъ, по которой укладываются отношенія между группами. Этотъ

двойственный характеръ развитія отразился и на формальной сторонѣ права, между прочимъ и на организаціи суда.

Правда для своихъ, внутри своей родовой группы, естественно искалась въ коллективномъ сознаніи этой группы. Правда для чужихъ—въ между-групповыхъ отношеніяхъ, въ соглашеніи, договорѣ, посредничествѣ лицъ, стоящихъ внѣ той и другой группы и по той или другой причинѣ одинаково признаваемыхъ той и другой.

Отсюда два типа суда: одинъ—судъ народной сходки, вѣча; другой—судъ полюбовный, третейскій, судъ лица съ общепризнанной авторитетностью—жрецовъ, мудрецовъ или вѣщихъ біевъ, брегоновъ. Этого же типа, этого же происхожденія и княжескій судъ. До какого относительно поздняго времени сохранился этотъ полюбовный характеръ княжескаго суда, свидѣтельствуютъ и западно-русскіе памятники 15 и 16 вв., уставныя и судныя грамоты, гдѣ постоянно встрѣчаются выраженія: „А коли одинъ выдастъ ея, а другой не выдастъ ся, вины въ томъ нѣтъ“, что я по смыслу разныхъ видоизмѣненій этого обычнаго выраженія толкую такъ: „кто выдастъ себя на судъ князя и кладетъ въ томъ заруку, а другой не выдастъ, то этого другого нельзя насильственно привлекать къ княжескому суду“.—См. „Виленскій Вѣстникъ“, № 171.

Въ преніяхъ, слѣдовавшихъ за чтеніемъ реферата, не было возраженій по существу, исключая развѣ замѣчанія И. Я. Спрогиса, что расчлененіе копнаго суднаго процесса, сдѣланное г-жею Ефименко, придаетъ отдѣльнымъ копамъ характеръ судебныхъ инстанцій, между тѣмъ какъ копы—не инстанціи, а только разные моменты одной и той же копы; референтка, опираясь на документы, настаивала на томъ, что каждая копа имѣетъ опредѣленное юридическое значеніе и что расчлененіе копнаго суднаго процесса связываетъ его съ суднымъ процессомъ другихъ правъ, особенно славянскихъ, которыя постоянно упоминаютъ о трехъ судныхъ рокахъ. При изученіи копнаго суднаго процесса г-жа Ефименко пользовалась актами о копныхъ судахъ XVI—XVII вв., собранными въ XVIII-мъ томѣ *Актовъ, издаваемыхъ Виленскою Археографическою Коммиссіей* (Вильно. 1891.); г. Линниченко указалъ, что въ актахъ такъ называемаго Бернардинскаго Архива во Львовѣ есть акты о копныхъ судахъ болѣе ранніе, чѣмъ тѣ, которые читаемъ въ XVIII-мъ томѣ названнаго изданія. Если это такъ, то весьма желательно, чтобы они были изданы или по крайней мѣрѣ подробно описаны.

Другой рефератъ г-жи Ефименко, весьма сжатый и догматичный, исходя изъ положенія, что въ основаніи того комплекса явленій, который мы называемъ феодализмомъ, лежитъ феодализація земельной собственности, излагаетъ сущность этого процесса феодализаціи и

признаетъ его наличность въ Литовской Руси, гдѣ онъ шелъ вполнѣ самостоятельно и гдѣ въ то же время можно замѣтить нѣкоторые слѣды прямого заимствованія изъ Европы формъ феодальнаго строя; слѣды эти сильнѣе на территоріи русско-польскихъ областей и слабѣе на территоріи собственной Литовской Руси. И здѣсь, какъ и въ первомъ рефератѣ, г-жа Ефименко поднимаетъ общій и очень важный вопросъ; она отлично оттѣнила центральный пунктъ своего реферата въ отвѣтѣ проф. В. З. Завитневичу на его замѣчаніе о проблематичности ея выводовъ: понятіе земельной собственности въ историческую уже эпоху подверглось большому измѣненію, и значительное недоразумѣніе возникаетъ въ наукѣ именно изъ-за того, что она опускаетъ это обстоятельство изъ виду и объясняетъ архаическія явленія, исходя изъ современныхъ понятій.

Блестящіе рефераты г-жи Ефименко, полные научнаго интереса, составили, несомнѣнно, лучшее украшеніе Виленскаго Съѣзда.

Въ небольшомъ, но весьма остроумномъ рефератѣ проф. С. Ѳ. Платоновъ сдѣлалъ попытку истолковать терминъ „огнищанинъ", о которомъ порядочно спорили въ нашей историко-юридической литературѣ. Изложивъ два основныхъ мнѣнія о значеніи термина „огнищанинъ", господствующихъ въ литературѣ, и познакомивъ съ отрывками изъ Русской Правды и лѣтописей, въ которыхъ читается этотъ терминъ, г. Платоновъ предложилъ подъ „тіуномъ огнищанъ" и „огнищаниномъ" Русской Правды разумѣть то лицо княжеской администраціи, которое вѣдало княжескій дворъ и дворню, челядь и позднѣе получило названіе дворскаго, дворецкаго. Новгородское употребленіе термина „огнищане" охватывало вообще всѣхъ людей, принадлежавшихъ къ княжескому двору, и такимъ образомъ отождествляло его съ терминомъ дворяне. Свою весьма скромно предложенную догадку г. Платоновъ основывалъ на 1) на древнемъ значеніи слова „огнище"—ἀνδζαποδον—въ славянскомъ переводѣ поученій Григорія Богослова и 2) на глоссѣ въ Mater verborum—ohniscenin, libertus, cui post servitium assedit libertas—по внутреннему ея смыслу не могшей быть плодомъ поздней фальсификаціи. Пренія, въ которыхъ приняли участіе А. В. Лонгиновъ, профф. А. И. Маркевичъ, А. И. Соболевскій, М. Н. Бережковъ и В. З. Завитневичъ, ничего не прибавили къ догадкѣ г. Платонова и ничуть ея не поштатнули, хотя слѣдуетъ прибавить, что она нуждается въ сильной аргументаціи, чтобы войти въ семью обиходныхъ толкованій древнѣйшихъ нашихъ юридическихъ терминовъ.

Г. Линниченко въ своемъ рефератѣ коснулся поселеній на валашскомъ правѣ, возникшихъ въ Галицкой Руси по актамъ въ XIV в.; а на самомъ дѣлѣ, вѣроятно, въ XIII вѣкѣ, считая возможнымъ загадочныхъ Болоховскихъ князей признать за князей валашскихъ посе-

леній. Что касается внутренняго строя валашскихъ поселеній, то онъ отличается общиннымъ характеромъ. Нѣсколько поселеній въ одной и той же мѣстности составляли *крайну*, во главѣ крайны стоялъ *крайникъ*; всѣ села одной и той же крайны собирались два раза въ годъ на вѣче, гдѣ происходилъ судъ; община отвѣчаетъ круговой порукой за своихъ сочленовъ, имѣетъ общественныя земли, распоряжается ими, несетъ сообща повинности и отбываетъ извѣстныя работы. Значеніе крайника мало выясняется актами, онъ присутствуетъ въ судѣ съ оффиціальными лицами, онъ присутствуетъ при исполненіи судебныхъ приговоровъ. Во главѣ каждаго села стоялъ князь (часто называемый *солтысъ*, такъ какъ роли ихъ почти одинаковы). Сначала князьями бывали и крестьяне, и священники, и шляхтичи; позднѣе князства скупались большею частью дворянствомъ. Князь получалъ земельный надѣлъ, но самую существенную часть дотаціи князя составляли его доходы съ крестьянъ: ему шла третья часть крестьянскихъ чиншевъ, третья часть судебныхъ пошлинъ, и т. д. Повинности князя состояли прежде всего въ военной службѣ, затѣмъ въ платежахъ въ пользу владѣльца. Князства обыкновенно уступались владѣльцами за услуги или продавались въ наслѣдственную собственность; съ нашей точки зрѣнія князь въ князствѣ являлся только какъ usufructor, но сами князья смотрѣли на себя какъ на собственниковъ. Крестьяне въ валашскихъ общинахъ сидѣли на отмѣренныхъ земельныхъ участкахъ—дворищахъ; форма владѣнія дворищами—семейно-общинная, которая въ XVI в. начинаетъ уже разлагаться; характерною особенностью валашскихъ поселеній слѣдуетъ считать уплату повинностей скотомъ, его продуктами и дичью.

Вотъ все, что могло бы на Съѣздѣ заинтересовать спеціалиста по исторіи права. Быть можетъ слѣдовало бы упомянуть объ интересномъ рефератѣ проф. А. Ив. Павинскаго: *О подляшскомъ воеводствѣ въ XVI в. въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ*, но рефератъ этотъ—новый отрывокъ изъ обширнаго труда г. Павинскаго *Polska XVI wieku pod względem geograph statij* который, конечно, найдетъ должную оцѣнку въ нашей литературѣ.

Слѣдующій Археологическій Съѣздъ назначенъ въ Ригѣ—пунктѣ, который можетъ дать обильный матеріалъ для всякаго рода историческихъ розысканій

В. Н. Сторожевъ,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

Къ исторіи межевого дѣла (по поводу „Исторіи межевого законодательства 1649 — 1765“ И. Е. Германа). Въ началѣ нынѣшняго года появился въ печати новый трудъ по исторіи межеванія „Исторія межеваго законодательства“ И. Е. Германа. Появленіе этой книги слѣдуетъ отмѣтить потому, что не только литература по исторіи межеванія, но и вообще литература межевого дѣла крайне бѣдна и недостаточна, несмотря на всѣ благопріятныя условія для ея развитія. Въ продолженіе всего прошлаго десятилѣтія и до сихъ поръ носятся упорные слухи о проектахъ радикальной реформы межевого дѣла; одинъ изъ проектовъ былъ даже напечатанъ въ „Межевомъ Вѣстникѣ“ за 1884 г; благодаря такимъ намѣреніямъ правительства, мы должны бы были ожидать наибольшаго развитія межевой литературы, какъ болѣе твердаго и вѣрнаго базиса всякихъ современныхъ преобразованій. Но судьба межевой литературы одинакова съ судьбой межевыхъ проектовъ; какъ эти послѣдніе, всѣ явленія межевой литературы (напр. „Межевой Вѣстникъ“) оканчивались неудачей и быстро забывались. Въ 60-хъ годахъ еще было сознано неудовлетворительное состояніе межевого дѣла у насъ въ Россіи, и съ тѣхъ поръ въ теченіе тридцатилѣтняго промежутка времени предпринимались весьма обширныя работы по радикальному преобразованію межевой части; результатами работъ въ 60-хъ годахъ явился обширный сборникъ „Матеріаловъ для преобразованія межевой части въ Россіи“ въ 5 книгахъ, а въ 80-хъ годахъ явился прекрасный сборникъ матеріала для исторіи межеванія послѣ 19 сентября 1765 года подъ заглавіемъ „Пояснительная записка“ къ проекту 1883 года. Но всѣ эти работы не достигали своей цѣли,—ни одинъ проектъ реформы не былъ осуществленъ. Первая причина неуспѣха большинства проектовъ заключается въ томъ, что почти всѣ проекты составлялись и составляются безъ должнаго участія спеціалистовъ, а равно и безъ вѣдома общественнаго мнѣнія; содержаніе почти всѣхъ проектовъ остается извѣстнымъ среди небольшого круга избранныхъ высшихъ представителей межевого вѣдомства; остальная часть его и все общество можетъ судить о немъ по слухамъ. Подобная постановка дѣла съ одной стороны почти всегда вооружаетъ многихъ противъ проекта, какъ результатъ ложныхъ свѣдѣній о немъ и задѣтаго самолюбія; съ другой стороны мѣшаетъ преобразованіямъ пользоваться и руководиться совѣтами опытныхъ спеціалистовъ и нуждами современнаго землевладѣнія. Вторую и самую серьезную причину неуспѣха всѣхъ проектовъ слѣдуетъ искать въ томъ равнодушіи, съ которымъ наше общество относится къ межевому дѣлу, несмотря на его несомнѣнную важность. У насъ какъ то исторически сложилась изолированность представителей межевого дѣла.

Манифестъ Екатерины II 19 сент. 1765 года оживилъ межевыя работы настолько, что до нынѣшняго столѣтія было генерально обмежевана бо́льшая часть Европейской Россіи; изъ всѣхъ нынѣ генерально-размежеванныхъ 34 губерній въ царствованіе Екатерины обмежевано 19 губерній и въ пяти генеральное межеваніе оканчивалось. Но уже съ конца прошлаго вѣка первая горячка проходитъ и межевыя работы постепенно утихаютъ. Сперва былъ недостатокъ въ людяхъ, и это не помѣшало успѣху межеванія: въ землемѣры шли люди различныхъ профессій. Впослѣдствіи, когда вновь основанныя межевыя учебныя заведенія стали выпускать спеціалистовъ, дѣло ухудшилось противъ всякихъ ожиданій; быть можетъ, это произошло, во-первыхъ, отъ неудачной организаціи межевого дѣла, а во-вторыхъ, по той причинѣ, что сперва въ землемѣры шли охотники, съ желаніемъ принести пользу своею дѣятельностью, между тѣмъ какъ оканчивающій межевое учебное заведеніе шелъ на службу по обязательству, а иногда и противъ своей воли; ко всему же этому присоединилось весьма незавидное положеніе землемѣра и стѣсненіе его дѣйствій формалистикой. Съ малолѣтства будущій землемѣръ отрывается отъ семьи и воспитывается въ казенномъ заведеніи, гдѣ въ его душу западаютъ первыя сѣмена одичалости и поверхностнаго отношенія къ дѣлу; такъ какъ безъ вліянія семьи человѣкъ становится черствымъ, стремится работать настолько, насколько требуетъ этого начальство, — у него не вырабатывается должной любви къ занятію и къ своей спеціальности. Затѣмъ, его дѣятельность начинается при новыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, онъ уѣзжаетъ въ провинцію, въ глушь, гдѣ все ему чуждо; съ одной стороны провинціальная жизнь и формалистика забиваютъ всякіе побѣги молодой любознательности, съ другой — скудное содержаніе и одиночество заставляютъ вести ненормальную жизнь внѣ общества и, наконецъ, совершенно заглушаютъ интересъ ко всему, что за предѣлами его „я“, и молодой землемѣръ по мелочамъ расходуетъ свои способности, не подвигая впередъ своего умственнаго развитія. Такъ неприглядно складывается жизнь и дѣятельность землемѣра; забота о себѣ и о своей семьѣ, если она у него есть, забитость молодыхъ порывовъ, а отсюда неувѣренность въ себѣ, отчужденность отъ общественныхъ интересовъ и, наконецъ, халатное и патріархальное отношеніе къ своему дѣлу, инстинктивное отвращеніе къ прогрессу. Консерватизмъ охватываетъ всѣ стороны межеваго дѣла и царитъ надъ всѣмъ вѣдомствомъ. Со временъ Екатерины II въ межеваніи не видно никакого прогресса, нѣкоторые законы и межевые обычаи страдаютъ даже страннымъ анахронизмомъ, каково, напр., дознаніе о границахъ, существовавшихъ въ 1765 году, а это дознаніе распространяется и на тѣ губерніи, которыя были при-

соединены къ Россіи позже 1765 г. Съ начала нынѣшняго столѣтія протекло такъ много времени, богатаго глубокими реформами государственнаго и общественнаго быта, что за этотъ промежутокъ не могли не измѣниться и требованія отъ межевой части. Въ особенности освободительныя реформы прошлаго царствованія, реформы крестьянская и судейская, сильно поколебали прежнее правовое сознаніе массъ, вызвали новыя потребности государственной жизни, наконецъ оказали громадное вліяніе на землевладѣніе; межевая-же часть осталась такою-же, какъ и при Екатеринѣ; даже преобразованіе суда оставило старый канцелярскій межевой судъ. Только частичныя примѣненія старыхъ началъ къ новымъ требованіямъ времени выразили участіе межевого вѣдомства въ общей преобразовательной работѣ. Подобная изолированность представителей межевого дѣла и затѣмъ пренебреженіе къ нему со стороны общества и правительства и создали то печальное состояніе межеванія, которое требуетъ радикальной реформы и которое необходимо отразилось на спеціальной литературѣ, находящейся въ крайне жалкомъ состояніи. Не разбирая всей межевой литературы, остановимъ свое вниманіе только на ея исторической части, т. е. бросимъ общій взглядъ на состояніе литературы по исторіи межеванія земель въ Россіи до вновь появившагося труда,

Первыми работами по исторіи межеванія были труды, появившіеся въ 40-хъ годахъ нашего столѣтія, а именно труды А. Ѳ. Малиновскаго, П. И. Иванова и К. А. Неволина. Не упоминая о книгѣ Малиновскаго: „Историческій взглядъ на межеваніе въ Россіи до 1765 г." (1844 г.), гдѣ собраны лишь поясненія терминовъ древняго межеванія,—мы видимъ въ изслѣдованіяхъ Иванова и Неволина большіе успѣхи для начала науки. Въ своемъ „Опытѣ историческаго изслѣдованія о межеваніи земель въ Россіи" (1846 г.) Ивановъ сдѣлалъ первую попытку систематическаго изложенія развитія межевыхъ работъ въ нѣкоторой связи съ политической исторіей Россіи; въ этомъ состоитъ главная заслуга и особенность книги Иванова, — ни одинъ изъ послѣдующихъ историковъ межеванія не обратилъ вниманія на эту сторону развитія межевого дѣла, и ни въ одной статьѣ мысль Иванова не получила дальнѣйшаго развитія. Даже Неволинъ въ своей актовой рѣчи „объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи до Екатерины II" (1847 г.), основательно обработавъ развитіе юридической стороны межевого дѣла, въ тоже время совершенно упустилъ изъ виду главное основаніе ея—исторію поземельной собственности и вмѣстѣ съ тѣмъ бытовое значеніе межеванія. Изслѣдованіе Неволина чрезвычайно богато фактами или скорѣй указаніями на факты и на матеріалы какъ для исторіи поземельной собственности, такъ и для исторіи хода межевыхъ работъ; по фактической сторонѣ исторіи и по

изученію юридическаго значенія межевыхъ актовъ различныхъ эпохъ сочиненіе Неволина представляетъ цѣнный вкладъ въ нашу литературу, а по своему времени одно изъ замѣчательныхъ явленій науки 30-хъ и 40-хъ гг. Надо замѣтить, что вообще всѣ сочиненія Неволина, какъ и лучшія произведенія другихъ ученыхъ того времени, были посвящены внѣшней обработкѣ новаго матеріала, добытаго карамзинскимъ поколѣніемъ; они работали больше надъ формой; значеніе ихъ работъ мѣтко характеризуется словами проф. Морошкина о Неволинѣ: „великій анатомъ, онъ никогда не былъ физіологомъ". Таково было начало работъ по исторіи межеванія, но съ тѣхъ поръ прошло уже почти полвѣка; историческая литература еще на глазахъ Неволина выдвинула цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ; исторію перестали уже считать „любопытной и назидательной книгой", какою ее считалъ Неволинъ, и возвели на степень науки, изучающей развитіе общества и его быта; появилось много изслѣдованій по исторіи права и экономическаго быта Россіи, не разъ затрогивался вопросъ о поземельной собственности; разработка-же исторіи межеванія осталась въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ ее оставили Ивановъ и Неволинъ,—нѣсколько статей [1]), появившихся въ 60-хъ и 80-хъ гг., повторили старое и то въ общихъ чертахъ. Между тѣмъ новыя требованія исторической науки глубоко затрогивали вопросы исторіи межеванія; разработка послѣдней могла дать много матеріала для первой: не говоря уже о работахъ писцовъ, которыхъ еще Малиновскій совершенно вѣрно назвалъ „бытописателями народа и судьями, хорошо знающими права поземельной сабственности",—не говоря о писцовыхъ книгахъ, массу новаго бытового матеріала можно найти въ экономическихъ и камеральныхъ примѣчаніяхъ генеральныхъ землемѣровъ, да кромѣ того есть не мало интересныхъ свѣдѣній по исторіи поземельной собственности въ другихъ межевыхъ актахъ, хранящихся въ Писцовомъ Архивѣ Межевой Канцеляріи.

При подобной скудности межевой литературы и при богатствѣ неразработаннаго матеріала книга И. Е. Германа является весьма кстати и своевременно. Въ своемъ сочиненіи И. Е. Германъ, бросивъ общій взглядъ на развитіе межеванія до 1649 года, подробно изучаетъ періодъ отъ Уложенія Алексѣя Михайловича до генеральнаго межеванія при Екатеринѣ II (1765 года). Въ предисловіи г. Германъ указываетъ на научное значеніе изучаемаго періода, какъ періода, начавшагося „когда нормы древне-русскаго межевого права впервые (?) получили

[1]) Историческій очеркъ межеванія въ 1-мъ т. „Мат. для преобр. меж. ч. въ Р." 63 г. „Межевое дѣло въ Россіи" (Отеч. Зап. 65 г.) Статья г. С. Д. Рудина въ „Межевомъ Вѣстникѣ" 83 и 84 гг.

у насъ форму закона положительнаго" и окончившагося „временемъ утвержденія современныхъ началъ межеванія". Затѣмъ авторъ указываетъ на практическое значеніе своего труда: для преподавателей межевыхъ законовъ онъ важенъ тѣмъ, что ощущается большой недостатокъ въ печатныхъ пособіяхъ по исторіи межеванія за указанный періодъ; для воспитанниковъ межевыхъ учебныхъ заведеній онъ имѣетъ значеніе пособія къ самостоятельнымъ работамъ по тому-же предмету, ибо здѣсь собранъ въ одно весь обильный, но разбросанный сырой матеріалъ. Наконецъ, авторъ надѣется, что работы по преобразованію межевой части въ его трудѣ „получатъ не малое подспорье въ выводахъ, подтверждающихъ то основное положеніе этихъ работъ, что преобразованіе должно быть совершено на твердомъ фундаментѣ и въ непосредственной связи съ предъидущимъ—замѣняемымъ, и что какъ-бы ни была преобразована межевая часть, но духъ межевого законодательства, выражающійся въ существѣ основныхъ условій производства межеванія, долженъ быть сохраненъ и на будущее время".

Не отрицая большого научнаго значенія изучаемаго періода, надо замѣтить, что началомъ его нельзя считать изданіе Уложенія. Во-первыхъ, Уложеніе, по словамъ самого-же автора, явилось „выводомъ изъ законодательной дѣятельности предшествующихъ вѣковъ", и потому уже не вносило въ послѣдующее межеваніе чего-нибудь новаго, отличительнаго; въ изложеніи хода межеванія при Алексѣѣ Михайловичѣ автору даже пришлось обратиться къ изученію нѣкоторыхъ межевыхъ актовъ Михаила Ѳедоровича, вслѣдствіе того, что межеваніе Алексѣя Михайловича совершилось „на тѣхъ-же основаніяхъ и съ соблюденіемъ тѣхъ-же правилъ", что и при Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Во-вторыхъ, систематизація межевыхъ законовъ не была также нововведеніемъ Алексѣя Михайловича: такую-же систему мы можемъ усматривать въ судебникахъ 1497 и 1550 годовъ, и тѣмъ болѣе въ недошедшемъ до насъ писцовомъ наказѣ 1627 года; конечно, Уложеніе сдѣлало новый большой шагъ въ систематизированіи и укрѣпленіи законной силы межевыхъ обычаевъ, но вѣдь оно и далеко не сдѣлало въ этомъ направленіи послѣдняго рѣшительнаго шага, а оставило послѣдующимъ законодателямъ ввести въ число законовъ не мало практиковавшихся въ его время обычаевъ; примѣровъ этому не мало приведено и авторомъ въ его книгѣ. Межеваніе въ продолженіе всего московскаго періода русской исторіи носило одинъ и тотъ-же характеръ, имѣло одни и тѣже основанія, и, кромѣ улучшенія техники дѣла, оно велось въ томъ-же духѣ до манифеста 19 сент. 1765 г.; весь прогрессъ въ межеваніи за этотъ промежутокъ выражался въ постепенномъ улучшеніи технической стороны, да въ постепенномъ укрѣпленіи за обычаями силы закона, чему способствовало

усложненіе общественныхъ отношеній. И такой выводъ вполнѣ подтверждается изслѣдованіемъ автора, хотя у него и нѣтъ прямыхъ указаній на это. Такимъ образомъ начало періода писцовыхъ межеваній слѣдуетъ отнести еще въ 16-й или даже въ 15-й вѣкъ, когда наиболѣе развивалась помѣстная система—самое характерное и вліятельное явленіе для писцовыхъ межеваній; а ея значеніе авторомъ слабо выяснено и опредѣлено. Вообще авторъ, какъ при изложеніи межеванія Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича, такъ и при изученіи состоянія межевого дѣла въ 1-й половинѣ 18-го столѣтія, недостаточно изслѣдовалъ пружины, двигавшія межевое законодательство, и его значеніе въ общемъ развитіи права и общества, прошелъ молчаніемъ тѣ, такъ сказать, почву и климатъ, которые окружали и тѣмъ самымъ вліяли на развитіе межевого законодательства; авторъ не обратилъ никакого вниманія на бытовыя условія и характеръ всего законодательства даннаго періода. Отъ этого его очеркъ вышелъ блѣднымъ и неимѣющимъ того значенія, о которомъ авторъ говоритъ въ предисловіи. Если не выяснены мотивы стараго закона и условія его появленія, то знакомство съ нимъ для насъ не имѣетъ большого научнаго и практическаго значенія. Разсматриваемая книга есть добросовѣстный и богатый содержаніемъ систематическій сборникъ сыраго матеріала по исторіи межеванія за указанный періодъ; въ ней вы найдете подробное изложеніе всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ межевыхъ законовъ и постановленій, постепенное развитіе межевого законодательства въ самомъ себѣ, довольно подробное указаніе хода межевыхъ и картографическихъ работъ, большое количество образцевъ межевыхъ актовъ, а иногда даже тщательное изученіе нѣкоторыхъ ближайшихъ причинъ и слѣдствій межевыхъ законовъ, каковы напр. постановленія Петра Великаго о помѣстныхъ владѣніяхъ. Научное значеніе книги И. Е. Германа и выражается въ систематическомъ собраніи разбросаннаго сырого матеріала; онъ въ своемъ сочиненіи идетъ по слѣдамъ Неволина и довольно удачно продолжаетъ его дѣло, оставляя безъ вниманія плодотворную мысль своего другого предшественника, Иванова. Наконецъ, практическое значеніе книги авторомъ также отчасти достигнуто: его книга—прекрасное пособіе для преподавателей и учащихся, но по ней вы, конечно, не можете прослѣдить развитіе межевого дѣла въ бытовыхъ условіяхъ, не можете постигнуть „духъ межевого законодательства, выражающагося въ основныхъ условіяхъ производства межеванія“, и не найдете твердаго историческаго фундамента для работъ по преобразованію межевой части. Въ поясненіе окончательныхъ выводовъ о новой книгѣ надо сказать нѣсколько словъ о значеніи и задачахъ исторіи межеванія.

Исторія межеванія, какъ часть исторіи права, должна заниматься изу-

ченіемъ условій возникновенія и развитія юридическихъ отношеній въ народа сферѣ межевого права. Она изучаетъ совокупность историческихъ и бытовыхъ условій происхожденія законодательныхъ мѣръ по межеванію, условія ихъ дальнѣйшаго развитія и конечныхъ результатовъ; изслѣдуетъ, насколько межевыя учрежденія и постановленія удовлетворяли требованіямъ времени и общества, а потому какихъ результатовъ они достигли; наконецъ, изучаетъ послѣдовательное развитіе поземельной собственности, какъ основного элемента общественныхъ отношеній въ области межевого права. „Исторія государственнаго межеванія, говоритъ Неволинъ, по внутреннему существу своему представляетъ намъ исторію образованія поземельной собственности не только въ законодательномъ, но и въ статистическомъ отношеніи". И такъ, предметомъ исторіи межеванія является развитіе межевыхъ учрежденій и законовъ въ зависимости отъ бытовыхъ условій народной жизни въ данный историческій моментъ. Таковы требованія современной исторической науки въ приложеніи къ исторіи межеванія. Мы уже видѣли изъ краткихъ замѣчаній о литературѣ по исторіи межеванія, что ни одно сочиненіе подобнаго рода не соотвѣтствуетъ этимъ требованіямъ: въ нихъ, не исключая и новой книги, излагается исторія предпринимавшихся межевыхъ работъ въ хронологическомъ порядкѣ, излагается содержаніе законодательныхъ памятниковъ почти безъ всякой критики и, наконецъ, излагаются результаты всѣхъ этихъ мѣръ, какъ они освѣщаются въ позднѣйшихъ межевыхъ актахъ; бытовая обстановка здѣсь совершенно забыта, внутреннія основанія развитія межевого дѣла и естественная связь межевыхъ памятниковъ съ другими законодательными актами ими игнорируется. Поэтому можно смѣло утверждать, что въ нашей литературѣ совершенно нѣтъ научной исторіи межеванія, а между тѣмъ какое громадное значеніе она имѣетъ и въ теоретическомъ, и въ практическомъ отношеніяхъ!

Въ настоящее время въ нашей исторической литературѣ выдвинутъ на первый планъ вопросъ объ экономическомъ и юридическомъ бытѣ древней и новой Россіи, новѣйшіе ученые не только посвящаютъ свои изслѣдованія вопросамъ этого рода, но даже въ своихъ построеніяхъ выводятъ основнымъ историческимъ элементомъ развитіе экономическихъ и юридическихъ отношеній русскаго народа. Вотъ почему исторія межеванія, какъ занимающаяся развитіемъ главнаго юридическаго и экономическаго двигателя русской жизни, именно развитіемъ поземельной собственности, безъ сомнѣнія, можетъ дать много богатаго матеріала и освѣтить нѣкоторые вопросы русской исторіи. Съ одной стороны масса сырого, неразработаннаго матеріала объ экономическомъ состояніи Россіи заключаютъ въ себѣ (межевые) акты писцовыхъ и генеральныхъ межеваній, а съ другой, надлежащее широ-

кое изученіе исторіи межеванія земель представитъ вѣрный и полный очеркъ развитія поземельной собственности. Вотъ научное значеніе исторіи межеванія; еще бо́льшее значеніе она имѣетъ въ практическомъ приложеніи. Ни одна изъ вышедшихъ книгъ не отрицаетъ практическаго значенія ея, всѣ онѣ прежде всего полагаютъ, что прошедшее имѣетъ тѣсную связь съ настоящимъ, и потому считаютъ непремѣннымъ условіемъ прогресса въ межевомъ дѣлѣ знакомство съ исторіей. Къ этому слѣдуетъ добавить, что исторія межеванія только тогда окажетъ серьезное вліяніе на реформу, когда будетъ слѣдить за развитіемъ общаго строя межевой части, за развитіемъ внутренней жизни межевыхъ учрежденій, будетъ изучать смыслъ общаго движенія межевого дѣла въ бытовой обстановкѣ. Если мы найдемъ основныя пружины, двигавшія межевое дѣло въ извѣстную эпоху, найдемъ причины того или другого порядка вещей въ жизни межевыхъ учрежденій, узнаемъ бытовую сторону межеванія,—тогда мы можемъ, во-первыхъ, познакомиться съ общими законами развитія межевого дѣла, а, во-вторыхъ, найти тѣ или другія условія происхожденія современнаго положенія межевого дѣла, насколько оно служитъ продуктомъ своего прошлаго. Какъ изученіе исторіи права ведетъ къ познанію общаго духа законодательства, такъ и исторія межеванія знакомитъ съ общимъ духомъ межевого дѣла и права. Таково главное практическое значеніе исторіи межеванія, и достигнуть его она можетъ лишь при удовлетвореніи современныхъ требованій исторической науки. Историку межеванія предстоитъ прежде всего изучить происхожденіе различныхъ мѣропріятій въ извѣстный періодъ, опредѣлить въ какой зависимости они стоятъ съ другими современными законодательными мѣрами правительства, а также какъ они относятся къ старымъ межевымъ памятникамъ, затѣмъ изучить бытовое значеніе ихъ и состояніе землевладѣнія въ изслѣдуемую эпоху и, наконецъ, опредѣлить цѣли межевыхъ работъ и степень вмѣшательства государственной власти. Изслѣдованіе самихъ работъ не слѣдуетъ ограничивать поверхностнымъ знакомствомъ съ техническими пріемами и межевыми актами той эпохи, но должно заняться и болѣе глубокимъ изученіемъ юридической стороны межеванія и болѣе внимательнымъ изученіемъ представителей дѣла и ихъ взаимныхъ отношеній къ обществу и государству. Въ заключеніе всего необходимо изучить результаты межевыхъ работъ не только по послѣдующимъ законодательнымъ памятникамъ, но и по другимъ современнымъ извѣстіямъ, а также и по положенію землевладѣнія. Таковы научныя требованія отъ изученія исторіи межеванія, и выполненія ихъ мы не находимъ въ изслѣдованіи И. Е. Германа.

Въ заключеніе выскажемъ пожеланіе, чтобъ новый добросовѣстный и

обильный сборникъ не пропалъ бы даромъ, а возбудилъ бы дальнѣйшую разработку исторіи межеванія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего межевого дѣла. Развитіе литературы будетъ вѣрнымъ средствомъ для излѣченія больного мѣста межевой части; она возбудитъ интересъ въ обществѣ къ насущнымъ межевымъ вопросамъ, она же послужитъ лучшею проводницею общественнаго интереса и единенія въ среду межевыхъ. Здѣсь, только на почвѣ научныхъ вопросовъ, возможно выработать болѣе широкій взглядъ, отсутствіемъ котораго такъ сильно страдаетъ наша литература, и здѣсь же можетъ зародиться сплоченность, которая необходима для первыхъ шаговъ на пути радикальной реформы межевого дѣла.

О допросѣ свидѣтелей въ коммерческихъ судахъ. Въ уставѣ торговаго судопроизводства имѣется статья 286, по которой свидѣтели, выставляемые по дѣлу сторонами, допрашиваются назначеннымъ для того членомъ суда. Нѣтъ сомнѣнія, что такой порядокъ сокращаетъ продолжительность судебныхъ засѣданій на то количество времени, которое потребовалось бы для допроса свидѣтелей въ самомъ засѣданіи. На практикѣ нерѣдко случается, что допросъ свидѣтелей отряженнымъ для того членомъ коммерческаго суда длится даже все то время, пока въ залѣ судебныхъ засѣданій идетъ разборъ назначенныхъ дѣлъ. Ясно, что происходи допросъ въ этой послѣдней, судъ зачастую былъ бы вынужденъ все засѣданіе, или болѣе или менѣе значительную его часть, посвящать допросу свидѣтелей, назначая разборъ дѣлъ на болѣе отдаленные дни. Ясно такимъ образомъ, что быстрота вершенія исковъ оттого бы соотвѣтственно пострадала. Но не покупается ли эта быстрота слишкомъ дорогою цѣной, именно нарушеніемъ требованій правосудія? Я думаю, что при существованіи порядка, узаконеннаго 286 ст., интересы правосудія часто могутъ пострадать безъ всякой вины со стороны личнаго состава суда, а именно только по причинѣ негодности для правосудія самаго этого порядка.

Въ самомъ дѣлѣ, означенный порядокъ допроса свидѣтелей, какъ одна изъ стадій гражданскаго процесса, стоитъ въ противорѣчіи съ требованіемъ гласности и устности сего послѣдняго. Обстановка допроса свидѣтелей отдѣльнымъ членомъ, въ одной изъ комнатъ, занимаемыхъ судомъ,—сегодня въ одной, завтра—въ другой, нерѣдко въ двухъ комнатахъ сразу, при допросѣ двумя различными членами различныхъ свидѣтелей, обстановка эта такова, что почти исключаетъ публичность допроса. Нѣтъ для сего послѣдняго разъ навсегда отве-

деннаго помѣщенія, и хотя публика имѣетъ право присутствовать при допросѣ, но часто въ комнатѣ, гдѣ допрашиваются свидѣтели, постороннему посѣтителю не найдется и мѣста. Допросъ отдѣльнымъ членомъ, происходящій только въ присутствіи сторонъ, имѣетъ такимъ образомъ какой-то домашній характеръ, который лица, могущія имѣть желаніе находиться при допросѣ, стѣсняются нарушать.

Итакъ публичность или гласность допроса свидѣтелей отдѣльнымъ членомъ отсутствуетъ если не по закону, то по самому характеру и обстановкѣ порядка допроса по ст. 286. Затѣмъ, существованіе сего порядка противорѣчитъ устности гражданскаго судопроизводства. Въ самомъ дѣлѣ, показаніе, отобранное отдѣльнымъ членомъ суда, заносится имъ на бумагу, а предъ судомъ, при докладѣ и разборѣ дѣла, показаніе это *прочитывается* наряду съ другими письменными актами и документами. Судъ, такимъ образомъ, самъ непосредственно не слышитъ показанія свидѣтеля, онъ самъ не видитъ его и въ данный моментъ не можетъ in corpore провѣрить ни своего впечатлѣнія, производимаго доложеннымъ показаніемъ, ни своего недоразумѣнія, которое можетъ при этомъ возникнуть. Такой порядокъ имѣетъ всѣ недостатки *письменнаго* производства былого времени. Кому, въ самомъ дѣлѣ, не извѣстно, что письменное изложеніе устныхъ объясненій далеко не всегда служитъ вѣрнымъ отраженіемъ всѣхъ оттѣнковъ устныхъ отвѣтовъ? И это въ особенности нужно сказать о показаніяхъ свидѣтеля, который нерѣдко имѣетъ побужденіе скрывать истину или даже утверждаетъ ложное. При описанномъ же домашнемъ характерѣ допроса, при отсутствіи торжественной обстановки публичнаго засѣданія, гдѣ свидѣтель чувствуетъ за собою десятки глазъ и ушей публики, свидѣтели зачастую не стѣсняются говорить такимъ языкомъ, за которымъ явно скрывается неправда или неполная правда; протоколъ же допроса, занося на свои страницы рѣчь свидѣтеля, не въ состояніи передать ея тона, духа, который такимъ образомъ для суда, рѣшающаго дѣло, остается неизвѣстнымъ, между тѣмъ въ немъ-то иногда и заключается основа для оцѣнки показанія. При этомъ возможны такіе случаи, что показаніе, данное предъ лицомъ всего суда, было бы отвергнуто по глубокому убѣжденію судей; будучи же прочитано въ болѣе или менѣе удачномъ письменномъ изложеніи, оно будетъ ими принято согласно его буквальному смыслу, или по формальному соображенію... хотя бы напримѣръ *количества* свидѣтельствующихъ объ извѣстномъ обстоятельствѣ, тогда какъ при личномъ выслушиваніи свидѣтеля всѣмъ составомъ суда вѣра можетъ быть дана и одному свидѣтелю противъ многихъ.

При дѣйствующемъ въ коммерческомъ судопроизводствѣ порядкѣ допроса свидѣтелей, на практикѣ выступаетъ еще одно неудобство,

вытекающее изъ того, что допрашивающій членъ не рѣшаетъ дѣла; онъ—лишь исполнитель даннаго ему порученія, которое излагается въ частномъ опредѣленіи суда тоже не всегда въ выраженіяхъ, исключающихъ возможность какихъ-либо недоразумѣній. Отсюда являются два послѣдствія: допрашивающій членъ хотя и имѣетъ право за каждый „перерывъ рѣчи“ свидѣтеля оштрафовать виновнаго на три рубля [1]), но не можетъ чувствовать за тобою того *судебнаго* авторитета, которому бы могли подчиниться стороны, а эти послѣднія, находясь предъ лицомъ не суда, а лишь его делегата, нерѣдко возбуждаютъ пререканія о томъ, какіе вопросы можно предлагать свидѣтелю и какіе нельзя, что именно въ частномъ опредѣленіи о допущеніи свидѣтельскихъ показаній, по ихъ мнѣнію, предусмотрѣно или не предусмотрѣно. Очень понятно, почему это дѣлается: что выгодно одной сторонѣ, то невыгодно другой. Но независимо отъ законности и незаконности самыхъ вопросовъ, обращаемыхъ къ свидѣтелямъ, все-таки слѣдуетъ сказать, что предъ судомъ, рѣшающимъ самое дѣло, подобныя пререканія едва-ли бы возникали, а еслибы и возникли, то судъ и есть единственный компетентный органъ для немедленнаго ихъ разрѣшенія.

Высказываясь, однако, въ пользу допроса свидѣтелей въ публичномъ засѣданіи коммерческихъ судовъ, подобно тому, какъ это дѣлается въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ, слѣдуетъ отвергнуть тотъ порядокъ допроса, какой существовалъ въ С.-Петербургскомъ коммерческомъ судѣ (по крайней мѣрѣ въ 70-хъ годахъ); тамъ свидѣтель допрашивался въ судебномъ засѣданіи, но для изложенія его показанія свидѣтель отправлялся въ канцелярію суда, гдѣ чиновникъ, на основаніи пересказа даннаго показанія свидѣтеля секретаремъ, присутствовавшимъ при его допросѣ, излагалъ это показаніе на бумагѣ и давалъ подписывать свидѣтелю. Понятно, что подобнаго рода порядокъ отличался мѣшкотностью, вызывалъ недоразумѣнія и, кажется, означеннымъ судомъ болѣе не примѣняется. Единственный желательный порядокъ состоялъ бы въ томъ, чтобы показаніе свидѣтеля, данное въ публичномъ засѣданіи, тутъ же излагалось на письмѣ, прочитывалось и подписывалось свидѣтелями.

Н. Ржондковскій,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНСК... БИБЛІОТЕКА ...ЕНСКАЯ УПРАВ...

[1]) См. весьма неудовлетворительно изложенныя ст. 295, 296 у. с. т.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.